

АЛЕКСАНДР ГОГУН

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

СТАЛИНСКИЕ КОММАНДОС

УКРАИНСКИЕ
ПАРТИЗАНСКИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ

УДК 94(477)1941/1944
ББК 63.3(2)622.5
Г58

Г58 **Гогун А.**
Сталинские командос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944 / А. Гогун. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 527 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1634-6

Безоглядное применение тактики выжженной земли, умышленное провоцирование репрессий оккупантов против мирных жителей, уничтожение своих же деревень, хаотичный сбор у населения «продналога», дополнявшийся повседневным разбоем, пьянством, развратом и насилием, братоубийственные внутренние конфликты, употребление допинга, оперативное использование оружия массового поражения и, наконец, людоедство – все это было не случайным следствием массового кровопролития и не являлось спонтанным «народным ответом» на жестокость нацистского господства, а стало закономерными проявлениями сталинской войны на уничтожение.

УДК 94(477)1941/1944
ББК 63.3(2)622.5

ISBN 978-5-8243-1634-6

© Гогун А., 2012
© Российская политическая
энциклопедия, 2012

Памяти Анатолия Кентия

Автор выражает признательность историкам, без содействия которых эта работа не появилась бы на свет: Кириллу Александрову, Арндту Бауэркемперу, Карелю Беркхоффу, Рафалу Внуку, Александру Вовку, Владимиру Гинде, Давиду Голику, Ивану Дерейко, Ивану Капасю, Сергею Кокину, Хироаки Куромие, Бернарду Кьяри, Владимиру Лозицкому, Александру Лысенко, Гжегожу Мотыке, Богдану Мусиалю, Рольфу-Дитеру Мюллеру, Дитмару Нойтатцу, Ивану Патриляку, Татьяне Пастушенко, Сергею Полтораку, Георгию Смирнову, Тимоти Снайдеру, Ярославу Тинченко, Кристиану Унгвари, Анне Цехентер, Себастиану Штопперу.

Монография написана благодаря поддержке фонда Конрада Аденауэра, Центра исследования Холокоста и геноцида (Амстердам), фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf) и Гарвардского института украинистики (HURI).

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что в условиях глобального распространения конфликтов слабой интенсивности опыт советской партизанской войны становится все более актуальным и востребованным, достойных обобщающих работ по этой теме не так уж и много.

До 1991 г. ученым приходилось работать в сложных условиях, но и демократизация не привела к исследовательскому буму в этой области в Восточной Европе. Ряд авторов публикуют свои монографии без ссылок на источники¹, в книгах других научность ограничивается внешними признаками².

Наиболее профессиональные работы по истории советской партизанской борьбы в последнее время изданы в Украине. Это две коллективные монографии архивистов: «Украина партизанская»³, вышедшая в 2001 г., и совместная работа Анатолия Кентия и Владимира Лоцицкого с любопытным названием «Война без пощады и милосердия»⁴, опубликованная в 2005 г. Первая представляет собой содержательный справочник по основным украинским партизанским формированиям, вторая является лучшим на настоящий момент исследованием истории советских партизан. Все проблемы, которые изучаются в предлагаемой читателю работе, в книге А. Кентия и В. Лоцицкого обозначены. Вместе с тем авторы в предисловии откры-

¹ *Чайковский А. С.* Невідома війна. Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр. Мовою документів, очима історика. К., 1994; *Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002; *Боярский В. И.* Партизаны и армия: История утерянных возможностей / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск; М., 2003.

² Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001; *Попов А. Ю.* 1) НКВД и партизанское движение. М., 2003; 2) Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004; и др.

³ Україна партизанська. Партизанські формування та органи керівництва ними (1941–1945 рр.): Науково-довідне видання / автори-упорядники: О. В. Бажан, А. В. Кентій, В. С. Лоцицький та ін. К., 2001.

⁴ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя: Партизанський рух у тилу вермахта в Україні (1941–1944). К., 2005.

то заявляют о том, что «наиболее острые и горячие вопросы» истории партизанской борьбы в монографии не высвечиваются⁵, и оставляют эту задачу для будущих исследований.

Ряд украинских и польских авторов опубликовали заслуживающие внимания работы по смежным вопросам или узким проблемам рассматриваемого явления⁶.

В германской историографии⁷ наибольшего интереса заслуживает монография Эриха Гессе «Советско-русская партизанская война 1941–1944 гг. в зеркале немецких военных сводок и приказов»⁸, изданная в 1969 г. Среди достижений англоязычной историографии можно назвать написанный на основе немецких архивов и советских публикаций сборник статей под редакцией Дж. Армстронга «Советские партизаны во Второй мировой войне»⁹. На настоящий момент обе работы полностью устарели.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ *Елисаветский С.* Полвека забвения: Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). К., 1998; *Льюшин И. И.* 1) Протістоання УПА і АК (Армії Крайової) в роки Другої світової війни. На тлі діяльності польського підпілля в Західній Україні. К., 2001. 2) Волинська трагедія 1943–1944 р. К., 2003; *Juchniewicz, Mieczysław* Na Wschód od Bugu. Polacy w walce antyhitlerowskiej na ziemiach ZSRR 1941–1945. Warszawa, 1985; *Góra Władysław, Juchniewicz Mieczysław, Tobiasz Julian.* Udział Polaków w radzieckim ruchu oporu. Warszawa, 1972; *Romanowski, Wincenty* ZWZ–AK na Wołyniu 1939–1944. Lublin, 1993; *Węgierski Jerzy* 1) W lwowskiej Armii Krajowej. Warszawa, 1989; 2) Armia Krajowa w Okręgach Stanisławów i Tarnopol. Kraków 1996; *Motyka Grzegorz.* 1) Tak było w Bieszczadach: walki polsko-ukraińskie, 1943–1948. Warszawa, 1999. 2) Ukraińska partyzantka 1942–1960. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów (OUN) i Ukraińskiej Powstańczej Armii (UPA). Warszawa, 2006.

⁷ Общій обзор германоязычной и англоязычной историографии советских партизан см.: *Brakel Alexander.* „Das allergefährlichste ist die Wut der Bauern“. Die Versorgung der Partisanen und ihr Verhältnis zur Zivilbevölkerung. Eine Fallstudie zum Gebiet Baranowicze 1941–1944 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Sonderdruck aus Heft 3/2007. S. 393–399.

⁸ *Hesse Erich.* Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle. Göttingen-Zürich-Frankfurt, 1969.

См. также две работы по близкой проблеме, зеркально отображающие одна другую: *Arnold Klaus Jochen.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegführung und Radikalisierung im „Unternehmen Barbarossa“. Berlin, 2005; *Pohl Dieter.* Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008.

⁹ *Soviet Partisans in World War II / Armstrong John* (ed). Madison, 1964. Русский перевод издан в виде двухтомника: *Армстронг Дж.* 1) Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944 / пер. с англ. О. А. Федяева. М., 2007; 2) Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943 / пер. с англ. О. А. Федяева. М., 2007.

Из англоязычной историографии отметим также: *Dallin Alexander.* Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958; *Berkhoff Karel.* Harvest of Despair: Life and Death in the Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004.

Любопытная книга Кеннета Слепяна «Сталинские герильеры» вышла в 2006 г. в США¹⁰. В этой монографии используются документы из восточноевропейских архивов, но Украине уделяется второстепенное внимание, поскольку в УССР воевало меньшинство партизан СССР.

Та же самая характеристика относится и к работе смоленского историка Игоря Щерова¹¹.

Поскольку в представленной читателю монографии акцент сделан на изучении малоисследованных сторон истории партизанских формирований, данная книга – не «опровержение» упомянутых работ, а дополнение к ним.

Объектом исследования является советская партизанская война на территории Украины в 1941–1944 гг. Основная задача работы – дать многомерную картину этого противостояния, уделяя особое внимание его малоизученным аспектам. Важно выяснить специфику деятельности украинских партизан, ответить на вопрос: в чем проявлялась их «советскость»?

Широко распространен тезис о том, что едва ли не любые экстремальные общественные явления в ходе войны были вызваны самим фактом массового кровопролития. На обывательском уровне это выражается высказываниями вроде: «Это же была война!»¹² Отметим примитивность такого взгляда. В различные времена в разных культурах способы ведения войны существенно различались. Например, для междоусобных войн раджей в средневековой Индии, а также для противоборства сегунов и иных феодалов Японии в XIV–XVI вв. были присущи высокая степень регламентированности методов ведения боевых действий и наличие уважения к противнику. Сложно также охарактеризовать, скажем, войны князей-родственников (Рюриковичей) в средневековой Руси или религиозные побоища во Франции Нового времени. Очевидно, что различались методы ведения войны не только в разные эпохи и у разных народов, но и в разных общественных системах, у разных политических сил, и важно эти особенности выявлять и описывать.

Другой популярной точкой зрения является мысль о том, что все жестокости Второй мировой войны в Европе были вызваны целями

¹⁰ *Slepyan Kenneth*. Stalin's Guerrillas. Soviet Partisans in World War II. University Press of Kansas, 2006.

¹¹ *Щеров И. П.* Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945). Смоленск, 2006.

¹² *Musial Bogdan*. Sowjetische Partisanen. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009. S. 358.

Третьего рейха и нацистскими методами борьбы. На спорность такой посылки применительно к советско-германской войне указывает хотя бы то обстоятельство, что в СССР массовый террор проводился в значительных масштабах в то время, когда нацистского режима еще не существовало. Поэтому целесообразно поставить вопрос о том, насколько обе системы в ходе войны влияли на ее ожесточение. Ведущий российский исследователь нацизма Олег Пленков выразил распространенное мнение: «В рамках сталинской тоталитарной системы по-другому вести войну просто было нельзя, но, с другой стороны, в этом и заключался трагизм положения – иначе Вермахт было не одолеть»¹³. Поэтому важно попытаться дать и ответ на вопрос об эффективности коммунистических методов ведения войны на примере действий красных партизан.

При отборе материала особое внимание уделено истории деятельности партизан Сидора Ковпака и Алексея Федорова, возглавлявших, соответственно, Сумское и Черниговское (со временем – Черниговско-Волынское) соединения. Именно эти два партизанских вожака – к слову, украинцы по национальности – дважды удостоились высшей государственной награды – Звезды Героя Советского Союза. Кроме них, ни один партизан на всей оккупированной территории СССР не получил столь высокой официальной оценки своей деятельности. Их отряды были также базовыми соединениями для украинских партизанских формирований. Ковпак и Федоров были глубоко интегрированы в советскую систему власти до и после войны. Поэтому важно выяснить, были ли некоторые особенности советских партизанских формирований характерны и для «образцовых» партизан. Особенный интерес представляет также отряд (позже – соединение) под командованием Александра Сабурова, который был в числе первых украинских партизан, награжденных Звездой Героя Советского Союза. Никакое другое соединение, подчиненное Украинскому штабу партизанского движения (УШПД), не послужило базой для создания столь значительного количества самостоятельных партизанских отрядов и соединений. Своим коллегой Михаилом Наумовым Александр Сабуров был метко назван «инкубатором партизанского движения»¹⁴. Среди будущих задач исследователей – подробное изучение тех отрядов и соединений, руководство которых не удостоилось значимых наград, а, наоборот, подвергалось критике УШПД.

¹³ Пленков О. Ю. Третий Рейх. Война: до критической черты. СПб., 2005. С. 193.

¹⁴ Дневник командира соединения украинских кавалерийских отрядов М. Наумова, запись от 24 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 80).

Украина как нельзя лучше подходит для прояснения обозначенных выше вопросов, причем не только из-за доступности источников. В годы советско-германской войны наряду с коммунистическими формированиями здесь существовало два массовых антисоветских партизанских движения – Украинская повстанческая армия и польская Армия Крайова. Поэтому возможности для сопоставления и сравнения на примере Украины лучше, нежели на примере, скажем, Белоруссии.

В работе автор пытался следовать общенаучным методам синтеза и анализа, индукции и дедукции, соблюдать принцип историзма и не забывать об объективности. К сожалению, ряд авторов даже и не пробуют преодолеть субъективность, личностные характеристики исследователей, выдумывают и культивируют разнообразные «северные», «южные» и «марсианские» «взгляды». Такие «специалисты» не стремятся смотреть на события давних лет из кабинета исследователя, а не из окопа. В этом случае научные и околонуточные круги являются точным слепком погрязшего в ксенофобии современного мира. Особенно часто «этническое» видение прошлого и окружающей гуманитарной реальности, «психология осажденной крепости» встречаются в исторических кругах Центральной и Восточной Европы, попавших из лагеря реального социализма в плен столь разноцветных шовинистических химер. Книга опирается на опубликованные сборники материалов¹⁵,

¹⁵ *Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. У двох книгах. Книга друга. К., 1994; Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. II–III. М., 2000–2003. К сожалению, обе работы сделаны с нарушением общепринятых стандартов публикации документов.

См. также: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 20 (9). М., 1999.

Україна в Другій Світовій війні у документах: Збірник німецьких архівних матеріалів / упоряд. В. М. Косика. Т. 1–4. Львів, 1997–2000 (Критику этой работы см.: *Кульчицький С. В.* Передмова // Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Історичні нариси. К., 2005 С. 10).

Работы Владимира Сергийчука содержат массу документов, однако качество их публикации оставляет желать лучшего: *Сергийчук В.* 1) ОУН–УПА в роки війни. Нові документи і матеріали. К., 1996; 2) Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–1953 рр. Нові документи і матеріали. К., 1998; 3) Радянські партизани проти ОУН–УПА. К., 2000; 4) Новітня каторга. Військовополонені та інтерновані Другої світової в УРСР. К., 2001; 5) Поляки на Волині у роки Другої світової війни. Документи з українських архівів і польські публікації. К., 2003; 6) Український здвиг: Прикарпаття. 1939–1955. К., 2005; і др.

Сообразно всем научным стандартам изданы сборники на украинском и польском языках: Волинь і Полісся: УПА та заплілля 1943–1944: Документи і матеріали / упор. О. Вовк, І. Павленко. Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. К.; Торонто, 1999; Боротьба про-

мемуаров¹⁶, а также документов из архивов Германии¹⁷, Украины¹⁸, Польши¹⁹ и России²⁰. К сожалению, далеко не все соответствующие восточноевропейские архивохранилища и не все фонды доступны, наиболее сложная для историков ситуация сложилась в РФ.

Критика источников, в тех случаях, когда она необходима, проводится в ходе самого исследования²¹. Во введении же скажем о том,

ти УПА і націоналістичного підпілля: інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії НКВС–МВС, МДБ–КДБ. 1943–1959. Книга перша: 1943–1945. Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. К.; Торонто, 2002; Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. T. II. Czerwiec 1941 – kwiecień 1943. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990; Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. Tom. III. Kwiezień 1943 – lipiec 1944. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990.

См. также: *Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 1939–1945. T. I. 1939–1942. Wydanie drugie. Warszawa, 1972; Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 193.1945. T. II. 1943–1945. Wydanie drugie. Warszawa, 1972.*

¹⁶ См. мемуары, опубликованные при жизни Ильи Старинова: 1) Записки диверсанта. М., 1997; 2) Мины замедленного действия. М., 1999. К сожалению, ряд мемуаров опубликованы после смерти их авторов: *Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001; Ильин В. П. Партизаны не сдаются! Жизнь и смерть за линией фронта. М., 2007; Никольский В. 1) ГРУ в годы Великой Отечественной войны. М., 2006; 2) Аквариум-2. М., 1997.*

Работы «польской советской» мемуаристики представляются даже более достоверными: *Przez wroczyska Wolynia i Polesia. Warszawa, 1962; Kunicki Mikolaj. Pamietnik "Muchy". Warszawa, 1967.*

¹⁷ Bundesarchiv, Berlin (далее – ВАВ); Bundesarchiv – Militärarchiv (далее – ВА–МА).

Военный архив представляет собой филиал Федерального архива Германии. В ряде случаев листы, хранящиеся в папках (делах) в этих двух отделениях одного архива, не пронумерованы. При цитировании таких документов указывается только номер дела.

¹⁸ Центральный державний архів громадських об'єднань України (далее – ЦДАГО); Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (далее – ЦДАВО); Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее – ГДА СБУ).

¹⁹ Archiwum Akt Nowych (далее – ААН).

²⁰ Центральный архив министерства обороны РФ (далее – ЦАМО), Российский государственный военный архив (далее – РГВА), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

²¹ При цитировании документов в сноске по возможности указываются следующие параметры (их последовательность в зависимости от ситуации может меняться): тип документа, тема, его номер или шифр, автор-составитель, респондент (или – в кавычках – псевдонимы составителя и респондента), дата, архивная ссылка. В случаях, когда авторов документа или респондентов несколько, указывается имя наиболее значимых из них (занимающих более высокую должность или носящих более высокое звание). В случае, когда невозможно определить один или несколько параметров документа, при цитировании указываются только имеющиеся, отсутствие остальных обычно не обозначается (в т. ч., например, неразборчивая подпись, дата и т. п.). В ряде случаев указываются предположительные параметры документа (например, время составле-

что все без исключения стороны противостояния в Украине в 1941–1944 гг. практиковали приписки в оперативных отчетах, преувеличивая собственные успехи в глазах руководства. В частности, читая отчеты Вермахта и полицейских структур, обычно крайне сложно определить, сколько человек среди обозначенных «уничтоженных партизан» на самом деле были партизанами, а не мирными жителями, да и не выдумка ли все это. Кроме того, обычно сообщения немецкой стороны о настроениях населения оккупированной территории Украины преувеличивают степень симпатии мирных жителей к захватчикам. Вызвано это двумя причинами: с одной стороны, нацисты считали себя освободителями, с другой – в своих отчетах «наверх» функционеры оккупационной администрации пытались представить себя грамотными управленцами, которые умеют ограбить и репрессировать население столь профессионально, что последнее за это даже остается им благодарно. Также важно оговорить, что ряд даже внутренних документов бандеровцев о партизанах может содержать неоправданно острые оценки: Центральный провод ОУН примерно с 1943 г. дал на места установку о сборе компромата на красных. Да и сведения самих партизан, в том числе вожаков, друг о друге нередко субъективны: ряд сообщений и докладных записок составлялся в конфликтные моменты. И только привлечение разнообразных источников, в которых информация об одних и тех же фактах и явлениях повторяется, может позволить создать по-настоящему правдивую картину деятельности красных партизан.

ния, респондент и т. д.). Если название документа оригинальное, то оно приводится в кавычках, если тип и/или содержание документа определен автором монографии – без кавычек. Предположительный характер одного из параметров документа либо оговаривается, либо обозначен знаком вопроса. В случае, если название документа слишком длинное, оно сокращено. Сокращение обозначено многоточием. При цитировании опубликованных документов указываются лишь часть его параметров, т. е. правила republication отрывков уже обнародованных материалов менее строги. При частой повторяемости авторов и респондентов документов, их должность и имя не указывается (указывается лишь фамилия – например, Хрущев, Ковпак, Сабуров, Строкач и т. д.). При цитировании документов на немецком, украинском или польском языках переводы как названия документа, так и его содержания обычно сделаны автором. В противном случае авторство перевода оговаривается. Публикуемые материалы по возможности приведены в соответствие с современными грамматическими нормами русского языка при сохранении стиля оригинала. Исправление ошибок специально не обозначается. Расшифровка сокращений и незначительные смысловые авторские добавления – как в сносках, так и в основном тексте – даны в квадратных скобках без обозначения авторских инициалов. Более значимые поясняющие авторские примечания даны в круглых скобках с обозначениями инициалов автора. Крупные сокращения в тексте документа обозначены многоточием в круглых скобках, незначительные – простым отточием.

Перед тем как начать рассмотрение операций украинских партизан, необходимо коротко описать театр военных действий.

Между Первой и Второй мировыми войнами населенная украинцами территория была поделена между четырьмя государствами: Советским Союзом, Польшей, Румынией и Чехословакией.

Восточная и центральная часть Украины входила в состав СССР под названием Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР).

Западная Украина – исторические регионы Волынь и Восточная Галиция (украинская Галиция) – входила в состав Польши.

Северная Буковина и Южная Бессарабия были частями королевской Румынии.

Закарпатский регион являлся частью Чехословакии.

В 1930-х гг. украинское население УССР подвергалось политике русификации, в Западной Украине – полонизации, в Северной Буковине и Южной Бессарабии – румынизации.

Наибольшим изменениям в период между двумя мировыми войнами подверглась советская Украина, где происходили те же социалистические преобразования, что и на остальных территориях Советского Союза: коллективизация, индустриализация и культурная революция, выразившаяся в том числе в терроре 1937–1938 гг. Традиционный уклад жизни большинства населения в несоветских областях Украины в межвоенное время, напротив, нарушен не был.

В преддверии и в ходе Второй мировой войны в Восточной Европе произошли территориальные изменения.

В конце 1938 и начале 1939 г. (вначале – в результате Мюнхенского договора, а потом в ходе полного уничтожения Чехословацкого государства) Закарпатская Украина вошла в состав Венгрии, где и оставалась до конца 1944 г. Западная Украина в ходе советско-польской войны в сентябре 1939 г. вошла в состав УССР в виде шести областей: Ровенская и Волынская (Волынь), а также Львовская, Дрогобычская²², Станиславская и Тернопольская (восточная Галиция).

В конце июня – начале июля 1940 г. Румыния уступила Советскому Союзу территорию Бессарабии и Северной Буковины. Большая часть Бессарабии, населенная преимущественно молдаванами, составила основу Молдавской ССР. Северная Буковина и южная Бессарабия вошли в состав УССР под названием Черновицкой и Измаильской областей²³.

²² В настоящий момент бывшая Дрогобычская область входит в состав Львовской области.

²³ В настоящий момент бывшая Измаильская область входит в состав Одесской области.

На присоединенных землях начался многосложный процесс советизации. Наибольшее впечатление на местных жителей произвели две его составляющих: создание новой системы власти и начатые этой властью массовые репрессии.

О пришествии советских аппаратчиков беспартийный националист Тарас Боровец вспоминал со смесью гадливости и омерзения: «Райпартком новой аристократии с кучей первых, вторых, третьих, им же нет числа, секретарей. Райисполком, райЗАГС, райпродпромкооперация, райнарсуд, райзаготхлеб, райзаготскот, райзаготптица, райуголь, райторг, райлеспром, райзаготкож, раймолоко – да советских “раев” не перечислить. И в каждом таком “раю” больше чиновников-дармоедов, чем в бывшей царской губернской управе в Житомире. Напротив, в прошлом “раю” – волости – сидел один старшина с писарем и сторожем. Кто ж всю эту “райскую” саранчу бюрократических дармоедов будет кормить? Они же паразитируют на народе, как вши на тифозной жертве»²⁴.

За 21 месяц правления коммунистов в 1939–1941 г. с территории Западной Белоруссии и Западной Украины было депортировано в восточные районы СССР около 320 тыс. жителей. Количество арестованных, в том числе приговоренных к расстрелу, составило 120 тыс. человек. Таким образом, за неполных два года было репрессировано 3 % населения присоединенных областей²⁵: «В Западной Украине большевицкая власть уничтожала в первую очередь активных общественно-политических деятелей, чтобы таким образом обезглавить народную массу и лишить украинское общество элементов организованной национальной жизни»²⁶. «Когда Советы пришли, – рассказывал спустя много лет в советском лагере украинский националист Владимир Казановский диссиденту Михаилу Хейфецу, – они в нашем Бучаче забрали 150 человек. Всех, у кого образование было»²⁷.

В ходе территориальных изменений 1939–1940 г. Украина приобрела почти современные границы²⁸. По размеру УССР примерно

²⁴ *Бульба-Боровець Т.* Армія без держави. Слава і трагедія українського повстанського руху. Спогади. Київ; Торонто; Н.-Й., 1996. С. 54.

²⁵ *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 г. // Исторические выпуски «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 77–113.

²⁶ Західня Україна під більшовиками. IX.1939–VI.1941: Збірник / за редакцією *М. Рудницької*. Н.-Й., 1958. С. 471.

²⁷ *Хейфец М.* Избранное: в 3 т. Т. 3. Украинские силуэты; Военнопленный секретарь. Харьков, 2000. С. 139.

²⁸ В 1945 г. к Украине было присоединено Закарпатье, а в 1954 г. – Крым.

сравнилась с Францией, а число жителей приблизилось к количеству граждан Италии.

На 1930 г. население, проживавшее на территории Украины (в современных границах), состояло на 75 % из украинцев, на 8 % из русских, на 6,5 % из евреев, на 5,4 % – поляков, белорусов насчитывалось 0,2 %, остальные – немцы, румыны, татары, греки и др. – составили около 5 % населения²⁹.

В целом это соотношение народностей сохранилось и до 1941 г.

В восточных и южных регионах УССР среди национальных меньшинств Украины доминировали русские, в Западной и Правобережной Украине – поляки и евреи.

На 1 января 1941 г. в УССР проживало около 40,3 млн человек, из которых 68 % – в селе и 32 % – в городах³⁰. На начало советско-германской войны УССР, состоявшая из 23 областей, занимала 552 000 кв. км.

Летом–осенью 1941 г. немецкие войска заняли большую часть Украины. Киев был взят 19 сентября 1941 г. Самые восточные части УССР оказались под контролем нацистов летом 1942 г.

В 1941–1944 гг. территория Украины находилась под пятью видами управления.

Закарпатская Украина, занимавшая площадь 12,8 тыс. кв. км с населением 750 тыс. человек, с марта 1939 г. входила в состав Венгрии.

Северная Буковина и Бессарабия в 1941–1944 гг. вернулись в состав Румынии, где на их базе было создано два губернаторства – Бессарабия и Буковина. Также территория между Днестром и Южным Бугом была передана Гитлером под управление Румынии. Здесь возникла формально не входившая в состав Румынии провинция Транснистрия. Ее административным центром сначала был Тирасполь, а потом стала Одесса. Всего под румынским правлением оказалось около 55 тыс. кв. км территории³¹, до 1941 г. входившей в состав УССР.

Украинская Галиция вошла в руководимое Гансом Франком генерал-губернаторство, столицей которого был Краков. В дистрикте Галиция (площадь – 45 554 кв. км), составлявшем 32 % от всей территории генерал-губернаторства, в начале 1943 г. проживало около

²⁹ Подсчеты проведены по: Україна в 20-ті – на початку 90-х років ХХ століття. Короткий демографічний огляд. К., 1992; *Наулко В. І.* Етнічний склад населення Української РСР. Статистико-картографічне дослідження. К., 1965; *Чорний С.* Національний склад населення України в ХХ сторіччі. Довідник. К., 2001. *Passim*.

³⁰ *Кубійович В.* Том I. Наукові праці / упорядкування і вступна стаття проф. О. Шаблія. Париж; Львів, 1996. С. 73.

³¹ *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні / пер. із фр. Романа Осадчука. Париж; Н.-Й.; Львів, 1993. С. 175.

3,38 млн украинцев (от общей численности населения 4574 тыс. человек). В восточной части дистрикта Люблин (площадь – 26 560 кв. км) на 1940 г. проживало 440 тыс. украинцев, на юго-востоке и востоке дистрикта Краков (площадь – 28 691 кв. км) – 240 тысяч³².

В начале 1943 г. генерал-губернаторство занимало площадь 142 тыс. кв. км. На этой территории проживало около 16,8 млн человек, среди которых украинцы составляли около 27 % населения (остальные – до 70 % поляков, 2 % немцев, евреев к тому моменту нацисты в основном уничтожили)³³.

Центральные, северные, южные и северо-восточные области УССР вошли в состав возглавляемого Эрихом Кохом рейхскомиссариата «Украина» (РКУ), к которому были также присоединены и южные области БССР. Административным центром РКУ стало Ровно. Территория РКУ формировалась по мере продвижения частей Вермахта в глубь Украины и передачи в его состав областей из-под управления военной администрации. Однако запланированного размера достичь не удалось в связи с приостановкой наступления Вермахта и началом контрнаступления Красной армии под Сталинградом³⁴. Площадь всего рейхскомиссариата достигла максимума в период с 1 сентября 1942 г. по начало 1943 г. и составила 339 тыс. кв. км с населением 16,91 млн человек. Это административное образование делилось на 6 генеральных округов (Generalbezirk): Вольнь-Подолье, Житомир, Киев, Днепропетровск, Таврия, Николаев, которые, в свою очередь, состояли из областей (Gebiet), делившихся на районы³⁵.

Пять южных и восточных областей УССР на протяжении всего периода нацистской оккупации находились под контролем администрации Вермахта.

Наименьшей жестокостью правление отличалось на территориях, занятых не немцами.

В частности, на оккупированном румынами юго-западе Украины большинство населения находилось в целом в приемлемых условиях,

³² Справка Украинского центрального комитета об украинцах в гг., середина 1942 г. (ЦДАВО. Ф. 3959. Оп. 3. Спр. 24. Арк. 4).

³³ Общие данные по ГГ: Окупacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 1939–1945. Т. I. 1939–1942. Wydanie drugie. Warszawa, 1972. S. 31; Докладная записка по вопросу об административной реформе в ГГ, 24 марта 1943 г. на имя руководителя СС и полиции, госсекретаря по вопросам безопасности оберфюрера СС Крюгера. Без подписи (ВАВ. R 52 II – 281. Bl. 72).

³⁴ Лисенко О., Нестеренко В. Окупаційний режим на Україні у 1941–1943 рр.: адміністративний аспект // Архіви окупації. 1941–1944 / держ. ком. Архівів України; упоряд. Н. Маковська. К., 2006. С. 767.

³⁵ ВАВ. R6/70. Bl. 108.

что отмечал сотрудник «Восточного министерства» О. Мюллер 6 августа 1943 г.: «Обер-лейтенант Зелиновский из казачьего эскадрона 1/82 рассказывает... о своих впечатлениях, полученных во время его отпуска в район Киева. Он сообщает, между прочим, о партизанском движении: “Существует партизанское движение, которое частично ведется людьми, бежавшими из собственных домов во время поиска немцами рабочих (для отправки в рейх. – А. Г.). Причиной этого является грубое обращение с гражданским населением со стороны полиции и жандармерии, побои палками, насильственная депортация к неизвестной цели. (...)”.

В дальнейшем он в середине июля посетил территорию Транснистрии, переданную немцами румынам, и сообщает далее: “Партизанского движения здесь практически нет. Жизнь рабочих и крестьян протекает нормально, много лучше, нежели чем в остальных частях Украины. Свободная торговля идет без каких-либо ограничений с большим количеством всех продуктов, особенно еды, что облегчает возможность покупок рабочему населению”»³⁶.

Разницу в стилях правления захватчиков отмечал в отчете Н. Хрущеву и находившийся в немецком тылу секретарь подпольного Винницкого обкома КП(б)У Бурченко: «Граница [между немецкой и румынской оккупационными зонами] охраняется погранстражей. Для перехода через границу требуются пропуска. Существует даже “контрабанда” через границу. Так как румыны хуже организовали изъятие продуктов у населения, то через “границу” с “румынской” стороны поступают продукты питания – масло, крупы, соль и мыло, а в обмен с “германской” стороны население несет носильные вещи»³⁷.

Безвестный украинский националистический подпольщик в обзоре положения на территории Транснистрии в конце 1943 г. сообщал о пассивной лояльности населения румынским властям: «Коммунистическая деятельность незаметна. Листовок никаких. Время от времени большевики скидывают парашютистов. [Они] агитировали против [Русской освободительной] армии Власова. Попытка орга-

³⁶ Докладная записка представителя Восточного министерства при группе войск «Юг» майора О. В. Мюллера имперскому министру по делам оккупированных восточных областей А. Розенбергу о ситуации на территории Украины, 6 августа 1943 г. (В.А.В. R 6/302. Вл. 105).

См. также: *Гальчак С.* Політика румунської окупаційної влади на території Північної Трансїстрії // Архіви окупації. 1941–1944... С. 840–849.

³⁷ «Краткая информация о Винницкой области» секретаря Винницкого обкома КП(б)У Бурченко секретарю ЦК КП(б)У Н. Хрущеву и др., 31 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 10. Арк. 5).

низации большевистских партизан в Березовском уезде вследствие провокации ликвидирована полностью»³⁸.

На востоке Украины, в зоне ответственности Вермахта режим был существенно жестче, чем на оккупированной румынами территории, но менее репрессивным, нежели на территории рейхскомиссариата Украина. Разница сказывалась, в том числе и на поведении местной коллаборационистской полиции. Это отмечал в письме в ЦК КП(б)У представитель Украинского штаба партизанского движения в Сумском партизанском соединении Иван Сыромолотный 6 января 1943 г.: «От Брянских лесов до Сарн в районных центрах было по 3–5 чел. немцев, но зато очень обильно местных полицейских. Этой сволочи в отдельных селах Сумской и Черниговской областей (Сумская и Черниговская области весь период оккупации де-факто находились под управлением Вермахта. – А. Г.) оказалось от 15 до 45–50 чел. Мы жестоко расправлялись с этой сволочью, потому что [они], как правило, обстреливали наши колонны на подступах к селам...

Были случаи, как, например, в районе Коропа и др. местах, десятки полицейских под руководством одного-двух немцев выступали против нас с боем.

Противоположное этому мы встретили в [южных] областях Белоруссии (входивших в РКУ. – А. Г.), здесь много сел, в которых совершенно нет полицейских, а старосты оказались советскими людьми и оказывали нам всемерную помощь...

Иное положение в настроении населения к немцам и нам[, например,] населения Житомирской области (входившей в РКУ. – А. Г.) (в сравнении с районами Черниговской и Сумской областей). Здесь население в своем большинстве (речь идет о Полесских районах) живет в лесах и готово взяться за оружие в любую минуту»³⁹.

Причины объяснены в аналитической записке органов госбезопасности УССР от 24 января 1943 г.: «В отличие от грабительской политики, проводимой фашистскими властями в тыловых местностях оккупированной территории, последние, чтобы завоевать симпатии населения, проживающего в непосредственной близости к линии фронта, в так называемой “военной зоне”, проводят более мягкий режим.

³⁸ Аналитическая записка подпольщика ОУН «Вести из Транснистрии», конец сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Стр. 117. Арк. 4).

³⁹ Письмо представителя ЦК КП(б)У в Сумском соединении И. Сыромолотного секретарю ЦК КП(б)У Л. Корнийцу о ситуации на оккупированной территории Украины, 10 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Стр. 104. Арк. 14–15).

а) натуральные и денежные налоги в прифронтовой полосе взимались в значительно меньших размерах, чем в глубоком тылу. Ряд налогов, взимаемых оккупантами в тылу, в прифронтовой полосе совершенно не налагались.

б) Изъятие у населения продуктов, скота и в отдельных случаях имущества оккупанты производили через старост и местную полицию, скрывая свое грабительское лицо за спиной своих пособников.

в) Работающим на полевых и других работах в сельском хозяйстве выдавали по 10–16 кг зерна на месяц, чего не делается в тыловых областях.

г) Для создания видимости борьбы с грабежами и “незаконными” изъятиями со стороны немецких, итальянских и венгерских солдат оккупанты проводят по фактам грабежей “расследование”, выступая, таким образом, перед населением в роли защитников и благодетелей.

д) Разрешено населению праздновать религиозные праздники и в эти дни не работать, чего не делается в глубоком тылу, особенно в разгар полевых работ. (...)

В связи с такой политикой немцев, значительная часть населения, так называемой “военной зоны”, оказывает активную помощь оккупантам, затрудняя прохождение по этой зоне нашей агентуры, бежавших из плена военнослужащих Красной армии, выходящих из окружения, помогая немцам вылавливать партизан... (...)

Настроения населения оккупированной территории Харьковской, Киевской, Днепропетровской и тыловых районов Ворошиловградской областей в силу жестокой и грабительской политики немцев, отличаются резкой враждебностью к оккупантам»⁴⁰.

Меньше всего немцы притесняли украинское население генерал-губернаторства. Разница в режимах правления была заметна на примере Волыни, входившей в 1941–1944 гг. в рейхскомиссариат Украина, и Галиции, входившей в генерал-губернаторство. Большую часть советско-германской войны Галицию возглавлял губернатор Отто Вехтер, стремившийся на местном уровне добиться лояльности украинцев не только террором, но и экономическими методами, а также осторожной культурной политикой. По воспоминаниям главы коллаборационистского Украинского центрального комитета (УЦК) Владимира Кубийовича, Вехтер даже пытался отделить Га-

⁴⁰ «Специальное сообщение о положении в освобожденных от немецко-фашистских оккупантов населенных пунктах Ворошиловградской области УССР» начальника 3-го управления НКВД УССР Н. Медведева Хрущеву, № 63/сн, 24 января 1943 г. (ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 2 (1948). Спр. 4. Арк. 1–3 зв.).

лицию от генерал-губернаторства и в любом случае стремился к организации на местном уровне своеобразного «украинско-немецкого симбиоза»⁴¹.

В 1941 г. сотрудник немецкой полевой комендатуры в Дрогобыче писал, что западные украинцы за два года советского владычества 1939–1941 гг. не забыли притеснений со стороны польского режима, а присоединение Галиции к генерал-губернаторству «привело к ощутимому разочарованию украинцев. Они не могут себе представить, что снова должны жить в одной административной области вместе с ненавидимыми ими поляками»⁴². Однако учитывая политику властей в РКУ, можно утверждать, что эти переживания были напрасными.

Один из сотрудников германского министерства по делам оккупированных восточных территорий Отто Бройтигам указывал в докладной записке в начале 1944 г. на контрпродуктивность свирепости администрации РКУ: «Рейхскомиссар Украины [Эрих Кох] оправдывает свою подвергаемую сильной критике политику притеснений тем, что она вызвана необходимостью наиболее эффективного хозяйственного использования [Украины]. (...)

Волынь и Галиция обе находились до начала этой войны под польским господством и были обе оккупированы Советами. Хозяйственная структура обеих областей в общем одинаковая. После ухода Красной армии Галиция перешла в административное управление генерал-губернаторства, Волынь – к рейхскомиссариату Украина. Работа началась при одинаковых условиях. Результаты были следующие:

В Галиции в 1943 г. было собрано 470 000 тонн зерна, на Волыни – 7000 тонн (т. е. в 67 раз меньше. – А. Г.). Галиция – совершенно замиренная область, в которой только в последнее время из-за приближения фронта стали заметны некоторые полностью войсковые партизанские группы. На Волыни, напротив, господствует всеобщее народное восстание. Разница последствий управления проявляется точно на границе обеих областей.

В то время как даже сейчас через Галицию можно просто проехать, проезд по дорогам Волыни возможен только под охраной. (...)

Поэтому выводы следующие:

⁴¹ *Кубийович В.* Мемуари. Роздуми. Вибрані листи / упорядкування і вступна стаття проф. О. Шаблія. Париж; Львів, 2000. Т. II. С. 107.

⁴² Сообщение о ситуации полевой комендатуры № 676 в охранную дивизию № 444 (отдел VII, военная администрация), 30 июля 1941. (РГВА. Ф. 1275. Оп. 3. Д. 661. Л. 29).

1. Цель – покой и порядок в тылу борющихся войск и обеспечение безопасности снабжения – в Галиции достигнута, на Волыни не достигнута совершенно.

2. Хозяйственное использование Галиции полностью и совершенно удалось, хозяйственное использование Волыни провалилось.

Утверждение, что в рейхскомиссариате Украина проводимая политика успешна для выполнения хозяйственных заданий, неверно»⁴³.

К этому выводу был близок в своем отчете и командир 1-й Украинской партизанской дивизии Петр Вершигора: «В отношении галичан немцы проводили политику совершенно другую, чем по отношению к населению Полесья и Волыни.

а) Полное отсутствие массового террора и репрессий.

б) Снабжение населения товарами первой необходимости через потребкооперацию.

в) Довольно устойчивые деньги – золотый, курс которого немцы поддерживали на должной высоте.

Одновременно немцы ревностно оберегали Галицию от появления в ней партизанского движения, как советских партизан, так и банд У[краинской] п[овстанческой] а[рмии]. Крестьяне в Галиции в экономическом отношении жили хорошо»⁴⁴.

Человеком, руководившим РКУ, и, как показано выше, создавшим на подвластной ему территории нечто вроде «режима наибольшего благоприятствования» для партизан был рейхскомиссар Украины Эрих Кох, по совместительству бывший гауляйтером, т. е. партийным руководителем Восточной Пруссии. Товарищами по НСДАП в годы войны он был наделен кличкой «Второй Сталин». Еще раньше – в 1920–1930-е гг. – он получил прозвище «Эрих Красный»⁴⁵ за прокоммунистическую деятельность и леворадикальные взгляды. В годы Второй мировой войны Кох стал известен открыто выражаемой украинофобией, а также бахвальством: «Меня знают как жестокую собаку».

⁴³ Докладная записка сотрудника Министерства по делам оккупированных восточных областей Отто Бройтигама на имя министра Альфреда Розенберга и др., Р/56/44g., 15 января 1944 г. (ВАВ. R 6 / 244. Вл. 52–53).

⁴⁴ «Отчет о боевой деятельности 1-й Украинской партизанской дивизии имени Дважды Героя Советского Союза генерал-майора тов. Ковпака за время с 5 января по 1 апреля 1944 г.», командир дивизии П. Вершигора и др., предп. Строкачу, не ранее 1 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Стр. 4. Арк. 141).

⁴⁵ Игра слов. В немецком языке прилагательное «красный» используется также для обозначения рыжего цвета волос. Таким образом, прозвище «Эрих Красный», свидетельствовавшее о левых взглядах Коха, одновременно было идентично кличке легендарного вождя викингов Эрика Рыжего.

Таким образом, прослеживается четкая тенденция – чем менее жестоким по отношению к большинству местного населения было правление оккупантов на какой-либо территории Украины в 1941–1944 г., тем сложнее было красным партизанам там действовать, а то и просто выживать. Однако руководство советскими партизанскими формированиями на протяжении войны стремилось к развитию партизанской борьбы на всей без исключения территории УССР, а в ряде случаев – и за ее западными границами.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ В 1941–1944 гг. И РУКОВОДСТВО ИМИ

Изучая партизанские формирования, можно столкнуться с проблемой определения слова «партизан», как и самого объекта исследования. В ходе войны в тылу воюющей армии иногда сложно отделить партизан от прячущихся в лесу мирных жителей.

«Неорганизованных» партизан далеко не всегда корректно называть партизанами, в ряде случаев к ним более применим термин «группы выживания». Они состояли, например, из осевших в лесах беглых военнопленных и окруженцев, ушедших из деревень крестьян, спасавшихся от карательных мероприятий нацистов или не желавших уезжать в Германию по насильственной трудовой мобилизации. Таких «партизан» крайне сложно изучать, т. к. указанными отрядами документация не велась, данные группы отличались крайне низкой диверсионной и разведывательной активностью (часто ее не было вообще), поэтому даже представители оккупационных структур их иногда просто не замечали, а, замечая, в ряде случаев обозначали в своих документах как обычных криминальных бандитов. В документах советских партизан, находящихся на связи с Центром, нередко встречается недоверие к «местным». Например, командир соединения им. Боровика Виктор Ушаков в шифровке на «Большую землю» описал положение на севере Киевской области: «Все эти семейные партизанские отряды не боеспособные, занимаются пьянством, изъятием имущества у населения... В отрядах царят раздоры. Из-за незаконных действий, трусости, пьянства большинство командиров не пользуются авторитетом у бойцов отряда, у населения. Население в отряды не идет»¹.

Поэтому сразу же оговорим, что объектом исследования в представленной работе являются партизаны, определяемые в качестве

¹ Радиограмма командира партизанского соединения им. Боровика В. Ушакова начальнику УШПД Т. Строкачу о ситуации в ряде партизанских отрядов Киевской области, вх. № 5020, 28 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 78–79).

партизан советской стороной и значительный период войны находившиеся на связи с руководящими центрами. Именно эти люди в ходе войны были обозначены высшей партийной номенклатурой в качестве образцовых советских людей, получали награды и поощрения и частично после войны вошли или вернулись в советскую систему власти. До сих пор именами этих орденоносцев названы улицы многих городов – в Украине, России и Белоруссии. Поэтому термин «советские партизаны» применим к ним в наибольшей степени.

1.1. От НКВД УССР к УШПД

Как писал в итоговом отчете начальник оперативного отдела УШПД полковник Бондарев, «партизанское движение на Украине с первых своих дней было организованным движением»². Иными словами, партизанские формирования создавались по конкретным указаниям представителей госструктур, т. е., по сути, являлись советскими спецподразделениями, действовавшими в глубоком или ближнем тылу Вермахта.

На протяжении всей войны непосредственным руководством зафронтовой борьбой занимались 3 организации: ВКП(б), НКВД–НКГБ и РККА. Однако их роль и значимость в партизанской войне в 1941–1944 гг. постоянно менялась.

К сожалению, роль армии в организации зафронтовой борьбы в ходе войны довольно сложно отследить: дело в том, что большинство соответствующих документов хранится в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске. Однако все сопутствующие документы позволяют сказать, что роль армии была третьестепенной, особенно в 1942–1944 гг. Как правило, «армейские» партизаны – даже в первый год войны – представляли собой части Красной армии, действующие в тылу Вермахта в тесном взаимодействии с фронтовыми частями. Эта тактика себя не оправдала и все эти отряды – во всяком случае, в Украине – в первый год войны были разгромлены или соединились с Красной армией. Например, весной 1942 г. в 18-й армии Южного фронта 26 партизанских отрядов были задействованы в обороне как обычные армейские подразделения³.

² Оперативный отчет УШПД за период 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарева, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 6).

³ Україна партизанська... С. 9.

На роли же органов госбезопасности и внутренних дел в организации партизанских формирований можно остановиться более подробно.

Английские исследователи Чарльз Диксон и Отто Гейльбрунн не считали НКВД «партизанской структурой»: «Политическая полиция имела многочисленных своих представителей в партизанских штабах различных ступеней, и вместе с партизанами сражалось немало людей из НКВД. Однако у нас нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что НКВД был связан с партизанскими формированиями теснее, чем с каким-либо другим движением, проводившимся под его надзором»⁴.

С этим мнением сложно согласиться.

Создание Особой группы (ОГ) по ведению зафронтовой борьбы при наркоме внутренних дел СССР Лаврентии Берии фиксируется в ряде документов 18 июня 1941 г., т. е. еще до начала советско-германской войны. Формально о создании этого подразделения было объявлено приказом НКВД СССР 5 июля 1941 г. Руководителем Особой группы был назначен старший майор госбезопасности Павел Судоплатов. На ОГ возлагались следующие задачи:

- 1) разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов;
- 2) организация подполья и партизанской войны;
- 3) создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории;
- 4) руководство специальными радиограмми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника⁵.

Помимо этого в начале войны Судоплатов возглавлял Штаб НКВД СССР по борьбе с парашютными десантами противника, которому подчинялись соответствующие оперативные группы в наркоматах внутренних дел Украинской, Белорусской, Латвийской, Литовской, Эстонской, Молдавской, Карело-Финской, Грузинской ССР, Крымской АССР, УНКВД по Ленинградской, Мурманской, Калининской, Ростовской областям и по Краснодарскому краю.

Иными словами, в начале войны П. Судоплатов сосредоточил в своих руках как борьбу с разведывательно-диверсионной деятельностью противника в тылу Красной армии, так и руководство организацией разведывательно-диверсионной деятельности в тылу Вермахта, партизанской борьбы.

⁴ Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957. С. 98.

⁵ ОСНАЗ. От Бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг. М., 2001. С. 14–15.

Особая группа претерпела ряд реорганизаций и 3 сентября 1941 г. была преобразована в самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР, возглавленный Павлом Судоплатовым.

На территории союзных республик, в том числе и УССР, создавались 4-е отделы НКВД, занимавшиеся все той же организацией партизанской борьбы. Начальником 4-го отдела НКВД УССР был майор госбезопасности Тимофей Строкач, бывший также заместителем наркома внутренних дел УССР Василия Сергиенко. 4-е республиканские отделы НКВД входили в оперативное подчинение 2-му отделу НКВД СССР.

В январе 1942 г. 2-й отдел НКВД СССР расширили, преобразовав в 4-е («партизанское») управление НКВД СССР, начальником которого оставался Павел Судоплатов. В его оперативное подчинение входил также Штаб истребительных батальонов и партизанских отрядов. В составе наркоматов внутренних дел БССР и УССР на базе 4-х отделов создавались собственные 4-е управления. Начальником 4-го управления НКВД УССР стал майор госбезопасности Тимофей Строкач.

Можно обозначить еще одну линию подчинения Тимофея Строкача в первый год войны. 4-й отдел (позже 4-е управление) НКВД УССР, помимо подотчетности 2-му отделу (позже 4-му управлению) НКВД СССР, был подчинен также и руководству республиканского наркомата. В 1941–1943 гг. наркомом внутренних дел УССР был Василий Сергиенко. Фактически же наркомат в указанный период возглавлял его заместитель Сергей Савченко. НКВД УССР был подотчетен Совнаркому УССР и – самое главное – ЦК КП(б)У, т. е. первому секретарю ЦК Никите Хрущеву, хотя непосредственно деятельность партизан курировал секретарь ЦК КП(б)У Демьян Коротченко.

Зависимость НКВД УССР в данном вопросе от республиканской партийной номенклатуры усиливалась в связи с тем, что непосредственной организацией партизанских отрядов, в том числе и на местном уровне, занимались также и партийные организации. В частности, 1 ноября 1941 г. командующий Юго-Западным фронтом маршал Семен Тимошенко и член Военного совета Юго-Западного фронта Никита Хрущев приняли постановление о создании оперативной группы по руководству партизанскими формированиями в полосе фронта. В состав указанной опергруппы входила преимущественно номенклатура ЦК КП(б)У⁶. Однако сколько-нибудь значимой роли эта структура не сыграла.

⁶ Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 101–102.

По мнению российского исследователя Вячеслава Боярского, «в течение 1941 года... 90 процентов партизанских отрядов, истребительных, диверсионных и разведывательных групп было подготовлено и оставлено в тылу врага или переброшено туда органами НКВД–НКГБ. Они же и руководили ими»⁷.

Подобный подход представляется несколько упрощенным, хотя вполне объяснимо, почему Боярский мог сделать такой вывод. Например, в документе НКВД СССР – «Перечне действующих партизанских отрядов, сформированных органами НКВД УССР по состоянию на 15/VI–42 г.»⁸ в число отрядов, сформированных НКВД, входят не только отряды, руководимые сотрудниками НКВД, но и возглавляемые представителями партийно-советской номенклатуры (в том числе будущие знаменитые командиры Сидор Ковпак и Алексей Федоров). Таким образом высшее руководство НКВД стремилось доказать, что все без исключения партизанские отряды, подготовленные также и партийными органами Украины, создавались НКВД УССР или, по крайней мере, с его активным участием.

В свою очередь, в составленной в тот же период справке ЦК КП(б)У все отряды и диверсионные группы, созданные на территории Украины как по линии НКВД, так и по партийной линии, обозначены как созданные «ЦК КП(б)У через областные и районные комитеты партии»⁹.

Численность созданных отрядов в обоих случаях примерно равна, названы одни и те же фамилии командиров отрядов. Таким образом, большинство украинских отрядов создавалось в тесном сотрудничестве НКВД УССР и местных партийных организаций: обкомов, горкомов и райкомов КП(б)У. И выделить доминирующую, ведущую организацию в данном случае сложно: все зависело от ситуации на местном уровне, которая центральными органами контролировалась далеко не идеально.

Для ситуации, в которой оказались партизанские отряды в первый год войны, важно было не столько то, кто в первую очередь организо-

⁷ Боярский В. И. Партизаны и армия... С. 83.

⁸ «Перечень действующих партизанских отрядов, сформированных органами НКВД УССР по состоянию на 15/VI–42 г.», помощник начальника штаба истребительных батальонов НКВД СССР Кременецкий, 26 мая 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 277. Л. 46). Документ находится в папке донесений руководству НКВД СССР.

⁹ Справка «О работе подпольных партийных организаций и партизанских отрядов, действующих на территории областей Украины, временно захваченных немецкими оккупантами», зав. Оргинструкторским отделом ЦК КП(б)У Зленко, 27 марта 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 8. Арк. 33).

вывал партизанские формирования и руководил ими, сколько то, что их создавали сразу несколько организаций.

Как отмечал в своем докладе начальник 8-го отдела политуправления Южного фронта батальонный комиссар Иван Сыромолотный, «в течение первого года войны организационный период по созданию партизанских отрядов имел ряд препятствий, неясностей.

Организацией партизанских отрядов занимались обкомы партии, областные управления НКВД, 8-е отделы политуправлений и особые отделы, разведотделы (фронтов и армий. – А. Г.). (...) Следует разграничить роль и ответственность каждой из этих организаций»¹⁰.

В первый год войны этого сделано не было. Координация усилий и действий различных структур по руководству партизанскими формированиями отсутствовала.

Во-первых, по всей видимости, сам высший арбитр между государственными организациями Иосиф Сталин был слабо информирован о событиях в тылу врага. Как полагает Карель Беркхофф, «он не верил в способность партизан существенно повлиять на события на фронте...»¹¹ Очевидно, приоритетным для него было руководство Красной армией, международные отношения и экономическая ситуация в советском тылу. По воспоминаниям партизанского командира Александра Сабурова, во время встречи Верховного главнокомандующего с партизанскими командирами в начале сентября 1942 г., Сталин выразил удивление наличием минометов и орудий в партизанских соединениях¹², что говорит о его крайне низкой информированности в вопросах зафронтной борьбы. Кроме этого, на настоящий момент известно очень мало высказываний И. Сталина о партизанской борьбе, в частности, в 1941–1942 гг., что косвенно подтверждает слабую заинтересованность главы ГКО вопросами партизанских формирований.

Во-вторых, крайняя неопределенность в вопросах руководства дополнялась напряженной борьбой между партийной, военной и чекистской номенклатурой.

Победой партийной номенклатуры можно считать решения лета 1942 г.

¹⁰ Докладная записка начальника 8-го отдела политуправления Южного фронта И. Сыромолотного «Народное партизанское движение» начальнику политуправления Южного фронта бригадному комиссару Мамонову, 14 октября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 9. Спр. 3. Арк. 14–15, 18).

¹¹ Беркгоф К. Жнива розпачу. Життя і смерть в Україні під нацистською владою / автор. перекл. з англ. Т. Цимбал. Київ, 2011. С. 279.

¹² Кентій А. Війна 1941–1945 рр. очима її учасників і очевидців (за документами ЦДАГО України) // Архіви України. 2005. № 1–3 (256). С. 487.

Парижский исследователь Владимир Косик полагает, что создание Центрального штаба партизанского движения являлось следствием стремления Москвы поставить под контроль партизанские формирования¹³. Однако они и до возникновения ЦШПД были созданы советским партийно-государственным аппаратом, а также руководились из-за линии фронта. Скорее, формирование ЦШПД являлось объединением основных функций руководства диверсионной борьбой за линией фронта.

30 мая 1942 г. при Ставке Верховного главнокомандующего создается Центральный штаб партизанского движения под руководством первого секретаря ЦК КП(б)Б Пантелеймона Пономаренко. Ему подчинялось шесть республиканских или региональных (фронтовых) штабов¹⁴, в том числе Украинский штаб партизанского движения (УШПД), созданный 20 июня 1942 г. Неофициальной нормой стало, когда три высших поста в каждом штабе партизанского движения занимались сообразно пропорции: по одному представителю от партийной номенклатуры, НКВД и Красной армии. В частности, главой УШПД был майор госбезопасности Тимофей Строкач, его первыми двумя заместителями – Мусий Спивак (секретарь ЦК КП(б)У) и полковник Виноградов (начальник разведывательного отдела штаба Юго-Западного направления). И в целом личный состав штабов партизанского движения, в том числе Украинского, комплектовался представителями трех указанных структур.

Оперативные группы штабов партизанского движения при военных советах армий позволяли наладить взаимодействие партизан с фронтовыми частями Красной армии.

С одной стороны, УШПД подчинялся ЦШПД, с другой – в оперативном отношении, вопросах комплектования кадрами и материально-технического обеспечения – Военному совету Юго-Западного направления. Членом ВС Юго-Западного направления был Никита Хрущев, по совместительству, напомним, глава парторганизации Украины, которому УШПД был подотчетен с самого начала. Между Хрущевым и Строкачем сложились деловые и доверительные отношения.

Создание штабов партизанского движения имело ряд последствий, как негативно, так и позитивно сказывавшихся на эффективности деятельности партизанских формирований.

¹³ Косик В. Україна і Німеччина... С. 253.

¹⁴ Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 114–115.

С одной стороны, введение единоначалия и создание более или менее стройной системы руководства зафронтовой борьбой позволило упорядочить руководство партизанами.

С другой стороны, влияние некавалифицированной в военном отношении партийной номенклатуры, в том числе из ЦК КП(б)У, на оперативную деятельность партизан негативно сказывалось на уровне военного планирования и ведения боевых действий.

Кроме того, болезненные реорганизации происходили и на местном уровне. В совместном приказе исполняющего обязанности наркома внутренних дел УССР Сергея Савченко и начальника УШПД Тимофея Строкача от 7 июля 1942 г. значилось, что в связи с созданием Украинского штаба партизанского движения в его задачи «входит руководство всеми партизанскими отрядами и формированиями, и выделением этой отрасли работы из системы органов НКВД... УНКВД немедленно передать по территориальности начальникам соответствующих оперативных групп, фронтов и армий все партизанские отряды, находящиеся как на линии фронта, так и действующие в тылу противника»¹⁵. Передаче в ведение УШПД не подлежали агенты, явки и резиденты – разведсеть НКВД УССР. Это оторвало отряды от агентурной сети и негативно повлияло на качество разведдеятельности партизан. В свою очередь, агентурная сеть НКВД лишилась поддержки со стороны партизанских отрядов. В частности, невозможно стало использовать партизанские рации для связи с Центром.

При этом, можно полагать, что уменьшение роли НКВД привело к определенному улучшению психологического состояния личного состава ряда партизанских отрядов. Например, руководители знаменитого Сумского соединения – Сидор Ковпак и Семен Руднев испытывали стойкую неприязнь к представителям органов государственной безопасности. Объяснялось это тем, что Руднев до войны в ходе репрессий был арестован и находился в заключении. По некоторым данным, подвергался аресту и Ковпак¹⁶.

Возможно, элемент субъективности при оценке качества руководства НКВД присутствовал в донесении Ковпака и Руднева Хрущеву 5 мая 1942 г.: «К сожалению, на всем протяжении восьмимесячной борьбы остро ощущался недостаток из-за отсутствия руководства и

¹⁵ Приказ начальника УШПД Т. Строкача и н. о. наркома внутренних дел УССР С. Савченко начальникам управлений НКВД УССР о передаче партизанских отрядов из НКВД УССР в УШПД, 652/сп 1942, 7 июля 1942 г. (ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 35, т. 2. Арк. 111).

¹⁶ Докладная записка капитана ГБ Я. Короткова Строкачу о ситуации в Сумском соединении, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 43).

связи с Советским Союзом. Только в апреле 1942 года через связь с другими отрядами в Брянских лесах нам удалось получить радиостанцию НКВД Украины, с которым мы сейчас имеем связь, но все же руководства партизанским движением до сих пор нет»¹⁷. Эти партизанские командиры предлагали подчинить партизан штабам фронтов по соответствующим направлениям.

Так или иначе централизация руководства привела к появлению системы подчинения-соподчинения на местах, которую до этого местные партизанские вожаки создавали исходя из ситуации и наличия связи с Центром. С июня–июля 1942 г. наиболее крупной самостоятельно действующей партизанской оперативной единицей стали соединения, разделившиеся на отряды. В ряде случаев отряды сводились в автономно действующие партизанские бригады – в частности, в Украине таковых было две. В июне–июле 1942 г. УШПД подчинялось всего три соединения: Черниговское – под руководством Алексея Федорова, Сумское – под руководством Сидора Ковпака, Объединенное – под руководством Александра Сабурова. В указанных соединениях насчитывалось 16 отрядов. Кроме них на связи с УШПД находилось еще 14 отдельно действующих отрядов. Отряды приобрели армейскую структуру: делились на взводы, роты и отделения. Специальным приказом УШПД запретил называть отряды и соединения по фамилии командира.

Тем временем формирование УШПД проводилось в ходе летнего наступления Вермахта. Некоторое время штаб существовал буквально «на колесах». Отчасти этим объяснялась неэффективность его работы в первый период существования. 8 августа 1942 г. в докладной записке Хрущеву начальник политуправления Сталинградского фронта С. Галаджев отмечал, что УШПД более месяца занимался укомплектованием своих отделов и другой организационной работой, не связанной с руководством партизанами: «Деятельность партизанского штаба на сегодняшний день выражается в поддержании связи через радиции с 5 партизанскими отрядами и в подготовке к выброске нескольких диверсионных и оперативных групп на связь в глубокий тыл противника. С отрядами, не имеющими радиций, штаб не имеет никакой связи.

Таким образом, деятельность штаба по руководству партизанским движением имеет значительно меньшие масштабы по сравнению с той работой, которую при всех недостатках проводили раньше раз-

¹⁷ Политдонесение командования Путивльского партизанского отряда Сумской области (С. Ковпак, С. Руднев) об опыте 8-месячной борьбы в тылу врага Первому секретарю ЦК КП(б)У Н. Хрущеву, 5 мая 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 189. Арк. 122).

личные, не объединенные единым центром следующие организации: политуправление, НКВД УССР, разведорганы и областные управления НКВД...

Положение с руководством партизанским движением показывает, что в работе Украинского штаба партизанского движения отсутствуют оперативность и надлежащая поворотливость»¹⁸.

Тем временем в статусе УШПД снова наступили изменения. 28 сентября 1942 г., согласно постановлению главы ГКО Иосифа Сталина, создавались наряду с УШПД другие республиканские штабы, долженствующие находиться в Москве. В Москву в течение октября 1942 г. переместился и УШПД, что увеличило эффективность его работы.

С другой стороны, с осени 1942 г., согласно приказу ГКО республиканские штабы партизанского движения подчинялись ЦК республиканских компартий¹⁹, что приводило к увеличению партийного контроля над деятельностью партизан, роли партноменклатуры в подготовке и ведении зафронтной борьбы.

7 марта 1943 г. ГКО СССР расформировал Центральный штаб партизанского движения, а 17 апреля – снова восстановил. Однако как раз в этот момент Украинский штаб партизанского движения был выведен из подчинения ЦШПД²⁰, Тимофей Строкач даже формально перестал подчиняться Пантелеймону Пономаренко и с этого момента у него было два начальника: Иосиф Сталин как глава Ставки ВГК и Никита Хрущев как первый секретарь ЦК КП(б)У.

13 января 1944 г. приказом Ставки ВГК ЦШПД вообще был упразднен.

Автономия УШПД была вызвана затяжным личным конфликтом между первым секретарем ЦК КП(б)У Хрущевым, курировавшим деятельность УШПД, и первым секретарем ЦК КП(б)У Пономаренко. Хрущев в советской системе власти и официально, и неофициально обладал куда большими полномочиями, нежели Пономаренко, и, кроме того, по характеру был более гибким человеком. В естественном для номенклатурщика желании увеличить собственные полномочия, Хрущев вывел Украинский штаб из-под влияния партийца-конкурента. Кроме того, УССР всегда была второй по значимости республикой СССР и, возможно, особый статус УШПД был своеобразной «костью» Сталина автономизму украинских аппаратчиков.

¹⁸ Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 242–243.

¹⁹ Україна партизанська... С. 38–39.

²⁰ Приказ начальника ЦШПД П. Пономаренко «О восстановлении штаба партизанского движения», № 0035, 18 апреля 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 10. Л. 69).

Среди всех региональных и республиканских штабов УШПД был наиболее крупным – в середине 1943 г. штатная численность УШПД составляла 143 единицы, в том числе высшего, старшего и среднего комсостава – 90, младшего комсостава и рядовых – 2, вольнонаемных – 51²¹. Однако, как будет показано далее, численность украинских партизан на протяжении всего периода оккупации была существенно ниже численности партизан Белоруссии и России. Дело было в том, что высшее руководство СССР рассматривало республиканские штабы партизанского движения не просто как военные, а как военно-политические организации – имеющие размер в соответствии с политической значимостью республики или региона. Поэтому, в частности, иногда численность работников штабов прибалтийских советских республик была сопоставима с численностью партизан, действовавших на соответствующих территориях, подотчетных этим штабам.

Возвращаясь к Украинскому штабу, можно отметить, что приказ о независимости УШПД от ЦШПД был завершающим шагом. Фактически, благодаря покровительству Хрущева, УШПД оставался автономным до весны 1943 г. Отчасти поэтому эффективность советской партизанской войны на территории Украины была выше, чем в Белоруссии или России.

Дело было в том, что П. Пономаренко не обладал качествами военного руководителя. По словам заместителя Т. Строкача диверсанта Ильи Старинова, кадровый политработник Пономаренко «и ротой не командовал, и не кончал военной Академии. Белорусскими партизанами “командовал” начальник БШПД П. З. Калинин, которому в Красной армии и взвода не доверили бы, а ему поручили командовать армией, численность которой в 1943 г. превысила 100 тысяч вооруженных партизан. (...) Планы операций, разрабатываемые ЦШПД и подчиненными ему штабами партизанского движения, не были планами организованных военных действий, а скорее напоминали постановления парторганов по проведению посевных и уборочных работ... П. К. Пономаренко был таким сталинской закалки партоткротом, который считал, что он все знает и все умеет»²².

Строкача можно описать несколько по-другому.

Представитель Ставки ВГК в УШПД капитан Александр Русанов заявил на допросе в немецком плену о «менеджерских талантах» командира украинских партизан: «Строкач умеет завоевать авторитет

²¹ Україна партизанська... С. 40.

²² *Старинов И.* Мины замедленного действия... С. 129–130, 140–141.

и у больших, и у малых начальников. Сталин очень любит и ценит Строкача, часто звонит ему по телефону и присылает подарки»²³.

Если аутентичные документы о личных взаимоотношениях между главами ГКО и УШПД не дошли до исследователя, и, следовательно, такие данные могли являться выдумкой Русанова, то характеристика Строкача как гибкого человека и осмотрительного руководителя полностью подтверждается материалами его личного дела. Украинец Тимофей Строкач родился в семье крестьян-бедняков в селе Астраханка Ханкайского района Уссурийской области в 1903 г. (родители переехали на Дальний Восток с Киевщины в 1899 г.). Там он закончил 3 класса сельской школы, а после смерти отца, убитого, по сведениям самого Т. Строкача, «террористической бандой как организатор сельскохозяйственной коммуны», будущий глава УШПД работал по найму, в том числе сезонным чернорабочим, а в 1924 г. добровольно пошел в погранвойска ОГПУ. Тимофей Строкач окончил пограншколу в Минске (1925–1927), где получил специальность «командир погранвойск ОГПУ». В 1932–1933 гг. обучался на курсах командного состава в Высшей пограншколе НКВД в Москве, получив специальность «общевойсковой командир войск НКВД». Всю свою карьеру Строкач сделал в пограничных войсках НКВД, пройдя путь от простого солдата – на Дальнем Востоке (1924) до заместителя наркома внутренних дел УССР (1940–1942). В одной из послевоенных характеристик ЦК КП(б)У значилось, что этот пост Строкач получил «как один из лучших и способных командиров пограничных войск НКВД, имеющий большой опыт оперативной и чекистской работы...»²⁴ В 1940 г. Строкач был награжден орденом Красной Звезды, вероятнее всего, за операции против националистического подполья в Западной Украине, а в 1942 г. – орденом Ленина за деятельность по организации партизанской борьбы²⁵.

Кроме удовлетворительных качеств характера и квалификации войскового командира и руководителя, глава УШПД обладал личным опытом, ценным для руководителя партизанских формирований. В течение 35 дней – в сентябре–октябре 1941 г., попав с группой руководителей и сотрудников НКВД УССР в окружение, Строкач с

²³ Публикация в коллаборационистской газете «Голос Крыма», ноябрь 1944 г. (Білас І. Репресивно-каральна система в Україні... Кн. 2. С. 410).

²⁴ «Справка на Министра в д УССР тов. Строкач Т. А., заведующий отделом управления кадров ЦК КП(б)У Стеценко, 1 июня 1946 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 5. Спр. 107. Арк. 73).

²⁵ «Личный листок по учету кадров. Строкач Тимофей Амвросиевич», 22 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 5. Спр. 107. Арк. 64–65). Автобиография Т. Строкача, 22 сентября 1944 г. (Там же. Арк. 66–69).

боями вывел 338 человек в советский тыл по оккупированной немцами территории. По некоторым данным, именно за «операцию спасения», в том числе наркома Василия Сергиенко, Строкач и получил упомянутый орден Ленина²⁶.

Помимо независимого от ЦШПД руководства, автономия украинских партизан проявлялась и на другом уровне. В отрядах и соединениях УШПД не было особых отделов, имевших сквозное подчинение НКВД–НКГБ (с апреля 1943 г. НКВД и НКГБ вновь были разделены, особые отделы перешли в ведение НКГБ). Против особых отделов в партизанских формированиях выступил Никита Хрущев и был поддержан Строкачем. В тех отрядах, где особые отделы все же существовали, они подчинялись не НКВД–НКГБ, а командиру отряда или напрямую УШПД, согласовывавшем инструкции по ведению контрразведывательной работы с НКВД УССР²⁷. Функциями «особистов» являлась борьба с проникновением агентуры противника (контрразведка) и проверка личного состава партизанских отрядов на политическую благонадежность. Однако, несмотря на отсутствие особых отделов НКВД–НКГБ, каких-то выдающихся успехов в агентурной разработке соединений УШПД немецкая сторона не достигла. Не были украинские красные партизанские командиры в 1943–1944 гг. замечены и в нелояльности советской власти. С другой стороны, очевидно, что наличие в отрядах независимой репрессивно-карательной и контролирующей структуры могло бы вселять неуверенность в партизанских командиров, сковывать их инициативность и подрывать армейский принцип единоначалия, который и без того подрывался наличием в отрядах комиссаров. Таким образом, представляется, что отсутствие «особистов» как своеобразного «недремлющего ока НКВД» положительно сказалось на эффективности оперативного применения партизанских формирований УШПД.

Возвращаясь к системе управления партизанскими отрядами, опишем такой институт, как представительства УШПД на фронтах, действовавших вблизи Украины или непосредственно на ее территории. В зависимости от реорганизаций Красной армии оперативные группы, а затем представительства УШПД в 1942–1944 гг. действовали при военных советах 1) Юго-Западного и Западного фронтов (1942);

²⁶ Интервью бывшего адъютанта Строкача А. Русанова газете «Доброволец», перепечатаной в газете «Голос Крыма» от 7 ноября 1943 г. (*Білас І. Репресивно-каральна система в Україні...* Кн. 2. С. 410). См. также: «Докладная записка о выходе из вражеского окружения сотрудников НКВД УССР» зам. народного комиссара внутренних дел УССР Савченко на имя Хрущева, № 3302/св, 27 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 62. Арк. 60).

²⁷ *Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя...* С. 280–281.

2) Брянского, Воронежского, Северокавказского и Юго-Западного фронтов (1942–1943); 3) Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов (1943) и 4) 1, 2, 3, и 4-го Украинского фронтов (1943–1944). Часть отрядов, соединений и групп УШПД в 1943–1944 гг. входила в оперативное подчинение непосредственно УШПД, часть – в среднем около трети личного состава всех партизанских формирований – в оперативное подчинение представительств УШПД на фронтах. Последние вели боевую деятельность согласно указаниям фронтового командования, при этом согласуя планы с УШПД и регулярно – раз в две недели, отчитываясь перед Т. Строчаком. По основным задачам отряды и соединения, подчиненные непосредственно УШПД, не отличались от отрядов, подчиненных представительств УШПД на фронтах. Этот элемент руководства украинскими партизанами позволил улучшить оперативное взаимодействие между Армией и партизанскими отрядами и соединениями²⁸.

Упомянем и областные штабы партизанского движения. Формально первые областные штабы были созданы УШПД в конце 1942 г., но по сути эта система начала работать только с 1943 г. и функционировала практически до конца немецкой оккупации. «В большинстве случаев начальниками областных штабов были командиры базовых партизанских соединений и секретари областных подпольных обкомов КП(б)У. Членами штабов, кроме партийных работников, назначались также командиры и комиссары партизанских соединений. Начальник областного штаба, подчиняясь ЦК КП(б)У и УШПД, по условиям оперативной необходимости согласовывал деятельность своих партизанских формирований с представительств УШПД при военных советах фронтов»²⁹. Фактически областные штабы были инструментом партийного контроля над партизанскими формированиями, что выразилось в том числе в большом проценте партноменклатуры среди личного состава штабов. Не совсем ясны были и полномочия руководства штабов, поскольку командирам соединений и отдельно действующих бригад, отрядов и групп задачи ставились также и непосредственно УШПД или представительств УШПД на фронтах (см. схему в конце книги). Все это приводило к постоянным конфликтам между партизанскими командирами и начальниками областных штабов. В ряде случаев конфликты были вызваны объективными причинами. Например, формирования УШПД были довольно мобильными и часто меняли место дислокации. Поэтому в

²⁸ Кенцій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 106–110.

²⁹ Там же. С. 112.

ряде случаев было просто не ясно, имеет ли право начальник какого-либо областного штаба давать указания командиру партизанского соединения, временно находящегося на территории соответствующей области, что приводило к конфликтам³⁰. Поэтому можно предположить, что создание областных штабов для оптимизации управления партизанскими отрядами было нецелесообразно. Возможно, в тех условиях для УШПД и ЦК КП(б)У было бы целесообразней – с точки зрения эффективности партизанской борьбы – наделить областные штабы не руководящей, а лишь контролирующей ролью.

В декабре 1943 г. УШПД переехал в Киев, ближе к линии фронта.

В августе 1944 г. вся территория УССР была занята Красной армией. В новых условиях на УШПД и представительства УШПД на фронтах была возложена задача по руководству отрядами, действовавшими на территории Чехословакии и Венгрии (Закарпатской Украины).

20 октября 1944 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление о сокращении штатов УШПД, 5-й пункт которого гласил: «Личный состав Украинского штаба партизанского движения и его подразделений, подлежащих сокращению, направить:

а) офицерский состав в НКВД УССР для укомплектования Управления по борьбе с бандитизмом на Украине (т. е. преимущественно для борьбы с украинскими националистическими повстанцами. – А. Г.);

б) партийных и советских работников – в отдел кадров ЦК КП(б)У»³¹.

23 декабря 1944 г. ЦК КП(б)У принял постановление о расформировании УШПД с 1 января 1945 г.

1.2. Роль НКВД СССР, НКГБ УССР и ГРУ в партизанской борьбе

В советское время роль центральных органов госбезопасности и разведорганов Красной армии в организации и руководстве партизанскими формированиями изучалась крайне слабо. В настоящий момент ряд исследователей, занимающихся историей партизанской борьбы, с одной стороны, ссылаясь на закрытость архивов, с другой –

³⁰ См.: Україна партизанська... С. 47–49; Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 106–118.

³¹ Борьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України 1943–1959 // Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. С. 89.

на особый, в сравнении со штабами партизанского движения, статус упомянутых организаций вообще отказывает группам НКВД–НКГБ СССР и Разведуправления Красной армии в названии «партизанские отряды». Однако несмотря на то, что важнейшие и второстепенные задачи отрядов трех упомянутых структур, занимавшихся зафронтной деятельностью, были различны, на настоящий момент никто не привел ни одного внятного аргумента в пользу того, почему одни отряды (УШПД) должно называть «партизанами», а другие (НКГБ, РУ ГШ КА) как-то по-другому: «диверсантами», «разведчиками» и т. д. При разнице в приоритетах деятельности, которая будет показана ниже, никакого принципиального, базового отличия между партизанами ГРУ, НКВД СССР и ЦШПД и УШПД не было. К тому же в документах противников и союзников красных партизан – украинских и польских националистов, немецких и румынских оккупантов, все эти типы советских формирований называются одинаково – «партизаны». И в мемуарах руководителей этих отрядов самоидентификация совпадает с указанным наименованием.

* * *

К сожалению, сейчас зафронтные операции НКВД–НКГБ СССР и ГРУ можно рассматривать в основном на основании отрывочных данных, просочившихся в печать, и косвенных сведений из открытых архивных фондов. Но без хотя бы краткого описания деятельности упомянутых организаций картина ситуации на оккупированной немцами территории будет неполной.

В первый год войны – до создания ЦШПД – старший майор госбезопасности Павел Судоплатов координировал всю деятельность республиканских НКВД по созданию и руководству партизанскими отрядами. Возглавляемая им особая группа после ряда реформирований была преобразована в 4-е управление НКВД СССР. Непосредственным начальником Павла Судоплатова в 1941–1943 гг. был нарком внутренних дел Лаврентий Берия, а с 14 апреля 1943 г., после выделения из НКВД Наркомата государственной безопасности, – глава новосозданного НКГБ Всеволод Меркулов. Таким образом 4-е управление НКВД было полностью передано НКГБ.

В распоряжении Павла Судоплатова в течение всей войны находились кадры и средства, не подотчетные республиканским наркоматам внутренних дел.

Речь идет, в частности, о занимавшейся партизанской войной на оккупированной территории СССР Отдельной мотострелковой бригаде Особого назначения – ОМСБОН. Из состава бригады формировались самостоятельные отряды для действий на фронте, а также

спецгруппы, засылаемые в тыл противника. Зачастую они обрастали там представителями местного населения, окруженцами и беглыми военнопленными. «После разгрома немецких войск под Москвой в феврале–марте 1942 года основное внимание командования ОМСБОН было направлено на развертывание борьбы в тылу противника. (...)

За годы войны 4-м управлением на базе ОМСБОН было подготовлено 212 специальных отрядов и 2222 группы общей численностью до 15 тысяч человек (в том числе 7316 воинов-омсбоновцев). Их силами было проведено 1084 боевых операции»³².

Поскольку целям и задачам партизан НКВД УССР – УШПД будет посвящен целый раздел, то, чтобы не запутывать читателя, сразу опишем различия между партизанами, подчиненными штабам партизанского движения, и 4-му управлению НКВД–НКГБ СССР.

Как показывают приведенные данные, боевая деятельность не была главной задачей служащих отрядов ОМСБОН. Если предположить, что все 212 специальных отрядов находились по одному году в немецком тылу, а указанные 2222 специальные группы вообще не проводили операций, то получится, что один партизанский отряд 4-го управления НКВД–НКГБ СССР в среднем проводил боевую операцию примерно один раз в два месяца. При всех возможных погрешностях подобную боевую деятельность сложно назвать интенсивной. Впрочем, это не исключает того, что отдельные группы НКВД–НКГБ СССР имели четко поставленные диверсионные задачи.

Предположение о слабой диверсионной и боевой активности партизанских отрядов НКГБ СССР подтверждается и частным примером. В каком-то смысле «образцовый» отряд НКГБ СССР «Победители» под командованием Дмитрия Медведева, согласно отчетности самого отряда, за 9 месяцев 1943 г. в ходе нахождения в глубоком немецком тылу провел 44 боевые операции и диверсии³³, т. е. в среднем 1 за 6 дней. Причем из этих 44 операций 22, т. е. ровно половина, были боестолкновениями с украинскими националистами. Столь слабая интенсивность боевой деятельности для любого отряда, подчиненного УШПД, просто непредставима.

Подчинявшийся УШПД партизанский командир Петр Вершигора вспоминал о «Победителях», что диверсиями отряд Медведева не занимался: «Бои вел лишь тогда, когда их навязывал противник... Но

³² ОСНАЗ... С. 46–47.

³³ «Дневник боевых и диверсионных действий отряда под командованием Д. Н. Медведева», 7 марта – 12 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 1–28).

зато осведомлен был Медведев о вражеских делах на Украине, пожалуй, лучше всех. Главная задача этого отряда – глубокая разведка»³⁴.

О другом известном партизанском отряде НКГБ СССР «Охотники» под командованием Николая Прокопюка сохранились свидетельства Георгия Балицкого, командира отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения УШПД. Согласно записи Балицкого в дневнике, Прокопюк сильно содействовал ему в создании агентурной сети³⁵.

О той же самой тенденции свидетельствует конфликт между руководителем отряда НКГБ СССР «Ходоки» Евгением Мирковским и командиром партизанского соединения УШПД им. Боровика Владимиром Ушаковым. Последний сообщал Сталину, что Мирковский, переманивая в свой отряд рядовых партизан, «местным партизанам говорит, чтобы бежали из отряда [под командованием Ушакова], [в] отряде, мол, нужно воевать, а у него [Мирковского] они займутся местной разведкой...»³⁶

Полученные в ходе агентурной разведки данные командование отрядов НКВД–НКГБ СССР сообщало в Москву, в 4-е управление НКВД–НКГБ СССР.

На личности руководителя этого управления остановимся более подробно. Павел Судоплатов родился в 1907 г. в расположенном на юге Украины городе Мелитополе в русско-украинской семье среднего достатка. В двенадцатилетнем возрасте он бежал из дома и стал бойцом Красной армии, а в четырнадцать лет, как один из немногих, умевших читать и писать, был принят на работу в особый отдел ВЧК. По некоторым данным, едва ли не всю свою чекистскую карьеру в 1920–1930-е гг. Судоплатов сделал на борьбе с украинскими антисоветскими партиями, в том числе с националистическими. В ходе длительной агентурной игры Судоплатов сумел войти в доверие к лидеру Организации украинских националистов Евгению Коновальцу и лично взорвать его в Роттердаме в 1938 г.³⁷ Позже Судоплатов организовал убийство Льва Троцкого.

³⁴ *Вершигора П. П.* Люди с чистой совестью. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vershigora/17.html>

³⁵ Дневник командира отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Г. Балицкого, запись от 27.9.1943 (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 18).

³⁶ Радиограмма командира партизанского соединения им. Боровика В. Ушакова Сталину о действиях командира партизанского отряда НКГБ СССР «Ходоки» Е. Мирковского (с приложениями), вх. № 4858, 23 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 15).

³⁷ *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997. С. 22–47.

Поэтому неудивительно, что у партизан 4-го управления НКВД–НКГБ СССР приоритетом был терроризм, – кропотливая агентурная разведка как раз и была подчинена этой задаче. Общепринятую и корректную терминологию для обозначения этого явления по понятным причинам советские историки использовали не всегда. Но даже они употребляли эвфемизм, не называя, скажем, «диверсиями» целенаправленные убийства прежде всего штатских людей, к тому же «ликвидации», совершаемые по большей части лицами, не одетыми в военную форму советской стороны: «На основании приговоров, вынесенных партизанами, омсбоновцы осуществили 87 актов возмездия»³⁸. Из разноречивых данных следует, что целями терактов были в основном 3 категории лиц: представители гражданской оккупационной администрации, высшие офицеры Вермахта и СС, а также наиболее значимые политэмигранты и советские коллаборационисты.

Например, партизаны под руководством Дмитрия Медведева в декабре 1941 г. в городе Жиздра Калужской области РСФСР захватили в плен сына князя Львова, бывшего председателя IV Государственной думы и председателя Временного правительства. Как вспоминал Медведев, «На самолете Р–5, впервые посаженном командованием на оккупированной территории на подготовленной нами площадке, отправили князя в Москву. Князь был переодет в форму санитаря (был в хорошей штатской одежде, но с повязкой с красным крестом)»³⁹.

После этого Медведев был вызван в Москву, где под его начало передали созданный на базе ОМСБОНа отряд «Победители» и перебросили в Западную Украину. По всей видимости, на этот раз перед отрядом Медведева была поставлена задача убийства главы рейхскомиссариата Украины Э. Коха (что не исключало и менее важных задач, в том числе покушения на генерала Андрея Власова⁴⁰). Даже при переговорах с действовавшим на Волыни лидером украинского антисоветского повстанческого отряда Тарасом «Бульбой» (Боровцом) осенью 1942 г. Медведев всеми силами пытался убедить его убить Коха⁴¹. Тарас Боровец не согласился на предложение. Однако

³⁸ Зевелев А. И., Рурлат Ф. Л., Козицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991. С. 278.

³⁹ «Стенограмма беседы с Героем Советского Союза, командиром партизанского отряда “Победители” Медведевым Д. Н.», беседу проводил зав. военно-партизанского сектора Комиссии по истории Отечественной войны Академии наук УССР В. Клоков, 30 апреля 1948 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Спр. 374. Арк. 3).

⁴⁰ Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. М., 2005. С. 215–218.

⁴¹ Дзьобак В. Бульбівці («перша УПА») // Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. К., 2005. Passim.

у отряда Медведева был и собственный инструмент для реализации спецзадания – Николай Кузнецов, действовавший в Ровно под видом германского офицера Пауля Зиберта. Поставленная задача, несмотря на многочисленные попытки, не была выполнена – Кох не был убит. Но Кузнецов совершил в 1943–1944 гг. ряд терактов против представителей гражданской оккупационной администрации. Поэтому деятельность спецотряда «Победители» получила самую высокую оценку руководства НКГБ СССР. Организатор убийств Медведев и исполнитель Кузнецов были награждены Золотыми Звездами Героев Советского Союза.

Практика постановки крайне сложного или даже заведомо невыполнимого задания распространена в среде спецслужб. Даже если приказ не выполнен, деятельность исполнителя оценивается по реально достигнутым результатам. Так и в данном случае: глубокое агентурное проникновение в аппарат оккупационной администрации и ряд громких терактов были признаны Судоплатовым успехом руководства отряда «Победители».

Представляется, что история партизан Дмитрия Медведева и прикрываемого ими Николая Кузнецова получила в СССР огласку благодаря тому, что Кузнецов в 1944 г. был убит, т. е. был провалившимся агентом.

Вместе с тем наряду с отрядом Д. Медведева на территории Украины в годы войны оперировали еще 5 отрядов НКВД–НКГБ СССР, руководители которых получили звания Героя Советского Союза: «Охотники» (командир Николай Прокопюк), «Олимп» (Виктор Карасев), «Ходоки» (Евгений Мирковский), «Форт» (Владимир Молодцов), «Маршрутники» (Виктор Лягин). Не по всем этим группам документы сегодня доступны в достаточной степени. Однако и те данные, имеющиеся в распоряжении исследователей, позволяют сделать вывод о том, что НКГБ в ходе зафронтовой деятельности не отказывался и от своего основного «рода деятельности» – борьбы с «внутренним врагом». Отряд «Ходоки» в июле 1943 г. получил задание по разработке Организации украинских националистов. До этого на его базу прибыла спецгруппа Муравьева, которая в районе Бердичева проникла в среду ОУН и захватила одного из местных руководителей – Кукса, который дал сведения о явках и паролях националистов. В октябре 1943 г. отряд Мирковского передислоцировался в район Сарн (Ровенская область), где вскрыв в Ракитнянском районе подпольную сеть националистов, уничтожил до 20 человек бандеровского актива. При этом, по сведениям самих чекистов, были выявлены националисты, имевшие контакт с разведкой Сумского и Житомирского соединений УШПД, и являвшиеся ее связными. Отрядом

были составлены списки почти на 200 активистов ОУН, раскрыта и ликвидирована попытка ОУН внедрить в партизанские формирования террористов-боевиков для ликвидации командно-политического состава. В частности, по данным чекистов, ими было предотвращено покушение бандеровцев на командира диверсионного отряда УШПД В. Яремчука, Героя Советского Союза⁴².

Историк Борис Соколов, оценивая деятельность отрядов, подчиненных штабам партизанского движения, высказывается о них сдержанно: «На самом деле особенно эффективными были операции не многочисленных, но плохо обученных и оснащенных отрядов, а действия небольших, специально подготовленных и владевших самыми современными средствами борьбы диверсионно-террористических групп, которые подрывали важные военные объекты и уничтожали высокопоставленных чиновников оккупационной администрации»⁴³. Очевидно, имеются в виду спецгруппы НКВД–НКГБ СССР.

Однако, говоря о выполненных заданиях отрядов 4-го управления НКВД–НКГБ СССР, можно поставить вопрос: насколько терроризм, тем более столь активный, был вообще целесообразен с точки зрения интересов коммунистического режима? Как сообщают советские историки, «каждому из них (терактов. – А. Г.) предшествовала тщательная разведка, поиск конкретных исполнителей, разработка различных вариантов их действий, обеспечение их боевыми средствами (мины, взрыватели, взрывчатка, оружие и т. д.). В этой работе штабы и разведка спецотрядов и спецгрупп опирались на активную помощь подпольщиков и связных»⁴⁴. Иными словами, все это требовало сложной и дорогостоящей работы специалистов высокого уровня. При этом любой, даже неудавшийся теракт – хотя бы тем, что засланная агентура обнаруживала себя – вызывал взрыв активности немецких спецслужб, демонстрировал верное направление контрразведывательных мероприятий и, как следствие, затруднял дальнейшую работу налаженной агентурной сети или вообще ее срывал. Вместе с тем не стоит и говорить о ценности разведывательной информации, получаемой от агентуры спецотрядов НКВД–НКГБ СССР. При этом значимость и профессионализм, например, чиновников немецкой оккупационной гражданской администрации подлежит сильному сомнению. Это были не специалисты, а нацистские функционеры, не обладавшие

⁴² ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 201. Арк. 179–180.

⁴³ Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. URL: <http://militera.lib.ru/research/sokolov3/02.html>

⁴⁴ Зевелев А. И., Рурлат Ф. Л., Козицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол. С. 279–278.

соответствующими знаниями, умениями и навыками, нужными для эксплуатации занятых территорий СССР⁴⁵. Если учитывать их некомпетентность и склонность к изуверству, можно сказать, что они оказывали определенную услугу сталинскому режиму, вольно или невольно презентуя его в качестве «меньшего зла» для части, а то и большинства населения оккупированной территории. Поэтому, например, разведанные, которые получал и мог получать и передавать в Центр в 1944–1945 гг., а, возможно, и позже, Николай Кузнецов, скорее всего, были куда более ценными, скажем, для ведения войны Красной армией на фронте или партизанами в тылу Вермахта, нежели жизни убитых группой Кузнецова или им самим главного судьи рейхскомиссариата Украина Функа, начальника управления финансов РКУ Ганса Геленга и его подчиненного надинспектора Адольфа Винтера, заместителя Эриха Коха Кнута, вице-губернатора дистрикта Галиции Бауэра и куратора «восточных войск» генерал-майора Макса Ильгена. Даже учитывая «морально-политическое» воздействие на военный и оккупационный аппарат рейха, оказываемое терактами, можно говорить о вредоносности данного вида терроризма для общей эффективности деятельности 4-го управления НКВД–НКГБ СССР и партизанской борьбы.

* * *

Несколько слов целесообразно сказать и о зафронтальной борьбе, проводившейся республиканскими аппаратами НКВД–НКГБ в 1942–1944 гг.

За 1941–1942 гг. НКВД УССР в период отступления Красной армии было оставлено в тылу Вермахта 12 726 агентов, включая 43 резидентов, которым подчинялось 644 агента, а также иные виды агентуры, включая 9541 «агента с различными задачами».

Передав партизанские отряды Украинскому штабу партизанского движения, 4-е Управление НКВД УССР в соответствии с поставленными перед ним задачами продолжило проводимую с первых дней войны работу по заброске в тыл противника резидентур, агентов, диверсионно-разведывательных, а впоследствии, с 1943 г., оперативно-чекистских групп и спецотрядов⁴⁶.

⁴⁵ См. раздел о кадрах оккупационного аппарата в работе: *Dallin Alexander*. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945...

⁴⁶ Итоговый доклад о боевой и агентурно-оперативной деятельности 4-го управления НКГБ УССР в 1941–1945 гг., начальник управления, 26 июля 1945 г. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1995. № 1/2(2/3). С. 15–28.

За 1941–1943 гг. НКВД–НКГБ УССР было переброшено в тыл противника 2030 агентов-одиночек, а также 29 резидентур общей численностью 89 человек.

По материалам, полученным от агентуры и специальных групп, действовавших в тылу Вермахта, за годы советско-германской войны постоянно выпускались информационные документы для НКГБ СССР и командующих фронтами. Всего управлением было выпущено 355 документов. За годы войны по линии НКВД–НКГБ УССР было выброшено в тыл немцев 153 радиста (в том числе в 1941–1943 гг. – 62). С ними был проведен обмен 7718 радиogramмами, в том числе в 1941–1943 гг. – 1036⁴⁷.

Как следует из ряда публикаций архива СБУ, с середины 1942 по середину 1943 г. диверсионная деятельность НКВД УССР была в целом незначительной. Основное внимание обращалось на восстановление и расширение агентурной сети. Причем наибольшая заинтересованность проявлялась при получении политической значимой информации из немецкого тыла (в том числе сведений о действиях коллаборационистов), а также о контрразведывательных мероприятиях.

Кроме того, в опубликованном документе НКГБ УССР от 16 октября 1943 г. – Положении о функциях 4-го отдела этого комиссариата всплывает еще одна задача. К сожалению, документ тоже подвергся редакционным сокращениям, однако, ряд приоритетов становится понятным. В частности, в числе задач 2-го отдела 4-го управления значилось: «Ведет работу по “Д” и “Т” на оккупированной территории. Проводит следствие по изменникам и предателям из числа агентуры 4-го Управления НКГБ УССР»⁴⁸. «Д» – это ведомственное обозначение диверсий, «Т» – терроризма.

В опубликованных документах этот пункт прослеживается довольно четко. Например, в задачах действовавшей на базе соединения А. Сабурова оперативно-чекистской группы «За Родину» (5 человек) значилась агентурная разработка немецких разведывательных и контрразведывательных структур, формирований РОА⁴⁹. За три месяца пребывания в тылу немцев спецгруппа выяснила и создала условия для заброски в тыл немцев ряда других оперативно-чекистских

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Положение о функциях подразделений 4-го управления НКГБ УССР, утверждено наркомом ГБ УССР Савченко 16 октября 1943 г. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2000. № 1 (12). Док. № 48.

⁴⁹ Докладная записка наркома ГБ УССР Савченко Судоплатову о зафронтовой деятельности группы «За Родину», после 28 октября 1943 г. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2000. № 1 (12). Док. № 62.

групп. Одна из них описывалась так: «Специальная агентурная группа в составе 13 человек с двумя радиостанциями, под руководством бывшего чекиста “Корецкого”. Группа “Корецкого” направлена в район Ровно со специальным заданием по “Т”»⁵⁰. Нелишним будет упомянуть, что Ровно являлось нацистской столицей Украины, т. е. там постоянно находилось большое количество высокопоставленных гражданских лиц – чиновников оккупационного аппарата.

Уже после занятия Красной армией территории Украины в тыл немцев на территорию Западной Польши была выброшена оперативно-чекистская группа «Висла» в составе 8 человек под командованием Алексея Лотова («Собинова»), одной из задач которой стояла вербовка агентуры «среди советофильски настроенных местных жителей» с целью подготовки диверсий на промышленных объектах, а также упомянутая «ликвидация офицерского состава германской армии, работников разведывательно-карательных органов и государственного аппарата противника, руководителей национал-социалистической партии Германии»⁵¹.

Деятельность 4-го управления НКГБ УССР осуществлялась соответственно общим указаниям начальника 4-го управления НКГБ СССР Павла Судоплатова.

Второстепенными заданиями для спецгрупп НКГБ УССР была контрразведывательная деятельность в партизанских формированиях (в том числе против УПА и АК), агентурная разработка польских и украинских националистических формирований⁵² и в ряде случаев диверсии. Обычно в последнем случае речь шла о четко поставленных задачах, зачастую уже с обозначением определенного объекта, долженствующего быть уничтоженным.

Описав задачи групп, два слова скажем об истории их деятельности. По всей видимости, соответствующие специалисты и техника в начале 1943 г. из республиканских аппаратов НКВД были «исчерпаны», с одной стороны, штабами партизанского движения, с другой НКВД СССР. Возможно, этим можно объяснить тот факт, что до реализации поставленных 10 февраля задач дело дошло только осенью 1943 г. (к тому времени аппарат НКВД был уже разделен на НКВД и НКГБ).

20 сентября 1943 г. на базу соединения УШПД Н. Таранущенко (Черниговская область) была десантирована оперативно-

⁵⁰ Докладная записка наркома ГБ УССР...

⁵¹ Задания руководству группы «Висла», сентябрь 1944 г.; утверждено Савченко 6 сентября 1944 г. (Там же. Док. № 70).

⁵² *Веденеев Д. В., Биструхин Г. С.* Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА. 1920–1945. К., 2006. С. 181–182.

разведывательная группа НКГБ УССР «Дружба» под командованием капитана Н. Онищука. Она действовала на территории Черниговской и Киевской областей, взаимодействовала с соединением УШПД под командованием И. Хитриченко, а в 1944 г. вместе с 1-й Украинской партизанской дивизией под командованием П. Вершигоры осуществила рейд по территории Западных областей Украины, Польши и Белоруссии. В 1943–1944 гг. на базе соединения И. Федорова действовала оперативно-разведывательная группа «Волыныцы» под командованием капитана П. Форманчука (5 чел.). С мая 1944 г. эта группа, к тому времени насчитывавшая 120 бойцов, оперировала самостоятельно на территории Польши и, частично, Венгрии. На базе соединения УШПД И. Шитова в 1943–1944 гг. действовала оперативно-разведывательная группа НКГБ УССР «Унитарцы» (командир – капитан В. Хондамко, 4 человека), а на базе соединения В. Бегмы – группа «Разгром» (командир – капитан Г. Бурлаченко)⁵³. Известны названия действовавших в тылу немцев, в основном на базе отрядов УШПД, также следующих спецгрупп: «Удар», «Неуловимые», «Заднепровцы», «Орел» и «Зайцева». «Руководящий состав этих опергрупп комплектовался в основном за счет оперативных работников органов НКГБ и в большинстве за счет оперработников 4-го Управления НКГБ УССР»⁵⁴.

В итоговом отчете НКГБ УССР о деятельности в годы войны первым пунктом значилось: «Ликвидировано видных антисоветских деятелей и лиц комсостава немецких армий» – 25, из них в 1942 году – 2, в 1943–3, в 1944–2, и в 1945-м (в Польше, Чехословакии и Германии) – 16⁵⁵. Таким образом, террористическая деятельность НКГБ УССР, очевидно, была сопоставима с мероприятиями НКГБ СССР в соответствующей оперативной зоне.

* * *

До настоящего времени история армейских разведывательных структур в годы войны изучена еще хуже, чем деятельность 4-го управления НКВД–НКГБ СССР, что, впрочем, не снимает с иссле-

⁵³ ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 201. Арк. 3–14.

⁵⁴ Докладная записка НКГБ УССР о роли органов безопасности УССР в организации партизанского движения, начальник 4-го управления НКГБ УССР полковник ГБ Сидоров, январь 1945 г. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2000. № 1 (12). Док. № 47.

⁵⁵ «Итоговый доклад о боевой и агентурно-оперативной работе 4-го управления НКГБ УССР в Отечественной войне 1941–1945 гг.», утверждено наркомом ГБ УССР Савченко 27 июля 1945 г. (ГДА СБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 86 751, т. 46. Арк. 43).

дователя обязанности хотя бы обозначить участие ГРУ в партизанской борьбе.

На 22 июня 1941 г. вся разведдеятельность Красной армии была сосредоточена в Разведывательном управлении Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии (РУ ГШ РККА). Ему подчинялись не только разведорганы фронтов, но и разведка на территории иностранных государств. С июня 1940 по ноябрь 1941 г. РУ возглавлял генерал-лейтенант Филипп Голиков, с ноября 1941 по август 1942 г. на этой должности находился генерал-майор Алексей Панфилов, а с августа 1942 г. – генерал-лейтенант Иван Ильичев.

Одним из видов деятельности РУ и подчиненных ему структур стала засылка на оккупированную территорию разведывательных или разведывательно-диверсионных групп (РДГ).

В январе 1942 г. после окончания битвы за Москву Государственный комитет обороны рассмотрел деятельность военной разведки по итогам первых месяцев войны. Были отмечены следующие недостатки деятельности Разведуправления Генштаба РККА: организационная структура Разведуправления не соответствовала условиям работы в военное время; отсутствовало должное руководство Разведуправлением со стороны Генштаба РККА; материальная база военной разведки была недостаточной, в частности, отсутствовали самолеты для заброски разведчиков в тыл противника; в Разведуправлении отсутствовали крайне необходимые отделы войсковой и диверсионной разведки.

В результате приказом наркома обороны от 16 февраля 1942 г. Разведуправление было переименовано в Главное разведывательное управление (ГРУ) ГШ РККА и претерпело определенные структурные и штатные изменения⁵⁶.

23 октября 1942 г. последовала новая реорганизация армейской разведки: ГРУ ГШ КА было разделено на Главное разведывательное управление, теперь подчинявшееся не начальнику Генштаба, а непосредственно наркому обороны СССР Иосифу Сталину (ГРУ НКО, иначе ГРУ КА), и Разведывательное управление Генштаба (РУ ГШ КА)⁵⁷. ГРУ КА возглавил генерал-лейтенант Иван Ильичев, а РУ – генерал-лейтенант Федор Кузнецов. Вся агентурная разведка, в том числе в тылу противника и за рубежом возлагалась на ГРУ, РУ же

⁵⁶ Разведка СССР в годы Великой отечественной войны. URL: <http://www.agentura.ru/culture007/history/ww2/ussr/razvedka/>

⁵⁷ Приказ НКО (Сталина) о реорганизации ГРУ ГШ КА № 00 222, 23 октября 1942 г. (Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). М., 1997. Док. № 280. С. 348.

подчинялись разведорганы фронтов, т. е. войсковая разведка. Приказом Государственного комитета обороны РУ запрещалось вести агентурную разведку.

О причинах таких трансформаций существуют разные мнения. Согласно воспоминаниям, опубликованным дочерью бывшего сотрудника РУ Виталия Никольского, по мнению руководства ГРУ, возглавляемого в ту пору дивизионным комиссаром И. И. Ильичевым, агентурная разведка на фронтах и в армиях была слабо оснащена технически, велась недостаточно квалифицированными кадрами, имела много провалов в тылу Вермахта, была инфильтрована «провокаторами» и полностью своих задач по информированию командования фронтов о положении в оперативном тылу немцев не решала: «По замыслу ГРУ, для устранения этих бед нужно было запретить фронтовым и армейским разведорганам вести агентурную разведку и всю работу по подбору, подготовке, засылке в тыл противника разведчиков и агентов и руководство ими, а также информацию фронтов по добываемым агентурным путем сведениям осуществлять централизованно силами ГРУ. Был намечен поистине мудрый способ излечить больную голову путем ее отсечения»⁵⁸.

Согласно другим данным, разделение ГРУ и РУ было вызвано перегруженностью начальника Генштаба двумя различными видами развединформации: данными глубокой агентурной и войсковой разведки. Поэтому, чтобы отделить то, что непосредственно не касалось Генштаба (в частности, данные о ситуации в дальнем зарубежье) от информации с театра военных действий и было решено выделить РУ из ГРУ, а ГРУ подчинить непосредственно Сталину, поскольку для него была крайне важна информация с оккупированной территории и из-за рубежа.

Так или иначе, реорганизация, начавшаяся в момент подготовки наступления под Ржевом и Сталинградом, привела к болезненным и лихорадочным перестановкам в разведорганах Красной армии.

Кроме этого, новую систему сложно было назвать оптимальной.

Во-первых, с осени 1942 г. задачи агентуре ставились не прямо «потребителями» развединформации (штабами фронтов), а централизованно – через ГРУ. Непосредственное руководство разведчиками тоже осуществлялось в Москве. Во-вторых, штабы фронтов перестали оперативно получать информацию о деятельности агентурной разведки в тылу врага, т. к. агентурные данные стекались в ГРУ, там обрабатывались и передавались в штабы фронтов и армий,

⁵⁸ Никольский В. ГРУ в годы Великой Отечественной войны... С. 119.

за время обработки и передачи успевали устареть⁵⁹. «Поэтому часто случалось, что сводки об обстановке в тылу противника приходили в войска, когда они уже занимали территорию, о которой говорилось в присланных сообщениях. К тому же в ходе поспешной реорганизации агентурной разведки сотни разведгрупп и резидентур остались без должного руководства, а часть из них вообще выбыла из строя»⁶⁰.

В связи со сложившейся ситуацией весной 1943 г. командующие фронтами обратились с настоятельной просьбой в Ставку ВГК отменить вышеупомянутый приказ. Просьбу рассмотрели, и приказом наркома обороны от 18 апреля 1943 г. руководство войсковой и агентурной разведки фронтов было возложено на Разведуправление (РУ) Генштаба, которому из ГРУ передавались кадры, отвечающие за проведение агентурной работы и диверсионной деятельности на оккупированной территории СССР.

В соответствующем приказе НКО значилось: «3. Упразднить в составе Главного разведывательного управления Красной Армии 2-е управление, ведущее агентурную разведку на временно оккупированной территории Союза ССР. Передать Разведывательному управлению Генерального штаба Красной Армии агентурную сеть, материальные средства и кадры этого управления.

4. Главному разведывательному управлению Красной Армии вести агентурную разведку только за рубежом».

По некоторым данным, за разведывательно-диверсионную работу на оккупированной территории СССР отвечал 2-й отдел Разведуправления (начальник – генерал-майор Н. В. Шерстнев), а конкретно диверсионное направление курировал заместитель 2-го отдела полковник Косиванов. Кроме того, для проведения операций в тылу противника в составе Разведуправления имелась авиаэскадрилья особого назначения, которой командовал майор Цуцаев⁶¹.

Это положение просуществовало до конца войны.

После войны РУ было снова влито в ГРУ, вошедшее в подчинение начальника Генштаба Красной (с 1946 г. – Советской) армии.

Для партизан, подчиненных разведорганам Красной армии, все описанные реорганизации означали следующее. С начала войны до

⁵⁹ *Никольский В.* ГРУ в годы Великой Отечественной войны... С. 120–121.

⁶⁰ *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. М., 1999. URL: <http://www.agentura.ru/dossier/russia/gru/imperia/voyna/>
Павлов А. Г. Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2.

⁶¹ *Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки // http://militera.lib.ru/research/kolpakidi_prohorov1/13.html

23 октября 1942 г. они подчинялись РУ (ГРУ) ГШ РККА – иногда непосредственно Разведуправлению, иногда через фронтовые штабы, т. е. последовательно Ф. Голикову, А. Панфилову, И. Ильичеву. После разделения ГРУ и РУ – на период с 23 октября 1942 г. по 18 апреля 1943 г. – эти партизаны подчинялись ГРУ, возглавлявшемуся И. Ильичевым. После 18 апреля 1943 г. до конца войны указанными партизанскими отрядами руководило РУ ГШ КА во главе с Ф. Кузнецовым – как непосредственно из Центра, так и через разведывательные отделы штабов фронтов. Возможно, правда, что отдельные отряды разведорганов Красной армии, оперировавшие в тылу Вермахта, в ходе и в результате многочисленных изменений в руководящих структурах не полностью вписывались в указанную систему подчинения.

Из командиров соответствующих групп, действовавших на территории Украины в годы войны, назовем Героев Советского Союза Антона Бринского (Западная Украина) и Кузьму Гнидаша (Левобережная Украина).

Относительно приоритетов в деятельности партизанских отрядов РУ–ГРУ разнообразные данные говорят о том, что на первом месте у них стояла агентурная разведка, а терроризм не был для них задачей первостепенной важности.

Отличались армейские партизанские группы и от подчиненных штабов партизанского движения. Служивший в годы войны в УШПД Илья Старинов считал, что ГРУ занималось диверсиями как «подсобным» делом, предпочитая считать поезда, а не пускать их под откос⁶².

Таким образом, в Украине в глубоком тылу Вермахта в годы войны действовало три типа советских спецподразделений (англ. – commandos, нем. – Sondereinheiten, рус. – спецназ), задания которых были в целом одинаковыми, но – и это главное – разными были приоритеты: диверсанты (УШПД), террористы (НКВД–НКГБ), разведчики (РУ–ГРУ). При этом второстепенные и третьестепенные задачи каждого из этих ведомств повторяли приоритетные задачи двух остальных силовых и карательных структур, занимавшихся зафронтовой борьбой. В этом смысле СССР не был исключением. Аналогичное соперничество было и в Третьем рейхе, где существовал армейский спецназ, подчиненный Абверу, и спецподразделения, подчиненные Главному имперскому управлению безопасности (RSHA).

⁶² РГВА. Ф. 40 973. Оп. 1. Д. 28. Л. 22 (цит. по: *Попов А.* Диверсанты Сталина... С. 178).

Похожая ситуация наблюдалась и в британских силовых структурах, где армейской разведке (MI (R)) конкуренцию составляло Управление специальных операций (SOE) и политическая разведка SIS. В целом это порождало определенное здоровое соперничество между ведомствами, хотя иногда по отдельным вопросам имело место и сотрудничество.

1.3. Вопросы взаимодействия партизан различных ведомств и контроля со стороны зафронтовых органов руководства

До середины 1942 г. в советском руководстве партизанскими формированиями отсутствовала упорядоченность и координация усилий. В опубликованных дочерью сотрудника Разведуправления Генштаба мемуарах описывается случай, когда в первый год войны сотрудники НКВД расстреляли агентуру армейских разведорганов, завербованную последними среди полицаев-коллорабационистов⁶³.

Но даже с момента создания штабов партизанского движения зафронтовой борьбой занимались описанные выше структуры, действовавшие независимо друг от друга. Руководители ГРУ–РУ, УШПД и 4-го управления НКВД–НКГБ СССР регулярно не сообщали друг другу информацию о собственной деятельности: создании, выброске и дислокации отрядов, их боевых, разведывательных и диверсионных задачах, планах и т. д. В частности, на оперативных картах УШПД некоторые обнаруженные партизанские отряды других ведомств вообще не идентифицированы – рядом с ними стоят вопросительные знаки⁶⁴. Неинформированность приводила, в частности, к тому, что иногда встречи между партизанскими отрядами различных ведомств были неожиданными. При одной из таких встреч между Сумским соединением и отрядом Медведева «Победители» случайно произошла перестрелка, в ходе которой был ранен начальник штаба 2-го стрелкового батальона соединения Иван Лисицын⁶⁵.

⁶³ Никольский В. ГРУ в годы Великой Отечественной войны... С. 77.

⁶⁴ См., напр.: «Карта дислокации и боевых действий партизанских отрядов УШПД с 1 января 1943 г.» Помощник начальника оперотдела УШПД сержант госбезопасности Бойченко (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 6. Спр. 10. Арк. 1).

⁶⁵ Приказ № 388а по Сумскому партизанскому соединению, Ковпак и др., 4 июля 1943 г. (Від Полісся до Карпат. Карпатський рейд Сумського партизанського з'єднання під командуванням С. А. Ковпака (червень-вересень 1943 р.): очима учасників, мовою документів / упоряд.: А. В. Кентій, В. С. Лозицький. К., 2005. С. 53).

С другой стороны, все же указанные руководящие структуры в ряде случаев обменивались информацией и поддерживали друг друга, исходя из оперативной необходимости. А с 1943 г. было налажено взаимодействие и на организационном уровне.

Приказом наркома обороны Сталина от 19 апреля 1943 г. заместителями начальников разведотделов республиканских и фронтовых штабов партизанского движения (в том числе УШПД) были назначены представители возглавляемого Федором Кузнецовым Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Кроме того, в партизанские отряды, действовавшие в районах, интересующих Разведывательное управление, командиры РУ назначались на должности заместителей командиров партизанских отрядов и соединений по разведке. Этим же приказом было установлено, что разведдонесения партизанских отрядов должны были подписываться командиром и комиссаром отряда и заместителем командира отряда по разведке⁶⁶. Иными словами, вся наиболее важная развединформация, полученная отрядами штабов партизанского движения, должна была автоматически становиться известной представителям РУ ГШ КА, которые иногда даже обладали собственной рацией, не подчиненной командиру соединения или отряда. Еще с весны 1942 г. в Сумском соединении действовала спецгруппа разведывательного отдела штаба Брянского фронта во главе с П. Вершигорой, который впоследствии стал заместителем Ковпака по разведке. В начале 1943 г. временно находившийся в соединении капитан ГБ Яков Коротков сообщал о нем Строчаку: «Вершигора занимается только общевойсковой разведкой, причем все данные сообщает только в разведотдел Брянского фронта подполковнику Романову, туда же посылает и всякие добытые документы»⁶⁷. Возможно, что и в некоторых других соединениях УШПД на должностях заместителя командира по разведке присутствовали представители армейских спецслужб. Факт, что на базе ряда соединений действовали отдельные группы армейской разведки. 9 сентября 1943 г. Т. Строчак сообщил командирам соединений В. Бегму и Я. Мельнику, что на их базы придут спецгруппы РУ ГШ КА и просил оказать им помощь⁶⁸.

⁶⁶ Приказ НКО (Сталина) № 0073 об улучшении разведывательной работы партизанских отрядов, 19 апреля 1943 г. // Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. Док. № 179. С. 282.

⁶⁷ Докладная записка капитана ГБ Я. Короткова Строчаку о ситуации в Сумском соединении. 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 52).

⁶⁸ *Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя...* С. 273.

Подобное проникновение в отряды УШПД наблюдалось и со стороны представителей 4-го управления НКВД–НКГБ СССР. В соединении Сабурова уже с октября 1942 г. действовала соответствующая группа, пытавшаяся использовать агентурную сеть этого соединения. Самостоятельность чекистов вызвала резкие возражения Сабурова, который направил Строкачу жалобу. Т. Строкач, К. Ворошилов и П. Пономаренко единодушно поддержали Сабурова⁶⁹. Очевидно, что с того момента группы НКВД СССР в соединениях УШПД полностью подчинялись командирам соединений. Другой пример: в 1943–1944 гг. в Сумском соединении действовала группа НКГБ СССР «Поход» под руководством капитана Мирошниченко.

С другой стороны, и ГРУ–РУ, возможно, имело своих представителей в составе групп НКВД–НКГБ.

Известны случаи передачи части личного состава из одного ведомства в другое. Например, в марте 1943 г. из отряда им. Сталина, подчиненного УШПД, была выделена группа в 50 человек, ставшая основой для партизанского отряда НКГБ СССР «Поход»⁷⁰.

В другом случае польский отряд под руководством Йозефа Собесяка был передан в декабре 1943 г. из бригады РУ ГШ КА под руководством Антона Бринского в Ровенское соединение УШПД под руководством Василия Бегмы⁷¹.

На низовом уровне взаимодействие отрядов зависело от ситуации. Если партизанским командирам разных ведомств удавалось налаживать нормальные отношения друг с другом, то доходило до проведения совместных боевых операций и обмена агентурными сетями⁷². Иногда координация действий различных отрядов осуществлялась на уровне руководящих центров – УШПД, РУ ГШ КА и 4-го управления НКГБ СССР – дававших отрядам приказы по передислокации и оперативному взаимодействию.

Для понимания принципов функционирования советских партизанских формирований важно описание механизмов контроля руководящих центров над действующими в тылу отрядами.

⁶⁹ Сообщение Строкача командиру партизанских формирований (временная должность конца 1942 г.) К. Ворошилову о конфликте в соединении Сабурова, 13 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1271. Арк. 112).

⁷⁰ Справка зам. начальника УШПД Соколова о ситуациях в отрядах под командованием Мирковского (НКГБ СССР) и Ушакова (УШПД), 26 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 16).

⁷¹ *Juchniewicz Mieczysław*. Na Wschód od Bugu... S. 30–40.

⁷² См., напр.: Дневник командира отряда им. Сталина Черниговско-Вольнского соединения, записи конца 1943 г. об отношениях с командиром отряда НКГБ СССР В. Карасевым (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59).

Лишь документы партизан УШПД доступны в должной мере, поэтому на деятельности подчиненных Строкача и можно остановиться более подробно.

В 1941–1942 гг. контроль над всеми видами партизанских формирований был крайне слабым. Дмитрий Медведев вспоминал об августе 1941 г.: «К этому времени никто не знал, что делается в фашистском тылу»⁷³. Не существовало организованной системы руководства формированиями, абсолютное большинство действующих отрядов не было обеспечено радиосвязью, а связь через курьеров себя не оправдывала, т. к. большинство курьеров пропадало без вести.

Во второй половине 1942 г. УШПД находился за многие сотни километров от зоны оперативной активности подчиненных ему партизан, а связь самолетами также была нерегулярной.

С конца 1942 г., когда система руководства партизанами приобрела некую стройность, УШПД переместился в Москву, а большинство украинских соединений получили рации, контроль Центра над партизанами можно считать вполне удовлетворительным.

Основные формы контроля были следующие:

– командиры соединений и отрядов должны были по возможности часто сообщать в УШПД, в том числе напрямую Т. Строкачу или в отделы штаба, о важнейших событиях в собственной деятельности в виде коротких сообщений – радиограмм;

– регулярно командование соединений направляло на имя начальника УШПД обширные оперативные отчеты – как о каких-либо значимых операциях, например, рейдах, так и просто за определенные периоды времени;

– в большинстве соединений и отдельно действующих бригад и отрядов заместители или помощники командиров по разведке были личными информаторами Строкача;

– большинство радистов, направленных на работу в партизанские соединения, были тайными агентами Строкача и без ведома командования отрядов сообщали ему сведения об обстановке в партизанских формированиях;

– на самолетах УШПД в советский тыл регулярно доставлялись раненые партизаны, также служившие источником информации о событиях на оккупированной территории;

⁷³ «Стенограмма беседы с Героем Советского Союза, командиром партизанского отряда “Победители” Медведевым Д. Н.», беседу проводил зав. военно-партизанского сектора Комиссии по истории Отечественной войны Академии наук УССР В. Клоков, 30 апреля 1948 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Спр. 374. Арк. 2).

– периодически отдельные командиры и комиссары партизанских формирований вызывались «на большую землю» для бесед с руководством разного уровня (в начале сентября 1942 г. партизанские командиры А. Сабуров и С. Ковпак даже присутствовали на совещании в Кремле с участием И. Сталина);

– руководство областных штабов партизанского движения регулярно или сообразно обстановке сообщало в УШПД о ситуации в подотчетных партизанских формированиях;

– представители УШПД и ЦК КП(б)У – в том числе Тимофей Строкач и секретарь ЦК КП(б)У Демьян Коротченко – периодически выезжали на оккупированную территорию для встреч с представителями партизанских отрядов, а некоторые из них (например, Иван Сыромолотный) находились в действующих отрядах на протяжении многих месяцев;

– во время кратковременного или длительного нахождения вблизи друг друга различных партизанских формирований их командиры сообщали в УШПД или его представительства сведения о соседних отрядах и соединениях.

В советской системе в годы войны присутствовали механизмы контроля над партизанами, подотчетными УШПД, и не связанные непосредственно с данной организацией.

О ситуации на оккупированной советской территории, в том числе и о действиях партизан УШПД, своему руководству сообщали:

– партизаны, подотчетные другим штабам партизанского движения (в частности, Белорусскому);

– партизаны, группы и агентура отрядов НКВД–НКГБ СССР (включая группы, находившиеся в отрядах УШПД);

– партизаны, группы и агентура ГРУ и РУ (включая представителей РУ в соединениях УШПД);

– агентура и группы НКВД, а с апреля 1943 г. НКГБ УССР, БССР;

– подпольные обкомы КП(б)У и другие парторганизации;

– военнослужащие Красной армии, в случаях когда партизаны оказывались в непосредственной близости к фронту или переходили его;

– журналисты, писатели и иные работники культуры, проводившие в партизанских отрядах в отдельных случаях по нескольку месяцев.

Начальство перечисленных категорий информаторов могло, в случае необходимости или просто по желанию, сообщить полученные данные главе УШПД, а при наличии стремления как-то дискредитировать или, напротив, поощрить Украинский штаб и лично

Т. Строкача – донести сведения одному из его непосредственных начальников – И. Сталину, Н. Хрущеву, П. Пономаренко.

Любопытно, что с марта 1943 г., после обретения УШПД «автономии», между И. Сталиным и командирами соединений – например, командиром Сумского соединения Сидором Ковпаком было только два человека – Тимофей Строкач и Никита Хрущев, при этом последний не особо вмешивался в работу УШПД. Между, например, командиром действующей на фронте дивизии и Сталиным в структуре подчинения-соподчинения Красной армии находилось в среднем пять человек.

Но все же контроль руководящих центров над отрядами УШПД по причине того, что последние действовали на оккупированной немцами территории, был существенно ниже, чем контроль советских органов власти над, например, частями Красной армии. Но в целом система получения УШПД информации о партизанах в 1943–1944 гг. отвечала требованиям военного времени.

Утверждение американского исследователя Джона Армстронга, что «навязанной партизанским отрядам системе управления действительно удалось сохранить очень высокую степень лояльности к режиму»⁷⁴, можно считать не совсем точным. Сохранившееся с 1941–1942 гг. командное ядро партизанских формирований, а, следовательно, и отряды в целом, были лояльны коммунистической власти. Суть системы контроля была в другом – поскольку она была многоуровневой, то позволяла более или менее адекватно оценивать ситуацию в отрядах, деятельность партизанских командиров и рядовых командос.

Оценивая схему руководства партизанскими отрядами, в целом можно признать ее неэффективной в 1941–1942 гг., но, начиная с апреля 1943 г. и до конца войны в общем отвечающей задачам, поставленным главой СССР.

⁷⁴ Армстронг Дж. Советские партизаны... С. 176.

2. КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ В УКРАИНЕ

2.1. Первый год, разгромный

Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами Второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом.

Председатель СНК СССР И. Сталин советскому послу в Англии Ивану Майскому, конец августа 1941 г.¹

В 20–30-е годы в западных районах СССР, в том числе в Украине, были созданы базы для ведения партизанской войны на территории СССР в случае занятия ее противником, подготовлены кадры для масштабной зафронтной борьбы.

По свидетельству Ильи Старина, в этот период армейские структуры оперировали и за границами СССР: «По линии Народного комиссариата обороны готовили командиров, которые, попав с подразделением в тыл противника, могли перейти к сопротивлению. С этой целью в Западной Украине и Молдавии создавались скрытые партизанские базы с большими запасами минно-подрывных средств. Склады на побережье Дуная создавались даже в подводных резервуарах в непортящейся упаковке»².

Однако в 1937–1939 гг. большинство из подготовленных кадров было репрессировано или «перепрофилировано», а партизанские базы уничтожены или переоборудованы для других нужд³.

¹ Соколов Б. В. Тайны Второй мировой. М., 2001. С. 172.

² Старин И. Г. Записки диверсанта. М., 1997. Глава 7. http://militera.lib.ru/memo/russian/starinov_ig/07.html

³ Старин И. Г. Мины ждут своего часа. М., 1964. С. 20–45, 177–179.

Представляется, что это было связано с тем, что на протяжении 1928–1938 гг. в СССР были проведены базовые мероприятия сталинской социальной инженерии. Коллективизация и чистки позволили, с точки зрения руководства СССР, создать монолитное общество (которое, как показал в том числе и первый год войны, представляло собой отнюдь не монолит). А индустриализация, выразившаяся в создании самого большого в мире военно-промышленного комплекса, способствовала насыщению Красной армии большим количеством современнейших вооружений. Поэтому в советской военной мысли и стратегическом планировании возобладала теория ведения боевых действий «малой кровью на чужой территории», подкрепленная материальным базисом. Ведение партизанской войны на землях Украины и Белоруссии не предусматривалось, и основу для будущих партизанских формирований ликвидировали за ненадобностью.

В 1941 г. их стали создавать едва ли не с нуля.

Поэтому в описаниях советских партизанских структур в первый год войны общим местом стало утверждение о сложности условий, в которых оказались представители партизанских отрядов и их командование. В то же время в еще более сложных условиях оказались противники партизан. Немцы на тот момент обладали крайне ограниченным опытом антипартизанских операций. Планы ведения боевых действий Вермахтом в 1941–1942 гг. не выполнялись, а сил на фронте как, впрочем, и в последующий период, не хватало. Собственно фронта как сплошной линии до весны 1942 г. в Украине не было. Нацисты имели самое слабое представление о территории и населении, которые им предстояло попытаться поставить под контроль. Обо всем этом партизанский командир Михаил Наумов в конце 1943 г. вспоминал с ностальгией: «Вообще, зима 41/42 г. была очень благоприятной для партизан... Был тогда для нашего брата простор и русские глубокие снега. В те времена от фронта до старых границ было далеко, и это давало возможность широко маневрировать... Я воевал тогда на севере Сумской области – в глубоких снегах, где немецкая техника беспомощна... В лесах мы, партизаны, находили изобилие боеприпасов и различных вооружений. Я тогда имел неограниченное число пушек и снарядов, даже имел полковые минометы и орудия... в ряды партизан приходили прекрасно обученные военному делу кадровые бойцы и командиры Кр[асной] ар[мии] из окружения»⁴.

Однако даже в таких условиях успехов украинские партизаны не достигли.

⁴ Дневник командира соединения украинских кавалерейских отрядов М. Наумова, запись от 24 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 75–76).

6 марта 1942 г. нарком внутренних дел УССР Василий Сергиенко направил секретарю ЦК КП(б)У Демьяну Коротченко докладную записку, в которой значилось: с августа 1941 г. по 1 марта 1942 г. НКВД УССР сформировал 1874 партизанских отряда численностью 29 307 человек и заслал в тыл врага 776 агентов-одиночек и связников с партизанскими отрядами⁵. Всего свыше 30 000 человек.

Между тем в докладной записке штаба истребительных батальонов НКВД СССР сообщалось, что по состоянию на 1 мая 1942 г. в Украине на связи с «Большой землей» действует 37 партизанских отряда с 1918 участниками⁶.

Учтем, что засылка партизан на территорию Украины продолжалась и в марте–апреле 1942 г. Кроме того, численность указанных 37 партизанских отрядов не была стабильной, а выросла с осени 1941 г. до 1 мая 1942 г. за счет окруженцев, беглых военнопленных и мирных жителей оккупированной территории. И, как показали дальнейшие события, даже из этих 37 отрядов часть в течение последующих месяцев прекратила свое существование. Иными словами, потери советских партизанских формирований в первый год войны были близки к 100 %.

Только потому, что до настоящего времени ни один историк не дал развернутого и внятного ответа на вопрос, куда в 1941–1942 гг. делись почти все украинские партизаны, российский автор Алексей Попов сумел сделать авторитетное обобщение: «Поспешно созданные партизанские формирования горели желанием громить врага...»⁷

В сводном отчете 213-й немецкой дивизии охраны тыла говорится о событиях начала войны в Западной Украине: «8 июля 1941 г. в дивизию было донесено, что железнодорожный отрезок Ковель–Ровно... ночью был подорван... В последующие дни множились сообщения о появлениях парашютистов в районе Ковель–Любомль–Владимирец. Из некоторых групп удалось взять пленных. Это были исключительно жители данной территории, которые недавно русскими войсками частично с помощью насилия и без должной подготовки... были

⁵ «О деятельности НКВД УССР по организации и руководству оперативной деятельностью партизанских формирований в тылу противника», нарком внутренних дел УССР В. Сергиенко для Коротченко, 6 марта 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 63. Арк. 11–12).

⁶ «Сведения о численности партизанских формирований, с которыми имеется связь», заместитель начальника штаба истребительных батальонов и партизанских отрядов майор Александров, после 1 мая 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 277. Л. 31). Документ находится в деле «Отчетные материалы руководству НКВД СССР о деятельности истребительных батальонов».

⁷ Попов А. Диверсанты Сталина... С. 55.

посланы на выполнение заданий. Пленные показали, что они после прыжка желали только одного: скорее оказаться в своих родных деревне или городе. Этим словам можно верить, так как речь идет преимущественно об украинцах и никаких дальнейших случаев диверсий отмечено не было»⁸.

Сводка СД дает нам более развернутую картину событий лета 1941 г. в Украине. В данном случае речь идет, вероятно, о засылавшихся в тыл врага армейских разведывательно-диверсионных группах: «Из проведенных до настоящего момента допросов пленных русских парашютистов вырисовывается следующая картина.

С аэродрома вблизи Киева ежедневно до 50 парашютистов отправляются в Галицию, район Луцка, но также вплоть до Варшавы... Коммунистические эмигранты из всех стран, [бывшие] борцы в Испании, бывшие польские офицеры, но и находящиеся на службе русские офицеры, одетые в гражданскую одежду с паспортами на чужое имя используются [для засылки в немецкий тыл]... Большинство [диверсантов] впервые призвано через коммунистические организации вскоре после начала войны и после одного пробного прыжка с высоты 40 метров позже прыгает с высоты 2000 метров. В самолете происходят расстрелы из-за отказа прыгать... Часто парашютисты после приземления добровольно передают себя в немецкие органы»⁹.

Согласно воспоминаниям сотрудника ГРУ Никольского, опубликованным его дочерью, «подготовка людей и их переброска в тыл противника проводилась в таком массовом количестве, что напоминали своеобразный конвейер»¹⁰.

Сбои этого конвейера были самыми разными. Например, Черниговско-Волынским соединением УШПД под командованием А. Федорова 22 апреля 1942 г. был «подобран» радист ГРУ В. Невмершицкий, с которым никто не выходил на связь вплоть до конца 1943 г.¹¹

«Поток» представляли собой и действия партийных организаций по созданию партизанских формирований. В том числе и, например, на правом берегу Украины, в весьма лесистой Житомирской области. По словам уполномоченного ЦК КП(б)У Сергея Маликова,

⁸ «Отчет о деятельности отдела Ис, [приложение] к военному дневнику охранной дивизии 213», после 1 декабря 1941 г. (ВА–МА. РН 26–213/6. Вл. 2).

⁹ «Сообщение о событиях в СССР № 58», шеф полиции безопасности и СД, 20 августа 1941 г. (ВAB. R 58/216. Вл. 95–96).

¹⁰ Никольский В. ГРУ в годы Великой Отечественной войны... С. 92.

¹¹ Радиограмма командира Черниговско-Волынского соединения Алексея Федорова Строкачу о радисте В. Невмершицком, 10 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1383. Арк. 66).

оставлялись «на работу» большей частью рядовые коммунисты, не подготовленные для выполнения диверсионной борьбы, очень мало оставалось руководящих партсовработников и секретарей райкомов КП(б)У, председателей исполкомов и их заместителей: «Оставленных не инструктировали, не установили явочные квартиры, пароли и т. д. Партизанские базы почти не использовались ни в одном районе, а оставленные люди выдали эти базы немецким властям и за счет этого оружия вооружилась значительная часть полиции и предателей советского народа...

До декабря 1942 года в Житомирской области не было ни одного местного партизанского отряда. (...) Ряд коммунистов перешли в лагерь фашистов и активно помогают немецким властям в проведении их мероприятий»¹².

В датированной 11 сентября 1941 г. сводке СД приводится информация о схожем поведении партизан, созданных на базе истребительных батальонов НКВД в Центральной Украине: «По сведениям взятых в плен партизан, уже перед активным выполнением задания была видна нехватка воинственности, поскольку обучение [будущих партизан] проходило после окончания работы и на физическую пригодность некоторых [будущих партизан] не обращалось внимания. С приближением немецких войск и ростом интенсивности налетов немецких бомбардировщиков во многих местах стали заметны проявления паники и признаки роспуска [отрядов], которые после бегства многих начальников только выросли. Так, например, в Кирово в одном отряде, насчитывавшем 34 человека, только 26 вышло на марш; а в Елизаветградке из роты, насчитывавшей 140 человек, после 4 дней с начала выполнения задания осталось только 28 партизан. Постовые, стоявшие под ружьем, ушли неизвестно куда, вместо того, чтобы обеспечивать безопасность своих товарищей, спрятавшихся в лесах»¹³.

Ситуация на Николаевщине (Южная Украина) в сентябре 1941 г. напоминала события в Центральной Украине: «Создается впечатление, что распространение партизанской войны сократилось из-за того, что высшие партизанские вожаки часто сбегали и инициатива отдельных представителей [партизанских отрядов] через многолет-

¹² «Справка о состоянии работы партийных подпольных организаций по Житомирской области на 1-е мая 1943 г.», уполномоченный ЦК КП(б)У С. Маликов и др. Хрущеву, 10 мая 1943 г. (ИДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 8. Арк. 22–23, 25).

¹³ «Сообщение о событиях в СССР № 68», шеф полиции безопасности и СД, 11 сентября 1941 г. (ВАН. R 58/217. Вл. 21).

нее воспитывание несамостоятельности и ожидания распоряжений далее просто угасла»¹⁴.

Случай, произошедший на Херсонщине (Южная Украина) в октябре 1941 г., демонстрирует ту же тенденцию: «В [городке] Сивашское с помощью допроса свидетеля была выявлена организация и рабочий план истребительного батальона... Рекрутирование [личного состава батальона] из непригодных к военной службе мужчин – также против их воли... При отходе красных войск батальон распался. Командир, вожди отрядов и часть мужчин бежали. Среди оставшихся не было активистов»¹⁵.

В коллективной работе российских историков, посвященной партизанской борьбе, говорится, что в 1941–1942 гг. «численность партизанских отрядов и их боеспособность неуклонно росли»¹⁶. Можно добавить – на бумаге.

Документы НКВД более рельефно описывают факты, нашедшие место в приведенных выше сводках СД.

Например, сообщение заместителя наркома внутренних дел УССР Савченко в ЦК КП(б)У 28 ноября 1941 г. рассказывает о случае в Центральной Украине, причем называются и имена партизан: «Партизанские отряды под командованием Федорчука и Белоконя, после отхода частей Красной армии с территории Днепропетровской обл., оказавшись в тылу немецких захватчиков, не приступая к боевой деятельности – распались. Командиры отрядов вышли на нашу сторону»¹⁷.

В отчете командира Белоконя, сохранившемся в этом же архивном деле, рассказывается о том, что комиссар его отряда занимался пропагандой антисемитизма и призывал партизан разойтись по домам, что последними и было сделано.

Аналогичное донесение для Хрущева о событиях в Восточной и Центральной Украине: «Харьковским областным комитетом партии и Управлением НКВД был сформирован партизанский отряд численностью 47 человек под командованием Рудченко и направлен в Киев.

¹⁴ «Сообщение о событиях в СССР № 101», шеф полиции безопасности и СД, 2 октября 1941 г. (ВАН. R 58/218. Bl. 3).

¹⁵ «Сообщение о событиях в СССР № 128», шеф полиции безопасности и СД, 3 ноября 1941 г. (Ibid. Bl. 363).

¹⁶ Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 7.

¹⁷ Сообщение заместителя наркома внутренних дел УССР С. Савченко секретарю ЦК КП(б)У М. Спиваку № 40/553, 28 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 57. Арк. 1). Отчеты Белоконя и ряда других партизанских командиров прилагаются. (Там же. Арк. 2–10).

В г. Киеве командир и комиссар отряда получили задачу перебраться через линию фронта и следовать в район Винница – Бердичев для организации партизанской борьбы против немецких захватчиков.

Отряд был снабжен радиостанцией.

Вышедший с территории, временно занятой противником, бывший начальник пункта формирования партизанских отрядов в Киеве младший лейтенант милиции Маримуха доложил, что после занятия города Киева немцами он, Маримуха, встретился в городе с командиром партизанского отряда Рудченко, который ему заявил, что все партизаны его отряда находятся в Киеве, оружие спрятали в лесу и что он с рядом других людей из отряда решили зарегистрироваться в немецкой комендатуре»¹⁸.

Многие сообщения НКВД с территории Восточной Украины похожи друг на друга как две капли воды – и о создании партизанских отрядов, и об их дальнейшей судьбе. Например, при отходе частей Красной армии с территории Сталинской (ныне Донецкой) области Красноармейским райкомом КП(б)У и отделением дорожно-транспортного отдела НКВД из партсоактива железнодорожников был сформирован и оставлен в Красноармейске партизанский отряд численностью 24 человека под командованием человека по фамилии Халява. «18 ноября с[его] г[ода] Халява вышел из тыла противника и доложил, что с приходом немецких захватчиков в г. Красноармейск, большинство партизан его отряда, в том числе и некоторые коммунисты, зарегистрировавшись в немецкой комендатуре, остались работать на транспорте и отказались от партизанской борьбы. Причиной распада отряда Халявы считаю несерьезное отношение к формированию отряда со стороны отделения дорожно-транспортного отдела [НКВД] ст. Красноармейск и районного комитета КП(б)У, вследствие чего отряд был сформирован наспех, из случайных и непроверенных людей»¹⁹.

Посмотрим также на ситуацию на Черниговщине и Сумщине, областях, благодаря наличию лесов и удаленности от советско-германской границы, ставших «малой родиной» украинских партизанских формирований в 1941–1942 гг.

В дневнике аппаратчика и партизанского командира Николая Попудренко есть запись о немецкой бомбардировке Чернигова 23 августа 1941 г., приведшей к панике чекистов: «От первой бомбы милиция

¹⁸ «Специальное сообщение о партизанском отряде Рудченко», зам. народного комиссара внутренних дел УССР Савченко Хрущеву и др., № 3290/СВ, 24 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 62. Арк. 49–50).

¹⁹ «Специальное сообщение о распаде партизанского отряда Халявы» № 3292/сп, Савченко Хрущеву и др. 24 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 62. Арк. 45–46).

и НКВД бросили свое здание, много оружия и боеприпасов. Стоило мне трудов, чтобы заставить их эвакуировать горящие магазины и склады»²⁰. Аналогичную картину Попудренко наблюдал и в райцентре Мена.

О подобном поведении уже не чекистов, а партноменклатуры доносил Хрущеву секретарь ЦК КП(б)У Михаил Бурмистенко 11 сентября 1941 г. По его словам, партработники, знающие места закладки продовольствия для партизанских отрядов, действующих на севере, в черниговских лесах, в страхе бежали и очутились в тылу Красной армии: «Товарищи, которые обязаны были руководить партизанским движением, также отступили вместе с войсками Красной армии... Во время бомбежки городские черниговские власти в панике бежали, бросив город. Председатель городского совета сам сбежал в Харьков и приказал бросить город отрядам ПВО и др[угим] работникам. Черниговский обком [партии] вынес решение о предании этого типа суду трибунала»²¹. Военный трибунал приговорил главу горсовета к расстрелу, что вызвало одобрение Хрущева.

О ситуации на Сумщине в ЦК КП(б)У сообщали партизанские командиры Ковпак и Руднев: «Подпольный [Путивльский] райком партии струсил и убежал»²². Позднее Ковпак в отчете в УШПД описал другой подобный случай. 7 сентября 1941 г. в Путивль прибыла группа диверсантов из Харьковской школы НКВД, белорусы, с просьбой оказать им помощь переправиться в тыл немцев для диверсионной работы: «По существу эту работу должны были выполнить работники НКВД, но они сделали все, чтобы свалить этих людей на мои плечи и спокойно эвакуироваться вглубь страны»²³.

Тем, что советские командос в массовом порядке сдавались в плен или вообще переходили на сторону немцев, последние не преминули воспользоваться. Хотя соответствующие агентурные комбинации НКВД удалось в значительной мере нейтрализовать: «...Глухов, 1894 г. рождения, русский, член ВКП(б) с 1930 г., морской капитан

²⁰ Дневник командира Черниговского соединения Н. Попудренко, запись от 23 августа 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 94. Оп. 1. Спр. 9. Арк. 2).

²¹ «Запись разговора по прямому проводу первого секретаря ЦК КП(б)У Н. Хрущева со вторым секретарем ЦК КП(б)У М. Бурмистенко о подготовке к борьбе с нацистами на территории Черниговщины», 11 сентября 1941 г. (ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 5. Л. 209–211).

²² Политдонесение командования Путивльского партизанского отряда Сумской области об опыте 8-месячной борьбы в тылу врага, Хрущеву, 5 мая 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 189. Арк. 121).

²³ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строчаку. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 1).

3-го ранга запаса, с 1931 по 1937 г. прокурор по спецделам, до войны начальник судостроительной верфи в гор. Мариуполе, назначенный командиром объединенных партизанских отрядов, сформированных в гор. Киеве и предназначенных для боевых действий на Черниговщине и в Сумской области.

Вместо выполнения задания, Глухов явился в комендатуру в г. Яготине и предал свой партизанский отряд свыше 50 человек и базу боеприпасов в 300 000 патронов.

Будучи завербован немецкой разведкой, Глухов выявил и предал еще три партизанских отряда численностью в 50 человек в Полтавской и Харьковской областях. Затем, по заданию разведки, Глухов, совместно с приданными ему двумя агентами гестапо, сформировал лжепартизанский отряд, с которым прибыл в наш тыл, якобы для отдыха и пополнения отряда, явился в НКВД УССР и доложил о «боевых» делах отряда...

Глухов арестован вместе с участниками созданного им лжепартизанского отряда...

УНКВД Сталинской (сейчас Донецкой. – А. Г.) области арестован немецкий шпион Корниенко Я. К., 1910 года рождения, член ВКП(б), до войны директор трикотажной фабрики г. Черновцы. Будучи направлен в тыл немцев во главе диверсионной группы, предал эту группу немцам, был завербован гестапо и переброшен в наш тыл с заданием устроиться в штаб Юго-Западного фронта и собрать данные о штабе фронта, дислокации частей ЮЗФ, после чего возвратиться обратно к немцам»²⁴.

Нередко и немецкие контрразведывательные мероприятия были вполне успешны. Как информировали сотрудники ЦШПД своих украинских коллег, в мае 1942 г. в тыл Вермахта была со спецзаданием переброшена группа людей, среди которых находился и бывший комсомолец из Львова Станислав Куропатва: «Прыгая, группа попала в руки немцев. Двое убиты. Куропатва же выдал немцам шифр и условия работы своей рации. С тех пор на этих условиях работают немцы. В мае 1943 г. по их указаниям переброшены два человека, которые попали в руки немцев и ими были убиты»²⁵.

Сводка СД вполне правдиво обрисовала общую картину: «Говоря в целом, это организованное партизанское движение, которое провоз-

²⁴ Сообщение ВРИО наркома ВД УССР Савченко секретарю КП(б)У Коротченко о мероприятиях немецких спецслужб по борьбе с партизанскими формированиями № 549/сп, 21 июня 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 63. Арк. 172–175).

²⁵ Сообщение заместителя начальника ЦШПД С. Бельченко и др. Строкачу о переходе на сторону немцев части личного состава спецгруппы С. Куропатвы, № 9238 сп, 9 сентября 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1034. Л. 46).

глашено и распропагандировано русским правительством, не достигло ожидаемых масштабов, при этом причину следует искать не в плохой подготовке, а в отсутствии интереса со стороны населения»²⁶. Не только мирных жителей, но и личного состава отрядов и их командиров, а также многих непосредственных организаторов партизанских формирований.

Помимо распада отрядов, был еще один путь исчезновения партизан.

О подобном случае сообщал в ЦК КП(б)У заместитель главы НКВД УССР Сергей Савченко: «В октябре с. г. УНКВД по Ворошиловградской области сформирован и выброшен в тыл противника на территорию Сумской области партизанский отряд численностью в 16 чел. под командованием пом[ощника] зав[едующего] шахтой Свиридова.

Отряду была передана радиостанция с двумя радистами спецотдела НКВД УССР.

6.12.41 г. в НКВД УССР прибыл для связи вышедший из вражеского тыла командир отряда Свиридов, который изложил следующее:

Оказавшись в тылу противника при первом же столкновении с немецкими захватчиками значительная часть партизан отряда, в том числе радисты проявили трусость и паникерство и, бросив оружие, бежали. Из 16 чел. вместе с ним осталось только 4 чел.»²⁷ Далее Свиридов пытался восстановить отряд, что ему частично удалось, однако из-за неумения вести партизанскую борьбу он вышел в советский тыл.

А вот уже информация НКВД СССР, документ о ситуации на северо-востоке Украины адресован Лаврентию Берии: «14.11.41 из тыла противника возвратился партизанский отряд под командованием Любченко.

Любченко доложил, что его отряд численностью 60 человек действовал в Змиевском районе Харьковской области...

В связи с усилившимися преследованиями со стороны немцев отряд вынужден был расчлениваться на мелкие группы. В дальнейшем Любченко удалось собрать только 15 партизан, остальные 45 не явились...

²⁶ «Сообщение о событиях в СССР № 68», шеф полиции безопасности и СД, 11 сентября 1941 г. (ВАН. R 58/217. Bl. 21 f.).

²⁷ «Специальное сообщение о деятельности партизанского отряда под командованием Свиридова», зам. народного комиссара ВД УССР Савченко секретарю ЦК КП(б)УСпиваку, № 3436, 24 декабря 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 62. Арк. 136–138).

Выход из тыла противника Любченко объясняет невозможностью дальнейшего пребывания в тылу врага, так как немцам стало известно о его местонахождении»²⁸.

Только лишь по данным НКВД, явно неполным в ситуации 1941–1942 гг., до 1 марта 1942 г. в советский тыл возвратился 31 отряд, насчитывающий 1046 человек²⁹.

Кроме этого, значительная часть отрядов, чье руководство все же желало сражаться с оккупантами, была уничтожена.

Аналитический отчет одной из немецких дивизий охраны тыла рассказывает о ее операциях против диверсантов, десантированных в немецкий тыл на территории Житомирской, Каменец-Подольской (сейчас Хмельницкой), Ровенской и Тернопольской областей. За 2 дня августа 1941 г. было выявлено от 120 до 150 десантников, из которых за эти же два дня 50 было взято в плен, а 17 убито³⁰. Причем нередко диверсанты отстреливались буквально до последнего патрона.

Уничтожались и части, засланные в немецкий тыл пешком. В частности, насчитывавший 100 человек 1-й батальон 1-го партизанского полка НКВД УССР 6 августа 1941 г. был уничтожен группой немецких автоматчиков в количестве 50 человек. По словам заместителя главы НКВД УССР Савченко, «следует полагать, что причинами... неудачи 1-го батальона являлись: невыгодное в тактическом отношении, занятое батальоном место для отдыха; отсутствие должной разведки; плохой организации охранения, вследствие чего немцы подошли незамеченными к батальону на расстояние 50 метров; и, наконец, возможное предательство 2-х партизан, бывш[их] работников милиции гор. Киева...»³¹

Сохранилось и описание немецкой стороны по уничтожению 1-го партизанского полка НКВД (всего в УССР было сформировано 3 полка, все они были разбиты или расформированы летом–осенью

²⁸ «Спецсообщения о боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп, действующих на территории Харьковской области Украинской ССР», начальник штаба истребительных батальонов НКВД СССР генерал-майор Г. Петров, на имя Л. Берии и др., 25 января 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 22. Л. 86).

²⁹ «Сведения о количестве партизанских отрядов, истребительных, разведывательно-диверсионных групп и агентуры, переброшенных через линию фронта и действующих в тылу противника. С 1.8.41 по 1.3.42», начальник штаба истребительных батальонов НКВД СССР Петров. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 277. Л. 49).

³⁰ «Отчет о деятельности отдела Ис, [приложение] к военному дневнику охранной дивизии 213», после 1 декабря 1941 г. (ВА–МА. РН 26–213/6. Вл. 6–7).

³¹ Сообщение «О неудачных действиях в тылу противника батальона 1-го партизанского полка НКВД УССР», Савченко Спиваку, № 3272/СВ, 21 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 62. Арк. 40–41).

1941 г.). Первоначально партизаны были обнаружены с помощью войсковой разведки. После этого охранные войска, в том числе части 213-й дивизии, начали систематически прочесывать леса. Уже в ходе прочесывания дошло до боестолкновений, в ходе которых были взяты пленные, на допросах показавшие местоположение партизан: «В целом удалось обнаружить и в большинстве своем уничтожить 8 батальонов [1-го полка НКВД УССР]... Оставшиеся были разбиты, так что о новых единичных выступлениях войсковой части можно не думать»³².

Случай, произошедший в Центральной Украине, демонстрирует уровень психологической подготовки диверсантов: «По данным от 26.10.41 г. в с. Песчаное, Решетилковского района [Полтавской области], к старосте села явились партизаны и потребовали от него хлеба и сала. Староста не удовлетворил требования партизан и заявил о них коменданту. Прибывший в село карательный отряд арестовал 12 партизан»³³.

Другой характерный эпизод свидетельствует о том же самом: «По рассказам жителей Зачепиловского района [Харьковской области], в с. Федоровка этого же района, зимой с. г. [1941/42] были высажены с самолета 5 человек партизан, вооруженных автоматическим оружием. Партизаны зашли к недавно назначенному старосте села и потребовали обед, заявив: “Мы вчера были в Воронеже, а нынче здесь”.

Староста через полицейских известил о партизанах немецкую комендатуру г. Красноград. В село прибыли солдаты. Партизаны около суток оказывали сопротивление прибывшим солдатам и в конце концов застрелились»³⁴.

Похожая история произошла в степных районах Украины: «5.2.42 г. в г. Никополь германские военные власти расстреляли 85 партизан – шахтеров рудника им. Коминтерна, Никопольского района [Днепропетровской области]. Партизаны были выданы одним предателем, участником партизанского отряда»³⁵.

В обобщающем обзоре располагавшейся в Миргороде полевой комендатуры № 239 прослеживался братоубийственный характер войны. 15 января 1942 г. в деревню Завинцы к своему отцу пришел переночевать партизан, вооруженный автоматом и ручными граната-

³² «Отчет о деятельности отдела Ис, [приложение] к военному дневнику охранной дивизии 213», после 1 декабря 1941 г. (ВА–МА. РН 26–213/6. Вл. 6).

³³ Докладная записка «О борьбе советских патриотов с фашистами в оккупированных противником областях Украины. По состоянию на 20.9.1942 г.», Савченко Хрущеву, № 787/сп, 25 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 63. Акр. 76).

³⁴ Там же. Арк. 67.

³⁵ Там же. Арк. 73.

ми. Отец спрятал сына в погребе и... донес о нем местным полицейским, т. е. соседям. Разъяренный поступком родителя, боец дорого отдал свою жизнь – в ходе пятичасового боя он убил одного полицейя, пятерых тяжело ранил, и еще двоих нападавших, в том числе своего отца, ранил легко³⁶.

Проявляла себя в борьбе с партизанами и быстро созданная украинская полиция на немецкой службе. В частности, это подчеркивалось в донесении одной из дивизий охраны тыла за апрель–май 1942 г.: «Большая борьба с партизанами прошла в районе Опочня и Кишенка [в Полтавской области]. 57 человек было застрелено. В остальных северных районах [зоны ответственности дивизии] происходили только единичные выступления партизан.

Выступления парашютистов особенно усилились в северной части зоны ответственности. Многие группы высадились севернее Миргорода и Лубн. Некоторые группы были уничтожены с помощью вспомогательных охранных команд и украинской вспомогательной полиции»³⁷.

Но против крупных отрядов оккупанты в тот момент предпочитали использовать все же немецкие войска. В частности, о таком случае доносили в мае–июне 1942 г. тыловые структуры Вермахта: «Банда в количестве примерно 200 голов захватила врасплох около села Валки [Харьковской области] рабочий лагерь [строительной] О[рганизации] Т[одт], в котором находились военнопленные и гражданские заключенные, взяла часть заключенных с собой и ушла дальше... Одной крупной [немецкой] военной частью... шайка была частично уничтожена, частично разбита. Местное население, насколько можно установить, не оказало банде содействия и поэтому способствовало ее обезвреживанию»³⁸. В дальнейшем немцы продолжили поиск остатков этого отряда, платя деньгами населению и хиви (помощникам Вермахта из числа военнопленных) за содействие в поиске партизан³⁹.

³⁶ Обобщающая записка «Борьба с бандами. Опыт», начальник полевой комендатуры № 239, 30 июня 1942 г. (ВА–МА. RH 22/173. Bl. 95).

³⁷ «Отчет о состоянии дел 213-й охранной дивизии, отдел VII, за период 16.4–15.5.1942» (ВА–МА. RH 22/204. Bl. 301).

³⁸ «Отчет о состоянии дел управляющей группы за период с 16.5 до 15.6.1942», Высший военный управляющий совет, доктор Громанн, с. Валки, предположительно командующему тыловой зоной группы армий «Юг», 17 июня 1942 г. (ВА–МА. RH 22/202. Bl. 96).

³⁹ «Отчет о состоянии дел управляющей группы за период с 16.6 до 15.7.1942», с. Валки, Высший военный управляющий совет, доктор Громанн, предположительно командующему тыловой зоной группы армий «Юг», 17 июля 1942 г. (Ibid. Bl. 110).

Заканчивая описание путей исчезновения тридцати тысяч украинских партизан, можно упомянуть еще один. В советской статистике нормой были приписки, получившие жаргонное наименование «туфта». Учитывая ситуацию 1941–1942 гг., вряд ли когда-либо удастся точно установить, какая часть из «созданных» НКВД УССР и КП(б)У партизанских отрядов существовала с самого начала только на бумаге.

Общую же картину разгрома осторожно обрисовал в своем отчете о деятельности партизан в Украине начальник оперативного отдела УШПД полковник Бондарев: «Благодаря отсутствию технических средств связи с советским тылом (связь осуществлялась пешими связными через линию фронта), наступлению трудных климатических зимних условий, истощению запасов боеприпасов и питания, недостаточному опыту, а иногда и неверию в свои силы, частичного перехода неустойчивых элементов на сторону врага и предательства отрядов, значительная часть отрядов [в 1941–1942 гг.] была разгромлена или распалась»⁴⁰. Ничтожная часть партизан продолжила борьбу, которая едва ли не в большинстве случаев велась ими на территории сопредельных областей России и Белоруссии. Например, Сумское соединение на протяжении 1941–1942 гг. рейдировало по территории пяти областей УССР, двух областей РСФСР и трех областей БССР⁴¹. В Украине только две области из 25 существовавших находились под сколько-нибудь значимым влиянием партизан: Черниговская и Сумская, т. е. северо-восток страны.

Безвестный представитель немецкого МИДа отмечал осенью 1941 г.: «Политическое безволие населения Восточной Украины приводит к тому, что Вермахт целиком доволен помощью украинцев... В Южной Украине не существует собственно партизанской угрозы. Следует привести как пример то, что большие советские трофейные склады никак не охраняются. Каких-то желаний получить независимое украинское государство – за исключением Львова – я не заметил»⁴².

⁴⁰ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 6–7).

⁴¹ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 65–66).

⁴² «Донесение о поездке по Украине по поручению МИД от 31.8 до 15.9.1941 г.», 20 октября 1941 г. (Україна в Другій Світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів / упоряд. В. М. Косика. Т. 1. С. 322).

Оккупанты отмечали активность партизан лишь эпизодически. В частности, это делали представители карательных органов, обычно склонных преувеличивать обнаруженную опасность для демонстрации собственной значимости. Например, в докладной записке одного из функционеров полиции на имя главы СС Генриха Гимmlера о положении в рейхскомиссариате Украина на 4 марта 1942 г. отмечалось: «Террористы перешли в самых различных местах к нападению. Они не только грабят и разоряют украинские деревни, но и, благодаря их хорошему вооружению, атакуют маленькие колонны снабжения Вермахта. Особенно тяжелое положение в северных областях РКУ (т. е. в Белоруссии. – А. Г.)...»⁴³

Но это были, повторим, исключения. В целом же на протяжении первого года войны в Берлин из Украины как по линии гражданской администрации, так и от представителей силовых структур, шли доклады о более или менее контролируемом тыле.

В сообщении рейхскомиссара Эриха Коха о ситуации в Украине в марте 1942 г. положение даже несколько приукрашивалось: «Генеральные комиссары единодушно сообщают об успокоительном воздействии аграрного закона (по нему подсобные земельные участки колхозников существенно увеличивались. – А. Г.). Он везде воспринят с радостью и приводит к улучшению производительности труда и радостным поставкам [натуральных налогов]. Он [аграрный закон] – действенный фактор, а также лучшее оружие против партизан, значительно уменьшающий количество сомневающихся [украинцев]»⁴⁴.

В первый год войны на территории Украины попытки советской стороны организовать масштабную партизанскую борьбу провалились.

В этих условиях четыре партизанских командира – два сотрудника НКВД УССР – Александр Сабуров и Иван Копенкин, и два представителя партсовноменклатуры – Сидор Ковпак и Алексей Федоров – указом Верховного совета СССР от 18 мая 1942 г. были удостоены высшей военной награды – Золотой звезды Героя Советского Союза.

Очевидно, что эти партизанские вожаки были отмечены не за какие-то выдающиеся успехи, а за то, что на фоне общего разгрома

⁴³ Сообщение «Положение в Рейхскомиссариате Украины на 04.3.1942» командира полиции порядка (в РКУ?) на имя имперского руководителя полиции и СС [Г. Гимmlера], № 1432, 6 марта 1942 г. (BAВ. NS 19, 1671. Bl. 10–11).

⁴⁴ Отчет о ситуации в РКУ за март 1942 г., Рейхскомиссар Украины предп. министру по делам оккупированных Восточных территорий А. Розенбергу, 15 апреля 1942 г. (BA–MA, RW 31/252. Bl. 173).

партизанских формирований сумели сохранить свои отряды, увеличить их численность и продолжить вести боевую деятельность.

* * *

Вкратце описав обстоятельства разгрома партизанских отрядов УССР, опишем и его причины. Сначала – характерные для всего СССР, а затем и украинскую специфику.

Несколько слов надо сказать о ситуации на фронте в 1941 г., влиявшей на состояние советских властей и населения. В исследованиях, вышедших в России после 1991 г., любой желающий сможет узнать конкретные данные о побоище, устроенном сравнительно небольшим и плохо вооруженным, но неплохо организованным Вермахтом советской бронированной армаде во второй половине 1941 г., цифры уничтоженных советских стрелковых дивизий, танков и самолетов. Здесь же приведем преувеличенно яркое – вплоть до гротеска – описание этих событий свидетелем, атаманом Тарасом «Бульбой» (Боровцом): «От Прибалтики до Черного моря происходит невиданное в истории человечества зрелище... Появляется анекдот про новое оружие Сталина – “Руки вверх!”

Только часть... фронтовых чекистов и комиссаров, если их не одолел и не перестрелял советский солдат, к своему счастью на автомобилях и награбленных конях день и ночь бегут лесами и болотами на восток. За ними лезет туча местных энкаведешников, милиционеров, секретарей и глав всех районов, обкомов, которые до этого, как мошка и пиявки, точили живую кровь из нашего народа. Лезут они, перепуганные насмерть, со своими семьями...

Их неотступно преследуют немецкие ударные части СС и Вермахта с закатанными по локти рукавами шерстяных серо-зеленых мундиров.

Одни на лбу носят череп – символ смерти, у других на ремне блестит “Гот мит унс” (“С нами бог”)... Бойцы один к одному, дубы – высокие, стройные, румяные, с чисто выбритыми лицами и светлыми челками. Они закованы в железо и сталь, а над их головами играет тьма гигантских серых птиц, которые постоянно плюют на врага градом железа и огня...

[Перед немецкой армией] шастает обстриженная под машинку, чтобы не было где прятаться вшам... голова [советского солдата], с черной, запыленной, неделями не мытой бородой, хоть еще только второй день войны. Понурая фигура, изможденное голодом и соленой рыбой лицо. В... замызанной расхристанной гимнастерке, в брезентовой обуви. Подруга через плечо, а через другое плечо – гордость советской военной техники, автоматическая винтовка Симонова. Из-

вестна она тем, что 5–6 выстрелов из десяти идут косо, а чтобы ее поправить, опытному офицеру нужна половина дня. Сзади болтаются, ударяя по бедрам, противогаз и лопатка. Вместо военного рюкзака – крапивный мешок, к которому привязана... “фуфайка”. Там же привязан погнутый и поржавелый “котелок”...»⁴⁵

В этих условиях советская система показала одну из своих особенностей – слабую способность к импровизации, что привело к сбоям на самых разных уровнях.

Это выражалось, в частности, в крайне слабой организации партизанских отрядов. Заместитель народного комиссара внутренних дел Всеволод Меркулов отмечал в директиве от 27 июля 1941 г., что формирования создавались в спешке, буквально за несколько часов, из лиц, которые друг друга не знали, не умели обращаться с оружием, особенно с гранатами и взрывчатыми веществами: «Для отрядов и групп не выделяются проводники из местных жителей, не выдаются карты и компасы... Отряды и группы инструктируются коротко, в результате чего они не получают достаточно ясного представления о том, что и как они должны делать... Вопросы одежды, питания совершенно не продумываются...»⁴⁶

Подобным же образом положение на Киевщине через месяц, 21 августа 1941 г., характеризовал в письме Павлу Судоплатову резидент НКВД СССР в столице Украины: «Неразбериха, отсутствие руководства, то обстоятельство, что никто не несет ответственности за эти [партизанские] отряды, непонимание, как они будут работать... Необдуманность в постановке задач отрядам в их организации... 8–9 августа на участок 87-й дивизии переброшен отряд партизан в 100–150 чел., созданный в Харькове. Его задача – пройти в Бессарабию. Место переброски – под Киевом. Нет карт, нет проводника... Они одеты в городскую одежду, кожаные пальто... Неумение руководить отрядами на местах, неумение даже установить с ними связь... О деятельности и маршрутах отрядов узнают тогда, когда остатки их просачиваются обратно к нам (почти все группы и отряды)... Неумение переброски партизан через фронт... Аппарат [НКВД УССР] не знает изо дня в день положения на участках фронта и перемещения противника. Поэтому место переброски избирается по наитию, а не по обстановке... Отряд Гросмана перебрасывали... на минометы (на засаду) немцев. Часть убита, часть, просидев в болоте 5 дней, верну-

⁴⁵ Бульба-Боровець Т. Армія без держави... С. 65–66.

⁴⁶ Директива НКВД СССР об организации партизанских отрядов и диверсионных групп для борьбы во вражеском тылу, № 252, 27 июля 1941 г. (Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. II. Кн. 1. С. 409–410).

лась... Очень плохое вооружение отрядов. Партизан вооружают нищенски... Неправильное использование партизан»⁴⁷.

Через месяц после этого письма весь 4-й отдел НКВД УССР, который и занимался руководством партизанской борьбой, за исключением шестерых человек, на месяц попал в окружение, откуда был выведен Строчаком.

Однако выход из окружения организаторов партизанских формирований не переломил ситуацию. Диверсант Илья Старинов в мемуарах свидетельствовал об отсутствии квалификации у будущих партизан: «В тыл врага забрасывали неподготовленные формирования»⁴⁸. Документ НКВД УССР от 5 октября 1941 г. свидетельствовал о том же: «Формируемые в областях УССР партизанские отряды проходят боевую подготовку на местах, в частности, в Харьковской области организована специальная школа по подготовке партизанских отрядов и диверсионных групп, где пропущено через 5-дневные учебные сборы 67 человек руководящего состава и 1551 человек партизан рядового состава»⁴⁹. За пять дней вряд ли можно обучить воевать даже рядового, не говоря уже о командирах.

Одной из причин сложившейся ситуации было то, что непосредственная организация партизанских отрядов была возложена в значительной степени на партийную номенклатуру. Открыто выразил недовольство ее поведением И. Сталин летом 1941 г., что вылилось в постановление ЦК ВКП(б): «Не редки случаи, когда руководители партийных и советских организаций в районах, подвергшихся угрозе захвата немецких фашистов, позорно бросают свои боевые посты, отходят в глубокий тыл, на спокойные места, превращаются на деле в дезертиров и жалких трусов»⁵⁰.

Возмущение Сталина имело свои причины. Очевидно, он понимал характер тех людей, благодаря которым руководил страной. Признанный знаток советского правящего слоя Михаил Восленский свидетельствовал, что ему довелось видеть в разных странах представителей разных господствующих классов: «Были они всякими и особым мужеством не отличались. Но нигде я не видел класса, в такой

⁴⁷ Письмо резидента НКВД СССР в Киеве В. Карташева Судоплатову, 21 августа 1941 г. (*Глебов В.* Война без правил. Преданный резидент. М., 2005. С. 54–56).

⁴⁸ *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия... С. 133.

⁴⁹ Докладная записка о деятельности 4-го отдела НКВД УССР по организации партизанских отрядов, В. Савченко для Г. Петрова, 4 октября 1941 г. // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2000. № 1 (12). С. 79–80. Док. № 24.

⁵⁰ «Постановление ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу германских войск», 18 июля 1941 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 19).

степени дрожащего за свою шкуру, благополучие и карьеру, как класс номенклатуры. Забавно бывает слушать панические фантазии тех на Западе, кто представляет себе ожиревших номенклатурных бюрократов античными героями»⁵¹.

Пономаренко докладывал Сталину 1 марта 1943 г. о ходе партизанской борьбы в УССР: «В 1941 г. на территории Украины было оставлено в подполье 23 обкома КП(б)У, 63 горкома и 564 райкома КП(б)У. Однако с большинством подпольных организаций были утрачены связи»⁵².

Вместе с партсоактивом партизанской борьбой руководили представители РККА и НКВД. В докладной записке наркома внутренних дел УССР Сергиенко от 6 марта 1942 г. отмечалось столкновение интересов различных частей советского аппарата: «От всех указанных организаций имеются на линии фронта большое скопление различных представителей, которые работают вразнобой и мешают друг другу»⁵³.

В частности, армейские командиры остро критиковали партийцев и чекистов. Как сообщалось в докладе о работе 8-го отдела политуправления Южного фронта, обкомы партии, создавая партизанские отряды, не устанавливали явок, паролей, не выделяли связных, «мотивируя тем, что явки, пароли и связные должны иметь подпольные партийные организации, которые будут осуществлять политическое руководство партизанскими отрядами своего района, области...

Областные Управления НКВД, создавая через свои 4-е отделы партизанские отряды, до сих пор ограничивались лишь переброской партизанских отрядов и диверсионных групп через линию фронта и никакой связи с ними не устанавливали»⁵⁴.

Нарком внутренних дел УССР полагал, что, напротив, армия больше, чем партия, виновата в сбоях и провалах: «Организация переброски п[артизанских] формирований через линию фронта очень

⁵¹ *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 456–457.

⁵² Донесение начальника ЦШПД Пономаренко главе ГКО СССР Сталину о состоянии партизанского движения на Украине на 01.03.1943 г. (Україна партизанська... С. 265).

⁵³ «Докладная записка о деятельности НКВД УССР по организации и руководству оперативной деятельности партизанских формирований...», Сергиенко для Коротченко, № 270/сн, 6 марта 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 63. Арк. 24).

⁵⁴ «Доклад о работе 8-го отдела Политуправления военной части 1080», начальник политуправления Ю.-З. фронта Мамонов, начальник 8 отд. ПУ ЮЗФ Сыромолотный начальник Главного политического управления РККА Мехлису, 7 ноября 1941 г. (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11 309. Д. 137. Л. 464–465).

часто поручается совершенно неопытным людям. Особенно это отмечается в работе политотделов [армий и фронтов].

Имеют место случаи перехвата п[артизанских] отрядов указанными выше представителями и дачи отрядам разноречивых указаний и задач...

Оперативные группы НКВД УССР при штабах фронтов и армий, по сравнению с оперативными группами политотделов, разведотделов, особых отделов и др. находятся в худшем положении, не имея в своем распоряжении необходимого количества продовольственных пайков для партизан, находящихся на линии фронта во время перебросок и при возвращении из тыла противника, отсутствии одежды для их экипировки, вооружения и др.»⁵⁵

В этой же докладной записке значилось, что НКВД УССР лишен возможности перебрасывать партизанские отряды в глубокий тыл, т. к. в распоряжении чекистов не было самолетов: «Получение самолетов через военные советы фронтов встречает большие препятствия и проволочки, что задерживает, а зачастую и срывает своевременную выброску партизанских формирований в тыл противника. НКВД УССР крайне необходимо иметь не менее двух самолетов»⁵⁶.

Яркий пример разнобоя в деятельности различных силовых структур наличествует в мемуарах диверсанта Ильи Старинова: «Бывало и так: одни насаждали в тылу врага агентуру, другие, того не ведая, ее уничтожали»⁵⁷.

Подобные факты были характерны для всей оккупированной нацистами территории СССР. Но при этом разгром красных партизан в Украине имел и свои особенности.

Одной из причин тяжелых поражений в Украине упомянутый Алексей Попов назвал создание НКВД УССР «неоправданно крупных формирований» – полков⁵⁸. С этим утверждением сложно согласиться. Во-первых, личный состав трех партизанских полков (примерно по 1000 человек в каждом) составлял не более 10 % от численности всех украинских партизанских формирований первого года войны. Во-вторых, эти полки действовали рассредоточенно – батальонами. И, в-третьих, в 1942–1944 гг. история советской партизанской борьбы знала немало случаев применения партизанских соединений, насчитывавших в своем составе 1000 человек и более.

⁵⁵ «Докладная записка о деятельности НКВД УССР по организации и руководству оперативной деятельности партизанских формирований...», Сергиенко для Коротченко, № 270/сн, 6 марта 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 63. Арк. 24–25).

⁵⁶ Там же. Арк. 25.

⁵⁷ *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия... С. 145.

⁵⁸ *Попов А.* Диверсанты Сталина... С. 67.

Однако в первый год войны в обзорах СД оккупированных территорий СССР донесения с территории Белоруссии и России, с одной стороны, и Украины – с другой – существенно отличаются. Если в первом случае речь идет о борьбе партизан и борьбе оккупантов с партизанами, то в Украине описывается в основном уничтожение партизан, истребление партийных функционеров и сотрудников НКВД, а также оперативная работа по выявлению и ликвидации разведывательных и диверсионных групп⁵⁹.

Та же самая тенденция прослеживается и в документах советской стороны.

Согласно сведениям НКВД СССР от февраля 1942 г. получалось, что украинские партизаны в первый период войны действовали в четыре раза менее эффективно, чем их русские коллеги⁶⁰.

При этом количество красных партизан, находившихся на связи с руководящими органами, на территории всей Украины на 1 мая 1942 г. было в 11 раз меньше, чем в одной Орловской области РСФСР⁶¹.

Связано это было, прежде всего, с тем, что украинцы были менее лояльны системе, нежели русские и белорусы. Население неплохо подходивших для партизанской борьбы западных областей УССР, до Второй мировой войны принадлежавших Польше и Румынии, вообще не воспринимало советскую систему. Но и в советской Украине на протяжении всего межвоенного периода лояльность коммунистам была ниже, чем в РСФСР и БССР.

Самой важной причиной отличия менталитета украинцев от русских центральной России была разная распространенность общинного землепользования. «В ходе столыпинской аграрной реформы в России количество крестьянских дворов в общине уменьшилось с 77,2 % в 1905 г. до 67–73 % в 1916 г., а на Украине, по данным наркомзема УССР, соответственно, с 43 до 24 %. На Украине, в отличие от России, община не являлась основной формой крестьянского землепользования... На Правобережье община исчезла в XVI веке... На Полтавщине и в южной части Черниговщины... община отмерла к на-

⁵⁹ Сообщения Шефа полиции безопасности и СД из оккупированных восточных областей за 1941 и 1942 гг. (ВAB, R 58/ 214–223, 697). *Passim*.

⁶⁰ Подсчет по: «Сведения об истреблении партизанами фашистов на 1 февраля 1942 г.», начальник Штаба истребительных батальонов СССР Г. Петров, предл. на имя Берии, начало февраля 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 277. Л. 193).

⁶¹ «Сведения о численности партизанских формирований, с которыми имеется связь», зам. начальника Штаба истребительных батальонов и партизанских отрядов Александров, после 1 мая 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 277. Л. 31). Документ находится в деле «Отчетные материалы руководству НКВД СССР о деятельности истребительных батальонов».

чалу XIX в.»⁶² Ленинская сельхозкоммуна и сталинский колхоз был реинкарнацией общины в извращенной форме. Поэтому склонными к индивидуализму украинскими селянами коллективизация воспринималась гораздо болезненнее, чем русскими в центральной России.

У украинцев была и своя национальная память, способствовавшая устремлениям к независимости, на что указывали, в частности, пропагандисты германской армии: «Соответственно его живому темпераменту украинец имеет гораздо более оживленный дух, нежели белорусы. Украинец может оглянуться назад на богатое историческое прошлое: Киевская Русь, княжество Галиция, казачье государство. В национальной жизни церковь всегда играла ключевую роль. (...) Умственная жизнь очень активна»⁶³.

Различия между Украиной и Россией проявились сразу же после Октября 1917 г. Немецкий исследователь Бернхард Кьяри отмечал, что «Украина не была оплотом большевиков после Первой мировой войны, а должна была быть присоединена к молодому советскому государству силой оружия»⁶⁴. Против коммунистов здесь воевали не только сторонники украинской независимости – демократы-петлюровцы, но и русские белогвардейцы, а также многочисленные крестьянские вожди, самым известным из которых стал анархист Нестор Махно.

В годы коллективизации, по сведениям итальянского ученого Андреаса Грациози, больше всего волнения затронули Украину, «где в 4098 выступлениях участвовали свыше миллиона крестьян, что составляло соответственно 29,7 % и 38,7 % от общего [по СССР] числа... В Украине, как и в других национальных республиках, в оплотах сопротивления слышались [и] националистические лозунги»⁶⁵.

В 1929–1933 гг. большевики провели не только коллективизацию и раскулачивание, сопровождавшиеся депортациями, арестами и расстрелами. В ответ на сотни восстаний и тысячи выступлений, потрясших Великую Степь и Сибирь, были проведены усиленные хлебозаготовки, приведшие к Голодомору. Миллионы жертв сделали

⁶² *Калишченко В. В.* Крестьянская поземельная община на Украине в доколхозный период // Вестник Харьковского университета. 1984. № 266: Социалистическое и коммунистическое строительство в СССР и странах социалистического содружества. Пенум. вып. Харьков, 1984. С. 4.

⁶³ *Arnold Klaus Jochen.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion... S. 152.

⁶⁴ *Chiar Bernhard.* Grenzen deutscher Herrschaft. Voraussetzungen und Folgen der Besatzung in der Sowjetunion // Die deutsche Kriegsgesellschaft // Deutschen Reich und Zweiten Weltkrieg. Band 9/2. München, 2005. S. 943.

⁶⁵ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 52–53.

крестьян, в том числе и украинских, покорными, но полной лояльности власть не добилась. Это вызывало раздражение Сталина, писавшего Кагановичу и Молотову 18 июня 1932 г. о поведении задавленного им народа: «Несколько десятков тысяч украинских колхозников все еще разъезжают по всей европейской части СССР и разлагают нам колхозы своими жалобами и нытьем»⁶⁶.

Неудивительно, что донесения Вермахта 1941–1942 гг. пестрили сообщениями о том, что мирные жители всей оккупированной территории СССР, особенно Прибалтики и Украины, встречали немецких солдат чуть ли не спонтанными народными гуляниями.

Документы советской стороны этого же периода, как правило, по понятным причинам определяли настроения населения как «ненависть к фашистским оккупантам», но иногда за линию фронта направлялись и сведения другого характера. Сидор Ковпак 5 мая 1942 г. писал Никите Хрущеву о тревожных для советской власти фактах: «Население [Путивльского] района [Сумской области] после отступления Красной армии было подавлено происшедшими событиями и террором немецких войск, а некоторые слои населения и ряд украинских сел были рады приходу оккупационных войск, враждебно были настроены к партизанам и к советской власти»⁶⁷.

Различия в настроениях двух этнических групп на территории смешанного проживания восточнославянских народов отмечали и представители германских армейских разведывательных служб летом 1942 г.: «Наблюдается определенная разница в поведении украинского и русского населения. Русские в большинстве своем выполнили приказ большевиков об эвакуации. Значительная часть украинцев противилась насильственной мобилизации и часто могла уменьшить количество утаскиваемого (т. е. эвакуируемого вглубь СССР. – А. Г.) скота. Оставшиеся русские более боязливы, нежели украинские жители... Население сперва относится [к Вермахту] сдержанно и выжидательно»⁶⁸.

Помимо распространенности антисоветских настроений важную роль сыграл географический фактор. Как пишет английский исследователь Ричард Овери, «в пространственных степях средней и южной Укра-

⁶⁶ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис. Л. А. Роговая. М., 2001. С. 179.

⁶⁷ Политдонесение командования Путивльского партизанского отряда Сумской области (Ковпак, Руднев) об опыте 8-месячной борьбы в тылу врага, Хрущеву, 5 мая 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 189. Арк. 121).

⁶⁸ Сообщение «Впечатления о настроениях населения во фронтовой зоне», разведывательная часть 204, 11 июля 1942 г. (РГВА. Ф. 1303. Оп. 2. Д. 109. Л. 53).

ины практически не имелось никаких пригодных убежищ... Соединения партизан, которые посылали в эти регионы, чтобы они с помощью агитации получали поддержку, выслеживались и уничтожались»⁶⁹. При всем этом советские органы на протяжении 1941–1942 г. упорно пытались организовать партизанскую борьбу в чистом поле.

Например, согласно данным НКВД, на территории Одесской, Каменец-Подольской, Днепропетровской и Запорожской областей до осени 1941 г. включительно было оставлено или заслано 7478 человек для партизанской и диверсионной деятельности⁷⁰. А на 1 марта 1943 г. в этих четырех областях не было ни одного партизана, находившегося на связи с УШПД⁷¹.

Усложняли деятельность украинских партизан не только условия ландшафта, но и то, что этот регион был сравнительно экономически развит: в частности, в Украине существовала относительно густая сеть железных, шоссейных и грунтовых дорог.

Эти коммуникации немцы весьма активно использовали в летне-осенней кампании 1942 г., в результате которой последовали изменения в положении украинских партизан.

2.2. Второй год, переломный

У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба.

Отступать дальше – значит загубить себя...

Из приказа № 227 наркома обороны СССР

И. Сталина, 28 июля 1942 г.

Наступление Красной армии в восточной Украине весной–летом 1942 г. закончилось провалом. В результате контрнаступления 17 июля 1942 г. немцами был взят Ворошиловград (сейчас – Лу-

⁶⁹ *Overy Richard*. Russlands Krieg 1941–1945.– Hamburg, 2003. S. 226.

⁷⁰ Подсчет по: 1) «Специальное сообщение о действиях партизанских отрядов на территории Днепропетровской области», зам. наркома ВД УССР Савченко Спиваку, № 3219/св, 10 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 62. Арк. 7); 2) «Специальное сообщение о действиях партизанских отрядов на территории Запорожской области», Савченко Спиваку, № 3231, 12 ноября 1941 г. (Там же. Арк. 14); 3) Данные о численности п/отрядов и диверсионных групп, оставленных на временно оккупированной территории УССР (на 1 октября 1941 г.) (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 36. Арк. 12–14).

⁷¹ Донесение Пономаренко Сталину о состоянии партизанского движения в Украине на 01 марта 1943 г. (Україна партизанська... С. 264).

ганск), и продвижение Вермахта продолжалось в направлении Волги и Кавказа.

О положении в Ворошиловграде и Ворошиловградской области НКВД СССР доносил в ЦШПД: «Население города относится к оккупантам враждебно. Немцы жестоко расправляются со всеми, кто проявляет хотя бы малейшее недовольство их деятельностью и порядками»⁷².

Немецкие пропагандисты во внутреннем отчете о настроениях жителей этой территории описывали другую картину: «Вопреки плохому положению с продовольствием и [медицинским] обеспечением, общее настроение населения относительно выгодно. (...) Население работает с удовольствием и в подавляющем большинстве позитивно настроено к германскому Вермахту. Вопрос об окончании войны (т. е. полном разгроме СССР. – А. Г.) снова слышен отовсюду»⁷³.

В этих условиях на территории восточной Украины с редкой схожестью повторились события 1941 г.

В отчете оперативного отдела УШПД значилось, что за период июнь–июль 1942 г. штабом сформировано и оставлено в связи с отходом Красной армии в тылу противника на территории Харьковской, Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областей 216 подготовленных к боевым действиям партизанских отрядов, для связи с которыми было оставлено 6 радиостанций⁷⁴. При этом на рубеже 1942–1943 г., когда Красная армия вновь заняла эти территории, с нею в указанных областях соединилось 12 отрядов (5 %), в которых насчитывалось 241 человек⁷⁵. На 1 августа 1942 г. УШПД имел связь всего с 34 отрядами⁷⁶. При этом подавляющее большинство из этих отрядов составляли не новосозданные, а те, которые были созданы в 1941 г. и в 1941–1942 гг. воевали не в Юго-Восточной Украине, а на территории Сумской и Черниговской областей и приграничных землях России и Белоруссии (соединения С. Ковпака, А. Федорова, А. Сабурова, Н. Воронцова и др.). Таким образом почти все из остав-

⁷² Судоплатов и Савченко для Пономаренко, 8 октября 1942 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 155).

⁷³ Отдел пропаганды, ежемесячное сообщение командующему тыловой зоной группы армий «Б» в отдел I а, 7 сентября 1942 г. (ВА–МА, РН 22/60. Вл. 8).

⁷⁴ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 35).

⁷⁵ Донесение Пономаренко Сталину о состоянии партизанского движения в Украине на 1 мая 1943 г. (Україна партизанська... С. 264).

⁷⁶ Там же. С. 265.

ленных летом 1942 г. на Харьковщине и Донбассе отрядов прекратили свое существование в течение одного-двух месяцев.

После повторного занятия Украины Красной армией обстоятельствами исчезновения массы партизан заинтересовались партийные органы, поручившие провести соответствующие расследование НКГБ.

В одном из документов органов госбезопасности сообщалось, что оставленный в тылу для организации партизанской борьбы второй секретарь Ворошиловградского обкома КП(б)У Стеценко примкнул к партизанскому отряду Воропаева. При первом же бое с немцами партизанская группа распалась. Стеценко ушел в областной центр, но и там его ждала неудача: «В городе Ворошиловграде и других районах области [летом 1942 г.] были наспех организованы партизанские отряды и подпольные группы. Часть людей оказалась недостаточно стойкой и тщательно проверенной. В качестве примера, связанные т. Стеценко – Анохина, Щеголева (она же Морозова Евгения), Погуляева, будучи арестованными, выдали немецко-итальянский разведке тов. Стеценко как секретаря подпольного обкома КП(б)У...»⁷⁷ Хотя Стеценко и не был арестован, но заниматься подпольно-партизанской деятельностью он уже не смог и вынужден был дожидаться возвращения Красной армии.

Старший брат одного из основателей «описанной» литератором Фадеевым организации «Молодая гвардия» Третьякевич, секретарь Октябрьского райкома КП(б)У Ворошиловграда, тоже был привлечен к организации партизанской борьбы в качестве комиссара одного из отрядов. В течение июля–августа этот отряд сначала разделился на две части, а потом распался. По результатам расследования НКГБ Третьякевича в 1944 г. выгнали с партийной работы за проявленную в немецком тылу безынициативность⁷⁸.

В этом же отряде оказался бывший секретарь Каменнобродского райкома КП(б)У Ворошиловграда Литвинов. Еще находясь в отряде, он предпринял все, чтобы группу развалить, а после распада отряда стал сотрудничать с полицией. После прихода Красной армии Литвинов прикрывал фальшивыми справками бывших полицаяв и рассказывал о своих многочисленных подвигах. В конце концов, Литвинов был арестован НКГБ⁷⁹.

⁷⁷ «Докладная записка по делу Стеценко, Третьякевича, Громова и Литвинова» секретаря Ворошиловградского обкома КП(б)У А. Гаевого и начальника управления НКГБ по Ворошиловградской области Н. Илясова Хрущеву, до 25 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф.1. Оп. 22. Спр. 22. Арк. 32–33).

⁷⁸ Там же. Арк. 34–35.

⁷⁹ Там же. Арк. 36–37.

Доклад 403-й немецкой охранной дивизии от 21 августа 1942 г. описал общую ситуацию разгрома партизан на Харьковщине и в Донбассе: «Партизаны находятся в маленьких и средних размеров группах в различных частях зоны ответственности дивизии. Начатая акция по зачистке с введением сил безопасности проводится в увеличивающемся объеме. Население в целом относится к партизанам отрицательно»⁸⁰.

Часть отрядов снова вышла в советский тыл.

Тимофей Строкач в августе 1942 г. информировал особистов Сталинградского фронта о том, что при отходе частей Красной армии с территории Сталинской (Донецкой) области был оставлен для партизанских действий в тылу противника отряд под командованием Карнаухова, но сделать он ничего не смог: «Ряд командиров и бойцов указанного отряда панически бежали в тыл Красной армии из района действий партизанского отряда, не выполнив боевого приказа»⁸¹. Сообщение заканчивалось просьбой Строкача к чекистам применить к дезертирам этого отряда, уже задержанных УШПД, меры в соответствии со знаменитым сталинским приказом № 227 «Ни шагу назад».

Подобные факты были далеко не единичными. Дошло до того, что осенью 1942 г. ЦШПД специальным приказом запретил отрядам самовольно выходить в советский тыл⁸².

Продолжалась и выброска будущих партизан с парашютом в глубокий тыл Вермахта: «Всего за 1942 год [только УШПД] было заброшено 394 человека. Из них в августе – 50 человек, в сентябре – 23 человека, в октябре – 180 человек, в ноябре 27 человек и в декабре 12 человек. Эти отряды забрасывались как на базы уже действующих отрядов, так и в новые районы»⁸³.

⁸⁰ Сообщение о ситуации командира охранной дивизии № 403 командующему войсками безопасности и тыловой зоной группы армий «Б», 21 августа 1942 г. (ВА–МА, RH 22/204. Bl. Bl. 194 Rückseite). См. также ежемесячный отчет за август 1942 г. командующего войсками безопасности и тыловой зоной группы армий «А» (Отдел I а 624/42 секр[етно]) от 8 сентября 1942 г. (ВА–МА, RH 22/98. Bl. 369 f.).

⁸¹ Сообщение Строкача начальнику Особого отдела НКВД Сталинградского фронта старшему майору ГБ Селивановскому о дезертирстве ряда партизан из отряда Карнаухова, № 4842/2, 4 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 193. Арк. 153).

⁸² Приказ главнокомандующего партизанским движением Климента Ворошилова и начальника ЦШПД Пономаренко № 0061 от 6 ноября 1942 г. «О запрещении самовольного выхода партизанских отрядов и бригад в советский тыл» (*Білас І*. Репресивно-каральна система в Україні... Кн. 2. С. 309–310).

⁸³ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 36).

Партизаны, засланные в новые районы, как правило, пропадали без вести. Например, в конце ноября 1942 г. УШПД направил в ЦШПД докладную записку, где перечислил 7 диверсионных групп, выброшенных в Юго-Западную Украину. Сквозь весь документ проходит рефрен «связь не установлена»⁸⁴.

Обстоятельства разгрома подобных групп можно проследить по немецким документам.

Сотрудники одной из полевых комендатур юга Украины сообщали коллегам, что в конце июня 1942 г. в Мелитополе десантник Николай Пономаренко добровольно сдался немецким властям: «С помощью Пономаренко удалось взять в плен в конце июня 1942 г. 3-х оставшихся парашютистов и конфисковать радиопередатчик»⁸⁵.

Комендатура тайной полевой полиции Вермахта с юго-востока Черниговской области доносила по инстанции, что в начале июля 1942 г. в указанном районе было сброшено 14 парашютистов. Один из них поранился при приземлении и должен был быть зарезан ножом своими товарищами, чтобы исключить возможность попадания сведений в руки немцев: «Убийство не удалось. Раненый был найден и находится в больнице [местечка] Прилуки. У диверсионной группы было задание взрывать железнодорожное полотно и мосты. Имена и описание внешности [диверсантов] известны»⁸⁶.

Участники пойманной немцами в районе г. Славуты (Каменец-Подольская, ныне Хмельницкая область) группы парашютистов, вероятно, подчиненной ГРУ, на допросе показали, что в Генштабе Красной армии им заявили о скором готовящемся наступлении в районе Ржева. 21 ноября Генрих Гиммлер направил эти данные Гитлеру⁸⁷. Отметим, что советское наступление – знаменитая «Ржевская бойня» – начавшееся 25 ноября 1942 г., захлебнулось в ходе многочисленных бесплодных лобовых атак.

В обобщающем обзоре СС за вторую половину 1942 г. описывался успех полицейских мероприятий в степях: «Многочисленных пара-

⁸⁴ Докладная записка Строкача заместителю начальника ЦШПД В. Сергиенко о результатах выброски ряда диверсионных групп на территорию Украины в 1942 г., №-001 115, 27 ноября 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1027. Л. 72–73).

⁸⁵ «[Приложение] к обобщающему отчету об опыте, полученном в борьбе с бандами», полевая комендатура 676 (V) (отдел Ic), в полевую комендатуру 777 Запорожье, 28 июля 1942 г. (ВА–МА, RH 22/60. Bl. 63).

⁸⁶ Телеграмма комендатуры тайной полевой полиции № 721 в местечке Прилуки (через центр сообщений в Конотопе) командующему тыловой зоной группы армий «Юг», ежедневное сообщение, 9 июля 1942 г. (ВА–МА, RH 22/51. Bl. 129 Rückseite).

⁸⁷ Сообщение имперского руководителя СС Г. Гиммлера Гитлеру о результатах допроса группы советских парашютистов, № 44, 21 ноября 1942 г. (ВAB, NS 19/2605. Bl. 41–42).

шотистов и прочих агентов, которые на юге Украины пытаются организовать банды, до сих пор удается уничтожить сразу при создании ими групп»⁸⁸.

Полтора года выбрасывая партизан в голую степь, организаторы зафронтной борьбы все же наконец поняли бессмысленность таких действий: «Опыт конца 1942 г. показал, что выброска групп в южные районы Украины в места, где не было отрядов, связанных непосредственно со штабом, с задачей выявления и организации партизанских отрядов себя не оправдала, так как подавляющее большинство из них, несмотря на наличие в группе радиостанций, на связь не выходили и судьба их оставалась пока неизвестной»⁸⁹.

Те же партизанские отряды, которые воевали еще с 1941 г. и успели приобрести ценный опыт, в середине – второй половине 1942 г. причиняли существенное беспокойство оккупационной администрации на северо-востоке УССР. На этой территории инициатива переходила от одной противоборствующей стороны к другой.

В мае–июле 1942 г. на территорию Сумщины из Брянских лесов совершил поход отряд С. Ковпака. Первоначально были проведены успешные бои с полицией, венгерскими и немецкими частями, однако к середине июня 1942 г. немцы сумели сосредоточить против партизан значительные силы и окружить отряд. Дальнейшие события описывает немецкий документ: «Операция “Путивль” против партизанской группы Колпака в период 20.6–23.6.42:

Результат: хотя партизанской группе удалось с боями ночью прорваться сквозь венгерскую линию обороны, но они, взяв с собой раненых, погруженных на примерно 100 телег с мешками и тюками, вернулись в Брянские леса. Местность, на которой потом была проведена операция усил[енным] вен[герским] пех[отным] пол[ком], значится как свободная от партизан»⁹⁰.

Ковпак в оперативном отчете объяснял причины неудачи рейда: «Усталость личного состава, большое количество раненых, отсутствие боеприпасов и взрывчатки, усиленный нажим превосходящих сил противника – все это вместе требовало выхода из создавшегося положения. После 9-дневного маневрирования по Путивльскому,

⁸⁸ Сообщение «Ситуация с бандами в области РКУ и в области Белостока», предп. Гиммлер, 29 декабря 1942 г. (ВАВ, NS 19/2566. Вл. 79).

⁸⁹ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг, начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 45).

⁹⁰ Докладная записка командующего войсками безопасности и командующего в военной области группы армий «Б» «Положение партизан в северной области», Ia № 9572/42 [секретно], 27 августа 1942 г. (ВА–МА, RH 22/66. Вл. 2).

Шемлыгинскому и Глуховскому районам [Сумской области] было принято решение – выйти в Брянские леса»⁹¹.

В июле–августе 1942 г. из Белоруссии в Черниговскую область вышло соединение А. Федорова. Его действия СД описывала для высших военных инстанций Третьего рейха как кровавое побоище: «В районах Холмы, Кориюковка и Понорница разбойничьими шайками в силе более 1000 человек многие населенные пункты были заняты, разрушены, жители истреблены. В настоящий момент еще идут бои, результаты которых еще неизвестны»⁹². СД по какой-то причине «приукрашивала» А. Федорова – донесения соответствующих тыловых структур Вермахта⁹³, в зону ответственности которого входила Черниговщина; документы самого соединения⁹⁴ и опрос жителей указанных районов⁹⁵ однозначно свидетельствуют: масштабной резни тем летом федоровцы не устроили. Речь шла о боях с полицией, венграми и немцами, убийствах полицейских и старост, в ряде случаев – членов их семей, а также сожжении не целых деревень, а хат коллаборационистов. Возможно, сотрудники СД зачем-то решили «списать» на федоровцев действия самих немцев в этой местности или, вероятнее даже, мадьяр. Например, сам глава Черниговского обкома сообщал в докладной записке в УШПД об участии «в зверствах и грабежах воинских частей вассальных государств (румын, венгров, финнов, итальянцев и др.). Из них больше всего издеваются над мирным населением наряду с немцами, венгры, финны»⁹⁶.

Алексею Федорову тоже не удалось закрепиться летом 1942 г. на территории Украины, его соединение в августе 1942 г. ушло в Орловскую область РСФСР.

⁹¹ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 21).

⁹² «Сообщения из оккупированных восточных областей, №. 19», шеф полиции безопасности и СД, 4 сентября 1942 г. (В.А.В. R 58/222. Вл. 3).

⁹³ См., напр.: Докладная записка командующего войсками безопасности и командующего в военной области группы армий «Б»; «Положение партизан в северной области», Ia № 9572/42 [секретно], 27 августа 1942 г. (ВА–МА, RH 22/66. Вл. 3).

⁹⁴ «Дневник боевых действий областного отряда им. Сталина соединения партизанских отрядов под командованием дважды Героя Советского Союза генерал-майора А. Ф. Федорова (1941–1944 гг.)», С. Потапенко – боец 2-го взвода 2-й стрелковой роты отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения, записи за июль–август 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 56. Арк. 80–111).

⁹⁵ См. проведенные в августе 2006 г. интервью с жителями Черниговщины (личный архив Александра Гогуня, далее – ЛААГ).

⁹⁶ Докладная записка А. Федорова в УШПД, конец 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 10. Арк. 176).

Проведение ряда антипартизанских операций на севере Сумской области в июне–июле 1942 г., как писали сотрудники оккупационной администрации, «создало у партизан почти паническое настроение. В различных деревнях, например, в Волокитно, Дубовичи и Землянка, кроме того, в районе Эсмани, отдельные партизаны с оружием регистрируются в полиции. Эти партизаны доносят, что настроение среди партизан очень плохое, у них есть радиоприемник и они сильно впечатлены успехами немецких войск под Керчью, Харьковом и Воронежем»⁹⁷.

В мемуарах комиссара отряда Андрея Сермуля, воевавшего в Крыму, приводится один эпизод, произошедший во второй половине 1942 г.: партизаны напали на группу немцев, охранявших работавших военнопленных: «И вдруг с удивлением видим, что, вместо того чтобы залечь или к нам бежать, они в основном вместе со своими охранниками разбегаются... Не в нашу пользу тогда складывалась ситуация на фронте... Многим казалось, что с партизанами вот-вот будет покончено, и хотя в плену было очень тяжело, не так-то много стремились перейти к партизанам...»⁹⁸

О подобных фактах поведения военнопленных сообщал после войны партийным историкам и бывший заместитель Строкача Илья Старинов: «Есть случаи, когда партизаны нападали на конвои и лагеря, но многие военнопленные оставались в плену, не желая уходить к партизанам»⁹⁹.

Воодушевленный успехами на фронте, приказом № 46 от 18 августа 1942 г. Гитлер обязал СС прекратить всеми возможными способами любую деятельность партизан в тылу немецких войск на Восточном фронте до начала зимы¹⁰⁰.

Об этом времени командир кавалерийского партизанского соединения Михаил Наумов вспоминал как о тяжелом для него периоде: «Бои в то время проходили под Сталинградом. В партизаны никто не шел... Если в месяц придет в отряд один человек из окружения – это уже хорошо. А поэтому приходилось использовать принудительную мобилизацию в партизаны, угрожая расстрелом»¹⁰¹.

⁹⁷ «Отчет об опыте борьбы с бандами», местная комендатура I (V) 270, г. Кролевец, 31 июля 1942 г. (ВА–МА, РН 22/60. Вл. 84).

⁹⁸ *Сермуль А. А.* 900 дней в горах Крыма... С. 60.

⁹⁹ Письмо И. Старинова члену редколлегии 2-го тома сборника «УССР в ВОВ Советского Союза 1941–1945» Г. Мультыху, (ЦДАГО. Ф. 39. Оп. 12. Спр. 48 (ст.)). Данные предоставлены А. Кентиём.

¹⁰⁰ *Hesse, Erich* Der sowjetrussische Partisanenkrieg... S. 177–178.

¹⁰¹ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 120.

Показательно, что за три месяца наиболее напряженных боев за Кавказ и Волгу, с августа по октябрь включительно, численность партизан, находившихся на связи с УШПД, выросла на 202 человека, т. е. всего на 4 % (с 4925 до 5127)¹⁰². В ноябре 1942 г. численность украинских партизан была в три раза меньше, чем количество советских партизан лишь в одной Витебской области Белоруссии (16 286 чел.)¹⁰³.

В этих условиях основные партизанские соединения УШПД значительную, если не основную часть времени проводили на приграничных с Украиной территориях России и Белоруссии, за что подвергались критике не только из руководящих центров, но и со стороны своих коллег, в частности, русских, что отмечалось, в докладе сотрудника Украинского штаба Е. Белецкого: «Украинские отряды в значительной мере пополнились за время пребывания в Брянских лесах. К тому же из Украины часть партизан захватила с собой семьи. В настоящее время семьи партизан украинских отрядов находятся в затруднительном положении, ощущается недостаток в еде, семьи не обеспечены жильем. (Брянские партизаны бросают упрек по поводу украинских отрядов за их малую боевую активность за время жизни в Брянских лесах)»¹⁰⁴.

По словам начальника оперативного отдела УШПД полковника Владимира Бондарева, во второй половине 1942 г. «главным недостатком» в деятельности партизанских отрядов того периода было то, что они не вели систематически активных боевых действий: «Не предпринимали крупных операций по разрушению железнодорожных узлов, промышленных предприятий, восстановленных немцами»¹⁰⁵.

К причинам кризиса украинских партизанских формирований добавилось то, что вся территория УССР оказалась далеко за линией фронта, из-за чего радиосвязь со многими отрядами периодически прерывалась. Треть самолетовылетов (30 из 92), организованных для доставки помощи украинским партизанам в июне–декабре 1942 г.,

¹⁰² Донесение Пономаренко Сталину о состоянии партизанского движения в Украине на 1 марта 1943 г. (Україна партизанська.... С. 265).

¹⁰³ «Справка о политической обстановке и партизанском движении в Белоруссии» начальника БШПД П. Калинина, предп. на имя Пономаренко, предп. ноябрь 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 125. Л. 27).

¹⁰⁴ «Доклад о сведениях, полученных при выполнении задания по сопровождению вооружения украинским партизанским отрядом», сотрудник УШПД Е. Белецкий Строкачу, 19 ноября 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1027. Л. 84).

¹⁰⁵ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 38).

оказалась сорванной¹⁰⁶. В связи с ситуацией на фронтах «формирование самого [Украинского] штаба и укомплектование его командным составом... происходило буквально на ходу. С 7 по 18 июля штаб производил передислокацию из Ворошиловграда в Калач-Воронежский, а позднее в Сталинград, 12 августа [УШПД] переехал в Среднюю Ахтубу, 1 сентября – в Саратов, а 12 октября – в Москву, где началась планомерная работа»¹⁰⁷.

Кроме того, во второй половине 1942 г. южный участок советско-германского фронта стал для Вермахта главным. Поэтому был принят ряд мер для того, чтобы обезопасить там коммуникации. В частности, немцы вытеснили с территории Украины соединения Ковпака и Федорова, а также насадили вдоль границ, смежных с Белоруссией, сильные полицейские гарнизоны¹⁰⁸. Сводка СД от 30 октября 1942 г. отмечала определенный успех этих действий: «В области командования полиции безопасности и СД “Украина” активность банд, вследствие усиленного использования полицейских сил и наступления плохой погоды, несколько ослабла»¹⁰⁹.

На тот период в обширных лесных районах Правобережной и Западной Украины, в отличие, например, от Западной Белоруссии, не было партизанских отрядов, находившихся на связи со штабами партизанского движения. В Ставке предполагали, что Восточная Украина вскоре будет занята Красной армией, и поэтому решили ряд крупных партизанских соединений передислоцировать в Житомирскую, Ровенскую и другие западные области.

На Правобережье в ходе рейда, изначально названного Сталинским, были посланы Сумское (С. Ковпак, 832 человека) и Объединенное (А. Сабуров, 1408 человек) партизанские соединения. На Левобережье отплавлялся ряд менее крупных отрядов.

Два соединения вышли в Сталинский рейд одновременно 26 октября и следовали параллельно друг другу. Марш через Орловскую (РФ), Сумскую и Черниговскую области составлял в среднем ежедневно по 25 км. Командир одного из отрядов соединения Сабурова Леонид Иванов уже 2 ноября 1942 г. засвидетельствовал в дневнике

¹⁰⁶ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 36–37).

¹⁰⁷ Там же. Арк. 34.

¹⁰⁸ Донесение Пономаренко Сталину о состоянии партизанского движения в Украине на 1 марта 1943 г. (Україна партизанська... С. 266).

¹⁰⁹ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 27», шеф полиции безопасности и СД, 30 октября 1942 г. (ВАВ. R 58/222. Bl. 263).

успех: «Идем свободно по своей земле, полиция в страхе бежит»¹¹⁰. Разгромив гарнизоны полиции в райцентрах Понорница и Холмы (Черниговская область) и Лоев (Гомельская область БССР), оба соединения 8 ноября форсировали Днепр и оказались на Правобережье.

Этот успех, по некоторым данным, был доведен до сведения Сталина. 9 ноября Т. Строкач передал по радиции А. Сабурову: «Верховное командование с большим вниманием следит за Вашими действиями, очень рады успехам... Прошу ежедневно докладывать о результатах марша»¹¹¹.

15 ноября Иванов сделал запись в дневнике о размахе действий сабуровцев: «8–9 б[атальо]н[ы] громят Хойники (тогда – райцентр Пинской области БССР, сейчас Гомельской области. – А. Г.), слышна артстрельба. Вдали показались горящие склады с лесом, пылают огнем вагоны, это ст[аршина] Аврамов, подрывник т. Донецков и ком[андир] взв[ода] Ермилов подрывают ж. д. стрелки. Казаки и полиция в страхе еще с вечера успели удрать»¹¹².

В сообщении оккупационной администрации 10 декабря 1942 г. итог этой операции оценивался высоко: «Немецкая сторона понесла сильные потери, точные данные о которых еще неизвестны»¹¹³.

Вскоре Сумское соединение напало на райцентр Лельчицы (тогда – Полесская область БССР). Сохранилось подробное описание разгрома этого городка с немецкой стороны: «Боевая группа численностью от 1000 до 1200 человек, вооруженная 3 минометами, 1 противотанковым орудием и многочисленными пулеметами и автоматами напала на областной город Лельчицы утром 26.11 около 1 часа [дня?]. Лельчицы, помимо охранных команд (из граждан СССР, в данном случае украинцев и белорусов. – А. Г.) оборонялись ротой латышей и немецким инженерным взводом. Несмотря на это, в короткий срок Лельчицы пали... В местечке было сожжено все немецкое или [все], что помогало немцам, также погибли многие сотрудники гебитскомиссара, имена которых еще точно не определены. Сам гебитскомис-

¹¹⁰ Дневник командира 2-го партизанского отряда Червоного района соединения А. Сабурова Л. Иванова, запись от 2 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 105. Арк. 16 зв.).

¹¹¹ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 129.

¹¹² Дневник Иванова, запись от 15 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 105. Арк. 19.)

¹¹³ Телеграмма заместителя Э. Коха Даргеля из Ровно в министерство по делам оккупированных восточных областей о деятельности партизан, № 7148, 10 декабря 1942 г. (ВАН. NS 19/1433. Вл. 111).

сар и его заместитель живы. Лельчицы 28.11.42 снова заняты полицейскими частями»¹¹⁴.

Впервые на территории РКУ разгрому подверглась резиденция гебитскомиссара. Ковпак писал об этом как об одной из успешнейших операций соединения: «В городе были уничтожены кожзавод, лесозавод, электростанция, узел связи, взорван и сожжен мост на реке Уборть длиной 330 п[огонных]м[етров], нами были захвачены большие трофеи...»¹¹⁵.

В течение 30 дней, проводя бои, впервые в истории советско-германской войны два столь крупных соединения прошли 800 км по территории шести областей, включая Киевскую и Житомирскую, форсировали широкие водные преграды – Десну, Днепр и Припять, и количественно выросли на 1580 человек¹¹⁶, т. е. на 70 %. Неожиданно успешный Сталинский рейд показал слабость немецкого тыла в Украине, именно в этот момент начавшей выходить из-под контроля оккупантов.

Спецслужбы били тревогу. В обзоре СС в конце декабря 1942 г. о ситуации в РКУ отмечалось: «Северная Украина может быть обозначена, как находящаяся под опасностью банд. Южная Украина может быть определена как умиротворенная. Примерная граница – шоссе Ровно–Киев... Обострение положения из-за прихода новых боеспособных сильных банд под военным руководством, хорошо оснащенных тяжелым оружием – из Белоруссии, тыловой зоны группы армий “Центр” и Брянского леса. Особенно помешало вторжение сильной бандитской группы “Колпаков” в ноябре. Из-за слабости сил только к концу месяца стало возможно остановить дальнейшее продвижение этих сильных банд на юг и на линии Славечно – Олевск принудить их к обороне»¹¹⁷.

По тогдашним сведениям УШПД, состояние партизанских отрядов в Украине к началу нового, 1943 г. характеризовалось следующими цифрами: «Действующих отрядов – 60 с общей численностью 9199 чел., из них вытеснено [противником] с территории Украины – 24 отряда с общей численностью 5533 чел...

¹¹⁴ Телеграмма заместителя Э. Коха Даргеля из Ровно в министерство по делам оккупированных восточных областей о деятельности партизан, № 7148, 10 декабря 1942 г. (ВAB, NS 19/1433. Вл. 111).

¹¹⁵ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строчаку. (ЩДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 28).

¹¹⁶ Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 129.

¹¹⁷ Сообщение «Ситуация с бандами в области РКУ и в области Белостока», Гиммлер, предп. Гитлеру, 29 декабря 1942 г. (ВAB, NS 19/2605. Вл. 80).

Таким образом, в настоящее время на Украине почти нет ни одного крупного активного отряда, имеющего связь с центром»¹¹⁸.

Но и за пределами Украины украинские партизаны не сидели сложа руки. В частности, соединение Сабурова в Пинской области БССР провело операцию, аналогичную тому, что Ковпак устроил в Лельчицах. Из РКУ в Берлин ушла телеграмма: «В ночь с 15 на 16 января 1943 [года] город Столин был подвержен нападению сильной банды. Резиденция гебитскомиссара (дворец Манкевичи) и казармы охранных команд (полицейских формирований из граждан СССР. – А. Г.) были разграблены и подожжены. Гебитскомиссар с 8 сотрудниками на башне дворца до утра смог обороняться от бандитов... После отступления бандитов ему удалось из уже горящей башни слезть по крыше на землю... Расположенный вблизи дворца винокуренный завод был также разграблен и подожжен. Телефонный пункт был разрушен. 2 служащих жандармерии убиты, [партизанами] утащены примерно 100 членов охранных команд, из которых только 50 возвратилось назад»¹¹⁹. СД сообщала: «Затем подверглись нападению и были частично заняты близлежащие населенные пункты. Теми же самыми [партизанами] в местечке Колки (на севере Ровенской области УССР. – А. Г.) были убиты в их жилье 11 членов [строительной] «О[рганизации] Т[одт]». При нападении на Столин впервые речь идет о прямом нападении на большой город, который в качестве места пребывания гебитскомиссара обладал относительно значительными немецкими силами»¹²⁰.

Изгнание в конце 1942 г. основных сил партизан УШПД в Белоруссию и Россию было лишь тактическим успехом полицейских сил. Общая стратегическая ситуация складывалась не в пользу нацистов.

Сталинский рейд совпал по времени с наступлением Красной армии под Сталинградом, после которого немцы, очевидно, проиграли войну за умы населения Украины, о чем писал в Берлин глава РКУ Кох: «В то время, как до начала прорыва фронта во всей Украине – кроме северных лесистых областей (т. е. Белоруссии. – А. Г.) – на равнинной местности господствовало спокойствие, и не было угрозы для работы немецких уполномоченных по сельскому хозяйству,

¹¹⁸ Справка Строкача (*Білас І. Репресивно-каральна система в Україні... Кн. 2. С. 357*).

¹¹⁹ Телеграмма заместителя Э. Коха Даргеля из Ровно в министерство по делам оккупированных восточных областей о нападении партизан на областной город Столин, № 1933, 18 февраля 1943 г. (ВВВ, R6/378. Bl. 15).

¹²⁰ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 40», шеф полиции безопасности и СД, 5 февраля 1943 г. (ВВВ, R 58/223. Bl. 167).

с января 1943 года картина полностью поменялась. Наиболее тяжелая ситуация во вновь отбитых [Вермахтом] областях восточнее Днепра»¹²¹. В соответствующем постановлении ЦК КП(б)У также подчеркивалось значение Сталинградской операции: «Особенно выросло партизанское движение во время наступления Красной армии зимой 1942/43 г. Воодушевленное успехами советских войск, население оккупированных районов стало более активно подниматься на вооруженную борьбу против немецких поработителей»¹²².

С мест шли похожие донесения. Во второй половине 1942 г. на Правобережье Украины было выброшено 28 организаторских групп. На базе одной такой группы, т. е. едва ли не «с нуля», в Житомирской области за полтора месяца к концу 1942 г. Сергей Маликов создал боеспособное партизанское соединение. Одной из причин организационного успеха командир называл настроение населения: «Народ Житомирщины яростно ненавидит немецких оккупантов. От немецкого солдата, как от зверя, убегает население большинства сел»¹²³.

На описываемый момент на Житомирщине действовало соединение Героя Советского Союза Александра Сабурова, отличавшееся среди остальных соединений высоким уровнем диверсионной активности. О том, что мародерству сабуровцев «нет предела» представитель ЦК КП(б)У Иван Сыромолотный писал в письме Строкачу: «По содержанию его отряд близок к банде. Народ от его отряда удирает так, как и от немцев, в лес»¹²⁴.

Но, несмотря на отношение красных к мирным жителям, население большей части Украины с начала 1943 г. воспринимало их, во-первых, как представителей побеждающей стороны, во-вторых, как силы, которая помогает Красной армии изгнать оккупантов, за полтора года унижений, поборов и террора успевших стать ненавистными.

В письме представителя отдела военной администрации генерал-квартирмейстера генштаба сухопутных войск главного командования

¹²¹ «Отчет о положении и деятельности банд в Украине», Рейхскомиссар Украины [Э. Кох] предп. на имя главы министерства по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга, 4 апреля 1943 г. (В.А.В. R 6/492. Вл. 5).

¹²² Постановление ЦК КП(б)У о состоянии и дальнейшем развитии партизанского движения в Украине, 15 июля 1943 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 378–379).

¹²³ «Отчет о боевой деятельности соединения местных партизанских отрядов Житомирской области с 1 января по 1 мая 1943 года», командир Житомирского соединения С. Маликов Строкачу, не ранее 1 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 67. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 47).

¹²⁴ Выписка из письма представителя ЦК КП(б)У в Сумском соединении И. Сыромолотного Строкачу, 27 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 67. Арк. 107).

Вермахта в МИД 3 января 1943 г. отмечалось сходство поведения немецких солдат и советских партизан: «Растущее беспокойство войск из-за жестокости [методов] борьбы с партизанами: “Мы сами ведем себя как бандиты!”»¹²⁵.

В докладной записке Хрущеву секретарь ЦК Демьян Коротченко, описывая первую половину 1943 г., указывал на благоприятные условия существования партизанских отрядов: «Настроение населения оккупированной территории по сравнению с 1941–1942 гг. коренным образом изменилось. Раньше часть населения рассуждала: “Нам все равно, какая будет власть. Немцы тоже люди, приспособимся и выживем”. Теперь, после двух лет фашистского рабства, все население, за исключением отъявленных врагов советской власти, ждет скорейшего возвращения Красной армии...»¹²⁶

При этом, по словам комиссара Сумского партизанского соединения Руднева, о массовом вооруженном содействии мирных жителей красным речь не шла: «Понятно, народ изменился в сравнении с 1941–1942 гг. Он стал ближе советской власти, но сам оружие [в руки] не берет и не поднимается на активную борьбу с немцами»¹²⁷.

В благоприятных условиях пассивной поддержки большинством населения советских партизан, последние, согласно заданиям УШПД, планомерно расширяли зону собственной оперативной активности. Это крайне беспокоило, в частности, немецких экономистов, отвечавших за эксплуатацию захваченной территории. В сообщении для ОКХ о ситуации в Украине описывалась география партизанской борьбы: «Бесчинства банд распространяются от белорусской границы все далее на юг»¹²⁸. В этом же документе приводились сведения о том, что из четырех административных областей – Волынь, Житомир, Подолье (Правобережье) и Чернигов за один месяц (вероятно, март) мяса удалось собрать лишь 55 % от ожидаемого количества (3460 тонн вместо 6280 тонн).

Сводка СД описывала положение на севере Левобережной Украины весной 1943 г. как пугающее: «Бандитская деятельность в местно-

¹²⁵ Hesse Erich. Der sowjetrussische Partisanenkrieg... S. 183.

¹²⁶ Докладная записка Коротченко Хрущеву «О состоянии партизанского движения на Правобережной Украине», 22 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 6. Арк. 29).

¹²⁷ Речь Руднева на совещании командиров партизанских соединений, сотрудников УШПД и ЦК КП(б)У, конец мая 1943 г. (Кеитій А., Лоцицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 151).

¹²⁸ Сообщение хозяйственного штаба «Восток» при Верховном командовании сухопутных войск для генерал-квартирмейстера, вход. № 882/43 секр[етно], 22 апреля 1943 г. (ВА–МА. RW 31/250. Bl. 26).

сти севернее Чернигова продолжается. Многочисленные населенные пункты заняты бандами, так что и в этой области можно говорить о «партизанской республике»¹²⁹.

Однако интерес у сталинских партизан вызывали не только северные лесистые районы УССР. В конце января 1943 г. по решению ЦК КП(б)У и УШПД было решено организовать рейд в южные, лесостепные районы Сумской области (северо-восток Украины). С этой целью был наспех создан объединенный конный партизанский отряд численностью 650 бойцов под командованием бывшего пограничника Михаила Наумова. Рейд начался в ночь на 1 февраля 1943 г. и прошел неожиданно успешно. За две недели поставленные цели были достигнуты, ряд тыловых объектов оккупантов на Сумщине уничтожены, а на станции Ворожба наумовцы освободили группу военнопленных. Сам Наумов предложил УШПД продолжить рейд и вывести свой отряд в южные, степные районы Украины. Инициатива партизанского вожака была поддержана Строкачем, который дал задачу отряду выйти на Кировоградщину и соединиться там с местными партизанскими отрядами¹³⁰.

Но второй этап рейда прошел не так удачно, как ожидалось: от соединения Наумова самовольно отставали отдельные отряды, вожаки которых не хотели идти на юг. 26 февраля 1943 г. конное соединение по льду перешло Днепр, но так и не смогло найти отряды кировоградских партизан, а также получить по воздуху обещанную помощь УШПД. В ходе рейда, 3 марта 1943 г. Михаилу Наумову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как раз в эти дни положение соединения Наумова стало ухудшаться. Неподалеку от зоны оперативной активности отряда находилась ставка Гитлера «Волчье логово». Поэтому немцы предприняли все усилия, чтобы уничтожить кавалерийское соединение. Несмотря на то, что от наумовцев самовольно откололись еще две крупные группы партизан, с боями, продолжавшимися на протяжении всего марта, соединение прорывалось на север.

История Степного рейда ставит под сомнение тезис английских исследователей Чарльза Диксона и Отто Гейльбруна: «Советские партизаны доказали, что тысяча отрядов по пятьдесят человек каждый лучше, чем пятьдесят отрядов по тысяче человек»¹³¹. Небольшой отряд не мог выполнить подобную задачу.

¹²⁹ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 49», шеф полиции безопасности и СД, 9 апреля 1943 г. (BAW. R 58/224. Bl. 101 Rückseite).

¹³⁰ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 138.

¹³¹ *Диксон Ч. О., Гейльбрун О.* Коммунистические партизанские действия... С. 132.

Дерзкая операция впечатлила представителей оккупационной администрации – гражданской и военной.

В обобщающем отчете руководителей тыловой области группы армий «Юг» за первые десять месяцев 1943 г. значилось, что «в вновь созданной тыловой области основная военная составляющая деятельности состояла поначалу в борьбе с бандой Наумова»¹³².

О рейде глава РКУ Эрих Кох даже доносил в Берлин, в Восточное министерство А. Розенберга. По сведениям Коха, наумовцы в ходе рейда забрали на территории РКУ полторы тысячи коней, почти триста голов крупного рогатого скота, свыше шестисот саней и подвод и иное имущество. Нацистский глава Украины считал, что речь идет не о партизанском отряде, а о строевой части Красной армии: «Отдельные остатки этих военных частей остались повсюду. Осталось, прежде всего, беспокойство среди населения, которое полтора года послушно работало под немецким руководством и никогда не могло поверить в возвращение большевиков. Само собой разумеется, что из-за положения на фронте и подобных обстоятельств сильно выросло пассивное сопротивление населения. Вследствие военных событий деятельность банд усилилась везде и даже распространилась на безлесные южные области. При этом не имеет существенного значения, идет ли речь о настоящих [коммунистических] партизанах, отбившихся регулярных русских военных частях, беглых военнопленных, усиленных парашютистами, украинцах-националистах или польских бандах, или даже про обычные разбойничьи шайки»¹³³.

В этом же документе отмечалось, что благодаря активным мерам полиции и Вермахта «банда была постепенно ликвидирована, а южнее Киева полностью уничтожена»¹³⁴.

На самом же деле ядро отряда Наумова с боями прорвалось в южные районы Белоруссии, где в начале апреля 1943 г. соединилось с отрядом Ковпака.

Сам Наумов вспоминал, что планы ему реализовать не удалось: «Сначала я хотел выйти в Молдавию, а потом – в Прикарпатье, а потом, возможно, также и в Закарпатскую Украину. Но этот рейд был у меня сорван, он у меня не удался: я потерял радиостанцию и потерял связь с Большой землей. Без этой связи не было смысла мне туда идти и погибать»¹³⁵.

¹³² «Обобщающий отчет о деятельности тыловой зоны группы армий «Юг» за период с 1.1 по 5.10.43», б.п., б.д. (ВА–МА, RH/22/134. Вл. 3).

¹³³ Україна в Другій Світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів / упоряд. В. М. Косика. Т. 3. С. 152.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Кентій А., Лоцицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 138.

Операция до конца не удалась в том числе из-за того, что УШПД не смог организовать доставку грузов воздухом. Но Степной рейд сложно не признать успешным: в ходе двухмесячной операции наумовцы прошли 2400 км по 9 областям Украины, России и Белоруссии. По пути движения было форсировано 18 рек, 15 железных дорог, 33 шоссе, занято 10 райцентров. Согласно данным самого Наумова, в течение рейда партизаны потеряли убитыми 114 чел., пропавшими без вести – 85, ранеными – 77¹³⁶. К концу рейда соединение насчитывало 253 человека, лишь небольшая часть отбившихся партизан влилась в другие отряды. После рейда Наумов получил воинское звание генерал-майора.

К тому времени партизаны чувствовали себя в тылу врага достаточно вольготно. 4–5 апреля 1943 г. Сумское соединение переправлялось через реку Припять в Хойницком районе Гомельской области БССР, при случае уничтожив немецкий караван – 5 барж и бронекатер. После переправы ковпаковцы соединились с другими соединениями УШПД. Командир отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Григорий Балицкий описал встречу как чрезвычайно радостное событие: «7 апреля 1943 года... В 9.00 вместе с [Алексеем] Федоровым поехал к [Сидору] Колпаку (ком[андиру Сумского] партизанского соединения). Встреча была исключительно хорошая... В часов 12 дня собрались 4 Героя Советского Союза – Федоров, Колпак, Наумов и я. Пили, гуляли и наконец начался бой на реке Припять»¹³⁷. Немцы выслали на розыск пропавшего каравана флотилию в составе двух бронированных речных пароходов, четырех бронекатеров и одной моторной лодки. Ковпак утверждал, что немцы в этом бою допустили большую ошибку: «При подходе к селу еще километров за 5 противник начал обстрел берегов... Наша засада не обнаруживала себя... Затем, когда весь караван судов вошел в клещи, в упор ударили наши пушки и бронебойки, заработали наши станки. Огонь наших пулеметов заставил команду кораблей скрыться в трюм... Наши 70-мм пушки в упор расстреливали флотилию. Все корабли были потоплены. В одном из пароходов команда пыталась еще сопротивляться, тогда группа бойцов... высадилась на пароход и их же пулеметом, оставленным на палубе, начали прошивать палубу, уничтожая гитлеровцев, находившихся в трюмах»¹³⁸.

¹³⁶ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 48).

¹³⁷ Дневник командира отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Г. Балицкого, запись от 7 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 44).

¹³⁸ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак предп.

К заботам оккупационной администрации прибавился еще один фактор: в начале 1943 г. активизировалась Организация украинских националистов. Бандеровское подполье, весьма многочисленное на территории Западной Украины, отметило пришествие на территорию Ровенской области в декабре 1942 г. сильных соединений Ковпака и Сабурова, взорвавших 5 мостов вокруг г. Сарны и парализовавших деятельность этого железнодорожного узла¹³⁹. Постепенно расширяло свою деятельность и польское националистическое подполье. Поэтому, воспользовавшись переломом на фронтах и в сознании населения оккупированной территории, бандеровцы продемонстрировали скрытые возможности долговременной агентурной разработки коллаборационистских частей. С марта 1943 г. националисты в течение двух-трех месяцев разложили украинскую полицию на территории Ровенской и Волынской областей. Служащие местной полиции и полицейских батальонов частично разошлись по домам, а большей частью были просто переподчинены ОУН, создавшей на их базе Украинскую повстанческую армию (УПА), в которую поначалу добровольно, а с лета 1943 г. по мобилизации вовлекалось западно-украинское крестьянство.

В донесениях СД из оккупированных восточных областей 19 марта 1943 г. прослеживалось резкое недовольство оккупантов сложившейся ситуацией: «Общая деятельность банд в последние недели исключительно выросла. В генеральном округе Волинь-Подолье национал-украинская... банда развивает особенную активность. Многочисленные нападения на территории восточнее шоссе Ровно–Луцк проводят в большинстве своем члены этой банды.

В возрастающей массе увеличиваются случаи, когда охранные и казачьи части с оружием в руках переходят к бандам. Так, например, действовавшая в Цумани казачья сотня, после сожжения лесопилки, перешла к расположенной рядом банде; 55 членов охранных формирований оставили находящийся в Березино охранный батальон и с 3 легкими пулеметами и личным оружием вошли в одну из банд»¹⁴⁰.

Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 35). Кинозапись боя. см.: «Збірник кіносюжетів. Квітень-червень 1943 р., 8 ч.» (ЦДКФФА. Арх. № 2057).

¹³⁹ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 28).

¹⁴⁰ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 46», шеф полиции безопасности и СД, 19 марта 1943 г. (ВАН. R 58/224. Вл. 38–39). В документе националистические партизаны ОУН(б) ошибочно названы партизанами Тараса Бульбы-Боровца.

Бандеровцы, поставив под собственный контроль обширные территории Вольни и Полесья, мешали немцам собирать там продовольственные налоги и вывозить в Германию рабочих-остарбайтеров. В июне 1943 г. крайнюю обеспокоенность выразил глава генерального округа Вольнь–Подолье Шене в записке на имя А. Розенберга: «Ситуация на Вольни побуждает меня снова указать на серьезность положения в этой части моего генерального округа. На Вольни нет ни одной области, не зараженной бандами. Особенно в западных областях – Любомль, Владимир-Волыньск, Горохов, Дубно и Кремянец – деятельность банд приняла такие формы, что уже несколько недель можно говорить о вооруженном восстании, которое, разумеется, еще не окончательно показало себя»¹⁴¹.

Бандеровцы воевали с немецкой полицией и иной полицией на службе нацистов, при этом дружественно относились к Вермахту, поскольку считали его союзником в борьбе против большевизма, и даже пытались натравить¹⁴² его на оккупационную гражданскую администрацию, которую ненавидели и в 1943 г. беспощадно уничтожали¹⁴³.

Националисты и красные партизаны относились друг к другу резко негативно, и стычки между ними, наблюдавшиеся с весны 1943 г., к лету 1943 г. переросли в полномасштабную межпартизанскую войну.

Однако на территории, не охваченной партийной сетью ОУН, весной 1943 г. УШПД продолжал перебрасывать новые силы красных партизан. 22 февраля с территории северной Сумщины в рейд на Правобережье ушло соединение под руководством И. Шушпанова (430 бойцов), комиссаром которого был Яков Мельник, вскоре принявший командование. 11 марта с территории Черниговщины соединение под командованием Алексея Федорова (1400 бойцов) вышло на запад и вскоре встретилось с партизанами И. Шушпанова – Я. Мельника. 14 марта оба соединения форсировали Днепр и вышли на территорию партизанского края на Полесье, где соедини-

¹⁴¹ Докладная записка генерального комиссара Вольни–Подолья [Шене] имперскому министру по делам оккупированных восточных областей [А. Розенбергу] через руки рейхскомиссара Украины [Э. Коха] о положении на Вольни, V – I 2107/43, 18 июня 1943 г. (ВAB. NS 19/1433. Bl. 148).

¹⁴² «Протокол заседания при генеральном комиссаре Вольни и Подолья в Ровно», речь областного комиссара Линдера (область Луцк), 5 июня 1943 г. (ВAB. R 6/310. Bl. 44).

¹⁴³ Отчет о положении в тыловой зоне группы армий «Юг» представителя министерства по делам оккупированных восточных областей при командовании гр. ар. «Юг» майора О. Мюллера в министерство по делам оккупированных восточных областей для Отто Бройтигама, № 62/44 секр[етно], 17 февраля 1944 г. (ВAB. R 6/302. Bl. 164).

лись с партизанами С. Ковпака и А. Сабурова. Перекинутая в начале 1943 г. на территорию северной Ровенщины оперативная группа под руководством Василия Бегмы к апрелю создала соединение, насчитывавшее свыше 1000 человек.

За 5 месяцев – с ноября 1942 г. по март 1943 г. включительно – силы, подчиненные УШПД, выросли вдвое: «На 1 апреля 1943 г. с Украинским штабом и его представительствами при Военных советах фронтов находилось на связи 7 соединений, объединявших 48 отрядов и насчитывавших 7812 партизан и 35 отдельно действовавших отрядов и групп, численностью 3096 партизан. Всего 10 908 человек. Кроме того, как было выявлено позже, к 1 апреля 1943 г. на Украине действовало, не имея связи с УШПД и возникших самостоятельно два соединения, объединявших 15 отрядов и 90 отдельно действующих отрядов и групп, общей численностью 4553 человек»¹⁴⁴. Итого – свыше 15 тыс. партизан, не считая отрядов НКВД СССР и ГРУ.

Несмотря на то, что даже эти формирования причиняли определенное беспокойство оккупантам, объективно они были не столь велики, поскольку составляли лишь 0,04 % от довоенной численности населения Украины. Численный рост задерживался рядом факторов: ограниченным количеством вооружений и боеприпасов, кадров командиров-организаторов и специалистов партизанской и диверсионной борьбы, количеством самолетов в распоряжении УШПД, нелетной погодой.

Согласно преувеличенным примерно втрое данным оккупационной администрации, на белорусско-украинском Полесье, в районе действия соединения Сабурова находилось 30 000 партизан¹⁴⁵. Эта оценка перекечевала в работу немецкого историка Эриха Гессе: «В мае 1943 года в области западнее Днепра находилась самая большая группировка партизан Второй мировой войны...»¹⁴⁶ Высокая концентрация была вызвана не какими-то далеко идущими оперативными соображениями, а тем, что немцам удалось занять на Правобережье Днепра большинство партизанских аэродромов, в апреле–мае 1943 г. часто стояла нелетная погода, из-за чего в эти два месяца 45 из 250 запланированных рейсов в партизанские отряды сорвались:

¹⁴⁴ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 52).

¹⁴⁵ Телеграмма Рейхскомиссара Украины [Э. Коха] в министерство по делам оккупированных восточных областей о деятельности партизан в генеральном округе «Житомир», № 6693, 26 мая 1943 г. (ВАН, R 6/378. Bl. 21 Rückseite).

¹⁴⁶ *Hesse Erich. Der sowjetrussische Partisanenkrieg... S. 196.*

«В результате почти все соединения и отряды правобережной Украины в ожидании грузов скопились вокруг одной посадочной площадки Сабурова в Лельчицком районе Полесской области [БССР], что создало явную угрозу окружения их противником»¹⁴⁷.

Большинство областей Украины продолжали находиться за пределами воздействия подчиненных УШПД партизан: «В то время, как на отдельных железнодорожных участках северных районов [УССР] было скопление диверсионных групп, то важнейшие коммуникации противника в южных районах правобережной Украины работали свободно и интенсивно, оставаясь без воздействия на них партизанских отрядов»¹⁴⁸.

При этом на территории Полесья советская сторона чувствовала себя столь уверенно, что в начале апреля 1943 г. на территорию партизанской зоны самолетом прибыл секретарь ЦК КП(б)У Демьян Коротченко, а 28–29 мая в тылу немцев было проведено совещание командиров и комиссаров семи соединений с представителями УШПД, ЦК КП(б)У и функционерами комсомола. В начале июня 1943 г. своих подчиненных в этом районе посетил и Тимофей Строкач, причем соединение Сабурова, в котором он находился, в тот момент дислоцировалось всего в 6 км от немецких частей. Один из заместителей начальника УШПД Илья Старинов на месте провел занятия по подрывному делу с командным составом соединений Ковпака, Федорова и Сабурова, в которых участвовало в каждом соединении свыше 100 человек, продемонстрировал партизанам новые образцы мин.

Постепенно принятые меры давали результат. Согласно тогдашней оценке подпольщиков АК, на лесистой и болотистой местности белорусско-украинского Полесья красные партизаны «господствовали полностью»: «В мае акция (красных. – А. Г.) усилена, некоторые поставки посланы воздухом (командиры, инструкторы, вооружение, боеприпасы). Присутствующие партизаны рыскают по всей территории Полесья без ограничений. Появляются на предместьях городов (Брест, Пинск, Кобрин)... На линии Брест–Ковель в период 1–10 мая 8 случаев [подрывов поездов]. 11 мая большая катастрофа около Малорыты... Всего в мае на Полесье сошло с рельс около 200 поездов... Нападение на имения и хозяйства (например 9 мая на имение Воланов повета Кобрин, 12 мая из деревни Щчеглинка около Забинки рекрутирована живность, а также кони с возами, то же самое 19 мая в де-

¹⁴⁷ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 60).

¹⁴⁸ Там же. Арк. 55.

ревне Луцевица). Акция противодействия не приносит результатов. В многочисленных стычках и боях обе стороны тратят по несколько убитых и более десятка раненых. 25 мая совершено нападение на пост полиции в Озиатах, убито 10 полицейских. 28 мая похоронено 9 полицейских, убитых в борьбе под Радванниками. Таких случаев много. Обстреливание автомобилей на шоссе – в порядке вещей. От крупных столкновений с немцами партизаны уклоняются. Уничтожают местную полицию и всех тех, кто прислуживал немцам»¹⁴⁹.

В этот же период на Левобережье немцы предприняли наступление против партизан. Секретарь оргинструкторского отдела ЦК КП(б)У И. Миронов описывал действия немцев как комбинацию карательных мер с военной операцией: «Наступление началось со стороны Чернигова, в направлении между Днестром к устью Десны. Сначала немцы напали на отряд т. Таранущенко, который не принял боя и рассеялся. Продолжая наступление, немцы по пути сжигали села и поголовно уничтожали население. По данным разведки, в этом районе наступала сборная немецкая дивизия с применением танков, бронемашин, тяжелой артиллерии, минометов и бомбардировочной авиации»¹⁵⁰. В Черниговской и Сумской областях немцам удалось окружить отряды под командованием Бойко, Гнибеда, Сень, Горюнова, Логвина и другие. Некоторые потери понесло и Черниговское соединение партизанских отрядов. В результате тяжелых боев при выходе из окружения 6 июля погиб командир соединения – секретарь Черниговского обкома КП(б)У Николай Попудренко.

Однако после того как партизаны оторвались от преследования, они продолжили операции на Черниговщине и Сумщине. Короткий тактический успех немцев на северо-востоке страны не изменил общей ситуации на Украине.

В июне 1943 г., посетив основные соединения УШПД на Правобережье, Демьян Коротченко в письме в ЦК КП(б)У лишь немногим приукрашивал ситуацию: «В настоящее время боевые действия партизан Украины стали более целенаправленными. Теперь нет ни одного крупного партизанского отряда, у которого не было бы конкретных боевых задач. Все соединения выполняют план боевых операций, утвержденный ЦК КП(б)У на весенне-летний период 1943 г.»¹⁵¹

¹⁴⁹ Документ общественного антикоммунистического комитета («Антика») «Отчет с Полесья за май 1943 г.» (ААН. 228/17–8. К. 55–56).

¹⁵⁰ Докладная записка инструктора оргинструкторского отдела ЦК КП(б)У И. Миронова на имя Коротченко о состоянии ряда украинских партизанских отрядов и киевского подполья, 22 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 8. Арк. 33).

¹⁵¹ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 153.

Да и на всей оккупированной территории Европы третий год советско-германской войны был обозначен для Третьего рейха постепенной потерей контроля над ситуацией. 21 июня 1943 г. глава СС Генрих Гиммлер, используя специфическую ведомственную лексику, в своем приказе отмечал особую роль коммунистов в этом процессе: «Восточные и некоторые юго-восточные области Европы (СССР, Югославия, Албания и Греция. – А. Г.) находятся под публичной угрозой, отмечены грабежами и нападениями банд... Большевизм, как известно, в тылу немецких войск планомерно взрастил и послал на задание грабителей, бандитов и военнослужащих Красной армии под именем “партизан”»¹⁵².

Однако не второй, а третий год советско-германской войны стал периодом наибольших провалов Третьего рейха в борьбе с советскими диверсионными отрядами.

2.3. Третий год: успехи и сложности

Немцы рассчитывали прочно удержать за собой Украину, чтобы использовать украинские сельскохозяйственные продукты для своей армии и населения, а донецкий уголь – для заводов и железнодорожного транспорта... Но они и здесь просчитались. В результате успешного наступления Красной Армии немцы потеряли не только донецкий уголь, но и наиболее богатые хлебом области Украины, причем нет оснований предположить, что они не потеряют в ближайшее время и остальную часть Украины. (...) Фашистская Германия переживает глубокий кризис. Она стоит перед своей катастрофой.

*Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин,
доклад на заседании Московского городского совета,
6 ноября 1943 г.*

Летом 1943 г. тыловые структуры Вермахта ощутили провал оккупационной политики. В докладе, подготовленном для командования группы армий «Юг», описывалась довольно-таки мрачная для нацистов картина: «В областях, до настоящего момента спокойных, возникают банды, частично по-воен[ному] организованные, частич-

¹⁵² Приказ Гиммлера № 198/43, секр[етное] дело командования, 21 июня 1943 г. Приводится по дневнику начальника штаба по борьбе с партизанами Баха-Залевского, запись от 19 июля 1943 г. (В.А.В. R 20/45b. Bl. 77).

но разбойники, частично грабители-беженцы, [уклонившиеся] от акции Заукеля (насильственного вывоза “остарбайтеров” в Германию. – А. Г.). Среди населения растет впечатление, что немцы не будут хозяевами положения... Москва обращает на “третий фронт” (т. е. партизан. – А. Г.) свое особенное внимание. Факт, что от Брянского леса до границы генерал-губернаторства в возрастающей массе большие коммунистические банды с националистическими лозунгами и, далее на запад, национальные банды борются против нас плечом к плечу, показывает, что мы и национально-настроенную... часть народа сегодня или завтра должны воспринимать как врагов»¹⁵³.

В июне–июле 1943 г. была проведена последняя крупная запланированная операция немцев против украинских партизан на пограничье БССР и УССР. Запись в дневнике начальника штаба СС по борьбе против партизан Баха-Залевского демонстрировала удовлетворение полицейского функционера своими подчиненными: «Приказ об окончании операции “Зейдлиц” и перенос сил в область национально-украинского восстания [на Волыни].

Успех операции “Зейдлиц” на территории между Овручем и Мозырем (район аэродрома соединения А. Сабурова, вокруг которого скопилось весной 1943 г. множество соединений. – А. Г.). Убитых врагов 2768, бандпособников 2338, пленных 603, уничтоженных деревень 54, уничтоженных бандитских лагерей 807. Трофеи 2 орудия, 8 минометов, 437 винтовок, 34 автомата...»¹⁵⁴

Как видим, согласно отчету уничтожено 5000 человек (якобы партизан и их помощников), а трофейного оружия захвачено максимум на 500 человек – статистика явно лживая.

Поэтому неудивительно, что командир соединения партизанских отрядов Житомирщины Степан Маликов гораздо скромнее оценивал достижения оккупантов в этой операции: «Практическое руководство операцией было поручено генералу полиции фон-Дем-Баху... Месяц немецкие людоеды жгли села, убивали, грабили и увозили население Житомирской области, но партизанам никакого ущерба не нанесли»¹⁵⁵.

¹⁵³ «Отчет о ситуации», совет военной администрации, VII отдел командования тыловой зоной группы армий «Юг», в группу армий «Юг», № 1061/43 сек[ретно], 29 июня 1943 г. (ВА–МА, RH 22/133. Bl. 4).

¹⁵⁴ Дневник начальника штаба СС по борьбе с партизанами фон дем Баха-Залевского, запись от 23 июля 1943 г. (ВAB. R 20/45b. Bl. 81).

¹⁵⁵ Отчет о боевых и диверсионных операциях соединения партизанских отрядов Житомирской области (им. Щорса) за период с 1-го мая по 5 сентября 1943 г., командир соединения С. Маликов и др. (ЦДАГО. Ф. 67. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 46).

При всем том, что, по мнению А. Сабурова, партизанское командование в ходе этой оборонительной операции своевременно не организовало засады в районах дислокации гарнизонов противника, не продумало до конца систему охраны партизанских баз, а ряд партизан проявили панику и дезертировали¹⁵⁶, основные партизанские соединения все же вышли из окружения, начав выполнять план УШПД на лето 1943 г.

На 1 июля 1943 г. на территории Украины и смежных областей БССР и РФ оперировало 17 соединений и 160 отдельно действующих отрядов, объединявших 29 457 партизан¹⁵⁷, примерно $\frac{2}{3}$ из которых находилось на связи с УШПД. При этом партизанские формирования в Украине продолжали оставаться сравнительно малочисленными. Согласно тогдашним данным ЦШПД, из партизан, действовавших в оккупированных областях СССР (139 583 чел.), на территории Белоруссии оперировало 57,8 % от их общей численности, России – 24,6 % и Украины – всего 15,7 %¹⁵⁸ (оставшиеся 2 % – в других союзных республиках).

Одной из основных задач этих все же объективно внушительных сил УШПД стало овладение областями Западной Украины. Черниговско-Волынское соединение Алексея Федорова в июле 1943 г. вышло в указанный район, т. е. на территорию, контролируемую националистами, начав систематически воздействовать на Ковельский железнодорожный узел. Немецкая разведсводка сообщала, что Федоров «пообещал Хрущеву поднять на борьбу бандитские элементы на Волыни. Вышел на запад, но приверженцев там не нашел, но, наоборот, нашел противников... Стал заниматься диверсиями на коммуникациях. Хрущев помог ему тем, что на самолетах выбросил “адские болванки – мины [замедленного действия]”, он их искусно применяет, минирует пути железной дороги и сильно препятствует нормальной работе железных дорог»¹⁵⁹.

Если не только партизаны Алексея Федорова, но и другие соединения уже в первой половине 1943 г. действовали на территории Ро-

¹⁵⁶ Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 155.

¹⁵⁷ Отчет о боевых и диверсионных операциях соединения партизанских отрядов Житомирской области за период с 1-го мая по 5 сентября 1943 г., командир соединения С. Маликов и др. (ЦДАГО. Ф. 67. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 84).

¹⁵⁸ Подсчет по: «Справка о численном составе партизанских отрядов по состоянию на 1 июля 1943 года» Пономаренко и др. Сталину и др., 7 июля 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 25. Л. 123).

¹⁵⁹ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 23). Служебный перевод советских органов.

венской и Волынской областей УССР, то Восточная Галиция долгое время оставалась для УШПД своеобразной terra incognita. Этот регион до Второй мировой войны никогда не входил в состав России или Советского Союза. В течение полутора веков Галиция была частью империи Габсбургов, с середины XIX в. являвшейся конституционной монархией. В 1920–1939 гг., находясь в составе Польши, галицкие украинцы с нескрываемой ностальгией вспоминали тот период, когда ими руководили люди, разговаривавшие на немецком языке. Поэтому, с одной стороны, население Галиции в 1941–1943 гг. спокойно восприняло господство немцев, с другой – считало представителей советской власти не только носителями красного террора, но и чужаками, хотя и разговаривали пришельцы на понятном украинцам русском языке, который галичане называли не только «московским», но иногда и «советским языком»¹⁶⁰.

К тому же нацисты, считая Галицию «исконно немецкой землей», как уже отмечалось, старались не притеснять там украинцев так, как они делали это в рейхскомиссариате Украина. С галицкими украинцами немцы обращались и менее варварски, чем с поляками. В результате на протяжении 1941–1942 гг. Галиция была самым контролируемым дистриктом генерал-губернаторства, наименее подверженным деятельности разнообразных партизан¹⁶¹.

Американский исследователь Джон Армстронг в перечне причин, по которым Украинский штаб планировал вывести отряды в Западную Украину, указал и на ОУН: «Советские партизаны могли сыграть важную роль в ослаблении националистического партизанского движения Украины...»¹⁶² Но на бандеровцев УШПД и ЦК КП(б)У в 1943 г. обращали крайне слабое внимание. Зато Армстронг упустил, пожалуй, главную причину стремления руководства партизан на северо-запад Украины: сквозь эти регионы проходили важнейшие для Вермахта коммуникации – обратим внимание хотя бы на Львовский и Тернопольский железнодорожные узлы.

Если степные районы Украины взбудоражил рейд соединения М. Наумова весной 1943 г., то в Галиции немцы начали терять контроль летом 1943 г. в результате Карпатского рейда Сумского соединения. В начале операции отряд насчитывал 1900 человек. Конечной целью значился выход в Черновицкую область (Северная Букови-

¹⁶⁰ Сообщение украинского окружного комитета в Станиславе: «Информации в отношении нападения партизан на Микуличин, которое произошло ночью с 30.9 на 1.10 1943 г.», после 30 сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3959. Оп. 2. Спр. 139. Арк. 10).

¹⁶¹ Окупacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 1939–1945. T. I. Passim.

¹⁶² Армстронг Дж. Советские партизаны... С. 80.

на). Соединению предстояло провести разведку в отношении возможностей развития партизанской борьбы в Прикарпатье, Румынии, Венгрии и Польше, а также устроить диверсии на нефтепромыслах, особенно в Румынии. В конце июля партизаны начали уничтожать нефтяные вышки в Карпатах, но начатого не завершили из-за активизации немцев. В горах, уходя от преследования, партизаны бросили часть обоза, уничтожили орудия и минометы, чтобы продвигаться налегке. Вскоре соединение Ковпака дошло до Делятина (Станиславская область УССР). Профессор Джон Армстронг утверждал, что «население Западной Украины не оказывало ему [Ковпаку] поддержки... в результате его отряд был почти полностью уничтожен»¹⁶³. Американскому исследователю вторил российский академик Михаил Семиряга: «Крупным успехом для УПА завершился ее бой с партизанами дивизии С. А. Ковпака, в ходе которого дивизия фактически перестала существовать»¹⁶⁴. Но под Делятиным Сумское соединение, планомерно выслеживаемое с помощью авиации, 3–4 августа 1943 г. было разбито, но не уничтожено германскими и венгерскими частями. Командир 2-го полка Ковпаковской дивизии Петр Кульбака вспоминал о крайне тяжелом бое: «После перехода реки Прут нас встретил батальон немцев в лоб... У нас в этот период не было единого руководства боевыми операциями (Руднев и Ковпак находились в глубокой ссоре. – А. Г.), Руднев пошел в одну сторону, Сидор Артемьевич немного не вовремя дал направление удара, некоторые сдрейфили, в результате мы имели провал операции, в то время, когда мы могли бы сделать большие дела»¹⁶⁵. Другое объяснение поражения изложил радист соединения Борис Карасев: «Прорвав оборону немцев, пройдя через весь город, мы пришли к окраине Делятина, где на сопках засели немцы и открыли по нам перекрестный ураганный огонь. Слышна была команда комиссара соединения Руднева: “Пехота вперед, пехота вперед!..” Но пехоты не было: она осталась в городе и “бомбила” (разгребляла. – А. Г.) в это время магазины»¹⁶⁶. В бою под Делятиным

¹⁶³ Армстронг Дж. Советские партизаны... С. 27.

¹⁶⁴ Семиряга М. И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 495.

¹⁶⁵ Из стенограммы беседы с командиром 2-го полка 1-й Украинской партизанской дивизии им. Ковпака П. Кульбакой, 3 октября 1944 г. (Від Полісся до Карпат... С. 226).

¹⁶⁶ «Докладная записка о пребывании и проведенной работе в партизанском соединении Дважды Героя Советского Союза тов. Ковпака», радист соединения Б. Карасев для Коротченко, 29 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 50. Арк. 58).

ковпаковцы понесли значительные потери, погиб Семен Руднев, позже от ран умер его сын Радий.

Разделившись на 6, а потом на 7 отрядов, соединение прорывалось из окружения с целью продолжить партизанскую борьбу в Прикарпатье. Однако этот маневр превратился в отступление на Полесье: группы не имели связи между собой, а иногда теряли связь и с «Большой землей». В ходе отступления был ранен Ковпак, а также начштаба соединения Г. Базима, командовавший в тот момент другой группой.

К рейду было привлечено внимание советской и нацистской властной верхушки.

Его ход обсуждался на совете генерал-губернаторства с участием «коричневого короля Польши» Ганса Франка¹⁶⁷. А 3 августа 1943 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер телеграммой-молнией приказал своим подчиненным «невзирая на любые сложности, охотиться на Колпака и его банду до тех пор, пока мужчины не сдадутся в плен, а Колпак живым или мертвым окажется в наших руках»¹⁶⁸.

С другой стороны, Тимофей Строкач и Никита Хрущев пристально следили за рейдом и даже обратились к Сталину с просьбой выделить авиацию дальнего действия для помощи ковпаковцам. Просьба была удовлетворена, но, поскольку в августе ночи были слишком коротки для рейсов транспортных самолетов в глубокий тыл Вермахта, группы не соединились, продолжая действовать без поддержки «Большой земли». Все 7 отрядов, хоть и с потерями, дошли до Полесья.

Подчиненные Гиммлера не сумели выполнить приказ, но не реализовали план и партизаны: в Карпатах и Прикарпатье им закрепиться не удалось. О причинах неудачи рейда Ковпак докладывал в УШПД: «В горных районах, особенно приграничных к Венгрии, настроение горцев-гуцулов часто было почти враждебным. Особенно благоприятно относилось [к партизанам] население польских сел. Среди украинцев много предателей, немецких служаек»¹⁶⁹.

В отчете украинского чиновника на немецкой службе та же мысль выражалась по-иному: действиями украинских националистов пояс-

¹⁶⁷ «Протокол заседания штаба военного хозяйства и комиссии по вопросам обороны генерал-губернаторства», речь губернатора Галиции Отто Вехтера, 22 сентября 1943 г. (Окупація і рух опору в dzienniku Hansa Franka 1939–1945. Т. II. S. 208–209).

¹⁶⁸ Телеграмма-молния Гиммлера фон-дем Баху-Залевскому через руки командующего СС и полицией «Россия–Юг», с ознакомлением и дальнейшей передачей по инстанции, Ваг/Н., 3 августа 1943 г. (ВАВ. NS 19/1433. Bl. 126).

¹⁶⁹ «Отчетный доклад о боевой деятельности соединения партизанских отрядов Сумской области за период с 12 июня по 1 октября 1943 г. (рейд на Карпаты)», Ковпак, предп. Строкачу, не ранее 1 октября 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 165).

нялось «скорое бегство Колпака и его людей с гор, так как гуцулы охотились на них, как на медведей»¹⁷⁰.

В ходе рейда соединение прошло по территории 8 областей Украины и Белоруссии. Только убитыми и пропавшими без вести ковпаковцы за три месяца потеряли около 600 человек – треть личного состава¹⁷¹.

После окончания рейда командир опасался, что УШПД накажет его за провал¹⁷². Однако, наоборот, Ковпак за этот рейд получил свою вторую Золотую Звезду Советского Союза. Ведь его соединение было единственным, так глубоко прошедшим в Галицию, т. к. остальные – невзирая на повторные, со временем ставшие раздражительными приказания Строкача¹⁷³ – на территорию генерал-губернаторства в 1943 г. лишь коротко заходили и отступали обратно на Вольнь, Полесье или Подолье.

Если сугубо военный успех Карпатского рейда был невелик, то его политическое значение можно оценить высоко: операция показала слабость оккупационной администрации. В обзоре подпольщика АК отмечалось, что в ситуации, которая создалась вследствие появления ковпаковцев в Тернопольском и Станиславском округах, наступил ряд изменений: «1) Общий страх [перед красными партизанами] как среди немцев, так и украинцев; 2) Ожесточение укр[аинцев], вследствие посылки [немцами] их “лучших солдат” (полицейских) на борьбу с партизанами; 3) Усиление случаев бандитизма и нападений»¹⁷⁴.

Одной из задач, которую взяли на себя в письме к Хрущеву Ковпак и Руднев, было: «поднять партизанское движение в Станиславско-Львовской и Черновицкой областях УССР и подготовить население этих областей к вооруженному восстанию»¹⁷⁵.

Нечто подобное и произошло, только в неожиданной для советских партизан форме. В постановлении коллаборационистского галицкого Украинского центрального комитета осенью 1943 г. ука-

¹⁷⁰ Донесение в УЦК о положении в Коломыйском округе украинского окружного комитета в Коломии, предп. конец сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3959. Оп. 2. Спр. 136. Арк. 17).

¹⁷¹ Від Полісся до Карпат... С. 25.

¹⁷² Там же. С. 24.

¹⁷³ См., напр.: Радиogramма Строкача командованию партизанского отряда им. Боженко (М. Рудичу, И. Хлебанову и А. Майстренко) о дальнейших действиях отряда, исх. № 3897, 14 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1289. Арк. 17–17 зв).

¹⁷⁴ «Сообщение в отношении советских партизан», документ командования округа АК «Львов» от 30 июля 1943 г. (ААН. 203/XV–7. К. 1–5).

¹⁷⁵ Письмо Ковпака и Руднева Хрущеву о задачах Сумского соединения на лето 1943 г., 9 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 50. Арк. 51 зв.).

зывалось на обострение латентного межэтнического конфликта: «Недобитки большевистской банды разбрелись по всему краю, они разворошили разные преступные элементы... (...) Все чаще случаются убийства как украинцев, так и поляков. Какие-то темные силы и отщепенцы общества жируют на низменных инстинктах и науськивают людей к межнациональной войне и резне. (...) Источник анархии есть в обоих народах – как среди поляков, так и украинцев»¹⁷⁶.

Благодаря Карпатскому рейду в Галиции активизировалось подполье АК, а также бандеровцы, выпустившие по поводу прихода красных листовку: «Немцы уже не в силах оборонять нас перед большевизмом... Этим московско-большевистским агентам мы отвечаем... самообороной... Украинский народ не даст себя никому покорить и потому организует Украинскую Народную Самооборону [УНС] для борьбы с большевистскими партизанскими бандами в Карпатах»¹⁷⁷. Во второй половине 1943 г. УНС постепенно активизировала свою деятельность и в начале 1944 г. вошла в УПА в качестве краевого объединения «УПА–Запад».

Тем временем красные партизаны, реализуя задачи УШПД лета 1943 г., охватывали своей деятельностью районы, восточнее и севернее деятельности УПА и бандеровского подполья. На пограничье Ровенской области УССР и Белоруссии, на базе уже ранее существовавших отрядов партизанских соединений, было создано три новых соединения – Ровенские партизанские соединения № 1, № 2, а также им. Щорса¹⁷⁸.

С 19 июня по 18 августа продолжался рейд на территорию Винницкой области соединения под командованием Якова Мельника (670 бойцов), которое до этого было перекинуто на Правобережную Украину с территории Сумщины и Черниговщины. Первоначально рейд проходил успешно. Отряд прошел через южные районы Полесской области (БССР), Житомирщину и вошел в Винницкую область. Но закрепиться, как предусматривал план, на этой территории не удалось. Как уже говорилось, здесь располагалась ставка Гитлера «Вервольф». Выследив мельниковцев с воздуха, немцы предприняли попытку уничтожить соединение. Об этом бое сохранилось воспоминание его участника, партизана Василия Еромоленко: «29 июля под селом Живчик произошел бой, который длился до самого вече-

¹⁷⁶ «Тезисы УЦК об акции поддержания украинского правопорядка в Галиции», начало октября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3959. Оп. 1. Спр. 5. Арк. 1–6).

¹⁷⁷ Листовка ОУН к населению Галиции с призывом бороться против красных партизан, июль 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 77).

¹⁷⁸ Историю соединений см.: Україна партизанська... С. 80–83, 97–100, 119–121.

ра. Страшная бойня была. Первая цепь шла на партизан – шуцманы каменец-подольские – а сзади немцы. И такой огонь ведут, что щепки летят с дороги. Когда до нас прорвались немцы, я уже был раненый в плечо. Немцы пробилась к нашему обозу, в котором было 300 подвод. Там лежали тяжелораненные – человек 20 (остальные раненые шли пешком, если ранило в руку – иди). На каждой подводе по ящику взрывчатого вещества, аммонала, в каждом ящике по 20 кг. Раненые, чтобы не попасть в плен, взорвали аммонал. Взрыв был очень большой, пораскидало все – страшный суд. Что-то взорвалось, что-то загорелось. А тол горит с дымом, кругом среди белого дня настала ночь. Немцы дали ракету, отошли. В бою только из нашего села [Перелюб, Корюковского района Черниговской области] погибло человек 5, а всего легло 200 и столько же ранило. Потерь больше было у немцев и полицаяв, потому что они наступали»¹⁷⁹.

В начале августа 1943 г. соединение Мельника, разбившись на 3 группы, вырвалось из окружения и вышло через территорию Каменец-Подольской, Ровенской и Житомирской областей на Полесье.

По официальным данным, за время всего рейда потери Винницкого соединения составили: 31 человек убитыми, 51 – пропавшими без вести, дезертирами – 56 человек, 81 человек ранеными. Свыше 200 человек считались такими, кто оторвался от соединения, а потом вернулся в строй¹⁸⁰.

Схожая история была у рейда кавалерийского соединения Михаила Наумова (340 бойцов). В качестве промежуточной цели ему определили выход в северные районы Кировоградской области: «По выполнению этой задачи – базироваться в Кировоградской области, а в случае невозможности – возвратиться в Житомирскую область»¹⁸¹. Из-за противодействия немцев пробиться на Кировоградщину даже кавалерийскому соединению не удалось. До середины сентября 1943 г. отряды Наумова, выросшие до 1200 человек, действовали на пограничье Житомирской и Киевской областей. Соединением в указанный период было сформировано также 7 местных партизанских отрядов, насчитывавших 600 человек. Немецкие разведчики сообщали о Наумове как о находчивом партизане: «Среди бандитов пользуется большой популярностью и славится изобретательностью

¹⁷⁹ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

¹⁸⁰ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 161.

¹⁸¹ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 64).

тактических бандитских приемов... Диверсиями на коммуникациях занимается мало, не имеет специалистов... Весьма опасен тем, что может создавать внезапную угрозу штабам, главным образом, военным и правительственным чинам (лицам)»¹⁸².

На Житомирщине оперировало развернутое летом 1943 г. соединение им. Берии, командир которого Андрей Грабчак, неоднократно удостоивался похвалы от заместителя Строкача Ильи Старинава¹⁸³. С последним были согласны и представители немецких разведорганов: «Тщеславен, и в погоне за славой постоянно изобретает новые способы, диверсион[ные] сюрпризы. Окончил в Москве специальные курсы и получил элементарные знания по действию фугаса. Занимается исключительно диверсиями и имеет успех. Сам придумал себе кличку “Буйный”, желая кличкой соответствовать своим действиям... Действует на ж[елезных] дорогах Олевск–Сарны...»¹⁸⁴

Советская сторона продолжала пытаться организовать партизанскую борьбу в южных областях Украины. И соответствующие устремления были несколько более успешными, чем меры НКВД УССР и УШПД в 1941–1942 г. Так, летом 1943 г. выжило более половины выброшенных в тыл немцев партизан. 25 и 45 % личного состава партизанских отрядов, диверсионных и разведывательных групп представительства УШПД при Военных советах, соответственно, Юго-Западного и Южного фронтов, после выброски были убиты или пропали без вести: «Нередко отряды и группы выбрасывались самолетами с отклонением от 100 до 300 км от указанных районов. В частности, имел место факт, когда одна группа в 10–12 человек была десантирована в дневное время на станции Знаменка, где стояли немецкие эшелоны, все десантники были расстреляны в воздухе и лишь девушка-радистка тяжелораненой попала в плен»¹⁸⁵. Согласно данным Вермахта, в тыловой зоне группы армий «Юг» за июль 1943 г. было убито 6 и взято в плен 27 из 81 парашютистов, чья высадка была замечена немцами¹⁸⁶.

¹⁸² Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 20–21). Служебный перевод советских органов.

¹⁸³ См., напр.: *Старинов И. Г.* Записки диверсанта... С. 409–411, 418, 426.

¹⁸⁴ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 23). Служебный перевод советских органов.

¹⁸⁵ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 161.

¹⁸⁶ Сообщение тыловых органов Вермахта: «Проявления банд и [их] деятельность в тыловой зоне группы армий “Юг” за июль 1943 г.» для командующего группой армий «Юг», № 182/43 сек[ретно], 4 августа 1943 г. (ВА–МА. RH/22/102. Bl. 95).

Активизировалась деятельность партизан и в лесостепных областях Правобережья. В Каменец-Подольской области отряд под командованием Антона Одухи, насчитывавший в декабре 1942 г. 80 человек, до сентября 1943 г. вырос в соединение (430 бойцов), в рядах которого к 1 февраля 1944 г. числилось 2642 партизана¹⁸⁷. В Каменец-Подольскую и Винницкую области в конце 1943 г. переводили и другие партизанские отряды и целые соединения, выделенные из уже действовавших соединений – в частности, Житомирского, под командованием А. Сабурова.

Близкое к АК подполье сообщало в августе–сентябре 1943 г. о победах красных: «Положение с безопасностью ухудшается далее. Каждый день происходит несколько нападений на военные объекты, промышленные предприятия или [государственные] сельхозимения. За границами крупных центров власти оккупанта нет. Немцы не проводят больших, систематических акций по ликвидации партизан. Южное Полесье... является областью влияния партизан укр[аинских] (т. е. националистов. – А. Г.). Северным, включая сев[ерную] часть пов[ета] Столинского, овладели советские партизаны... Большую смелость проявили советские командиры при уничтожении во второй половине июля около Бреста-Волынского железных дорог и складов. Систематически сжигаются имения и атакуются коммуникации. Поезда всегда обстреливаются, ходят только днем... Отряды вспомогательные немецкие, созданные для борьбы с диверсией, убегают к бандам: так было с украинской стационарной полицией в Дрогоичине и кавказскими горцами и казаками. Исключение составляют польские полицейские батальоны, рекрутированные из «местных» и руководимые поляками (Кобрин, Дорогичин)»¹⁸⁸.

При этом 13 ноября в отчете РКУ в Берлин отмечалась другая тенденция: «Несмотря на [неблагоприятное] положение на фронте, общее возрастание бандитской деятельности не установлено»¹⁸⁹.

Дело в том, что партизанские командиры в тот момент получили задание, которое, с точки зрения их руководства, было важнее операций против тыловой нацистской администрации, подчиненных Коха и Розенберга. В конце августа – начале сентября 1943 г. советские войска вышли на левый берег Днепра. Битва за Днепр про-

¹⁸⁷ Україна партизанська... С. 113.

¹⁸⁸ Сводка представительства правительства Республики Польша на родине: «Земли восточные, обзор территории за период 15.VII–15.IX.1943», 662/A–8, не ранее 15 сентября 1943 г. (AAN. 202/III–120. К. 6).

¹⁸⁹ Рейхскомиссар Украины [Э. Кох], отчет о ситуации, предп. для А. Розенберга, V – I 301, 13 ноября 1943 г. (BAW. R6/311. Bl. 8).

должалась до середины ноября 1943 г. В ходе операции соединения Украинского штаба и представительств УШПД на фронтах должны были не только усилить диверсионную деятельность на железных дорогах, но и содействовать Красной армии в форсировании основной водной артерии Украины, а также Десны и Припяти, и, кроме того, в непосредственном взаимодействии с фронтовыми частями захватывать райцентры и даже города. Строкач в разговоре с сотрудниками УШПД заявил, что важной задачей партизан является «ворваться в Киев раньше Красной армии»¹⁹⁰.

До 15 000 партизан Левобережья за июль–октябрь 1943 г. в связи с наступлением Красной армии вышли в советский тыл. Несмотря на это, общая численность партизан не уменьшилась. Хрущев писал Сталину в начале октября 1943 г.: «Всего на Украине, в тылу противника, в настоящее время действует свыше 30 000 вооруженных партизан...»¹⁹¹ Свыше 17 000 из них было привлечено для помощи Красной армии в ходе форсирования Днепра Красной армией¹⁹² и битву за плацдармы на Правобережье.

На Десне, Днепре и Припяти партизаны своими силами осенью 1943 г. нашли и организовали 25 переправ. Отдельные партизанские отряды служили своеобразными базами для советских воздушных десантов, проводниками для передовых частей Красной армии, а также помогали выходить из окружения группам красноармейцев.

Уже в этой операции дал себя знать основной фактор, сдерживавший оперативную активность красных партизан на третьем году войны – воевать приходилось в ближайшем тылу Вермахта, насыщенном фронтовыми частями. В том числе и из-за этого задача, поставленная соединениям А. Сабурова, Я. Мельника и М. Наумова – войти в Киев – не была выполнена, хотя в 1943–1944 гг. занятие отдельных железнодорожных станций и райцентров красными партизанами стало нормой.

В декабре 1943 г. в Житомирской области в районе Овруча линия фронта была прорвана. У советской стороны долгое время не хватало сил, чтобы использовать прорыв для наступления, а у немецкой – чтобы его ликвидировать. В результате, кроме поставок воздухом, через «Овручский коридор» с 10 декабря 1943 по 25 марта 1944 г. красным

¹⁹⁰ Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 171.

¹⁹¹ Докладная записка Хрущева Сталину о действиях партизан Украины, 9 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 190. Арк. 171).

¹⁹² Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 85).

партизанам было доставлено 786 тонн грузов: 28 орудий, 246 минометов, 218 противотанковых ружей, 245 пулеметов, почти 5 тыс. автоматов, 12,6 млн патронов, почти 40 тыс. снарядов и мин, 90 тонн взрывчатки, другое вооружение и военное имущество¹⁹³.

На 1 января 1944 г. УШПД обладал связью с 43,5 тыс. партизан, находящимися в тылу Вермахта¹⁹⁴. На Правобережье и в Западной Украине оперировали также группы НКГБ и РУ ГШ КА.

Перед такой армией Центр поставил ряд новых задач, первой из которых была «Всемерная... активизация партизанского движения в новых районах, и в первую очередь, в районах Прикарпатской Украины (т. е. Восточной Галиции. – А. Г.), с вовлечением широких масс населения»¹⁹⁵. Строкач писал в ЦК КП(б)У о попытках воплотить эти установки: «В рейдах на территорию Тернопольской, Львовской, Дрогобычской, Станиславской, Черновицкой, Одесской областей и Молдавской ССР [помимо соединений П. Вершигоры и М. Наумова] находится также еще 19 партизанских соединений, 17 отдельных отрядов и 9 групп»¹⁹⁶. На 1 марта в действовавших в немецком тылу соединениях УШПД и его представительств на фронтах числилось до 35 тыс. партизан.

К тому времени «широкие массы населения» Прикарпатья уже были вовлечены в антикоммунистические повстанческие движения – УПА и АК. Красные партизаны были об этом прекрасно информированы. В частности, совершивший в свое время рейд по степи Михаил Наумов без оптимизма встретил приказ УШПД идти в лесистую и гористую местность – Дрогобычскую область (сейчас часть Львовской) – о чем свидетельствуют записи в его дневнике в декабре–январе 1943–1944 гг.: «Вместо ожидаемого снега спустился густой и сырой туман. Последний снег исчезает. На дворе – большие лужи воды... Вот канитель!.. Кажется, и природа встала против нас. (...) О поездке на санях пока думать не приходится. Одним словом, зима 43/44 г. начинается вяло, неудачно... (...) Эта моя третья партизанская зима ставит меня в тупик. Я молю своего бога о том, чтобы немцы до моего прибытия выгнали бы бандеровские банды из Кременецких массивов и вообще из Западной Украины. Тогда было бы

¹⁹³ Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 338.

¹⁹⁴ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 84).

¹⁹⁵ Там же. Арк. 97–98.

¹⁹⁶ Докладная записка «О боевых действиях партизан Украины с 1-го февраля по 1-е марта 1944 года», Строкач для Коротченко, № 002 123 ор., 5 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 30. Арк. 40).

легче. (...) ...Ставящаяся задача хотя и трудная, но по сроку вполне выполнимая. (...) Пока еще никто туда не проникал, кроме Колпака, который потерпел там крупную неудачу»¹⁹⁷.

Многие партизаны Сумского соединения, переформированного в 1-ю украинскую партизанскую дивизию им. Ковпака, переданного под начало П. Вершигоры, узнав о новой задаче, устроили нечто вроде бунта. Часть старых партизан была по состоянию здоровья выведена в советский тыл, а часть, после проведенной Вершигорой резких разъяснений, все же была принуждена выполнять задание.

Однако план УШПД на первое полугодие 1944 г. был провален. Только соединение под руководством Шукчаева с большими потерями совершило рейд по Карпатам и ушло далее – в Словакию. (Но изначальным заданием соединения было пройти в Одесскую область). Ни Наумов, ни Вершигора, хоть и коротко заходили на территорию Галиции, не вышли в заданный район боевых действий, предпочтя уйти в Польшу. Отвечая на претензии Строкача, Вершигора 4 марта 1944 г. в качестве одной из причин нежелания выполнять приказ назвал то, что «советские партизаны в Галиции... чувствуют себя, как в Германии, а в Польше не хуже, как в настоящих советских районах»¹⁹⁸.

Через Люблинское воеводство дивизия им. Ковпака ушла под Варшаву, и оттуда через Белостокское воеводство в Белоруссию, где дождалась прихода Красной армии. На предложение Строкача вести ковпаковцев рейдом в Словакию Вершигора ответил отказом.

Николай Куницкий, командир польского советского партизанского отряда, вспоминает, что после того, как их отряд с территории Люблинского дистрикта перешел в восточную Галицию, рейд превратился в мучение. По «разгневанной земле» пришлось идти, обходя украинские села: «Но это не дало результата, и украинская банда УПА взяла нас однажды в перекрестный огонь из двух деревенок одновременно. После этого случая сменили тактику и шли дорогами через деревни. Вокруг нас на расстоянии 20 км население сел било в колокола, в железнодорожные колеса, бляхи и по-разному поднимало тревогу. Немцы начали погоню...»¹⁹⁹ Чтобы сохранить отряд, Куницкому пришлось уйти в Карпаты.

¹⁹⁷ Дневник командира соединения украинских кавалерийских отрядов М. Наумова, записи от 24 декабря 1943 г. и 14 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 73–74, 76, 102).

¹⁹⁸ Докладная записка о политических настроениях в Польше, Строкач для Коротченко, № 002 284 ор., 7 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 30. Арк. 42).

¹⁹⁹ *Kumicki Mikołaj. Pamiętnik „Muchy” ...* S. 293.

В воспоминаниях диверсанта Ильи Старинова утверждается, что в годы войны в Западной Украине «сельское население жило в постоянном страхе. Бандеровцы приходили по ночам, забирая у селян продукты, якобы для партизан, на самом же деле передавая их немцам»²⁰⁰. Вероятно, Старинов забыл, что 17 марта 1944 г. в телеграмме в УШПД он по-другому оценивал отношения УПА с населением: «[В] освобожденных районах Тернопольской области население спрятало часть скота, свиней, создав тайные склады для банд националистов... Есть случаи отравления, убийств, обстрелов. Чувствуется явная враждебность к нам. К немцам эта враждебность еще большая.

Действовать партизанам [в] Тернопольской области будет труднее, чем [в] Германии, такое же положение, видимо, и [в] Львовской области...

Четвертую войну воюю, но никогда не встречал такой враждебной среды, как [в] освобожденных районах Тернопольской области»²⁰¹.

В описанных условиях красные вели себя в Галиции как завоеватели. 17 марта 1944 г. глава АК «Лавина» генерал Тадеуш Комаровский отправил в Лондон донесение «Отряды советских партизан в округе Львова», в котором, среди прочего, указывалось: «Советские отряды сражаются хорошо, вооружены очень хорошо, обмундированы убого. Отношение к полякам безукоризненное, украинцев и немцев расстреливают»²⁰².

В тот момент Западная Украина стала прифронтовым тылом Вермахта. И если в первые три месяца 1944 г. на Волыни, благодаря лесистой местности и относительно знакомым условиям красные партизаны оказывали существенную помощь Красной армии, даже пытались захватывать города, что, впрочем, не всегда удавалось, то в Галиции из-за указанных обстоятельств и довольно развитой инфраструктуры сколько-нибудь масштабной деятельности красным развернуть не удалось. Как отмечал неизвестный польский националистический подпольщик в обзоре ситуации в округе АК «Львов», в июне 1944 г. находившиеся в лесах советские диверсионные отряды не проявляли никакой активности: «Сильные отряды Вермахта заняли все дороги и блокируют таким образом диверсионные группы, не предпринимая никаких дальнейших шагов в направлении их ликвидации»²⁰³.

²⁰⁰ Старинов И. Г. Мины замедленного действия... С. 28.

²⁰¹ Сергийчук В. Десять буремних літ... С. 32.

²⁰² Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. T. III, dok. N 570. S. 359.

²⁰³ Обзор ситуации в округе Львов подпольщика АК: «2-й район южный, так называемые незанятые уезды воеводства Станиславского и уезд Дрогобыч», 29 июня 1944 г. (AAN. 202/III/126. К. 187).

К объективным причинам провала плана УШПД на 1944 г. относится также и сильная утомленность личного состава основных партизанских формирований. Это постоянно отмечали члены ОУН. В частности, на Ровенщине подпольщик описывал отряд УШПД под командованием Д. Попова как какую-то орду: «Стая этих красных партизан напоминает кочевников Чингисхана. Уставшие из-за долгой дороги. Оборванные. Есть там женщины и дети. Все на каждом шагу ругаются страшно»²⁰⁴. Бандеровское разведдонесение с территории Львовской области весной 1944 г. сообщало о неурядицах в рядах партизан: «Банды деморализованы, страшно завшивлены и больны чесоткой»²⁰⁵. Пару месяцев спустя, в июне 1944 г. в Галиции отмечалась та же картина: «В последнее время много большевистских партизан дезертировало из своих отрядов по причине голода. Оружие отдали селянам, а сами остались у крестьян работать по хозяйствам. Они [т. е. дезертиры] говорят, что с бандитами, которые стреляют в своих раненых товарищей, не хотят иметь ничего общего»²⁰⁶.

Тем не менее даже то, что удалось сделать украинским партизанам в 1943–1944 гг., можно признать успехом. На протяжении третьего года войны они активно вели диверсионную деятельность, добившись серьезного результата. По данным оперативного отдела УШПД, только за второе полугодие 1943 г. украинские партизаны подорвали эшелонов в четыре раза больше, чем за первый и второй год войны, вместе взятые²⁰⁷.

При этом действия украинских партизан были примерно вдвое эффективнее действий партизан Белоруссии. Например, согласно статистике штабов партизанского движения, партизаны Белоруссии, оперировавшие в благоприятных условиях лесистой и болотистой местности, в течение всей войны, в среднем в 4 раза превышавшие по численности своих украинских коллег, уничтожили в 2,3 раза больше

²⁰⁴ Докладная записка подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор Здолбуновского уезда за период от 25.12.43 до 27.1.1944», автор «Буйный», 27 января 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 123. Арк. 6).

²⁰⁵ Докладная записка подпольщика ОУН: «Сокальщина. Отчет политический за период 15.03–7.04.44», автор «Павур», 8 апреля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 154. Арк. 5).

²⁰⁶ Докладная записка подпольщика ОУН: «Сокальщина. Политическое донесение за период 30.05.44–15.06.44 г.», автор «Черник», 15 июня 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 154. Арк. 22).

²⁰⁷ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 79).

поездов, чем подчиненные УШПД²⁰⁸. Периодически на имя Хрущева и Строкача представители украинских партизанских отрядов отсылали докладные записки, в которых обвиняли белорусских партизан в пассивности, непрофессионализме и чрезмерных приписках в общении об уничтоженных поездах²⁰⁹.

Причина сравнительной успешности украинских красных была все та же: автономия УШПД и профессионализм его руководства. Украинские партизаны не выполняли нелепых приказов Пономаренко об уничтожении рельсов – в частности, в ходе операций «Концерт» и «Рельсовая война». Приведем пример низкой эффективности предложенной Пономаренко тактики. Масштабной партизанской атаке, проведенной одновременно в трех местах (вероятно, тремя соединениями) на железную дорогу Брест – Гомель, предшествовал период затишья. В ходе операций 3 августа 1943 г. нападению подверглись укрепленные пункты на железной дороге, мосты и собственно железнодорожное полотно. Произошло 356 взрывов, но после того, как партизаны отошли в лес, немецкие саперы, согласно немецким данным, обезвредили еще 466 мин. Уже через 17 часов движение на железной дороге было полностью восстановлено²¹⁰.

А украинские партизаны, не растрчивая ценный тол на разрушение просто рельсов, которые немцы быстро заменяли, взрывали непосредственно поезда²¹¹. В отчетах ОУН–УПА и польского националистического подполья с территории Западной Украины и Юго-Восточной Польши рефреном проходят сообщения о разбитых или поврежденных локомотивах, сошедших с рельсов вагонах и сожженных или взорванных хозяйственных постройках²¹².

Весной 1944 г. основные формирования УШПД вышли в советский тыл, но часть их перешла в Словакию, небольшая часть – в

²⁰⁸ См., например, сводную таблицу о советской диверсионной зафронтовой деятельности в статье «Партизанское движение в Великой Отечественной войне 1941–45» в Большой советской энциклопедии (напр.: <http://slovari.yandex.ru/>).

²⁰⁹ См., напр.: Письмо представителя ЦК КП(б)У И. Сыромотного секретарю ЦК КП(б)У Л. Корнийцу и Строкачу о результатах Сталинского рейда Сумского соединения, 10 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 39. Арк. 12–14).

См. также: Докладная записка Хрущеву от военного корреспондента «Правды» капитана Л. Коробова о Варшавском рейде 1-й Украинской партизанской дивизии им. Ковпака, 23 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 58. Арк. 37–44).

²¹⁰ Сообщение командования группы армий «Юг» для командования армий, «Новая тактика банд при диверсиях на железных дорогах», отдел Ia, № 2684/43 секретно, 19 августа 1943 г. (ВА–МА. RH/22/118. Вл. 11–12).

²¹¹ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 227.

²¹² См., напр. документ АК «Оперативная сводка № 4» с территории Люблинщины (автор – «Эдвард»), 8 июня 1944 г. (AAN. 203/IV–2. К. 10–11).

Польшу, на территории которой продолжили действовать отряды советско-польских партизан, подчиненные выделенному из УШПД Польскому штабу партизанского движения²¹³, а также часть отрядов БШПД, НКГБ и РУ ГШ КА. Самая большая битва партизан с немцами на территории Польши произошла в середине июня 1944 г. на территории Яновских, Липских и Билгорайских лесов на Люблинщине²¹⁴. Кроме отрядов АК, БХ и ГЛ в ней принимали участие и до 3000 советских партизан. План немцев сорвался, «лесным солдатам» удалось прорваться из кольца окружения.

Вломившиеся в Польшу красные партизаны произвели значительное впечатление на руководство генерал-губернаторства, до того момента имевшее дело преимущественно с не проявлявшими значительной боевой активности, плохо оснащенными польскими партизанами различных направлений. 7 июля 1944 г. во время так называемого заседания правительства выступление начальника полиции безопасности в генерал-губернаторстве Вильгельма Коппе было едва ли не паническим: «Их руководство – лучшие русские офицеры. Эти люди получили многолетнее образование; можно их стегать целыми днями, но никак не получается выгнать с этой территории. Борьба с ними очень трудна, они хорошо вооружены. Из-за своей духовной связи с советской идеологией они стали фанатичными боевиками...»²¹⁵

В июле–августе 1944 г. Красная армия заняла не только Западную Украину, но и Восточную Польшу – вплоть до Варшавы. Сталинская партизанская война в Украине завершилась.

Отряды были расформированы, их участники не пожалели о своей войне в тылу врага.

Нахождение в партизанах снижало претензии советских органов к тем, кто проживал на оккупированных территориях. Но еще важнее, что в 1943–1944 гг. бывшие партизаны призывались в Красную армию не так, как остальные мужчины, побывавшие под властью немцев. «Запятнанных» мирным проживанием под нацистским господством обычно использовали в лобовых атаках в первых рядах, как правило, без обучения, а зачастую без обмундирования и даже оружия («чернопиджачники»). Это увеличивало и без того высокие шансы погибнуть. А партизаны получили в годы оккупации военную

²¹³ Постановление ЦК КП(б)У о передаче польских партизанских отрядов и соединений польскому штабу партизанского движения, 8 апреля 1944 г. (из протокола № 37 заседания политбюро ЦК КП(б)У от 8 апреля 1944 г.) (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 507).

²¹⁴ *Juchniewicz, Mieczysław* Na Wschód od Bugu... S. 208.

²¹⁵ *Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 1939–1945. T. II. S. 525.*

подготовку и приобрели боевой опыт, к тому же меньше использовались в виде «пушечного мяса».

Однако партизанская борьба не была гарантией полного «отпущения грехов». Все без исключения бывшие коллаборационисты после службы в партизанах, Красной армии, даже получения наград (в том числе Звезды Героя Советского Союза) после окончания войны лишались званий и орденов и подвергались репрессиям – как минимум тюремному заключению.

Крайне подозрительно относились власти и к бывшим окруженцам. По свидетельству офицера И. Коржика, в сентябре 1943 г., после занятия Красной армией г. Переяслава на Киевщине, несколько десятков офицеров партизанского отряда им. Чапаева, в котором служил Коржик, отправили в лагерь под Рязань на проверку. После чего их «определили» в штрафбат: «В батальоне было 1200 офицеров, в том числе 25 полковников, которых на старости лет сделали рядовыми... [За два месяца боев] к середине марта из 1200 бывших офицеров нас осталось в батальоне сорок восемь бойцов... А не были ли штрафники смертниками? Я считаю – да!»²¹⁶

Красная армия была не единственной «дорогой» бывших партизан.

Часть личного состава мужского пола – в основном исходя из возраста – перешли к мирным занятиям, часть – в НКВД и НКГБ. Например, ковпаковская дивизия с сентября по октябрь 1944 г. занималась борьбой с УПА, а 8 ноября была расформирована. На ее базе была создана отдельная кавалерийская бригада внутренних войск НКВД²¹⁷, также направленная на борьбу с бандеровцами.

* * *

Заканчивая описание советской партизанской борьбы в тылу Вермахта, можно поставить вопрос о причинах ее успешности в 1943–1944 гг. Коммунистическая историография отвечала на него фразами о прогрессивности свежих общественных сил и морально-политическом единстве подданных сталинской империи. Поэтому, чтобы несколько сменить акценты, вопрос можно поставить по-другому: каковы причины поражения Третьего рейха в антипартизанской борьбе?

²¹⁶ Штрафные части в годы Великой Отечественной войны / публ. Ю. В. Рубцова // Исторический архив. 2007. № 3. С. 46.

²¹⁷ Україна партизанська... С. 53.

Во-первых, у Германии наблюдался недостаток сил. В сравнении с войсками антигитлеровской коалиции, экономике и вооруженным силам Третьего рейха и его сателлитов постоянно не хватало ресурсов и, следовательно, вооружений и боеприпасов, а главное – солдат. Войск было мало на фронте, и тем более в тылу. Например, в апреле 1944 г. НКВД и Красная армия в одной битве с крупной группировкой УПА (до 5 тыс. человек) под с. Гурбы на стыке Тернопольской, Ровенской и Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) областей сосредоточили около 15 тыс. солдат. Годом ранее, в ходе операций против красных партизан и УПА на всей Волыни и правобережном Полесье в июне 1943 г., нацисты использовали всего 10 тыс. человек²¹⁸. Недостаток войск на захваченной территории позволял немцам контролировать тыл, когда основная часть населения была более или менее лояльна новым властям. Но когда появились большие сомнения в победе Рейха, ситуация стала выходить из-под контроля, и даже заметное количественное увеличение полицейских сил не переломило ситуацию.

Во-вторых, отметим жестокий характер оккупационного режима, в том числе методов борьбы с партизанами. Это объясняется не только нацизмом. В ходе войны Пруссии с Францией в 1870 г., а также в годы Первой мировой войны в Бельгии немецкие власти свирепо подавляли любые проявления сопротивления гражданского населения, расстреливая заложников из числа мирных жителей. Начальник штаба ОКХ Вильгельм Кейтель 25 июля 1941 г. приказал за каждого убитого в тылу немецкого солдата расстреливать по 50 «коммунистов»²¹⁹. Как пишет Карель Беркгофф, «распространеннейшей реакцией немцев на партизан были убийства и сожжения с тщательным планированием и жуткой педантичностью», а позже «кровавые расправы с реальными или воображаемыми партизанами и их пособниками... переросли в полноценные зверства»²²⁰. Венгерские охранные дивизии не были поражены нацистской идеологией, но на их поведении это не отразилось, о чем писал в докладе Строкачу сотрудник УШПД Е. Белецкий: «Помимо “полицаяв” и русско-немецких батальонов противник для борьбы с партизанами держит еще мажарские части. Мажяры по зверству превосходят даже немцев, но трусливы и особенно боятся партизан»²²¹. По мнению венгерского историка Кристиана Унгвари,

²¹⁸ *Motyka Grzegorz*. *Ukraińska partyzantka...* S. 489.

²¹⁹ *Dallin Alexander*. *Deutsche Herrschaft in Russland...* S. 87.

²²⁰ *Беркгоф К.* *Жнива розпачу...* С. 284, 286.

²²¹ «Доклад о сведениях, полученных при выполнении задания, по сопровождению вооружения украинским партизанским отрядам», сотрудник УШПД Е. Белецкий Строкачу, 19 ноября 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1027. Л. 82).

жестокость гонимых была вызвана их плохим вооружением и несоответствием наличествовавших сил поставленным задачам²²².

О том, что немецкой стороне была присуща пугающая неизбирательность репрессий в антиповстанческой борьбе свидетельствовал последний главком УПА Василий Кук: «Немцы и большевики не отличались по уровню террора – стреляли как одни, так и другие. Но большевики хотели придать убийствам какой-то законный вид: “Он сделал какое-то преступление, что-то нарушил и поэтому надо расписаться”. А немцы без лишних церемоний убивали всех евреев и славян»²²³. «Бандпособников» и членов семей участников Сопrotивления большевики в 1944–1953 гг. не истребляли, а депортировали, давая понять местным жителям, что у новой власти нет намерения проводить геноцид, а те, кто не будет поддерживать бандеровцев, могут рассчитывать хоть и на жалкое, но все же существование.

Но все же брутальность, вызванная нацизмом, была чем-то выдающимся и для Германии. В 1918 г. кайзеровская армия, оккупировавшая Украину, не использовала массовый террор против гражданского населения в качестве планомерной политики, организовала широкое взаимодействие с местным городским и сельским самоуправлением, и в целом сумела ликвидировать партизанскую угрозу²²⁴. На сознание жителей оккупированной территории СССР произвел впечатление, в частности, Холокост. Характерные настроения уловил начальник жандармерии округа Брест-Литовск в конце 1942 г.: «В последнее время отмечается определенное волнение украинского и польского населения. Среди жителей циркулирует слух, что после еврейской акции будут расстреляны сперва русские, потом поляки, а затем и украинцы»²²⁵.

Возможно, еще больше ужаснуло население Восточной Европы и обращение нацистов с военнопленными. В Первую мировую войну,

²²² *Ungvari Kristian*. Ungarische Besatzungskräfte in der Ukraine 1941–1942 // Ungarn-Jahrbuch. Zeitschrift für interdisziplinäre Hungarologie. Band 26. Jahrgang 2002/2003. München, 2004. Passim.

²²³ Украинская повстанческая армия в воспоминаниях последнего главкомандующего [Интервью В. Кука, записано А. Гогунюм] // Новый Часовой. 2004. № 15–16. С. 115.

²²⁴ *Lieb Peter*. Wegweiser zum Vernichtungskrieg? Deutsche Partisanenbekämpfung in der Ukraine 1918 [Ein Vortrag] // Krieg, Gewalt und Besatzung – Partisanenkrieg im 20. Jahrhundert. Workshop des Deutschen Komitees für die Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Wiesbaden, 12./13. Oktober 2003. Passim.

²²⁵ «Отчет о состоянии дел в октябре» начальника жандармерии в области Брест-Литовск (подп. неразб. — Донерляй?) командующему жандармерией в Луцке (центр области Вольнь-Подолье)», 8 ноября 1942 г. (ВАВ, R 94/7. Листы в деле не пронумерованы).

призванные на фронт из нищего села крестьяне – солдаты Русской армии, не стремясь погибать за «царя-батюшку», продолжавшего вплоть до 1917 г. поддерживать дворян-помещиков, массами²²⁶ сдавались в плен²²⁷. За 1914–1915 гг. Русская армия потеряла 300 тыс. убитыми и 1,5 млн пленными и пропавшими без вести²²⁸. Обращение с ними было более или менее сносным, и, хотя страны Четвертного союза в 1915–1918 гг. испытывали острейшие проблемы с продовольствием, в годы Первой мировой войны в немецком плену выжило 95 % российских пленных. Благодаря человечности в отношении к бывшим врагам страны Четвертного союза добились важного тактического успеха: никакой массовой партизанской борьбы в западных регионах Российской империи не было, да и сама империя исчезла на третий год войны.

Два с половиной миллиона бывших пленных в 1918–1920 гг. вернулись домой и рассказали своим родственникам и односельчанам, что на фронте можно погибнуть, а вот в плену у немцев – выживают²²⁹. Поэтому несмотря на репрессии, прямо или косвенно угрожавшие родственникам «предателей», в начале советско-германской войны красноармейцы встречали Вермахт открытой ладонью, даже двумя сразу. Народ не испытывал никакого воодушевления от необходимости проливать кровь за колхозы и ГУЛАГ. В 1941 г. Вермахт захватил 3,5 млн пленных. Кроме того, за первые полгода войны НКВД было задержано 711 тыс. дезертиров из Красной армии и 72 тыс. уклонистов от военной службы²³⁰, причем множество таковых было не учтено на стремительно оставляемых советами территориях. Только крестьянам неоткуда было знать о том, насколько сильно у германцев за прошедшее межвоенное двадцатилетие изменилось начальство. Большинство плененных в 1941 г. немцы уморили голодом и холодом зимой 1941/42 г. Начальник диверсионной службы Вермахта на южном участке советско-германского фронта Теодор Оберлендер уже 28 октября 1941 г. писал о том, что на территории Украины немецкая армия быстро теряет симпатию местных жителей: «Расстрелы непо-

²²⁶ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Минск, 2003. С. 236, 238.

²²⁷ См. свидетельство по этому поводу: Гитлер А. Моя борьба. М., 1992. Ч. 1. Гл. VII (Революция). URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/hitler/07.html>

²²⁸ Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 478. URL: <http://militera.lib.ru/h/zayonchkovsky1/09.html>

²²⁹ Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера. М., 1993. URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/strick-strickfeldt/index.html>

²³⁰ Сообщение управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР о задержанных дезертирах и уклонистах за первые три года советско-германской войны, середина 1944 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 137. Л. 7, 9).

средственно в селах и больших населенных пунктах обессиленных пленных, после чего их трупы оставались на дорогах – этих фактов население понять не может...»²³¹

По словам английского исследователя Александра Даллина, была еще одна причина, сделавшая возможным развитие советской диверсионной борьбы: немцы «так безоглядно вели себя с мирным населением, что все больше людей предпочитало опасности партизанской борьбы “мирной” жизни под немецким господством»²³². Третий рейх с помощью военной силы смог пошатнуть сталинский СССР, но из-за национал-социалистической brutality и свойственной расистам недалекости (выражавшейся, в частности, в политической близорукости), «глиняный колосс» устоял.

Любопытно сравнить нацистские методы правления и антипартизанской борьбы с режимом, установленным на территории юго-восточной Украины властями королевской Румынии, где у власти находились националисты. У ряда авторов присутствует едва ли не презрительное отношение к участию Румынии во Второй мировой войне. Возможно, что это вызвано неосознанной установкой, имеющей давние ментально-исторические причины. Безвестный бандеровец в «аналитическом» отчете характеризовал стиль правления румынских властей в 1940-х гг. как нелепый: «Кто не жил ни одного месяца в Румынии – тот никогда не сможет, хотя бы приблизительно, представить себе, что такое “Румыния” и “румыны”... У нас, украинцев, для них есть определение “цыгане” и “мамалыжники”. Я уверен, что это слишком сильные для румын комплименты... И этот “румын” пробивается во всем: в науке, политике, армии, прессе, ежедневной жизни и т. п. ... И поэтому характеризовать румынскую политику, в частности, теперешнюю, чрезвычайно сложно. Она и такая, и сякая, и все, и ничего. Найти в ней какую-то линию сложно. Она типично “румынская”... То, что делают румыны, нельзя назвать политикой – в лучшем случае глупой “румынской политикой”»²³³. Отвергая националистические стереотипы, можно отметить, что в отношении антипартизанской борьбы румыны смогли добиться успехов больших, чем немцы.

²³¹ Донесение Т. Оберлендера о конфискации имущества и продовольствия в Украине, 28 октября 1941 г. (Історія застерігає. Трофейні документи про злочини німецько-фашистських загарбників та їхніх посібників на тимчасово окупованій території України в роки Великої Вітчизняної війни. К., 1986. С. 175).

²³² *Dallin Alexander*. Deutsche Herrschaft in Russland... S. 86.

²³³ Аналитический отчет ОУН: «Под румынским владычеством. Обзор общественно-политической, культурной и хозяйственной жизни Надднестрянщины. Апрель, май, июнь 1943 г.», не ранее июня 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 5).

Сотрудники спецслужбы «Сигуранца» трезво оценили возможную угрозу разрастания сопротивления на юго-востоке Украины (Транснистрии). В аналитическом докладе этой организации отмечались успехи советской власти в деле воспитания лояльного поколения: «Благодаря совершенно отличному способу мышления масс населения в СССР по сравнению с населением других стран – способ мышления, созданного специальным воспитанием на протяжении 23-х лет, НКВД удастся еще выполнять порученное ему задание. С этой целью он использует террор против населения потерянных территорий, осуществляемый своими органами – “партизанами”»²³⁴. Специалисты «Сигуранцы» предложили руководству страны целый комплекс мероприятий: «Применение радикальных действий против партизан, о которых известно, что они партизаны», «интернирование в лагерь в зоны с полной безопасностью всех пассивных партизан» (т. е. помощников партизан и выявленных подпольщиков), «решительные пропагандистские действия во всех областях и любыми средствами» в сочетании с «конструктивными достижениями на оккупированных территориях для борьбы с коммунизмом и для привлечения некоммунистического элемента» на сторону оккупантов²³⁵.

В целом в рамках указанных предложений румынские органы и действовали.

Никаких особенно сложных мер на юго-востоке Украины новой властью предпринято не было. Самое главное, что для подавляющего большинства населения румыны обеспечили вполне приемлемые условия существования. Как сообщал агент НКВД УССР «Активист» в конце 1942 г., «В селах, оккупированных румынами, население пускает ночевать прохожих без разрешения полиции и примарии. Охрана дорог румынами производится очень слабо... Проверка документов румынскими солдатами у всех прохожих производится поверхностно, если ходок будет обходить все посты, то можно без документов идти куда угодно. В базарные дни, т. е. в воскресенье... в связи с большим движением крестьян на базар, проверка документов не производится. (...) В селах у румын можно ходить и днем и ночью, играть на гармошке, устраивать пляски, песни... (...) На территории, оккупированной немцами, режим в тысячу раз жестче, чем у румын.

²³⁴ «Доклад специальной службы информации, составленный в 1942 году, о деятельности партизанских отрядов, их структуре, оснащении и способах ведения боевых действий» (ДАОО. Ф. 492 (ст.). Оп. 1 (ст.). Спр. 14 (ст.). Арк. 8 (ст.)). Служебный перевод с румынского советских органов. Документ предоставлен А. Кентгием.

²³⁵ Там же. Арк. 18.

Вольному населению категорически запрещается появляться на улице позже 20 часов, за появление после 20 часов лица расстреливаются немцами без всякого предупреждения...»²³⁶ Чтобы увеличить преданность аппарата и минимизировать возможность проникновения советских агентов в силовые структуры, в Бессарабии, Буковине и Транснистрии не создавалась вспомогательная украинская полиция на уровне отдельно действующих структур: ситуацию контролировали румынская полиция, жандармерия и спецслужба – «Сигуранца».

В ходе проведения антипартизанских операций не истреблялись все, кто попадался под руку в районе оперативной активности советских командос, а уничтожались непосредственно бойцы, диверсанты и разведчики. Помощники партизан и коммунистические подпольщики арестовывались и отправлялись в заключение, лишь в ряде случаев – расстреливались, а перед приходом Красной армии многие заключенные вообще освобождались²³⁷. Среди местных жителей румынские силовые структуры наладили систему осведомителей, которые моментально сообщали властям о появлении на территории красных, которых на юго-восток Украины преимущественно забрасывали с парашютами. Приезжавшая полиция или жандармерия, а с приближением фронта, т. е. с начала 1944 г. – и тыловые структуры Вермахта – уничтожали или брали в плен парашютистов²³⁸. Для последних едва ли не единственной возможностью выжить оставался пассивный стиль поведения – не проявлять пропагандистской, организаторской, боевой и диверсионной активности, да и это не было гарантией сохранения жизни. Как сообщалось в справке УШПД, в Буковине, где основная часть населения была украинцами, последние были лояльны властям: «Разведанные можно получать только лишь ведением собственной [войсковой] разведки [партизанских групп], т. к. приобрести агентуру совершенно невозможно... Местных партизанских отрядов в данном районе нет... На данном участке десантная группа в 10–12 чел. успешно действовать не может. Такие группы необходимо выбрасывать вглубь территории противника (т. е. непосредственно в Румынию. – А. Г.)... Чем глубже от линии фронта на

²³⁶ «Выписка из доклада агента “Активист”» о режиме на занятой румынами территории УССР, предп. конец октября 1942 г.: (ГДА СБУ. Ф. 60. Спр. 83 512, т. 1. Арк. 10–11, 58–58 зв.).

²³⁷ Докладная записка заместителя заведующего оргинструкторским отделом ЦК КП(б)У Алидина для Хрущева, не ранее весны 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 450. Арк. 10).

²³⁸ См. данные о выброске партизанских групп на территорию Молдавии и между-речья Буга и Днестра в: Украина партизанська... С. 220–224.

территорию противника, тем лучше условия для существования партизанских групп»²³⁹.

Пожалуй, единственным по-настоящему слабым местом борьбы румын с партизанами и агентурой являлась коррупция. За взятку полицейские готовы были отпустить даже обреченного на расстрел пленного боевика.

Ну и третья важная причина, по которой немцы проиграли войну партизанам, не имеет ничего общего с прусской национальной традицией, поскольку была следствием только и исключительно нацизма, гитлеровского стиля правления. Речь идет о явлении, которое порусски принято называть ведомственностью, а в немецкой историографии – борьбой компетенций или конкуренцией полномочий²⁴⁰. В упорядоченный прусский государственный аппарат НСДАП внесла бюрократизацию и хаос. Если служащий кайзера воспринимал государство почти как священный, а самое главное – единый организм, то нацистские бонзы мыслили в феодальных категориях и заботу об интересах всей госсистемы заменили преданностью начальнику и ведомству.

В отношении антипартизанской борьбы это привело сразу к нескольким последствиям.

С середины 1942 г. борьба с «бандитизмом» на оккупированной советской территории была хоть как-то централизована, возложена на СС. При этом Вермахт неохотно делился сферами ответственности. В течение нескольких месяцев шел передел областей компетенции. Генрих Гиммлер в отчете в конце 1942 г. отметил победу СС: «Дальнейшие сложности для текущих [антипартизанских] акций, – например, [существовавшая] вопреки приказу фюрера постоянная непроясненность с Вермахтом [вопроса] об исполнении приказаний – ликвидированы»²⁴¹. Однако после этого никаких успехов в антипартизанской борьбе немцами достигнуто не было.

Представители СС не были очень сильно заинтересованы в успехах операций против партизан. Описывая действительно нарастающую угрозу тылу, руководители СС постоянно выпрашивали у высшего руководства рейха новые средства и силы, при этом о каком-то

²³⁹ «Справка о положении в Карпатах (район Бергомет-Кымпылунг) по данным на 20 июля 1944 года» начальника 2 отдела УШПД Кравчука, предп. на имя Строкача, № 983, не ранее 20 июля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 294. Арк. 44).

²⁴⁰ См. об этом более подробно: *Пленков О. Ю.* Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004. *Passim*.

²⁴¹ Сообщение «Ситуация с бандами в области РКУ и в области Белостока», рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, предп. Гитлеру, 29 декабря 1942 г. (BAB, NS 19/2605. Bl. 80–81).

рациональном использовании уже имеющихся ресурсов говорить не приходилось.

Лишь в незначительной степени объектами партизанских атак были посты полиции, также входившей в ведомство Гимmlера, полицейские батальоны и части ваффен-СС. То есть СС – главный инструмент обеспечения спокойного тыла – партизан не особенно интересовало. В этом смысле по крайней мере некорректен советский историко-пропагандистский штамп о «народных мстителях»: как раз тем, кто особенно зверствовал, советские партизаны мстить не стремились. Зато их внимание привлекали, во-первых, хозяйственные объекты (прежде всего в сельской местности) и, во-вторых, коммуникации – в основном железные дороги. Разрушая экономику, с помощью террора затрудняя работу немецкой гражданской администрации, советские партизаны причиняли существенное беспокойство Восточному министерству Альфреда Розенберга и не подчиненным ему напрямую рейхс-, генерал- и гебитскомиссарам, а также представителям многочисленных нацистских экономических учреждений и ведомств, ответственных за эксплуатацию захваченных территорий. Охрана железных дорог либо прямо находилась в ведении Вермахта, либо, в других случаях, Вермахт был кровно заинтересован в их нормальной работе, которой препятствовали партизаны. Вермахт, гражданская администрация и СС, в том числе входившая в это ведомство полиция, и в 1943–1944 гг. также находились в постоянной борьбе компетенций. Не стоит и говорить о том, что представители этих организаций попросту спесиво относились друг к другу на личном уровне.

Офицеры и генералы СС считали элиту Вермахта скопищем отсталых служаков, косных и реакционных представителей «бывшей Германии». В свою очередь, командный состав Вермахта смотрел на коллег из СС как на кровожадный нацистский сброд, своими зверствами пятнающий немецкий мундир, отребье, не имеющее представления о традициях и чести. И те и другие одинаково высокомерно глядели на «тыловых крыс» – самовлюбленных, чванливых и неумелых «золотых фазанов» из гражданской оккупационной администрации. Последние держали силовиков за безмозглых солдафонов.

На практике все это приводило к следующему: при увеличении партизанских атак гражданская администрация и Вермахт, а также имперское управление железных дорог бомбардировали записками с просьбой о помощи как свое руководство, так и функционирующие параллельно на оккупированной территории полицейские структуры. Когда масса этих тревожных посланий становилась критической, либо Гитлер давал Гимmlеру приказ исправить ситуацию, либо сам

глава СС, не дожидаясь замечания своего руководителя, отдавал вниз по инстанции указания о проведении антипартизанской операции. Последняя в принципе является крайне сложным типом боевых действий и, даже при наличии численного превосходства над противником, очень опасна для тех, кто ищет и преследует по лесам и болотам партизан, пытается их уничтожить или взять в плен. Сводка СД уже в сентябре 1942 г., оправдывая неудачи ведомства Гиммлера, указывала на мастерство советских командос: «Шайки тактически хорошо руководимы. При централизованных мероприятиях по борьбе с бандами или значительном применении полицейских сил они разделяются на маленькие [отряды], для того, чтобы сделать невозможным преследование, разделить посланные за ними силы и поодиночке их уничтожить»²⁴². При этом, если офицер, проводящий, например, облаву, или погоню за партизанским отрядом, действительно заинтересован в ее успехе, то он должен быть готов к потерям среди личного состава вверенной ему военной части. А в донесениях командиров СС сведения о собственных потерях зачастую заставляют вспомниться, была ли вообще проведена операция, или же несколько эсэсовцев погибло, скажем, от неосторожного обращения с оружием. Внутренние войска НКВД в борьбе против УПА также не достигли впечатляющих военных успехов, но из-за большей централизации управления и наличия больших сил интенсивность антипартизанских мероприятий коммунистов в Западной Украине была по крайней мере, не низкой. О большевиках один из украинских повстанцев говорил со смесью опасения и уважения: «Это вам не немцы, которые спали по ночам. От них нет покоя ни днем, ни ночью»²⁴³.

Но вообще выдумывать собственную деятельность даже сотрудники зараженного приписками гитлеровского аппарата власти не могли. Поэтому, жалея собственных подчиненных, презируя жителей СССР, эсэсовцы, вместо того, чтобы вести утомительные и кровопролитные бои с вооруженным, динамичным, хитрым и свирепым врагом, устраивали истребление мирных жителей, замеченных в помощи партизанам или просто оказавшихся в районе проведения антипартизанской операции. При этом, согласно оценкам специалистов Вермахта, даже проведение массовой облавы не гарантировало эффекта: «Окончательное замирение подобной (лесистой. – А. Г.) области предполагает, что после операции войска останутся в области, и бу-

²⁴² «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 22», шеф полиции безопасности и СД, 25 сентября 1942 г. (ВАН, R58/222. Bl. 99–100).

²⁴³ *Кенний А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. К., 1999. С. 156.

дут каждую вновь начавшуюся деятельность душиТЬ в зародыше»²⁴⁴. Однако, послав в Берлин отчеты об очередной окончательной победе, измерявшейся количеством сожженных деревень и уничтоженных «бандпособников», полицейские части возвращались в гарнизоны. Партизаны же, переживая в чаще опасный для себя период за рассмотрением «красочных» и в прямом смысле слова ярких (от огня) сцен, возвращались к своим прежним занятиям: к подрывам поездов, везущих боеприпасы и продовольствие для сражающегося на фронте Вермахта, и сожжениям объектов, подведомственных гражданской администрации – сельхозимений, складов, конюшен – в общем, всего, что могло быть экономически использовано оккупантами.

2.4. Война украинских повстанцев против украинских партизан

По мнению английского исследователя Ричарда Овери, «напряжение между советскими партизанами и местным населением нигде не было так велико и так же опасно, как в [Западной] Украине...»²⁴⁵ Связано это было с позицией Организации украинских националистов. Согласно оценке немецкого автора Эриха Гессе, «среди различных сил, которые во время Второй мировой вели политическую деятельность войны в занятых немцами восточных областях, ОУН являлась наиболее значимой»²⁴⁶. Поэтому приведем краткую историю этой партии.

В 1920 г. в Праге из бывших офицеров армии Западноукраинской народной республики и УНР возникла подпольная Украинская войсковая организация (УВО). В 1929 г., вобрав в себя ряд мелких националистических групп, УВО была переименована в ОУН, численность которой к середине 1930-х гг. насчитывала до 20 тыс. человек, три четверти из которых были галичанами, а остальные – преимущественно уроженцами Волыни. Пропагандируя украинскую независимость, УВО–ОУН проводила террористические акты, большинство из которых было направлено против украинцев, сотрудничавших с польскими властями, а также против представителей польских властей. Самым громким было убийство главы МВД Польши Бронислава Перацкого в 1934 г. Один террористический

²⁴⁴ «Выдержка из ежемесячного отчета № 22 командующего Вермахта в Украине от 20.7.43», предп. для экономического штаба «Восток» (ВА–МА. RW 31/250. Bl. 144).

²⁴⁵ *Overy Richard*. Russlands Krieg... S. 234.

²⁴⁶ *Hesse Erich*. Der sowjetrussische Partisanenkrieg... S. 152.

акт был устроен против советского дипломатического работника Алексея Майлова. Нередко проводились и экспроприации, в частности, почт и казначейств.

Эти действия, с одной стороны, вызвали одобрение значительной части украинской молодежи, доведенной до ожесточения притеснениями польских властей, с другой – привели к острой критике праворадикалов со стороны не экстремистских западноукраинских партий – либералов, консерваторов и социалистов. Резко негативно к УВО относился вплоть до самой своей смерти в 1926 г. уроженец Полтавы, социал-демократ Симон Петлюра. С западноукраинскими коммунистами же у националистов доходило до драк, поножовщины и перестрелок.

Один из участников ОУН Евгений Стахов, прослушавший курс лекций по идеологии ОУН, оставил о нем свое свидетельство: «Должен сказать, что программа лекций... фактически была стопроцентным заимствованием тоталитарной фашистской идеологии. Я вспоминаю учение о нации: что нация должна иметь свой язык, свою территорию, свою историю и культуру, а наиважнейший пункт – европеизм. Только европейские страны могли быть нациями. Мы спрашивали: “А как же Япония?” – “Япония не есть нация, так как они не европейцы”. Расовый подход.

Также шла речь о принципе вождизма и об отношении к демократическому политическому устройству. Тогда уже Провод (нечто вроде ЦК ОУН. – А. Г.) возглавлял Андрей Мельник, и был он не Главой Провода, а вождем... Я припоминаю разные дискуссии на лекциях Габрусевича. Очень остро говорилось против [либерала] Грушевского, против Драгоманова, слово “демократия” употреблялось только с эпитетом “загнившая”. Пропагандировалась однопартийная система...»²⁴⁷

В борьбе против Польши и СССР националисты нашли союзников в лице спецслужб Литвы и Германии, как Веймарской, так и гитлеровской.

В 1940–1941 гг. ОУН раскололась на две фракции. Радикальную и многочисленную «молодежь» возглавил Степан Бандера, а более сдержанных эмигрантов-«стариков» Андрей Мельник, которого «молодые» вскоре прозвали «берлинским лизоблюдом»²⁴⁸. Тесное со-

²⁴⁷ *Стахов Е.* Кризь тюрми, підпілля й кордони: Півість мого життя / передм. М. Ф. Слабошпицького. К., 1995. С. 77.

²⁴⁸ «Доклад о каменец-подольских партизанах по состоянию на 1 августа 1943 г.», секретарь Каменец-Подольского обкома КП(б)У С. Олексенко для ЦК КП(б)У и УШПД, после 10 авг. 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 10. Арк. 78).

трудничество бандеровцев с рейхом закончились 15 сентября 1941 г., когда немцы, воодушевленные успехами на фронте и раздраженные пропагандой украинской независимости, начали расстрелы и аресты националистов. Бандера в 1941 г. был помещен под домашний арест, а позже в концлагерь Заксенхаузен, где и просидел до конца 1944 г.

Однако на территории Западной Украины осталось бандеровское подполье, для которого нацистская оккупация в сравнении с господством большевиков в 1939–1941 гг. создавала подходящие условия для развертывания борьбы за независимость.

При этом главным врагом ОУН на протяжении всего периода оставалась «Россия – белая или красная». Специальной бандеровской инструкцией на случай войны весной 1941 г. рекомендовалось при разоружении отрядов Красной армии проводить распределение пленных по национальностям: «Украинцев принимать к себе, хорошо настроенных к нам [представителей] поработченных Москвой народов по их желанию – тоже. Лучше из них (поработченных народов) создавать отдельные отряды. Оказывать им (нашим и приятелям) всякую помощь и опеку (как в полит[ической?] инст[рукции?]). С остатками разоруженного войска делать так: московских (т. е. русских. – А. Г.) мужчин после разоружения отдать в плен немцам, не на виду ликвидировать. Другие народности отпускать до дома. Политруков и тех, про кого известно, что они коммунисты и русские – ликвидировать»²⁴⁹.

Еще до начала войны бандеровцы рекомендовали уничтожать окруженцев: «Бороться среди украинцев с чувством милосердия к недобиткам чужих банд, которые не сложили оружия. Борьба с ними безоглядная. Заранее распространять кличи: “Ни куска хлеба русским! Пусть подыхают приبلудные! Пусть подыхает ненасытная кацапня! Мы помним годы голодной смерти [1932–1933 гг.]! Не будьте милосердными! Для нас милосердия не было! Не помогайте московско-еврейским незванным гостям!”»²⁵⁰.

Неудивительно, что в Западной Украине в 1941 г. не было партизанской войны, все попытки ее организовать, впрочем, как и на территории большей части УССР, провалились.

Выжидая и накапливая силы, бандеровцы в 1942 г. негативно относились к ведению партизанской борьбы. В конце 1942 г. националисты издали соответствующую листовку под названием «Партизаны и наше отношение к ним», где, среди прочего, утверждалось, что ОУН

²⁴⁹ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Збірник документів і матеріалів. Львів; К., 2001. С. 37.

²⁵⁰ Там же. С. 48.

борется «за украинское государство, а не за чужой империализм»: «Мы должны экономить наши силы, так как мы верим в то, что война находится в своей окончательной стадии и нам представляется возможность борьбы за восстановление украинского государства... Мы враждебно относимся к партизанам и поэтому уничтожаем их. Наше время еще не пришло. Оно должно застать нас объединенными под знаменем ОУН... Наша цель – не партизанская борьба, а национальная освободительная революция украинских масс»²⁵¹.

Согласно данным немецких органов безопасности, отряд советских парашютистов, скинутый в начале ноября 1942 г. под местечком Рокитное на Волыни, наткнулся на группу бандеровцев. Во время боя часть парашютистов погибла, националисты захватили трофеи, в том числе оружие²⁵².

Поэтому засылаемые на Волынь разведывательные группы, не знающие территории, искали помощи на месте: «И находили ее прежде всего у поляков, так как по украинским деревням, находящимся под влиянием националистов, им грозила опасность провокации и провала»²⁵³. О том же самом Ковпак сообщал Строкачу, описывая конец 1942 г.: «Настроение поляков по отношению к советской власти, к Красной армии, красным партизанам исключительно хорошее. Многие поляки просились в наш отряд»²⁵⁴.

Засланные в 1942 г. на территорию Волыни группы ГРУ и НКВД СССР обладали заданиями разведывательного характера, не стремились к конфронтации с украинским националистическим подпольем и поэтому вступали с ними в переговоры.

Ситуация изменилась на переломе 1942–1943 гг., когда на Волынь пришли отряды УШПД (в частности, Ковпака и Сабурова), перед которыми стояли преимущественно диверсионные и боевые задания и которые могли позволить себе – из-за собственной силы – бои одновременно с двумя противниками. Именно они сломали хрупкий недоброжелательный нейтралитет, который держался до февраля 1943 г. между коммунистами и националистами.

²⁵¹ Листовка ОУН «Партизаны и наше отношение к ним», текст взят из отчета полиции безопасности и СД Германии от 15 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 81. Арк. 71). Документ сначала переведен с украинского на немецкий язык специалистами СД, а потом – на русский представителями советских органов.

²⁵² *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні... С. 289, 597.

²⁵³ *Juchniewicz Mieczysław.* Na Wschód od Bugu... S. 30.

²⁵⁴ «Итоговый доклад о боевой деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР за время с 6 сентября 1941 г. по 1 мая 1943 г.», Ковпак и др., предп. для Строкача, не ранее 1 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 50. Арк. 21).

Учитывая появление нового активного враждебного элемента, бандеровцы в феврале 1943 г. приняли, а в марте–апреле реализовали решение о создании УПА.

По сведениям Ковпака, 26 февраля 1943 г. Сумским соединением была проведена операция по «очистке» Людвипольского и Костопольского районов Ровенской области от украинских националистов: «В результате операции было поймано 8 человек националистов, [они] разоружены и после беседы отпущены. Это первое наше столкновение с националистами. В ряде сел нами были проведены собрания и беседы с населением с целью разоблачения националистов и их вредной работы»²⁵⁵.

В ночь с 6 на 7 марта 1943 г. отряд ОУН в деревне Богуши на берегу р. Случь (Ровенская область) напал на группу партизан из отряда Д. Медведева. Стычка стоила красным партизанам нескольких убитых²⁵⁶. Отряд НКВД СССР не остался в долгу, и 9 марта 1943 г. группа под руководством старшего лейтенанта А. Бажанова численностью 56 человек напала на Богуши. Согласно документации красных, было убито свыше 100 человек националистов, 30 ранено, при этом захвачено всего 18 единиц стрелкового оружия²⁵⁷.

16 марта бандеровцы напали на диверсионную группу отряда им. 24-летия РККА из соединения А. Сабурова, поймали и замучили одного партизана, прилюдно его повесив. Далее, в марте–апреле 1943 г., стычки – в том числе с отрядом Медведева, а также с формированиями УШПД – продолжались²⁵⁸.

УПА стремилась распространить активность и на южные районы южных областей БССР, которые националистами считались неотъемлемой частью Украины. В частности, в Пинской области отряду ОУН в апреле 1943 г. удалось завербовать нескольких партизан Пинского соединения БШПД, которые по приказу бандеровцев убили комиссара отряда им. Суворова Бориса Михайловского и четырех рядовых. Почувствовав наличие в регионе новой враждебной силы, белорусские партизаны предприняли контрмеры. Командованием бригады им. Молотова группа ОУН была заманена на переговоры. О дальнейшем вспоминал командир Пинского соединения Алексей

²⁵⁵ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.» Ковпак, предп. Строчаку (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 31).

²⁵⁶ *Motyka Grzegorz*. *Ukraińska partyzantka...* S. 244–245.

²⁵⁷ «Дневник боевых и диверсионных действий отряда под командованием Д. Н. Медведева», запись от 9 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 8).

²⁵⁸ *Motyka Grzegorz*. *Ukraińska partyzantka...* S. 245–246.

Клещев: «Во время переговоров нашей группы с группой националистов, подготовленные два боевых партизанских отряда бригады имени Молотова окружили их и предъявили ультиматум: сдать все оружие и самим сдаться командованию бригады. Группа в числе 71 националиста попыталась вступить в бой, но бригада имени Молотова расстреляла их из пулемета до единого человека»²⁵⁹. В конце мая партизанами Пинского соединения было уничтожено еще 25 повстанцев.

При всем этом красные партизаны поначалу недооценили ОУН и УПА, а УШПД, ЦК КП(б)У и даже Кремль адекватно не осознавали силы украинских праворадикалов вплоть до конца 1945 г. 23 марта 1943 г. Хрущев в ответ на запросы «с мест» послал Ковпаку и Рудневу письмо, содержание которого несколько дней спустя было распространено среди партизан в виде радиограммы. В документе говорилось, что главной целью оставалась борьба с немцами, поэтому с националистами воевать не следовало, если те сами не нападали. Рекомендовалось по возможности разложить их отряды пропагандой²⁶⁰.

Поначалу партизаны стремились исполнить указания. Националистические подпольщики в донесении о знаменитом Карпатском рейде Сумского соединения отмечали, что ковпаковцы говорили «чтобы [крестьяне] не сдавали [немцам сельскохозяйственного] контингента, так как вскоре... придет Красная армия; говорят, чтобы не слушали националистов, так как они хотят Самостоятельной Украины, а тут возможна только Советская Украина, которую будет охранять непобедимая Красная армия и товарищ Сталин»²⁶¹.

Понятно, что такие высказывания раздражали бандеровцев.

Но еще болезненнее они реагировали на диверсии красных, поскольку немцы в ответ на подрывы железнодорожного полотна расстреливали заложников по тюрьмам, в том числе националистов, а также проводили карательные акции против украинских деревень, покрытых подпольной сетью ОУН.

²⁵⁹ «Стенограмма беседы с генерал-майором тов. Клещевым А. Е. — секретарем подпольного обкома КП(б)У командиром Пинского партизанского соединения», беседу проводил помощник начальника отделения печати ЦШПД Ковалев П. Н., 24-го ноября 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 29. Л. 148–149); *Романько О.* Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах Вермахта и СС. М., 2006. С. 192.

²⁶⁰ *Кеній А. В.* Українська повстанська армія в 1942–1943 рр. К., 1999. С. 198–199.

²⁶¹ Донесение территориальной организации ОУН о деятельности советских партизан на территории Калушского округа Станиславской области от 9–25 августа 1943 г., 27 августа 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 135).

Поэтому с июня 1943 г. стычки между красными и националистами вылились в настоящую межпартизанскую войну.

В частности, 18 июня 1943 г. комиссар Сумского соединения Руднев описал в дневнике события в Ровенской области: «Наша разведка 4-го батальона, которая была послана по маршруту за р. Случь, в течение двух дней вела бои с бульбовцами (вероятно, партизаны приняли бандеровцев за бульбовцев. – А. Г.) и вынуждена была отойти, не выполнив задачи. При нашем подходе к д[еревне] Михалин началась стрельба, причем стреляют, сволочи, из окон, кустов и ржи»²⁶².

Согласно тому же дневнику, 20 июня УПА вела бой с разведгруппой 3-го батальона соединения, убив двух человек, после чего разведку пришлось вернуть обратно. 21 и 22 июня под Ровно было еще два боестолкновения с националистами. 23 июня Руднев написал: «Все села заражены националистами. Часто стреляют из-за угла, из кустов, со ржи и т. д. Наши редко отвечают. Только стреляем тогда, когда видим стреляющего... Мой заместитель Андросов беседовал с девушками, подошли 7 бородатых мужиков тоже слушали его, но потом, видя, что он один, выхватили из ржи винтовки и стали в него стрелять. Убили его лошадь и стали ловить, и если бы не подоспели бойцы, его бы убили. Вечером разведка 2-го батальона поехала на разведку, была обстреляна»²⁶³. 24 июня обоз с ранеными повстанцами случайно въехал в середину обоза ковпаковцев. После этого «столкновения» красные предприняли операцию по «прочистке» прилегающих лесных массивов, Руднев записал в дневнике свои знаменитые слова: «За эти дни... нервы настолько напряжены, что я почти ничего не кушаю. Так как здесь такое политическое переплетение, что нужно крепко думать, убить – это очень простая вещь; но надо сделать, чтобы избежать этого. Националисты – наши враги, но они бьют немцев. Вот здесь и лавируй, и думай».

Лишь проведя переговоры с бандеровцами, а потом уйдя в Галицию, ковпаковцы смогли более или менее спокойно продолжить рейд. По возвращении из него в августе–сентябре 1943 г. группы Сумского соединения подвергались нападениям УНС и УПА. Указания, данные одним из функционеров ОУН в Галиции нижестоящему подпольщику, демонстрируют общую стратегию бандеровцев в борьбе с красными на 1943–1944 гг.: «Организовать по станицам боевки из 3–4 людей и бить большевистских партизан. О такой боевке никто, кроме станичного, не должен знать. По селам разложить ответствен-

²⁶² Дневник комиссара Сумского соединения С. Руднева, запись от 18 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 40).

²⁶³ Дневник Руднева, запись от 23 июня 1943 г. (Там же).

ные посты и постовой должен, как увидит партизан, сообщить станичному, а станичный – в боевку. Выступать против партизан очень осторожно, чтобы не было жертв с нашей стороны: для нас главное, чтобы партизаны боялись, что их тут бьют, чтобы больше коммуна не посылала сюда своих партизан. Одновременно не выступать тогда, когда в селе есть немцы. К партизанам близко не подходить, разве что если есть необходимая местность для обороны. В селе партизан не трогать, провожать их на поле и тогда в них стрелять. В помощь брать своих полицейских (т. е. полицейских на немецкой службе, одновременно являвшихся членами или сторонниками ОУН. – А. Г.)»²⁶⁴.

Несмотря на противодействие националистов, все отряды Сумского соединения хоть и с потерями, смогли дойти до Полесья. В ряде случаев, чтобы спокойно пройти сквозь украинские села, ковпаковцам пришлось переодеваться бандеровцами.

В июне 1943 г. бои начались и на востоке Ровенской области, где оперировало соединение Сабурова и выделенные из него отряды – в частности, соединение под командованием Ивана Шитова. Глава Каменец-Подольского штаба партизанского движения вспоминал об одном из боев: «Отряд им. Хрущева 14 июня отправлял на аэродром раненых. В лесах возле Рокитно [Ровенской области] на сопровождающих 130 партизан напало до 600 бандеровцев. Два с половиной часа вели ожесточенный бой, сходились чуть ли не врукопашную на 15–20 метров. Я сам участвовал в этом бою и должен сказать, что националисты крепко дерутся. Они отступили лишь тогда, когда понесли большие потери – около 40 убитыми и до 150 ранеными. Партизаны, участники этих боев, говорили, что таких нахалов в боях еще не видели. От рук националистов у нас [в 1943–1944 гг.] погибло много сотен замечательных партизан-диверсантов»²⁶⁵.

До крупнейшей битвы УПА с красными партизанами дошло в июле 1943 г. на севере Тернопольской области около села Теремно. Пришедший туда в мае 1943 г. отряд им. Михайлова под руководством Антона Одухи развернул диверсионную деятельность, которую националисты пытались прекратить. Вначале стороны пошли на переговоры, закончившиеся безрезультатно. Сосредоточив 2 ку-

²⁶⁴ Инструкция функционера ОУН «Меча» функционеру ОУН «Остапу» о действиях в отношении красных партизан, 26 августа 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3836. Оп. 1. Спр. 14. Арк. 1).

²⁶⁵ «Отчет о работе Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У, областного штаба партизанского движения и соединений партизанских отрядов Каменец-Подольской области, апрель 1943 – апрель 1944», начальник Каменец-Подольского облштаба партизанского движения С. Олексенко Строкачу, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 77).

рения (батальона) УПА (около 1000 бойцов), 25 июля 1943 г., в ходе перестрелки с советскими дозорными потеряв фактор внезапности, бандеровцы напали на лагерь партизан, насчитывавший 400 человек (вместе с партизанскими семьями). Игнат Кузовков, комиссар отряда им. Михайлова, свидетельствовал, что атаки повторялись через каждые 20 минут: «Дело доходило чуть ли не до рукопашных схваток. Не смотря на жертвы, которые наносили наши бойцы из укрытых позиций, они бились и бились, желая закончить операцию. Надо сказать, что за все время я не встречал такого фетишизма (вероятно, имелось в виду «фанатизма». – А. Г.) в борьбе. Они дерутся лучше немцев»²⁶⁶.

Не сумев взять лагерь красных штурмом, бандеровцы окружили его и начали планомерный минометный обстрел, который, из-за того, что площадь была довольно-таки обширной, не был эффективен. Обстрел позиций коммунистов из стрелкового оружия продолжился и ночью. Участник этого боя со стороны УПА Максим Скорупский вспоминал: «Красивейшей картиной ночного боя был момент, когда по всей линии открывался плотный огонь, и было видно полукругом сверкание стреляющего оружия. Те маленькие и большие огоньки выразительно вырисовывали наши позиции и показывали, что мы советам довольно плотно окружили»²⁶⁷.

Поняв всю серьезность положения, советские партизаны на третий день осады предприняли попытку прорыва, увенчавшуюся успехом. Игнат Кузовков подвел итог: «Мы уже передислоцировались в Славутский район (Каменец-Подольской, ныне Хмельницкой области. – А. Г.), а на территории прилегающих западных районов [Тернопольской области] установилась националистическая власть»²⁶⁸.

Возможно, наиболее плотно пришлось столкнуться с националистами Черниговско-Волынскому соединению под руководством Алексея Федорова. Согласно заданию УШПД, оно вышло в самый центр Волынской области и осадило Ковельский железнодорожный узел. Георгий Балицкий, командир отряда им. Сталина, действовав-

²⁶⁶ «Стенограмма беседы с командиром партизанского соединения Каменец-Подольской области тов. Одуха Антоном Захаровичем и комиссаром тов. Кузовковым Игнатом Васильевичем, беседу проводил зав. сектором информации отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)У тов. Слинко И. И.», 12 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 74. Арк. 43 зв.).

²⁶⁷ *Скорупский М.* Туди, де бій за волю. К., 1992. URL: <http://www.geocities.com/upahistory/skorupski/part3.html>

²⁶⁸ «Стенограмма беседы с командиром партизанского соединения Каменец-Подольской области тов. Одуха и комиссаром Кузовковым, беседу проводил зав. сектором информации отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)У Слинко», 12 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 74. Арк. 45).

шего в отдалении от основных сил соединения, войдя на территорию Волынской области 8 июля 1943 г., дал А. Федорову радиogramму: «Нахожусь 3 км юго-западнее Моцейки. 6–7 июля форсировали реку [Стырь], переправлялся 14 часов. Противник мешал нам. Начиная с дер. Кулиновичи и до Мацейки большинство пути проходили с боем. Убито националистов – 26, в том числе нач[альник] штаба и ком[андир] роты. Захвачено 12 винтовок, 700 патр[онов], один пистолет. Враг делает засады в селах и лесах. Вчера наткнулись на вражеский отряд 300 человек, вооружены пулеметами, автоматами и минометами. Обстановка хреновая, но настроение бодрое»²⁶⁹.

В этот же день Балицкий описал в дневнике непривычную для него обстановку: «В свое время каждый куст был для партизан крепостью, но теперь этот куст является смертью для партизан, ибо враг сейчас сидит в лесу, он хорошо знает его и из каждого куста он может поражать партизана, убивать нас. Коварный враг, что и говорить. Немец не всегда идет в лес, [а] эта сволочь находится в лесу и в маленьких хуторах и поэтому националистические банды далеко опаснее, чем немецкие карательные отряды»²⁷⁰.

Война в лесу приводила к неразберихе: доходило до перестрелок с группками АК, которых принимали за бандеровцев, и даже с соседними советскими партизанскими отрядами²⁷¹.

Алексей Федоров, ретранслируя указания УШПД, дал 20 июля 1943 г. Балицкому телеграмму, призывающую к определенной «сдержанности»: «Если будут мешать Вам выполнять задание, дать по зубам. Попадающие Вам вооруженные группы националистов, рядовых обезоруживать и направлять по домам, руководителей расстреливать»²⁷².

Стычки продолжались. 3 августа 1943 г. УПА в очередной раз атаковала отряд им. Сталина, Балицкий записал в этот день: «Наши героини-партизаны стали отбивать атаки озверелых националистов. Я вместе со своим ординарцем Пташко Григорием Ивановичем, ко мне присоединились нач[альник] штаба Решедько и дежурный по батальону тов. Ефимочкин, все на лошадях помчались на линию обороны. Только выехали на просеку, мы увидели неразбериху. После этого я со своим ординарцем Григорием отогнали нач[альника] штаба и Ефимочкина и полетели вперед, тут же увидел перед собой

²⁶⁹ Дневник командира отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Г. Балицкого, запись от 8 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 106).

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Дневник Балицкого, записи с 9 по 16 июля 1943 г. (Там же. Арк. 110–113).

²⁷² Запись от 20 июля 1943 г. (Там же. Арк. 124).

перебежку через широкую просеку человек 40–45. Я посчитал, что это мои орлы-партизаны, поэтому дал команду: “Куда вы, такую мать, бежите!” Но оказалось совсем другое положение, противник обходил нашу оборону и я командовал не своими партизанами, [а] своими врагами. Эта тифозная вошь открыла ураганный огонь по мне. Тут же мой ординарец был тяжело ранен, командир пулеметного взвода тов. Ефимочкин был убит, Решедько бросил свою лошадь, отскочил в сторону. Остался я один на середине этой знаменитой широкой просеки, которую не забуду»²⁷³.

Эту атаку красные отбили, но в последующие дни УПА блокировала лагерь сталинцев. На совещании командного состава своего отряда Балицкий обрисовал серьезность положения: «Враг коварен, лезет в лес, как свинья»²⁷⁴.

7 августа, проведя совместно с отрядом НКГБ СССР «Охотники» несколько боев с местными отрядами УПА, чтобы бандеровцы наконец оставили в покое диверсантов, командир сталинцев отозвался о противнике нелестно: «Всякими способами мешают нам – партизанам – подходить к ж[елезной] д[ороге], делают везде нам засаду, этим самым не давая возможности подходить к ж. д. полотну, но мы своим оружием, своим духом, волей горим и посылаем на х...

Сегодня с самого утра и до поздней ночи вели бой с этой националистической сволочью. Целую ночь со всех концов националистическая банда вела огонь, нужно сказать, что вести бой в лесу очень трудно, особенно с этой сволочью. Они же, сволочи, знают лес дальше, чем мы, они же местные...»²⁷⁵

Отряд им. Сталина воевал с националистами вплоть до конца октября 1943 г., при этом не прекращая активную диверсионную деятельность.

Другие отряды Черниговско-Волынского соединения столкнулись на Ковельщине с теми же сложностями. На территории всей Западной Украины, включая Волынь, интенсивность боев между сталинскими партизанами и бандеровскими повстанцами осенью 1943 г., в связи с приближением фронта, резко выросла. О боях с ОУН–УПА доносили в УШПД также командиры Ровенского соединения № 1 Василий Бегма, Ровенского соединения № 1 Иван Федоров, оперировавшего на Волыни и в Полесье Тернопольского соединения Иван Шитов и другие партизанские вожаки. В январе 1944 г. Алексей Федоров сооб-

²⁷³ Запись от 3 августа 1943 г. (Там же. Арк. 135).

²⁷⁴ Запись от 6 августа 1943 г. (Там же. Арк. 142).

²⁷⁵ Там же. (Там же. Арк. 143).

щал в УШПД о действиях УПА: «[Националисты] устраивают засады, в результате которых ими убиты сотни наших лучших партизан, в том числе таких героев, как т. Авксентьев И. М., Болтунов – оба командиры рот... В результате засады националистами зверски убиты комиссар отряда им. Щорса т. Пасенков, зам[еститель] ком[андира] по диверсионной службе отряда им. Щорса т. Валовий и много других лучших партизан.

Наряду с подобного рода действиями националистическая мразь прибегает и к массовым крупным мероприятиям вооруженного порядка...»²⁷⁶

В последнем случае речь шла о личной инициативе командира группы УПА «Завихвост» Юрия Стельмашука. В октябре 1943 г. подчиненные ему курени попытались уничтожить или изгнать с Волыни соединение А. Федорова. Однако из-за несоординированности действий и своевременных контрмер партизан атаки УПА были легко отбиты. В ноябре 1943 г. Ю. Стельмашук встретился с тогдашним главкомом УПА Дмитрием Клячковским, и на совещании было принято решение не проводить больше масштабных операций против красных партизан, а беречь силы для будущей схватки с НКВД.

Война советских партизан против националистов проходила на фоне еще одной межпартизанской войны: УПА с Армией Крайовой. Интенсивность, размах и жестокость этого противостояния были куда большими, чем война украинских партизан с украинскими повстанцами. АК и красные стали союзниками, причем в тот же период, когда в Западной Белоруссии между советами и АК шла отдельная межпартизанская война, вызванная указаниями ЦШПД. Возможно, такие «региональные отличия» были связаны с автономией УШПД. Его руководство, видя влияние на украинское население ОУН, стремилось не допустить конфронтации коммунистов с польскими националистами, и, как следствие, еще и с польским населением Западной Украины. Примечательно следующее: 6 января 1943 г. Пантелеймон Пономаренко послал А. Сабурову письмо, в котором явно преувеличивалась антисоветская активность АК: «Нам достоверно известно, что сторонники Сикорского (т. е. АК. – А. Г.) имеют целью вступать в советские партизанские отряды и разложить их изнутри, а руководителей убивать. Они уже убили нескольких ответственных работников партизанского движения, в том числе поляков-коммунистов. Поэтому наша обязанность лежит в том, чтобы поляков не принимать в отряды без специальной проверки, а тех поляков, которые ведут себя

²⁷⁶ Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 129.

подозрительно, разоружать и уничтожать...»²⁷⁷ Поскольку это письмо в настоящий момент хранится в архивном фонде УШПД, возникают сомнения в том, дошло ли оно до адресата. Фактом является то, что АК с красными в Западной Украине не воевала, а проводила совместные операции²⁷⁸ против УПА и немцев.

Если на «советской» территории УССР население оказалось между молотом и наковальней – коммунистами и нацистами – то в Западной Украине к этому добавились еще украинские и польские националисты. О взаимодействии указанных четырех сил вспоминает атаман Тарас «Бульба» (Боровец). Хотя в его мемуарах численность жертв с украинской и польской сторон искажена едва ли не обратно пропорционально, но само описание довольно яркое. В первую ночь оуновцы «карают огнем и мечом польское село. Днем немцы с польской полицией (пришедшей на службу к немцам вместо бежавших к повстанцам украинцев. – А. Г.) карают за это пять украинских сел. На вторую ночь большевики с поляками сжигают за то же самое еще пять украинских сел и добивают уцелевших беженцев по лесам»²⁷⁹.

Вместе с тем формирования АК были антикоммунистическими, и их офицеры осознавали вынужденность своего союза с красными. В свою очередь, партизанский командир Петр Вершигора считал польских националистов самоуверенными эстетствующими простофилями: «Политически это народ довольно темный, хотя и хорошо натасканный в парламентских и буржуазно-партийных выкрутасах... Ему все еще снится Польша с балами и уланами, Польша галантейная, как Франция»²⁸⁰. В другом отчете Вершигора отзывался об АК еще более критически – по его словам, отряды АК «по существу, мало чем отличаются от националистов УПА, разве только что культурностью, уменьем воевать, организацией движения, поставленной на высокий уровень...»²⁸¹

²⁷⁷ Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 292.

²⁷⁸ О совместных операциях АК и советских партизан см., напр.: *Льюшин І. І.* Волинська трагедія 1943–1944 р. С. 222–224, 236–239; *Romanowski Wincenty.* ZWZ–АК на Wołyniu 1939–1944... S. 164–194.

²⁷⁹ *Бульба-Боровець Т.* Армія без держави... С. 205.

²⁸⁰ Докладная записка о политических настроениях в Польше, Строкач для Коротченко, № 002 284 ор., 7 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 30. Арк. 41). Отчет Вершигоры послужил основой для данного документа.

²⁸¹ «Отчет о боевой деятельности 1-й Украинской партизанской дивизии имени Дважды Героя Советского Союза генерал-майора тов. Ковпака за время с 5 января по 1 апреля 1944 г.» Вершигора и др., предп. Строкачу, не ранее 1 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 142).

Периодически украинские партизаны организовывали убийства офицеров Армии Крайовой. Причем во всех выявленных случаях речь идет о прямом участии или инспирации формирований 4-го управления НКГБ СССР.

Например, глава небольшой группы сопротивления, бывший офицер Войска Польского Леон Осецкий вместе с поручиком Лисецким и водителем Багинским в мае 1943 г. были убиты в лесной засаде. Польский историк Винсент Романовский предполагал, что их уничтожили партизаны Ивана Шитова²⁸². Однако, разгневанный Шитов послал в УШПД шифровку: «Осецкого мы готовились убить под маркой немцев, но [начальник штаба отряда НКГБ СССР «Победители»] Пашун, не согласовав с нами, убрал Осецкого крайне неумело, бросив труп в лесу»²⁸³.

6 ноября 1943 г. действовавший в Волынской области командир отряда им. Сталина соединения А. Федорова Григорий Балицкий записал в дневнике: «Тов. Зубко (заместитель Балицкого. – А. Г.) организовал убийство польских националистов – заядлые были враги нашей советской Родины»²⁸⁴. По словам Балицкого, один из убитых был командиром польского отряда, а другой – его помощником. Очевидно, речь идет об уничтожении поручика Яна Рерутко, командира действовавшего на территории Луцкого района Волыни отряда «Луна», а также врача Славомира Стецюка и солдата Яна Линека²⁸⁵. Эта группа была приглашена приятелем Балицкого – командиром отряда НКГБ СССР «Охотники» Николаем Прокопюком – на празднование годовщины Октября, после чего последовало предложение войти в подчинение советским партизанам. Рерутко отказался, но стороны произвели взаимовыгодный обмен оружием. Отъехав на телеге на 400 м от пункта переговоров, Я. Рерутко, С. Стецюк и Я. Линек были убиты выстрелами в спину и затылок, а их трупы обобраны.

19 и 20 декабря в одном из населенных пунктов Ровенщины с подполковником АК «Вуеком» (Коханьским), и группой офицеров в веселой попойке участвовали полковник ГБ Богун, капитан ГБ Виктор Карасев и командир кавалерийского соединения УШПД генерал-майор Михаил Наумов, спустя пару дней недоуменно записавший в

²⁸² *Romanowski Wincenty. ZWZ–AK na Wołyniu 1939–1944...* S. 97.

²⁸³ Радиogramма командира партизанского соединения им. Хрущева И. Шитова Строчаку о действиях партизан из отряда НКГБ СССР «Победители», вх. № 5737, 15 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308, акр. 221).

²⁸⁴ Дневник Балицкого, запись от 6 ноября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 45).

²⁸⁵ *Turowski Józef. Pożoga. Walki 27 Wołyńskiej Dywizji AK. Warszawa, 1990. S. 89–90.*

дневнике: «На наши заставы приходят группами бойцы его отряда с оружием и без оружия и заявляют, что отряд остался без руководства, сам “Вуек” со штабом и офицерским составом пропал бесследно... Отряд развалился и, бросив трех раненых и тифозно-больных, разбрелся». На следующий день Наумов вполне точно выяснил имя похитителя офицеров АК: «В отношении “Вуека” у Шитова говорят прямо, что это дело рук “Карася” (командира отряда НКГБ СССР “Олимп” Виктора Карасева. – А. Г.)»²⁸⁶. Действительно, группа Коханьского была пленена, частично расстреляна, а частично отослана чекистами в Москву, где после суда 8 человек были отпущены на свободу, а сам Коханьский приговорен к 25 годам тюремного заключения²⁸⁷.

Однако несмотря на взаимное недоверие и кровавые инциденты, содействие АК красным в Западной Украине и Люблинщине оказало партизанам незаменимую услугу. Речь шла не только о совместных операциях, но и о поддержке отрядам со стороны находившегося под влиянием АК польского населения – выделении проводников и предоставлении развединформации, в ряде случаев – помощи продовольствием, укрытием раненых, предупреждении об угрозе со стороны немцев или бандеровцев и т. д. При всем этом тесные союзнические отношения «заклятых друзей» привели к глубокому взаимному агентурному проникновению отрядов АК и советских партизан²⁸⁸, что облегчило НКВД и НКГБ разгром польских националистических структур в Западной Украине в 1944–1945 гг.

С оуновским же подпольем, укорененным среди украинского населения, бороться было сложнее: Ковпак в радиোগрамме в УШПД 26 сентября 1943 г. докладывал, что в Западной Украине «украинское население исключительно поддерживает бандеровцев, советскую власть ненавидит»²⁸⁹.

Периодические сообщения красных партизан о тотальной поддержке западными украинцами УПА впечатляют, однако не соответствуют действительности, некорректны.

На наличие просоветски настроенной части западноукраинского социума указывают аутентичные документы.

По сведениям бандеровского подполья, даже в Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области в ходе Карпатского рейда Сум-

²⁸⁶ Дневник Наумова, запись от 24 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 74).

²⁸⁷ *Turowski Józef. Pożoga...* S. 135.

²⁸⁸ См. об этом более подробно документы: *Сергіійчук В.* Поляки на Волині у роки Другої світової війни... *Passim*.

²⁸⁹ Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 97.

ского соединения, население к немцам было настроено враждебно «в той мере, что, если бы вернулись [ковпаковские] партизаны, половина пошла бы с ними»²⁹⁰.

Согласно оценке, данной подпольщиком АК в сентябре 1943 г., в Галиции «украинское население можно поделить на 3 части, из которых наименьшая составляющая, самое большее, треть, довольна, что большевистский авангард (т. е. ковпаковцы. – А. Г.) вошел на эту территорию, другая часть украинских националистов, составляющих свыше 50 % [украинцев], панически боится пришедших большевиков, видят в партизанских отрядах начало приходящего господства большевиков на этой территории, оставшиеся 20 % украинцев... относятся [к советским партизанам], как поляки, [негативно], с той разницей, что отчасти опасаются репрессий»²⁹¹.

Причину кажущегося единодушного, поголовного содействия западных украинцев УПА раскрыл в отчете Строкачу начальник Каменец-Подольского штаба партизанского движения Степан Олексенко: «[Если] с приходом в села Западной Украины партизаны спрашивают про активных националистов, то жители ничего не говорят. Не говорят потому, что, с одной стороны, некоторые из них сами являются националистами, а другие боятся своих соседей – активных националистов, так как в каждом селе у них имеются тайные агенты, и если кто-либо из жителей будет замечен в разговорах с партизанами, то при выходе партизан из села этих жителей убивали свои соседи-националисты»²⁹².

Коммунистическое подполье в 1941–1944 гг. в Украине было слабым и плохо организованным, агентура НКВД УССР и других силовых ведомств – тоже немногочисленная – с середины 1942 г. действовала независимо от партизанских формирований. Поэтому УПА в 1943 г. было легче оперировать на территории, например, Житомирской и Каменец-Подольской областей, где бандеровцы проводили рейды, чем красным – в Западной Украине. Но все же националистам

²⁹⁰ Сообщение неустановленного подпольщика ОУН «Донесение Ч. 6. Вести о деятельности партизан в Надвирнянском уезде от 19.07–3.08.43 г.» не ранее 3 августа 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 105).

²⁹¹ Документ командования округа АК «Львов» «Рапорт политический. Дела диверсии большевистской», «Юхас» (Juhás), 18 сентября 1943 г. (AAN. 203/XV–28. К. 71а).

²⁹² «Отчет о работе Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У, областного штаба партизанского движения и соединений партизанских отрядов Каменец-Подольской области, апрель 1943 – апрель 1944», начальник Каменец-Подольского облштаба партизанского движения С. Олексенко Строкачу, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 77).

приходилось в советской Украине куда сложнее, чем на «своей», т. е. покрытой сетью ОУН, местности.

Михаил Наумов в дневнике описал УПА на востоке Житомирщины как малозначимую силу: «Бандеровцы появились в этих лесах еще раньше нас. Их ок[оло] 150 чел. Живут только в лесу. Никаких операций не проводят... Грязны и обовшивлены, голодны. Когда говорят о вильной Украине – плачут... Когда бандеровцы хотят кушать, то заходят в село и собирают куски хлеба, цибулю, чеснок и все это складывают в торбу, подвешенную за плечами, – хотят показать, какие они есть апостолы украинского народа, но петлюровские старцы... любят кушать и мясо. Поэтому группа этих старцев ночью крадется в село и в первой хате выкрадывают и уводят в лес корову... Здешний народ не понимает их... Под Новгородом-Волынским бандеровский отряд насильно мобилизовал 26 колхозников, которых используют для черновых работ под строгим надзором, на ночь связывают. Одному из них удалось перебежать к нам. Он рассказывал, что все эти люди собираются перебежать к красным партизанам, причем называл их “наши советские украинцы”. Бандеровцы узнали об их намерениях и решили всех задушить. Один наш разведчик – Мороз, попал к ним в лапы. Мы вскоре нашли его труп с отрезанной головой. Они охотятся за нашими автоматами... Ненавидя нас, они все время следят за нами и держатся вблизи. Это им нужно для того, чтобы прикрыться нашей силой от немцев. Однако следует признать, что они занимаются серьезной пропагандой»²⁹³.

Попытки ОУН–УПА наладить сеть на территории советской Украины нередко приводили к инфильтрации партии советской агентурой²⁹⁴. При этом как красные, так и бандеровцы стремились с помощью контрразведывательных мероприятий нейтрализовать агентурные игры друг друга, о чем, в частности, вспоминал националист М. Дубовой: «Общая работа С[лужбы] б[езопасности] [ОУН] была обращена в то время на массовую ликвидацию всякого рода активной и неактивной коммунистической швали среди населения»²⁹⁵. Яркий пример этого приводится в отчете одного из военных комендантов УПА «Бориса» с северной части Ровенской области: «22.8.43 г.

²⁹³ Дневник Наумова, запись от 7 сентября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 20–22 зв.).

²⁹⁴ В частности, о таком случае в Житомирской области сообщается в аналитической записке «М. Дубового» «Краткое описание политического кризиса в ОУН на Северо-Западных Украинских землях...», 20 февраля 1947 г. (Волинь, Полісся, Поділля: УПА та запліля 1944–1946; Документи і матеріали. Літопис УПА. Нова серія. Т. 8. К.;Торонто, 2005. С. 1198–1199).

²⁹⁵ Там же. С. 1199.

боевка С [лужбы] б [езопасности] в подрайоне “ч 5” ликвидировала 14 человек крестьян-коммунистов, у которых была связь с коммунистическими бандами. Следствием этого было: в тот же самый день в 12 ночи советская банда окружила те строения, в которых находилась наша боевка, из них (членов СБ ОУН или УПА. – А. Г.) один убит, а один тяжело ранен. В ту же самую ночь убили кустового друга “Стрелу”, сожжена его хата и он брошен в огонь. 23.8 коммунистами убит станичный СБ села Метков»²⁹⁶.

Повстанческие командиры принимали в ряды УПА и советских украинцев. Во-первых, националисты стремились распространить влияние ОУН на восток, во-вторых, бывшие красноармейцы обладали знаниями военного дела.

При этом к советским людям сохранялось стойкое недоверие. В одном из обзоров подпольщика ОУН с южной части Волынской области сообщалось о проявлении подобных установок: «На территории V сотник “Вишня” открыл коммунистическую деятельность в своей сотне и расстрелял всех схидняков, которые входили в состав его сотни. Также расстрелял схидняков-дезертиров, которых взял из других отрядов»²⁹⁷. Во Львовской области наблюдалась похожая картина: «При появлении красных банд на территории, указанные схидняки, а с ними и местная гольдьба дают им разную информацию относительно движения на территории и относительно некоторых людей... Такая гольдьба ликвидируется [СБ ОУН] на каждом шагу»²⁹⁸.

На северо-западе Украины, в частности, на Полесье и Волыни, красные и ОУН–УПА в ходе яростного противостояния поделили местность, о чем 30 ноября 1943 г. сообщалось из польского националистического подполья: «Полесье. На Землях Восточных немецкая администрация может проявить свою деятельность только в больших местных центрах, [но] не контролирует ситуацию с безопасностью в округе за границами данного местного центра»²⁹⁹.

²⁹⁶ «Донесение района “Ч 20” от 20.08 по 1.09.43 г.», комендант военного района «Ч 20» «Борис» (район «Долина» военного округа «Зарево» группы УПА «Север»), 4 сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3838. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 28–29).

²⁹⁷ Донесение подпольщика ОУН «Надрайон Владимир-Горохов. Случаи на территории от 20.09 по 30.09.43 г.», «Кузьменко», 10 сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 118. Арк. 53).

²⁹⁸ Докладная записка подпольщика ОУН «Сокальщина. Отчет политический за период 15.03–7.04.44», «Павур», 8 апреля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 154. Арк. 5).

²⁹⁹ Сообщение представительства польского правительства на родине (департамент информации и работы, восточная секция): «Месячный справочный обзор о си-

Описывая положение января 1944 г., Петр Вершигора сообщал о том же: «Все Полесье за исключением крупных коммуникаций Сарны–Ковель, Ковель–Брест и Сарны–Лунинец было полностью свободно от немцев, громадная территория от Сарны до Буга была поделена между УПА и соединениями советских партизан, вытолкнутых из-за Горыни... Западный берег р. Горынь, районы Стыдень, Степань, Домбровица, район Колки-Рафаловка были в руках УПА, за ними до Стохода – Советские партизаны, и от реки Стоход на Запад – полностью националистические районы УПА, партизанами даже не разведанные – какое-то белое пятно на карте Полесья...»³⁰⁰

Указанные «белые пятна» УШПД решил занять, в очередной раз приказав своим партизанским отрядам идти в Западную Украину. В начале 1944 г. на территории только Ровенской и Волынской областей, а также близлежащих районов Житомирской и Каменец-Подольской областей, т. е. в зоне наибольшей оперативной активности ОУН–УПА, находилось до 27 000 партизан УШПД³⁰¹. И это не считая отрядов НКГБ СССР и РУ ГШ КА. Силы УПА на тот момент насчитывали около 15 тыс. человек, однако, как и в 1943 г., бандеровцам удалось сорвать план УШПД на первое полугодие 1944 г. При этом националисты не вступали в масштабные затяжные бои и не разгромили ни одного соединения. На это у них не было сил.

Петр Вершигора оценивал военные возможности Повстанческой армии невысоко: «На УПА хорошо учить людей воевать, тут можно поднять большие запасы оружия. Основная цель [партизан должна быть] расчистка пути Красной армии для тылов, которой УПА может представлять более серьезную угрозу, чем для партизан, знающих их тактику... УПА действует не только своей силой, сколько слабостью советских партизан»³⁰². За последними, обладавшими опытом 1941–1943 гг., стоял тыл сталинской сверхдержавы, откуда красные получали подготовленных командиров и иных военных специалистов, вооружение, боеприпасы и другую помощь.

туации всех дел, касающихся Земель Восточных, и в отношении национальных меньшинств», 30 ноября 1943 г. (ААН. 202/III–122. К. 7.).

³⁰⁰ «Отчет о боевой деятельности 1-й Украинской партизанской дивизии имени Дважды Героя Советского Союза генерал-майора тов. Ковпака за время с 5 января по 1 апреля 1944 г.», Вершигора и др., предп. Строкачу, не ранее 1 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 140).

³⁰¹ Донесение начальника оперативной группы УШПД при ВС 13-й армии Чепака командующему армией Пухову Н. о дислокации партизанских отрядов, 11 января 1944 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г... С. 496–497).

³⁰² Радиogramма Вершигоры Строкачу о положении в западных областях Украины, 3 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 5. Арк. 53–54).

Несмотря на это, как писал главком УПА Роман Шухевич, на Волини и Полесье УПА «сузила территории, которыми овладели большевистские партизаны, до отдельных, небольших лесных островов», а в Галиции – где на тот момент УПА действовала куда менее активно и масштабно, чем на Волини, но местное население в силу вышеуказанных исторических причин больше, чем воляняне, ненавидело красных – «УПА не допустила залива украинской земли большевистскими партизанами»³⁰³.

Тактика бандеровцев была довольно-таки проста: пользуясь знанием местности, налаженной разведсетью и системой оповещения, уничтожать небольшие группы партизан – диверсионные, заготовительные, разведывательные – или препятствовать им, действуя из засад.

В обзоре ОУН с Волини за июнь 1943 г. отмечался определенный успех противодействия красным «малыми делами»: «На каждом шагу боевка (созданных ОУН–УПА сельских самооборонных кустовых отрядов. – А. Г.) ставит отпор грабежу и прогоняет большевистские банды»³⁰⁴. Командир отряда им. Сталина Григорий Балицкий одну из своих операций по разгрому гарнизона националистов и получения продовольствия назвал «хозяйственно-боевой»³⁰⁵.

Через год, в июне 1944 г., на севере Львовской области наблюдалась та же картина: «Большевистские партизаны пытались войти в с. Задворье. Однако местная самооборона прогнала их. Также при всех попытках войти в села большевистские партизаны были прогнаны местными отрядами самообороны так, что они начали обходить села и грабили и нападали на приселки, размещенные у леса»³⁰⁶.

О том же самом свидетельствовало командование Соединения им. 24-летия РККА, проведя два месяца на территории Волинской и Львовской областей: «Население, симпатизируя националистам, почти не оказывало помощи проходившим партизанским соединениям и отрядам. (...) С 3 мая 1944 г. личный состав соединения питался исключительно скверно и в течение 2,5 месяцев почти не видал хлеба»³⁰⁷.

³⁰³ *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1942–1943 рр. С. 221.

³⁰⁴ Докладная записка подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор за месяц июнь с территории Северо-Западных украинских земель», 6 июля 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 6).

³⁰⁵ Дневник Балицкого, запись от 23 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 125).

³⁰⁶ Докладная записка подпольщика ОУН «Равщина. Вести с территории за период от 01.06 до 15.06.1944» (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 126. Арк. 89).

³⁰⁷ «Отчет об агентурно-разведывательной работе соединения им. 24 годовщины РККА за период с 26.2.44 г. по 31.7.44 г», командир соединения Чижов и др., предп. на имя Строкача, 2 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 252. Арк. 159–159 зв.).

Весьма ощутимые удары наносились бандеровцами по разведгруппам отрядов красных партизан. Например, командир соединения им. Молотова Петр Коротченко отмечал, что на территории Волынской области его разведке, вместо выполнения основного задания, «пришлось вести неоднократные бои с укр[аинскими] националистами, как-то: в с. Большой Обзырь, Стобыховке, Черемошной Воле, Крымном и др... Передвижение соединения в данной местности было связано с некоторыми трудностями, так как укр[аинские] националисты часто устраивали нам засады, а также действовала немецко-мадьярская военная разведка...»³⁰⁸. Командир разведывательного отряда УШПД, действовавшего в Галиции весной 1944 г., свидетельствовал об эффективности местной разведки УПА: «Партизанские отряды часто обнаруживают себя не плохой маскировкой или конспирацией, а тем, что их выдавали немцам националисты всех видов. Скрыться в полном смысле этого слова от националистического наблюдения большим, да и малым партизанским отрядам почти невозможно»³⁰⁹. Согласно составленной летом 1944 г. справке УШПД, на территории Буковины ситуация несколько отличалась от положения на Волыни и в Галиции, но была не менее сложной для красных партизан: «Существуют националистические группы и их военные формирования. Особенность этих групп состоит в том, что они совершенно явно получают оружие от немцев... Одежда гражданская, черного цвета, поэтому отряды называются отрядами “чернорубашечников”. Задача этих отрядов состоит в борьбе против партизан, но нападают только на одиночек или мелкие группы в 5–6 чел[овек]... несмотря на то, что отдельные отряды националистов достигают численности 200–250 чел[овек]: структура, примерно, соответствует структуре отрядов УПА... Как вооруженная сила, они деятельности партизан не осложнили, лишь мешая ведению агентурной разведки и, что самое главное, о замеченных продвижениях партизан немедленно сообщают немецкому командованию»³¹⁰.

В 1943–1944 гг. разные политические приоритеты и шовинистический угар развели польских и украинских националистов в Запад-

³⁰⁸ «Из отчета о деятельности разведки и контрразведки в соединении п/о [им. Молотова]», командир соединения П. Коротченко и зам. ком-ра по разведке Величко, предп. Строкачу, после 5 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 252. Арк. 98).

³⁰⁹ «Отчет разведывательного партизанского отряда за период от 20 марта 1944 г. по 25 мая 1944 г.», командир отряда Ксензов и др., предп. Строкачу, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 252. Арк. 198).

³¹⁰ «Справка о положении в Карпатах (район Бергомет-Кымпылунг), по данным на 20 июля 1944 года» начальника 2 отдела УШПД Кравчука, предп. Строкачу, № 983 (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 294. Арк. 43).

ной Украине по разные стороны военно-политического противостояния. Если АК заключила тактический союз с коммунистами, то УПА в начале 1944 г. приостановила свою деятельность на антинемецком фронте и заключила ряд тактических договоренностей с Вермахтом, стремясь получить от него оружие для грядущей схватки с НКВД и использовать немцев в борьбе против партизан.

15 марта 1944 г. заместитель Строкача Илья Старинов послал в УШПД телеграмму: «Во всех западных областях националисты представляют явную угрозу партизанам. Среда враждебная, действия партизан будут на два фронта. Наиболее опасный и скрытый враг – националисты»³¹¹. Через три дня, будто специально подтверждая мнение диверсанта, один из галицких функционеров ОУН направил подчиненным характерную инструкцию на случай появления красных партизан. Следовало усилить бдительность сторожевых постов и охранников по селам, в случае нападения партизан на село прятать жителей и их имущество в бункерах, немедленно сообщать лежащим рядом селам об угрозе, вести среди большевиков пропаганду с помощью листовок, мелкие отряды осторожно и скрытно разоружать и ликвидировать. Рекомендовалось специально доносить партизанам о различных случаях сотрудничества поляков с немцами, в частности, показывать примеры помощи поляков немцам в уничтожении большевистских партизан, коммунистов – иными словами, всячески сталкивать поляков с советами. Приказывалось дезориентировать большевистские отряды – вплоть до того, что пытаться спровоцировать бой одного красного отряда с другим, говоря, что против них это воюет, например, УПА. И, само собой, рекомендовалось направлять советы на немецкие части, при этом предварительно проинформировав оккупантов. В конце сухой инструкции эмоционально подчеркивалось: «Всеми возможными способами уничтожить эту больш[евистскую] сволочь»³¹².

Помимо борьбы с отрядами и соединениями, на протяжении 1943–1944 гг. в Западной Украине ОУН–УПА уничтожала всех – без различия ведомств и задач, кто был заслан советской стороной с парашютом. Например, в Волынской области, согласно показаниям пленного бандеровца, «в мае 1943 г. в 1 км северо-восточнее с. Ст[арая] Гута были выброшены четыре советских парашютиста с

³¹¹ *Кеитій А. В.* Українська повстанська армія в 1942–1943 рр. С. 215.

³¹² Инструкция подпольщика ОУН «Беркута» подпольщику ОУН «Денису» о действиях в случае появления советских партизан (Галиция), 18 марта 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3838. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 37 зв.). В тот же день «Беркутом» аналогичная инструкция была дана «Олегу». (Там же. Арк. 38–38 зв.).

радиостанцией: три мужчины и одна женщина, вооруженные пистолетами ТТ. Указанных парашютистов Карпук задержал и передал в распоряжение националистов»³¹³. В Тернопольской области сообщение бандеровского подпольщика за февраль–март 1944 г. отмечало успешность контрмер националистов: «На территории Подгаецкого и Бережанского уезда большевики скинули десант парашютистов, заданием которых является организовать партизанские отряды из пленных схижняков. Сброшенное оружие попало в наши и немецкие руки. Парашютистам не удалось ничего сделать»³¹⁴. Во Львовской области в апреле 1944 г. оуновцы отмечали поддержку селян, оказанную УПА в борьбе с десантами: «Большевики с фронта посылают им (партизанам. – А. Г.) помощь – парашютистов. Однако много из них попадает в руки украинских крестьян, а те отдают их в УПА или сами ликвидируют»³¹⁵. Главком АК Тадеуш Комаровский 21 июня 1944 г. сообщал в Лондон о том же: «Сброшенный сильнейший советский десант под Долиной (Станиславская, сейчас Ивано-Франковская обл. – А. Г.) был вырезан УПА...»³¹⁶ Согласно сведениям немецкой войсковой разведки от 16 августа 1944 г. «В Карпатах возросла борьба национально-украинских банд (УПА) с советскими бандформированиями и парашютистами. За последнее время УПА обезвредила предположительно 1500 парашютистов»³¹⁷.

Украинский исследователь Анатолий Кентий довольно высоко оценивал эффективность боевых действий националистов: «Начиная с весны 1944 г. УПА и подпольные структуры ОУН... своей борьбой в тылу Красной армии и против советских партизан спасли от полного разгрома силы немецкой армии в Восточной Галиции»³¹⁸.

³¹³ Сообщение начальника разведотдела УШПД В. Храпко начальнику 4-го управления НКГБ УССР Сидорову и др. о показаниях члена ОУН А. Карпука, № 002492, 18 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 293. Арк. 101).

³¹⁴ Докладная записка подпольщика ОУН: «Обл[асть] Тернополь. Политический отчет за февраль–март 1944 года» (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 157. Арк. 3).

³¹⁵ Сообщение подпольщика ОУН: «Львовщина. Чрезвычайный отчет, ч. 20. Большевицкие партизаны в Равшине», подпольщик ОУН «Скала», 6 мая 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 126. Арк. 79).

³¹⁶ Сообщение о ситуации командующего АК Тадеуша Комаровского эмигрантскому польскому правительству, 21 июня 1944 г. (Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. Т. III. S. 487).

³¹⁷ Сообщение немецких разведорганов предп. для верховного командования Вермахта «Положение врага (банды) № 520» (приложение к «Сообщению о положении на Востоке № 1156 от 16.08.1944» (Україна в Другій Світовій війні у документах... Т. 4. С. 173).

³¹⁸ *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. С. 190.

Ну, и завершая описание борьбы красных с националистами, можно коснуться результатов психологической войны. Неоднократно обе стороны пытались разложить и перетянуть на свою сторону отряды противника с помощью агентурных комбинаций и пропаганды, в том числе даже командиров во время переговоров. Однако в психологической борьбе друг с другом никаких ощутимых успехов ни повстанцы, ни партизаны не достигли. Характеризуя бойцов одного из советских отрядов, оперировавших в январе 1944 г. в южной Ровенщине, подпольщик ОУН отмечал их лояльность системе: «Верят в непобедимую Москву, не поддаются никакой пропаганде. Говорят: “Не агитируй”. Просто не хотят слушать чего-то подобного. Эти партизаны – настоящий НКВД. С ними можно разговаривать только пулей»³¹⁹. В южной части Дрогобычской области, сейчас входящей в Львовскую, разведдонесение о соединении Шукаева говорило и о неприятии советскими партизанами Повстанческой армии: «Лозунги наши встречали на Воляни и Подолье, однако им не верят, так как УПА страшна им, учитывая резню [поляков], которую [она] проводила на Воляни в селах, где большая часть этих партизан после или в это время находилась... Эти факты усиливают пропагандой, а в частности, дает информацию Чавли, известный представитель азербайджанцев на [организованной в 1943 г. ОУН] конференции подневольных народов, который сам тут находится, как командир одной малой единицы (очевидно, перешел к красным. – А. Г.)»³²⁰. На севере Львовщины в июне 1944 г. даже находившиеся в экстремальной ситуации партизаны не хотели вступать в ряды Повстанческой армии: «Долгое время находятся в лесу, питаются только вареным ячменем, а старшины конским мясом. Между ними есть много таких, которые хотели бы перейти в УПА, однако боятся, чтобы их там не постреляли»³²¹. Хотя были и исключения. Например, в сентябре 1943 г., возвращаясь из Карпатского рейда, несколько десятков ковпаковцев после переговоров перешли на сторону националистов, впрочем, часть из них потом снова вернулась к красным³²².

³¹⁹ Докладная записка подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор Здолбуновского уезда от 25.12.43 до 27.1.1944», «Буйный», 27 января 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 123. Арк. 6).

³²⁰ Разведдонесение подполья ОУН: «Обл[ась] Стрый. А/а. Большевицкие партизаны в Майданских лесах», «Марко», 10 июня 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 157. Арк. 60).

³²¹ Сообщение подпольщика ОУН: «Сокальщина. Вести с территории за период от 30.05.1944 г. – 15.06.1944 г.», «Черник», «Бурый», 15 июня 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 154. Арк. 24–25).

³²² Від Полісся до Карпат... С. 23. См. также документ ОУН «Общественно-политический обзор по Украине за сентябрь 1943 г.», не ранее сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 24–24 зв., 27).

Результат межпартизанской войны коммунистов с националистами на территории Западной Украины был схож с противостоянием АК и советских партизан в Западной Белоруссии. В ней не было победителей и побежденных, война завершилось «вничью», хотя обе стороны нанесли друг другу массу болезненных ударов. Если измерять потери, то их общее число не будет известно никогда, однако в любом случае речь идет о тысячах бойцов с каждой стороны. Только лишь часть оперировавших в 1943–1944 гг. на территории Ровенской области отрядов и соединений, согласно своим отчетам, пусть и преувеличенным, уничтожила 2275 членов ОУН–УПА (соединение В. Бегмы – 572, И. Федорова – 569, Р. Сатановского – 390, бригада А. Бринского (РУ ГШ КА) – 427, отряд Д. Медведева (НКГБ) – 317)³²³. Интенсивность действий советских формирований против ОУН–УПА в ряде случаев превышала их активность против немцев³²⁴. При всем этом потери собственно УПА были, вероятно, несколько ниже, нежели потери красных партизанских отрядов. Бандеровцы старались не давать масштабных затяжных боев, а действовали в основном из засад, стремясь использовать элемент внезапности и сиюминутное численное превосходство в конкретном месте и в удобный для них момент.

Но красные «не остались в долгу». Всю собранную информацию о коллаборационистах и противниках советской власти, в том числе членах ОУН–УПА, «лесные солдаты» сообщали в органы госбезопасности. Только партизаны УШПД передали в НКГБ, помимо данных о полицейских и иных «предателях», сведения на 2583 «украинских националистов»³²⁵. А это был приоритет не подчиненных Тимофея Строкача. Сидор Ковпак рассказал и о тех, кто в его соединении пристально интересовался врагами коммунистов: «Что касается ведения учета встретившихся на пути изменников и предателей Родины, в соединении была группа работников наркомата внутренних дел СССР во главе с капитаном Мирошниченко, которая и занималась этим вопросом»³²⁶. Один из бандеровских подпольщиков доносил с территории Львовщины весной 1944 г. о настроениях в рядах про-

³²³ *Motyka Grzegorz*. *Українська партизанка...* S. 260–261.

³²⁴ *Сергійчук В.* Радянські партизани проти ОУН–УПА... С. 14.

³²⁵ Составленная разведотделом УШПД «Ведомость учета переданных материалов на агентуру и предателей в органы НКГБ», не ранее 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 129).

³²⁶ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 65).

тивника: «Партизаны в разговорах с населением говорят: “Зачем нам вас убивать? Вот придет скоро Красная армия, НКВД, они-то с вами и рассчитаются“»³²⁷.

Война красных с ОУН–УПА в 1943–1944 гг. иллюзорно напоминала противоборство в Украине в 1918–1920 гг. Но за поверхностным сходством скрывались фундаментальные, сущностные отличия. Во-первых, изменился смысл противостояния. Как уже говорилось, Степан Бандера был не наследником Симона Петлюры, а его антиподом. В свое время украинские демократы воевали с набирающей силу молодой большевистской деспотией. В годы же Второй мировой войны против авангарда сталинской тоталитарной машины сражались вооруженные формирования тоталитарной партии – ОУН. С лета 1943 г. бандеровцы начали в пропаганде использовать либеральные лозунги, что отвечало требованиям момента. В сталинской агитации в тот же период наметился похожий сдвиг: недаром в новом гимне СССР прилагательное «свободный» использовалось пять раз. Да и пропагандисты со свастикой в 1943 г. поменяли словесные приоритеты с «борьбы за жизненное пространство» на «защиту вольного союза вольных народов Европы». Во-вторых, изменились формы противоборства. Если со стороны УНР и коммунистического режима на фронтах воевали регулярные части государственных образований, то в годы советско-германской войны на оккупированной немцами территории партизаны, а потом и Красная армия с НКВД столкнулись с повстанцами. В-третьих, стал другим масштаб событий. Если армия УНР воевала во всей Украине, то действия оуновцев, несмотря на настойчивые попытки репрезентовать себя в качестве общенационального движения, носили четко выраженный периферийный характер. Последнее позволило политическому оппоненту бандеровцев, галицкому коллаборанту Владимиру Кубийовичу отнести борьбу УПА едва ли не к маргинальной странице истории Украины: «Мы [украинцы] в этой борьбе [СССР с Третьим рейхом] были только объектом. Мы не только понесли большие людские потери, но, за исключением второстепенных эпизодов, не имели мочи по-настоящему вести борьбу с оккупантами. Кровавой и золотой была история Украины в 1917–1921 годах, кровавой и серой – в 1941–1945»³²⁸.

³²⁷ «Львовщина. Чрезвычайный отчет “ч.: 10”. Большевистские партизаны в уе[зде] Жовква», подпольщик ОУН «Скала», 8 апреля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 126. Арк. 65).

³²⁸ *Кубийович В.* Том I. Наукові праці... С. 305.

3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН

3.1. Уничтожение хозяйственных объектов

О применении тактики выжженной земли на весь мир открыто заявил Иосиф Сталин в своей знаменитой речи 3 июля 1941 г., начинавшейся словами «Дорогие братья и сестры...»: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды... для борьбы с частями вражеской армии... для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджога лесов, складов и обозов... При вынужденном отходе частей Красной армии не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба... Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно быть уничтожено»¹.

Диверсант Илья Старинов считал, что «вождь народа» обрекал на голодную смерть десятки миллионов людей: «Если бы требование Сталина было выполнено, то во время оккупации вымерло бы почти все население левобережных областей Украины и оккупированных территорий России»².

На прокламацию 3 июля моментально отреагировали германские пропагандисты, выдавшие огромным тиражом плакат с изображением И. Сталина, поджигающего города, села, поля пшеницы, «закрома Родины», и солдата Вермахта, за шиворот оттаскивающего «кремлевского горца» от разрушительных занятий.

Установка на дезорганизацию вражеского тыла была повторена в постановлении Государственного комитета обороны 10 июля 1941 г. для командующих округами, фронтами и армиями: «Обязать главкомов почаще разбрасывать с самолетов в тылу немецких войск небольшие листовки за своей подписью с призывом к населению громить

¹ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15.

² *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия... С. 136.

тылы немецкой армии, рвать мосты, развинчивать рельсы, поджигать леса...»³

Наиболее странным представляется приказание о поджоге лесов, которое было ретранслировано нижестоящими органами. 21 июля 1941 г. начальник охраны войскового тыла Юго-Западного фронта указывал, что одной из задач диверсионных групп являлся «поджог лесных массивов, прилегающих к коммуникационным линиям противника, и хлебных полей...»⁴

Вместе с тем документы немецкой стороны не свидетельствуют о том, что в 1941–1942 гг. красные партизаны – по крайней мере, в Украине – в сколько-нибудь массовом порядке уничтожали свои естественные укрытия.

22 июля 1941 г. ГКО спустил партийным органам директиву, в которой предписывалось уничтожать все посевы технических культур, а из государственных посевов зерновых культур и картофеля передать остающимся колхозникам по полтора-два гектара на хозяйство: «Всю остальную часть посевов зерновых культур и картофеля уничтожать путем скашивания в зеленом виде на фураж для нужд Красной армии, скормливания и вытаптывания скотом, сжигания и тому подобное»⁵.

Немецкие спецслужбы доносили, что в деревнях Житомирской области эти установки были хотя бы частично выполнены: «Население, у которого русские забрали или разрушили необходимейшие хлебоуборочные машины, находится в беспомощном положении»⁶.

Активно привлекались к подобным заданиям и вновь созданные партизанские и диверсионные отряды различных ведомств. Если доверять сводке СД, в июле 1941 г. на территории Волыни было высажено около 200 парашютистов, среди заданий которых было уничтожение урожая⁷. В следующем аналогичном документе обозначалась

³ Постановление ГКО от 10 июля 1941 г., И. Сталин (ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 28. Л. 16).

⁴ Приказ начальника охраны войскового тыла Юго-Западного фронта Рогатина и др. начальнику УНКВД по Киевской области «Об организации диверсионных групп по борьбе с врагом», № е/АВ0029, 21 июля 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 8. Спр. 57. Арк. 35).

⁵ Указание заместителя председателя ГКО В. Молотова руководителям партийных, советских и земельных органов районов, из которых производится эвакуация, об уничтожении сельскохозяйственных объектов, № ГКО 239, 22 июля 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 8. Спр. 57. Арк. 1).

⁶ «Сообщение о событиях в СССР № 47», шеф полиции безопасности и СД, 9 августа 1941 г. (ВАН. R 58/215. Bl. 229).

⁷ Ibid. Bl. 224–225.

схожая угроза: «Создание банд, которые сразу же после сбора урожая хотят его уничтожить (Ковель)»⁸.

Чтобы четче представить контекст партизанской борьбы, отметим, что в городах наблюдалась такая же картина. Положение в Николаеве описывали представители немецких спецслужб: «На каждом крупном предприятии при начале войны были выставлены группы разрушения, долженствующие разрушить важное оборудование. Расследования показали, что большие группы для вредительства созданы вовремя, однако взрывы или поджоги проведены в основном лишь представителями руководства предприятий и надежных коммунистов»⁹. Согласно сведениям НКВД, в других городах Восточной Украины также проводились диверсии: «16–17.11.41 г. на заводе Х[арьковский] т[ракторный] з[авод] произошел взрыв установленной партизанами мины. (...) По данным от 27.12.41 г., в г. Харькове германские власти попытались восстановить городской водопровод. Неизвестными лицами водопровод был выведен из строя. (...) По данным от 14.12.41 г., в г. Сталино (сейчас Донецк. – А. Г.) партизаны взорвали водопровод, восстановленный немецкими властями. (...) По данным от 4.12.41 г., в г. Макеевка [Сталинской области] восстановленная электростанция была взорвана партизанами... По данным от 30.12.41 г., в г. Дружковка [Сталинской области] советскими патриотами взорвана восстановленная хлебопекарня, выпекавшая хлеб для немецких солдат»¹⁰. Легко предположить, откуда в дальнейшем брали хлеб немецкие солдаты.

Наиболее известным случаем применения тактики выжженной земли в Украине стало уничтожение центра Киева. Причем к разнообразным эксцессам немцы были готовы еще до вступления в город. Любопытно описание вступления в Киев в дневнике неизвестного офицера штаба 29-го армейского корпуса Вермахта: «Население с удивлением стоит на улицах. Оно еще не знает, как себя вести... Когда мы подъехали к толпе, из нее вышел возбужденно жестикулирующий человек... Он хотел указать нам дорогу к гостинице “Континенталь”, где должен был разместиться наш штаб. Когда мы прибыли туда... соседи сказали нам, что большевики перед отступлением минировали

⁸ «Сообщение о событиях в СССР № 65», шеф полиции безопасности и СД, 27 августа 1941 г. (ВАН. R 58/216. Bl. 196).

⁹ «Сообщение о событиях в СССР № 101», шеф полиции безопасности и СД, 2 октября 1941 г. (ВАН. R 58/218. Bl. 4).

¹⁰ Докладная записка «О борьбе советских патриотов с фашистами в оккупированных противником областях Украины. По состоянию на 20.9.1942 г.», Савченко Хрущеву, № 787/сп, 25 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 63. Акр. 62–70).

этот дом... Так как русским во всем должно верить, то генерал приказал до основательного осмотра здания разместить штаб в других домах...»¹¹ Однако в «Континентале» позже все же разместились тыловые службы 6-й армии, и 23 сентября вследствие взрывов понесли ощутимые потери. Помимо этого, дома взлетали на воздух и загорались то в одном, то в другом месте. В частности, взрывы объектов около Лавры на территории Печерской крепости (цитадели), были предвидены, но не предупреждены: «Сначала взлетела в воздух площадка перед цитаделью, на которой находился наблюдательный пункт артиллерии и зенитное орудие. Жители уже вчера указывали, что это место возможно заминировано русскими. Саперы обыскали весь район, но взрывчатых веществ не нашли. Взрыв отнял у нас много офицеров, унтер-офицеров и солдат... Сейчас же, после взрыва площадки, последовал второй взрыв вблизи цитадели, разрушивший дом и этим перегородивший улицу – чего, собственно, и добивались»¹².

Далее, 24 сентября последовали взрывы на Крещатике. Первым взлетел на воздух кинотеатр на углу Крещатика и ул. Прорезной. Через некоторое время превратился в груды камней городской почта. Постепенно здание за зданием взрывался весь Крещатик.

Попытки немцев погасить пожары в центре Киева не дали результатов, и, чтобы локализовать огонь в тот жаркий сентябрь, они начали взрывать здания на соседних с Крещатику улицах. В итоге от взрывов советских и немецких мин была уничтожена четная сторона Крещатика – от Институтской улицы до Бессарабки, улицы Институтская до Ольгинской, вся Ольгинская, Николаевская (сейчас – ул. Архитектора Городецкого), Меринговская (сейчас – ул. Заньковецкой), половина Лютеранской (до Банковской), Прорезная до Фундуклеевской (сейчас – ул. Богдана Хмельницкого)¹³.

Во взрывах и пожарах в центре Киева нацисты обвинили местных евреев, после чего последовали печально знаменитые расстрелы в Бабьем Яре.

Долгое время считалось, что Киев заминировали исключительно представители НКВД. Возможно, эти слухи были вызваны откровенно негативным отношением населения к данной силовой структуре, и любое разрушительное действие приписывалось чекистам.

Однако в Киеве подполье НКВД было представлено, в частности, группой под руководством Ивана Кудри. А в ходе сентябрьских

¹¹ Київ у дні нацистської навали. За документами радянських спецслужб. К.; Львів, 2003. С. 205.

¹² Там же. С. 206.

¹³ Малаков Д. Оті два роки... У Києві при німцях. К., 2002. С. 95.

взрывов как раз и была уничтожена основная явочная квартира группы Кудри, где находились оперативные документы, материальные ценности и продукты питания.

И в этом не было ничего удивительного.

В справке бывшего начальника инженерной службы штаба обороны Киева майора М. Чукарева «Инженерное обеспечение обороны Киева в 1941 г.», подписанной на первой странице либо самим Чукаревым, либо тем, кто обрабатывал документ, четко указано – Киев взорвала Красная армия: «На инженерный отдел штаба обороны города инженерным отделом 37-й армии была возложена задача на минирование важнейших объектов города, могущих быть использованными противником в своих целях. Эта работа была выполнена в масштабах, позволяющих обстановкой того времени. Сотни мин взрывались с приходом частей немецкой армии в город Киев. Стены и целые здания обрушивались на головы немецко-фашистских захватчиков. 18 сентября были взорваны мосты через р. Днепр. В 14.40 того же числа был взорван последний цепной мост “Евгений Бош”»¹⁴.

В вопросе о том, кто же взорвал древнюю украинскую святыню – Успенский собор Киево-Печерской Лавры – исследователи часто используют свидетельство, ценность которого невелика, т. к. оно получено через третье лицо. В мемуарах бывший министр вооружений и боеприпасов Третьего рейха Альберт Шпеер, летом 1942 г. посетивший Киев, указал на «коричневого короля Украины»: «Мне сказали, что при Советах тут находился склад боеприпасов, который потом по неизвестным причинам взлетел на воздух. Позднее Геббельс рассказал мне, что в действительности рейхскомиссар Украины Эрих Кох решил уничтожить символ ее национальной гордости и приказал подорвать церковь...»¹⁵

Однако во внутреннем документе немецкой стороны – сводке СД – приводится другая версия событий: «Президент [Словакии] Тисо посетил 3 ноября 1941 года Киев и провел посещение собора Лавры. Он вошел со своими спутниками около 11.40 в собор и оставил монастырский двор около 12.30. За несколько минут до половины третьего внутри здания собора произошел маленький взрыв. Один из стоявших поблизости охранников-полицейских увидел три убегающие фигуры, они были расстреляны. Несколько минут спустя внутри здания собора произошла сильная детонация, которая полно-

¹⁴ Справка бывшего начальника инженерной службы штаба обороны Киева майора М. Чукарева «Инженерное обеспечение обороны Киева в 1941 г.», июль–август 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Спр. 372. Арк. 22).

¹⁵ Шпеер А. Воспоминания / перевод с немецкого. Смоленск, 1997. С. 328.

стью разрушила здание собора. Масса взрывчатого вещества, по всей вероятности, была заложена еще раньше. Только благодаря заботливому оцеплению и тщательной охране всего здания [монастырского комплекса], взрывы не произошли раньше. Очевидно, речь идет о покушении на особу президента Тисо. Трое предполагаемых покушавшихся не могут быть идентифицированы...»¹⁶

По некоторым данным, «3 ноября группа НКВД под командованием капитана Лутина взорвала радиодугас, заложенный в киевском Успенском соборе...»¹⁷ К сожалению, эти сведения никак не подтверждены документально. Более того, в перечне командного состава спецгрупп НКВД такая фамилия отсутствует¹⁸, поэтому не исключено, что Лавру, как и центр Киева, подорвали армейские специалисты. Но и версию о том, что Успенский собор взорвали все же сами оккупанты¹⁹, до конца отметить не стоит.

Наученные разрушительным опытом, в дальнейшем в Киеве нацисты интенсивно проводили оперативно-розыскные мероприятия: «Командующий полиции безопасности и СД в Киеве арестовал в период с 30.03 до 02.04.1942 г. всего 19 коммунистических функционеров, агентов НКВД и членов партизанских отрядов. В частности, они были обвинены или обличены в том, что перед отходом красных принимали участие в эвакуации фабричного оборудования, отдали распоряжения о взрыве колбасной фабрики, приводили в негодность сельскохозяйственные машины и тракторы, уничтожали запасы зерна в колхозе Ламбертовое. У многих этих людей было найдено оружие... Среди арестованных был, среди прочих, политрук, участвовавший во многих подрывах; далее – член партизанского отряда водопроводной станции Киева; бывший член специального отдела бывшего ЧК; руководитель профсоюза водонапорной станции, который одновременно был агентом НКВД и членом обкома компартии; китаец, с 1917 г. принимавший участие в партизанском движении, и в 1936 году ставший сотрудником НКВД; руководитель 2-го отдела водопроводной станции, который получил от партийного комитета задание испол-

¹⁶ «Сообщение о событиях в СССР № 130», шеф полиции безопасности и СД, 7 ноября 1941 г. (ВАН. R 58/219. Bl. 22).

¹⁷ *Колтакиди А. И., Прахоров Д. П.* КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000. С. 315.

¹⁸ Перечень мест хранения архивных документальных материалов партизанских соединений, бригад, отрядов и оперативно-чекистских групп, действовавших по линии органов госбезопасности в тылу противника в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Десятый отдел КГБ СССР, 1980. Passim.

¹⁹ *Wilhelm Hans-Heinrich.* Der SD und die Kirchen in den besetzten Ostgebieten 1941/42 // *Militärgeschichtliche Mitteilungen.* № 1 (Freiburg). 1981. S. 88.

нять нелегальную работу в немецком тылу; партийный секретарь; второй секретарь партбюро и усердный агитатор; четыре агента НКВД, совместно выдавшие НКВД более 60 лиц; и [один] партизан, дома у которого был найден порох в большом количестве»²⁰.

Впрочем, деятельность партизан протекала в сельской местности, где перед ними ставились довольно-таки масштабные схожие задачи.

Приказ ставки Верховного главного командования 17 ноября 1941 г. предписывал: «Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами»²¹.

Некоторые попытки выполнить данные директивы партизанами, по всей видимости, предпринимались. Например, как сообщали советские армейские службы, группа партизан из отряда под командованием Карнаухова на севере Сталинской (сейчас Донецкой) области 2 декабря 1941 г. «совершила налет на с. Малки, где сожгла 10 домов, в которых находились немцы»²². По сведениям НКВД СССР, этим же отрядом в с. Пришиб Сталинской области, было сожжено 40 домов и в с. Сидорово – 80 домов, «в которых размещались немецкие солдаты»²³. Согласно общесоюзной сводке, на начало марта 1942 г. партизанами УССР было уничтожено 295 жилых строений²⁴. Интересно, что в отчетных документах НКВД о деятельности партизан в начале 1942 г. появилась отдельная графа «уничтожено дере-

²⁰ «Сообщение о событиях в СССР № 193», шеф полиции безопасности и СД, 17 апреля 1942 г. (ВАН. R58/221. Вл. 349).

²¹ Приказ Ставки ВГК «Об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе» (И. Сталин, нач. генштаба Борис Шапошников), № 0428, 17 ноября 1941 г. (*Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 820).

²² Сообщение представителей Юго-Западного фронта начальнику политуправления РККА Л. Мехлису «О работе партизанских отрядов», № 04/инф., 3 января 1942 г. (ЦАМО, Ф. 229. Оп. 213. Д. 58. Л. 20–21).

²³ «Сводка фактов о действиях партизанских отрядов на территории Украинской и Карело-Финской СССР, Московской и Калининской областей», начальник Штаба истребительных батальонов СССР Г. Петров, на имя зам. наркома ВД СССР И. Серова, 29 января 1942 г. (ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 277. Л. 91).

²⁴ «Справка о результатах боевой деятельности партизанских отрядов, истребительных и диверсионно-разведывательных групп по состоянию на 10.3.42», Петров, предп. для Л. Берия, не ранее 10 марта 1942 г. (Там же. Л. 51).

вень». К сожалению, вероятно, из-за удаленности от линии фронта территории БССР, сведения по Белоруссии в указанную справку не вошли, напротив УССР в этой графе стоит прочерк, зато, например, в Карело-Финской ССР партизаны до марта 1942 г. сожгли 15 деревень, а в оккупированной части РСФСР – 27²⁵.

Подобная деятельность продолжалась и далее. Заместитель наркома ВД УССР сообщал в ЦК КП(б)У: «16.5.42 г. командир партизанского отряда Сабуров радировал, что артиллерией его отряда 11.5.42 г. обстреляны места расположения немцев в райцентре Середина-Буда Сумской области. Отмечены прямые попадания в дома, где были размещены немцы»²⁶. Несложно представить, какие цели во время этого обстрела поражали остальные снаряды.

Любопытный случай описывается в донесении комендатуры Вермахта с севера Сумщины: «В Екатеринославке, лежащей в 16 км к востоку от Глухова, [дом] 17 [по] Маршевой улице ночью с 1.9 на 2.9.42 был заминирован бандитами. 3 женщины наткнулись на мину: две погибли, одна ранена»²⁷.

Впрочем, повального уничтожения сел в прифронтовой полосе украинскими партизанами ни советская, ни немецкая сторона не отмечали. Вероятно, именно эти указания Сталина были в целом осторожно и плавно просаботированы руководством среднего уровня и большинством командиров партизан (последними хотя бы из чувства самосохранения).

Но мероприятия по разрушению хозяйственно-значимых объектов проводились красными партизанами в значительных масштабах. Сводка СД 25 сентября 1942 г. обозначала «тактику выжженной земли» как приоритет партизанской борьбы: «Среди банд Украины наблюдается рассредоточение в небольшие и мелкие группы и поддержка банд советскими парашютистами и сбрасыванием материалов во все большем объеме. Соответственно указаниям Советов деятельность банд направлена в основном в двух направлениях: 1. Уничтожение урожая, разрушение запасов и посевного материала, хлебоуборочных и других машин, важных для пропитания. 2. Акты вредительства на коммуникациях»²⁸.

²⁵ Там же.

²⁶ «Специальное сообщение о боевых действиях партизанского отряда под командованием Сабурова», зам. наркома ВД УССР Ратушный для Коротченко, № 34069, 18 мая 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 63. Арк. 106).

²⁷ «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами», местная комендатура I (V) 268, полевая жандармерия, Шостка, 27 сентября 1942 г. (ВА-МА. RH 22/175. Bl. 41).

²⁸ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 22», шеф полиции безопасности и СД, 25 сентября 1942 г. (ВAB. R 58/222. Bl. 99–100).

В отчете СС с ряда оккупированных территорий СССР, в том числе Украины, за август–ноябрь 1942 г. присутствуют обобщающие данные: уничтожено имений – 113, лесопилок и лесничеств – 30, промышленных предприятий – 35 и «других ценностей» – 110. При этом актов саботажа (т. е. диверсий) на железных дорогах зарегистрировано 262, на мостах – 54, линиях связи – 54 и «прочих» – 40²⁹. По количеству (288 против 410) число акций по применению тактики выжженной земли в полтора раза уступает диверсиям на коммуникациях. Однако, если в первом случае речь идет об уничтоженных ценностях, то во втором, очевидно, об уничтоженных и поврежденных, т. е. поддававшихся восстановлению – иногда, как в случае с подрывом железнодорожного полотна или линии связи, очень простому.

Объем уничтоженных хозяйственных объектов потихоньку нарастал. Группа тайной полевой полиции Вермахта № 708, расположенная на севере Сумской области, сообщала о действиях группы партизанских отрядов общей численностью около 1000 человек, дислоцировавшихся в Хинельских лесах и совершавших оттуда вылазки в северную Сумщину и приграничный район РФ, находившийся в ведении указанной группы; «По сообщениям сельхозруководителей до настоящего момента в районах Глухов, Эсмань и Шалигино бандитами ограблено или уничтожено: 3044 центнер зерна, 1162 голов крупного рогатого скота, 808 овец, 1245 повозок, 1060 коней, 730 свиней, 519 ульев, 264 упряжек. 115 домов были разрушены или сожжены. Количество награбленной домашней птицы установить вообще невозможно»³⁰. И это – за один месяц: с 26 ноября по 25 декабря 1942 г.

В отчете польского националистического подпольщика с территории Полесья в декабре 1942 г. активность красных описывалась как направленная на разрушение экономики в тылу Вермахта: «Немногочисленные диверсии на железных дорогах, нападения на имения, сожжение урожая и дезорганизация лесной службы – это все описание их деятельности... В значительной степени они дезорганизовали хозяйственную жизнь»³¹.

²⁹ «Сообщение о борьбе с бандами за период с 1.9. по 1.12.1942», командующий СС и полицией в зоне Россия – Юг, Украина и Северо-Восток, предп. Гимmlеру, 26 декабря 1942 г. (ВАВ. NS 19/2605. Bl. 78 Rückseite). В названии документа ошибка: данные в сводке представлены за 4 месяца – с августа по ноябрь 1942 г.

³⁰ «Отчет о деятельности за период с 26.11 по 25.12.1942», группа тайной полевой полиции № 708, Tgb. Nr. I 398/42 секретно, комиссар полевой полиции Хайманн для директора полевой полиции при командующем тыловой зоной группы армий «Б», 25 декабря 1942 г. (ВА–МА, RH/22/200, Bl. 44).

³¹ Сообщение сотрудника общественного антикоммунистического комитета («Антик») «Известия с Полесья», 19 декабря 1942 г. (AAN. 228/24–2. К. 52).

Документы советской стороны полностью подтверждают эти факты и выводы.

Например, Сумское соединение, согласно отчету Ковпака, уничтожило, среди прочего, маслозавод и типографию в городке Путивль Сумской области (27 мая 1942 г.), спиртзавод в местечке Ново-Боровичи Черниговской области (4 ноября 1942 г.), мельницу, электростанцию, маслобойню, узел связи, телефонно-телеграфную станцию в городке Лоев Гомельской области БССР (9 ноября 1942 г.), в с. Тонеж Туровского района Полесской области БССР скипидарный завод (26 декабря 1942 г.), в тот же день – скипидарный завод и две тонны смолы в с. Бухча, Туровского района, Полесской области, 9 января 1943 г. в с. Сосны Любанского района Пинской области автотракторную мастерскую и 22 трактора, в феврале 1943 г. в с. Корчицкая Буда Ровенской области взорвало и сожгло стекольный завод с полным оборудованием, уничтожило электростанцию³². И это лишь малая часть из внушительного списка.

В соединении Сабурова лишь один из отрядов, согласно донесению его командования, в ноябре 1942 г. в с. Авдеевка Черниговской области взорвал 9 тракторов, 3 автомашины, склад с горючим, склад с боеприпасами, 30 бочек бензина и керосина, уничтожил телефонную связь (1 км), рядом с райцентром Кориюковка сжег 4 склада урожая (хлеба)³³. 9 батальон этого же соединения за 10 дней осени 1942 г. уничтожил 10 тракторов, 2 грузовые автомашины, комбайн и 26 других сельхозмашин, 15 продовольственных складов (2850 тонн продуктов питания), спиртовой завод и массу другого имущества³⁴. За тот же период отряд им. 24-летия РККА разрушил пенькозавод, 4 молотилки, спалил свиноферму (100 голов свиней), 4 склада с зерном и 14 скирд необмолоченного хлеба (до 400 тонн), 12 скирд клевера (около 50 тонн)³⁵.

³² «Итоговый доклад о боевой деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР за время с 6 сентября 1941 г. по 1 мая 1943 г.», Ковпак и др., предп. Строкачу, до 12 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 50. Арк. 7–8).

³³ Оперативный отчет командования партизанского отряда им. Щорса (М. Тарату-та и др.) начальнику штаба соединения объединенных партизанских отрядов Украины под командованием Сабурова И. Бородачеву за период с 1 по 3 ноября 1942 г., 3 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 11).

³⁴ «Сведения по 9-му батальону в/ч № 4404 о боевой деятельности на марше за время с 27.10.42–06.11.42», командир Федоров и др., предп. Сабурову, не ранее 6 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 14–15).

³⁵ Рапорт начальника штаба партизанского отряда им. 24-й годовщины РККА Касьянова Сабурову за период с 26 октября по 7 ноября 1942 г., 7 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 19).

В конце 1942 г. Алексей Федоров писал, что созданные немцами на базе советских колхозов ««показательные земские хозяйства»... беспощадно уничтожаются партизанскими отрядами... Сельскохозяйственные продукты, продукты животноводства и скот, по мере потребности, партизанами вывозились и уводились, остатки раздавались крестьянам или уничтожались путем сжигания на месте...

Часть тракторного парка, оставшиеся сельскохозяйственные машины (молотилки всех марок и размеров, косилки и др. машины кроме комбайнов) [немцами] восстанавливались и использовались на сельскохозяйственных работах, главным образом в земских хозяйствах, а также использовались за соответствующую натуральную оплату по обмолотам оставшихся колхозных урожаев и общинных хозяйств... Все оставшиеся машинотракторные станции и их хозяйства немцами были объявлены государственным имуществом. Было создано соответствующее управление этими хозяйствами (по принципу существующих МТС при советской власти). Такие хозяйства имелись в Семеновском, Новгород-Северском, Корюковском районах Черниговской области [УССР], Климовском, Злынковском, Новозыбковском, Красногородском, Гордеевском, Млинском и Суражском районах Орловской области [РСФСР], Ветковском, Костюковичском и Кормянском районах Гомельской и Могилевской областей [БССР]. Большинство из вышеперечисленных хозяйств партизанскими отрядами уничтожено»³⁶.

Кроме того, даже на функционирующих предприятиях действовала партизанская агентура. Как свидетельствовал весной 1943 г. секретарь Сумского подпольного обкома П. Куманек, «хорошо заслать на конюшню старшим конюхом нашего человека и через него давать задания по отравлению скота. ...[Но] гораздо лучше подрабатывать тех людей, которые работали на том или ином месте раньше. Немало случаев, когда из таких людей, нами обработанных, получались очень хорошие работники... Эти люди приводили в негодность скот, калечили лошадей, недокармливали скот и т. д.»³⁷

Вплоть до начала 1943 г. разрушение хозяйственных объектов, применение тактики выжженной земли, было основным видом диверсионной деятельности советских командос. Но даже когда при-

³⁶ Докладная записка секретаря Черниговского подпольного обкома КП(б)У А. Федорова, предп. Хрущеву, предп. конец 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 10. Арк. 164–166).

³⁷ «Доклад о работе Сумского подпольного обкома КП(б)У», секретарь подпольного обкома П. Куманек предп. Хрущеву, весна 1943 г. (ДАСО. Ф. 4. Оп. 3-п. Спр. 83. Арк. 24).

оритетом стала борьба на коммуникациях, экономический террор партизан продолжал оставаться крайне значимым элементом быта оккупации. Дело в том, что железные дороги, военные склады и штабы немцы усиленно охраняли. Обеспечить же хотя бы полицейское наблюдение за десятками тысяч хозяйственных объектов в любых условиях физически невозможно. Поэтому экономические диверсии – сравнительно легкий вид партизанской борьбы. Например, отряд подрывников, даже целенаправленно посланный на уничтожение поезда, не выполнив задание, имел возможность несколько «сгладить вину» перед руководством – возвращаясь с неудачной операции, сжечь стоги сена и амбары с зерном, расстрелять из леса стадо свиней и конский табун, кинуть гранату в трактор, косилку или мельницу.

За июль 1943 г. в тыловой зоне группы армий «Юг», по немецким данным, было совершено 19 диверсий на железных дорогах, 5 – на линиях связи, и 35 «прочих»³⁸. Возможно, что эта статистика неполная, но в данном случае важно соотношение количества операций на коммуникациях и иных диверсий.

В другом регионе, в Правобережной Украине, один из отрядов Житомирского партизанского соединения им. Щорса целенаправленно уничтожал строения: «18.7.43. В Дзержинском участке Городницкого района сожжено 18 жилых и нежилых помещений, в которых размещались и могли размещаться немцы. В с. Б. Анастасовка Городницкого района сожжены школа и общежитие. (...) 26.7.43 В с. Радулино Барановского района сожжена школа, в которой могли размещаться немцы»³⁹. Этот случай крайне характерен, т. к. партизаны в селах, не находящихся под их контролем, стремились уничтожить все крупные здания, чтобы не позволить полиции или немцам использовать их для размещения сколько-нибудь частей и подразделений.

Для полноты картины можно процитировать выдержки из дневника учета боевых действий оперировавшего на территории Западной Украины партизанского отряда им. Калинина (Черниговско-Волынского соединение): «9.8.43. Группа партизан в количестве 30 чел... в р-не Острова сожгла немецкое имение “Б[ольшая] Жестовка”. Сгорело: 7 скирд хлеба, 50 свиней, 30 коров. 10.8.43. Группа партизан в количестве 8 чел. разбила почту в селе Воля Головская. Уничтожены: телефонно-телеграфные аппараты и ценные бума-

³⁸ Сообщение тыловых органов Вермахта: «Проявления банд и [их] деятельность в тыловой зоне группы армий “Юг” за июль 1943 г.» для командующего группой армий «Юг», № 182/43 сек[ретно], 4 августа 1943 г. (ВА–МА. RH/22/102. Bl. 95).

³⁹ Журнал учета боевых действий 6-го батальона (т. е. отряда им. Хрущева) Житомирского соединения им. Щорса (ЦДАГО. Ф. 67. Оп. 1. Спр. 93. Арк. 7, 9 зв.).

ги... За период с 5.[8.43] по 10.8.43 г. группа партизан в количестве 35 ч[еловек]... в р-не Вишицы, Романов, Словатичи, Ополье, Криловвербы, Сосновицы, Вырики, Дубовые колоды в целях срыва уборки хлебов и сдачи налогов сожгла и уничтожила: 1) 300 конных молотилок 2) 7 паровых молотилок 3) 2 трактора. Убили: 350 немецких лошадей. На всех немецких имениях сожжено было: 500 га хлеба на корню. (...) 3.9.43. Группа партизан в количестве 43 ч[еловек]... разбила молочарню. Продукты частью вывезены, а [слово неразб.] остальное уничтожено. 4.9.43. Группа партизан в количестве 43 ч[еловек]... в Уваленском р-не разбила почту. Телефонно-телеграфные аппараты уничтожены, ценные бумаги сожжены, деньги взяты. На обратном пути напали на помещика, забрали 17 000 злот[ых?]. 5.9.43 группа партизан в количестве] 18 ч[еловек]... сожгла Лесопильный завод со всем лесоматериалом. (...) 18.9.43 группа партизан в количестве 50 чел. под командованием Федора сделала нападение на город Остров. Разбили почту, телеграф, магистрат, аптеку. Взято 10 000 денег (так в тексте. – А. Г.) (...) 10.10.43 группа партизан в количестве 28 ч[еловек]... совершила налет на Гуловеное имение. Уничтожено 50 тонн ржи и 60 голов скота»⁴⁰.

В донесении польского подпольщика НСЗ с территории Львовщины описывается любопытное происшествие: «20 августа утром в деревню Завадов за Бруховичами (Львов – Рава-Русская) заявился отдел диверсантов численностью 30 человек, хорошо вооруженных, в военной форме. Диверсанты говорили по-польски очень хорошо. Спрашивали поляков, как украинцы к ним относятся. То же [спрашивали], у управляющего лигеншафта (государственного сельхозимения. – А. Г.), польского фольксдойче, у старосты и лесничего. Управляющему фольксдойче в качестве наказания отмерено в присутствии фольварковой службы и рабочих 30 палок... (Из текста следует, что экзекуция проведена в отместку за понижение зарплаты рабочим. – А. Г.). В конце диверсанты подпалили в поле 6 скирд хлеба, в пожарный насос влили нефть и приказали пожарным поливать скирды. 20.08 сожгли еще четыре скирды хлеба в Прусах подо Львовом»⁴¹.

Согласно сведениям оперативного отдела Украинского штаба партизанского движения, пусть и преувеличенным, но дающим воз-

⁴⁰ Дневник боевых действий партизанского отряда им. Калинина Черниговско-Волынского соединения, командир отряда Ковалев и др., записи до 10 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 103. Арк. 23 зв. – 31 зв.).

⁴¹ Донесение офицера НСЗ: «Репорт 14 от 26.8.43. Львов», «Леон Вжос» («Leon Wzros») (AAN. 207/7. К. 16).

возможность оценить размах экономических диверсий, украинские партизаны ликвидировали 402 промышленных предприятия, 59 электростанций, 42 водокачки, 1117 сепараторных пунктов, 915 складов⁴². Кроме этого, под «дубину народной войны», по данным УШПД, попало 1444 тракторов, 2231 иных сельхозмашин, 5422 повозок, 153 двигателя, 5280 лошадей⁴³. В эту сводку не вошло бесчисленное множество школ, конюшен и свинарников, мельниц, сельских клубов и отдельных жилых строений, зданий почты, комендатур, свиней, овец, коров, птицы, стогов сена и скирд хлеба и т. д. и т. п., уничтожение и порча которых в изобилии фиксируется в документах оккупационной администрации. Например, согласно отчету РКУ, за март–апрель 1943 г. только в генеральных округах «Киев» и «Житомир» потери продуктового сектора в виде забранного или уничтоженного партизанами составили: 3848 голов крупного рогатого скота, 1834 свиньи, 2030 овец, 6685 тонн зерна, 3354 тонны сена⁴⁴. Те же самые «ликвидированные» объекты фиксируются в сообщениях командиров партизанских отрядов руководству партизанских соединений. Деятельность советских спецподразделений по дезорганизации немецкого тыла была масштабной – возможно, превышая совокупный эффект сугубо боевых операций и нападений на железные и шоссейные дороги.

3.2. Боевые действия и диверсии на коммуникациях

Первоначально советское руководство рассматривало партизан не как диверсионные, а как боевые части Красной армии в тылу Вермахта. В перечне задач, поставленных Сталиным и его подчиненными перед партизанами в первые дни войны, не были обозначены приоритеты. Иными словами, партизанам приказывалось вредить оккупантам всеми способами и в любом месте, в том числе нападать на войсковые части, штабы, колонны Вермахта и т. д. По оценке диверсанта Ильи Старинова, «Сталин так до конца и не понял значения и возможностей партизанской войны в тылу врага... В годы гражданской войны партизаны решали свои задачи по борьбе с врагом внезапными на-

⁴² Україна партизанська... С. 238.

⁴³ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 140–141).

⁴⁴ Подсчет по: «Отчет о состоянии дел в марте и апреле 1943 г.», из РКУ предп. А. Розенбергу, V–I-301, 14 мая 1943 г. (ВАН. Р 94/18. Листы в деле не пронумерованы). Вероятно, в данном случае учитывалось как имущество, уничтоженное партизанами, так и забранное ими для себя или розданное населению.

летами и засадами, обладая большей маневренностью, чем их противник. Перед налетом на вражеские гарнизоны партизаны, обрывая проводную связь, как бы изолировали их от внешнего мира, и подвергшиеся нападению не могли получить поддержки»⁴⁵. В годы же советско-германской войны, благодаря насыщенности войск средствами передвижения, развития и распространенности радиосвязи условия изменились: «При открытых (особенно, затяжных боях) потери партизан были больше потерь противника. Для партизан открытый бой – самый невыгодный вид деятельности»⁴⁶.

Первоначальные установки Центра на бои партизан с немецкими войсками стали одной из многих причин разгрома советских формирований в первый год войны.

Оставшиеся же партизаны быстро столкнулись с новым врагом – формированиями из граждан СССР на немецкой службе, в том числе вспомогательной полицией. На борьбе полиции с партизанами целесообразно остановиться более подробно, т. к. до настоящего времени эта страница истории изучалась слабо.

Специалисты УШПД, используя специфическую ведомственную лексику, все же трезво оценивали побудительные мотивы советских людей, получивших оружие из рук немцев, подтверждая тот банальный факт, что идейно мотивированных бойцов едва ли не в любой массовой военной организации наблюдается меньшинство: «Всех предателей, находившихся на службе у немцев, можно разделить на две категории. Первая, самая незначительная, но исключительно вредная категория – это предатели, которые пошли на службу к немцам вполне добровольно из-за ненависти к советскому строю. Вторая категория, представляющая особо огромное большинство – это люди, служившие у немцев из-за трусости, потери веры в победу Красной армии, из-за желания спастись от посылки в Германию»⁴⁷.

Решение пойти на службу к немцам было в большинстве случаев свободным или же полусвободным, то есть совершенным под давлением обстоятельств, лишь в некоторых случаях сравнимым с прямой угрозой жизни. Сознательность выбора бойцов в значительной степени отличала принцип комплектования коллаборационистских частей от Красной армии или Вермахта, куда призывали всех подряд

⁴⁵ *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия... С. 140.

⁴⁶ Там же. С. 143.

⁴⁷ Инструкция «Об использовании полицейских, старост и других лиц, находившихся на службе у немцев, для диверсионной работы и разложения различных предательских организаций», утверждена Строкачом 13 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 143).

под угрозой расстрела. Неслучайно вспомогательные «восточные» батальоны в германской армии официально именовались «добровольческими формированиями» («Freiwilligenverbände»).

Ленинградский диссидент Михаил Хейфец вынужденно провел несколько лет под одной крышей с этими ветеранами Второй мировой войны и в своих мемуарах противопоставил их идейным бандеровцам: «Экс-каратели и экс-старосты иногда были вовсе не плохими от природы людьми и добрыми иногда – но они все, почти без исключения, казались мне морально сломленными, причем не зоной или войной, а еще раньше, почти изначально. Они казались нормальными советскими людьми, то есть слугами власти, любой власти – что гитлеровской, что советской, что польской, что, если появится, своей украинской. Часто это были просто человекообразные автоматы, роботы, запрограммированные на исполнение любого приказа: недаром среди самых кровавых гитлеровских убийц можно было обнаружить людей, которые после войны – до ареста – числились советскими активистами и орденоносцами. Не буду притворяться, я иногда жалел их, хотя отлично понимал, сколько людей от них пострадало, скольких они убили (и среди них – моих земляков), убили людей, мизинца которых не стоили. Честное слово, иногда казалось, что вины у них не больше, чем у овчарок, которые лаяли на заключенных концлагерей, – не больше они понимали, чем эти овчарки, и что, если посадить овчарку на 25 лет в тюрьму, какой в этом смысл?»⁴⁸

Исследования Ивана Дерейко подтверждают традиционное советское обозначение «предателей» – шкурники. Часто прямые мотивации полицаяв были совсем простыми: сравнительно высокая зарплата, льготы, в частности, при наделении землей, получение хоть какой-то власти⁴⁹. Именно поэтому костяком, т. е. структурообразующей социальной прослойкой коллаборационистских формирований стал так называемый партсовактив и советские госслужащие. В абсолютных цифрах, пожалуй, в полиции их было даже больше, чем среди партизан. Диссертационное исследование Ивана Дерейко основано на анализе 311 личных дел бывших полицейских, а также иной многочисленной документации НКВД и НКГБ. В отдельных полицейских батальонах представителей партсовактива насчитывалось до 70 %. Согласно подсчетам и выводам автора, доля таких «природных слуг режима» в полицейских формированиях Украины в среднем состав-

⁴⁸ Хейфец М. Избранное: в 3 т. Т. 3. С. 137.

⁴⁹ Дерейко І. І. Місцеві військові формування збройних сил Німеччини на території Рейхскомісаріату «Україна» (1941–1944 роки). Авт. дис. ... на здоб. наук. ступ. к.і.н. К., 2006. С. 11.

ляла одну треть. В партизанских отрядах представителей партсоактива было заметно меньше. Учитывая то, что в целом в 1941–1944 гг. полицейских было больше, чем партизан, можно полагать, что советские аппаратчики и сталинские госслужащие на оккупированной немцами территории шли в основном не в партизаны, а в полицию.

О своем основном враге в УШПД сообщали партизаны Каменец-Подольской области: «Полиция, как правило, комплектовалась из людей разложившихся, потерявших всякий моральный облик, насквозь продажных элементов, но знающих данный район, знающих советский актив, коммунистов и комсомольцев. Так, например: начальником окружной Шепетовской криминальной полиции был Константин Нейман, работавший при советской власти начальником уголовного розыска и ВРИО начальника Славутского райотделения НКВД, начальником Славутской городской полиции был Ткаченко – Дурасов, ранее работавший в Олевском погранотряде, унтер-офицером плужанской полиции был бывший начальник погранзаставы Бережнов»⁵⁰.

Пожалуй, ничто так не символизирует советский кадровый состав полиции, как вехи жизненного пути уроженца Станислава (сейчас – Ивано-Франковска) Семена Блюменштейна, с 1919 г. носившего фамилию Барановский. В 1920-е гг. он служил на руководящих постах в Подольском ГУБ ЧК (г. Винница) и Могилев-Подольском поветовом (районном) отделе ЧК. В автобиографии карьерист писал о своей «работе»: «По натуре жесток был и остаюсь к врагам народа. Собственноручно расстреливал сотни к[онтр]-р[еволюционеров]»⁵¹. В начале 1930-х гг. он служил на должностях заместителя начальника Главного управления НКВД Грузинской ССР, а потом Таджикской ССР. В 1941 г., скрыв еврейскую национальность и карательный опыт, Барановский стал начальником Краснопольской районной полиции на Сумщине. В 1944 г., утаив подробности своей деятельности под оккупацией, бывший полицейский возглавил тергруппу НКВД УССР «Заднеэстровцы», с которой в тылу Вермахта прошел сквозь всю Западную Украину в Юго-Восточную Польшу. А потом выявилась замешанность Барановского в казнях заложников в 1942–1943 гг., истязаниях подозреваемых, участие его подчиненных в убийствах партизан и их помощников из числа населения. Более того, 13 февраля 1945 г.

⁵⁰ Отчет: «Соединение партизанских отрядов Каменец-Подольской обл[асти] под командованием тов[арищей] Одуха, Кузовкова, организация разведки», июль 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 291. Арк. 84).

⁵¹ Гогун А., *Капась И.* Солдат пяти армий // Еврейская газета. № 3 (103). Март 2011. С. 23. URL: www.evreyskaya.de

подследственный заявил: «Я сам лично расстрелял [жителя села Мезеновка] Годованника»⁵², который был советским активистом. В августе 1945 г. Блюменштейна-Барановского расстреляли.

Местная полиция создавалась по всей Украине, в том числе областях, наиболее подверженных влиянию партизан – Сумской и Черниговской. Как сообщала немецкая полевая комендатура № 194 весной 1942 г., население в целом относилось к партизанам отрицательно и сразу же сообщало об их выступлениях: «В находящихся под особенной угрозой районах Корюковки и Холмов многие мужчины добровольно включились в борьбу против партизан или пошли на охранную службу. С другой стороны, силен страх перед партизанами из-за проводимого ими террора»⁵³.

Неслучайно воевавший в тех местах командир Черниговского соединения Алексей Федоров особо отмечал значение полиции в антипартизанской борьбе: «Если бы не сволочи-полицейские, партизанам в 10 раз было бы легче вести борьбу с немецкими оккупантами, имея в виду, что они (полицейские. – А. Г.) знают местность, леса, всевозможные трющобы, места расположения партизанских отрядов и только благодаря активной части личного состава полиции (кулаки, уголовники, лица репрессированные по разным политическим мотивам) немецкие части и экспедиционно-карательные отряды временами имеют некоторый успех в борьбе с партизанами»⁵⁴. Во время выступления на собрании коммунистических партизанских функционеров 13 ноября 1942 г. первый секретарь Черниговского обкома выразился еще более определенно: «На Украине главная сила, с которой мы встречаемся – это полиция»⁵⁵.

Аналогичная ситуация была и на Правобережье Украины. С Федоровым был вполне согласен глава Каменец-Подольского штаба партизанского движения Степан Олексенко: «Вообще, немцев в тылу мало... В гарнизонах немцев от 10-ти до 150-ти человек. Остальное – это сброд из Европы. В большинстве мадьяры, потом попадают

⁵² Там же. Материал написан по документам архива СБУ, дело Семена Барановского: № 148 223, ф. 64 991, т. 1–11.

⁵³ «Сообщение о бытиях отдела VII полевой комендатуры № 194 в Сновске за период с 15 апреля по 15 мая 1942 г.», высший военный управляющий совет (подпись неразб.), 20 мая 1942 г. (ВА–МА. РН 22/203. Вл. 78).

⁵⁴ Докладная записка секретаря Черниговского подпольного обкома КП(б)У А. Федорова, предп. Хрущеву, предп. конец 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 10. Арк. 195–196).

⁵⁵ «Стенограмма выступления тов. Федорова на заседании узкого ЦК КП(б)У по вопросу о работе подпольного обкома партии Черниговской области, 13.11.1942 года» (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 19. Спр. 1. Арк. 26).

чехи, словаки, французы и литовцы. Главные силы, которыми он (т. е. немец. – А. Г.) держит в руках народ – это полиция, липовые казаки, среднеазиаты: туркмены, узбеки, калмыки и немножко татары... Немец в лес боится идти, а полицейский, казак, туркмен идет»⁵⁶. В другом докладе Олексенко развивал ту же мысль: «Все экспедиции немцев против партизан проводились совместно с полицией, казаками, легионерами. Эти “наши” рыскали по лесам, по кустам, как ищейки и были всегда в авангарде немцев»⁵⁷.

Советский писатель Николай Шерemet, прошедший с отрядом Алексея Федорова многие сотни километров по тылам врага, в записке Хрущеву весной 1943 г. также отмечал роль местных формирований: «Как правило, даже по большим селам немцы не стоят, а только в районах и городах, где их гарнизоны. В селах, особенно возле лесов, много полиции. В с. Кургановка Красногорского района Орловской области в каждом третьем дворе жил полицейай. Отдельные села для обороны от партизан построили дзоты... Встречались нам на Черниговщине так называемые украинские националисты или добровольцы (108-й Житомирский и 109-й Винницкий батальоны). Это шестнадцатилетние школьники, мобилизованные немцами и брошенные на борьбу с партизанами»⁵⁸.

Пантелеймон Пономаренко писал Сталину 18 августа 1942 г., что немцы использовали все средства, чтобы привлечь к борьбе с партизанами отряды из жителей оккупированных областей: «Этим они хотят достичь того, чтобы партизаны увязли в борьбе не с немцами, а с формированиями из местного населения...»⁵⁹ Очевидно, что в значительной мере эта задача была выполнена.

С середины 1942 г., исчерпав людские ресурсы Германии, нацисты начали, помимо местной полиции, создавать более крупные формирования из граждан СССР – до батальонов, а с 1943 г. – до дивизий

⁵⁶ «Доклад о каменец-подольских партизанах по состоянию на 1 августа 1943 г.», секретарь Каменец-Подольского обкома КП(б)У С. Олексенко, в ЦК КП(б)У и УШПД, после 10 авг. 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 10. Арк. 75–76).

⁵⁷ «Отчет о работе Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У, областного штаба партизанского движения и соединений партизанских отрядов Каменец-Подольской области, апрель 1943 – апрель 1944», начальник Каменец-Подольского облштаба партизанского движения С. Олексенко Строкачу, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 73).

⁵⁸ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», писатель Николай Шерemet Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 14–15).

⁵⁹ *Романько О.* Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах Вермахта и СС. М., 2006. С. 63.

включительно. О количественном соотношении немцев и коллаборационистов, задействованных в антипартизанской борьбе, приводятся разные сведения. Например, согласно оценке российского исследователя Сергея Дробязко, оно составляло примерно 1 : 3⁶⁰. К похожим выводам пришел украинский автор Иван Дерейко, по сведениям которого соотношение немцев и украинцев в полицейских органах РКУ было 1 : 4 соответственно⁶¹. Согласно справке Г. Гимmlера от 10 мая 1943 г., силы полиции и СС в генерал-губернаторстве состояли на 53 % из поляков и украинцев, на 47 % – из немцев. На оккупированной же территории СССР соотношение немцев к местным жителям в структурах полиции и СС было 1:11 соответственно⁶². Речь идет о 27 543 служащих немецкой полиции порядка и полиции безопасности, с одной стороны, с другой – «восточные батальоны» (50 000 человек) и местные полицейские «индивидуальной службы» – 250 000 человек. Правда, следует учитывать, что против партизан воевали и части Вермахта.

Между тем в донесениях красных партизан количество убитых немцев и коллаборационистов, наоборот, как правило, составляет примерно 10 : 1⁶³. Однако партизаны в своих отчетах в Центр постоянно перевирали не только абсолютные цифры, но и соотношения убитых немцев и коллаборационистов. Происходило это по двум причинам. Во-первых, зафронтное руководство приказывало партизанским командирам воевать в первую очередь против немцев, а подчиненные в любой организации стремятся, чтобы в их сообщениях начальству последнее находило ожидаемые им сведения. Во-вторых, население оккупированных восточных областей, а также коллаборационистские формирования были инфильтрированы агентурой различных советских организаций. Поэтому данные об убитых полицаях было сложнее исказить, т. е. преувеличить или вообще выдумать.

Немецкие же документы, хотя и страдают неполнотой (особенно в отношении учета потерь «недочеловеков»), дают совсем иную картину.

Например, в тыловой зоне группы армий «Б» в августе 1942 г. партизанами было убито (в немецкой терминологии): 9 немцев, 6 венгров, 44 туркестанца, 2 казака и 15 членов вспомогательной полиции,

⁶⁰ Цит. по: *Цурганов Ю.* Двадцать второе июня // Посев. 2000. № 6. С. 4.

⁶¹ *Дерейко І. І.* Місцеві військові формування... С. 15.

⁶² Справка: «Запись в деле о борьбе с бандами», Гимmlер, 10 мая 1943 г. (В.А.В. NS 19/1706. Вл. 24).

⁶³ См., напр., сообщение Строчака Сталину о деятельности советских партизан Украины, после 1 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 189. Арк. 80).

состоявшей из украинцев (потери 1 : 4)⁶⁴. В отчете СС о борьбе с партизанами на ряде оккупированных территорий СССР (включая Украину) за август–ноябрь 1942 г. в графе «собственные потери» значилось, что немецкая полиция порядка, полиция безопасности СС потеряла: убитыми – 174, ранеными – 132, пропавшими без вести – 13. Охранные команды: убитыми – 205, ранеными – 127, пропавшими без вести – 133⁶⁵. Полиция порядка и полиция безопасности состояла из немцев; охранные команды («Schutzmannschaft») – из советских граждан. Подводя итог, потери первых и вторых: 319 и 465 соответственно (1 : 1,5).

Впрочем, иногда и отчеты партизан, в частности, в первый год войны, позволяют определить основных противников партизан того периода. Например, отряд Сабурова во второй половине декабря 1941 г. уничтожил «25 полицейских, всю местную администрацию, назначенную немцами в Суземском районе Орловской области»⁶⁶. В отчетах соединения Сабурова в НКВД УССР, а потом в УШПД количество убитых немцев тоже всегда выше количества убитых полицейцев. Однако в донесениях его подчиненных (командиров отрядов) в штаб соединения или самому Сабурову, нередко наблюдается совсем иная картина. Например, в отчете Харьковского отряда за первый год войны соотношение убитых немцев с убитыми в бою полицейскими составляет 1 : 1 (200 : 202)⁶⁷.

Немецкая разведсводка сообщала об отряде Сабурова, что он крайне активен «и постоянно предпринимает нападения на населенные пункты и украинскую вспомогательную полицию»⁶⁸.

⁶⁴ Сообщение тыловых органов Вермахта: «Выступления партизан и [их] деятельность в тыловой зоне группы армий “Б” за август 1942 г.» для командующего группой армий «Б», № 515/42 [секретно], 4 сентября 1942 г. (ВА–МА. RH 22/60. Bl. 20).

⁶⁵ «Сообщение о борьбе с бандами за период с 1.9. по 1.12.1942», Гиммлер, предп. на имя Гитлера, 26 декабря 1942 г. (ВАН. NS 19/2605. Bl. 78 Rückseite). В названии документа ошибка: данные в сводке представлены за 4 месяца – с августа по ноябрь 1942 г.

⁶⁶ «Спецсообщение о боевой деятельности партизанского отряда под командой т. Сабурова в Трубчевском районе Орловской области», начальник Штаба истребительных батальонов СССР Г. Петров, на имя наркома ВД СССР Л. Берии и др., 6 января 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 22. Л. 67).

⁶⁷ «Сведения о боевой деятельности Харьковского партизанского отряда Погорелова со дня организации», командир отряда Погорелов и др., предп. Сабурову, 16 июня 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 1–2 зв.). Помимо указанных 402 человек, некоторые категории людей, убитых в бою, невозможно определить, т. к. из данного отчета не ясно, коллаборационисты это или немцы и венгры.

⁶⁸ «Партизанские отряды в Брянском лесу», приложение к отчету «Положение партизан и борьба севернее линии Конотоп–Рыльск», командующий полевой полици-

Военная эффективность коллаборационистских формирований была различна. Небольшим партизанским группам, особенно в 1941–1942 гг., вполне успешно противодействовала местная деревенская полиция. Типичный случай описан в аналитическом отчете одной из полевых комендатур северо-востока Украины: «Ночью на 31.8.[1942] 70 бандитов с целью получения продуктов питания и зерна были в местечке Степановка, лежащем на расстоянии 21 км к юго-востоку от г. Ямполья [Сумской области]. После тревоги вс[помогательной] по[лиции] соседнего [села] Княжичи, 28 по[лицейских] внезапно напали, вследствие чего банды были обращены в бегство, оставив домашнюю птицу и телегу с зерном»⁶⁹.

Однако против отрядов, насчитывавших от 100 до 1000 человек, группа полицейских, пусть и знающих территорию, пусть получивших военную подготовку, пусть даже часто имевших превосходство в вооружении и боеприпасах, была, как правило, бессильна. В случае появления крупного отряда партизан полиция предпочитали спасаться бегством – в подвалы, в лес или в райцентры и города. В противном случае партизанами полицейские довольно легко уничтожались. Поэтому уже с начала 1942 г., но в массовом порядке – с конца 1942 – начала 1943 г. немцы стали объединять полицию нескольких сел в один куст. При появлении партизанского отряда полиция группировались в райцентре или большом селе, где могли хотя бы в ряде случаев держать оборону.

С более крупными охранными формированиями партизанам, которые особенно с середины 1942 г. нередко сами имели превосходство в вооружении (в частности, в орудиях и минометах), сражаться было довольно-таки тяжело. После того как Сумское и Черниговское соединения совершили рейд на северо-восток Украины в июне–августе 1942 г., офицеры СС сделали вывод: «Банды вступают в боестолкновения с немецкими войсками только в том случае, когда не имеют другого выхода, когда они (т. е. немцы. – А. Г.) на них (т. е. партизан. – А. Г.) нападают, или препятствуют их привычному маршруту. Также и украинская милиция не подвергается атакам, если она выступает в больших группах... Венгерские части любой силы подвергаются нападению шаек, и почти все встречи с венграми заканчивались до настоящего времени успехом банд»⁷⁰.

ей в тыловой зоне группы армий «Б» Стефаински, 914/42 с[екретно], 12 августа 1942 г. (ВА–МА. RH 22/174. Bl. 27 Rückseite).

⁶⁹ «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами», местная комендатура I (V) 268, полевая жандармерия, Шостка, 27 сентября 1942 г. (ВА–МА. RH 22/175. Bl. 39 Rückseite).

⁷⁰ «Отчет о результате сбора сведений о бандитских группах по заданию командования СД в северной части зоны ответственности группы армий “Б”», командир о-

Из соединения Ковпака, весной 1943 г. находившегося на правом берегу Днепра, представитель ЦК КП(б)У Иван Сыромолотный после ряда изнурительных боев направил в УШПД раздраженное послание: «Нетерпеливые сволочи эти немцы. Все ходят вслед. Сегодня второй день, как немного оторвались. Думали, [покой] еще будет продолжаться, но сейчас донесли, что из 2-х направлений, двумя группировками наступают. Все хотят окружить, но наша маневренность оставляет их в дураках. Не было бы обидно, если бы дрались только с немцами, а то еще на нашу голову сраная полиция и казачки мать [их] еб. Воевать не умеют, гибнут, как мухи, а покоя нам не дают...»⁷¹

В конце мая 1943 г. Ковпак, отчитываясь за очередной период борьбы, указал на отличия в поведении разных коллаборационистских частей: «В течение мая 1943 г. с националистами (т. е. с бандеровцами. – А. Г.) не встречались; полицейские, с которыми мы дрались, дерутся лучше немцев. Наши бойцы их в плен не берут, а убивают. Казачьи части в большинстве не воинственно настроены и при первом случае переходят на сторону партизан»⁷².

Если в первый год войны против полицейских партизаны в основном воевали, то с ноября 1942 г. начали стремиться либо перетянуть полицию в свои ряды, либо способствовать простому распаду (развалу) батальонов и полков. Специальная инструкция ЦШПД рекомендовала усилить разведку и агентурную разработку коллаборационистских частей, пропаганду против них. Перебежчиков предполагалось включать в партизанские ряды, при этом истребляя «враждебный элемент», активных организаторов и командиров вспомогательных формирований, а также с помощью агентурных комбинаций и провокаций направлять репрессии немцев против коллаборационистского командного состава, лояльного оккупантам⁷³.

Применение инструкции по времени совпало, удачно для Советов, с наступлением Красной армии под Сталинградом и со Сталинским рейдом соединений Сабурова и Ковпака. Командир одного из отрядов сабуровского соединения Леонид Иванов описал в дневни-

бой команды, хауптштурмфюрер СС (подп. неразб.), для командующего зоной ответственности группы армий «Б», 15 августа 1942 г. (ВА–МА. РН 22/66. Вл. 41).

⁷¹ Письмо представителя ЦК КП(б)У И. Сыромолотного Строкачу, предп. 23 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 39. Арк. 99).

⁷² Отчет командования Сумского соединения Строкачу, Ковпак и др., не ранее конца мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 87).

⁷³ Указания К. Ворошилова и Пономаренко начальникам территориальных штабов и представителям ЦШПД на фронтах о способах разложения антисоветских отрядов и частей, формируемых немцами на оккупированной территории, 6 ноября 1941 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ... С. 165–166).

ке характерный случай, произошедший 29 ноября 1942 г. на севере Житомирской области. Демонстративно окружив село Юрово, партизаны, дождавшись парламентария, послали полицаям письменный приказ сложить оружие, обещая сохранить жизнь в случае его выполнения: «Вдали из улицы показалось два неизвестных, они двигались навстречу нам, один из них нес какой-то листок бумаги. Дойдя до нас, один из них спросил: “Это ваш приказ?” Начальник штаба Процаков ответил: “Да, наш”. Неизвестный вытянулся, по-военному четко доложил майору: “Ваш приказ выполнен, оружие сложено, можете входить в село, выстрелов не последует”. Оказывается, тот, кто докладывал, и был пом[ощником] коменданта села...» Воспользовавшись телефоном полицейских, партизаны начали через переводчицу общаться с гарнизоном райцентра, от имени полицаяв прося подмоги. Потом «комбат, заругавшись, сказал немецкому коменданту Олевска: “Е[... вашу] м[ать], пока не поздно, сматывайтесь из Олевска, а то сейчас и до вас очередь дойдет”. Те, бросив трубку, куда-то исчезли. Мы, не дождавшись немецкой помощи против партизан, уехали»⁷⁴.

Общую тенденцию отметил Пономаренко в донесении Сталину о ситуации в Украине уже 1 марта 1943 г.: «Участились и принимают форму массового перехода перебежки пол ицейских с оружием в руках на сторону партизан...»⁷⁵

К лету 1943 г. неустойчивость «восточных войск» вызвала обеспокоенность не только администрации РКУ, но и тыловых структур Вермахта в Украине: «Прежде всего, настоятельно необходимо укрепить [морально-политическое] состояние местных частей... Общее количество находящихся в [тыловой] зоне ответственности [группы армий “Юг”], в подчиненных и не подчиненных [тыловым структурам Вермахта] подразделениях, задействованных восточных формированиях и добровольцев [при армии] – 80 000 [человек], носящих оружие. Из них казаки и тюркские народности воюют в значительной мере по убеждению. Преобладающее же количество остальных желает обеспечения продовольствием, одеждой и освобождения от посылки на работу в Германию»⁷⁶. Такие формирования поддавались разложению со стороны партизан.

⁷⁴ Дневник командира 2-го партизанского отряда Червоного района соединения А. Сабурова Л. Иванова, запись от 29 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 105. Арк. 24).

⁷⁵ Донесение Пономаренко Сталину о состоянии партизанского движения в Украине на 01.03.1943 г. (Україна партизанська... С. 266).

⁷⁶ «Отчет о ситуации», совет военной администрации, VII отдел командования тыловой зоной группы армий «Юг», в группу армий «Юг», № 1061/43 сек[ретно], 29 июня 1943 г. (ВА–МА, RH 22/133. Вл. 4).

Доходило до того, что целые красные отряды состояли в основном из бывших полицейав. О подобном случае сообщала секретная сотрудница Строкачу 22 марта 1943 г. из отряда Якова Мельника: «Отряд не совсем боеспособный, большей частью состоит из бывших полицейских и вновь прибывших. [В] отряде отсутствует дисциплина, что крайне необходимо в тылу врага. По сигналу “тревога – отряды готовы”, бойцы [готовы] через 20 минут. Теряются люди [по] пути следования»⁷⁷. На полученной телеграмме Строкач написал: «Разработать указания, провести чистку отряда».

«Чистить» предполагалось лишь некоторых бывших коллаборационистов. Писатель Николай Шеремет, находившийся долгое время в соединении Алексея Федорова, весной 1943 г. отзывался о бывших коллаборационистах как об умелых бойцах: «Значительная часть из перебежчиков проявили себя образцовыми партизанами (т. к. на службе немцев прошли обучение военному делу. – А. Г.) и уже имеют награды»⁷⁸.

О том же самом рассказывал и партизан Василий Ермоленко, месяц находившийся в Каменец-Подольском соединении им. Михайлова под командованием Антона Одухи: «К нему из плена бежали все, и даже юнкерская школа перешла из власовской армии. Разведка там поработала среди командного состава – и они к нам ушли. И их он к нам принял в отряд. И это были такие [квалифицированные] бойцы – потому что войну прошли не “бочком”, а всюду прошли войну, и в плену побывали»⁷⁹.

Впрочем, несмотря на общую военно-политическую ситуацию, и в 1943–1944 гг. коллаборационистские формирования оставались значимым врагом партизан. В отчете РКУ, на территории которого действовали партизаны и УШПД и БШПД, указано на соотношение погибших немцев и местных: «Потери при борьбе с бандитами составляют в апреле [1943 г.]: погибших: 116 немцев, членов полиции, 136 членов охранных команд (Schutzmannschaft, формирования из советских граждан. – А. Г.); ранены: 70 немцев, членов полиции, 70 членов охранных команд»⁸⁰. Всего – 392 человека (из них 186 немцев и 206 граждан СССР). По сведениям Вермахта, на территории Украины

⁷⁷ Радиограмма агента «Семеновой» Строкачу из отряда Я. Мельника о состоянии отряда, 23 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 37).

⁷⁸ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», писатель Николай Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 15).

⁷⁹ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

⁸⁰ «Сообщение о ситуации за месяцы апрель и май 1943 г.», рейхскомиссар Украины [Э. Кох], 14 мая 1943 г. (ВАН. R 94/18. Листы в деле не пронумерованы).

(вероятно, РКУ), за июнь 1943 г. Вермахт, его союзники и немецкая полиция потеряли 200 убитых, 195 раненых, местные формирования – 68 убитых, 107 раненых⁸¹. Как сообщал подпольщик ОУН, силы, брошенные против Сумского соединения Ковпака в июле 1943 г. в Галиции, составляли «около 10 тыс. [человек]. Наличествует много татар, грузин, калмыков, а больше всего москалей, 10 % среди них немцы»⁸² (и это не считая местной украинской полиции). Следующий пример – Восточная Украина – в тыловой зоне группы армий «Юг» с июля по сентябрь 1943 г. включительно от рук партизан пало 105 немцев и 106 представителей «местных формирований»⁸³. Примерно такое же соотношение наблюдалось и в количестве раненых. Численность же пропавших без вести среди коллаборационистов почти всегда была выше, чем у немцев, – очевидно, из-за перебежчиков или обычных дезертиров.

К сожалению, какой-то подробной развернутой обобщающей записки, в которой бы описывалась деятельность партизан и подводились ее результаты, немецкой стороной в конце 1944 г. составлено не было – во всяком случае, она до нас не дошла. Против партизан в 1941–1944 гг. на территории различных административных образований воевали представители нескольких ведомств. А общая ситуация на фронтах и в тылу Третьего рейха явно не вызывала желания загружать аналитиков Вермахта и СС кропотливой работой по подведению итогов. Однако даже приведенные выше отрывочные немецкие материалы говорят о том, что данные отдела УШПД можно считать чистой фантастикой. Ни в одном немецком документе РКУ или тыловой зоны ответственности Вермахта в Украине – докладной записке, отчете о ситуации, сводке (даже за несколько месяцев) – в сообщениях о понесенных от партизан потерях автор этих строк во время архивного поиска не встречал цифры, достигающей 1000 человек. Как правило, потери, понесенные от партизан, исчисляются десятками, иногда – сотнями человек.

Из-за отрывочности немецких данных подсчет результатов боевой деятельности партизан невозможен, поэтому ограничимся оцен-

⁸¹ «Выдержка из ежемесячного отчета № 22 командующего Вермахта в Украине от 20.7.43», предп. для экономического штаба «Восток» (ВА–МА. RW 31/250. Bl. 144 Rückseite).

⁸² Донесение территориальной организации ОУН о деятельности советских партизан на территории Станиславской (сейчас – Ивано-Франковской) области, 29 июля 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 95).

⁸³ Данные о потерях в тыловой зоне группы армий «Юг» за июль–сентябрь 1943 г., предп. октябрь 1943 г., приложение к дневнику ведения боевых действий группы армий «Юг» (ВА–МА. RH 22/161. Bl. 4, 56, 119).

кой. Представляется, что за 1941–1944 гг. партизаны НКВД УССР – УШПД в боях уничтожили около 10 тыс. немцев, их союзников и коллаборационистов (боевая деятельность отрядов ГРУ и НКВД СССР была в целом незначительна). От половины до двух третей из этой численности составляли граждане СССР, прежде всего украинцы. Примерно такое же или несколько большее число людей были ранены в боях с партизанами УССР. К этому следует добавить убитых и раненых в бою членов ОУН–УПА, общее количество которых определить крайне сложно, но, как уже говорилось, вероятно, оно измеряется тысячами человек.

Американский исследователь Дж. Армстронг, в обилии использовавший немецкие материалы, в свое время пришел к схожим выводам. По его оценкам, общая цифра безвозвратных потерь, понесенных немецкой стороной от красных партизан на всей оккупированной территории СССР (включая Белоруссию и Россию) – от 30 до 35 тыс. человек, из которых около половины были советскими коллаборационистами⁸⁴. Есть и другие оценки. В частности, немецкий автор Лутц Клинкхаммер пишет о 18 тыс. убитых (включая погибших в ходе диверсий на железных дорогах)⁸⁵. Другой германский специалист, Клаус Йохен Арнольд⁸⁶, не дает обобщающей цифры, но, согласно приведенным им сведениям, число вооруженных врагов, убитых красными партизанами, может быть несколько выше цифры, приводимой Армстронгом.

По данным же оперативного отчета УШПД, 264 тыс. «солдат и офицеров противника, полицейских и изменников родины»⁸⁷ пало и было ранено в результате боевой деятельности украинских партизан (не считая погибших вследствие диверсий). Таким образом в среднем за каждый месяц оккупации подчиненные НКВД УССР – УШПД уничтожали и ранили якобы примерно 7,5 тыс. солдат и офицеров противника – в том числе в первый, разгромный, год войны.

Самая крупная операция украинских партизан, зафиксированная немецкой стороной и встретившаяся автору в ходе архивных изысканий, была следующая: «29.4[1943] сожжена конюшня колхоза в Ку-

⁸⁴ *Армстронг Дж.* Советские партизаны... С. 54.

⁸⁵ *Klinkhammer Lutz.* Der Partisanenkrieg der Wehrmacht 1941–1944, in: Die Wehrmacht. Mythos und Realitat. Im Auftrag des MGFA hrsg. von Rolf Dieter Muller und Hans-Erich Volkmann, Munchen, 1999. S. 815–836. Цит по: *Arnold Klaus Jochen.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik... S. 477.

⁸⁶ *Arnold Klaus Jochen.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik... S. 477–478.

⁸⁷ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 140).

пище (район Коростеня [в Житомирской области]), при этом сгорели 300 венгерских евреев...»⁸⁸ Однако документы дислоцировавшегося в этом районе партизанского соединения им. Щорса не подтвердили эту информацию⁸⁹. Местный очевидец событий заявил о том, что евреев уничтожили сами венгры⁹⁰. Да и венгерское правительство в 2006 г. официально признало – в 1943 г. гонимые в Купище сами сожгли венгерских евреев, болевших тифом⁹¹. Остается только гадать: каким образом и зачем во внутреннем немецком документе, отчете функционеров РКУ, эта акция была приписана коммунистическим партизанам?

Завершая рассказ о боевых действиях красных партизан СССР, можно отметить одну их особенность: в сравнении с партизанами России и Белоруссии им была присуща высокая подвижность, маневренность, связанная с уже обозначенными факторами – относительно высоким профессионализмом руководства (Тимофея Строкача), ландшафтом, богатыми степями и лесостепями, а также недоброжелательностью населения в западных областях Украины. Возможно, что определенную роль сыграли и украинские военные традиции, пробирающиеся «наружу» сквозь фасад любого режима. Коммунистические партизанские формирования, пережившие 1941 г., были созданы на территории Сумской и Черниговской областей (левобережье Днепра, граница с Россией), однако большинство партизан УШПД в 1944 г. встретилось с Красной армией в западных областях Украины или даже в Польше и Словакии. Например, в ходе рейдов, маршей и боев соединение им. Сталина в 1943–1944 гг. прошло 4,9 тыс. км, Винницкое (1943–1944 г.) – 6,5 тыс., ковпаковское соединение (с 1944 г. – дивизия) в 1941–1944 гг. – 7,5 тыс. км. А кавалерийское соединение под командованием Михаила Наумова за годы войны прошло 9 тыс. км⁹² – путь, равный расстоянию от Берлина до Пхеньяна, или в три раза превышающий расстояние между Киевом и Па-

⁸⁸ Телеграмма: «Бандитская деятельность в генеральном округе Житомир», рейхс-комиссар [Э. Кох] в Восточное министерство, предп. А. Розенбергу, № 6349, 21 мая 1943 г. (В.В. R 6/378. Вл. 18).

⁸⁹ См., напр.: «Отчет командования дивизии [им. Щорса] о боевой деятельности и партийно-политической работе отрядов соединения за период с ноября 1942 г. по апрель 1944 г.», командир дивизии С. Маликов и др., предп. Строкачу, не ранее апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 67. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 1–120).

⁹⁰ Интервью с Виговским Владимиром (1927 г. р.), жителем с. Купище Коростеньского р-на Житомирской области, 24 августа 2006 г. // ЛААГ.

⁹¹ Память житиме в віках. 2005–09–30. URL: <http://zhitomir-region.gov.ua/index.php?mode=news&id=1078>

⁹² Україна партизанська... Passim.

рижем. Сложно не согласиться с мнением современника и участника событий писателя Николая Шеремета: «Бездеятельное существование – смертельная угроза для партизан, оно порождает беспечность, нерешительность, приводит к бытовому разложению и отталкивает население. Жизнь партизан – только в движении, в активных операциях против врага»⁹³.

* * *

Начиная примерно с середины 1942 г. и до конца войны боевая деятельность у формирований УШПД уходит на второй план. Более того, «с Большой земли» стали поступать приказы избегать открытых столкновений со сколько-нибудь крупными частями врага. Постепенно уже на рубеже 1942–1943 гг. приоритетом становятся диверсии на коммуникациях, точнее – на железных дорогах. В Кремле постепенно осознавали, что для советской стороны это был наиболее эффективный вид деятельности партизанских формирований в тогдашних условиях.

Согласно данным оперативного отдела УШПД, если в июне 1942 г. украинские партизаны подорвали 22 эшелона, то в апреле 1943 г. уже 116⁹⁴. С лета 1943 г. перед украинскими отрядами и соединениями ставились конкретные задачи по подрыву эшелонов, и за ними закреплялись участки железных дорог.

По воспоминаниям начальника штаба верховного командования Вермахта Вильгельма Кейтеля, на всем Восточном фронте армия испытывала сложности с поставками: «Суточная потребность сухопутной армии (без люфтваффе) в подвозимом довольствии составляла 120 эшелонов; во время активизации боевых действий, когда возрастала потребность в подвозимых боеприпасах и возникала необходимость отправки раненых в тыл, количество грузовых составов значительно увеличивалось; ежедневно [же] на фронт отправлялось до 100 эшелонов, да и то не всегда, если учесть, что партизаны совершали иной раз до 100 подрывов железнодорожного полотна за ночь»⁹⁵. Обратим внимание, что речь в данном случае идет не о подрывах эшелонов, а об уничтожении рельсов. По словам командира соединения ГРУ Григория Линькова, «надо, однако, отдать гитлеровцам справед-

⁹³ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шермет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 2).

⁹⁴ Украина партизанська... С. 239.

⁹⁵ Кейтель В. 12 ступенек на эшафот... Ростов н/Д., 2000. С. 314 (http://militera.lib.ru/memo/german/keytel_v/index.html).

ливость в одном отношении: была область борьбы с железнодорожными катастрофами, в которой они достигли успехов. Это ликвидация последствий крушения. За редким исключением, они успевали убрать обломки разбитого состава и восстановить движение на линии за каких-нибудь восемь или десять часов. (...) «...Гитлеровское командование организовало особые воинские части, которые прибывали к месту взрыва на специальных поездах со специально сконструированными подъемными кранами»⁹⁶.

Согласно данным оперативного отдела УШПД, украинскими партизанами было устроено 5000 крушений эшелонов (разрушено 50 тыс. вагонов, платформ и цистерн), в ходе которых убито и ранено 200 тыс. «солдат и офицеров противника, полицейских и изменников родины»⁹⁷. Получается, что в среднем в одном эшелоне партизаны якобы уничтожали 10 вагонов, убивали и ранили 40 человек. Стандартным штампом советской пропаганды было утверждение об уничтоженных составах «с живой силой и техникой».

Однако в железнодорожных перевозках Вермахта эшелоны с личным составом и техникой составляли незначительную часть. В основном по железным дорогам транспортировали продовольствие, стройматериалы, боеприпасы, фураж, различное военное снаряжение, вооружение, медикаменты, горюче-смазочные материалы и т. д. и т. п. Не будем забывать и о значительных гражданских перевозках: сельхозпродуктов, сырья, оборудования и т. д. Таким образом, даже если бы партизаны при каждом подрыве локомотива уничтожали эшелон полностью, то в большинстве случаев погибало бы менее 10 человек – техперсонал товарного (грузового) поезда и в ряде случаев охрана.

Но даже если представить, что все без исключения поезда, подорванные партизанами, были заполнены людьми, то все равно достигнуть такого результата – 40 человек – при каждом подрыве едва ли возможно. Повреждение локомотива не всегда ведет к крушению даже одного вагона, тем более – поезда. А железнодорожная катастрофа, выразившаяся в крушении пассажирского поезда, далеко не всегда сопровождается жертвами, тем более десятками жертв.

Добавим также, что для того, чтобы разрушить локомотив, т. е. большую машину весом в десятки тонн, недостаточно, например, противопехотной мины. Даже просто повредить паровоз, вызвать его сходжение с рельсов и тем более сходжение с рельсов следующих

⁹⁶ *Линьков Г. М.* Война в тылу врага. М., 1959. С. 351.

⁹⁷ Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 гг., начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 140).

за ним вагонов – тяжелая задача. Ковпак вспоминал, что на рубеже 1942–1943 гг. на Полесье Сумское соединение встретилось «с белорусскими партизанами соединений т.г. “Комарова”, “Бати” и другими... Когда они рассказывали о своей работе, что они сотни эшелонов пустили под откос, мною был задан вопрос: “Сколько вы ложите тола в заряд, чтобы подорвать эшелон?” Они ответили: “4 килограмма”. Ответ наш им был таков: “Разрешите вам не поверить, что столько эшелонов вами пущено под откос. Факты: мы много сотен километров прошли, в том числе и территорию вашей деятельности, и нигде не обнаружили ни одного эшелона, даже не встретили ни одного колеса, что бы говорило о фактах вашей диверсионной работы”. Мы категорически опровергли, что 4 кг могут вывести из строя эшелон, т. к. это немыслимо в зимнее время. Нами это было проверено, и перед лицом всего соединения продемонстрировано, что именно 4 килограмма тола в состоянии вырвать кусок рельсы длиной до 0,5 метра и в зимних условиях эшелон спокойно проходит без крушения. Чтобы не втирать очки руководящим органам, посоветовали им положить в заряд не 4 килограмма, а 8 килограммов...»⁹⁸

При этом многие попытки диверсий немецкой стороной срывались. Например, по сведениям немцев, в июне 1943 г. в РКУ «в 160 случаях попытки подрывов предотвращены: найдены мины или группы диверсантов были отогнаны»⁹⁹.

Конкретные результаты диверсионной деятельности партизан на железных дорогах видны на примере многочисленных отчетов различных оккупационных структур.

Сводка СД со всей территории СССР, датированная 5 июня 1942 г., описывает события в Украине за один месяц: «В зоне ответственности Житомир на перегоне после Фастова были удалены гвозди и шурупы из железнодорожного полотна, из-за чего локомотив и 4 вагона сошли с рельс... В зоне ответственности Николаев сошли 20.5.1942 г. с рельс несколько вагонов, причем несколько военнослужащих Вермахта было ранено. Вредители, 13 человек, в том числе предполагаемый руководитель группы, были арестованы»¹⁰⁰.

⁹⁸ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строчачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 47–48).

⁹⁹ «Выдержка из ежемесячного отчета № 22 командующего Вермахта в Украине от 20.7.43», предп. для экономического штаба «Восток» (ВА–МА. RW 31/250. Bl. 145).

¹⁰⁰ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 6», начальник полиции безопасности и СД, 5 июня 1942 г. (ВAB. R 58/697. Bl. 109).

А вот то же сообщение СД, и, что важно, о поезде, перевозившем людей: «22.5.42 железнодорожные пути между Здолбуновым и Киевом были взорваны: поезд, транспортировавший войска, сошел с рельс, сообщается о примерно 5–8 убитых, 25 раненых, в том числе тяжело раненых»¹⁰¹.

Север Сумщины: «25.8 [1942] в 11 часов наехал на мину поезд Шостка – Глухов... Людям вреда не причинено, только имуществу. (...) 31 авг[уста] 1942... В 6 часов утра 6 км севернее Коньшевки поезд наехал на мину. Рельсовые пути и локомотив были повреждены»¹⁰².

На железной дороге Шепетовка – Новгород-Волынский 9 июня 1943 г. «транспортный поезд... наехал на мину и сошел с рельс – 3 солдата погибли»¹⁰³.

В сводке с правобережья Украины перечисляются «наиболее значимые нападения», совершенные в генеральном комиссариате «Житомир» в сентябре–октябре 1942 г.: «30.9.42 особый поезд президента дирекции имперских железных дорог в Киеве примерно в 2 км западнее города Лугины [Житомирской области] наехал на мину. 11.10.42 на перегоне Винница – Казатин был спущен с рельс поезд-лазарет. В этот же день на отрезке Копшевичи – Старушки (сейчас – Петриковский район Гомельской области Белоруссии) поезд наехал на мину, причем паровоз и 16 вагонов сошли с рельс и машинист был убит. 16.10.42 сошел с рельс поезд с бензином с 29 вагонами на участке Житомир – Фастов. 21.10.42 на участках Копшевичи – Старушки, Птичь-Коршевка [БССР] и Цвяхель (т. е. Новгород-Волынский. – А. Г.) – Шепетовка поезда наехали на мины. 23.10.42 на отрезке Коростень – Олевск поезд наехал на мину, вследствие чего сошли с рельс локомотив и 4 вагона. Машинист был убит и 3 железнодорожных служащих ранены... 28.10.42 курьерский поезд [около города] Ельска (сейчас – Гомельская область Белоруссии) с силами – 2 жандарма, десять латышских солдат и 20 членов охранных команд – 25 км к западу от Ельска подвергся нападению бандитов, численностью

¹⁰¹ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 7», начальник полиции безопасности и СД, 21 июня 1942 г. (ВАН. R 58/697. Bl. 135).

¹⁰² «Сводная тетрадь об опыте, полученном в борьбе с бандами за август 1942 г.», полевая комендатура (V) 194, предп. для командующего тыловой зоной группы армий «Б», не ранее 31 августа 1942 г. (ВА–МА. RH 22/174. Bl. 58, 58 Rückseite).

¹⁰³ Справка «Потери гражданской администрации и Вермахта, понесенные от банд в генеральном округе Волынь-Подолье за период с 9 по 15 июня 1943 г.», приложение к сообщению генерального комиссара округа «Волынь-Подолье» Шене Розенбергу о положении на Волыни, 18 июня 1943 г., V – I 2107/43 (ВА–МА. RW 31/252. Bl. 42).

от 200 до 250 человек. При этом были убито 2 жандарма, 24 членов охранных команд и гражданских лиц»¹⁰⁴.

Обратим внимание: даже в перечне самых важных диверсий на железных дорогах 8 из 9 подрывов поездов привели к 2 смертям и трем ранениям. Одно нападение из этих 9 – когда партизаны не просто подорвали поезд, а после этого провели нападение крупными силами на весь состав, – привело к гибели 26 человек. А такой вариант действий для советских отрядов был редкостью.

УШПД оценивал диверсионную деятельность партизан по количеству подорванных, а не разгромленных эшелонов. К тому же боеприпасы, особенно в 1943–1944 гг., были слабым местом украинских партизан. Поэтому диверсионная группа, как правило, заложив мину, отходила на почтительное расстояние от места подрыва и потом на поезд не нападала, а то и вообще, не дожидаясь взрыва, возвращалась на базу. И даже если выводить общую статистику из этих приведенных выше наиболее успешных диверсионных действий партизан Правобережья осени 1942 г., то в среднем партизаны убивали 3 человека при подрыве одного поезда.

Однако при оценке эффективности диверсий на коммуникациях важен не только учет прямых результатов подрывов – убийств людей, порчи железнодорожного полотна и подвижного состава. Диверсии замедляли пропускную способность дорог, т. к. рельсы и насыпи, разрушаемые или повреждаемые мосты и железнодорожное оборудование необходимо было чинить. Но еще важнее было то, что железнодорожники примерно с весны 1943 г. существенно снизили скорость движения поездов, чтобы свести к минимуму повреждения паровозов и вагонов при крушениях и авариях, вызванных взрывами партизанских мин.

Немцам несколько удалось снизить количество жертв при авариях. Ситуация весны 1943 г., Правобережье Украины: «Ночью с 4 на 5.5 на участке Житомир – Цвяхель (т. е. Новгород-Волынский. – А. Г.)... поезд наехал на мину и понес повреждения. (...) На железнодорожном перегоне Житомир – Байахель (? – А. Г.) ... взорвались мины, причем в одном случае 1 вагон сошел с рельс. (...) На перегоне Житомир – Фастов... поезд наехал на мину и был обстрелян»¹⁰⁵. О людских потерях не сообщалось.

¹⁰⁴ «Отчет о состоянии дел генерального комиссара Житомира за месяцы сентябрь и октябрь 1942 г.», генеральный комиссар генерального комиссариата «Житомир» Лейзер, предп. для Э. Коха, Пс – А1 – 420, 4 ноября 1942 г. (ВАН. R 6/687. Bl. 88–89).

¹⁰⁵ Телеграмма: «Бандитская деятельность в генеральном округе Житомир», рейхскомиссар [Э. Кох] в Восточное министерство, предп. А. Розенбергу, Nr. 6349, 21 мая 1943 г. (ВАН. R 6/378. Bl. 18 Rückseite f.).

Даже подрыв поездов, перевозивших людей, не приводил к очень большим жертвам. В бандеровском отчете с территории Львовской области указывается: «31.5.44 за Олешичами заминировали пассажирский поезд, причем 7 человек убитых, много раненых»¹⁰⁶.

Самая крупная железнодорожная диверсия, результаты которой были найдены автором в немецких документах, касающихся Украины, относится к марту 1944 г.: «В 27 км западнее Жмеринки 1 поезд-лазарет наехал на мину. 59 убитых, 200 раненых»¹⁰⁷. Речь идет об экстраординарном случае, попавшем в недельную сводку генштаба Вермахта, описывающую партизанские действия на всей территории СССР.

Что же касается общего количества поездов, подорванных партизанами НКВД УССР – УШПД, то, к сожалению, точно определить его невозможно. Соответствующих обобщающих сведений в немецких архивах, очевидно, не сохранилось. Наиболее надежным источником на настоящий момент является работа бывшего начальника транспортной службы Вермахта Ханса Поттгиссера «Германские железные дороги в Восточном походе». Согласно его данным, в 1942–1943 гг. партизаны на всей территории СССР повредили примерно 6400 паровозов и повредили или уничтожили примерно до 20 тыс. вагонов¹⁰⁸. К сожалению, в указанной работе данные за первую половину 1944 г. отсутствуют. Если для показателей первой половины 1944 г. взять среднемесячные показатели 1943 г., то получится, что за 1942–1944 гг. диверсанты всех ведомств на всей оккупированной территории СССР повредили или разрушили около 9000 локомотивов. По сведениям же ЦШПД, широко введенным в научный оборот, партизаны устроили свыше 20 тыс. крушений поездов¹⁰⁹, т. е. в 2,2 раза меньше. Перенеся то же самое соотношение на данные УШПД, получим около 2300 подорванных паровозов и на территории Украины в 1941–1944 гг. Поскольку эта цифра является не подсчетом, а экстраполяцией, настаивать на ее точности нельзя.

¹⁰⁶ Сообщение подпольщика ОУН: «Равщина. Вести с территории за период от 01.06 до 15.06.1944», не ранее 15 июня 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 126. Арк. 90).

¹⁰⁷ «Отчет о ситуации с бандами за период с 8 по 16.3, № 42/44», сводка генштаба Вермахта для руководителя промышленного штаба «Восток» и др., 21 марта 1944 г. (ВА–МА. RW 31/252. Bl. 104).

¹⁰⁸ *Pottgieser Hans. Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzug 1939–1944. Stuttgart, 1960. S. 93.* Подсчет произведен по графикам: к сожалению, автор не привел точных цифровых данных в сводной таблице.

¹⁰⁹ См., напр., статью «Партизанское движение в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.» в Большой советской энциклопедии (<http://slovari.yandex.ru/>).

Такое количество поврежденного подвижного состава в любом случае являлось ощутимым ударом по тылам Вермахта. Потери же личного состава были сравнительно невелики. Согласно данным того же Поттгиссера, на территории, подотчетной Минскому имперскому управлению путей сообщения (Белоруссия), с 1942 г. по 31 марта 1944 г. в ходе нападений партизан на железные дороги было убито 158 немецких железнодорожников и 1073 солдат, ранено 1212 немецких железнодорожников и 3670 солдат¹¹⁰. Поттгиссер довольно высоко оценил именно партизанскую борьбу: «Потери личного состава железных дорог были больше, чем от воздушных налетов и [не вызванных диверсиями] железнодорожных катастроф на востоке, вместе взятых»¹¹¹. Однако, если брать сугубо безвозвратные потери от операций «народных мстителей», то они составят один батальон за более чем 2 года войны, или до 2 полков санитарных потерь. И это во всей Белоруссии. Очевидно, что в Украине потери немцев были меньше, т. к. и партизан в УССР было значительно меньше.

Косвенно такие скромные цифры подтверждаются и количеством восстановленных локомотивов. К сожалению, точные цифры опять отсутствуют, но в работе Поттгиссера есть два показательных примера: за сентябрь 1943 г. на всей оккупированной территории СССР было повреждено 649 локомотивов, «из них 357 так сильно, что их для ремонта пришлось везти на родину [в Германию]»¹¹². Это означает, что остальные 45 % чинили или оставляли на месте. За весь 1943 г. «на востоке» было тяжело повреждено 5250 локомотивов, из них «до 80 локомотивов (т. е. всего 1,5 %. – А. Г.) лежали со значительными повреждениями, понесенными от взрыва, под откосами путей»¹¹³. Вероятно, какая-то часть приведенных в состояние полной негодности локомотивов все же доставлялась в депо, но в любом случае приведенная статистика выглядит так, что подавляющее большинство паровозов, подорванных партизанами, подлежало ремонту и восстановлению – обычно довольно быстрому. Следовательно, данная статистика подтверждает приведенные выше примеры из сообщений немецких тыловых структур о скромных результатах подрывов подвижного состава железных дорог. Лишь малая часть даже удавшихся диверсий приводила к масштабным крушениям поездов и значительным людским жертвам.

¹¹⁰ *Pottgieser Hans*. Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzug... S. 89.

¹¹¹ *Ibid.* S. 90.

¹¹² *Ibid.*

¹¹³ *Ibid.*

Суммируя приведенные сведения, можно полагать, что украинские партизаны сумели в годы войны повредить от 2 до 3 тыс. паровозов и примерно 5–10 тыс. вагонов. Представляется, что в ходе этих диверсий погибло от 1 до 3 тыс. и было ранено от 3 до 10 тыс. солдат и офицеров противника, железнодорожников и гражданских лиц.

Приведем для сравнения данные о крушениях, устроенных английскими спецподразделениями совместно с силами французского Сопротивления в оккупированной Франции. К сожалению, не ясно, насколько достоверными источниками пользовался британский исследователь, однако какие-то сведения лучше, чем никаких: «В период между июнем 1943 года и маем 1944 года было уничтожено или повреждено 1822 локомотивов, 200 вагонов, а 1500 [вагонов] получили серьезные повреждения»¹¹⁴.

Можно добавить, что на железных дорогах оккупированных немцами территорий СССР на 1 января 1943 г. работало 111 899 немцев и 633 935 представителей местного населения, в Украине же доля местных рабочих и служащих железнодорожного транспорта вообще достигала 88,5 %¹¹⁵. Таким образом при масштабной, кропотливой и успешной агентурной работе советской стороны, в том числе партизан, среди работавших на немцев граждан СССР, ущерб коммуникациям Вермахта мог бы быть значительно выше.

* * *

Любой исследователь сталкивается с сильным разрывом между данными УШПД и тем, что говорят об эффективности деятельности партизан немецкие источники. Приведем сведения Строкача еще раз: в 1941–1944 гг. только партизанами НКВД УССР – УШПД в ходе боевых действий и диверсий было убито и ранено 464 682 солдата и офицера противника, включая коллаборационистов. Если к этому мы добавим результаты деятельности других ведомств, проводивших борьбу за линией фронта, а также «неорганизованных партизан», то можно вообще получить цифру в полмиллиона убитых и раненых украинскими партизанами (к слову, примерно столько же, сколько в изобиловавшей партизанами Белоруссии). Согласно основывающимся на немецких данных оценкам автора, в ходе атак, диверсий, разнообразных акций партизан и антипартизанской борьбы в Украине в 1941–1944 гг. погибло от 10 до 15 тыс. солдат и офицеров Вер-

¹¹⁴ *Кукридж Э.* Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940–1945 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2003. С. 258.

¹¹⁵ *Pottgieser Hans.* Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzug... S. 58.

махта, полиции и СС, союзников немцев и коллаборационистов, и примерно в полтора раза больше было ранено. Представляется, что партизаны и УШПД в своих отчетах преувеличили эффективность партизанской борьбы в 10–20 раз. Сами же партизаны, согласно данным УШПД, в 1941–1944 гг. потеряли убитыми и умершими от ран 14 тыс. человек, ранеными 10 тыс. человек¹¹⁶ (не считая потерь отрядов ГРУ и НКВД СССР, а также 30 тыс. партизан, «исчезнувших» в 1941–1942 гг.). Причем цифра в 24 тыс. убитых и раненых советских партизан также не окончательная, т. к. партизанские командиры периодически занижали или скрывали данные о потерях в собственных рядах. Примером может служить история Карпатского рейда Сумского соединения, в начале операции насчитывавшего 1900 человек. Согласно отчетным документам ковпаковцев, количество убитых, пропавших без вести и умерших от ран составило приблизительно 430 человек. По спискам же личного состава соединения безвозвратные потери составили 600 человек. При этом из 415 членов и кандидатов в члены компартии в рейде погибло или пропало без вести 130 человек¹¹⁷. В условиях далеко не идеально поставленного в других отрядах ведения документации скрывать потери иногда неплохо удавалось. Таким образом, представляется, что потери немецкой стороны были не больше потерь партизан.

Партизанская, зафронтовая борьба куда более, чем действия регулярной армии, располагает к развитию фантазии у рядовых и командиров, составляющих отчеты о собственных успехах. Конкретный результат схваток и диверсий крайне сложно проверить, а в ряде случаев просто невозможно.

Будем учитывать также, что красные партизаны были частью советской системы, для которой приписки являлись неотъемлемой и важной сущностной характеристикой многих видов отчетности. И это не случайно – в закрытом обществе при отсутствии свободы прессы и необходимости власти регулярно отчитываться перед народом искаженная статистика получает широчайшее распространение в госсистеме.

Поэтому приведем несколько примеров того, как и по каким схемам возникали партизанские приписки.

Довольно буйно красноречие играло у партизан всех уровней. Сложно как-то комментировать следующий фрагмент сообщения начальника 1-го отдела УШПД подполковника Погребенко о ситуации в Ковпаковском соединении: «Коммунисты-партизаны показывают образцы героизма и смелости в борьбе с фашистами: (...)

¹¹⁶ Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 15.

¹¹⁷ Від Полісся до Карпат... С. 25.

Боец – Кобяковский Иван Александрович, будучи в разведке с группой партизан, численностью в 7 чел., вступил в бой с отрядом противника количеством в 20 чел., полностью разгромил фашистов, оружие которых доставил в отряд. (...)

Молодой коммунист – боец Терешин (отряд Иванова) в упор расстрелял из своей винтовки 12 фашистов, пытавшихся захватить его живым, и благополучно вышел в расположение своего отряда. Командир группы Хомути (отряд Иванова) вместе со своей группой во время боя, подпустив гитлеровцев на 25–30 метров, расстрелял в упор из пулемета до 350 фашистов»¹¹⁸. Отчет был составлен на основании донесений самих партизан.

Но и их командир был не всегда честен.

По сведениям Ковпака, нападение Сумского соединения на Лельчицы в конце ноября 1942 г., стоило жизни 500 немцам и полицейским¹¹⁹. А данные гражданской оккупационной администрации свидетельствуют: с немецкой стороны погибло 80 человек¹²⁰.

Искажали партизаны и партизанские командиры не только абсолютные цифры результатов боевой и диверсионной деятельности, но и качественные показатели собственной эффективности. Например, Сабуров более или менее правдиво информировал УШПД об итогах нападения собственных отрядов на Столин в январе 1943 г. Однако в его донесении, позже вошедшем в отчеты более высокого уровня, утверждается, что партизаны уничтожили «дом отдыха с немецкими офицерами и их женами»¹²¹. Между тем убитые в собственных квартирах немцы были не офицерами, а простыми сотрудниками строительной организации Тодт, причем о гибели их супруг соответствующее донесение СД не сообщает¹²².

¹¹⁸ Сообщение «О состоянии партийно-массовой работы в объединенном партизанском отряде Ковпака», начальник оперативного отдела УШПД В. Погребенко предп. для Строкача, 26 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 555. Арк. 5).

¹¹⁹ Докладная записка «О состоянии партизанского движения на Украине с 1 октября 1942 года по 1 апреля 1943 года и о плане мероприятий на весенне-летний период», Хрущев Сталину, после 1 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 16. Арк. 12).

¹²⁰ Телеграмма заместителя Э. Коха Даргеля из Ровно в министерство по делам оккупированных восточных областей о деятельности партизан, № 7148, 10 декабря 1942 г. (ВАН. NS 19/1433. Вл. 111).

¹²¹ Докладная записка «О состоянии партизанского движения на Украине с 1 октября 1942 года по 1 апреля 1943 года и о плане мероприятий на весенне-летний период», Хрущев Сталину, после 1 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 16. Арк. 11).

¹²² «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 40», шеф полиции безопасности и СД, 5 февраля 1943 г. (ВАН. R 58/223. Вл. 167).

Спустя полгода о подобном случае, произошедшем в ходе разгрома Давид-Городка 25 июля 1943 г., Судоплатов кляузничал в ЦШПД: «Сабуров доложил т. Строкачу, что во время этого налета убито 139 немецких солдат и местных полицейских. На самом деле убитых до 20 человек. Причем неизвестно, полицейские ли это или жители местечка»¹²³.

Вскрываются приписки и благодаря документам разных партизанских отрядов. Например, 23 июня 1943 г. начальник оперативного отдела УШПД Владимир Соколов отправил командиру Черниговского соединения Николаю Попудренко гневную радиограмму: «По донесению Салая (командира дислоцировавшегося рядом Полтавского соединения. – А. Г.), истреблено всего 114 фашистов, а не 780, как указываете вы»¹²⁴. Не исключено, что и М. Салай преувеличил число немцев, уничтоженных двумя соединениями в ходе совместной операции по разгрому райцентра, но даже в этом случае донесения двух командиров о результатах одного и того же боя разнятся всемерно.

Нередко один и тот же партизанский командир с течением времени изменял показания о своих подвигах. Например, Сидор Ковпак, отчитываясь о штурме Делятина и бое около с. Белые Ославы, 12 августа 1943 г. в радиограмме № 200 в УШПД количество убитых немцев и венгров оценил в 125 человек (при 70 убитых партизанах). А согласно составленному позже обобщающему оперативному отчету Сумского соединения, в этом бою погибло уже свыше 500 солдат и офицеров противника¹²⁵.

Сводка аппарата Эриха Коха в восточное министерство информирует нас о том, что на территории рейхскомиссариата за май–июль 1943 г. было совершено 1009 нападений на железные дороги¹²⁶. (На тот момент основная часть партизан УШПД была переведена с Левобережья на территорию РКУ. А та диверсионная деятельность, которую весной–летом 1943 г. вели подчиненные Строкача на землях Украины, не входящих в РКУ, вряд ли превышала суммарное количество диверсий, проведенных в РКУ диверсантами иных ведомств, и на севере РКУ отрядами БШПД.) По сведениям оперативного отдела

¹²³ Сообщение Судоплатова для Пономаренко об уничтожении соединением Сабурова Давид-Городка, № 4/3/2457, 18 августа 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 748. Л. 154).

¹²⁴ Радиограмма заместителя начальника УШПД В. Соколова командиру Черниговского соединения Н. Попудренко о характере взаимодействия с Полтавским соединением, исх. № 3270, 23 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 94. Оп. 1. Спр. 7. Арк. 3).

¹²⁵ Від Полісся до Карпат... С. 19.

¹²⁶ «Сообщение о событиях. Здесь: нападения на железные дороги», из аппарата РКУ в Министерство по делам оккупированных восточных областей, № 11398, 24 августа 1943 г. (ВАН. R6/378. Вл. 26).

УШПД, основанным на донесениях самих партизан, за указанные три месяца количество подорванных эшелонов составило около 600¹²⁷. Если на тот момент статистика подрывов партизанами и искажалась, то, вероятно, не сильно: результат в один подорванный эшелон на две заложенные мины или попытки подрыва в тех условиях был вполне достижим.

Причем, по данным немцев, партизаны в мае совершили 312 нападений на железные дороги, в июне – 315, и в июле – 385, т. е. с мая по июль этот показатель вырос не сильно – на 22 %. Согласно же сведениям оперативного УШПД, количество подорванных локомотивов за этот же период увеличилось ровно втрое. Вероятнее всего, на ужесточившиеся летом 1943 г. требования Строкача подрывать как можно больше эшелонов партизаны ответили не только реальным ростом показателей, но и увеличением числа «бумажных диверсий».

Не случайно 3 августа 1943 г. командир отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения, опытный диверсант Григорий Балицкий сделал запись в своем дневнике: «Получил радиограмму от тов. Федорова. “7 батальон [нашего соединения] уничтожил 19 поездов. Федоров–Дружинин”... Спрашивается, где он мог уничтожить 19 поездов, когда дорога Ковель – Сарны почти не работает, днем поезда ходят, а ночью вообще никакие поезда не ходят? Спрашивается, где же 7 батальон уничтожает поезда?»¹²⁸

Спустя пару дней, 5 августа 1943 г. Строкач дал за линию фронта раздосадованную радиограмму: «Всем командирам соединений и отрядов. Имеются случаи донесений о крушениях поездов, которые агентурными данными и сообщениями соседних отрядов опровергаются. Предупреждаю под личную ответственность командиров и комиссаров соединений и отрядов: сведения должны быть проверены и правдивы. Виновных за ложные донесения строго наказывать. Исполнявший отряд – при возможности фотографируйте крушение»¹²⁹.

Очевидно, приказ особенного действия не возымел. Ровно через месяц командиры двух партизанских соединений Ровенщины Василий Бегма и Иван Федоров, обиженные действиями своего коллеги Алексея Федорова, пожаловались Хрущеву и Строкачу на то, что

¹²⁷ Подсчет по: 1) Украина партизанська... С. 239; 2) Отчет оперативного отдела УШПД за 1942–1944 г. Начальник оперативного отдела УШПД Бондарев, не ранее 1 сентября 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 73–75).

¹²⁸ Дневник Балицкого, запись от 3 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 37).

¹²⁹ Дневник Балицкого, запись от 5 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 140).

последний присваивает в собственных отчетах результаты диверсий их подчиненных и партизан отрядов РУ ГШ КА: «Все подрывные группы, действующие на железных дорогах Брест – Ковель, Брест – Пинск, Ковель – Сарны, никакого отношения не имеют к [Алексею] Федорову, но он берет на учет все взрывы на этих дорогах и сообщает [в] Москву, как подрывы его отрядов. Такое поведение не более, как обман правительства»¹³⁰.

Вскоре и автора этой жалобы, опытного партократа, УШПД поймал на лжи. О результатах одной из операций, в которой участвовало около 1000 человек, Бегма так донес в Украинский штаб: «В результате шестичасового боя с противником заняли всю северную часть города [Ракитно], вплотную до [железнодорожной] ст[анции] Ракитно. Разбили несколько станционных построек, порвали до 2 км ж. д. полотна, вывели из строя водокачку». Разведотдел УШПД оценивал этот бой куда более сдержанно: «Это сообщение Бегмы является очковтирательством... О готовившейся операции из-за полного отсутствия конспирации в соединении снова знало население. Единого командования различными отрядами не было. Когда немцы открыли огонь, бойцы растерялись, командиры начали обсуждать чуть ли не голосованием, идти ли вперед, или отойти. В результате большинство бойцов отошли по болоту, бросая вооружение и имея потери. Водокачку ст. Ракитно никто из строя не выводил. Когда диверсионные группы стали рвать полотно, то из-за их неправильной расстановки и слишком большого числа групп среди диверсантов были раненые от своих же мин... Операция окончилась полным провалом и напрасной тратой боеприпасов»¹³¹.

Преувеличивали партизанские командиры и результаты борьбы против УПА. Например, согласно рассказу комиссара Каменец-Подольского партизанского соединения Игната Кузовкова о бое с УПА около с. Теремно в конце июля 1943 г., во время этой операции националисты бросили против четырехсот партизан 10 000 человек, в ходе атак потеряв 250 человек убитыми и 550 ранеными¹³². Это чи-

¹³⁰ Радиограмма командира Ровенского соединения № 1 В. Бегмы и др. Хрущеву и др. о действиях командования Черниговско-Вольнского соединения А. Федорова, 5 сентября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1340. Арк. 50).

¹³¹ Из докладной записки сотрудников разведотдела УШПД Череваша и Кушнарева Строкачу о состоянии ряда партизанских отрядов и соединений Украины, 22 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 41. Арк. 220–222).

¹³² «Стенограмма беседы с командиром партизанского соединения Каменец-Подольской области тов. Одуха А. З. и комиссаром тов. Кузовковым И. В., беседу проводил зав. сектором информации отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)У тов. Слинько И. И.», 12 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 74. Арк. 42 зв. — 45).

стая фантастика, поскольку вся УПА на тот момент насчитывала около 10 тыс. человек, а в указанной операции участвовало только 2 куреня (батальона) УПА, всего примерно 1000 человек. Этот бой УПА выиграла, а потерять 80 % состава и при этом победить невозможно. К сожалению, не сохранилось отчета со стороны УПА о той же операции, но сохранились воспоминания, согласно которым повстанцы потеряли «девятнадцать убитых и свыше пятнадцати раненых»¹³³. Сами партизаны, по сведениям националистического мемуариста Скорупского, потеряли 54 человека убитыми (включая поляков из дружественного красным соседнего полупартизанского лагеря) и несколько человек пленными. По словам же Кузового, потери красных были совсем незначительные: «6 убитых, 6 чел. раненых, все они выздоровели, ни один не умер».

В борьбе с приписками в 1943–1944 гг. Строкач ограничивался посылкой гневных радиogramм в отряды. Никакой проверки реальных результатов боев и диверсий своих подчиненных предпринято не было. Это наводит на мысль, что Строкач довольно спокойно относился к разгулу фантазии своих подчиненных, возможно, потому, что сам составлял отчеты для руководства, в которых стремился на конкретных цифрах показать себя талантливым организатором и руководителем.

Но и у Строкача было как непосредственное начальство, так и просто командование, стоящее выше него в советской системе власти. Один из заместителей Сталина Георгий Жуков, видя, что в 1943–1944 гг. Вермахт хоть и отступал, но удерживал фронт, засомневался в том, что сообщения партизан о многих тысячах разбитых поездов соответствуют действительности. Поэтому Военный совет 1-го Украинского фронта, после изгнания немцев с большей части территории Украины, совместно с УШПД провел проверку результатов деятельности партизан. Поскольку проверяемые сами были привлечены к данному «исследованию», инспекция показала, что «действительное количество произведенных партизанами крушений на железных дорогах в среднем было больше на 30 %, чем числится по сводкам Украинского штаба...»¹³⁴ Позже Строкач объяснил наличие неучтенных успехов диверсионной деятельностью РУ ГШ КА, армейских групп,

¹³³ *Скорупський М.* Туди, де бій за волю. К., 1992. URL: // <http://www.geocities.com/upahistory/skorupski/part3.html>

¹³⁴ Сообщение о результатах проверки УШПД донесений партизанских отрядов об их диверсионной деятельности на железных дорогах, Строкач для заместителя наркома обороны СССР Г. Жукова, № 002 667, 28 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 77. Арк. 52–53).

НКГБ СССР, подпольщиков и «вневедомственных» партизан. Для того чтобы эффективнее воздействовать на сознание Жукова, к своей докладной записке начальник УШПД приложил несколько впечатляющих фотографий крушений, совершенных его подчиненными. В итоге данные УШПД были направлены Верховному главнокомандующему, а позже вошли в научные работы, советские и в ряде случаев даже в постсоветские школьные учебники истории.

3.3. Террор

Озаглавив настоящий раздел, исследователь обязан определить террор, отделив его от боевых действий партизан. В данной работе понятие «террор» трактуется довольно широко: убийство или причинение тяжелого физического ущерба невооруженным людям, не оказывающим сопротивления. Например, уничтожение и ранение в бою солдата Вермахта, полицая или бойца УПА являлось не террором, а результатом ведения боевых действий. Целенаправленный расстрел тех же самых людей, находящихся в плену, уже квалифицируются в представленной монографии как репрессии. То же самое относится, в частности, к убийствам и даже ранениям сельских старост, подпольщиков ОУН, членов их семей.

Поместив террор в категорию основных направлений деятельности партизан, сделаем одну оговорку. Если едва ли не любые диверсии красных в отношении хозяйственных объектов или на коммуникациях, а также их бои с врагами вызывали одобрение НКВД УССР – УШПД и Кремля, то в отношении партизанских репрессий так однозначно сказать нельзя.

Террор, проводившийся красными партизанами в 1941–1944 гг., можно разделить на 3 вида (категории): репрессии, устраивать которые зафронтовые руководящие центры прямо приказывали, террор, который допускался со стороны Центра, и, наконец, репрессии, в той или иной степени запрещаемые военным и политическим руководством партизан. Однако это деление весьма условно. При оценке роли зафронтового руководства в партизанском терроре, а также в иных разнообразных проявлениях «инициативы на местах» часто не учитывается тот простой факт, что попустительство является одним из проявлений человеческой воли.

* * *

Уже в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) парторганизациям прифронтовой полосы от 29 июня 1941 г. содержалось указание:

«В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»¹³⁵.

Те же самые слова Сталин произнес в своем радиобращении 3 июля 1941 г.¹³⁶

Установки Кремля спускались вниз представителями среднего уровня власти.

21 июля 1941 г. в директиве начальника охраны войскового тыла Юго-Западного фронта приказывалось: «Одновременно с организацией диверсионных групп, подбирать наиболее опытных агентов и осведомителей». Одной из задач этих проверенных сотрудников было «выявление приверженцев и пособников германского фашизма в его войне против СССР. Перед более смелой и решительной частью этой агентуры поставить задачу: поджечь имущества, а при возможности физического уничтожения пособников германского фашизма»¹³⁷.

В приказе НКВД УССР 30 ноября 1941 г. цели определялись уже более конкретно: «Немецкие захватчики... в сельских местностях назначают старост, старшин и полицейских, в городах и городских поселках – председателей горуправ, бургомистров, комендантов, начальников полиции и других чинов... Деятельность этих фашистских ублюдков проходит совершенно безнаказанно с нашей стороны.

Наши органы... не уделяют достаточного внимания истреблению местной фашистской администрации...

Приказываю:

1. Немедленно организовать систематическое повсеместное, и прежде всего в ближайшем тылу противника, истребление фашистской администрации и их имущества, особенно старост, бургомистров, руководителей полицейских органов и агентуры гестапо.

2. Использовать для этих целей все имеющиеся в нашем распоряжении и изыскать новые дополнительные агентурные возможности.

Широко использовать для этих целей партизан, диверсионные группы и разведагентуру наряду с выполняемыми ими другими задачами.

¹³⁵ Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным организациям прифронтовой полосы о решительной перестройке всей работы на военный лад. 29 июня 1941 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 18).

¹³⁶ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза... С. 15.

¹³⁷ Приказ начальника охраны войскового тыла Юго-Западного фронта Рогатина и др. начальнику УНКВД по Киевской области «Об организации диверсионных групп по борьбе с врагом», № е/АБ0029, 21 июля 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 8. Спр. 57. Арк. 36).

3. Из числа имеющейся агентуры всех отделов и управлений, а равно за счет новых вербовок создать специальные тергруппы численностью три-пять человек для выполнения заданий по истреблению фашистской администрации...»¹³⁸

30 ноября 1941 г. Вермахт находился у стен Москвы и Ленинграда, а Киев был уже тыловым городом Третьего рейха. При этом НКВД УССР приказывал не проводить, например, диверсии на коммуникациях, чтобы затормозить продвижение германских войск, и даже не нападать на немецкие части с целью их отвлечения от действий на фронте. Приоритетом значилось истребление коллаборационистов. Важным моментом является также указание на уничтожение имущества лиц, сотрудничавших с нацистами: очевидно, что в результате таких действий должны были страдать и члены семей «предателей». Речь идет о применении принципа коллективной ответственности, присущего советской репрессивно-карательной системе.

Об установках на проведение партизанского террора из разнообразных источников получала информацию и немецкая сторона. Например, на допросе пленные 1-го партизанского полка НКВД УССР показали, что «их задание было различным. Они должны были, с одной стороны, вести диверсии на шоссе и железных дорогах, по которым следуют немцы, с другой – актами террора (поджогами населенных пунктов, отдельных хозяйств и расстрелами всех членов украинской милиции [на немецкой службе]) запугать украинское население или принудить его к сотрудничеству»¹³⁹.

Первой относительно масштабной и известной акцией террора против коллаборационистов можно считать проведенный по Полтавщине в октябре–декабре 1941 г. карательный рейд партизанского отряда им. Буденного под командованием Ивана Копенкина, до войны занимавшего должность оперуполномоченного Татарбурнарского райотдела НКВД (Измайльская область, сейчас входит в Одесскую). Согласно детальному рассказу Копенкина, его партизаны расстреливали мирных жителей, лояльно настроенных к немцам, агентов германских спецслужб, старост, «церковников» (очевидно, глубоко верующих людей или служителей религиозных культов), дезертиров

¹³⁸ «Указание НКВД УССР о мероприятиях по ликвидации фашистской администрации на временно оккупированной противником территории Украинской ССР», заместитель народного комиссара ВД УССР В. Савченко сотрудникам 4-го управления НКВД УССР, № 3320/СВ, 30 ноября 1941 г. (Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Кн. 2. С. 371–372).

¹³⁹ «Отчет о деятельности отдела Ис, [приложение] к военному дневнику охранной дивизии 213», после 1 декабря 1941 г. (ВА–МА. РН 26–213/6. Вл. 5).

из Красной армии, а также солдат, отпущенных немцами из плена. Расстреливаемые были в возрасте от 14 лет и старше¹⁴⁰. Любопытно, что сам Копенкин откровенно рассказывал о том, что убивал и членов семей указанных граждан – в том числе жену, мать и дочь одного старосты (бывшего кулака), мотивируя это тем, что они «активно распространяли антисоветские слухи».

Сведения об этом рейде дошли до руководства НКВД СССР: «За время деятельности партизанских отрядов Копенкина в тылу немецких захватчиков истреблено более 50 старост и других фашистских ставленников. В отряде имеется партизан по имени “Саша”, истребивший один 25 немецких ставленников и предателей родины»¹⁴¹. Рядом с этими словами на документе, возможно, заместителем Л. Берии Иваном Серовым сделана рукописная пометка: «Заслуживает награды».

В той же сводке сообщалось: «За время с 25 октября по 25 декабря 1941 года партизанский отряд Тесленко, действующий в Изюмском районе [Харьковской области], задержал 1026 дезертиров Красной армии, передав их командованию наших частей»¹⁴². По рассказам жителей Корюковского района Черниговской области, партизаны не только передавали дезертиров в Красную армию, но и убивали бывших пленников солдат и командиров, отпущенных немецкой властью по домам¹⁴³. Жительница с. Рудня Мария Петренко вспоминала, что в их деревне ходили легенды о судьбе бывших военнопленных: партизаны «привязывали [их] к двум деревьям и разрывали надвое»¹⁴⁴. Бывший красный партизан Василий Ермоленко, утверждал, что «в первый год войны партизаны расстреливали тех, кто бежал из плена и дезертировал. Замучают, а потом убьют. Воевать надо, а не бежать»¹⁴⁵.

¹⁴⁰ Стенограмма доклада командира партизанского отряда им. Буденного И. Копенкина начальнику 2 отделения 4 отдела НКВД УССР Крюченко, 26 февраля 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 130. Оп. 1. Спр. 231. Арк. 5–39).

¹⁴¹ «Сводка фактов о действиях партизанских отрядов на территории Украинской и Карело-Финской ССР, Московской и Калининской областей», начальник штаба истребительных батальонов НКВД СССР Петров заместителю наркома внутренних дел СССР И. Серову и др., 29 января 1941 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 277. Л. 95).

¹⁴² Там же. Л. 89.

¹⁴³ 1) Интервью с Милашич (в девичестве Кравец) Марией (1919 г. р.), жительницей с. Перелюб Корюковского р-на Черниговской области, 13 августа 2006 г. // ЛААГ; 2) Интервью с Шарым Иваном (1924 г. р.), жителем с. Рейментаровка Корюковского р-на Черниговской области, ветераном советско-германской войны (Красной армии), 14 августа 2006 г. // ЛААГ.

¹⁴⁴ Интервью с Петренко Марией (1930 г. р.), жительницей с. Рудня Корюковского р-на Черниговской области, 12 августа 2006 г. // ЛААГ.

¹⁴⁵ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

Как уже говорилось, партизанами уничтожалась агентура немецких спецслужб. Поэтому крайне тяжело приходилось, в частности, лесникам – красные рассматривали их как потенциальных или действительных агентов немцев¹⁴⁶ или же как пособников, имеющих для оккупантов важное хозяйственное значение. Периодически данные об уничтожении лесников встречаются в отчетах как партизанских отрядов¹⁴⁷, так и бандеровцев¹⁴⁸. Немецкие документы дают более масштабную картину: до мая 1943 г. включительно на территории генерального комиссариата Вольнь-Подолье были убиты «1 немецкий особый руководитель [лесопромышленности], 191 местных сотрудников лесного хозяйства и служащих, из них в мае 1943 г. – 38... Уведено: 70 местных сотрудников лесного хозяйства и служащих...»¹⁴⁹

Действуя вполне в духе традиции ленинско-сталинского классового террора, красные партизаны уничтожали кулаков – очевидно, предполагая, что они наиболее враждебно настроены к советской власти. На Черниговщине Алексей Федоров в первом приказе по созданному им отряду Мало-Девического района 30 октября 1941 г. в перечне лиц, предназначенных для уничтожения, указал на «недобитых»: «в) село Стрельники – уничтожить всех кулаков, которые заняли бывшие свои хаты»¹⁵⁰. Ветеран Красной армии Иван Шарый рассказывал, что в их селе Рейментаровка (Черниговская область) партизаны из отряда Бориса Туника разрубили топором на куски кулака Даниила Ивановича (интервьюируемый, к сожалению, забыл фамилию убитого), на следующий день такая же участь постигла и

¹⁴⁶ См., напр., Указания областным управлениям НКГБ УССР о вербовке и проверке сотрудников лесничеств в связи с их активной вербовкой представителями немецких разведывательных и контрразведывательных органов, нарком ГБ УССР Савченко, № 430/гб, 10 октября 1943 г. (ГДАСБУ. Ф. 16. Оп. 2. Спр. 2. Арк. 109–113).

¹⁴⁷ См., напр., сообщение об уничтожении в с. Перликовка и Рудня Холменского р-на Черниговской области полицейских, командир Злыновского отряда Маркова предп. А. Федорову, акт 57, 1–3 июля 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 74. Арк. 58).

¹⁴⁸ Сообщение территориальной организации ОУН Станиславской (сейчас – Ивано-Франковской) области: «Чрезвычайное донесение Ч. 8, известия о ходе акций партизан на территории Коломыйщины», 11 сентября 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 115).

¹⁴⁹ Сообщение «Нанесение бандами вреда лесному хозяйству Вольни-Подолья», предп. сотрудники германской лесопромышленности для Гиммлера, не ранее 31 мая 1943 г. (ВАН. NS 19/1433. Вл. 147). Возможно, в эту статистику попали лесники польской национальности, убитые в феврале–мае 1943 г. ОУН–УПА.

¹⁵⁰ «Отчетный доклад штаба соединения партизанских отрядов Дважды Героя Советского Союза – генерал-майора Федорова А. Ф. и подпольных областных комитетов Коммунистической партии большевиков Украины Черниговской и Вольнской областей за время с сентября м-ца 1941 г. по апрель месяц 1944 г.», А. Федоров и др. предп. для Строкача, 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 22).

жену крестьянина¹⁵¹. В ходе Карпатского рейда партизаны Сумского соединения вынуждены были относиться более или менее корректно к выжидательно настроенному мирному населению Галиции. Однако даже в этом случае проявлялась их классовая ненависть. Как сообщал бандеровский подпольщик, среди партизан «заметен рост враждебного отношения, до настоящего момента скрытого, к кулакам...»¹⁵² В другом аналогичном донесении значилось, что в районе деревни Нивочини Коломыйского района Ивано-Франковской (тогда – Станиславской) области «партизаны... сильно грабят население и говорят, что вскоре возьмутся за всех националистов и кулаков»¹⁵³.

Но все же основным объектом партизанского террора в 1941–1942 гг. оставались полицейские и гражданские коллаборационисты, которых нередко убивали вместе с семьями. Например, группа партизан Злынковского партизанского отряда соединения А. Федорова 2 ноября 1941 г. «по поручению командования отряда произвела налет на дома немецких шпионов в с. Дубровка Злынковского района [Новозыбковского района Орловской, сейчас Брянской области РФ]: Николаенко Сергея Даниловича, управляющего, и Коткова Григория Ивановича с целью уничтожения их как выдавших ряд партизан немецкому командованию. В результате действия указанной группы произведено следующее: спален дом Николаенко, сам [он] ранен и уничтожено трое его членов семьи, разрушено внутреннее состояние квартиры Коткова Г. И.»¹⁵⁴

По воспоминаниям Михаила Наумова, полицейско-партизанское противостояние приобретало характер братоубийственной войны: «Полицейский [Козеха] сжег хату брата-партизана и его семью, которая состояла из трех человек детей. [Партизан] Козеха напал на семью брата – того полицейского и уничтожил его хату и семью... Такая жестокая борьба происходила на Сумщине в 1942 году между партизанами и полицаями»¹⁵⁵. Отчасти эту brutality можно пояснить

¹⁵¹ Интервью с Шарым Иваном... // ЛААГ.

¹⁵² Сообщение территориальной организации ОУН Станиславской (сейчас – Ивано-Франковской) области: «Деятельность большевистских партизан за период с 11 до 25 августа 1943 г.», 26 августа 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 132).

¹⁵³ Сообщение территориальной организации ОУН Станиславской (сейчас – Ивано-Франковской) области: «Чрезвычайное донесение Ч. 8, известия о ходе акций партизан на территории Коломыйщины», 11 сентября 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 115).

¹⁵⁴ Акт 4 об уничтожении Злынковским партизанским отрядом ряда коллаборационистов и членов их семей, командир отряда Марков и др., предп. А. Федорову, 2 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 74. Арк. 6).

¹⁵⁵ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 20.

тем, что по обе стороны оказывалось множество людей, психологически травмированных режимами. Среди полицаев до $\frac{1}{3}$ составляли люди, чьи родственники были уничтожены коммунистами, или они сами побывали «в местах не столь отдаленных». Да и в рядах партизан было немало бывших жителей сожженных нацистами сел.

Харьковским партизанским отрядом, входившим в соединение А. Сабурова, за 10 месяцев 1941–1942 гг. в основном на прилегающих к УССР районах РСФСР было «расстреляно 28 человек изменников родины (полицейские, старосты, шпионы и т. д.)... Ликвидировано семей изменников с изъятием имущества – 30...»¹⁵⁶ На 16 июня 1942 г. в Харьковском отряде состояло 38 человек.

Периодически даже в партизанских отчетах результат террора партизан превышал эффект их боевой деятельности: например, за одну неделю ноября 1942 г. – во время Сталинского рейда – отдельная рота в составе соединения Сабурова разогнала отряд (20 казаков и 7 немцев), охранявший лесопилку, при этом ранив 4 человека, и расстреляла «старост, полицейских, ответственных станционных работников и других изменников – 10 человек»¹⁵⁷. Житель села Рейментаровка Федор Разстойной свидетельствовал: из-за того, что его отец был в полицаях, партизаны убили не только его, но и его племянницу, проживавшую в с. Гуриновка в Черниговской области. Двоюродную сестру Федора партизаны убили, несмотря на то, что ее брат был лейтенантом Красной армии, а ее сын – партизаном¹⁵⁸.

Жительница с. Сопыч Глуховского района Сумской области Евдокия Лаукина рассказывала, что во время нападения на их село местная полиция в течение двух дней в феврале 1942 г. оборонялась в церкви, а партизаны в это время убивали членов семей полицаев – женщин, детей, стариков¹⁵⁹. По ее словам, партизаны в ходе бесплодных атак на высокое и прочное каменное сооружение потеряли 150 человек, а полицейских погибло только два. В оперативном же отчете командир Червоного отряда Иванов утверждал, что партизанами в ходе этого

¹⁵⁶ Докладная записка «Сведения о боевой деятельности Харьковского партизанского отряда Погорелова со дня организации», командир отряда Погорелов и др. Сабурову, 16 июня 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 1).

¹⁵⁷ Оперативный отчет отдельной роты при объединенном партизанском отряде Сабурова за период с 14 по 21 ноября 1942 г., командир роты И. Шитов и др. Сабурову, 21 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 43).

¹⁵⁸ Интервью с Разстойным Федором (1930 г. р.), жителем с. Рейментаровка Коряковского р-на Черниговской области, 14 августа 2006 г. // ЛААГ.

¹⁵⁹ Интервью с Лаукиной Евдокией (1930 г. р.), жительницей с. Сопыч Глуховского р-на Сумской обл., 4 июля 2008 // ЛААГ.

боя было убито 83 полицейя¹⁶⁰. В приказе по отряду по итогам боя за Сопыч отмечалось, что общие потери партизан составили 13 человек убитыми и 9 ранеными. «Уничтожено путем сожжения более 50 домов полицейских»¹⁶¹.

Сожжение жилья отвечало приказаниям руководящих центров об «уничтожении имущества изменников родины». Партизаны старались если не ликвидировать семейства полицейских и старост, то обречь их на страшные материальные лишения – зимовку в землянках. Заместитель Федорова Николай Попудренко 17 января 1942 г. записал в дневнике, что в ходе нападения на полицейский гарнизон в с. Орловка (Холменский район Черниговской области) партизаны сожгли 20 домов¹⁶². Информация о деятельности отряда А. Федорова доходила до высшего руководства НКВД СССР: «13. 3. 42 партизаны напали на расположившийся в с. И[вановка] венгерский карательный отряд и полицейских. В результате боя истребил 160 фашистов, из них: 92 солдата, 4 офицера и 64 полицейских... Партизаны... сожгли 10 домов, в которых проживали полицейские»¹⁶³.

Дневник партизана одного из отрядов соединения А. Федорова демонстрирует некоторые красноречивые подробности рейда на Черниговщину, проведенного летом 1942 г. После захвата села Перелюб в Корюковском районе федоровцы узнали о том, что часть партизанских семей уничтожена: «Кровью облилось наше сердце, хотя не было приказа сжигать построек полицейских, но партизаны бросились сжигать звериные гнезда. При этом из горящих строений часто выскакивали люди, которых мы давно искали. Расправа с ними была короткая»¹⁶⁴. Спустя пару дней в том же отряде: «Командир... тов. Балабай приказал выпустить три мины из батальонного миномета по

¹⁶⁰ «Отчет о партийно-политической и боевой деятельности партизанского отряда Червоного р-на Сумской области с начала организации», командир Иванов, комиссар Лукашов (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 563. Арк. 2 зв.)

¹⁶¹ Приказ по партизанскому отряду Червоного района Сумской области о разгроме полиции села Сопыч, № 62, командир отряда Иванов и др., 2 марта 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 130. Оп. 1. Спр. 642. Арк. 48).

¹⁶² Дневник командующего Черниговским партизанским соединением Н. Попудренко, запись от 17 января 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 94. Оп. 1. Спр. 9. Арк. 33). До весны 1943 г. Попудренко был заместителем командующего Черниговского соединения А. Федорова.

¹⁶³ «Справка о боевой деятельности партизанских отрядов, действующих в оккупированных немецкими захватчиками областях УССР», начальник штаба истребительных батальонов НКВД СССР Петров предп. для Берии, апрель 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 277. Л. 227).

¹⁶⁴ «Дневник боевых действий областного отряда им. Сталина соединения партизанских отрядов под командованием дважды Героя Советского Союза генерал-майора А. Ф. Федорова (1941–1944 гг.)», Потепенко Степан — боец 2 взвода 2-й стрелковой

райцентру Холмы. От взрыва мин возник пожар»¹⁶⁵. Далее в дневнике описывается ряд операций против сельской полиции, после чего подводился итог: «По селам вились дымки пожаров, происходящих в результате боев»¹⁶⁶. Немецкий документ сообщает о том, что 5 сентября 1942 г. в Севском Рейне Сумской области партизанский отряд в количестве 250 пехотинцев и 50 кавалеристов, имеющий на вооружении, среди прочего, 76-мм орудие, напал на с. Марчихина-Буда: «Гранатами повреждено 4 дома, из которых один сгорел. 2 других дома членов вспомогательной полиции были подожжены. 1 полицай погиб, 2 тяжело ранены. Кроме этого, 2 мирных жителя расстреляны, 1 ранен»¹⁶⁷. В дневнике ведения боевых действий одного из отрядов соединения А. Сабурова упоминания о сожжении жилья полицейских только за период с 3 января по 29 октября 1942 г. встречаются 5 раз¹⁶⁸.

По рассказу жителя с. Землянка Глуховского района Сумской области Ивана Чогуна, сабуровцы в 1942 г., применив зажигательные пули, одновременно спалили 42 двора, убив десятки человек. Партизаны во время операции были пьяны¹⁶⁹. Мотивом карательной акции послужило то, что местные полицейские убили одного сабуровского партизана. Сведения о том, что в тот день было сожжено более сорока дворов, подтвердил другой житель Землянки, ветеран Красной армии Алексей Кульша. По его словам, жертв было куда меньше – 3–5 человек, но убиты они были неорганизованно: «Отряд заходил, а люди бежали, не знали, что он был, бежали люди из села, так их нагоняли, шашками рубили – понял? А некоторых, которые бежали, так забирали снова в партизаны»¹⁷⁰.

Корреспондент «Правды» Л. Коробов свидетельствовал: «Сабуров воюет жестче Ковпака. Полицию он выжигает буквально пламенем. Он говорит так – почему полиция выжигает партизанские семьи, по-

роты отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения, записи точно не датированы, июль 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 56. Арк. 87).

¹⁶⁵ Дневник С. Потапенко (Там же. Арк. 93)

¹⁶⁶ Дневник С. Потапенко (Там же. Арк. 95).

¹⁶⁷ «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами», местная комендатура I (V) 268, полевая жандармерия, Шостка, 27 сентября 1942 г. (ВА–МА. RH 22/175. Bl. 39 Rückseite).

¹⁶⁸ Дневник командира партизанского отряда Червоного района соединения Сабурова (сначала эту должность занимал Лукашов, затем Иванов), записи с 3 января по 29 октября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 105. Арк. 1–14).

¹⁶⁹ Интервью с Иваном Чогуном (1930 г. р.), с. Землянка Глуховского р-на Сумской обл., 03.07.08, провел В. Гинда // ЛААГ.

¹⁷⁰ Интервью с Алексеем Кульшой (1926 г. р.), ветераном Красной армии, с. Землянка Глуховского р-на Сумской обл., 03.07.2008 // ЛААГ.

чему же мы должны щадить ее? Где прошел Сабуров – там полиции нет»¹⁷¹.

Гибель лояльно настроенных к немцам граждан, членов местной администрации и полицейских в 1941–1942 г. на северо-востоке УССР и прилегающих территориях вызвала беспокойство оккупантов тыловых органов группы армий «Б», 9 августа 1942 г. отмечавших: «Активность партизан остается неизменной. Они внезапно вламываются сильными группами в села, утаскивают с собой пригодных к военной службе мужчин, убивают бургомистров и других лиц, считающихся дружественно настроенными к немцам, принуждают население к сдаче продуктов питания. ...Население запугивается для готовности к сотрудничеству. В ночь с 12 на 13 июля около 40 вооруженных партизан ночевало 11 км северо-западнее Крупца (Орловской, сейчас Курской области. – А. Г.). В соседней деревне Комаровка они оставили написанные от руки плакаты: “Смерть немецким оккупантам, смерть предателям родины, не вставшим на борьбу, и смерть семьям, из которых дочери и сыновья завербовались на работу у немцев”.

Убийства многих бургомистров, руководителей районов и большого количества членов вспомогательной полиции настоятельно требует регламентации обеспечения семей, кормильцы которых погибли или стали нетрудоспособными во время выполнения своего задания...»¹⁷²

По немецким данным, в декабре 1942 г. партизанские отряды, дислоцировавшиеся в Хинельских лесах и оттуда выходившие на стык Сумской области и приграничных районов РСФСР, истребляли полицию и старост, а также «после тяжелых истязаний» (т. е. пыток) – членов их семей: «765 человек, в особенности старосты и полицейские, убиты или уведены (в том числе мобилизованы в отряды. – А. Г.). В этом отношении больше всего пострадал район Эсмани»¹⁷³.

Если в 1941–1942 г. партизаны в основном расстреливали пленных полицейских, в ряде случаев все же проявляя к ним милосердие, разоружив отпуская восояси, то с зимы 1942/43 г. в основном стара-

¹⁷¹ Стенограмма беседы корреспондента «Правды» Л. Коробова с руководством УШПД о деятельности партизан, 25 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 59. Арк. 19).

¹⁷² Отчет о ситуации командующего тыловой зоной группы армий «Б», 9 августа 1942 г. (ВАН. R 6/302. Вл. 35).

¹⁷³ «Отчет о деятельности за период с 26.11 по 25.12.1942», группа тайной полевой полиции № 708, Tgb. Nr. I 398/42 секретно, комиссар полевой полиции Хайманн для директора полевой полиции при командующем тыловой зоной группы армий «Б», 25 декабря 1942 г. (ВА–МА, RH/22/200, Вл. 44).

лись перетянуть на свою сторону. Это отметила сводка СД, описавшая ситуацию в Украине, и, очевидно южных областях БССР, входивших в РКУ: «В увеличивающихся объемах банды выступают сейчас также против членов семей участников охранных формирований. Только на протяжении одной недели около 120 человек, у которых родственники были участниками охранных формирований, были убиты или уведены. Этим предпринимается попытка принудить охранные формирования к оставлению их службы при немецких полицейских органах. Листовка с содержанием: “У всех, кто идет против славянских народов, кто помогает немецкому врагу, будет расстреляна семья” показывает централизованное руководство этими действиями»¹⁷⁴.

Очевидно, специалисты СД несколько ошиблись, принимая довольно-таки широкую инициативу «на местах» за указания за фронтовых органов управления. УШПД и ЦШПД в целом выступали против расстрела семей полицейских, а инструкция по разложению коллаборационистских формирований предписывала через местное население широко распространять сведения «о хорошем обращении с перешедшими на сторону партизан»¹⁷⁵.

Но террористические меры в отношении «антисоветских элементов» не ушли в прошлое. Та же инструкция требовала «строгого» контроля: «В целях проверки честности подобных намерений требовать от групп, подразделений, соединений, намеревающихся перейти к партизанам, предварительного проведения операций по разгрому и истреблению местных немецких гарнизонов»¹⁷⁶. Житель села Купище Коростеньского района Житомирской области вспоминал, что зимой 1942/43 г. местные партизаны (вероятно, один из отрядов вновь созданного соединения под командованием С. Маликова), снабдив 12 местных полицейских взрывчаткой, дали им задание разрушить расположенный поблизости железнодорожный мост. Немцы тщательно охраняли объект, поэтому полицейские в течение двух дней не выполнили требование партизан – последние всех их разоружили и расстреляли¹⁷⁷.

¹⁷⁴ «Сообщения из оккупированных Восточных областей, № 41», шеф полиции безопасности и СД, 12 февраля 1943 г. (В.А.В. R 58/223. Bl. 211).

¹⁷⁵ Указания К. Ворошилова и Пономаренко начальникам территориальных штабов и представителям ЦШПД на фронтах о способах разложения антисоветских отрядов и частей, формируемых немцами на оккупированной территории, 6 ноября 1941 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 166).

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Интервью с Виговским Владимиром... // ЛААГ.

На заседании политбюро ЦК КП(б)У 3 апреля 1943 г. Никита Хрущев заявлял о результатах террора: «Рейды [партизан] дают положительные результаты и в том смысле, что вселяют страх у неустойчивых элементов из украинцев и русских, проживающих на оккупированной территории, которые бы хотели пойти на сговор, но боятся расправы со стороны наших отрядов»¹⁷⁸. Опасения были небезосновательными. В листовке сабуровцев к жителям Житомирщины содержались прямые угрозы родственникам коллаборационистов: «Всех изменников Родины и их семьи ожидает смерть»¹⁷⁹. Согласно сообщению главы 4-го управления НКГБ СССР Судоплатова в ЦШПД, 25 июля 1943 г. соединение Сабурова разгромило Давид-Городок (БССР): «Когда ночью отряд ворвался в местечко, немецкие солдаты и полиция вышли из местечка в казармы, захватив с собой оружие и боеприпасы. Все они остались невредимы. Тов. Сабуров отдал, якобы, приказ дома жителей местечка разграбить, а само местечко сжечь. Бойцы тотчас же бросились по квартирам и, разграбив их, местечко сожгли»¹⁸⁰. Разгром Давид-Городка выделял из других акций сабуровцев лектор ЦК КП(б)У Дубина: «Операция преследовала, кроме разгрома гарнизона, – хозяйственные цели: обуться, одеться и пр. В свое время немцы в Давид-Городке ограбили и уничтожили все еврейское население, а городок заселили полициями и прочим холуйским сбродом. Поэтому отношение здесь [к] “населению” имело специфический характер»¹⁸¹. Ковпак так описывал возвращение своего соединения из Карпатского рейда в августе–сентябре 1943 г.: «Вся Станиславская и Тернопольская область, часть Каменец-Подольской (сейчас Хмельницкой. – А. Г.) и Львовской областей исхожены партизанами, которые, проходя по селам, оставляли после себя следы, агитируя против сдачи хлеба, уничтожая и раздавая запасы, расстреливая ненавистных народу немецких служаек»¹⁸². Истребление коллаборационистов оставалось одним из значимых заданий партизан до самого конца войны.

¹⁷⁸ Протокол заседания ПБ ЦК КП(б)У, 3 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 189. Арк. 13).

¹⁷⁹ Листовка Житомирского соединения: «Обращение ко всему населению Житомирской области», 25 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 88).

¹⁸⁰ Сообщение Судоплатова для Пономаренко об уничтожении соединением Сабурова Давид-Городка, № 4/3/2457, 18 августа 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 748. Л. 154).

¹⁸¹ «Докладная записка – отчет лектора ЦК КП(б)У Дубины К. К. о поездке в тыл противника», для Хрущева и др., сентябрь 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 54–55).

¹⁸² Оперативный отчет Сумского соединения за период с 12.06 по 01.10.1943 г., Ковпак Строчаку, после 1 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 95).

Периодически партизаны совершали убийства этнических немцев. Например, в районе скопления соединений УШПД в Полесской области БССР, в районе Мозыря 12 мая 1943 г. «женщина-фольксдойче и ее сын были жестоко убиты»¹⁸³. Об ограблении и убийстве ковпаковцами крестьянина Йозефа Либерзбека 17 августа 1943 г. в Галиции сообщал бандеровский документ¹⁸⁴. Начальник Каменец-Подольского штаба партизанского движения Сергей Олексенко писал, что «фольксдойче-колонисты полностью пошли на службу» к нацистам¹⁸⁵. Но, поскольку в районах действий украинских партизан фольксдойче проживало сравнительно мало, то массового масштаба истребление этнических немцев не приняло.

Несколько слов стоит сказать и об отношении партизан к военнопленным из вооруженных сил Германии и ее сателлитов.

Убийства захваченных немецких солдат красноармейцами – самовольные или совершенные по приказу начальства – стали обыденным явлением на советско-германском фронте с первого дня войны¹⁸⁶. Американский историк Джон Армстронг полагал, что это было вызвано неразберихой: «Несомненно, расстрелы и жестокое обращение с немецкими солдатами были вызваны отчасти стихийным стремлением отомстить, а отчасти отсутствием строгой дисциплины»¹⁸⁷. В столь категоричном утверждении не учитывается суть советской системы.

Тезис современного германского исследователя Андреаса Хильгера также неоправданно упрощает ситуацию времен войны: «Мы с полной уверенностью можем утверждать, что советское руководство не поощряло уничтожения немецких военнопленных...»¹⁸⁸

¹⁸³ Телеграмма «Деятельность банд в генеральном округе Житомир», зам. Э. Коха Вуцке в Восточное министерство (предп. Розенбергу), № 6352, 21 мая 1943 г. (ВАН. R 6/378. Вл. 20).

¹⁸⁴ Сообщение подпольщика ОУН: «Большевицкие партизаны. Донесение о действиях партизан в Калушской округе за период с 9 по 25 августа 1943 г.», 27 августа 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 136).

¹⁸⁵ «Отчет о работе Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У, областного штаба партизанского движения и соединений партизанских отрядов Каменец-Подольской области, апрель 1943 – апрель 1944», начальник Каменец-Подольского облштаба партизанского движения С. Олексенко Строкачу, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 96).

¹⁸⁶ См., напр., об этом соответствующую главу из: *Гофман Й.* Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы / пер. с нем. М., 2006.

¹⁸⁷ *Армстронг Дж.* Советские партизаны... С. 283.

¹⁸⁸ *Хильгер Андреас.* Немецкие военнопленные и их опыт соприкосновения со сталинизмом // Сталин и немцы: Новые исследования / под ред. Ю. Царуски [пер. с нем. Т. Г. Ваньят; науч. ред. С. З. Случ]. М., 2009. С. 151–152.

Установки на выборочное убийство бывших врагов исходили с самого верха.

Например, 4 сентября 1941 г. во время переговоров со Сталиным командующий Резервным фронтом Георгий Жуков рассказал, что даже не пленный, а перебежчик сообщил ценные разведанные. Сталин ответил: «Вы в военнопленных не очень верьте, спросите его с пристрастием (эвфемизм пыток. – А. Г.), а потом расстреляйте»¹⁸⁹.

6 ноября 1941 г. в ходе знаменитого выступления на заседании московского городского совета Иосиф Сталин открыто заявил: «Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов. Никакой пощады немецким оккупантам!»

На совещании с рядом партизанских командиров 30 августа 1942 г. эти установки «вождя» были повторены Пономаренко: «Лучше всего их [немцев] использовать, как говорится, на том свете. Немцы должны дрожать от одного имени партизан... А [пленных] словаков и венгерцев тех, очевидно, следует использовать»¹⁹⁰.

Писатель Николай Шеремет, проведя четыре месяца в соединении А. Федорова, весной 1943 г. свидетельствовал, что партизаны действовали сообразно этим указаниям. Даже он рассматривал бывших врагов только как источник информации или потенциальных коллаборационистов: «В условиях партизанской борьбы нет возможности беречь пленных, вести уход за ними. Иногда ценного врага, которого бы на фронте сохранили и использовали, в партизанском отряде приходится расстрелять. Немцев партизаны до одного на месте уничтожают. Других национальностей часть убивают, а некоторых отпускают на волю, чтобы рассказал правду про партизан»¹⁹¹. В разведдонесении подпольщика АК о поведении ковпаковцев в Галиции летом 1943 г. речь идет об «избирательной пощаде»: «Немцев убивают. Установлено, однако, что девушек-немок отпускают, наказав им рассказать в Германии, что [партизаны] не борются с безоружны-

¹⁸⁹ «О подготовке Ельнинской операции. Запись переговоров по прямому проводу И. Сталина с начальником ГШ КА Б. Шапошниковым и командиром Резервного фронта Г. Жуковым», 4 сентября 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 216.

¹⁹⁰ Стенограмма совещания сотрудников ЦШПД с командирами партизанских отрядов Брянского фронта, 30 августа 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 28. Л. 22).

¹⁹¹ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 16).

ми, так как они солдаты»¹⁹². УШПД безразлично относился к судьбе пленных немцев и их союзников. 15 августа 1943 г. Тимофей Строкач послал в Черниговское партизанское соединение им. Коцюбинского под командованием Николая Таранушенко радиограмму: «Вопрос с пленными решайте на месте, исходя из обстановки»¹⁹³. До конца войны отношение партизан к немцам не изменилось. Иногда, если пленный был особенно значимым, его оставляли в живых, особенно если фронт был близок, а в остальных случаях уничтожали. В июне 1944 г. в бандеровском разведдонесении о соединении Шукаева у партизан отмечено то же поведение, о котором за год до этого писал Николай Шеремет: «Немцев ненавидят прямо органично. Всех без разницы убивают. Мадьяров разоружают и отпускают домой»¹⁹⁴.

Весьма вероятно, что установки на убийства военнопленных и их реализация были вызваны желанием усилить брутализацию войны, увеличить влияние наиболее экстремистских сил в Рейхе, и, таким образом, снизить возможность компромисса между немцами и населением СССР, а также повысить лояльность красноармейцев.

Отношение коммунистов к пленным было одной из причин того, что немцы не хотели сдаваться в плен партизанам и дрались со смелостью отчаяния. Командир кавалерийского соединения Михаил Наумов описал показательный случай, произошедший в январе 1944 г. в Ровенской области: «Киевскому отряду на шоссе Березне – ст. Моквин удалось убить 22 жандармских офицеров и эвакуированных из Житомирской области комендантов... Бронебойщик выстрелил в машину почти в упор. Пуля пробил мотор, прошла в кузов, где находились офицеры и запасной бензобак... который, взорвавшись, обрызгал пламенем офицеров. Они выскакивали из машины под градом пуль, объятые пламенем. Но не растерялись. Один офицер прямо с машины долго стрелял из пулемета по партизанам, в то время, как вся одежда на нем горела. Так и сторел с оружием в руках... Немцам все же удалось ранить 5 наших партизан»¹⁹⁵.

Проведение репрессий и расстрелы военнопленных нередко сопровождалось пытками – с целью устрашения остальных врагов, получения сведений при допросах, а также из-за обыкновенного садизма.

¹⁹² Разведывательное сообщение округа «АК–Львов»: «Акция саботажно-диверсионная большевицких банд в днях 06.07–17.07», документ подписан псевдонимом «44», который перечеркнут, и рядом написан псевдоним «33», не ранее 17 июля 1943 г. (AAN. 203/XV–25. К. 4).

¹⁹³ *Сергійчук В.* Новітня каторга... С. 10.

¹⁹⁴ Разведдонесение: «Обл[асть] Стрый. А/а. Большевицкие партизаны в Майданских лесах», «Марко», 10 июня 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 157. Арк. 61).

¹⁹⁵ Дневник Наумова, запись от 7 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 95).

Одна из полевых комендатур доносила командованию тыловой зоны группы армий «Юг» о том, что 11 марта 1942 г. на украинско-русском пограничье в ходе упомянутого нападения на деревню Ивановка подчиненные первого секретаря черниговского обкома отрубали руки детям полицейских¹⁹⁶. Можно было бы посчитать это выдумкой, если бы другие источники не сообщали о чем-то похожем. Жительница села Рудня Корюковского района Черниговской области Александра Шевченко рассказывала, что ее соседу партизаны федоровского соединения «повыкалывали глаза, страшно над ним издевались». Убитый был столяром, в начале периода оккупации сделавший для партизан отряда под командованием Балабая землянки. А потом немцы заставили его пойти в полицию, и за это его партизаны убили. Федоровцы, расстреляв в июле 1942 г. 12 человек в с. Рудня, «зубы [им] повыбивали. Сперва намучают, а потом убьют»¹⁹⁷. По словам жителя села Рейментаровка того же района, действовавший в их местности командир партизанского отряда Борис Туник «был варваром. По разговорам – солили людей, шкуру отдерут – солят»¹⁹⁸. О распространенности партизанских пыток писал Хрущеву литератор Николай Шермет: «Полицейских, старост, бургомистров, которые сопротивляются, партизаны перед тем, как расстрелять, хорошо “проучат”. Особенно жестокостью отличились партизаны Федорова. Я был свидетелем, как полицаев били до крови, резали ножами, поджигали на голове волосы, привязывали за ноги и на аркане конем волочили по лесу, обваривали горячим чаем, резали половые органы»¹⁹⁹. В дневнике Григория Балицкого, командира отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения, можно найти подтверждение того, что и спустя несколько месяцев в этом отношении ничего не изменилось: «4 апреля 1943 г. ...Привели бургомистра (верного слугу немцев). Вечером его привели в штаб соединения, здесь его докончила партизанская рука. Били этого мерзавца кто чем мог, кроме этого поливали кипятком. Обед в штабе соединения. Пили водку, еще немного попало партизанской водки, которая имела крепость 96 граду-

¹⁹⁶ Сообщение начальника 194-й полевой комендатуры в отдел I А командования тыловой зоной группы армий «Юг» о борьбе с партизанами на севере Черниговщины и прилегающих районах БССР и РФ, № 187/42, 12 марта 1942 г. (ВА–МА, RH 22/24. Листы в деле не пронумерованы).

¹⁹⁷ Интервью с Шевченко Александрой (1925 г. р.), жительницей с. Рудня Корюковского р-на Черниговской области, 13 августа 2006 г. // ЛААГ.

¹⁹⁸ Интервью с Разостольным Федором... // ЛААГ.

¹⁹⁹ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шермет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 16).

сов. Настроение после этого было исключительно хорошее. Поздно вечером в штабе соединения был организован небольшой концерт. Выступали партизаны с песнями и рассказами, были танцы. (...) 21 июля 1943 г... Немцев привели в расположение лагеря с тем, чтобы некоторые партизаны посмотрели на этих зверей. Сначала допросили всех... После всех разговоров я распределил немцев по ротам: там их били до смерти, а тогда закопали»²⁰⁰.

Ветеран Каменец-Подольского соединения им. Михайлова Алексей Артамонов свидетельствовал о том, что партизаны сделали с бывшим немецким агентом, в свое время подставившим группу Артамонова под удар противника: «Ну, сразу, допрос, допросили как следует, так, по-партизански... Ну, после допроса, все, когда мы все узнали, мы... У нас было отхожее место, яма такая была, куда ходили по нужде, мы его туда связали – и кинули. Так он там двое суток в этом дерьме и погибал. Вот такая была концовка у него»²⁰¹.

Бывший партизан Винницкого соединения Василий Ермоленко описывал случай, когда во время боя с чехословацким подразделением в плен был захвачен 16-летний партизан. Через некоторое время он вернулся, принес записку, объявляющую о намерении чехословаков перейти на сторону красных: «Командиром [нашего] отряда был Манюков (офицер-окруженец), ну и отдал [он этого молодого партизана] в контрразведку. А через день его расстрелял собственноручно глава контрразведки – вроде Сенцов его была фамилия. Ну, наши хлопцы пошли, его разведали: страшно было смотреть на человека, изуродованный, избитый: его там мучили, пытали... Чтобы не мudoхаться, не тянуть, расстреляли»²⁰². Позже несколько чехословаков попали в плен в указанный отряд, где на допросе свидетельствовали, что действительно хотели перейти на сторону партизан, т. е. посланец, расстрелянный мельниковскими контрразведчиками, говорил правду. В другом случае, вспоминал Василий Ярмоленко, «[немецкого] бургомистра взяли в Белоруссии – в райцентре. Так я видел, как ему горячую воду за шиворот лили при допросах. Особый отдел Мельника. А потом выяснилось, что он был советским разведчиком».

Донесение СД сообщало о факте, когда двое полицейских, захваченных партизанами на Черниговщине, спустя десять дней после плене-

²⁰⁰ Дневник Балицкого, записи 29 марта, 4 апреля и 21 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 40, 43, 119–120).

²⁰¹ Интервью с Артамоновым Алексеем (1918), ветераном Каменец-Подольского партизанского соединения им. Михайлова, г. Киев, 03.11.08 // ЛААГ.

²⁰² Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

ния были найдены с отрубленными руками и головами²⁰³. Недалеко от Корюковки при нападении на поезд глава охранного персонала – жандарм – был живьем кинут в паровозную топку²⁰⁴. Возможно, именно об этом случае свидетельствовал, «хвастаясь» делами подчиненных, на заседании у заместителя начальника УШПД полковника Старинова комиссар Черниговского соединения им. Коцюбинского К. Таранюк²⁰⁵. По сведениям бандеровцев, один из отрядов Сумского соединения 18 июля 1943 г. в селе Розсульная Станиславской (сейчас – Ивано-Франковской области) вступил в бой с немцами: «Во время боя попал в руки партизан немецкий капитан. Его партизаны порубили на куски и кинули в бочку местного священника»²⁰⁶.

Упомянем также о взятии партизанами заложников. Какой-то системы в этом не прослеживается, однако подобные факты периодически встречаются в различных документах.

На пограничье Сумщины и РСФСР 6 сентября 1942 г. группа партизан заняла село Подивотье. Венгерскими гусарами и полицаями партизаны были выбиты из села, 21 человек был взят в плен. Ночью в село вошли 15 партизан, расстреляли 3 полицейских и «утасили в лес 10 жителей, известных как дружелюбно настроенных к немцам. Бандиты направили послание охранной команде, что 21 взятых в плен должны быть тотчас отпущены, в противном случае 10 жителей Подивотья будут расстреляны»²⁰⁷.

Воевавший на Вольни командир польско-советского отряда Николай Куницкий («Муха») вспоминал, что когда партизанам потребовалось вести переговоры с венграми, они взяли в плен старосту села (фольксдойче) с женой и детьми. Послав старосту к венграм, они предупредили гонца, что расстреляют семью в случае, если он не вернется или вернется не один. В мемуарах Куницкого значится, что староста корректно выполнил задание партизан²⁰⁸.

В мемуарах воевавшего в тех же местах полковника Антона Бринского описывается комбинация: в начале 1943 г., решив выманить

²⁰³ «Сообщения из оккупированных восточных областей, №. 19», шеф полиции безопасности и СД, 4 сентября 1942 г. (ВAB. R 58/222. Bl. 11).

²⁰⁴ «Сообщения из оккупированных восточных областей, №. 46», шеф полиции безопасности и СД, 19 марта 1943 г. (ВAB. R 58/224. Bl. 39).

²⁰⁵ «Стенограмма совещания у зам. начальника УШПД полковника Старинова», г. Харьков, 29 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Спр. 126. Арк. 7).

²⁰⁶ Донесение территориальной организации ОУН о деятельности советских партизан на территории Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области, 23 июля 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 82).

²⁰⁷ «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами», местная комендатура I (V) 268, полевая жандармерия, Шостка, 27 сентября 1942 г. (ВА–МА. RH 22/175. Bl. 39 f.).

²⁰⁸ *Kunicki Mikolaj*. Pamiętnik “Muchy”... S. 99.

противника из райцентра, партизаны взяли в близлежащем селе в заложники старосту, заставили написать лживое письмо, с которым отправили его супругу к немцам. Оккупанты поверили перепуганной женщине и бросились на поиски партизан, которые тем временем захватили райцентр и разжились там сахаром²⁰⁹.

Террористические эксцессы со стороны бывших партизан продолжались даже после окончания оккупации, что вызывало раздражение представителей партийных органов. В Черниговской области в Иванецком районе в сентябре 1943 г. бывший командир партизанского отряда Парченко самочинно арестовал 25 полицейских, старост и других бывших коллаборационистов, которых вывел в лес и расстрелял. В другом случае в с. Яблунки Яблунского района группа бывших партизан пришла в дом священника, не застав его дома, увела его жену и ее сестру в лес, где последние были убиты. 18 октября 1943 г. в с. Заудайки Ичнянского района бывшие партизаны Владимир Ющенко, Николай Порш и Гавриил Мозговой ночью подошли к хате, в которой проживала семья полицейского, бежавшего с немцами, бросили на крышу дома две гранаты и произвели несколько выстрелов в окно дома, в результате чего был убит отец жены полицейского, старик Павел Майдан. «В Холмском районе 25 октября с[его] г[ода] бывшие партизаны, 1-й секретарь РК КП(б)У тов. Гузьяр Ф. К. и председатель райсовета депутатов трудящихся, вызвали к себе в кабинет начальников р[айонного] о[тдела] НКВД и РО НКГБ и потребовали от них выдачи бывшим партизанам целого ряда находившихся под стражей лиц для расстрела, а когда начальники РО НКВД и РО НКГБ отказались выполнять это незаконное распоряжение, секретарь райкома тов. Гузьяр стал возмущаться, заявив: “Я хозяин района, я знаю, что делаю и кто вам дал право не выполнять моих распоряжений”. Тов. Гузьяр также дал партизанам распоряжение – оружие органам НКВД не сдавать...»²¹⁰ Советским силовым структурам стоило определенных усилий привести в норму бывших партизан, привыкших к «лесной» жизни.

Можно сказать о еще одном виде партизанского террора, существование которого логично предполагать, но выявить по архивным документам сложно. Единственное свидетельство, которое встрети-

²⁰⁹ Бринский А. По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. М., 1961. Кн. 2. С. 41–42.

²¹⁰ «Спецсообщение о незаконных действиях и произволе, учиняемых в районах Черниговской области некоторыми бывшими партизанами», заместитель наркома ВД УССР Кальненко для Коротченко, № 1114/сн, 4 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 64).

лось автору в результате архивного поиска, касается действий небольшой группы Житомирского соединения им. Щорса: «На одной из таких “операций” (по вымогательству имущества. – А. Г.) командир Осадчук приказал... комсомолке Любе отпустить 15 шомполов старику за какие-то старые между ними сцены»²¹¹. Однако в ходе полевых исследований удалось выявить соответствующую информацию в селе Рейментаровка Корюковского района Черниговской области. Местный житель Иван Шарый, в 1941–1943 гг., бывший под оккупацией простым крестьянином, а в 1943–1945 гг. воевавший в Красной армии, на первый открытый вопрос «помните ли вы местных партизан?» уверенно ответил: «Да, помню хорошо, они убивали мирное население». Речь идет об убийствах, совершенных на личной почве. Любой рабочий коллектив и едва ли не каждое сообщество людей, проживающих рядом друг с другом, отмечен многочисленными склоками разной силы, т. е. в селе (тем более советском, благодаря кровавым событиям 1914–1941 гг.) латентные дрязги и глеющее непонимание между соседями наличествовали в избытке. В годы войны, когда часть мужчин получила в руки оружие, появился соблазн радикально свести старые счеты или решить вновь возникшие проблемы. Иван Шарый рассказывал о том, что бывший глава местного колхоза Борис Туник, став во время войны партизаном, убивал людей в ходе банальных ссор. В частности, жителя Рейментаровки Николая Шаева Туник расстрелял за то, что он неуважительно, с точки зрения Туника, назвал партизанского вожака в глаза²¹². По словам другого жителя Рейментаровки, Федора Разстольного, партизаны Туника у него на глазах убили его деда: но не за то, что отец Федора – Егор, т. е. сын убитого – был полицаем, а из-за того, что дед до войны поругался с этим партизаном²¹³. Кроме этого, по словам Разстольного, партизаны по личным причинам убили двух жителей Рейментаровки, мирно прогуливавшихся по лесной дороге, играя на гармошке. Спустя некоторое время после войны Борис Туник, к тому времени занимавший в Рейментаровке пост главы сельсовета, утонул. Как говорили местные жители, у следствия было несколько версий. По одной из них Туника убили из-за чрезмерной строгости, проявленной на служебном посту: он запрещал воровать в колхозе и не давал колхозникам, желающим выехать, паспорта: «Наверное, довел кого-то». По другой версии, убийство было совершено на почве ревности. Еще один рейментаро-

²¹¹ Дневник Наумова, запись от 13 ноября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 47).

²¹² Интервью с Шарым Иваном... // ЛААГ.

²¹³ Интервью с Разстольным Федором... // ЛААГ.

вещ ухаживал за той же женщиной, что и бывший глава партизанского отряда. Согласно рассказу Разстольного, следователь, расспросив селян, для себя сделала вывод: главе сельсовета припомнили его «подвиги» 1941–1943 гг. После этого в материалах следствия появилась запись о том, что Борис Туник утонул сам в результате несчастного случая, а дело было закрыто за отсутствием состава преступления.

* * *

Не подтвердилась гипотеза специалиста по истории бандеровского движения Джона Армстронга о том, что «советские партизаны почти не имели отношения к физическому уничтожению повстанцев-националистов»²¹⁴. Наибольших масштабов коммунистический партизанский террор достиг в 1943–1944 гг. именно в ходе борьбы против ОУН–УПА. Связано это было с тем, что большинство украинских партизан, в том числе командный состав, были уроженцами центральных и восточных областей УССР. Т. е. для личного состава формирований УШПД население Волыни и Галиции было не полностью «своим». Из-за того, что до 1939 г. эти земли входили в состав Польши, среди уроженцев шести западных областей красным партизанам почти невозможно было встретить родственников, друзей, сослуживцев или просто знакомых. Кроме того, большинство западных украинцев сочувствовало УПА, а развитая подпольная сеть ОУН создавала иллюзию вообще стопроцентной поддержки бандеровцев со стороны украинского населения этого региона. В силу того что по ряду указанных выше причин отряды УШПД в целом не смогли овладеть греко-католической (униатской) Галицией, террор коммунистов в годы войны был там незначительным. Во время архивного поиска автор нашел лишь одно, причем опосредованное свидетельство об уничтожении красными галицкого села в январе 1944 г. в Снятинском районе Станиславской (сейчас – Ивано-Франковской) области²¹⁵. А в отношении населенных пунктов православной Волыни фактический материал доступен в изобилии.

Изначально, зимой 1943 г., красные отпускали даже пленных бандеровцев восвояси. Но постепенно, когда отношения между красными и националистами вылились в межпартизанскую войну, «под горячую руку» партизан стал попадать и простой народ, непричастный

²¹⁴ Армстронг Дж. Советские партизаны... С. 81.

²¹⁵ Сообщение подпольщика ОУН: «Территория “Рось” 33. Донесение политическое за период с 12-го июня по 27-го июня 1944 г.» (ЦДАВО. Ф. 3836. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 52).

к противостоянию, не говоря уже о подпольщиках ОУН, бойцах УПА и членах их семей.

Можно сказать, что глава УШПД «дал отмашку» на проведение массового террора. Получив от Сабурова сообщение о расстреле партизанами нескольких десятков националистов, Тимофей Строкач 22 апреля 1943 г. послал в ответ радиограмму: «Действия отряда имени 24-летия Красной Армии одобряю. В каждом случае их нападения – жестоко карать. Листовками предупредить, что за одного партизана будет уничтожено 15 оуновцев и их немецких хозяев»²¹⁶. Эта рекомендация была точно выполнена сабуровцами²¹⁷.

О результатах «инициативы низов», на которую сквозь пальцы смотрело зафронтовое руководство, свидетельствуют, в частности, донесения ОУН с территории Западной Украины лета 1943 г.

В июне 1943 г. «в Колковском районе [Ровенской области] большевистская банда в числе 90 человек, по адресу – поляков, напала на село Пельче. Народ кинулся в бегство, банда ворвалась в село и грабила что попало, а всех, кто лишь попадал под руку, беспощадно убивала. В этом селе убито 35 человек»²¹⁸.

Нередко оперативные отчеты советской стороны свидетельствуют о подобных операциях красных. Например, согласно журналу учета боевых действий отряда им. Хрущева Житомирского соединения им. Щорса, 29 июня 1943 г. в с. Кобыльня Корецкого р-на Ровенской области «во время боя, который завязался с националистами, зажигательными пулями сожжено 30 домов семей националистов, убито 2 националиста, добыт националистический флаг»²¹⁹. В этой прошедшей для красных без потерь операции, руководимой командиром Салоненко, участвовало 19 человек.

В июле 1943 г. противостояние советских партизан с бандеровцами приобрело еще более бесчеловечные формы: «В последнее время сожжены следующие села и убиты наши члены и сочувствующие: в районе “Высоцк” (северной части Ровенской области. – А. Г.), село Серники – сожжено 60 хат, убито 40 семей, около 100 семей пошло в подполье и живут в других селах и городах. В селе Иваничи убито 10 семей, в селе Вичавка убито 30 человек, около 70 семей [ушло] в

²¹⁶ Кеніть А. В. Українська повстанська армія в 1942–1943 рр... С. 200.

²¹⁷ Листовка Житомирского соединения «Ко всем украинским националистам», май 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 113 зв.).

²¹⁸ Сообщение подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор за месяц июнь с территории северо-западных украинских земель», 6 июля 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 6).

²¹⁹ «Отряд им. Н. С. Хрущева (6 батальон). Журнал учета боевых и диверсионных действий отряда», запись от 29 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 67. Оп. 1. Спр. 93. Арк. 4).

подполье. В селе Золотое сожжено 25 хат, убито 2 семьи наших членов, которые пошли в УПА. В Столыньском р-не (Пинской области БССР. – А. Г.), село Ричица, сожжено 30 хат, убито 5 наших семей, в селе Бродец убито 2 члена [ОУН], хаты сожжены. В Дубровицком р-не [Ровенской области] проходящие большевицкие группы сожгли село Орвяница – 12 хат, в с. Нивецка сожжено 10 хат, убита девушка (“юначка”) (член молодежной организации ОУН. – А. Г.), в с. Грани – 40 хат (часть перед этим сожгли ляхи с немцами), в с. Трипутне – 10 хат, в селе Залишаны – 90 хат. (...) При нападениях на наши села как свихнувшиеся кидаются с бранью на могилы в честь героев, раскапывают [их] руками, ломают кресты (с. Орвяница, Грани, Трипутны). В с. Нивецк, Дубровицкого р-на [Ровенской области], одна проходящая банда привязала к кресту одного нашего члена и вместе с могилой при помощи мины разорвала»²²⁰.

Проходя через Ровенскую область, командир Винницкого соединения Яков Мельник 15 августа сделал запись в дневнике: «В селе Томашгород догорали дома. Я спросил местных жителей: “Кто спалил село?” Стоявший неподалеку старик ответил, что два дня назад село сожгли партизаны под командованием Шитова за то, что кто-то в селе в них выстрелил...»²²¹

После войны в советской документации появились сведения о том, что Томашгород уничтожили немцы, убив при этом 702 человека. Возможно, на действия оккупантов списали результаты партизанского террора²²².

Развиваясь, конфликт партизан с повстанцами дошел до западного белорусско-украинского пограничья – стыка Волынской области УССР и Брестской области БССР. В августе 1943 г. оттуда сообщалось: «На Берестейщине много сельского населения бежит от немцев и от красных, так как красные грабят, стреляют, и даже буквально вырезают наиболее сознательный элемент, а когда пьяные, то часто уничтожают кого попало. (...) У кого найдут хотя бы обрывок нашей литературы, тому чаще всего приходится прощаться с жизнью»²²³.

²²⁰ Сообщение подпольщика ОУН: «Отчет из округа «Л[есная] песня» за июль 1943 г.», 11 августа 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 13).

²²¹ Мельник Я. И. 554 дня партизанской войны: дневник, документы / ред. А. М. Добровольский. М., 2006. С. 115.

²²² «Справка о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на территории Ровенской области (1941–1944)», заведующий архивом Ровенского обкома КПУ Т. Михайлюта и др. для директора института истории партии ЦК КПУ И. Назаренко, 1965 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 275. Арк. 37).

²²³ Сообщение подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор Берестейско-Кобринского округа за август 1943 г.», август 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 116. Арк. 1–3).

Аналогичная ситуация царила в конце лета 1943 г. в Ровенской области: «Костопольщина... Красные партизаны находятся в Цуманских и Оржевских лесах и оттуда время от времени нападают на западные села Дераженского района, исключительно в целях грабежа... От красных население бежит точно так же, как и от немцев... Часть ляхов (из-за террора УПА. – А. Г.) бежала за [реку] Случ Людвипольского района и там создала свой партизанский отряд, как сообщают, в числе 1000 человек. Партизаны эти сотрудничают с красными, время от времени нападают и грабят мирное население, жгут отдельные хаты и без разбора убивают пойманных людей»²²⁴. «В некоторых селах Столынского и Высоцкого районов (пограничье Ровенщины и БССР. – А. Г.), где стояли наши отряды, по их уходу большевики терроризировали население. Например, в селе Бутове привязали людей к седлам коней и таскали по полю, приговаривая: “это за то, что кормили секачей”»²²⁵.

Общая картина партизанского террора на Волыни и в Полесье в сентябре 1943 г. дана в отчете подпольщика ОУН с территории северо-западной Украины: «Где могут временно остановить наш рост, там пользуются безоглядными методами, даже людей, которые ведут наши отряды как проводники, убивают. (...) В селе Радостове (Брестская область БССР. – А. Г.) красные под маркой УПА входят к людям и таким образом открывают своих врагов, которых беспощадно убивают. То же самое делается и в других селах»²²⁶. Такой «маскарад» в борьбе с националистами коммунисты широко использовали не только в годы войны, но и после нее – до конца 1940-х гг.²²⁷

Согласно документации ОУН, 27 сентября 1943 г., после нападения УПА на Черниговско-Волынское соединение А. Федорова, красные, отбив атаку, в селе Пневно Камень-Каширского района Волынской области сожгли 3 жилых строения и написали бандеровцам послание: «Предупреждаем! Если Вы не прекратите своих враждебных действий, нападать и как преступники стрелять по народным мстителям-партизанам, то будем бить и жечь беспощадно»²²⁸.

²²⁴ Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 244–247.

²²⁵ Там же. С. 248.

²²⁶ Сообщение подпольщика ОУН: «Информация из северных районов восточной Украины», не ранее сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 38).

²²⁷ «Докладная записка о фактах грубого нарушения советской законности в деятельности так называемых спецгрупп МГБ», военный прокурор войск МВД Украинского округа Кошарский Хрущеву, 15 февраля 1949 г. (*Білас І.* Репрессивно-каральна система в Україні... Кн. 2. С. 469–474).

²²⁸ Сообщение подпольщика ОУН: «Вести с Берестийщины», 3 октября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 30).

Угрозы были отнюдь не пустыми. Нередко красные партизаны превращали в пепел строения в тех же деревнях, в которых до этого карательные операции проводили немцы. Октябрь 1943 г., север Ровенской области: «Район “Замок”. Большевистские банды грабили села: Крута, Слобода, Клесов, Сохи. В последнем убили 10 человек. Сожгли заново с. Чудань и большую часть с. Каменное. Замордовали при этом 10 человек»²²⁹. В октябре–ноябре 1943 г. на северо-востоке Ровенской области наблюдалась та же картина: «На село Карпиловку напали ночью красные банды в большом количестве – ограбили, сожгли и убили при этом 183 наших крестьянина... Село Дерть окружили, ограбили (забрали до 300 шт. скота). Тут поймали одного крестьянина, посадили на могилу и подорвали ее. 3.XI снова напали на с. Боровое, дожгли хозяйства, которые оставались немцами не сожженными, и убили 20 крестьян»²³⁰. Любопытно отметить, что сожжение Карпиловки победители приписали оккупантам²³¹.

Неорганизованность террора приводила к тому, что под удары партизан попадало даже лояльно настроенное к ним население. Командование Черниговско-Волынского соединения с негодованием пожаловалось в УШПД на действия своих коллег: «21 ноября [1943 г.] партизаны польского отряда [им.] Костюшко, входящего в бригаду [под командованием] Шубекидзе Пинского соединения [БШПД], сожгли партизанское село Любязь, Любашевского района Волынской области, [в] количестве 250 хозяйств.

[В] ноябре 4 разведчика [в] пьяном виде двигались [на] разведку [в] Любязь. По дороге их крестьяне предупредили, что [в] село прибыли националисты, [но] они, не обращая внимания, двинулись [в] село, [в] результате [чего] были убиты националистами. Командование в отместку решило уничтожить все село, что и сделали»²³². После войны и уничтожение Любязи также «повесили» на немцев²³³.

²²⁹ Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 272.

²³⁰ Там же. С. 302.

²³¹ «Справка о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на территории Ровенской области (1941–1944)», заведующий архивом Ровенского обкома КПУ Т. Михайлюта и др. для директора Института истории партии ЦК КПУ И. Назаренко, 1965 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 275. Арк. 43).

²³² Радиogramма А. Федорова и др. Строкачу, вх. № 1946, 11 февраля 1943 г. (*Серійчук В.* Поляки на Волині... С. 368).

²³³ «Список населенных пунктов Волынской области, уничтоженных гитлеровцами за связь с партизанами и сопротивление немецкой власти в период Великой Отечественной войны», заведующий архивом Волынского обкома КПУ В. Замлинский для директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПУ И. Назаренко, 14 апреля 1965 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 212. Арк. 10).

Спустя месяц подчиненные уже самого Алексея Федорова – польская бригада им. Ванды Василевской, тогда входившая в Черниговско-Волынское соединение – устроили подобную «операцию» в том же Любашовском районе. Как рассказывал спустя много лет очевидец Валерий Гладич, «в Ляховичах тогда бандеровцев не было. А красные напали на село ночью 19 декабря 1943 г. До утра оно было почти уничтожено. Начали с южной стороны. Убивали всех, кого видели. Первыми убили Марчика Степана и его соседку Матрену с восьмилетней дочкой, Хвесик Николая и Хвесик Матрену с десятилетней дочкой, Мельника Василия. Семью Хвесик Ивана (жену, сына, невестку и ребенка-младенца) убили, и кинули в горящую хату. В общем на протяжении той кровавой ночи без вины погибло 50 человек. В ту же ночь погибли и родители моей будущей жены Никанор и Агафья Божко. Погибла также сестра Гладича Николая Антоновича Евгения, а мать его была тяжело ранена»²³⁴. В отчете ОУН количество погибших в ходе этой операции несколько меньше: «Дня 18.XII.43 г. красные в числе 150 персон напали на с. Ляховичи, в котором пребывала наша боевка. Не имея автоматического оружия, [она] должна была из села выйти. Красные сильно пограбили селян, сожгли полсела, убили 25 персон, 15 ранили, 10 забрали с собой. В бою ранен один наш друг из боевки, красных убито двое»²³⁵.

Не будет лишним вспомнить, что спустя две недели после этого погрома командир Черниговско-Волынского соединения Алексей Федоров получил вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Все же важно подчеркнуть, что масштабы коммунистического партизанского террора в отношении западноукраинского населения значительно уступали действиям нацистов. Вероятно, и террор польских националистов против украинцев был несколько выше, чем советских партизан. С цифрами в руках доказать это сложно, но тенденция в ряде документов прослеживается довольно четко. Например, бандеровское донесение от 25 декабря 1943 г. свидетельствует: «Людвипольский район (восток Ровенской области. – А. Г.)... Большевистские банды часто нападают на села Хотынь, Быстричи, Великие Селища, Маренин, Бильчаки, Усте, Поташня, Антолин и Билашовка. Они жгут хозяйства, грабят и жгут людей... На 1.XII в районе насчитывается 18 сел сожженных, в том числе: 7 сел сожжено немцами, 9 – поляками, а два – красными»²³⁶.

²³⁴ Боярчук П. О. Дорогами болю. Луцьк, 2003. С. 389–390.

²³⁵ Сообщение подпольщика ОУН: «Информация с территории Брестской и Кобринской округи от 21 сентября до конца 1943 г.», «Хвиля», 15 января 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 115. Арк. 3).

²³⁶ Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 251–252.

Не единичными были случаи минирования партизанами различных объектов – в террористических целях: «29.12.43 перед вечером красные в числе 18 человек напали на с. Якуши, где ограбили нескольких селян и священника и убили находящегося в то время в селе работника военной разведки “Карого”. Ограбив, подложили под его труп мину, которая взорвалась, когда селяне поднимали его труп для похорон»²³⁷. А вот как действовало на севере Волынской области соединение им. Молотова, командиром которого был брат секретаря ЦК КП(б)У Петр Коротченко: «В с. Рудни в ночь на 5.02[1944 г.] красные сожгли несколько хозяйств. Люди убежали в лес. Красные “хозяйствовали” тут и в Кукариках пару дней, повыкапывали все, что было закопано в земле, разваливали печи в хатах, напаскудили везде в помещениях. Заминировал в Рудне 5 лучших хат, из которых 3 уже разрушено минами...

Дальше пошли в Мшанец, где стояли до 9.02... Красные убили одного 50-летнего человека, у которого нашли оружие сына. Поймали женщину-кустовую (командира сельского самооборонного отряда ОУН. – А. Г.). Выбирали мед, уничтожая огнем ульи, стреляли коней, насильовали женщин»²³⁸. Петр Коротченко писал, что «население этих сел в подавляющем большинстве было националистическим и с вступлением нас в эти села поголовно бежало в леса»²³⁹.

Разгул партизанского террора вызвал даже неодобрение УШПД. Тимофей Строкач, отчитывая руководство Волынского соединения им. Ленина, в декабре 1943 г. привел в ней сведения, полученные им через радистов соединения: «Ваша разведка [в количестве] 50 человек [в] начале декабря за р. Горынь истребила 48 мирных жителей из-за того, что [оттуда] был произведен один выстрел»²⁴⁰.

Однако вялые нарекания Центра мало влияли на поведение красных на местах. Как сообщал бандеровский подпольщик в январе 1944 г. с западного Полесья, «всякая связь и работа с повстанческим

²³⁷ Сообщение подпольщика ОУН: «Информация с территории Брестской и Кобринской округи от 21 сентября до конца 1943 г.», «Хвиля», 15 января 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 115. Арк. 3, 4).

²³⁸ Сообщение подпольщика ОУН: «Вести с Ковельщины за период от 01.2–15.02.44 г.», 20 февраля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 43).

²³⁹ «Из отчета о деятельности разведки и контрразведки в соединении п[артизанских] о[трядов] [им. Молотова]», командир соединения Петр Коротченко и др., предп. Строкачу, после 5 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 252. Арк. 99).

²⁴⁰ Радиограмма Строкача командованию Волынского соединения им. Ленина (Л. Иванову и Ф. Волостникову) и представителю ЦК КП(б)У в Станиславской области М. Козенку о ситуации в соединении и дальнейших действиях, исх. № 7938, 21 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1306. Арк. 151–152).

движением данных территорий прервана, причина известна: безоглядный террор и уничтожение всего, что украинское, с лютостью, присущей дикарям сталинской эпохи»²⁴¹.

В начале февраля 1944 г. на село Маневичи Козельского района Волынской области «напали красные “Дяди Пети” (командира партизанского отряда РУ ГШ КА А. Бринского. – А. Г.), “Федоровцы” (вероятно, подчиненные Алексея Федорова, но не исключено, что и Ивана Федорова – командира Ровенского соединения № 2. – А. Г.) и забрали с собой 30 человек крестьян и расстреляли»²⁴².

В некоторой степени и Галиция испытала на себе тяжелую руку партизан. Например, о соединении Шукаева бандеровская разведсводка сообщала: «В Черный лес с конца апреля пришли большевистские партизаны в силе около 600 человек. Они осели в лесу и делают нападения на лежащие рядом села. 29.4 напали они на с. Грабовку, сожгли более десяти хозяйств и убили страшным способом 18 гражданских лиц, 5 бойцов из отряда “Ризуна”... Расстреляли они также 2 священников...»²⁴³

Оперировавший во Львовской области в июне 1944 г. партизанский отряд численностью около 500 человек в донесении националистов, как обычно, назван бандой: «Отступая, [банда] убила 6 украинцев, двое застреляных – неизвестны, двое повешенных – неизвестны, двое замученных – из с. Михайловка. Замученных нашли с обожженными на огне животами, ошпаренными в кипятке руками и ногами, вынутыми глазами и отрезанными носами и языками»²⁴⁴.

Случаи партизанского террора отмечались и после окончания немецкой оккупации. 21 марта 1944 г. бандеровская самооборона с. Большая Мощаница Мизочского р-на Ровенской области обстреляла группку партизан из отряда им. Берии Каменец-Подольского соединения им. Михайлова. В ответ соединение окружило село, а предпринятые националистами попытки переговоров ничего не принесли²⁴⁵, и село было полностью уничтожено. Об итогах операции

²⁴¹ Сообщение подпольщика ОУН: «Отчет об общественно-политической ситуации на Берестейщине и Кобринщине», предп. начало 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 115. Арк. 6).

²⁴² Сообщение подпольщика ОУН: «Вести с Ковельщины за период от 01.2–15.02.44 г.», 20 февраля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 43).

²⁴³ «Станиславщина. Обзор событий от 1.04 до 10.4.1944», 15 мая 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 132. Арк. 49).

²⁴⁴ Сообщение подпольщика ОУН: «Равщина. Вести с территории за период от 01.06 до 15.06.1944», не ранее 15 июня 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 126. Арк. 90).

²⁴⁵ *Motyka Grzegorz*. *Ukraińska partyzantka...* S. 260.

командование соединения сообщило в УШПД: «В результате боя уничтожено 224 чел., взято [в] плен 21 чел., число раненых не установлено. Взяты трофеи: 2 ручных пулемета, один автомат, 50 винтовок.

Наши потери: 4 раненых, 9 убито, 10 пропало без вести. Во время боя с нашей стороны была артиллерия и минометы, в результате чего в селе возникли пожары...»²⁴⁶ В ходе сражения погибло много мирных жителей, т. е. акция носила не только боевой, но и карательный характер. Проводивший этот бой Антон Одуха через четыре месяца был удостоен звания Героя Советского Союза.

Обобщающую картину партизанского террора в западных областях УССР дал в своем отчете комиссар Каменец-Подольского соединения им. Жукова П. Миронов: «У большинства партизанских отрядов сложилось такое мнение, что поголовно все жители Западной Украины националисты, и с заходом в села производили почти повальное изъятие скота и имущества и убивали мужское население в порядке мести за погибших диверсантов. Так было в с. Бельчаки (Людвипольского района [Ровенской области]), где соединением [им. Хрущева под командованием] т. Шитова в июне 1943 г. было спалено почти все село. Так было в селе Запруда Сарненского района [Ровенской области] со стороны [Каменец-Подольского] соединения [им. Жукова] т. Скубко. То же делали и другие соединения»²⁴⁷.

Полковника Ивана Шитова Т. Строкач представлял на звание Героя Советского Союза – в благодарность за точность развединформации, поставляемой его соединением. Однако инициатива начальника УШПД закончилась безрезультатно, по какой-то причине Шитов не был награжден.

Для того чтобы показательно проиллюстрировать описание партизанского террора на Вольни, приведем рассказ Раисы Сидорчук, жительницы села Старая Рафаловка Владимирецкого района Ровенской области. Речь идет об уничтожении этого села 13 октября 1943 г. подчиненной РУ Генштаба Красной армии бригадой. Карательная операция была произведена в разгар войны между бандеровцами и коммунистами. Но репрессии партизан против населения начались еще до создания УПА: «Немцы наш городок огибали. Они в Новой

²⁴⁶ Радиограмма командования Каменец-Подольского соединения им. Михайлова (А. Одуха, И. Кузовков) Строкачу о бое в с. Большая Мощаница, 25 марта 1944 г. (Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 223).

²⁴⁷ «Доклад комиссара соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской обл. под командованием т. Кота», комиссар соединения П. Миронов для С. Олексенко, 27 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 147).

Рафаловке, это километров за 15 от нас, стояли. А в лесах вокруг Старой Рафаловки вскоре зашевелились красные партизаны... Часто навдывались в наш городок. Называли себя партизанами “Дяди Пети” (полковника А. Бринского. – А. Г.), а еще – петровцами... Мы встречались с ними, вместе пели песни, помогали им продовольствием...

Добрые наши отношения с петровцами закончились, как только они вошли в силу. Началось с того, что партизаны “Дяди Пети” взялись “вершить суд” над семьями, ребята из которых и оказались в шуцманах. Тогда и по этой причине совершили дикую расправу над семьей Пасевичей. В ней, кроме старших, было двое девчат, и ребята – Николай, Дмитрий и Леонид, который служил в шуцманах. Николая спасло то, что ушел в тот вечер из дома... А старшего Пасевича убили сразу... Всех постреляли. В старую Пасевичиху, Палажку, в мать то есть, которая на все это должна была смотреть, всадили под конец три пули. Но судьба распорядилась так, что Пасевичиха как-то выжила и прожила еще лет 20...

Также расправились они и с семьей Яновицкой Марии, у которой только младший парень остался, и с семьей Паламарчуков... Всего детей в семье было семеро. Сыновья Иван (он в шуцманы пошел) Андрей, Георгий и дочери Надя, Клава, Юля, Вера...

Всех Паламарчуков, кроме Ивана и Георгия, которых партизаны не застали дома, поставили на колени и расстреляли...

А рядом с этим велись и обычные грабежи... Когда такое началось, должны мы были прятаться от петровцев хуже, чем от бандитов. Сперва в погребе пересаживали их нападения, а потом отец на пасеке, в уголке, где заросли были и крапива непролазная, выкопал для меня тайник...

В 1943-м пришли в Старую Рафаловку бандеровцы. Много. Какое-то подразделение УПА. Псевдоним проводника был “Верный”. Мы встревожились, так как кто его знал, зачем и что от них ожидать. Но никого, видим, не трогают. Даже в дома не заходят... Потом оставили из своих 16 человек гарнизон, да и ушли куда-то...

Как-то рано утром разжигаю печку, слышу, будто выстрел где-то. Потом родителей вопль: “Убегайте, прячьтесь на пасеке!”

А стрельба уже со всех сторон. И горит уже. Мы спрятались, а Галя (соседская девочка – А. Г.) нет... Я вылезла: Галя, вижу, бежит. Корзиночки впереди себя с котятками несет. Я ей: “Сюда!” А она машет руками: “Подожди, сейчас!” Ошалевшая со страха. Понесла котят к хлеву. А через некоторое время оттуда такой вопль ужасный, что не передать.

Когда все уже успокоилось, узнали: это петровцы окружили Старую Рафаловку и повели “бой с бандеровцами”. Бандеровцев убили нескольких, а городок наш, считай, полностью уничтожили. И людей

ни в чем не виноватых убили, не скажу даже сколько. Галию живьем в огонь бросили. Обгорелый труп дяди нашли мы около хлева. А на дворе и возле дома, – тоже сгоревших, – еще шесть трупов тех, кто искал себе, где мог, спасения. В нашем хозяйстве уцелел только погреб. В нем обнаружили Олежку (соседского ребенка. – А. Г.). Был в новеньких, бабкой сшитых башмачках и с распоротым штыком животиком. Мать его в другом месте пряталась.

Спаслась. Сказали ей про сына. Прибежала, забрала... Несет в охалке Олежку, кишки у него из живота выпали, волочатся по дороге, путаются у матери под ногами. Она же и не замечает ничего, ум от горя утратила.

Такого Старая Рафаловка за все свое существование, наверное, не знала. А красные согнали всех, кто уцелел и на глаза попался, разгребать насыпанный бандеровцами курган (памятник погибшим за независимость. – А. Г.). Не разрешили даже лопат взять. Должны были голыми руками, пусть и кровь из-под ногтей, разгребать, хоть зубьями грызть и горстями разносить, пока ровным то место не стало. Потом всех, кто разгребал, расстреляли... Петровцы знали, в какой хате чем можно поживиться, как и то, что основные силы УПА под командованием “Верного” тогда ее оставили и поэтому можно было показать свой “героизм”²⁴⁸.

Эта история подтверждается донесением политического референта Военной округа УПА «Зарево» за октябрь 1943 г.: «Большевики... Напали на Старую Рафаловку, которую сожгли. Убили 60 человек, из них 8-х из рай[онного] актива. Убит политический референт “Тетеря” (Бугай). Грозил смертной казнью за поддержку УПА»²⁴⁹.

Оценим «точность» партизанского террора – сожжено большое село, убито 60 человек, а кров и хозяйство потеряли сотни людей. Из убитых только 8 (13,3 %) – члены ОУН.

Интересно отметить, что полковнику Антону Бринскому («Дядя Пете») присвоили звание Героя Советского Союза 4 февраля 1944 г. – через два с половиной месяца после того, как партизаны из его бригады разгромили Старую Рафаловку.

* * *

К сожалению, подсчет общего количества погибших в ходе коммунистического партизанского террора невозможен. Статистика УШПД, основанная на оперативных отчетах партизан, насквозь ис-

²⁴⁸ Боярчук П. Трагедія Старої Рафалівки: 50-річчя УПА: невідомі сторінки війни // Волинь (Луцьк). 04.08.1992.

²⁴⁹ Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 272.

кажена, а материалы немецкой стороны и ОУН–УПА страдают неполнотой и тоже искажены, хоть и не столь сильно. Вряд ли соответствующие обобщающие сведения когда-либо появятся, даже если откроются секретные архивы. Однако очевидно, что счет шел на тысячи. Представляется, что размах партизанского террора был вполне сопоставим с результатами боевой и диверсионной деятельности красных партизан.

3.4. Разведка

Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, следует бросать головой в колодец.

И. Сталин

Я лично никогда не использовал в своих целях разведку и не принимал у себя шпиона. А тем более шпионки. Что-то в этом есть очень грязное²⁵⁰.

А. Гитлер

В ходе войны партизанские формирования проводили разведку в собственных интересах для обеспечения боевых и диверсионных операций, а также добывали и пересылали сведения для зафронтовых органов руководства, т. е. для оперативных нужд НКВД УССР, с лета 1942 г. – УШПД, и, опосредованно, Красной армии и иных заинтересованных ведомств. При этом система получения и переработки информации претерпела в 1941–1944 гг. определенные структурные изменения.

В 1941 г. разведдеятельность партизанских формирований, созданных за считанные дни, была подготовлена куда меньше, чем проведение боевых и диверсионных операций, т. е. вообще не была подготовлена. Это и послужило одной из многочисленных причин разгрома партизанских отрядов в 1941–1942 гг. Оставшиеся в живых в силу здравого смысла, опыта конкретных партизанских командиров и с помощью импровизации сумели наладить разведслужбу, необходимую для успешного функционирования отрядов. При этом в крупных соединениях на протяжении всей войны не было достигнуто структурного единообразия: за разведку мог отвечать начальник штаба, заместитель командира по разведке, начальник оперативной части.

²⁵⁰ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / пер. с нем. И. В. Розанова; общ. ред., вступ. статья и предисл. И. М. Фрадкина. Смоленск, 1993. С. 101.

Как отмечалось в итоговом отчете сабуровского соединения, «в начале возникновения партизанских отрядов разведывательную работу поручали отдельным партизанам и партизанкам»²⁵¹. В конце 1941 г. Сабуров был единственным партизанским командиром Украины, обладавшим радиопередатчиком. Под самый Новый год были посланы первые донесения в НКВД УССР, т. е. в пользу Красной армии, касающиеся передвижения войск по дороге Почеп – Брянск.

Все первое полугодие войны украинские партизаны ограничивались ближней разведкой. С января 1942 г. сабуровцы стали посылать группы партизан на дальнюю разведку, т. е. на расстояние в среднем 50–100 км от основных сил отряда.

В отряде Федорова–Попудренко с первых дней его создания действовала не только войсковая разведка, но и контрразведка (особый отдел), занимавшийся выявлением и уничтожением вражеской агентуры и нелояльных лиц среди населения и в самом партизанском отряде²⁵². Для этих целей была постепенно создана сеть внутренних осведомителей, а также информаторов «на местности». Начальник войсковой разведки федоровцев занимался не только постановкой задач по разведке всем частям соединения, но и с начала 1942 г. распоряжался находящимся в его подчинении разведзвонком.

Усилия партизанских командиров дали определенные результаты.

Уже в начале 1942 г., когда исход войны был еще не ясен, и политический климат был не всегда в пользу партизан, в дневнике полевой комендатуры на севере Черниговской области оправдывалась беспомощность охранных частей перед многочисленными внезапными атаками на мелкие части. Например, запись от 4 февраля 1942 г. указывала на высокую подвижность «лесных солдат» и вызванную этим утомленность формирований оккупантов: «Во время этих нападений они ничуть не рискуют, поскольку, благодаря их первоклассной разведывательной службе, всегда выступают с многократным численным превосходством и отлично обеспечены огнестрельным оружием»²⁵³.

²⁵¹ «Доклад о боевой деятельности и партийно-политической работе партизанских отрядов Житомирской области» за период с 1.11.1941 по 1.03.1944, Сабуров и др. предп. для Строкача, середина 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 157).

²⁵² «Отчетный доклад штаба соединения партизанских отрядов Дважды Героя Советского Союза — генерал-майора Федорова А. Ф. и подпольных областных комитетов Коммунистической партии большевиков Украины Черниговской и Вольнской областей за время с сентября м-ца 1941 г. по апрель месяц 1944 г.», А. Федоров и др. предп. для Строкача, 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 251).

²⁵³ «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами в зоне ответственности п[олевой] к[омендатуры] 197», запись от 4 февраля 1942 г. (ВА–МА. RH 22 / 173. Bl. 47).

То же самое отмечалось 14 апреля 1942 г. уже относительно оборонительных операций «лесных солдат»: «Партизаны обладают очень хорошо выстроенной разведывательной и дозорной службой, так что любой приближающийся к лесу всегда своевременно замечен»²⁵⁴.

Командующий тыловой зоной группы армий «Юг» 7 мая 1942 г., описывая борьбу с федоровским отрядом, указал на важность наличия в нем отдельного конного разведвзвода: «Помимо названного разведывательного отряда партизаны обладают почти во всех населенных пунктах доверенными людьми, которые непрерывно уведомляют их обо всех передвижениях направленных против них войск, силах украинских охранных команд и т. д. Допросы военнопленных показали, что партизанам известен день и время немецкой атаки, так же как и пути нападения»²⁵⁵.

Налаженность войсковой разведки «лесных солдат», а также наличие уже созданной сети партизанской агентуры подтвердилось летом 1942 г. Несмотря на то, что на территории Черниговщины и Сумщины федоровцам и ковпаковцам закрепиться не удалось, немцы не сумели разбить партизан. Комендант расположенной в Нежине полевой комендатуры № 197, полковник Кефер летом 1942 г. подвел итог полугодовых оперативных мероприятий: «... Партизаны обладали очень хорошей шпионской сетью, предположительно также с помощью радиостанций, так что каждая операция и сосредоточение охранных войск очень часто остаются безуспешными, поскольку заблаговременно оповещенные партизаны сменили свое укрытие»²⁵⁶.

Объясняя свое бессилие противостоять рейдам базовых украинских отрядов на территорию Украины, командующий полевой полицией в тыловой зоне группы армий «Б» летом 1942 г. ссылаясь на информированность советских диверсантов: «Разведывательная служба партизан в в[ыше]н[азванных] областях функционирует превосходно. Вместе с... разведывательными частями они используют обширную сеть доверенных лиц, особенно в деревнях, лежащих вдоль путей их следования. Во время рейдов они посылают перед собой соответствующих местных людей, которые входят в контакт с агентами, узнают о силах украинской полиции, расквартировании войск,

²⁵⁴ Ibid. Bl. 52.

²⁵⁵ Сообщение «Выступления партизан и их деятельность в зоне группы армий “Юг”. Отчетный месяц апрель 1942», № 433/42 [секретно], по поручению командующего группы армий «Юг», 7 мая 1942 г. (ВА–МА. РН 22 / 82. Bl. 289).

²⁵⁶ Аналитическая записка «Опыт в борьбе с бандами», начальник полевой комендатуры № 197 полковник Кефер, после 1 июля 1942 г. (ВА–МА. РН 22 / 173. Bl. 45).

и одновременно производят рекогносцировку, свободен ли путь»²⁵⁷. Указывалось на наличие у партизан тщательно охраняемой и хорошо налаженной радиосвязи.

Перенимая позитивный опыт федоровцев, сабуровцами летом 1942 г. в партизанских отрядах были созданы специальные разведгруппы. Кроме того, при штабе соединения был организован отдельный взвод разведчиков²⁵⁸. К концу 1942 г. уровень разведывательной работы соединения Сабурова вырос еще больше. Во время Сталинского рейда на Житомирщину в ноябре 1942 г. разведгруппы соединения высылались вперед, отдельные разведчики были даже снабжены рацией. Подобная практика с весны 1943 г. стала общепринятой для основных соединений украинских партизан, т. к. в отрядах УШПД было на январь 1943 г. 25 радиостанций, а на 1 августа 1943 г. – уже 120²⁵⁹.

Разведка в основных украинских отрядах, которую они проводили в свою пользу, была поставлена на должной высоте.

Общие принципы агентурной и войсковой разведки на примере соединения Сабурова в сентябре 1942 г. описал представитель политуправления Юго-Западного фронта Крюков: «Дальняя разведка – фронтовым путем посылки разведгрупп и отдельных разведчиков. В зависимости от объема разведки и места его нахождения подбираются люди, больше всего используются для этой работы подростки, женщины и старики – партизаны. С другой стороны, отряды имеют своих людей в соответствующих учреждениях и предприятиях противника, в результате связи с ними отряды имеют возможность получить соответствующие разведданные. Посылаются люди под видом беженцев, крестьян, едущих на базар с какими-либо вещами и продуктами, железнодорожных рабочих, рабочих различных специальностей, наконец, танцоров, плясуннов, гармонистов и т. д. по заранее разработанной легенде. Также используются документы, захваченные у немцев. Ближняя разведка ведется разведчиками отрядов, иногда разведка боем, используется немецкая и мадьярская одежда, очень много данных отряды получают от местного населения и осо-

²⁵⁷ Сообщение «Положение партизан и их борьба севернее линии Конотоп–Рыльск», № 914/42 [секретно], командующий полевой полицией в тыловой зоне группы армий «Б», предп. для командующего тыловой зоной гр. армий «Б», 12 августа 1942 г. (ВА–МА. РН 22 / 31. Вл. 84–85).

²⁵⁸ «Доклад о боевой деятельности и партийно-политической работе партизанских отрядов Житомирской области» за период с 1.11.1941 по 1.03.1944, Сабуров и др. предп. для Строкача, середина 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 158).

²⁵⁹ *Кентій А., Лозицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 253.

бенно от детей. Контролируется правильность разведанных посылок вторых лиц с этой же задачей»²⁶⁰. При этом Крюков отмечал, что разведкой в должном объеме занимаются далеко не все партизанские отряды, и давал понять, что разведуправления штабов фронтов получают сведения от партизан в недостаточном количестве и с явным запозданием.

Разведка партизан в пользу Красной армии к исходу первого года войны оставляла желать много лучшего.

В итоговом докладе 4-го управления НКГБ УССР значилось, что в 1941 г. получение сведений от партизан наткнулось на непреодолимое препятствие – «отсутствие достаточной технической связи (раций) и регулярной живой связи»²⁶¹.

Только в начале 1942 г. в основные партизанские отряды НКВД УССР было доставлено 6 радиопередатчиков, позволивших наладить посылку сведений за линию фронта – как в НКВД УССР, так и в развед- и политуправления фронтов.

Несмотря на это, общий объем информации, поступавшей от партизан, был скромным. С 5 августа 1941 г. по 8 января 1942 г. от НКВД УССР на адрес ЦК КП(б)У и СНК УССР, фронтового командования Красной армии пришло 123 сообщения и тематических справки, составленных на основе данных, собранных партизанскими отрядами и агентурой²⁶². При этом роль первых и далее оставалась скромной. В частности, датированная февралем 1942 г. разведсводка разведывательного отдела штаба Юго-Западного фронта была составлена преимущественно на основании сведений, полученных от агентов-одиночек²⁶³. Из 13 страниц разведсводки 4-го управления НКВД УССР от 5 мая 1942 г. о концентрации и передвижении войск противника и политико-экономическом режиме на оккупированной территории, только 2 страницы (15 %) были составлены на основании донесений партизанских отрядов. Остальные сведения были почерп-

²⁶⁰ Сообщение представителя политуправления ЮЗФ Крюкова для Пономаренко «О партизанских отрядах и их борьбе в тылу противника (украинская группа т. Сабурова)», 13 сентября 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1126. Л. 28).

²⁶¹ «Докладная записка о роли органов НКВД–НКГБ в организации и развитии партизанского движения», № 4/с/364, начальник 4-го управления НКГБ УССР Сидоров, документ направлен заместителем наркома ГБ УССР Дроздецким Судоплатову 29 января 1945 г. (ГДАСБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 83 510, т. 1. Арк. 11).

²⁶² Мищенко Г. П., Мигрин Г. П. Задача особой важности. К., 1985. С. 46–47.

²⁶³ Сообщение разведывательного отдела штаба Юго-Западного фронта: «Обобщенный материал о состоянии войск противника и о положении на оккупированной им территории. По донесениям ходоков и партизанских отрядов», после 1 февраля 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 873. Арк. 141–148).

нуты из донесений самостоятельно действующей агентуры, опроса военнопленных и перебежчиков, а также радиоперехвата²⁶⁴.

Кроме того, качество разведсообщений с мест и даже сводок НКВД УССР в первой половине 1942 г. было не самым высоким. Например, хронически преуменьшался боевой дух войск Вермахта и связанных с ним вассальных государств. Например, на основании сведений, полученных из донесений партизан Сабурова, Ковпака и Воронцова весной 1942 г., можно было сделать вывод, что противник разлагается: «Из вновь поступивших данных видно, что моральное состояние фашистской армии, особенно солдат и командного состава подвассальных Германии государств, продолжает резко падать. Отмечен ряд случаев дезертирства целых подразделений и частей. Особенно наглядно это проявляется при столкновении специально выделенных воинских отрядов для борьбы с партизанами. (...) В целях борьбы с растущим дезертирством и разложением в армии, германское командование применяет жестокие репрессивные меры в отношении солдат (имеются в виду венгры. – А. Г.), отказывающихся воевать против СССР»²⁶⁵. Репрессий немцы к своим венгерским союзникам не применяли, а случаи массового перехода сателлитов Вермахта на сторону партизан стали отмечаться с начала 1943 г., т. е. после Сталинграда.

Как только начала налаживаться система поставки данных от партизан в НКВД УССР, был создан УШПД, в ведение которого были переданы отряды, но не агентура, что оторвало «лесных солдат» от значительного количества информаторов в селах и городах. Кроме того, из-за отступления Красной армии летом 1942 г. и переездов УШПД радиосвязь периодически прерывалась.

В этой обстановке был создан разведывательный, второй отдел УШПД, укомплектованный бывшими сотрудниками 4-го управления НКВД УССР, где они и занимались до этого организацией партизанских отрядов. На протяжении всей войны отдел возглавляли, последовательно, И. Уралов, Ф. Коваленко, О. Мартынов, В. Храпко.

²⁶⁴ «Разведсводка № 3 о концентрации, передвижении войск противника и политико-экономическом режиме в оккупированных районах УССР по данным на 5.5.42», № 33 848, начальник 4-го управления НКВД УССР Строкач, предп. для командования ЮЗФ, 8 мая 1942 г. (ГДА СБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 83 530, т. 1. Арк. 21–33).

²⁶⁵ «Разведсводка № 6 о военных мероприятиях германского командования на временно оккупированной территории УССР по данным на 30.5.42 года», № 34234, Строкач для Судоплатова, командира Южного фронта Р. Малиновского и др., 4 июня 1942 г. (ГДА СБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 83 530, т. 1. Арк. 60–61).

При этом на лето 1942 г. внутри действующих партизанских отрядов, за небольшим исключением, не было квалифицированных работников службы разведки и контрразведки²⁶⁶. О подобном явлении говорил Сабуров на совещании с участием П. Пономаренко 31 августа 1942 г.: «Недостаточно у нас направлена разведка. Я вот слушал товарищей и считаю, что это недостаток как будто бы общий для всех отрядов. Но, во всяком случае, у нас в этой части плохо обстоит и особенно плохо с агентурой. У нас, правда, была агентура в Почепе, в Клинцах, но погибла. Немцы не разбираются, а отсчитывают 100 человек и сразу расстреливают, и вот в этом числе и они попали»²⁶⁷.

Перед вторым отделом УШПД были поставлены задачи упорядочить разведывательную службу в отрядах, наладить контрразведку (в большинстве отрядов ее как структурного подразделения на тот момент не было) для предотвращения попадания в ряды партизан немецких разведчиков и «ликвидации» сомнительных с точки зрения особистов партизан. Главной же целью являлось увеличение объема сведений, собираемых партизанами и пересылаемых за линию фронта – для оперативных нужд УШПД, а также Красной армии и других силовых структур.

При этом штаты разведотдела УШПД все время его существования были существенно ограничены – 5–8 человек вместе с техническим персоналом. Однако даже в условиях постоянных переездов, с июня по сентябрь 1942 г. РО УШПД было подобрано, обучено и переброшено в партизанские соединения и отряды 11 заместителей командиров соединений и отрядов по разведке (преимущественно в небольшие отряды). Кроме того, до 1 октября 1942 г. в немецкий тыл было направлено 3 отдельные разведывательно-диверсионные группы общей численностью 28 человек, а также 28 разведчиков и курьеров для налаживания связи с партизанскими отрядами и выполнения разведывательных заданий.

Принимаемые меры не приносили желаемого результата. 29 октября 1942 г. разведотдел ЦШПД упрекал своих украинских коллег в том, что, несмотря на сделанные ранее замечания и указания, поступающие из Украинского штаба сведения страдали существенными недочетами. Как следует из критики, ошибки совершали не только партизаны, но и аналитики разведотдела УШПД. Поэтому использо-

²⁶⁶ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 7).

²⁶⁷ «Из стенограммы совещания партизанских командиров УССР и РСФСР с начальником ЦШПД П. Пономаренко» 31 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 116 зв. – 117).

вание этой информации было затруднительным, а то и невозможным: «В Ваших разведсводках нередко помещаются непроверенные данные о противнике; повторяются сведения, помещенные в предыдущих сводках; при сообщении данных о противнике часто не выполняются элементарные требования: не указывается время, к которому относятся данные, не указывается источник получения сведений, расположение выявленных объектов диверсий (базы снабжения, аэродромы и проч.), не ориентируется от крупных населенных пунктов по сторонам света»²⁶⁸.

На основании донесений, поступивших с мест от засланных в тыл Вермахта разведработников, а также критики ЦШПД был сделан вывод о том, что развед- и контрразведывательная деятельность на местах должна быть несколько реструктурирована.

Если в 1941–1942 гг. в большинстве украинских партизанских отрядов и соединений разведкой руководил начальник штаба, то с начала 1943 г. была введена должность заместителя командира по разведке. Он напрямую подчинялся командиру и комиссару соединения. В обязанности замкома по разведке входило руководство обоими видами разведки (агентурной и войсковой), а также контрразведки. Кроме того, заместители командиров по разведке подчинялись и начальнику разведывательного отдела УШПД и, негласно, напрямую Тимофею Строкачу. Отряды, подчиненные представителям УШПД на фронтах, высылали свои разведданные начальникам разведотделений этих представительств²⁶⁹.

С 14 октября 1942 г. по 23 марта 1943 г. в основные отряды и соединения УШПД было переправлено 10 заместителей командиров по разведке – в званиях от младшего лейтенанта ГБ до майора ГБ. Попытки Т. Строкача получить от руководства Красной армии армейских специалистов по разведке провалились.

Назначения новых людей на должность заместителя командира по разведке сочетались со структурными преобразованиями разведработы соединений. Например, в Черниговском соединении в марте 1943 г. «в соответствии с полученными задачами [была проведена] реорганизация работы разведки, которая выразилась в следующем:

Введена должность зам. командира соединения партизанских отрядов – по разведке, подчиненного непосредственно командиру и

²⁶⁸ Сообщение начальника РУ ЦШПД Аргунова и др. Строкачу о недостатках разведывательных сводок УШПД и предложения по их устранению, № 1372 сс, 29 октября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 213. Арк. 57).

²⁶⁹ «Схема разведорганов УШПД в 1943 году», 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 147).

комиссару соединения. На обязанности этого заместителя было возложено общее руководство работой войсковой разведки и контрразведки соединения.

Для непосредственного руководства работой войсковой разведки и контрразведки соединения введены должности:

А) Командира войсковой разведки, являющегося помощником заместителя командира соединения по войсковой разведке соединения;

Б) начальника особого отдела соединения, являющегося помощником заместителя командира соединения по внутренней разведке соединения.

Во всех партизанских отрядах и подразделениях, входящих в соединение партизанских отрядов, должности уполномоченных особого отдела с марта месяца 1943 года упразднены, и введены должности зам. командиров отрядов по разведке, подчиненные на местах командиру и комиссару отряда или подразделения с соподчинением по работе особому отделу по вопросам особого отдела»²⁷⁰. В каждом отряде был организован взвод войсковой разведки, который проводил войсковую разведку для своего отряда и выполнял отдельные поручения соединения.

Кроме того, в указанный период, т. е. с октября 1942 по март 1943 г. вместе с группами организаторов партизанского движения, т. е. своеобразными зародышами партизанских отрядов, УШПД было подготовлено 25 человек заместителей командиров партизанских отрядов по разведке, и все они были брошены в немецкий тыл.

Помимо этого в тыл противника было направлено еще 5 отдельных разведывательно-диверсионных групп общей численностью 37 человек. В середине 1943 г. на оккупированную территорию было брошено еще 13 РДГ общей численностью 56 человек. Выброска проводилась как в северные, так и в степные районы УССР, а также в Западную Украину.

Проводились и контрразведывательные мероприятия, причем германская агентура выявлялась не только на оккупированной территории. В числе прибывших из тыла лиц разведотделом УШПД с октября 1942 до апреля 1943 г. включительно были разоблачены как

²⁷⁰ «Отчетный доклад штаба соединения партизанских отрядов Дважды Героя Советского Союза — генерал-майора Федорова А. Ф. и подпольных областных комитетов Коммунистической партии большевиков Украины Черниговской и Вольнской областей за время с сентября м-ца 1941 г. по апрель месяц 1944 г.», А. Федоров и др. предп. для Строкача, середина 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 252–253).

немецкие разведчики и переданы в НКВД 44 человека, среди них несколько выпускников школ СД.

В конце весны 1943 г., после упорядочения разведслужбы в основных соединениях, началась активизация разведдеятельности украинских партизан, расширение агентурной сети, в том числе в городах и на железнодорожных станциях. В частности, на встрече Строкача и Коротченко с командным составом семи основных украинских партизанских соединений было решено «обратить особое внимание на усиление разведки во всех соединениях. Для этого нужно количественно и качественно усилить разведподразделения отрядов, доукомплектовать их лучшими бойцами и командирами, снабдить лучшим оружием и лошадьми, создать привилегированные условия. Также особое внимание обратить на создание широкой сети агентурной разведки»²⁷¹.

Все больший процент развединформации шел в пользу Красной армии и иных заинтересованных ведомств. Соответствующие заявки на ту или иную информацию как по общим проблемам (политический режим, экономическая ситуация и т. д.), так и по вполне конкретным вопросам (дислокация той или иной дивизии, интенсивность перевозок по определенной железнодорожной ветке и т. п.) Разведуправление ГШ КА или ГРУ посылали в Разведотдел УШПД, а тот, в свою очередь, в партизанские отряды. «Перед партизанами ставили также задания по линии Разведывательного управления Главного морского штаба ВМФ СССР по изучению положения на реках Днепр, Припять, Западный Буг; по линии штаба железнодорожных войск, Главного управления военно-восстановительных работ Наркомата обороны СССР – о работе железных дорог, организации и структуре железнодорожных войск фашистов»²⁷². Просьбы поступали и из 4-го управления НКВД СССР, однако выполнялись УШПД не всегда и оказывали куда меньшее влияние на оперативные планы разведотдела УШПД.

Сведения пересылалась партизанами за линию фронта как с помощью радиопередатчиков, так и в письменном виде самолетами (обширные сообщения и доклады), в отдельных случаях с помощью курьеров.

Однако даже в период, когда в основных отрядах и соединениях уже находились заместители командиров соединений по разведке,

²⁷¹ «Резолюция совещания членов нелегального ЦК КП(б)У совместно с командирами и комиссарами 7 партизанских соединений Украины, состоявшегося 28–29 мая 1943 года» (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 19. Спр. 14. Арк. 27).

²⁷² *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 260.

далеко не всегда «сообщения с мест» учитывали азы оформления по-дачи разведсведений: «Разведотдел [УШПД] проделал большую работу в части повышения культуры командира по обработке разведматериалов. Разведотдел ставил перед командованием отрядов задачу своевременного сбора развединформации и своевременной передачи ее в УШПД, так как иначе самое ценное разведдонесение, не будучи доставленным вовремя, теряет свою ценность.

Но даже тогда, когда такое донесение поступало в УШПД, перед каждым командиром [отдел] ставил задачу – указывать источник донесения, степень достоверности, а также точно ориентировать объект разведки»²⁷³.

В апреле–июле 1943 г. разведотдел УШПД направил в крупные соединения и создающиеся отряды еще 13 человек заместителей командира по разведке, а также 4 разведгруппы общей численностью 17 человек. Таким образом, к середине 1943 г. все соединения партизанских отрядов получили заместителя командира по разведке. Кроме этого, разведывательными отделами представительств УШПД на Воронежском, Юго-Западном и Южном фронтах было направлено в тыл противника 15 заместителей командиров отряда по разведке, 12 разведывательных и разведывательно-диверсионных групп общей численностью 56 человек, а также 5 разведывательно-организаторских групп по 12 человек каждая, 4 агента-связника для разведработы и связи с партизанскими отрядами. Всего в 1942–1944 гг. УШПД направил в украинские формирования 68 заместителей командиров по разведке.

Ведение агентурной разведки на местах контролировалось и направлялось с помощью руководящих указаний по радио, вызова отдельных работников службы партизанской разведки в РО УШПД, инспектированием состояния агентурной работы посредством систематических вылетов в тыл Вермахта сотрудников РО УШПД.

Заместителям командира соединений по разведке подчинялась оперативная часть, состоявшая из нескольких резидентов, на связи с каждым из которых состояло от 3 до 12 агентов. Резидент подбирал лиц, которых можно было завербовать, поддерживал связь с агентурой, ставил ей задачи.

Кроме того, оперчасть состояла из отдельных агентов, которые подчинялись непосредственно командиру по разведке и выполняли его указания. Как правило, состав этих лиц вербовался из числа партизан, преимущественно женщин.

²⁷³ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 21).

Помимо этого в партизанском отряде каждый командир роты или диверсионной группы состоял в контакте с рядом лиц из местного населения, которые помогали ему в выполнении боевых задач, снабжали разведывательной информацией. Они не были связаны с агентурными работниками, т. е. не подчинялись заместителю командира соединения по разведке и как агенты не оформлялись, хотя фактически ими являлись. У них в таких случаях не бралась подписка о сотрудничестве, но давались определенные задания разведывательного характера. Агенты использовались и в качестве агитаторов – распространителей печатных материалов (газет, листовок) или для ведения «пропаганды шепотом».

Вербовку агентуры партизаны проводили, исходя не из идейных качеств того или иного человека, а из его индивидуальной или семейной причастности к системе.

Как отмечала немецкая аналитическая записка об опыте в борьбе с партизанами на Черниговщине в 1942 г., советский агентурный резерв составляли родственники «лесных солдат»: «При нападениях на отдельные населенные пункты, партизаны, которые родом из этой деревни, появляются в своих семьях и получают осведомление о силе полиции, немецкого вермахта, вооружения и т. д. Эти показания в большинстве случаев услужливо предоставляются родственниками. Чем больше партизанских семей живет в деревне, тем чаще совершаются атаки. С момента вывоза этих семей количество нападений снижается»²⁷⁴.

О похожей целевой группе свидетельствовал и заместитель командира по разведке отряда им. Кармелюка Каменец-Подольского соединения им. Михайлова Алексей Артамонов: «Особенно [часто мы вербовали] семьи людей, у которых дети были взяты в Красную армию. Вот из них мы и делали агентурщиков. (...) Можно было запросто идти, можно было говорить откровенно, они всегда были на стороне нашей... Сыновья, дети»²⁷⁵. По словам Артамонова, в ряде случаев таким агентам, в том числе женщинам, т. е. женам, матерям и сестрам красноармейцев, партизанами выдавалось продовольствие. «Кровнородственные» и «приятельские» аргументы влияли даже на полицейских: «У одного брат был в армии, в нашей, в Красной армии был призван, служил в Красной армии, он волей-неволей тянулся как-то к нам. ...А в полицию его мобилизовали... А второй – с ним был,

²⁷⁴ «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами в зоне ответственности п[олево]й к[омандатуры] 197», вторая половина 1942 г. (ВА–МА. РН 22/ 173. Вл. 89).

²⁷⁵ Интервью с Артамоновым Алексеем (1918), ветераном Каменец-Подольского партизанского соединения им. Михайлова, г. Киев, 03.11.2008 // ЛААГ.

тоже друг, такой хороший парень. Он его где-то “подработал” тоже. Вот когда я почувствовал, что с ними можно иметь дело, и когда они пару заданий выполнили, я тогда поверил. Был такой Клин, такой был, это такой лесной участок, это не лесничество, а там был участок полицейский. И нам о нем сказали вот эти ребята двое. Что там вот будет свадьба такого-то [полицейского] такого-то числа, и там будут все полицейские на этой свадьбе... Ну, мы их “женили” там, тоже. ... Подобрались туда к этому зданию, как раз началась там эта свадьба, собрались полицейские, ну, человек двадцать на этой свадьбе. Ну, мы обложили весь этот дом, забросали гранатами, там некоторые из них успели выйти, а многие остались там подорванные, эти полицаи. Вот это была такая первая испытательная штука, мы поверили, что им (двум завербованным полицейским. – А. Г.) можно было верить»²⁷⁶.

Вторую категорию потенциальных партизанских осведомителей составлял бывший партийно-советский актив, находившийся на легальном положении, но скрывший от оккупационных властей свое прошлое: «Они уже забрались где-то в подполье, [себя] не выдавали. Нам [другие агенты] говорили: “Вот тот в партии был, тот – в комсомоле был”». Алексей Артамонов, шутя, рассказал, как бы он вербовал собеседника: «Я пришел бы, сказал, так, остороженько скажу: “Дорогой Саша, есть сведения, что Вы были комсомольцем”. А ты так с перепугу: “Нет...”. [А я:] “У меня есть сведения – в такое-то время ты был в комсомоле, был даже очень активным комсомольцем!” Все. И пошел “вешать”. И Саша, смотрю, уже сдается. Ну, чуть припугнуть можно было. ... “Скажем, ты в комсомоле был, вот на тебя там цидульку (донос. – А. Г.) какую-нибудь сделаем и пустим на полицию или немцам”. Были любые методы. Насильственных методов не применяли, а путем уговора и таких, как говорят, облегающих данных, было достаточно для того, чтобы завербовать»²⁷⁷.

О похожих методах убеждения вспоминал в своих мемуарах командир самого крупного украинского соединения Степан Маликов. Его оперативники узнали, что в Житомире проживет некая Мария Розен, уроженка Бердичева, которая потеряла обоих родителей и работала переводчицей в одной из немецких фирм. «Объект вербовки» скрывала свое еврейское происхождение, выдавая себя за фольксдойче: «Однажды на житомирском рынке к Марии подошел молодой человек и сообщил, что привез ей привет из Бердичева. После угрозы вызвать полицию сказал, что полиция для фрау не менее опасна, чем

²⁷⁶ Интервью с Артамоновым Алексеем (1918)...

²⁷⁷ Там же.

для него. Когда они отошли, молодой человек добавил: “Вы не должны забывать, кто замучил Ваших родителей... Мы боремся с оккупантами и нам нужна Ваша помощь. Одной, без друзей, Вам не обойтись. Трудно даже будет скрыть, что Вы – еврейка”. Мария стала с увлечением помогать подпольщикам и партизанам»²⁷⁸.

Использовались и более суровые приемы по привлечению потенциальных информаторов к сотрудничеству. По свидетельству диверсанта и разведчика Леонида Бернштейна, при разработке коллаборационистов в райцентре Клетня партизанами Черниговско-Волынского соединения на задание была послана девушка, «которая сумела встретиться с начальником полиции и передать письмо от партизан... – “Если вы расстреляете нашу партизанку, мы расстреляем 16 твоих родственников, взятых нами в заложники”.

И начальник полиции передал все требуемые сведения... А если бы такого не случилось, уж поверьте, партизаны бы свое слово сдержали»²⁷⁹.

Нередко агентам давали материальные ценности, в том числе украшения, или деньги. Делалось это либо для того, чтобы завербовать человека, либо чтобы облегчить агенту выполнение задания – например, откупиться от проверки документов, или дать взятку какому-либо должностному лицу с целью получения от него сведений, но при этом не вербуя его.

По словам секретаря подпольного Сумского обкома П. Куманька, были и другие способы получения услуг от представителей оккупационных властей: «Полезнее всего брать для этой работы красивых девушек. Вот мы знаем такой случай по Шостке, когда одна девушка связалась с бургомистром, получила право проезда в Киев и обратно, дважды побывала в Киеве и привезла нам очень ценные сведения. В Киеве она также заимела связь с большим начальством»²⁸⁰.

Не брезговали «народные мстители» и помощью несовершеннолетних, легко увлекаемых романтикой войны и «взрослыми» заданиями. Бывший заместитель командира по разведке отряда им. Кармелюка Каменец-Подольского соединения им. Михайлова Алексей Артамонов свидетельствовал, что дети не вызывали подозрений противника: «Это были самые лучшие разведчики у нас. Потому что

²⁷⁸ Цит. по: *Елисаветский С.* Полвека забвения... С. 203.

²⁷⁹ *Бернштейн Л. Е.* 06.12.2007. URL: <http://www.iremember.ru/content/view/568/24/1/24/lang,ru/>

²⁸⁰ «Доклад о работе Сумского подпольного обкома КП(б)У», секретарь подпольного обкома П. Куманек предп. Хрущеву, весна 1943 г. (ДАСО. Ф. 4. Оп. 3-п. Спр. 83. Арк. 24).

для того, чтобы переехать, например, железную дорогу, невозможно было, перейти ее тоже невозможно было, кругом везде организовывались, стояли немецкие посты, полицейские посты. А пацаны наши там садились на телегу, по паре человек, положим, садились там, пару человек накрывали сеном, и тоже туда. И эту подводу – на подводе сидят пару пацанов – по четырнадцать, там, двенадцать лет. И переезжают запросто переезд, стоят немцы, видят там – пацаны едут на лошади, ну, пропускают их, досмотра никакого. Таким порядком они передавали хорошие разведанные, которые нельзя было передать [иначе]...»²⁸¹.

Операции на оккупированной территории облегчались наличием у партизан поддельных документов, либо изготавливавшихся кустарным способом на месте, что практиковалось даже в отрядах НКГБ СССР²⁸², либо высылаемых из-за линии фронта. Для этих целей РО УШПД создал отделение спецтехники. С декабря 1942 по конец 1944 г. им было изготовлено более 1000 различных бланков, паспортов, удостоверений, справок, пропусков, явочных карточек и т. д., а также 250 военных и гражданских печатей на немецком, русском и украинском языках. Услугами отделения спецтехники РО УШПД пользовались разведотделы фронтов и другие организации и учреждения, занимавшиеся зафронтной борьбой.

К числу выдающихся агентов партизан УШПД относил Станислава Швалленберга – наполовину немца, наполовину поляка, по политическим убеждениям – национал-демократа. Он являлся военнослужащим Вермахта в чине фельдфебеля, и уже в 1941 г. дезертировал из армии, перешел к подпольщикам, а потом к партизанам соединения им. Михайлова. Как отмечалось в отчете разведотдела УШПД, «Швалленберг часто появлялся в окружении партизан, переодетых в немецкую форму, в селах, и наводил свои порядки. ...Предатели вылезали из своих нор и нашептывали “пану офицеру” через “переводчика” о партизанах, о беглых военнопленных и т. п. “Пан офицер” все выслушивал, а потом беспощадно расправлялся с предателями. Днем Швалленберг играл в футбол с немцами в Шепетовке, бывал на вокзале, беседовал за столиком с кружкой пива с приезжающими немецкими офицерами и солдатами, узнавал о направлении движения воинских частей, их численности и вооружении, настроении, потерях, положении в Германии, а на другой день командование партизанского

²⁸¹ Интервью с А. Артамоновым (1918), ветераном Каменец-Подольского партизанского соединения им. Михайлова, г. Киев, 03.11.2008 // ЛААГ.

²⁸² Интервью с А. Цессарским (1920), ветераном отряда НКГБ «Победители», 4 ноября 2009 г. // ЛААГ.

отряда имело сводку разведанных для передачи их в УШПД»²⁸³. При этом нелегальное положение Швалленберга не позволило ему добыть действительно ценную информацию стратегического характера.

Другим достижением оперативники разведотдела считали склонение к сотрудничеству агента «Ани», беспартийную дочь польского рабочего. Вербовку осуществили разведчики партизанского отряда им. Хрущева под командованием Шангина в мае 1944 г. «Аня» работала секретаршей в управлении дистрикта «Галиция» и, по ее словам, лично знала губернатора Отто Вехтера, генерал-губернатора Ганса Франка, а также руководителя ОУН(м) А. Мельника и главу УЦК В. Кубийовича. Несмотря на объявленный широкий круг общения, она передала в УШПД следующие данные: «О месте нахождения главной квартиры Гитлера в с. Дуньковицах (под Перемышлем в Дуньковицах находилось два бункера, но они не являлись штаб-квартирой Гитлера. – А. Г.). 2. Место нахождения штаба генерал-фельдмаршала Маннштейна 3. Сведения о получении подразделениями УПА вооружения и боеприпасов от немцев. 4. Разведанные о подготовке немцами прорыва линии фронта в районе Владимир-Волынский»²⁸⁴. Крупным успехом агентурной работы добычу этих данных назвать сложно.

Таким образом по-настоящему глубокой агентурной разработки противника партизаны УШПД провести не смогли. Иными словами, положение (статус) первичных агентов был довольно низким. Подчиненные Строкача больше работали, если так можно выразиться, «вширь». Например, разведсеть сабуровского соединения, на основании данных которых составлялись разведсводки в УШПД, в той или иной степени освещала события, происходившие на территории семи областей Украины и Белоруссии²⁸⁵. Агентура этого отряда находилась на территории от Киева на востоке до Бреста на западе, от Минска на севере до Винницы на юге.

Агентура засылалась в генерал-комиссариаты, рейхскомиссариат «Украина», райуправы, на различные промышленные предприятия в городах, полицию и иные коллаборационистские формирования, а также ОУН–УПА, в том числе в командный состав районного уровня, и АК.

В общей сложности в годы войны отрядами и соединениями УШПД и его представительств на фронтах было завербовано

²⁸³ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 28).

²⁸⁴ Там же. Арк. 30.

²⁸⁵ «Доклад о боевой деятельности и партийно-политической работе партизанских отрядов Житомирской области» за период с 1.11.1941 по 1.03.1944, Сабуров и др. предп. для Строкача, середина 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 159).

1296 агентов и 11 резидентов и связных²⁸⁶. (В это число не входит не поддающееся учету, но куда большее количество упоминавшихся партизанских «доверенных лиц», не оформлявшихся как агенты.) Еще 1978 человек были привлечены в качестве «внутренней агентуры», т. е. осведомителей в самих партизанских отрядах – людей, собиравших сведения относительно настроений и поведения партизан²⁸⁷.

Получая данные войсковой и агентурной разведки основных диверсионно-боевых партизанских соединений, с марта 1944 г. разведотдел УШПД дополнительно приступил к созданию специальных разведывательных партизанских отрядов. Соответствующие указания были даны ряду партизанских командиров. Всего на базе уже существующих соединений было организовано шесть конных партизанских разведывательных отрядов, снабженных радиостанцией и находившихся в подчинении РО УШПД. Численность каждого отряда варьировалась от 25 до 150 человек, минимум 50 % личного состава было вооружено автоматическим оружием. Командование этих формирований было ориентировано на выполнение сугубо разведывательных задач, ведение как агентурной, так и войсковой разведки. Отряды действовали на территории и объектах Западной и Закарпатской Украины, Польши и Словакии, представляющих интерес для РО УШПД, и в целом оказались довольно эффективными.

В незначительных масштабах велась и техническая разведка путем применения прибора для прослушивания и записи телефонных разговоров и телеграфных передач. Для маскировки подключения и подслушивания использовались провода длиной 400–500 м, что давало возможность удаляться от места подключения и развернуть работу аппаратуры. Спецгруппа, снабженная этим устройством, была выброшена в тыл противника 5 июня 1943 г. Первая попытка прослушивания разговоров по телефонной линии связи Туров-Давидгородок не принесла сколько-нибудь ценных данных, но зато показала принципиальную выполнимость задания. В середине июня 1943 г. было организовано прослушивание на участке железной дороги Рокитно – Олевск, недалеко от станции Остки. До октября включительно были добыты сведения относительно работы железнодорожного транспорта, а также распоряжения гебитскомиссариата о проведении сельхозработ и распоряжения военных властей о прове-

²⁸⁶ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 34).

²⁸⁷ Приложение № 11 к итоговому отчету РО УШПД: «Сводная ведомость о приобретенной агентуре партизанскими соединениями и отрядами в тылу врага», не ранее января 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 125).

дении противопартизанских операций²⁸⁸. В указанный период спецгруппа направила в УШПД 111 радиogramм. Найденный подземный кабель высокочастотной линии связи на шоссе Киев – Житомир – Ровно не был использован в оперативных целях, т. к. не была вовремя доставлена техника для его «вскрытия». Попытки организовать несколько подобных разведгрупп не удалось из-за недостатка людей, в совершенстве владевших немецким языком, длительности подготовки специалистов по работе со сложной техникой, а также нехватки самой аппаратуры.

При этом такой тип технической разведки, как радиоперехват, вообще не проводился – на это у УШПД не было ни кадров, ни техники.

Какими бы недостатками ни обладали разведсведения партизанских отрядов, разведсводки и иные типы документов направлялись командующим фронтам (сначала Воронежского, Юго-Западного и Южного, а потом 1-го, 2-го, 3-го, 4-го Украинского, 1-го Белорусского фронтов), Разведуправлению ГШ КА, ЦК КП(б)У, а эпизодически и в НКВД. О количестве донесений «с мест» в РО УШПД, и составленных преимущественно на их основе информационных материалах общее представление дает следующая таблица²⁸⁹.

	1942 г.	1943 г.	1944 г.	Всего
Направлено радиogramм в РО УШПД	165	1260	1379	2804
Выпущено разведсводок 2-м отделом УШПД и представительствами УШПД на фронтах	33	227	200	460
Выпущено спецсообщений 2-м отделом УШПД	2	18	16	36
Выпущено тематических справок 2-м отделом УШПД	43	12	12	67
Выпущено докладных записок РО УШПД	14	14	9	37
Протоколы допросов пленных	11	10	3	24
Протоколы опросов лиц, вышедших из тыла Вермахта	20	13	21	54

²⁸⁸ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 37).

²⁸⁹ Подсчет по: 1) Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 73–81). 2) «Сводная ведомость на информационные материалы, изданные РО УШПД в 1942–1944 гг.», не ранее 1945 г. (Там же. Арк. 107).

«Входящий материал» в разведотдел УШПД составляли также оккупационная печать и трофейные материалы. Например, в конце февраля 1944 г. Черниговско-Волынское партизанское соединение разгромило в бою под Ковелем 2-й батальон 17-го отдельного полицейского полка СС, захватив все его штабные документы и передал их в УШПД.

По сведениям самого УШПД, для оперативного использования соответствующими управлениями Красной армии и органами Госбезопасности только Разведотдел УШПД, не считая представительств УШПД на фронтах, направил 9 тыс. листов немецких директив, инструкций, приказов и иных подобных документов, 1200 паспортов, удостоверений и пропусков на немецком и других языках, 230 печатей и штампов, солдатских и офицерских книжек различных родов войск – 5 тыс., писем военнослужащих противника – более 500, а также 200 фотографий, представлявших оперативный интерес²⁹⁰.

Наряду с вышеперечисленными «респондентами» УШПД не стоит забывать и того, что развединформация, полученная одним партизанским отрядом, нередко пересылалась УШПД в другой отряд либо с целью информирования, либо для перепроверки. За 1943–1944 гг. РО УШПД направил в партизанские отряды 1165 радиogramм различного характера. Периодически и сами партизаны обменивались разведанными друг с другом – с соседними соединениями и отрядами.

Система разведывательной службы украинских партизанских формирований включала не только разведывательный отдел УШПД, оперативные части партизанских отрядов и соединений, отдельные разведывательные отряды и группы, подчиненные УШПД напрямую, но и разведывательные органы представительств УШПД при военных советах фронтов, а также разведчиков-одиночек, которые засылались во вражеский тыл со специальными заданиями УШПД²⁹¹.

Сведения, добытые разведкой партизанских соединений и отрядов, носили многосторонний характер.

С одной стороны, освещалось военное положение противника, т. е. вопросы концентрации и перегруппировки войск, расположение гарнизонов и штабов, укреплений и оборонительных сооружений, аэродромов, боевой дух и политическое состояние частей вермахта. Масса внимания уделялась вопросу подготовки немцев к химической войне, и по этому поводу партизаны нередко высылали за фронт

²⁹⁰ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 84).

²⁹¹ *Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 257.

ошибочные сведения об оперативном применении этого типа оружия. В действительности подобных случаев в 1941–1944 гг. зафиксировано не было.

С другой стороны, описывалась экономика германского тыла, а именно – дислокация складов и баз, работа промышленности и положение сельского хозяйства, режим на оккупированной территории, террор оккупантов, состояние транспорта, мостов, карательных и полицейских органов.

Последние интересовали разведчиков не только как пассивный объект добычи информации. Операции по развалу коллаборационистских частей или их «перетягиванию» на сторону партизан возлагались именно на разведслужбу отрядов и соединений.

Первый крупный успех подобного рода произошел в г. Эсмань (сейчас – Червоное) Глуховского района Сумской области, где несколько командиров 136-го украинского охранного батальона вследствие побед Красной армии и плохого обращения со стороны немцев склонились к переходу на сторону партизан и поэтому были завербованы партизанской разведкой. Заподозренные немцами в измене шестеро человек, в том числе двое командиров, бежали в лес. 10 января 1943 г. полиция, немцы и венгры окружили здание, где размещался батальон, разоружили его, и, по сведениям партизанских разведчиков, расстреляли 150 бойцов²⁹². По рассказу местной жительницы, казненных коллаборационистов было 217²⁹³. Остальные бойцы части оказались деморализованными смертью сослуживцев.

После победы под Сталинградом 2-й отдел УШПД разработал специальную инструкцию об оперативном использовании бывших коллаборационистов. В ней значилось, что «Огромное количество предателей захвачено [НКВД] в освобожденных районах, из них большая часть осталась добровольно в надежде на милосердие советской власти и незначительная часть осталась потому, что не успела убежать». Бывших старост и полицейских предлагалось использовать «для диверсионной работы, для уничтожения крупных предателей (т. е. терактов в немецком тылу. – А. Г.), для разложения фашистских формирований».

²⁹² «Справка № 7. Из донесения начальника оперативной группы [УШПД по Сумской области] т. Мельника от 14 января 1943 г.» о националистических формированиях, составила сотрудница УШПД Луговская 18 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 247. Арк. 117).

²⁹³ Интервью с жительницами с. Червоное (Эсмань) Глуховского р-на Сумской области Феодосией Мартыненко (1920) и Верой Авраменко (1931), проведено Т. Пастушенко 4 июля 2008 г. // ЛААГ.

Рекомендовалось привлекать полицейских и старост в качестве проводников для диверсионных групп и партизанских отрядов, внедрять после вербовки повторно в коллаборационистские части с целью разagitировать их или, если агенту удастся получить командную должность или завербовать командира, приказом перевести на советскую сторону, посылать фальшивые письма командирам охранных отрядов, старостам и бургомистрам с целью опорочить их перед немцами, а также просто отправлять на диверсии.

Приводился и ряд примеров удачного оперативного использования бывших коллаборационистов. В частности, на Смоленщине летом 1942 г. охрану одной из железных дорог нес полицейский отряд, отличавшийся исключительной бдительностью. Партизаны захватили в плен полицейского, шедшего по дороге, после чего он дал согласие на сотрудничество с советской стороной. «Его нагроузили минами, дали ряд писем к известным предателям. Недалеко от железной дороги полицейский “нечаянно подорвался на mine” (кавычки в оригинальном документе. – А. Г.). Труп его быстро был обнаружен немцами. У него были найдены взрывчатые вещества, принадлежности для взрывания и письма. Немцы расстреляли некоторых из его близких знакомых. Отряд был снят с охраны железнодорожного участка»²⁹⁴.

Своей гордостью УШПД считал комбинацию по дискредитации казачьей дивизии, которая начала формироваться на базе ряда ранее существовавших частей в Таганроге весной 1943 г. Для этого использовали казачьего офицера Алексея Середу, служившего в 1942 г. начальником строевого отдела Ростовской вспомогательной полиции. Оттуда его уволили вследствие клеветнической анонимки, рассказывающей о его работе на НКВД. Обиженный Середка, оказавшись в руках Советов, дал согласие на сотрудничество и участие в провокации. Ему поручили доставку дискредитирующих писем за линию фронта и их посылку ряду казачьих командиров и видных деятелей казачьего движения. В ночь на 1 мая 1943 г. на самолете У-2 в немецкий тыл вылетел лично начальник разведотдела представительства УШПД при Военном совете ЮЗФ подполковник Михайлов, сопровождающий «агента». Последнего не предупредили, что из этой операции он не вернется – парашют был подготовлен инструкторами так, что не мог раскрыться. В рюкзаке у обреченного лежали письма родственников к ряду казаков-коллаборационистов. Дезинформация была написана

²⁹⁴ Инструкция УШПД «Об использовании полицейских, старост и других лиц, находившихся на службе у немцев, для диверсионной работы и разложения различных предательских организаций», утверждена Строкачем 13 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 3).

в этих письмах тайнописью (гидрохиномом) и представляла собой сообщения, одобряющие план антинемецкого восстания. Середу выбросили на Таганрогском полуострове, в 15 км от Таганрога. Согласно сведениям УШПД, казацки формирования из Таганрога в середине мая 1943 г. вместо фронта были направлены в глубокий тыл, где использовались как строительные и охранные части²⁹⁵. К сожалению, не совсем понятно, произошло ли это вследствие указанной провокации и можно ли вообще это назвать успехом советской стороны. Или же плановые передислокации казаков разведотдел УШПД выдавал за результат собственной комбинации.

Одним из самых крупных разовых успехов формирований УШПД был развал армянского легиона агентурой украинского кавалерийского соединения. 17 сентября 1943 г. рядом с райцентром Потиевка Житомирского района на сторону наумовцев перешла с вооружением 2-я рота 814-го полицейского армянского батальона, на основании которой был сформирован отряд им. Микояна²⁹⁶.

Другие случаи разложения партизанской разведкой коллаборационистских формирований были менее масштабны. Единоновременно на сторону партизан, как правило, не переходило более пятидесяти человек. Основная масса перебежчиков покидала свои посты мелкими группами или даже поодиночке.

Попав в отряды, перебежчики, да и не только они, проходили проверку. По учетным данным РО УШПД, за период с 1942 по 1945 г. партизанскими контрразведчиками было выявлено «шпионов, предателей и других пособников немецким захватчикам 9883 человека, из них только шпионов 1998 человек»²⁹⁷. Из этого числа партизанами расстреляно 2927, в том числе агентов противника в партизанских отрядах – 930, агентуры среди населения – 68, «предателей» в партизанских отрядах – 139, «предателей» среди населения – 1790²⁹⁸. Какое количество непричастных людей было уничтожено подозрительными партизанскими особистами, сказать сложно. Более того, нередко пар-

²⁹⁵ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 99).

²⁹⁶ Отчет заместителя командира по разведке соединения украинских кавалерийских отрядов А. Гаврилюка о деятельности разведки и контрразведки, 20 мая 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 8. Арк. 3).

²⁹⁷ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 65).

²⁹⁸ Приложение № 10 к итоговому оперативному отчету РО УШПД: «Данные о выявленных, разоблаченных и расстрелянных предателях в тылу противника партизанскими соединениями и отрядами Украины за период 1942–1944 гг.», не ранее 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 124).

тизаны уничтожали агентуру других отрядов. В частности, именно поэтому Алексей Федоров полагал, что в полицию засылать агентов вообще не следует: «Был такой случай: Шемякин посадил в полицию своего человека, а наши ребята налетели и расстреляли его. Шемякин пришел и жалуется – зачем своих ребят убивают?»²⁹⁹

Более того, контрразведчики ряда партизанских отрядов, в том числе Черниговско-Волынского соединения, привыкнув убивать, нередко расстреливали и крайне ценных потенциальных агентов. В частности, «26.06.1943 года уничтожен крупный немецкий шпион Косов Давид Михайлович, по национальности еврей, уроженец г. Киева (семья его в советском тылу)»³⁰⁰. Согласно сведениям, выбитым федоровскими особистами у Косова, он попал в плен, где был завербован «гестапо» (возможно, СД), после чего был переведен на работу в музыкальную команду жандармерии Житомира. После этого Косов был переведен на диверсионные курсы в Житомире, по окончании которых он был также оставлен в Житомире в качестве агента. «13 марта 1943 года, когда проходило наше соединение, Косов, при разгроме нами немецкого гарнизона в селе Ручеевка, в числе так называемых “украинских казаков” перешел, по заданию гестапо, в числе других взятых в плен “украинских казаков”, на сторону красных партизан...»³⁰¹ По информации контрразведчиков, Косов собирал данные о Черниговско-Волынском соединении и 21 июня намеревался уйти оттуда к немцам, вследствие чего был арестован особым отделом и после допроса расстрелян. История выглядит крайне сомнительной. Семья Косова находилась в советском тылу, поэтому никакого смысла ему возвращаться к немцам не было – в любой момент его еврейское происхождение могло быть раскрыто. Но даже если предположить, что Косов на самом деле работал по заданию германских спецслужб, то и в этом случае он представлял собой идеального кандидата для перевербовки и начала длительной оперативной игры.

Аргументом УШПД, объясняющим целесообразность широких «контрразведывательных мероприятий», являлось то, что не было зафиксировано ни одного случая убийства немецкой агентурой коман-

²⁹⁹ «Стенограмма выступления тов. Федорова на заседании узкого ЦК КП(б)У по вопросу о работе подпольного обкома партии Черниговской области, 13.11–1942 года» (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 19. Спр. 1. Арк. 26).

³⁰⁰ «Отчетный доклад штаба соединения партизанских отрядов Дважды Героя Советского Союза – генерал-майора Федорова А. Ф. и подпольных областных комитетов Коммунистической партии большевиков Украины Черниговской и Волынской областей за время с сентября м-ца 1941 г. по апрель месяц 1944 г.», А. Федоров и др. предп. для Строчака, 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 262).

³⁰¹ Там же. Арк. 263.

дира или комиссара партизанских соединений, хотя подобные задачи германскими спецслужбами и ставились.

Подобная мысль выглядит спорной. Даже в 1941–1942 гг., когда настроения населения были не однозначно на стороне партизан, перспективы победы СССР были тоже неоднозначными, партизаны большинства основных соединений справлялись с агентурой немцев и без особистов. В 1943 г. агентурная деятельность германской стороны была крайне затруднена, и повсеместное введение кадров контрразведчиков, наделенных широкими полномочиями, даже с точки зрения интересов системы выглядит по крайней мере избыточным шагом.

Например, капитан госбезопасности Гаврилюк, служивший в течение десяти месяцев 1943–1944 гг. заместителем командира соединения украинских кавалерийских партизанских отрядов М. Наумова, полагал, что контрразведка вообще была соединению не нужна. Пополнение партизаны проверяли, в том числе через опрос местных жителей, а боевой дух и лояльность советскому строю у личного состава партизанского соединения находились на должной высоте – пропаганда как немцев, так и бандеровцев не оказывала на них сколько-нибудь значимого влияния³⁰².

* * *

Можно полагать, что в целом уровень войсковой и агентурной разведки отрядов и соединений УШПД был выше, чем в отрядах УПА³⁰³, но ниже, чем в Армии Крайовой. На профессионализм последней указывал даже Петр Вершигора в отчете Строкачу, подчеркивая, что основа действий АК – подготовка партизанских резервов и «широкое насаждение агентурной сети. Агентура насаждена во всех учреждениях, вплоть до Гестапо»³⁰⁴. Хотя, учтем, что лишь в

³⁰² «Отчет. Разведка и контрразведка в соединении Украинских кавалерийских партизанских отрядов Героя Советского Союза генерал-майора Наумова, 1.6.43 г. — 22.3.44 г.», заместитель командира Украинского кавалерийского партизанского соединения по разведке Гаврилюк, 20 мая 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 8. Арк. 3–4).

³⁰³ О спецслужбах украинских националистов см.: *Веденеев Д. В., Биструхін Г. С.* 1) Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та Української повстанської армії. 1920–1945. К., 2006; 2) «Повстанська розвідка діє точно й відважно...» Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення Організації українських націоналістів та Української повстанської армії. 1940–1950 роки. К., 2006.

³⁰⁴ «Отчет о боевой деятельности 1-й Украинской партизанской дивизии имени Дважды Героя Советского Союза генерал-майора тов. Ковпака за время с 5 января по 1 апреля 1944 г.» командира дивизии П. Вершигора и др., предп. Строкачу, не ранее 1 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 142).

течение семи месяцев 1942 г. радиостанция главного командования АК «Ада» поддерживала прямую связь с разведуправлением РККА (станция «Висла»). В остальной период польско-советского сотрудничества информация, добываемая разведсетью польских националистов, уходила в Лондон, откуда с задержкой и далеко не полностью передавалась в Москву. Причем сведения, полученные АК, касались преимущественно восточноевропейского театра военных действий. А разведсведения, полученные советскими партизанами, напрямую шли к непосредственным «потребителям» этих данных – армейским штабам различного уровня и иным заинтересованным ведомствам. На разведывательных сводках УШПД есть пометки маршалов Г. Жукова, И. Конева, С. Тимошенко, Ф. Толбухина.

При этом следует признать, что общий объем данных, полученный партизанами УШПД в 1942–1944 гг. и пересланный за линию фронта для командования Красной армии, был хотя и значителен, но ценность этих сведений была не столь высока. К сожалению, документы об успехах основных конкурентов Строкача доступны сейчас штатским исследователям лишь частично. Но и опубликованные данные позволяют сказать: если сравнить показатели УШПД с совокупным количеством, а самое главное, с качеством сведений, ушедших в Центр от агентуры и отрядов НКВД–НКГБ УССР, НКВД–НКГБ СССР, а также действовавших на территории Украины разведывательных органов Красной армии, то успехи УШПД были в целом скромными.

Упомянутый заместитель Михаила Наумова Гаврилюк, профессионализм которого высоко ценил командир кавалерийского соединения, считал, что потенциал партизанских отрядов УШПД для ведения разведки был востребован лишь в незначительной степени: «Отсутствие кадров агентурных разведчиков в значительной мере сократило осуществление имевшихся громадных возможностей в области разведки.

Наличие оперативных разведывательных групп на базе соединения дало бы возможность провести значительное количество сложных вербовок, агентурных комбинаций, приобрести ценную закордонную агентуру, внедриться в армию и государственные органы противника, т. к. приобретение и направление агента в тылу противника в значительной мере упрощается по сравнению с осуществлением этих же операций в советском тылу. Оперативная группа, выполняющая всевозможные сложные агентурные комбинации, в то же время не подвергается серьезной опасности»³⁰⁵.

³⁰⁵ «Отчет. Разведка и контрразведка в соединении Украинских кавалерийских партизанских отрядов Героя Советского Союза генерал-майора Наумова, 1.6.43 г. —

В ходе войны приобретение первичных агентов высокого уровня, особенно с учетом мобильности отрядов, не являлось основной целью диверсионных формирований. В самом мощном и боевом украинском соединении – ковпаковском – агентурная разведка была поставлена до мая 1943 г. очень плохо, а после назначения Вершигоры заместителем командира по разведывательно-агентурной работе – посредственно. Для выполнения главных задач, в том числе проведения рейдов, партизанам УШПД в целом хватало войсковой разведки: осмотра территории, сведений, полученных от военнопленных, а также беглого опроса населения.

3.5. «Задачи по “Т”»

Решение этих основных задач требует от всех партизанских отрядов широкого развертывания боевых партизанских операций, а также диверсионной, террористической и разведывательной работы в тылу врага.

Иосиф Сталин, из приказа № 00189 о направлениях деятельности партизанских формирований, 5 ноября 1942 г.

Терроризм, т. е. организацию политических покушений, в качестве массового явления в эпоху Нового времени ввели граждане Российской Империи. Большевики также не брезговали подобными приемами еще до прихода к власти³⁰⁶. Да и позже, в 1920–1930-е гг. агентура Коминтерна, ВЧК–ОГПУ–НКВД провела за границей СССР ряд «ликвидаций». Наиболее известными стали уничтожения двух лидеров террористических структур – похищение с последующим убийством руководителя РОВС генерала Александра Кутепова и устранение главы ОУН Евгения Коновальца. В годы войны, а, возможно, и ранее, проведение терактов получило во внутренней документации советских органов обозначение в виде понятного индекса «Т». В качестве эвфемизмов иногда использовались и словосочетания «истребительные действия», «истребительная группа».

22.3.44 г.», заместитель командира Украинского кавалерийского партизанского соединения по разведке Гаврилюк, 20 мая 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 8. Арк. 6).

³⁰⁶ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. Passim.

Эти акции обычно совершались не комбатантами, а чаще всего и против не комбатантов, и не обладали военным значением. Основной целью не являлось отвлечение (лат. – *diversio*) сил Вермахта с фронта. Зато, по мысли организаторов, покушения должны были сеять ужас (лат. – *terror*) в правящих кругах противника.

Указанными операциями занимались все силовые структуры, проводившие зафронтовую борьбу: НКВД–НКГБ, УШПД, ГРУ–РУ. Приоритетом уничтожение значимых коллаборационистов, высших чиновников гражданской администрации и офицеров Вермахта и СС было только для органов госбезопасности. Сообразно своему названию, они отвечали не только за поддержание леденящего спокойствия в советском тылу, но и за устранение чувства уверенности в завтрашнем дне в руководящих звеньях враждебной системы.

Для агентуры и боевиков УШПД и армейской разведки решение «задач по “Т”» являлось, можно сказать, досужим промыслом. Однако, поскольку указанная тема в современных условиях «ассиметричных ответов» обладает определенной актуальностью, приведем краткое описание «спецмероприятий» всех трех ведомств, исходя из доступности документальной базы.

* * *

Наибольшее количество высококвалифицированных специалистов по проведению громких заказных убийств в годы войны было сосредоточено в подчинении 4-го управления НКВД (с апреля 1943 г. НКГБ) СССР, которому подчинялась «легендарная» Отдельная мотострелковая бригада особого назначения – ОМСБОН.

Помимо самостоятельно действующей агентуры, на территории УССР и Крымской АССР в 1941–1944 гг., согласно послевоенной справке КГБ, оперировало 22 подразделения³⁰⁷, напрямую подчиненных Павлу Судоплатову. Не все, но большинство из них имели террористические задания.

Перед уходом Красной армии из Одессы в катакомбах была оставлена спецгруппа под командованием капитана ГБ Владимира Молодцова³⁰⁸ («Бадаева») «Форт».

³⁰⁷ «Список партизанских отрядов и групп НКГБ СССР, действовавших на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза», начальник учетно-архивного отдела КГБ при СМ УССР Н. Гурьянов, 6 сентября 1966 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 200. Арк. 2–4).

³⁰⁸ Из наградного листа на Молодцова, подписан Судоплатовым 19 августа 1944 г. (Органы ГБ СССР в ВОВ. Т. 5, кн. 2. Док. № 1984. С. 166).

Группа была снабжена радиостанцией, поддерживавшей связь с Москвой.

Как показал в румынском плену Яков Гордиенко, связной отряда, «когда я уходил из катакомб, Бадаев сказал мне передать Бойкову (Антону Федоровичу, резиденту отряда в Одессе. – А. Г.), чтобы тот заставлял своих людей действовать более интенсивно и совершать террористические акты (сообразно настойчивым директивам Центра. – А. Г.), в частности, против командного состава... Каждый раз Бадаев настаивал на необходимости террористических актов, а Бойков сопротивлялся, и по этому поводу между ними происходили частые ссоры»³⁰⁹.

Сам Бадаев, находясь под следствием, рассказал только об одной попытке значимого теракта: «Из конкретных поручений, полученных некоторыми членами группы, следует упомянуть подготовку взрыва в немецком консульстве. По словам Бойкова, он поручил выполнение этого приказа Шевченко и еще кому-то, но те, якобы, отказались выполнить это поручение. После этого Бойков встретился в моем присутствии с Гофманом Артуром и они договорились о том, чтобы изучить помещение консульства и обсудить способ осуществления взрыва...

...Я не знаю, что предпринял Гофман Артур по этому делу, и вообще не знаю, было ли что-либо предпринято в этом направлении»³¹⁰.

Группой было убито двое агентов, заподозренных в работе на румын. По сведениям А. Федоровича («Бойкова»), Молодцов постоянно мотивировал его к дальнейшим убийствам «предателей»: «От Бадаева поступил приказ убить Стороженко Ивана Антоновича, проживавшего по ул. Чижикова № 64, кв. 16, а также убить некую Иноземскую, проживающую по ул. Приморской № 65. Бадаев заявил, что приказ об их уничтожении получен из Москвы и в качестве доказательства показал мне расшифрованную телеграмму... Выполнение этого убийства было поручено террористической группе Шевченко Николая, не выполнившего этого приказа, мотивируя тем, что по указанным адресам не обнаружил упомянутых лиц. Кроме этого Бадаев показал мне еще два-три приказа, полученных из Москвы убить нескольких людей, но были упомянуты только их фамилии, без указания имени и отчества и без указания местожительства... Эти приказы были примерно такого содержания: “Убейте провокатора такого-то”»³¹¹.

³⁰⁹ Показания связного отряда «Форт» Я. Гордиенко румынским органам о деятельности отряда, начало 1942 г. (ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 3. Спр. 32. Арк. 6–7).

³¹⁰ Показания В. Молодцова («Бадаева») о деятельности отряда «Форт», 2 мая 1942 г. (ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 3. Спр. 32. Арк. 3).

³¹¹ Показания А. Федоровича («Бойкова») о деятельности отряда «Форт», 8 апреля 1942 г. (ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 3. Спр. 32. Арк. 23).

Бывший командир инженерных войск одесской оборонительной группировки Аркадий Хренов в мемуарах приводил сведения: Молодцов 22 октября 1941 г. переслал в Севастополь шифровку о времени совещания в штабе военного коменданта Одессы, благодаря чему эффект от взрыва и был столь впечатляющим³¹². Однако в цитированных выше показаниях пленных бадаевцев, в том числе и командира отряда, данных об этом нет. Нет упоминания о причастности к этому теракту и в итоговом отчете Якова Васина, сменившего Молодцова на посту главы отряда³¹³.

18 ноября 1941 г. отрядом «Бадаева» был подорван пассажирский состав, по сведениям самого НКВД, – с немецкими офицерами и чиновниками, в феврале 1942 г. был пущен под откос еще один поезд.

В самом начале 1942 г. Молодцова, когда он в поисках продовольствия вышел из катакомб в город, арестовали оперативники Сигуранцы. После чего были устроены расследование и суд, вынесший вердикт о высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в июле 1942 г.

5 ноября 1944 г. Молодцову посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Как уже отмечалось, есть версия, что взрыв Успенского собора Киево-Печерской Лавры 3 ноября 1941 г. был неудачной попыткой НКВД СССР уничтожить президента Словакии Тисо. В германских документах встречаются и другие случаи провалов советской стороны. В частности, весной 1942 г. СД выявила и уничтожила группу Катенко (к сожалению, не ясна его ведомственная принадлежность), готовившую покушение на директора сахарного завода в расположенной недалеко от Житомира Владовке³¹⁴. Есть и другие сообщения об арестованной советской агентуре, ликвидированных тергруппах. Если доверять сведениям СД, то в Днепропетровске готовились убийства местных немецких руководителей аграрным сектором (La-

³¹² Хренов А. Ф. Мосты к победе. М., 1982. Глава «Непобежденные». URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/hrenov_af/index.html

³¹³ «Отчет о деятельности партизанского отряда Героя Советского Союза Владимира Александровича Молодцова (Бадаева) в тылу врага, помощника командира отряда – Якова Федоровича Васина», не позднее 1947 г. (ЦДАГО. Ф. 130. Оп. 1. Спр. 366. Passim). Стенограмма беседы сотрудника оргинструкторского отдела ЦК КП(б)У Ваксмана с бывшим партизаном, а потом командиром отряда НКВД СССР «Форт» Я. Васиным о деятельности отряда, апрель 1946 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 451. Арк. 20–45).

³¹⁴ «Сообщения из оккупированных восточных областей», № 3, шеф полиции безопасности и СД, 15 мая 1942 г. (ВАН, R 58/697. Вл. 41).

Führer)³¹⁵, в Каменец-Подольске германской службой безопасности был предотвращен подрыв кинотеатра для немецких офицеров³¹⁶.

В июне 1942 г. на территорию Житомирщины с заданием перебраться в район Ровно была выброшена группа «Победители» Дмитрия Медведева. По свидетельству врача этой группы Альберта Цессарского, «Победители» были снабжены допингом, который до этого сами попробовали во время тренировок в советском тылу. Сам медик во время пребывания на оккупированной территории один раз употребил стимулирующий препарат³¹⁷. Пока это единственный известный факт применения допинга представителями Вооруженных Сил СССР в годы Второй мировой войны. В составе группы был Николай Кузнецов, который в совершенстве владел немецким языком, выучив его от германских специалистов, работавших в СССР в 1930-х гг. Будучи арестован НКВД по сфабрикованному обвинению, Кузнецов дал согласие на сотрудничество с органами. В годы войны под видом германского офицера «Пауля Зиберта» он оперировал в Ровно.

По словам Судоплатова, стараниями «Победителей» за два года в Западной Украине была создана внушительная сеть: «Завербовано 63 агента-боевика, через которых была терроризирована высшая немецкая администрация – рейхскомиссариат Украины»³¹⁸.

По сведениям самих медведевцев, ими были взорваны два офицерских казино, а также городской вокзал в Ровно, помимо чего в столице РКУ «совершены следующие теракты, во время коих убиты:

1. [21 сентября 1943 г., на улице выстрелом из пистолета – Ганс] Гель [Hans Gehl] – начальник [финансового] отдела рейхскомиссариата [Украина], министерский советник.

2. [Вместе с ним – Адольф] Винтер – финансовый референт [ровенского] гебитскомиссариата.

3. [15 ноября 1943 г. украден, а затем умерщвлен Макс] Ильген [Max Ilgen] – генерал-майор, командующий войсками Особого назначения на Украине («неудачный» перевод³¹⁹ (калька), на самом

³¹⁵ «Сообщения из оккупированных восточных областей», № 5, шеф полиции безопасности и СД, 29 мая 1942 г. (ВAB, R 58/697. Bl. 84).

³¹⁶ «Сообщения из оккупированных восточных областей», № 6, шеф полиции безопасности и СД, 5 июня 1942 г. (ВAB, R 58/697. Bl. 109).

³¹⁷ Интервью с А. Цессарским (1920), ветераном отряда НКГБ «Победители», 4 ноября 2009 г. // ЛААГ.

³¹⁸ Из наградного листа на Медведева, подписанного Судоплатовым, 22 августа 1944 г. (Органы ГБ СССР в ВОВ. Т. 5, кн. 2. Док. № 1988. С. 176).

³¹⁹ Должность Ильгена по-немецки звучала как «Chef der Osttruppen zum besonderer Verwendung (z.b.V.) 740» или «Chef der Osttruppen 740». «Z.b.V.» буквально переводится как «особого назначения». То есть название должности Ильгена можно пере-

деле – командир пропагандистско-вербовочного и учетного подразделения Восточных войск. – А. Г.).

4. [16 ноября 1943 г. выстрелам из пистолета – Альфред] Функ [Alfred Funk] – председатель немецкого верховного суда на Украине, бывший чрезвычайный комиссар Мемельской области»³²⁰.

Уже в Галиции «10 февраля 1944 г. в гор. Львове выстрелами из пистолета Кузнецов Н. И. убил [прямо перед его квартирой] заместителя губернатора Галиции доктора Бауэра [Otto Bauer] и его секретаря доктора Шнейдера [Schneider].

...При контроле автомашины, на которой Кузнецов и сопровождавшие его лица выехали из Львова, Кузнецов убил немецкого офицера – майора Кантера.

...Находясь в Галиции, Кузнецов Н. И. расстрелял подполковника авиации Петерса»³²¹.

Все указанные «операции» были совершены лично Николаем Кузнецовым. Террорист был сначала награжден орденом Ленина (декабрь 1943 г.), потом медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени (июнь 1944 г.), а посмертно получил звание Героя Советского Союза.

И это были действия только одного террориста. А «Победителям» подчинялись и другие боевики. Агентура медведевцев настолько «разошлась», что ими самими по несогласованию и неведению едва не был отравлен основной исполнитель покушений – Николай Кузнецов, покушение на него «сорвалось» в последний момент»³²².

Как сообщал в феврале 1944 г. глава НКГБ Сталину, в Ровно медведевцы устроили еще несколько громких акций: «3 января сего

вести как «командир спецчасти № 740» или же «командир части особого назначения № 740». Но даже так коннотация перевода уводит в сторону от сути. «Специальное назначение» означало в данном случае, что подразделение, или часть № 740, не являлось строевым формированием Вермахта. Макс Ильген возглавлял учетно-статистическое подразделение (обладавшее № 740) так называемого «командования восточных войск», которое, в свою очередь, не было командованием, т. к. в оперативном отношении полностью подчинялось ОКВ и штабам групп армий Вермахта. Подразделение № 740 занималось исключительно вопросами комплектования «восточных легионов» и учета граждан СССР в вооруженных силах Германии, а также пропагандой среди советских военнопленных. Кузнецов уничтожил не командира карательных или, наоборот, диверсионно-террористических формирований, а чиновника-тыловика.

³²⁰ Из подписанного Судоплатовым наградного листа на Медведева, 22 августа 1944 г. (Органы ГБ СССР в ВОВ. Т. 5, кн. 2. Док. № 1988. С. 176).

³²¹ Из наградного листа на Кузнецова, зам. начальника 4-го отдела 4-го управления НКГБ СССР П. Зубов, 16 октября 1944 г. (Органы ГБ СССР в ВОВ. Т. 5, кн. 2. Док. № 2074. С. 465).

³²² Интервью с А. Цессарским (1920), ветераном отряда НКГБ «Победители», 4 ноября 2009 г. // ЛААГ.

[1944] года в г. Ровно агентом опергруппы “Сера” Серовым Павлом Яковлевичем убит немецкий полковник – начальник штаба командующего тыловыми войсками на Украине (по всей видимости, в донесении преувеличена должность офицера. – А. Г.). В связи с отходом опергруппы на запад, фамилию убитого начальника штаба установить не удалось.

5 января сего года группой агентов во главе с Новаком Терентием Федоровичем был произведен взрыв в офицерской столовой в г. Ровно.

В генеральской столовой взрывом было убито семь чинов высшего командного состава германской армии. В офицерском зале убито и ранено до 70 офицеров и военных чиновников.

Многие офицеры, боясь повторных взрывов, в панике прыгали на улицу из окон второго этажа. Вынос из здания убитых и раненых продолжался в течение нескольких часов. Агент “Рина” (Соколовская Ирина Степановна) лично участвовала в выносе из разрушенного взрывом здания столовой двух трупов, одетых в немецкую генеральскую форму.

Агенты, осуществившие операцию по взрыву в столовой, благополучно прибыли на базу опергруппы.

В тот же день агентами опергруппы Новаком Терентием Федоровичем и Афониным Серафимом Гавриловичем был подорван на минах немецкий эшелон с эвакуируемыми “фольксдойче”, шедший из Здолбуново в Ровно. В результате происшедшего взрыва поезд был разбит. Имеется много убитых и раненых»³²³.

В действительности в этом оперативном отчете заслуги Новака несколько преувеличены. В 1966 г. бывший медведевец Николай Струтинский отправил на адрес директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПУ письмо, в котором критиковал Новака за его книгу «Поединок». По словам Струтинского, Новак «слишком много взял на себя в плане организации подполья в регионе»: «В конце 1943 г. в городе Ровно на ул. Немецкой был устроен взрыв мины в солдатской столовой. Этот взрыв готовил разведчик нашего отряда Афонин, который действительно вместе с Новаком вручил мину исполнителям взрыва. Однако инициатором этого взрыва был Афонин, а не Новак. Новак рассказал командиру отряда, что взрывом мины было уничтожено несколько немецких генералов, много офицеров и солдат. Теперь Новак конкретизировал цифру. Выступая 7 июня

³²³ Спецсообщение Меркулова Сталину о деятельности опергрупп НКГБ в тылу противника, 18 февраля 1944 г. (Органы ГБ СССР в ВОВ. Т. 5, кн. 1. Док. № 1777. С. 170–171).

1965 года по львовскому телевидению, он назвал убитыми в этой столовой трех генералов, четырех полковников и 80 офицеров. ...Это наглая ложь. В солдатской столовой немецкие генералы и офицеры не питались. Не было их там в момент взрыва. В действительности взрывом мины было тяжело ранены двое: рядовой солдат-власовец и Чернецкий, исполнявший наши задания по главной комендатуре, в которой он работал сапожником...»³²⁴

На вопрос о том, какими психологическими особенностями обладали непосредственные исполнители покушений, бывший медведевец, врач и литератор Альберт Цессарский разразился эмоциональной тирадой: «Это все были боевые ребята... Для нас для всех фашизм был главный враг... Мы защищали свои идеалы, мы защищали отечество. Я оставил в Москве жену, так я ее защищал... Немцы – в основном это были полуграмотные, Эренбург называл их одноклеточными»³²⁵.

5 ноября 1944 г. Медведев получил свою Золотую Звезду.

Подполковник ГБ Николай Прокопюк в качестве командира спецгруппы с ярким названием «Охотники» был заброшен в тыл противника на территорию Правобережной Украины в августе 1942 г. и вскоре вышел в район манящего Ровно. К сожалению, данные об «охоте» его агентов ограничены. В донесении Сталину 6 ноября 1943 г. Меркулов сообщал: «Оперативной группой, руководимой подполковником государственной безопасности Прокопюком, действовавшей в районе г. Ровно УССР, 28 сентября сего года пущен под откос пассажирский поезд, состоящий из 13 вагонов, в числе которых было 9 пульмановских... Извлечение из-под обломков убитых и раненых длилось с 18 часов 28 сентября до 11 часов 29 сентября. По данным агентуры... в поезде ехали отпускники с фронта (т. е. гражданские лица. – А. Г.). При крушении поезда убито не менее 90 и ранено до 300 человек, в числе убитых было якобы девять высших офицеров»³²⁶.

5 ноября 1944 г. Прокопюк был награжден Золотой Звездой.

В марте 1943 г. из подчинявшегося УШПД Житомирского соединения Сабурова было выделено 50 человек под руководством капитана ГБ Евгения Мирковского. Эта группа стала основой отряда 4-го управления НКГБ СССР «Ходоки». Как сообщают советские

³²⁴ Письмо ветерана отряда «Победители» Н. Струтинского в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПУ о деятельности Т. Новака в 1943–1944 гг., 1965 г. (ЦДАГОУ. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 276. Арк. 13–14). Документ предоставлен В. Гиндой.

³²⁵ Интервью с А. Цессарским (1920), ветераном отряда НКГБ «Победители», 4 ноября 2009 г. // ЛААГ.

³²⁶ Докладная записка Меркулова в ГКО и НКВД о результатах деятельности НКГБ СССР на оккупированной территории в октябре 1943 г., 6 ноября 1943 г. (Органы ГБ СССР в ВОВ. Т. 4, кн. 2. Док. № 1675. С. 524).

историки, в Житомире его агентура в составе М. Карапузова, С. Полищука, Т. Мешкова, Н. Крамского и К. Анисимова захватила 1 мая 1943 г. в офицерской столовой капитана войск СС Армина с ценными документами и убила его, взорвала кабинет гебитскомиссара Житомира Магиса, здание редакции газеты «Голос Вольни» и телеграф³²⁷. Город охватила паника. К сожалению, поиски сведений об этой серии терактов по альтернативным источникам ничего не дали. «Геройства» Мирковского не попали и в 5-й том публикации «Органы ГБ СССР в ВОВ». Согласно данным житомирского историка и краеведа Владимира Гинды, специализирующегося как раз на периоде Второй мировой войны, в материалах Житомирского архива относительно городского подполья нигде не встречаются данные о подрыве городского гебитскомиссариата и редакции газеты «Голос Вольни». Про это не упоминается ни в партизанских отчетах, ни в немецких документах, не писалось про это и на страницах самой газеты³²⁸.

Евгений Мирковский получил звание Героя Советского Союза 5 ноября 1944 г.

Капитан ГБ Виктор Карасев с февраля 1943 г. командовал спецгруппой НКВД СССР «Олимп», оперировавшей сначала в Белоруссии, а потом в Украине, в том числе в Житомирской области. Проведенную им в Овруче операцию советские историки описали в книге с искреннем заголовком «Ненависть, спрессованная в тол»: «[Агентурному работнику “Олимпа”] Алексею Ботяну удалось связаться... с истошником паровой котельной кригскомиссариата (очевидно, имеется в виду гебитскомиссариат. – А. Г.) Яковом Каплюком. Последний помог снять план трехэтажного здания и уточнить расположение в нем служб. Как выяснилось, на первом этаже размещались казармы карательных и охранных отрядов, на втором – их штабы, службы и офицерские спальни, на третьем – кабинеты и квартиры гебитскомиссара Венцеля и его заместителей, гестапо, спальни высших офицеров. Центр (вероятно, лично Судоплатов. – А. Г.) утвердил план операции и направил с этой целью в отряд два самолета со взрывчаткой. ...Я. Каплюк... многократно проделывал путь в 40 км из Овруча в лагерь отряда, откуда уносил тол к себе домой. Его жена и дети вместе с обедом носили по частям тол в котельную гебитскомиссариата... Постепенно под углом скопилось 150 кг тола. Затем в котельную – также по частям – было перенесено специальное взрывное устрой-

³²⁷ Зевелев А. И., Рурлат Ф. Л., Козицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол... С. 247; Мищенко Г. Л., Мигрин Г. П. Задача особой важности. К., 1985. С. 142.

³²⁸ Письмо В. Гинды А. Гогуну о терактах на территории Житомирщины в 1941–1943 гг., 23.07.09 // ЛААГ.

ство, созданное омсбоновцами-подрывниками... 14 сентября 1943 г. Я. Каплюк установил взрывное устройство с часовым механизмом и покинул здание кригскомиссариата... В тот же вечер в здании гебитскомиссариата был торжественный прием в честь 10-летия прихода Гитлера к власти (могло отмечаться 30 января, 5 или 21 марта. – А. Г.). Для офицеров давался любительский спектакль. К полуночи все разошлись по квартирам и казармам.

А через два часа небольшой городок потряс взрыв колоссальной силы: сработало взрывное устройство в котельной, и от детонации взорвался также находившийся в здании склад боеприпасов. Под обломками дома остались трупы более 40 немецких офицеров и чинов военной и гражданской администрации, много солдат. В Берлин прибыло шесть гробов с останками высокопоставленных лиц»³²⁹.

Спустя 64 года Алексей Ботян в интервью газете «Известия» удвоил количество погибших и повысил их в звании: «Из Берлина в городок Овруч Житомирской области прибыла группа “специалистов”. Каратели остановились в здании хорошо охраняемого гебитскомиссариата... Взрыв прогремел в ночь на 9 сентября. Под руинами погибло более 80 гитлеровцев – сплошь представители командного состава»³³⁰.

Поездка рабочей группы в Овруч 18 ноября 2009 г. позволила выяснить, что никакого уничтожения гебитскомиссариата не было. Во-первых, подорванное здание (сейчас – ул. Сабурова д. 48) – не административный, а жилой дом на 32 квартиры, так называемой сталинской постройки, т. е. никаких «казарм карательных и охранных отрядов» там технически размещаться не могло. Во-вторых, сила взрыва являлась отнюдь не «колоссальной»: дом после войны отстроили, т. к. была уничтожена только часть здания – сейчас на месте разрушений отчетливо видна другая кирпичная кладка. В-третьих, свидетельница событий Зинаида Жданович сообщила, что лично знала Якова Каплюка и он ей рассказал: жилой дом, где обитали немцы, он подорвал в то время, когда германцев там не было – количество жертв равно нулю³³¹. Эти сведения косвенно подтвердились и свидетельством другой жительницы Овруча, которая не могла вспомнить

³²⁹ Зевелев А. И., Рурлат Ф. Л., Козицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол... С. 248.

³³⁰ Ботян А. Спасение Кракова – самое важное, что я сделал в жизни (Беседовал Г. Степанов) // Известия. 08.02.07. URL: <http://www.izvestia.ru/hystory/article3100963/>

³³¹ Интервью с Жданович Зинаидой (1926), жительницей г. Овруч Житомирской обл., провел Иван Дерейко 18 ноября 2009 г. // ЛААГ.

расстрелов заложников – стандартных мероприятий немцев, следовавших после гибели соплеменников³³².

В тот же день, что и остальные перечисленные выше посланцы «четверки», 5 ноября 1944 г. Виктор Карасев за совокупность операций, проведенных в тылу Вермахта, получил свою Золотую Звезду. К его «заслугам», так же как и Д. Медведева и Н. Прокопюка, стоит отнести и операции против АК, коротко описанные в главе о межпартизанской борьбе (2.4).

Обратим внимание, что основные теракты омсбоновцами были устроены в 1943–1944 гг., в последний год оккупации. Это объяснялось не только увеличением активности НКГБ и ростом организованности и профессионализма эмиссаров смерти. Немецкие спецслужбы в 1941–1944 гг. тоже не почивали на лаврах, а расширяли агентурную сеть, накапливали опыт и всячески осваивались на местности. Поэтому успехи «ликвидаторов» были вызваны, прежде всего, изменениями настроения населения оккупированной территории. После побед Красной армии под Сталинградом и Курском все меньше людей готовы были связать свою судьбу с проигравшей стороной, все больше украинцев выражали согласие на соучастие в уничтожении представителей германских властей.

Конечно, надо учитывать, что, как писал М. Восленский, «КГБ – советское учреждение», т. е. лубянское ведомство, как и другие силовые структуры, было поражено приписками. И не все приведенные выше данные удалось перепроверить на основе немецких документов. Но даже вполне достоверные факты свидетельствуют – громкие покушения и наиболее значимые похищения в Украине в 1941–1944 гг. были совершены именно террористами 4-го управления НКГБ СССР.

* * *

По всей видимости, аппарат НКВД УССР, в отличие от центральных органов госбезопасности, к 22 июня 1941 г. вообще не был подготовлен к выполнению террористических заданий в тылу немцев. При этом перед отрядами и командами, остававшимися в немецком тылу или засылаемыми туда, ставился широчайший спектр задач.

В итоговом отчете 4-го управления НКГБ УССР за период войны, в первой графе «ликвидировано видных антисоветских деятелей и лиц комсостава немецких армий», напротив 1941 г. стоит прочерк.

³³² Интервью с Макаренко (Шагой) Евой (1921), жительницей г. Овруч Житомирской обл., 18 ноября 2009 г. // ЛААГ.

Однако попытки все же предпринимались, в том числе в тесном контакте с партийными организациями, а также со штабами фронтов.

Одна из групп, являвшаяся общим детищем трех вышеназванных структур, была создана в августе 1941 г. в Одессе. В сентябре 1941 г. отряд получил приказ выйти в румынский тыл, но попытка была неудачной, в результате чего от него «отсеялись» (дезертировали) негодные бойцы. При оставлении Одессы группа была переброшена НКВД³³³ в катакомбы, общая длина которых составляет 4 тыс. км. От нее вновь откололась часть бойцов, но, с другой стороны, присоединились и рядовые другого развалившегося отряда. Таким образом, к концу октября 1941 г. в указанной группе оказались в основном мотивированные участники. По словам сотрудников румынской Сигуранцы, отряд обладал «шпионскими и террористическими заданиями»³³⁴.

Подразделением руководил ровесник века Александр Солдатенко, уроженец деревни Тросна-Ивакино Ершичской волости Рославльского уезда Смоленской губернии. Служебная карточка свидетельствует, что до революции, получив начальное образование, он трудился лампоносом и коногоном на шахте в Горловке³³⁵. В годы Гражданской войны воевал за красных, после чего окончил школу среднего начсостава и продолжил числиться в РККА. В 1925 г. вступил в партию, что позволило «на гражданке» стать помощником «по специальным вопросам» директора Горловского машиностроительного завода. В разгар Голодомора Солдатенко стал трудиться в Горловском городском отделе ГПУ на должности политуполномоченного. Сделав в «органах» неплохую карьеру, 20 июня 1938 г. он отправился командовать заключенными ГУЛАГа, точнее – Букачачинского ИТЛ (Читинская область), где сменил ряд руководящих должностей³³⁶. Однако 29 апреля 1940 г. Солдатенко уволили за нарушение рабочей дисциплины. Войну он встретил в качестве заведующего районным

³³³ Списки коммунистов, оставленных в Одессе для ведения подпольной борьбы, секретарь Одесского обкома Сенин Хрущеву, после 2 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 448. Арк. 109).

³³⁴ Сообщение директора румынской спецслужбы «Сигуранца» Е. Кристеску премьер-министру Румынии Й. Антонеску и ряду других лиц о людоедстве в одном из партизанских отрядов одесских катакомб, 18 (24?) апреля 1942 г. (Державний архів Одеської області (ДАЛО). Ф. 92 (ст.). Оп. 1 (ст.). Спр. 13 (ст.). Арк. 20 (ст.)). Служебный перевод советских органов.

³³⁵ Карточка кадров ГУЛАГа: ГА РФ. Ф. 9414, служебная карточка на А. Солдатенко, 25 мая 1938 г. Документ любезно предоставлен Никитой Охотиним.

³³⁶ Там же, служебная карточка на А. Солдатенко, 17 сентября 1939 г.

финансовым отделом в поселке Фрунзенка Одесской области. Жена и трое детей успели эвакуироваться.

К началу ноября в подчинении у Солдатенко находилось девять обычных советских людей. Командира сопровождала «ППЖ» – Елена Малицкая (комсомолка с 1935 г.), которая до войны была бухгалтером «Госдоходов». Сохранились и сведения о главном кондукторе станции «Одесса товарная» Афанасии Колосе (1914 г. р., комсомолец с 1935 г.), председателе колхоза им. Хрущева Михаиле Быстрицком (1909 г. р., член КП(б)У с 1939 г.), комсомольце Петре Драчуке (1918 г. р.), до войны работавшем стрелочником на железной дороге, а также беспартийном слесаре Иване Мельникове (1907 г. р.)³³⁷. К сожалению, пока не удалось установить биографические данные еще четверых бойцов: Михаила Богушевского, Леонида Черного, Леонтия Буряка и В. Николенко.

Выявив группу, румыны замуровали часть выходов из катакомб, а у остальных поставили охрану.

Отряд обладал солидным количеством вооружения, а вот шанцевый инструмент отсутствовал, как, впрочем, и достаточные запасы продовольствия.

Положение становилось критическим, но Солдатенко за предложение сдаться расстрелял Николенко. Позже командиром был отдан приказ и об уничтожении прибывших к отряду беженцев – Бялика и его жены Евгении. Судя по фамилии жертв, они спасались в катакомбах от антисемитского террора. Оперативники Сигуранцы в конфиденциальном документе на имя Антонеску писали, что решение «было принято Солдатенко на основании специфического большевистского критерия. Бялик и его жена не были членами этой группы и не были членами коммунистической партии». Тела несчастных «были разрезаны на куски, положены в бочки и засолены. Это продовольствие потреблялось некоторое время...»³³⁸

Потом каждый из партизан начал гадать: кто пойдет под нож следующим? Четверо бойцов сумели бежать (впрочем, минимум троих из них из-за неестественно белого цвета кожи соседи сдали полиции, след Михаила Быстрицкого затерялся). Через некоторое время еще

³³⁷ «Отчет о проведенной работе по организации подпольных парторганизаций и партизанского движения по Одесской области», а также приложения к отчету – списки коммунистов, оставленных для подпольной работы. Секретарь Одесского обкома КП(б)У Сенин Хрущеву, после 2 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 448. Арк. 7–8, 104, 105, 107, 109).

³³⁸ Сообщение директора «Сигуранцы» Е. Кристеску премьер-министру Румынии Й. Антонеску и др. о людоедстве в одном из партизанских отрядов одесских катакомб, 18 апреля 1942 г. (ДАОО. Ф. 492 (ст.). Оп. 1 (ст.). Спр. 13 (ст.). Арк. 23 (ст.)).

трое жителей подземелья решили последовать примеру коллег, и для надежности умертвили командира и его подругу. Сразу выйти на поверхность не удалось – помешали клубы дыма, с помощью которых румыны пытались выкурить группу. За ожиданием, когда смог спадет, партизаны частично съели трупы Солдатенко и Балицкой. Когда выжившие таким образом бойцы все же пробрались на поверхность, они оказались в руках властей и после допроса и фотосессии³³⁹ вместе с тремя своими бывшими соратниками были казнены.

Условия и обстоятельства самоликвидации этой группы ликвидаторов заставляют вспомнить о временах первобытной дикости. В данном случае не является пропагандистским штампом выражение «пещерный сталинизм». Эта чудовищная история стала следствием приказа о запрете сдаваться в плен. В вооруженных силах любого нормального государства командир подразделения при исчерпании возможностей сопротивления обязан был сложить оружие и выслать к противнику парламентариев с белым флагом. Учтем также, что румыны относились к населению и бывшим противникам гуманнее, чем немцы. Но в Советском Союзе действовало правило: «У нас военнопленных нет, у нас есть предатели». Людоедская по своей сути система в очередной раз породила каннибализм.

«Боевой путь» другой спецгруппы, высланной чуть позже в Харьков, свидетельствует о тогдашнем уровне подготовки «специалистов по “Т”». Два человека, Иван Зень и Николай Проценко 22 ноября 1941 г. отправились на Харьковщину. Рабочий Проценко, по всей видимости, не обладал никаким военным опытом. Председатель колхоза Зень в 1919–1921 гг. партизанил за красных. В качестве оружия и спецтехники они получили 1 револьвер системы «Наган» и 14 патронов, «на карманные расходы» – 1000 рублей (по легенде, оба были профессиональными нищими). Обоих послали, что называется, «наобум», поскольку чекисты явно не знали, что творится на оккупированной территории: «В г. Харькове через своих знакомых и преданных людей Советской власти выявить лиц, продавшихся немецким фашистам и занявших руководящие посты в местном управлении в г. Харькове...»

Соответственно, и спектр задач был весьма широким: «После изучения лиц и подходов к зданию по своему усмотрению подготовить террористические акты и уничтожить всех предателей, находящихся на основных руководящих постах, в частности, председателя мест-

³³⁹ См. фотоснимок «Советские каннибалы, последние, оставшиеся в живых из катакомбы Дальницкая, которые до поимки питались человеческим мясом в катакомбах», 1942 г. (ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 3. Спр. 72. Арк. 11).

ного управления, его заместителя и других лиц. В селах и местечках Чугуевского и Харьковского районов производить террористические акты над комендантами и старостами местных властей».

Вдобавок к этому приказывалось устраивать диверсии, к организации которых привлекать лиц, обиженных немцами: «Вооружение, боеприпасы и взрывчатые вещества приобретать за счет противника, а также за счет имеющихся укрытых баз, ранее принадлежавших Чугуевскому партизанскому отряду»³⁴⁰. Судя по отсутствию дальнейшего архивного следа, группа растворилась в тумане неизвестности.

Для засылки в немецкий тыл использовалась и довоенная агентура. Из тыла противника под Новый год вернулась тергруппа в составе «осведомителей “Бутылкина”, “Катушкина” и “Летучего»». Из их отчета следует, что никаких особых успехов они не достигли, разве что в Прохоровском районе (сейчас – Белгородская область РФ) 18 декабря «в деревне Белеховка, где были расположены немцы, зажгли три хаты»³⁴¹. Сразу же по возвращении для них была намечена новая цель – населенные пункты рядом с шоссе Обоянь – Белград: «2) Располагая данными о расположении штабов, расквартировании немцев по селам совершаете террористические задания путем бомбежки помещений, где находятся немцы. 3) Совершить поджоги населенных пунктов, в которых есть большое скопление вражеских войск»³⁴². По всей видимости, второй раз задачу выполнить не удалось.

Похожая история произошла с другим «подразделением»: «осведомители “Мамонтов” и “Гречко»» 6 января 1942 г. были переброшены в тыл противника в район Яковлева (сейчас – Белгородская область РФ), видимо, из оружия получив только 4 ручные гранаты: «Произведя разведку расположения немецкого штаба, после тщательного изучения ходов (так в тексте. – А. Г.) и выходов помещения штаба – приступайте к совершению террористического акта путем метания ручных гранат в штаб вражеских войск»³⁴³. Никаких даль-

³⁴⁰ «Приказ по 4-му отделу НКВД УССР при опергруппе военсовета ЮЗФ», № 4/Т, заместитель начальника 4-го отдела НКВД УССР Князев, 22 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 901. Арк. 111–112).

³⁴¹ Оперативный отчет тергруппы «Бутылкина», «Катушкина» и «Летучего» за вторую половину декабря 1941 г., 31 декабря 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 901. Арк. 161).

³⁴² «Задание осведомителям “Бутылкину”, “Катушкину” и “Летучему»», уполномоченный спецгруппы при ВС ЮЗФ (40-я армия), подп. неразб. (Помашов?), 31 декабря 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 901. Арк. 160).

³⁴³ «Задание осведомителям “Мамонтову” и “Гречко»», уполномоченный спецгруппы при ВС ЮЗФ (40-я армия), подп. неразб. (Помашов?), 6 января 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 901. Арк. 157).

нейших данных об этих боевиках соответствующее архивное дело не содержит...

После поражений Вермахта под Москвой и стабилизации фронта чекисты получили возможность действовать не в рамках чистой импровизации, а, пусть и с опозданием, но рассчитывать операции хотя бы на ограниченный отрезок времени. 13 января 1942 г. в поселке Меловое Ворошиловградской (сейчас – Луганской) области ВРИД начальника 4 отдела НКВД УССР подполковник Любитов утвердил план работы своего отдела на январь и февраль. Третьим пунктом значилась необходимость «создать диверсионно-террористические группы для выполнения заданий в прифронтовой полосе противника, не менее 2–3 при каждой опергруппе штаба фронта и армий». Давались и конкретные указания по уничтожению коллег по ту сторону фронта. В частности, уничтожению подлежал начальник административно-хозяйственного отдела Харьковской полиции Соловченко, до войны в звании сержанта занимавший должность заместителя начальника 17 отделения милиции. Вместе с ним подлежали ликвидации его трое подчиненных – Власенко, Грищенко, Дубинский, до нападения немцев бывшие участковыми милиционерами на территории, подотчетной 17 отделению. В списке на ликвидацию были и более значимые персоны – мэр Харькова, бывший профессор музыки Крамаренко, мэр Сталино (Донецка), бывший главный инженер Горкомхоза Петушков, староста горуправы Макеевки, бывший судья Яков Иващенко, военный комендант Красноармейска по фамилии Крестьянин, директор Криворожстали, бывший начальник строительства этого завода Весника и ряд других значимых коллаборационистов: «Для подбора и вербовки курьеров для связи с партизанскими отрядами и диверсионными группами, а также агентов-диверсантов и террористов, командировать в районы Харьковской, Ворошиловградской и Сталинской областей работников 4 отдела [НКВД УССР]»³⁴⁴.

20 февраля 1942 г. в оккупированный Харьков была отправлена еще одна спецгруппа. Старшему ее участнику – Валентину Выприцкому, учащемуся 9-го класса средней школы, – было 17 лет, его напарнику Гурию Долгову – 16. Несмотря на юный возраст в 1941 г., Долгов успел послужить в истребительном батальоне НКВД. Обоих в течение десяти дней в начале 1942 г. чекисты научили пользоваться холодным оружием, и для выполнения покушения не снабдили даже пистолетами: «Перед Вами ставится как основная задача совершить

³⁴⁴ «План работы 4-го отдела НКВД УССР на январь–февраль 1942 г.», ВРИД начальника отдела Любитов, 13 января 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 8. Спр. 14. Арк. 1, 3–4, 5, 6).

террористический акт над редактором издаваемой в городе Харькове националистическо-фашистской газеты (вместо названия прочерк. – А. Г.) Аркадием Любченко и над другими работниками редакции»³⁴⁵. В инструкции говорилось, что для подготовки к теракту следовало начать с изучения распорядка дня «объекта» (Любченко) и расположения полицейских постов, а резать газетчиков рекомендовалось «в местах, где легче всего будет скрыться после выполнения поставленной задачи». Следовательно, люди, посылавшие двух подростков в немецкий тыл, не предполагали у них наличия не только спецподготовки, но и здравого смысла. Тем не менее обоим было поручено создать на месте целую сеть из молодых боевиков: «Все это вы делаете только тогда, когда убедились в том, что подобранные лица не являются провокаторами. Путем террористических актов убирайте со своего пути полицейских, работников комендатур, управлений бургомистра и т. д. Как центральную – основную задачу (противоречие с вводной частью приказа. – А. Г.) перед вами ставим совершать убийства офицерского состава немецкой армии»³⁴⁶.

После двух недель блуждания по тылам Вермахта незадачливые ребята, вопреки указанию находиться в бывшей столице УССР вплоть до прихода Красной армии, вернулись на советскую сторону. В оперативном отчете Долгов написал, что после пересечения линии фронта их задержали немцы, отвели в комендатуру, и после допроса решили переслать под конвоем одного солдата в близлежащее полицейское управление. Долгов заявил, что солдата они устранили. Выприцкий свидетельствовал, что на месте главного редактора «Новой Украины» найти не удалось: «Аркадия Любченко в Харькове не оказалось, но мы сняли одно лицо – по нашим предположениям – [ответственного редактора] Петра Сагайдачного...»³⁴⁷ Оба боевика даже не додумались придумать подробности «спецоперации». Несогласованную ложь быстро разоблачил следователь – тот же чекист, который послал Долгова и Выприцкого в Харьков. Далее следы Долгова теряются – скорее всего из-за несовершеннолетия он не был тут же призван в Красную армию. А отправленный в РККА Валентин Выприцкий погиб 28 июля 1942 г. Сейчас его останки покоятся в парке

³⁴⁵ Задание тергруппе – В. Выприцкому и Г. Долгову, данные сотрудником опергруппы при ВС ЮЗФ Ваксманом при согласии заместителя начальника 4-го отдела НКВД УССР Князева, утверждено заместителем начальника опергруппы при ВС ЮЗФ Зленко, 13 февраля 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 901. Арк. 120–121).

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Оперативный отчет террориста НКВД УССР В. Выприцкого за период с 20 февраля по 5 марта 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 901. Арк. 126).

«Юннатов» на территории агробиологической станции Воронежского пединститута³⁴⁸.

Директивы по «Т» отдавались 4-м управлением НКВД и в дальнейшем, а нижестоящие отделы проводили их детализацию. Например, 14 мая заместитель начальника управления НКВД по Сталинской (Донецкой) области старший лейтенант ГБ Горлов утвердил «План-календарь работы 4 отдела УНКВД по Сталинской области на май месяц 1942 года». 5-й пункт гласил: «Подготовить и командировать в тыл противника агентов-организаторов диверсионно-террористических и партизанских групп»³⁴⁹. Трех предполагалось направить в Чистяковский район, по одному – в Макеевку, Кагановчи и Мариуполь. В приказе значились даты засылки агентов, а также фамилии исполнителей операций по переброске боевиков в тыл Вермахта.

Уже летом 1942 г., передав в УШПД отряды, а также кадры организаторов («управленцев») зафронтной борьбой, НКВД УССР сообщил Строчаку о недавних провалах «ликвидаторов» в Измаильской области: «В Килия-Нода [Сигуранцей с помощью агентурной разработки] ликвидированы 2 террористические группы до 25 человек; там же установлен партизанский отряд»³⁵⁰.

Во второй половине 1942 г., прежде всего из-за положения на фронтах, значимых операций украинские чекисты в тылу Вермахта не проводили.

Лишь после возвращения Красной армии удалось выявить ряд случаев активности «замороженных ячеек». Одним из представителей таковых стал бывший завкафедры химии Сталинского мединститута «Дорошенко» (Роман Головатый), оставленный в Сталино (Донецке) в октябре 1941 г.: «С приходом немцев в г. Сталино... стал работать инспектором теххимконтроля молочно-жирового треста...

Руководителем одной из дивгрупп (так в документе. – А. Г.) агент «Дорошенко» поставил Шимко Елисея Михайловича, работавшего при немцах заведующим аптекой № 2. Шимко... создал группу в 5 человек из числа врачей и обслуживающего персонала, работавших в немецком госпитале.

³⁴⁸ <http://www.obd-memorial.ru/Memorial/Memorial.html>. Запись № 265373436.

³⁴⁹ «План-календарь работы 4 отдела УНКВД по Сталинской области на май месяц 1942 года», зам. нач. 4 отдела УНКВД по Сталинской области Антишин, 13 мая 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 8. Спр. 14. Арк. 78, 79).

³⁵⁰ Сообщение ВРИД начальника 2 управления НКВД УССР Бондаренко для Строчака о провале ряда партизанских отрядов и тергрупп, № 8324, 9 июля 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 213. Арк. 4).

Участники этой группы одновременно, путем расстерилизации, заражали инструмент и перевязочный материал, и в таком виде использовали его при операциях и перевязке ран, что приводило к смертным случаям среди раненых офицеров и солдат немецкой армии...

В результате деятельности группы Шимко к концу июня 1943 года было умерщвлено до 100 человек немецких солдат и офицеров...

...“Дорошенко” в конце декабря 1942 г. в г. Сталино организовал вторую диверсионную группу, во главе которой поставил профессора Никольского Николая Андреевича, работавшего заведующим химической лабораторией.

Во дворе лаборатории, где работал Никольский, в феврале 1943 года останавливалась немецкая грузовая автомашина с двумя бочками пива и вина. Никольский, воспользовавшись тем, что машина не охранялась, в бочку с пивом подсыпал мышьяк, а в бочку с вином – цианистый калий. ...Эта машина из г. Сталино выехала вместе с отступающими частями противника.

Агент “Дорошенко”, будучи в феврале 1943 года в командировке на Ольгинском маслозаводе, вместе с мастером этого завода Слатиным, произвели отравление двух бочек масла сулемой, впоследствии отправленного в одну из немецких частей.

Со слов управляющего молочно-жировым объединением Шульгина, агенту “Дорошенко” известно, что в Волновахском районе отравилось до 50 человек немцев и итальянцев, что “Дорошенко” считает[: это] произошло вследствие употребления в пищу отравленного им масла...

Находясь в командировке на Мариупольском маслозаводе, в мае 1943 года агент “Дорошенко” произвел отравление мышьяком сырковой массы, приготавливаемой для офицерского состава немецкой армии. Позже ему стало известно от того же Шульгина, что в г. Мариуполе имело место отравление от сырковой массы среди офицерского состава, что немцами было отнесено за счет некачественного приготовления сырка»³⁵¹.

Кроме того, как пишут два современных донецких исследователя, под руководством Головатого «в клинике (сейчас им. Калинина), где размещался военный госпиталь оккупантов, действовала подпольная “тройка” в составе врача Евгении Бовы и медсестер Раисы Микитен-

³⁵¹ Проект документа «Докладная записка о диверсионной деятельности агентуры 4 управления НКГБ УССР по данным на 30 ноября 1943 г.», начальник 4 управления НКГБ УССР Сидоров, № 95 084/4, 4 декабря 1943 г. (ГДА СБУ. Ф. 60. Спр. 83503, т. 1. Арк. 349–352).

ко и Антонины Пехтеревой. Как отмечалось в... справке УНКГБ от 20.12.43 г., подпольщики физически уничтожили свыше ста гитлеровцев, находившихся на излечении в госпитале. Достигалось это путем умерщвления тяжело раненых наркотом, умышленным заражением крови (сепсис) и недосмотром при газовой гангрене»³⁵².

После окончания оккупации Р. Головатый и Е. Шимко получили правительственные награды³⁵³. До прихода Красной армии они оперировали без контакта с Центром.

Руководство НКВД УССР 15 августа 1942 г., в момент начала битвы за Кавказ и Сталинград, в качестве основных задач на территории Украины видело ряд пунктов: «1. Поддержание и дальнейшее восстановление связи с оставленной в тылу противника агентурой. 2. Подготовка и выброска в тыл противника диверсионных и разведывательных групп и резидентур из числа вывезенной из Ворошиловграда агентуры, в первую очередь в важные пункты и районы. 3. Изыскание новой базы для работы, вербовки новой агентуры и дальнейшей выброски ее на территорию Украины. 4. Внедрение агентуры в административные, карательные органы противника, украинские националистические и прочие антисоветские круги и формирования, а также в инженерно-технические круги. 5. Организация и поддержание радиосвязи с выброшенной и выбрасываемой в тыл противника агентурой. 6. Организация радиокурсов для подготовки радистов. 7. Сбор разведывательных сведений...»³⁵⁴ в основном военно-политического, а не сугубо военного характера.

Однако эти задачи были выполнены далеко не идеально. Как отмечалось в сообщении Савченко Судоплатову, за полтора года войны НКВД УССР выбросил на оккупированную территорию 2027 разведчиков-одиночек с разовыми заданиями разведывательного характера и курьеров для связи с агентурой. Из них возвратилось 408, т. е. 20 %, остальные пропали. Было заслано также 595 групп общей численностью 1892 человека, возвратилось 34 группы общей численностью 174 человека, т. е. менее 10 %. В начале 1943 г. от всей этой агентурной армии «в строю» находились жалкие остатки:

³⁵² Сытник Е. В., Наконечный В. С. Под псевдонимом “Дорошенко”: к 100-летию со дня рождения организатора и руководителя подпольной спецгруппы органов НКВД “Авангард” разведчика “Дорошенко” (Головатого Р. Н.). Донецк, 2002. С. 14.

³⁵³ Там же. С. 25.

³⁵⁴ План работы оперативной группы НКВД УССР по линии 4 управления с 15 августа по 15 октября 1942 г., утвержден Савченко 15 августа 1942 г. (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3, кн. 2. С. 140).

«Поддерживается связь с разведывательными группами “Луч” численностью 5 человек, выброшенной в район г. Сумы, и “Майский” численностью 4 человека, выброшенной в район г. Сталино. Живая связь поддерживается только с несколькими агентами-одиночками, от которых недавно возвратились курьеры. Поддержание курьерской связи с оставленной и выведенной в тыл противника агентурой на протяжении всего этого периода являлось наиболее узким местом в нашей работе... Имели многочисленные факты, когда возвращавшаяся из тыла врага наша агентура перехватывалась в разведывательных и особых отделах Юго-Западного и Южного фронтов и использовалась последними без нашего разрешения для разведывательной и другой работы в тылу противника»³⁵⁵.

К засылке же оперативно-чекистских групп НКГБ УССР вновь приступил только осенью 1943 г.

Судя по тому, что в итоговый отчет НКГБ УССР не попало ни одного теракта, совершенного на советской территории, в Украине уничтожались низшие чины оккупационной администрации. По сведениям самих чекистов, наиболее громкие покушения республиканские органы госбезопасности провели на территории Польши.

28 ноября 1944 г. спецгруппа «Авангард» под командованием Василия Тихонина («Лукич», «Василь»³⁵⁶) обстреляла автомобиль, проходивший по шоссе Пинчев – Дзялошице в 50 км к северо-востоку от Кракова, около местечка Санцигнев (Sancyniow), убив пассажира: «Из захваченных и доставленных нам документов видно, что Рост Эрнст Германн Пауль, 1891 года рождения, уроженец и житель гор. Берлина, член национал-социалистической партии с 1933 года. Занимал ряд ответственных должностей в партии, в частности, в 1940–1943 гг. был руководителем главной Берлинской окружной инстанции национал-социалистической партии. В Польше Рост занимал должность руководителя областной инстанции национал-социалистической партии Генерал-Губернаторства и совершал служебные поездки в район Краковского воеводства по специальным заданиям»³⁵⁷.

³⁵⁵ Спецсообщение НКВД УССР № 28/сн в 4 управление НКВД СССР о заброшке агентуры на оккупированную территорию Украины, 18 января 1943 г. (Органы ГБ СССР в ВОВ. Т. 4, кн. 1. С. 71).

³⁵⁶ *Paczyńska Irena*. O latach wspólnej walki. Obywatele radzieccy w ruchu partyzanckim na ziemi kieleckiej i krakowskiej. Warszawa, 1978. S. 210, 214.

³⁵⁷ «Итоговый доклад о боевой и агентурно-оперативной работе 4-го управления НКГБ УССР в Отечественной войне 1941–1945 гг.», начальник 4 управления НКГБ УССР Сидоров 26 июля 1945 г. (ГДА СБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 86 751, т. 46. Арк. 17–18).

При ближайшем рассмотрении Эрнест Рост оказывается инженером³⁵⁸. А сколько-нибудь значимого нацистского функционера с таким именем в германских справочниках найти не удалось.

По данным польского историка времен ПНР, 11 декабря 1944 г. около деревни Липовка боевики Тихонина, используя сведения агентурной сети Армии Людовой, уничтожили бывшего коменданта лагеря Треблинка Тео фон Ойпена (Theo von Eupen)³⁵⁹. По другой версии, это сделали непосредственно польские партизаны около Еджерова (Jędrzejów)³⁶⁰.

Согласно итоговому отчету НКГБ УССР, 20 января 1945 г. спецгруппой НКГБ УССР «Валька» был задержан «видный немецкий ставленник Кшептовский Вацлав... (руководитель сепаратистского Горского комитета. – А. Г.) и после допроса, признав свою предательскую деятельность и связь с фашистами, был повешен на перекрестке шоссе дорог возле гор. Закопане, неподалеку от леса, полученного им в подарок от немцев.

В тот же день в ресторане в гор. Закопане группа задержала брата Вацлава – Кшептовского Болеслава (совсем не важная личность в иерархии “гураленфолька”. – А. Г.), являвшегося ближайшим помощником в фашистской деятельности Вацлава, и в лесу на окраине г. Закопане расстреляла его.

О факте ликвидации братьев Кшептовских, особенно Вацлава, население гор. Закопане и окружающих горных сел, знающих о фашистской деятельности Кшептовских, высказывалось с одобрением³⁶¹.

В. Кшептовский был коллаборационистом районного масштаба, и его «ликвидация» могла бы быть расценена как некоторый успех. Но даже с точки зрения интересов Системы достижение это было бессмысленным, а то и контрпродуктивным – через 9 дней в Закопаны вошла Красная армия. К тому же описание спецоперации вызывает некоторые сомнения. Во-первых, замалчивается факт, что Кшептовский в тот момент находился в подполье³⁶², и его азартно разыскивали разнообразные польские партизаны, советские тергруппы, а также немецкие спецслужбы. Во-вторых, существует версия о том, что

³⁵⁸ *Paczyńska Irena*. O latach wspólnej walki... S. 215.

³⁵⁹ Ibid.

³⁶⁰ http://pl.wikipedia.org/wiki/Theodor_van_Eupen

³⁶¹ «Итоговый доклад о боевой и агентурно-оперативной работе 4-го управления НКГБ УССР в Отечественной войне 1941–1945 гг.», начальник 4 управления НКГБ УССР Сидоров 26 июля 1945 г., утверждено наркомом ГБ УССР Савченко 27 июля 1945 г. (ГДАСБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 86 751, т. 46. Арк. 16–17).

³⁶² *Kuczyńska Teresa*. Chciał dobrze, a został zaprzającym // Przegląd. 09.06.2005.

Кшептовского повесили боевики отряда АК «Курнява»³⁶³. Вероятно, при контакте с командиром этого подразделения Тадеушем Студзинским командир «Вальки» Николай Казин убедил польского коллегу при случае убить Кшептовского, что и было сделано.

В тылу Вермахта в 1943–1945 г. действовало 53 оперативно-чекистские группы НКГБ УССР. За четыре года войны украинская «четверка» произвела, согласно ее же сведениям, 25 терактов, а также множество разнообразных операций по разведке, контрразведке и диверсиям. Уровень и масштаб мероприятий вызывали похвалу, но не восхищение Судоплатова, Берии, Меркулова и Хрущева. В частности, не была реализована «сверхзадача», поставленная перед посланцами НКГБ УССР – взорвать коричневого сатрапа Польши Ганса Франка. Да и близко к нему подобраться не удалось.

Никто из рядовых и командиров спецподразделений украинского филиала тайной полиции СССР за мероприятия, устроенные с лета 1942 по май 1945 г., непосредственно в годы войны и сразу после нее не получил звания Героя Советского Союза.

* * *

После создания УШПД его сотрудники не забыли о проведении «ликвидаций» в тылу врага.

В ноябре 1942 г. курс занятий в партизанской школе включал в себя организацию разведки в тылу противника, боевую подготовку, организацию работы штаба партизанского отряда, административный режим. Общая продолжительность курса составляла 60 часов, среди перечня информационных блоков 5-м пунктом значилось: «Методы, приемы проведения террористическо-диверсионной деятельности – 2 часа»³⁶⁴.

Поскольку выполнение «задач по “Т”» было связано прежде всего с проведением кропотливой агентурной работы, то их реализация возлагалась на разведотдел УШПД. Первоначально он возглавлялся подполковником Красной армии Коваленко. С конца 1942 г. его сменил капитан ГБ Мартынов. И тут же отмечаются попытки проведения терактов. 19 декабря 1942 г. Строкач, очевидно, вследствие ин-

³⁶³ *Paczyńska Irena*. O latach wspólnej walki... S. 239; *Studziński Tadeusz*. Pięć mostów i inne akcje. Wspomnienia partyzanckie oficera Armii Krajowej. Kraków, 1992. S. 310–364.

³⁶⁴ «Расписание занятий с группой лиц, намеченных для работы в тылу противника», начальник 2 отдела УШПД Коваленко, утверждено Строкачем 4 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 178. Арк. 22).

спирации Мартынова, направил Сабурову радиogramму: «Немедленно примите меры активизации разведки по установлению лиц ставки Гитлера, их истребления. Результаты информируйте»³⁶⁵. До засылки в «волчье логово» агентов дело так и не дошло.

Мартынову на местах подчинялись посланные в отряды и соединения в конце 1942 – начале 1943 г. заместители командиров по разведке, также в большинстве своем кадровые чекисты.

План работы второго (разведывательного) отдела УШПД по переброске спецгрупп и агентуры в тыл противника на декабрь 1942 г. содержал и IV пункт: «Подобрать и подготовить организаторов-террористов с задачей: 1. Проведение террористической деятельности – физического истребления руководящего состава тайной политической полиции, националистических формирований, городского управления, войсковых подразделений. 2. Насажение агентуры по террору на предприятиях, учреждениях, ж[елезно] д[орожных] станциях, войсковых подразделениях и других органах...»³⁶⁶ на территории Ворошиловградской, Запорожской, Днепропетровской, Киевской, Винницкой и Одесской областей – в первую очередь в областных, а также крупных районных центрах. В каждую из шести областей предполагалось заслать по одному организатору-террористу. Замыслы воплотить не удалось, очевидно, в силу объективных сложностей периода битвы за Кавказ и Волгу.

Реализацию террористических актов пытались проводить партизанская агентура и боевики партизанских соединений. Например, посылаемый в Черниговское соединение на должность заместителя командира по разведке одного из отрядов младший лейтенант госбезопасности Александр Волошинов, среди прочего, обладал следующим заданием: «Насадить агентуру в районе действий отряда по проведению террористической деятельности над руководящим составом гестапо, националистических формирований, городского управления, войсковых подразделений»³⁶⁷. Аналогичные установки получил и направленный в Сумское соединение на должность заместителя Ковпа-

³⁶⁵ Радиogramма Строкача Сабурову, 19 декабря 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 19).

³⁶⁶ «План работы разведывательно-информационного отдела УШПД по переброске спецгрупп и агентуры в тыл противника – Украины. На декабрь месяц 1942 года», начальник разведотдела УШПД Мартынов (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 178. Арк. 59).

³⁶⁷ Приказ Строкача «О переброске в тыл противника заместителя командира партизанского отряда, входящего в соединение партизанских отрядов т. Федорова – по разведке – мл. лейтенанта ГБ Волошинова А. Ф.», № 00 159, 10 декабря 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 176. Арк. 2).

ка по разведке лейтенант ГБ Яков Коротков³⁶⁸, а также организаторы разведработы, направляемые в другие отряды и соединения³⁶⁹.

Резкая активизация подготовки к этим операциям в основных украинских соединениях началась весной 1943 г. По всей видимости, директивы по активизации терроризма были переправлены Пономаренко в УШПД 11–12 мая 1943 г. В частности, 12 мая 1943 г. глава ЦШПД просил срочно выслать все имеющиеся данные на гауляйтера Украины Э. Коха³⁷⁰. Возможно, глава ЦШПД решил перехватить инициативу у конкурирующих ведомств – НКГБ и Красной армии. По свидетельству врача медведевцев, задачу убийства Коха их отряд получил также весной 1943 г.³⁷¹ Поскольку покушение на Коха подготавливалось «Победителями» как минимум с осени 1942 г., то воспоминание Цессарского можно интерпретировать как сведения о получении директив по интенсификации подготовки покушения. Не исключено, что сам Сталин поставил подобную задачу сразу перед тремя реструктурированными с разницей в 3 дня организациями, проводившими борьбу за линией фронта: НКГБ (выделен из НКВД 14 апреля 1943 г., задачи определены совместным приказом Берия и Меркулова № 232/3 от 11 мая 1943 г.), ЦШПД (воссоздан 17 апреля 1943 г.), РУ ГШ КА, в которое приказом НКО от 18 апреля 1943 г. были переданы из ГРУ отряды и агентура на оккупированной территории СССР.

11 мая в беседе с командиром одного из польских партизанских отрядов Робертом Сатановским сотрудники УШПД спрашивали у него о том, знает ли он на Волыни местных специалистов «террори-

³⁶⁸ Подпункт «г» из 9-го пункта приказа Строкача «О переброске в тыл противника заместителя командира по разведке объединенных партизанских отрядов Героя Советского Союза тов. Ковпак — лейтенанта ГБ Короткова Я. Ф.», № 3, 16 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 176. Арк. 21).

³⁶⁹ См., напр., 9-й пункт из приказа Строкача «О переброске в тыл противника заместителя командира по разведке партизанского отряда, входящего в объединение партизанских отрядов под командованием Маликова — Сацука М. С.», № 17, 19 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 176. Арк. 67), пункт 11 из приказа Строкача «О переброске в тыл противника зам. командира соединения партизанских отрядов по разведке, под руководством Героя Советского Союза генерал-майора Наукова — старшего лейтенанта ГБ Гаврилюка А. Ф.», № 23, 10 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 176. Арк. 96).

³⁷⁰ Просьба Пономаренко в УШПД выслать сведения об Э. Кохе, исходящее сообщение ЦШПД № 1073 сс от 12 мая 1943 г., входящий № по учету УШПД — 001763, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 19).

³⁷¹ Интервью с А. Цессарским (1920), ветераном отряда НКГБ «Победители», 4 ноября 2009 г. // ЛААГ.

стической работы»³⁷²? Есть ли у него «на примете» толковые террористы?

Составленный полковником Стариновым документ под названием «План-программа занятий по минно-подрывной технике» с командным составом оперативного и разведывательного отделов УШПД включал в себя тот же 5-й пункт: «Террор против предателей, оккупационных военных и гражданских властей (2 часа)»³⁷³. Расписание учебы было утверждено Строкачем 18 мая 1943 г.

20 мая 1943 г. разведотдел Украинского штаба создал папку «Т» № 2: «Материалы по совершенным террористическим актам»³⁷⁴.

Через неделю на территории Полесья прошло совещание командиров семи партизанских соединений Украины с сотрудниками ЦК КП(б)У и УШПД. Комиссар новосозданного Житомирского соединения под командованием С. Маликова Бугаенко заявил, что на антипартизанские террористические меры оккупантов следует отвечать по принципу «хлеб за соль»: «Сейчас немцы усиленно стараются заслать шпионов в партизанские отряды с главной задачей – уничтожить руководство. Немцы говорят – нужно взять командиров, а бойцы потом сами разбегутся. Мы должны тоже усилить террор по отношению к немецкому командованию»³⁷⁵. В тот же день предложения Бугаенко были приняты общим постановлением: «Предложить командирам, комиссарам, политработникам и партийным организациям усилить свою работу по разложению гарнизонов и резервных частей противника, особенно венгерских, чехословацких, румынских, казачьих частей, полицейских и националистических формирований. Для этого засылать к ним свою агентуру, забрасывать листовки и газеты, терроризировать командный состав...»³⁷⁶

Как видно, намерения были довольно масштабные.

Например, уже 12 мая соединению им. Щорса было приказано подготовить истребление офицеров, отдохавших в житомирском са-

³⁷² Стенограмма беседы сотрудников УШПД с командиром польского партизанского отряда Р. Сатановским, 11 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1623. Арк. 95).

³⁷³ «План-программа занятий по минно-подрывной технике с командным составом оперативного и разведывательного отделов УШПД», И. Старинов, утверждена Строкачем 18 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 27. Арк. 92).

³⁷⁴ ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241.

³⁷⁵ «Протокол совещания членов нелегального ЦК КП(б)У совместно с командирами и комиссарами семи партизанских соединений Украины», 29 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 19. Спр. 14. Арк. 14).

³⁷⁶ «Резолюция совещания членов нелегального ЦК КП(б)У совместно с командирами и комиссарами 7 партизанских соединений Украины», 29 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 19. Спр. 14. Арк. 28).

натории, созданном оккупантами на базе бывшего дома Красной армии. Через две недели командир соединения Маликов запросил для проведения теракта «о[травляющие] в[ещества]», а Строкач запросил о правомерности их использования Хрущева³⁷⁷. «Добро» первого секретаря ЦК КП(б)У было получено, но в итоге директива так и не была осуществлена.

Зато Степан Маликов донес в УШПД, что «20–22 мая» группой отряда им. Хрущева был «истреблен городницкий комендант», фамилию которого установить не удалось. Поскольку «погрешность» в дате ликвидации загадочного коменданта составляла 2 дня, то даже заинтересованный в раздувании успехов партизан начальник оперативного отдела УШПД Соколов запросил Маликова о фамилии убитого и о том, каким же образом тот был уничтожен. Вероятно, установление личности «потерпевшего» в тех условиях не требовало даже агентурных изысков: Маликову достаточно было послать в одно из сел Городницкого района группу войсковой разведки. Однако, судя по тому, что еще через две недели командиру Житомирских партизан пришлось отдельной радиogramмой³⁷⁸ напоминать о необходимости узнать имя «уничтоженного объекта», партизаны не горели желанием сообщать (или выдумывать?) подробности. В составленный после войны итоговый перечень реализованных «задач по “Т”» имя этого коменданта так и не попало³⁷⁹.

22 же мая, согласно радиogramме того же Маликова, группой отряда «За Победу» на Житомирщине, точнее, на шоссе Овруч – Коростень была уничтожена легковая автомашина, в которой находился коростеньский гебитскомиссар Шмидт и два офицера. Поскольку в журнале учета УШПД в графе «Участие в теракте агентуры» стоит слово «нет»³⁸⁰, то случайное попадание гебитскомиссара, да еще и с двумя офицерами в засаду, к тому же прямо после получения партизанами директив по активизации «Т» оставляет много вопросов.

³⁷⁷ Резолюция Строкача о необходимости запроса Хрущева о разрешении использования ядов, 27 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 901. Арк. 36).

³⁷⁸ Запись о напоминании Маликову радиogramмой от 3.7.43 за № 1391 об ответе по поводу городницкого коменданта, журнал учета терактов УШПД, 3 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 5).

³⁷⁹ «1. Партизанским отрядом им. Хрущева 22.5.43 г. уничтожен немецкий военный комендант в м. Городница Житомирской области». Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 44).

³⁸⁰ Журнал «Учет терактов, совершенных партизанскими отрядами Украины», запись № 2 (ЦДАГО. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 2 зв.).

В отчете о партийно-политической работе в соединении Маликова есть сведения о том, что завербованный партизанами фельдшер с. Охотовка по фамилии Лищук, псевдоним «Кушель», применил бактериологическое оружие: «Агент “Кушель” в г. Коростене отравил тифозными бациллами два колодца, расположенные в районе военного городка, где помещались немецкие солдаты...»³⁸¹ Однако никаких данных о результатах этого теракта отчет не содержит.

С той же Житомирщины командование соединения им. Боровика доносило в УШПД о спецоперации «химического» свойства. В офицерской столовой Коростеня старшим лейтенантом Анатолием Николаевичем Захаренко (1911 г. р.) была завербована уборщица – «красивая девушка Мария». Для покупки яда у местных врачей ей выдали «20.000 карбованцев, 10 кг сала, 2 пуда хлеба». 27 мая агент высыпала в общие котлы лошадиную дозу цианистого калия, мышьяка и сулемы³⁸². В результате отравилось 250 офицеров германских люфтваффе. Позже командир соединения Виктор Ушаков по запросу УШПД уточнил, что в результате операции умерло 57 человек, а на излечении находится 180³⁸³. В сумме получалось 237. Но и к этой цифре следует подходить осторожно. Ведь цианид действует мгновенно, а сулема и мышьяк, если их использовать в количествах, необходимых для гарантированного умерщвления – в течение нескольких секунд. Пусть даже Марии и удалось незаметно бросить отраву в пищу – ее перед раздачей должны были попробовать повара. И если по какой-то причине кашевары пренебрегли этой вполне функциональной традицией, то вряд ли 236 летчиков продолжили есть с аппетитом в тот момент, когда кто-то первым продемонстрировал признаки недомогания. Несмотря на сомнительность отчета, начальник оперативного отдела УШПД Соколов, пожелав Ушакову «дальнейших успехов»³⁸⁴, объявил ему благодарность, а операцию приводил в пример пресловутому Маликову. Более того, лейтенант Захаренко был представлен к ордену Красного Знамени. На попытку же руководящих инстанций вручить медаль и исполнительнице, командир соединения им. Боро-

³⁸¹ Отчет «Партийно-политическая работа в отрядах» Житомирского соединения им. Щорса, после 10 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 67. Оп. 1. Спр. 13. Арк. 50).

³⁸² Донесение командира соединения им. Боровика В. Ушакова начальнику оперативного отдела УШПД Соколову об обстоятельствах теракта в офицерской столовой г. Коростеня, № 45, 1 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 11).

³⁸³ Запись в приложениях к журналу учета терактов УШПД о результатах теракта агентуры соединения им. Боровика, 28.6.43 (ЦДАГО. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 6).

³⁸⁴ Радиограмма Соколова Ушакову с благодарностью и запросом данных об агенте Мария для ее награждения, № 1352, 3 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 12).

вика отреагировал довольно резко: «...немецкую проститутку Марию к награде не представляю»³⁸⁵.

Известный житомирский краевед и историк Владимир Гинда также усомнился в целесообразности награждения реалizаторов этого покушения, поскольку эта операция обязательно бы нашла свое отображение в немецких оккупационных документах, которые хранятся в Житомирском областном архиве, или в донесениях Житомирского генерал-комиссара Клема: «Однако в них ничего по этому инциденту нет. Советские подпольщики на Житомирщине после завершения военных действий однозначно должны были бы “увековечить” данный “подвиг” в соответствующей исторической литературе. Но и тут существует пробел, так как ни в местных мемуарах, ни в документальном сборнике “Житомирщина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, где собрано 270 документов, не отображен эпизод с отравлением немецких офицеров...»³⁸⁶ Вероятно, составители сборника осознавали фантастичность данного эпизода, поэтому и обошли его, «от греха подальше», стороной.

Больше скромности, чем Ушаков, проявил командир Тернопольского соединения Иван Шитов. Согласно его радиограмме Строкачу от 2 июля 1943 г., «на лесоучастке Городница [на западе Житомирщины]... агент заминировал столовую немецких солдат. Взрывом убито 6 и ранен 1 немец»³⁸⁷. Через четыре дня начальник 1 отдела УШПД Соколов запросил описание деталей произошедшего, желая отметить исполнителя. Шитов посоветовал воздержаться от вознаграждения, поскольку «террористический акт... совершил некий Дедз Павел Леонович, лесник. До войны он был осведомителем НКВД, а при немцах был их агентом, выдавал партизан и националистов. Дедз был перевербован нашим оперработником и получил задачу совершить теракт, что он и сделал»³⁸⁸.

Соколов направил Шитову дальнейшие указания: «Продолжайте развивать организацию терактов, поручите это специальному лицу».

В июле 1943 г. партизанами отряда Д. Николайчика, входившего в соединение Шитова, было совершено покушение на городничьего гебитскомиссара, следовавшего в автомашине по дороге Город-

³⁸⁵ Выписка из донесения Ушакова в УШПД, № 53 от 11 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 16).

³⁸⁶ Письмо В. Гинды А. Гогуну по поводу теракта в офицерской столовой г. Коростя 27 мая 1943 г., 5 декабря 2009 г. // ЛААГ.

³⁸⁷ Справка о теракте партизан Шитова из приложения к журналу учета терактов партизанами УШПД, 6 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 15).

³⁸⁸ «Справка из сообщения Шитова от 16.7.43 г. за № 5693», 22 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 78).

ница – Новгород-Волынский. Согласно итоговому послевоенному оперативному отчету разведотдела УШПД, шофер этого чиновника был завербован партизанами и получил псевдонимом «Михайлов». Дальнейшее повествование описывает выдающуюся ловкость агента: «В результате проведенной диверсии, гебитскомиссар был тяжело ранен и доставлен в Новоград-Волынский госпиталь, где умер. “Михайлов”, будучи в курсе предстоящей диверсии, своевременно выскочил из-под огня в откос шоссеиной дороги, чем спас себя и остался вне подозрений. Даже наоборот, “Михайлов” был отмечен немецкой наградной ленточкой»³⁸⁹. Поскольку имя нацистского чиновника даже после войны не попало в обильно цитируемый здесь итоговый отчет разведотдела УШПД, вся история с покушением выглядит отнюдь не непреложной, тем более что точная дата теракта также не указана.

Кроме того, поиск следов перечисленных выше терактов УШПД в низовых документах соответствующих соединений и отрядов не дал никаких результатов. Выглядит так, что все эти покушения были выдумкой.

Соединениям им. Берии и им. Щорса 3 июля 1943 г. УШПД был отдан приказ по уничтожению курсантов «школы гестапо» (гестапо не оперировало на территории РКУ), расположенных в Олевске и Житомире. Аналогичные задачи по гарнизонам, дислоцировавшимся в Киеве, ставились представителям разведотдела УШПД в Киевском соединении им. Хрущева под командованием Хитриченко, в украинском кавалерийском партизанском соединении Наумова. 24 июля 1943 г. Сабурову, Маликову, Шитову, Бегме и Федорову была послана ориентировка на проживающего в Сарнах подполковника Дедковского, командира коллаборационистских формирований, с предложением его убить³⁹⁰.

О выполнении подобной директивы свидетельствовал Иван Хитриченко: «В Киеве у нас был штаб по руководству диверсионными группами, и этот штаб производил яды, чтобы травить летный состав, так как у них был свой повар. Кроме того, у нас по госпиталям работала группа людей, которые производили яды для отравления офицеров, лежащих в этих госпиталях. По общим подсчетам, было отравлено 200 человек в Киеве руководящего состава немцев пу-

³⁸⁹ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 28).

³⁹⁰ Справка УШПД о постановке задач перед партизанами по уничтожению подполковника Дедковского, зам. начальника разведотдела УШПД Череваш, после 24 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 192. Арк. 27).

тем применения отравляющих веществ, которые изготовлялись на месте»³⁹¹. В итоговом оперативном отчете³⁹², равно как и в других документах Киевского соединения им. Хрущева сведений об этом «подпольном цехе смерти» найти не удалось.

С мертвой точки не сдвинулись попытки уничтожения главы РКУ Эриха Коха.

В сторону вожделенного Ровно взоры сотрудников УШПД, отвечавших за «Т», устремлялись еще как минимум с октября 1942 г.³⁹³ Но все это было маниловщиной. Подчиненные Строкача, с ноября 1942 г. оперировавшие в непосредственной близости от Ровно, к середине мая обладали весьма скудной информацией о коричневом сатрапе Украины: «Приметы его: среднего роста, шатен, носит пенсне.

Сведения эти требуют проверки.

В данное время штаб-квартира Коха находится в г. Ровно, замок, барак № 2.

Другими данными в отношении него не располагаем»³⁹⁴.

Уже 30 мая 1943 г. Шитов донес, что обладает необходимыми агентурными связями для устранения главы РКУ, и затребовал для организации покушения личное оружие, 25 мин разных видов, 100 граммов мышьяка и стрихнина, а также гражданскую одежду и обувь. Наибольшие затруднения в тыловой Москве вызвал как раз последний пункт. 22 июня соответствующий рапорт составил заместитель начальника разведотдела УШПД по фамилии Мокров: «Для выполнения спецзаданий в тылу противника агентурой по “Т” разведотдела и партизанских отрядов необходимо приобретение гардероба: штатских костюмов и ботинок мужских – 10 и женских 10»³⁹⁵. 1 июля Шитов был запрошен о размерах одежды и обуви. Но старания интендантов УШПД пропали впустую – Кох бывал в Ровно редко и тщательно охранялся.

³⁹¹ «Стенограмма совещания у зам. Начальника УШПД полковника Старинова», г. Харьков, 29 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Спр. 126. Арк. 13).

³⁹² «Отчет об организации и боевых действиях соединения партизанских отрядов Киевской области, им. тов. Хрущева Н. С., 1942–1944», зам. командира соединения Лишевский и др., 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 77. Оп. 1. Спр. 1).

³⁹³ См.: «Список заместителей командиров партизанских отрядов по разведке и разведчиков по состоянию на 25.10.42 г.», начальник РО УШПД Коваленко (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 175. Арк. 29).

³⁹⁴ Сообщение Строкача Пономаренко о деятельности и личности Э. Коха, № 003527, 15 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 20).

³⁹⁵ Рапорт зам. начальника разведотдела УШПД Мокрова для и. о. начальника оперативного отдела УШПД Соколова о необходимости приобретения одежды и обуви для террористов, 22 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 26).

4 июня 1943 г. в Ровенское соединение № 1 под командованием В. Бегмы был выброшен самолетом организатор террористических актов «Брут»³⁹⁶. Под столь многозначительным псевдонимом скрывался некто Кирилл Оголь. В отличие от Кузнецова, «Брут» не смог уничтожить в центральном аппарате РКУ даже кого-то рангом ниже, чем Кох.

В связи с этим интересен такой документ, как «Программа подготовки организатора “Т” Пеступского», утвержденная Строкачем в июле 1943 г. Обучение вел майор Орлов, и состояло оно из трех информационных блоков. Первый был посвящен ведению агентурной разведки. Второй представлял собой лекции, на которых рассказывалось о противнике, в том числе о германских спецслужбах. Третий блок – собственно осуществление теракта – включал в себя пять пунктов: исследование «объекта», изучение окружающих его лиц, вербовка исполнителя и агентуры, выбор места и средств проведения покушения, сокрытие следов³⁹⁷. Как видно, индивидуальная подготовка была комплексной, разносторонней, а самое главное – крайне насыщенной, поскольку совокупное время занятий составляло 20 часов.

Вывод напрашивается сам собой: начатая УШПД в лучших традициях штурмовщины, аврала и показухи весенне-летняя террористическая кампания 1943 г. не принесла успехов. Более того, за весь период 1942–1944 гг. ни одного громкого покушения подчиненные Тимофея Строкача не совершили. Ведь поджоги свинарников или подрывы товарняков по своей сути и сложности отличаются, например, от «мероприятий» по расстрелу министра сельского хозяйства или, скажем, отравлению начальника имперского управления железных дорог.

* * *

В настоящий момент в распоряжении штатских исследователей есть лишь отрывочные сведения о «ликвидациях», устроенных армейскими спецслужбами в оккупированной Украине.

В принципе в качестве теракта можно квалифицировать и разрушение в конце сентября 1941 г. исторического центра Киева, коротко описанное в разделе об уничтожении хозяйственных объектов. Одной из целей этой операции было убить как можно больше представителей командного состава германской армии и чиновников оккупационного аппарата, разместившихся в удобных зданиях.

³⁹⁶ Справка о выброске организатора терактов «Брута» в Ровенское соединение № 1, 5 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 29).

³⁹⁷ «Программа подготовки организатора “Т” Пеступского», утверждена Строкачем в июле 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 241. Арк. 34).

Подобной акцией, произведенной «хирургическими» методами, но достигшей большего результата, стал подрыв в Одессе заблаговременно заминированного областного управления НКВД. Как указывал в мемуарах упоминавшийся Аркадий Хренов, это сделали армейские саперы³⁹⁸. После занятия города румынскими войсками здесь устроил штаб военный комендант Одессы, по совместительству командир 10-й пехотной дивизии Ион Глогожану (Ion Glogojanu). По некоторым данным, его предупредили о том, что строение может быть заминировано. Но после осмотра объекта румынские саперы заявили, что опасности нет. Вероятно, оставленная агентура сообщила в Севастополь по радиции о времени оперативного совещания. 22 октября в 17.35 одной из радиостанций Крыма был послан смертоносный сигнал, в результате которого правое крыло и центральная часть здания были полностью разрушены. Потери составили 135 человек: 79 погибших, 43 раненых, 13 пропавших без вести. Было убито 16 румынских офицеров, прапорщик и 46 солдат, 9 гражданских лиц, а также 7 немцев, из которых 4 были офицерами ВМС³⁹⁹. Посмертно Глогожану был повышен в звании – с бригадного до дивизионного генерала.

Представитель инженерного управления РККА Илья Старинов с помощью радиофугаса, активизированного из Воронежа, устроил аналогичный взрыв в Харькове, в доме первого секретаря обкома – ул. Дзержинского 17. 14 ноября 1941 г.⁴⁰⁰ погибло 2 офицера и 13 унтер-офицеров, а также командир 68-й пехотной дивизии Вермахта генерал-майор Георг Браун⁴⁰¹, посмертно повышенный до генерал-лейтенанта.

Не исключено, что уничтоженная СД сеть, по сведениям германских спецслужб совершившая в Киеве в июле–августе 1942 г. 6 убийств, подчинялась ГРУ. На это косвенно указывают псевдонимы жены резидента – «Броня», а также одного из ведущих членов группы Фалькова: «Саша», «Андрей»⁴⁰².

³⁹⁸ Хренов А. Ф. Мосты к победе. М., 1982. Глава «Непобежденные». URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/hrenov_af/index.html

³⁹⁹ Alésandru Duțu, Florica Dobre, Leonida Loghin. Armata Română în al Doilea Război Mondial 1941–1945. București, 1999. P. 229.

⁴⁰⁰ «Спецсообщения о боевой деятельности партизанских отрядов, действующих в оккупированных областях УССР», начальник штаба истребительных батальонов НКВД СССР Г. Петров на имя Берии и др., 10 января 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 22. Л. 72).

⁴⁰¹ <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Personenregister/B/BraunGeorg-R.htm>

⁴⁰² «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 24», шеф полиции безопасности и СД, 9 октября 1942 г. (ВАН. R 58 / 222. Bl. 175–176).

В мемуарах воевавшего на Волыни Антона Бринского есть упоминание о ряде терактов «локального значения», совершенных в 1943 г. «Начали рваться в поездах минированные чемоданы Острога. Комсомольская группа Лаховского-младшего бросила гранату в окошко гестапо. Были убитые и раненые, а бросившие гранату скрылись. В Рафаловке партизаны установили связь с неким С. – переводчиком начальника станции. В один прекрасный день начальник взялся за телефон у себя в кабинете, и вдруг телефонная трубка взорвалась у него в руке, разорвав его и полуразрушив стены комнаты»⁴⁰³. 23 мая 1943 г. на осмотре построенных оборонительных сооружений взрывом были оторваны ноги шефу горынской жандармерии Гасману⁴⁰⁴. Позже подобным образом на станции Видибор был уничтожен офицер 36-го венгерского полка⁴⁰⁵. На сорокалетие начальника станции Горынь агенты партизан бросили ему в окно две гранаты: «Взрывами были убиты два немецких офицера, трое немцев и пять предателей отделались более или менее серьезными ранениями. А когда хоронили убитых... партизаны успели заминировать кладбище. Снова были убитые и раненые»⁴⁰⁶. Нагрузив подводу продовольствием и заминировав, посланцы ГРУ отправили ее без лошади в Олевск, к зданию Олевской жандармерии. Когда немцы стали разбирать воз и открыли сундучок, он взорвался⁴⁰⁷. «Ковельская комсомолка Оля Кошелева... бросила гранату в окошко здания гестапо... Последнее Олино дело – мина, подброшенная в барак, где помещались гитлеровские каратели. Четырнадцать фашистов было убито взрывом... Гремели взрывы в Луцке и в Киверцах – их подготовили луцкие подпольщики»⁴⁰⁸. Воспоминания – ненадежный источник, но важно, что подобная деятельность была партизанам ГРУ не чуждой.

Одна же история столь своеобразна, можно даже сказать, по своему уникальна, что заслуживает подробного описания.

Но сначала необходимо сказать несколько слов о главном герое этих событий.

Федор Михайлов родился 30 июня 1889 г. в расположенном на берегу реки Мста селе Перелучи (сейчас – Боровичский район Новгородской области РФ) в семье крестьянина. В 1915 г. учился

⁴⁰³ Бринский А. П. По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. Кн. 1. Горький, 1966. С. 446.

⁴⁰⁴ Там же. Кн. 2. С. 336–337.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ Там же. С. 340.

⁴⁰⁷ Там же. С. 385.

⁴⁰⁸ Там же. С. 482.

в Кронштадте в школе юнг. Служил на Балтфлоте, активно принимая участие в революционных событиях, в том числе состоял членом Кронштадтского совета матросских и солдатских депутатов, а также участвовал в боях с белогвардейцами. После тяжелого ранения в колено демобилизовался, но еще несколько месяцев оставался на должности начальника связи при штабе обороны Петроградского района. В 1919 г. Михайлова направили на партийную работу в глубинку, откуда он самовольно уехал в Петроград поступать в медицинский институт, за что был исключен из рядов РКП(б). Получив образование, Михайлов работал врачом в больницах разных областей РСФСР. В 1940 г. он был переведен в Каменец-Подольскую, сейчас – Хмельницкую область, где получил место заведующего Славутского роддома. Помимо выполнения административных функций, он практиковал как гинеколог.

В преддверии «священных боев» Михайлова в 1941 г. призвали на переподготовку в РККА, где его и застала война, причем его семья успела эвакуироваться в глубокий тыл. По официальной советской версии, Михайлов, уже будучи военврачом, попал в составе одной из частей в «киевский котел» (бориспольское окружение), но выбрался оттуда.

В октябре 1941 г., вернувшись в Слауту, он получил у немцев разрешение работать по специальности. Как опытного руководителя Михайлова вскоре назначили заведующим, т. е. главврачом местной больницы. С этого момента он стал разворачивать подпольную деятельность, тем более что условия позволяли надеяться на успех – рядом находился Славутский лагерь военнопленных.

Воспользовавшись тем, что в больнице не хватало врачебного персонала, бывший краснофлотец добился разрешения отобрать среди пленных «лояльных» врачей. Михайлов отличался несвойственной советским штатским людям военно-политической инициативностью и наталкивающим на размышления профессионализмом. Уже к концу 1941 г. он подчинил себе ряд подпольных групп, в том числе небольшую сеть боевиков, организованную бывшим командиром НКВД Антоном Одухой. Михайлов также успел создать ячейки в своей больнице, Слауте, славутском лагере, а также в ряде других населенных пунктов, в том числе в Шепетовке, Изяславле и Остроге. В подполье вовлекались и дети⁴⁰⁹.

По словам Одухи, Михайлов умел завоевывать доверие: «Человек твердого нрава, энергичный... старый партизан Гражданской войны...

⁴⁰⁹ Доманк А., Сбойчаков М. Подвиг доктора Михайлова. М., 1971. Passim.

Товарищ Михайлов среднего роста, рыжеват, с назад зачесанными волосами, со строгими чертами лица. Фигура его коренастая, прихрамывал... По возрасту выглядел свыше 50-ти лет, чисто выбритый, одет элегантно – был в сером костюме и желтых ботинках... и всегда с папиросой в мундштуке... ..Он произвел впечатление на меня человека твердого характера, настойчивого, требовательного и решительного»⁴¹⁰.

В описании подпольщицы Иустины Бонацкой Михайлов предстает собранным и немногословным человеком: «Невысокого роста, рыжий, некрасивый на вид, одетый в какое-то странное широкое, клешное пальто, в кожаной шапке...»⁴¹¹.

Одуха, вскоре ставший «правой рукой» Михайлова, свидетельствовал, что в конце декабря у предприимчивого медика было проведено конспиративное совещание: «Прибыв к нему на квартиру, у него застал врачей: Захарова, Козийчука и врача из Шепетовки, фамилии которого я до сих пор не знаю... Врачи были в халатах, обстановка была создана – консилиума врачей, сам тов. Михайлов тоже был в халате»⁴¹².

Как сообщал тот же Одуха в итоговом отчете о деятельности своего соединения, на совете был намечен ряд задач, отличающихся размахом и дерзостью:

Создание крепких конспиративных подпольных организаций на местах.

Проведение широкой советской пропаганды среди местного населения.

Подготовка населения к вооруженному всенародному восстанию.

Подбор и подготовка кадров руководителей восстания.

Усиленная добыча оружия и боеприпасов.

Развертывание диверсионных и террористических действий в тылу противника⁴¹³.

⁴¹⁰ Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 1, 2, 3).

⁴¹¹ «Стенограмма беседы с Бонацкой И. А., членом подпольной Славутской организации, и ее дочерью Щербаковой Л.» Беседу вела научный работник ЦК КП(б)У Попова Е. в присутствии Одухи, 24 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 23).

⁴¹² Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 2).

⁴¹³ «Отчет о боевой деятельности соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской обл.», Одуха и др., после июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 34).

И план начал осуществляться, не в последнюю очередь благодаря тому, что ветерану Гражданской войны хватало изощренной хитрости и железной выдержки, т. е. умения спокойно реагировать на угрозы. По неосторожности во время прослушивания радио часть его подчиненных провалилась, о чем сообщалось в сводке СД от 15 мая 1942 г.: «10.4.42 в Славуте... арестовано 8 участников партизанской группы, находившейся в стадии создания. Они договорились напасть и прикончить наряды охраны лагеря военнопленных, расположенного в Славуте, и освободить содержащихся военнопленных. Совместно с ними впоследствии должны были быть созданы партизанские группы»⁴¹⁴.

Подполье было настолько глубоко законспирированным, что и после этого провала продолжало успешно функционировать. По словам Одухи, «доктор Михайлов для конспирации себя, как подпольного работника, к тому же зная хорошо немецкий язык, заводил связь с немецкими руководителями, с немецкими врачами, выдавая себя за ярого противника советской власти, и создавал видимость преданного служителя немцев – и это удавалось ему неплохо. Вся жизнь доктора Михайлова проходила в очень напряженном состоянии, ему вынужденно приходилось устраивать у себя на квартире обеды, на которые приглашал видных немецких врачей и этим он отводил от себя подозрения немцев»⁴¹⁵.

Более того, Михайлов, чтобы отвести подозрение, инсценировал «налет бандитов» на свою собственную квартиру, в ходе которого был ранен в шею.

По всей видимости, руководитель агентурной сети все-таки перестарался.

В итоговом оперативном отчете Каменец-Подольского партизанского соединения ответственность за гибель врача возлагалась на него самого: «В своей подпольной деятельности тов. Михайлов был чрезвычайно смел и последователен. Он обладал исключительной способностью с первого взгляда распознавать людей. И в этом у него почти не было ошибок. Но в то же время он был неосторожен. Имея солидный опыт одурачивания тупоголовых немецких администраторов, он зачастую шел на опасную игру с ними, направлял на ложные следы. Но всему бывает конец»⁴¹⁶.

⁴¹⁴ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 3», шеф полиции безопасности и СД, 15 мая 1942 г. (ВАН. R 58 / 697. Вл. 41).

⁴¹⁵ Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 7–8).

⁴¹⁶ «Отчет о боевой деятельности соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской обл.», Одуха и др., после июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 43).

Один из участников сети – Козийчук – через четыре месяца рассказал немцам о существовании агентурной сети. Сводка СД № 19 от 4 сентября 1942 г. подвела черту под биографией руководителя подпольной группы: «В Славуте... удалось ликвидировать банду заговорщиков-интеллектуалов, возглавлявшуюся главврачом тамошней больницы Михайловым. В общей сложности арестовано 15 человек. Военнопленным, которых Михайлов пользовал, он помогал бежать, и создал из них вооруженную банду. Неподкупных командиров полицейских он собирался убрать с дороги с помощью убийств. В одном случае он сам попытался ядом устранить командира полицаев»⁴¹⁷.

Арестованных, в том числе главврача, повесили. На смекалку и хладнокровие Михайлова указывает то обстоятельство, что большая часть сети осталась нераскрытой и активно действовала как минимум до конца 1943 г. Более того, судя по немецким документам, сам руководитель подполья умудрился скрыть от следователей то, какими методами его подчиненные боролись с оккупантами.

В характеристике, данной Михайлову еще в 1939 г. заведующим тагайского районного отдела здравоохранения Куйбышевской области значится, что врач-хирург Языковской больницы особенную заботу «проявляет в недопущении эпидемических заболеваний на территории своего медучастка»⁴¹⁸, т. е. зараза всегда привлекала пристальное внимание врача.

В итоговом отчете Каменец-Подольского партизанского соединения им. Михайлова скупо описывается предприимчивость славутских врачей: «В январе 1942 года подпольный комитет поставил задачу вывода в полном составе Славутского лагеря военнопленных... В лагере было организовано радиослушание, коллективная читка советского агитационного материала, свежих газет, истребление немецкой охраны с помощью культивирования среди немцев сыпного тифа. Ампулы с тифозными вшами, предназначенные для немцев, регулярно поступали из Славуты в [славутский] лагерь»⁴¹⁹.

Иустина Бонацкая, работавшая в годы войны сестрой-хозяйкой венерологического отделения Славутской больницы, провернула

⁴¹⁷ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 19», шеф полиции безопасности и СД, 4 сентября 1942 г. (ВAB. R 58 / 222. Bl. 14).

⁴¹⁸ «Характеристика врача-хирурга Языковской больницы т. Михайлова Ф. М.», заведующий райздравом Чернышев, 15 сентября 1939 г. (ЦАМО. Фонд личных дел. Дело Михайлова Ф. М. № 1 846 826. Л. 8).

⁴¹⁹ «Отчет о боевой деятельности соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской обл.», Одуха и др., после июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 36).

«медицинскую» операцию в январе 1942 г. Рядом с городской больницей располагались ремесленные мастерские, где работали и жили немецкие солдаты. «Федор Михайлович берет... коробочку с вшами и дает ее мне, говоря: “В этой коробочке тифозные вши, собранные с белья тифозных больных. На тебе ее, и пойдти разбросай вши по немецким постелям. Немцев отсюда нужно выжить, чтобы они нам не мешали”»⁴²⁰.

С просьбой сделать скалку и отремонтировать туфли Бонацкая появилась на объекте: «Постучала, захожу. Они встретили меня весело с возгласами: “Фрау, фрау пришла...” В комнате у них стояло 4 кровати, посредине – верстак... Я присела на кровать и стала им рассказывать мимикой, зачем я к ним пришла, что мне, мол, нужна качалка тесто качать. Я вынула коробочку из ваты [в кармане] и держу ее в руках. Продолжаю с ними смеяться, говорю с ними, и одновременно приоткрыла немножко коробочку и выпустила не знаю сколько вшей, на рядом лежавшую со мной на кровати шубу. А сама боюсь, чтобы они не заметили. Закрыла коробочку и снова спрятала в карман»⁴²¹.

На следующий день Бонацкая вновь пришла к доверчивым столерам и сапожникам и под предлогом осмотра их семейных фотографий проникла в спальню: «Обернулась – не видно ли им, что я делаю, и быстро раскрыв коробочку с вшами, я раструсила все их по одежде, которая висела на вешалке. Потом выхожу, а они говорят: “Гут, гут, фрау”. Говорили также, чтобы я взяла крем [для лица] себе. Потом я поблагодарила, и, взяв туфли, ушла».

Через несколько дней Федор Михайлов поблагодарил агента: «Молодец! Немцы от нас вчера вечером уехали, доктор Козийчук обнаружил у них случай заболевания тифом»⁴²².

После войны Одуха свидетельствовал, что аналогичную задачу он получил через две недели после описанных Бонацкой событий, т. е. в конце февраля 1942 г.: «Заражение тифозными вшами и отравление немецких летчиков-офицеров и изменников родины... Тифозных вшей собирали в пробирки в лагерях военнопленных (вероятно, в Шепетовском лагере. – А. Г.) и через медицинский персонал и других передавали по назначению. Я тоже получил 4 пробирки вшей, цианистого калия, сулемы в пилюлях, морфия и другие отравляющие вещества»⁴²³.

⁴²⁰ «Стенограмма беседы с Бонацкой И.А...», 24 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 25).

⁴²¹ Там же. Арк. 26.

⁴²² Там же. Арк. 27–28.

⁴²³ Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 6).

В автобиографии Одуха с гордостью сообщал о выполнении поручения: «Группа под моим личным руководством до апреля месяца 1942 г. занималась диверсией по немецким гарнизонам, т. е. индивидуальный террор (в данном случае биотерроризм. – А. Г.) на немецких офицеров и солдат немцев, заражали тифом немцев путем пуска тифозных вшей»⁴²⁴.

Кроме того, дочь Иустины Бонацкой Лидия Щербакова (1924 г. р.), свидетельствовала, что весной 1942 г. завхоз славутской больницы также снабдил ее тайным оружием: «Дядя мой – Бонацкий Роман, поручал мне “кое-что” делать. Один раз дядя принес какой-то стеклянный тубик...: “Это вши тифозные. Вот ты собираешься на танцы, возьми и повтыкай их немцам на танцах”.

Я шла на танцы с Галей Лыс. Мы разложили вши в бумажечки по одной-по две в каждую, помногу в бумажечки жалели класть, чтобы побольше хватило для фрицев, и во время танцев и в перерыв там, где было больше немцев, старались вложить бумажечку со вшами в карман или на ворот и так их и пораскидали. Это было весной 1942 г.»⁴²⁵

Игнат Кузовков, сидевший в 1941–1942 гг. в славутском лагере, вспоминал об исполнении приказаний: «Я подобрал группу надежных товарищей и через них проводил работу по подготовке к выводу всего состава лагеря, а также по заражению тифом немецкого гарнизона. Первую задачу выполнить не удалось. А вторая была выполнена неплохо с помощью тифозных вшей, доставлявшихся в ампулах из Славутской больницы. Таким образом, был уничтожен один фельдфебель, два унтер-офицера и 9 солдат»⁴²⁶.

Помимо этого, по словам Одухи, «Славутской группой было отравлено несколько предателей Родины – служак немцев. Заражены тифом 16 немецких летчиков...»⁴²⁷

Прецедент использования сыпняка против оккупантов подтвердила в телефонном интервью и бывшая подпольщица, находившаяся под началом Ф. Михайлова и лично знавшая его еще до войны, врач-уролог Галина Войцешук⁴²⁸.

⁴²⁴ Автобиография Одухи, после 30 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 5. Спр. 77. Арк. 302).

⁴²⁵ «Стенограмма беседы с Бонацкой И. А., членом подпольной Славутской организации, и ее дочерью Щербаковой Л.», 24 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 33).

⁴²⁶ Автобиография Кузовкова, после 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 500).

⁴²⁷ Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 7).

⁴²⁸ Интервью с Г. Войцешук (1914 г. р.), жительницей г. Славута Хмельницкой обл., ветераном подполья, 11.09.2010 // ЛААГ.

В справке ЦК КП(б)У о руководителе Славутскоо межрайонного подпольного комитета приводится результат его «спецопераций»: «Организовал физическое истребление немцев и изменников Родины путем культивирования “сыпного тифа и специальными методами лечения”. Таким образом уничтожено свыше сотни врагов»⁴²⁹.

Более того, существуют косвенные указания на то, что группа Михайлова, чтобы вызвать эпидемию, проводила заражение советских военнопленных в славутском лагере. Похоже, что тем самым достигалось сразу несколько целей. С одной стороны, в глазах немецкого начальства повышалась значимость врачей группы Михайлова, как возможных борцов с напастью, угрожавшей окрестному населению и даже самим оккупантам. С другой стороны, у подпольщиков появлялась возможность среди заболевших выявить «полезных» и лояльных им людей, прежде всего все тех же врачей, и либо перевести их на бесконвойный режим, либо под видом «умерших» переправить в лес.

В опубликованном в Москве в 1969 г. М. Кузьминым сборнике «Медики – герои Советского Союза» эта версия подкрепляется следующей недвусмысленной фразой: «Ф. М. Михайлов поддерживал связь с “гроссшазаретом” (славутским лагерем. – А. Г.), в результате чего среди военнопленных стали часто возникать заразные заболевания. Инфекционных больных из лагеря направляли в стационар к Ф. М. Михайлову, где большинство из них “умирало”, т. е. уходило в партизанский отряд»⁴³⁰.

После войны подпольщики по понятным причинам не хвастались такими «проказами», однако их показания, в общем, подтверждают правоту М. Кузьмина.

Во всех приведенных выше свидетельствах указывается, что вши доставлялись из Славуты в славутский лагерь военнопленных, где использовались для того, чтобы заражать охрану, т. е. сыпного тифа изначально в лагере не было, иначе было бы проще и, самое главное, безопаснее, собрать насекомых на месте.

Также Одуха сообщал, что «при славутской поликлинике инфекционное отделение было разделено на два отделения – одно отделение, где были инфекционные больные, и другое отделение, где скрывались наши работники под видом инфекционных больных, скрывались наши подпольщики. (...) Доктор Михайлов... большую работу провел по организации и пополнению партизанских групп,

⁴²⁹ Справка о деятельности Ф. Михайлова, б. п., б. д. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 69).

⁴³⁰ Кузьмин М. К. Медики – Герои Советского Союза. М., 1969. С. 55.

находящихся в лесу, за счет людей, выведенных из больницы и из лагерей»⁴³¹.

Одним из таких людей стал военврач Ибрагим Друян, оставивший после войны мемуары с патетическим названием «Клятву сдержали», имея в виду клятву Гиппократата. По свидетельству Друяна, эпидемия сыпного тифа началась не ранее середины февраля 1942 г. Это совпадает по времени с проведением второго расширенного заседания межрайонного подпольного комитета Михайлова⁴³², где, помимо него самого, присутствовало еще трое врачей, двоих из которых ему ранее удалось вытащить из славутского лагеря военнопленных. На этом совещании Одуха впервые узнал о начале «бактериологической войны» и получил свое первое, описанное выше, «медицинское» задание.

Как вспоминал Друян, против стихийного (?) бедствия ослабленные голодом бывшие красноармейцы ничего не могли поделать: «Санитарные нормы в бараках не поддерживались. Помещения не отапливались, белье никогда не менялось, от верхней одежды остались одни лохмотья. Скученность в блоках была огромная, дезинфекция там никогда не проводилась. Мы были буквально обсыпаны вшами.

С началом эпидемии сыпного тифа положение врачей еще более усложнилось. Единственное, что мы могли в этих условиях сделать, это наладить круглосуточное дежурство у каждой группы больных. Мы меняли им компрессы, поили водой.

Сыпняк перекинулся и на врачей. Первый заболел я. Как-то вечером я почувствовал, что меня начинает знобить, стала кружиться голова. Сразу понял, что болезнь добралась и до меня, и обратился к Симону с просьбой осмотреть. Он поставил диагноз – тиф.

Ночью мне стало еще хуже. Жар усилился, и я потерял сознание.

Болезнь длилась долго. Я пластом отлежал более трех недель. И все это время у моих нар находился Симон. Он делал все возможное, чтобы спасти мне жизнь. С помощью [завербованного Михайловым переводчика коменданта лагеря Александра] Софиева он достал немного сердечных лекарств»⁴³³. Более того, Друян, вместе с группой других больных пленных, заботливо отобранных врачами-подпольщиками, был переведен из лагеря в больницу в г. Острог. Там всех их поставили на ноги, а потом вернули в лагерь с заданием

⁴³¹ Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 6, 8).

⁴³² Там же. Арк. 5.

⁴³³ Друян И. Л. Клятву сдержали. Минск, 1975. Глава «Плен». URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/druyan/02.html>

бороться с эпидемией. В мае 1942 г. с помощью Михайлова Друян бежал в лес к Одухе.

Славутский лагерь, первые полгода своего существования бывший обычным лагерем военнопленных № 357, после разгула заразы был превращен немцами в «Гросс-лазарет 301», куда свозили больных, оставляя умирать. Подполье, тайно распределявшее медикаменты «среди своих», просуществовало за колючей проволокой до самого конца оккупации.

Вероятно, немцы все же заподозрили присутствие «чуждой силы». Один из обвинительных актов советской стороны в Нюрнберге сохранил, среди прочего, следующие сведения: «В “Гросс-лазарете” периодически отмечались вспышки заболеваний неизвестного характера, называвшиеся немецкими врачами “парахолерой”. Заболевание “парахолерой” было плодом варварских экспериментов немецких (? – А. Г.) врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход “парахолеры” в 60–80 процентов случаев был смертельный. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем русские врачи-военнопленные к вскрытию не допускались»⁴³⁴.

Согласно данным Чрезвычайной государственной комиссии, в «Гросс-лазарете» от эпидемий и голода умерло около 150 тыс. человек. Если гипотеза о заражении пленными агентурой верна, то ответственность за их гибель михайловцы делят с немцами, т. е. речь может идти об очередной советской фальсификации на Нюрнбергском процессе, по масштабности вполне сравнимой с Катынским делом, а то и превышающей его.

В конечном счете операции Михайлова были должным образом оценены Системой. В 1965 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, именем руководителя подполья в Славуте назвали улицу, парк, швейную фабрику и Центральную районную больницу, рядом с которой бывшему главврачу установили памятник.

И очень похоже на то, что Михайлов действовал не по собственному почину, а по заданию спецслужб, причем не НКВД, а разведорганов Красной армии (с 16 февраля 1942 г. – ГРУ), точнее – разведывательного управления штаба Юго-Западного фронта.

Выглядит так, что завербован он был еще в годы Гражданской войны. С осени 1918 по начало 1919 г. Михайлов прошел подготовку командного состава флота в Петрограде, после которой в апреле–мае

⁴³⁴ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов / под ред. К. П. Грошенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1954. Т. 1. С. 464.

1919 г. «участвовал в боях против Юденича в составе отдельного морского корпуса в качестве разведчика»⁴³⁵. Далее – по октябрь 1919 г. – он служил радиотелеграфистом учебного отряда Кронштадтской базы РККФ, потом – до января 1920 г. – начальником команды связи при штабе обороны Ленинградского района. Далее, несмотря на изгнание из партии, бывший краснофлотец закончил институт и сделал успешную карьеру. Причем за 14 лет сменил 7 мест работы в разных регионах, к тому же в основном на руководящих должностях – главврачом, т. е. заведующим больницами⁴³⁶. За это же время он 7 раз проходил военные сборы продолжительностью от 20 до 90 дней⁴³⁷. Вероятно, что Михайлова держали в качестве «внутреннего» агента армейских служб, не исключая возможность его оставления на местности при отступлении РККА.

Вышедший в 1971 г. в Москве советский панегирик «Подвиг доктора Михайлова» написали не чекистские, а штатные военные борзописцы: Альберт Доманк и Максим Сбойчаков. Согласно этому очерку, из оккупированного Житомира в Славуту в 1941 г. Михайлова с поручением создать подпольную сеть направил некий таинственный «товарищ Константин»⁴³⁸. Именно в армейских спецслужбах времен войны в качестве оперативных псевдонимов обычно использовались имена: «дядя Петя», «Ким», «Дора», «Рамзай» и т. д.

В выпущенной теми же авторами книге «Шепетовские подпольщики», рассказывается о сети, связанной с группой Михайлова. Причем возглавлялась эта группа человеком, носившим оперативный псевдоним «дядя Ваня». Ему подчинялся некий «дядя Жора». Именно врачам-агентам шепетовской организации первым пришла в голову мысль вывозить узников шепетовского лагеря военнопленных под видом умерших⁴³⁹.

На запрос в архив Службы безопасности Украины был получен ответ: никаких данных о Михайлове там нет, т. е. оперировал он не по заданию НКВД УССР.

В конце 1941 – начале 1942 г. представители группы Михайлова регулярно встречались с житомирскими «подпольщиками», у которых была связь с «подпольщиками» Киева. Последние, в свою

⁴³⁵ Анкета, заполненная Ф. Михайловым, заверена ВРИД Славутского райвоенкома, предп. 8 февраля 1941 г. (ЦАМО. Фонд личных дел. Дело Михайлова Ф. М. № 1846826. Л. 2). Автобиография Ф. Михайлова, 8 февраля 1941 г. (Там же. Л. 7).

⁴³⁶ Там же. Л. 2 об.

⁴³⁷ Там же. Л. 4 об.

⁴³⁸ Доманк А., Сбойчаков М. Подвиг доктора Михайлова. М., 1971. С. 9.

⁴³⁹ Доманк А. С., Сбойчаков М. И. Шепетовские подпольщики. М., 1972. Passim.

очередь, поддерживали контакты «с Москвой». Антон Одуха, по его словам, весной 1942 г. поддерживал связь с киевскими «подпольщиками», о которых ему не было известно ничего⁴⁴⁰.

Информация о деятельности спецслужб Красной армии по советской традиции обладает куда большей степенью секретности, нежели чем сведения о «рыцарях щита и меча».

Поэтому в очерке о славутском враче члена партийной комиссии по изучению войны И. Слинко сквозило недоумение: «Никому неизвестными путями доктор Михайлов доставал советские газеты и листовки и с помощью Сокола и других участников подполья разносил правдивое слово Советской Родины среди населения в тылу врага»⁴⁴¹.

В более позднем сообщении о поступках Михайлова заведующий Хмельницкого партийного архива указал на пути приобретения агитматериалов: «Была создана большая сеть подпольной агентуры, доходившей до линии фронта, откуда комитет получал литературу: свежие газеты и листовки»⁴⁴².

Игнат Кузовков, в июне 1944 г. в справке о деятельности Михайлова также намекал на «органы руководства» славутской группой: «Нити подпольной организации тянулись в Житомир, Бердичев, Киев и к фронту»⁴⁴³.

И в воспоминаниях Одухи о Михайлове есть указание на то, что действовал врач не по собственной инициативе: «Он отрекомендовался мне, как представитель реввоенсовета»⁴⁴⁴. Вероятно, Одуха оговорился, назвав реввоенсоветом, не существовавшим в 1941 г., военный совет Юго-Западного фронта.

В письме заместителя начальника 4-го Управления НКГБ СССР Наума Эйтингона начальнику отдела кадров управления НКВД по охране железнодорожных сооружений подполковнику Ажнину об

⁴⁴⁰ Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 5).

⁴⁴¹ «Очерк члена комиссии [по изучению советско-германской войны] Слинко И. И. о главном враче Славутской больницы, партизане Михайлове», 19 октября 1945 г. (ЦДАВО. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 74. Арк. 6).

⁴⁴² Сведения о партизанской и подпольной борьбе в Каменец-Подольской области в 1941–1944 гг., заведующий архивом Хмельницкого обкома КПУ Н. Тараненко для заместителя директора института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Д. Кукина, после 10 марта 1966 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 285. Арк. 23).

⁴⁴³ «Справка об организаторе межрайонной подпольной советской организации Каменец-Подольской области Ф. М. Михайлове», И. Кузовков, 3 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 519. Арк. 10).

⁴⁴⁴ Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 3).

упоминавшемся переводчике коменданта славутского лагеря «Софиеве» (Абраме Лихтенштейне) сообщается, что сразу после побега из плена в 1942 г. он «организовал партизанский отряд, который действовал по заданиям разведпура Красной армии»⁴⁴⁵.

Таким образом на роль спецслужб в этой истории указывает не только стилистика «проделок» описанной группы.

К сожалению, дальнейший поиск уперся в глухие стены архива ГРУ.

Так или иначе, если заражение михайловцами сыпным тифом собственно советских военнопленных пока что является предположением, то инфицирование ими немцев – факт.

Казалось бы, событие не ахти какое, произошедшее в захолустье и коснувшееся сравнительно небольшого количества людей.

Однако, казус Михайлова обладает едва ли не всемирно-историческим значением.

Во-первых, это единственный известный случай не экспериментального, как в японском отряде № 731, а оперативного применения оружия массового поражения во Второй мировой войне на европейском ТВД. Не должен смущать скромный масштаб – тиф в любом случае является бактериологическим оружием, т. е. одним из видов ОМП. Тем более, если учитывать его способность и даже склонность к самораспространению.

Во-вторых, это один из немногих задокументированных случаев оперативного применения бактериологического оружия вообще в истории человечества. Неслучайно во все времена в ходе даже наиболее жестоких конфликтов их участники крайне редко боролись с врагом именно таким способом, т. к. опасались бить «палкой о двух концах». Советский же врач, натасканный профессионалами, без колебаний орудовал в рамках тотальной войны на уничтожение.

3.6. Пропаганда

Нацистский режим изначально уделял огромное внимание «просвещению» своих подданных. Неслучайно исследователь Роберт Герцштейн назвал сражение на германском пропагандистском поле

⁴⁴⁵ Письмо заместителя начальника 4-го Управления НКГБ СССР Наума Эйтингона начальнику отдела кадров управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений Ажнину об Абраме Лихтенштейне, № 4/с/1862, 10 марта 1944 года (РГВА. Ф. 38 621. Оп. 2. Д. 21. Л. 71. Цит по публикации А. Слободянюка: «История с лейтенантом Лихтенштейн А. С.!». 28 сентября 2010 // <http://www.srpo.ru/forum/index.php?PHPSESSID=ejo62mpgkt64au31m30q254ku0&topic=307.975>)

«войной, которую выиграл Гитлер». Гигантский агитационный аппарат, в котором динамизм молодой экстремистской партии сочетался с немецкой традицией исполнительности и результативности, в 1941 г. был перенесен на территорию Восточной Европы. Это не значит, что как сама машина убеждения, так и ее работа была идеальной. Глава нацистской политической разведки Вальтер Шелленберг свидетельствовал, что специалисты нацистского института исследования Восточной Европы в Ванзее полагали: немецкая агитация «льет воду»⁴⁴⁶ на мельницу партизан. Однако это было явное преувеличение. Как отмечалось в аналитической записке ЦШПД, партизанам и ГЛАВПУРу противостояла целая армия матерых профессионалов, нашедших бесчисленных помощников среди советских людей:

«Немецко-фашистская пропаганда... носила и носит разносторонний характер. Она исходит из обстановки на фронте, отношения населения к немецким порядкам, мобилизации внимания населения к земельной реформе, клеветы на государственное устройство СССР, на неизбежность поражения Красной армии, воспитания у населения оккупированных районов веры в то, что немцы принесли им “свободу и хорошую счастливую жизнь”.

На протяжении всего периода оккупации... немцы применяли все возможные средства для того, чтобы пропаганда получила наибольшую доходчивость до сознания масс. Путем вербовки разного рода изменников нашей родины немцы создали немалую сеть провокаторов среди населения, целью которых являлось разъяснить (затуманивать головы) то или иное обращение, приказ, распоряжение, рассказать о быте и жизни в Германии, о “новом порядке в Европе”. К таким провокаторам относятся кулаки, уголовники, духовенство и ряд других изменников из числа русских военнопленных.

К деятельной пропаганде, как правило, привлекались сельские старосты, бургомистры. Весь этот аппарат тщательно инструктировался, получая одно задание за другим.

Фашистская политика лжи и обмана не могла ограничиваться только кадрами устных провокаторов. Немцы в оккупированных районах, особенно в тех, где действовали партизаны, развернули радиосеть. (...)

За малым исключением во всех оккупированных районах немцы организовали печатную пропаганду – газеты, журналы, листовки, плакаты. Путем подписки стремились обеспечить каждого, особенно городских жителей, газетами.

⁴⁴⁶ Шелленберг В. Лабиринт (Мемуары). Минск, 1998. С. 134.

Специальным распоряжением сельским старостам и городским управам немцы обязали ежедневно проводить среди населения коллективные читки газет.

Вся система лживой фашистской пропаганды, располагая достаточными средствами и кадрами, в отдельных случаях имела свои результаты»⁴⁴⁷.

Наиболее часто «отдельные случаи» наблюдались в первый год войны. Сколько-нибудь централизованного аппарата управления партизанской пропагандой со стороны НКВД УССР или ЦК КП(б)У в этот период не существовало. Украинские партизаны, занятые сначала выживанием, а потом первыми значимыми военными операциями вроде рейдов, ограничивались устной пропагандой среди населения и не могли многого противопоставить агитаторам со свастикой, называвшим обитателей леса не только разбойниками, но и «двуногими сталинскими шакалами».

Основное количество пропагандистского материала было направлено в тыл авиацией РККА. Согласно сведениям ЦК КП(б)У, только в Украину за первые полтора года войны было заброшено 251 млн листовок, а 26 млн листовок было оставлено в тайниках для распространения при отступлении Красной армии. Помимо этого, в тыл к немцам было доставлено 25 млн газет⁴⁴⁸. Таким образом, на каждого украинца приходилось по 6 единиц печатной продукции. Однако даже если верить приведенным цифрам, доставлялись эти тонны бумаги преимущественно не в глубокий, а в прифронтовой тыл, плюс к тому, многое просто терялось во время выброски. Как писала партизанский пропагандист Кухаренко в середине 1943 г. из Черниговско-Волынского соединения, на стыке Украины, Белоруссии и России «население сел, через которые мы проезжали (соединение прошло пять областей до мая) почти с начала войны не видело советской газеты и не знало правды о советской жизни и событиях на фронтах. Листовки с самолета только изредка бывают у них; иногда местные партизаны заносят листовки, но и у них они редко бывают»⁴⁴⁹.

⁴⁴⁷ Справка ЦШПД «Немецкая пропаганда в оккупированных районах СССР», предп. вторая половина 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1105. Л. 39–40).

⁴⁴⁸ Документ ЦК КП(б)У: «Справка. Пропаганда и агитация ЦК КП(б)У за октябрь и ноябрь 1943 г.», вторая половина 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 95. Арк. 18).

⁴⁴⁹ «Докладная записка о состоянии политико-массовой работы в соединении партизанских отрядов Героя Советского Союза А. Ф. Федорова за декабрь–апрель 1943 г.», предп. для ЦК КП(б)У, лектор ЦК КП(б)У Кухаренко, не ранее мая 1943 г. (Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авторы-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2008. С. 648–649).

Что касается качества агитационного материала, то, например, глава ЦШПД считал его вполне удовлетворительным. 31 августа 1942 г. на совещании с участием Сабурова и Ковпака Пантелеймон Пономаренко заявил, что сколько он ни прочел листовок «с мест», не видел ни одной неправильной⁴⁵⁰.

С одной стороны, многие листовки, написанные в 1941–1942 гг. от руки, да еще с грамматическими ошибками, демонстрировали ограниченные возможности, т. е. слабость партизан, особенно если учитывать, что появлялись они рядом с немецкой пропагандистской продукцией: «Гитлеровцы, особенно в 1942 г., даже глухие села наводняли красочными журналами и плакатами...»⁴⁵¹

С другой стороны, содержание ряда партизанских листовок заставляет задуматься о квалификации их составителей. Очевидно, обратное воздействие имело воззвание к колхозникам и колхозницам одного из подпольных обкомов компартии, выпущенное в начале 1942 г. в связи с немецкой земельной реформой. Напомним, мероприятие привело к осязаемому увеличению частных наделов. В этом опусе восхвалялась коммунистическая экономика: «Если помещичье-кулацкая система, существующая в Германии, так хороша, а колхозная система в СССР так плоха, то почему вымирает от голода народ в Германии, а колхозное крестьянство и весь советский народ имеет обилие всех продуктов? (...) Под руководством... великого Сталина ...на основе сплошной коллективизации ликвидировано кулачество как эксплуататорский класс, а бедняцко-средняцкое крестьянство вышло из нужды и разорения, обеспечено обилием продуктов и зажиточной колхозной жизнью»⁴⁵². Аналогичный пример приводится и в коллективном труде американских специалистов: «Поля и луга навсегда были отданы в свободное пользование колхозному крестьянству. Счастливый крестьянин выходил за деревню, оглядывал засеянные поля и восклицал: “Все это мое, все это наше...” Теперь немцы лишили крестьян земли»⁴⁵³.

⁴⁵⁰ «Из стенограммы совещания партизанских командиров УССР и РСФСР с начальником ЦШПД П. Пономаренко» 31 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 119).

⁴⁵¹ «Докладная записка о состоянии политико-массовой работы в соединении партизанских отрядов Героя Советского Союза А. Ф. Федорова за декабрь–апрель 1943 г.», лектор ЦК КП(б)У Кухаренко, не ранее мая 1943 г. (Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 650).

⁴⁵² Листовка «О земле» подпольного обкома ВКП(б) к крестьянам оккупированной территории, не ранее 13 февраля 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 630. Арк. 200).

⁴⁵³ Даллин А., Маврогордато Р., Моол В. Психологическая партизанская война и отношение населения // *Армстронг Дж.* Советские партизаны... С. 345.

Листовки 1941–1942 г. сохранились в архивах в ничтожном количестве, поскольку в большинстве отрядов их выпуск не был налажен.

Например, в соединении Сабурова печатная пропаганда началась только на второй год войны – первая листовка была выпущена 2 июля 1942 г.⁴⁵⁴ До этого партизаны ограничивались устной пропагандой, которая далеко не всегда была эффективной. Более того, Алексей Федоров полагал, что результат от встреч с крестьянами мог быть противоположен ожидаемому: «Ведь беседы, собрания не всегда можно провести с населением, да я считал, что в настоящий отрезок времени и не нужно их проводить. Мы имеем целый ряд фактов, которые говорят, что проведение собраний себя не оправдывает. Вот, например, сегодня провели собрание, а на следующий день приезжают немцы и начинают издеваться над населением, избивать народ и т. д. Беседы с небольшим количеством народа, в особенности на поле, это неплохая форма проведения политико-воспитательной работы. Главное все же это распространение нашей советской литературы, листовок...»⁴⁵⁵

Немногим лучше обстояло дело и в других базовых украинских отрядах.

Ковпак сам признавал в конце августа 1942 г., что в его соединении «отсутствует партийно-массовая работа»⁴⁵⁶. И хотя весной 1942 г. соединение обзавелось типографией, но агитация велась в ограниченных масштабах: «Правда, тут нужно откровенно сказать, что мы печатали сообщения информбюро и распространяли среди населения, отпечатали первомайский приказ товарища Сталина, отпечатали много документов и в большом количестве распространили их среди населения»⁴⁵⁷.

На том же совещании с участием Пономаренко Сабуров жаловался, что психологическому воздействию на коллаборационистские формирования мешает нехватка бумаги: «У нас почти в каждой группе есть типография, мы можем печатать листовки, но с бумагой дело

⁴⁵⁴ «Доклад о боевой деятельности и партийно-политической работе партизанских отрядов Житомирской области» за период с 1.11.1941 по 1.03.1944, Сабуров и др. предп. для Строчака, середина 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 185).

⁴⁵⁵ «Стенограмма выступления тов. Федорова на заседании узкого ЦК КП(б)У по вопросу о работе подпольного обкома партии Черниговской области, 13.11–1942 года» (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 19. Спр. 1. Арк. 18).

⁴⁵⁶ «Из стенограммы совещания партизанских командиров УССР и РСФСР с начальником ЦШПД П. Пономаренко» 31 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 111).

⁴⁵⁷ Там же.

обстоит плохо. У нас бумаги почти нет. Если отсюда подбрасывать, то это будет связано с доставкой грузов. Но писать нужно. Кроме того, выдумывают много: один отряд одно пишет, другой – другое. Здесь получается неувязка»⁴⁵⁸.

Спустя два месяца командир Черниговского соединения Алексей Федоров на заседании подпольного ЦК КП(б)У признавал, что «политико-воспитательная» работа партизан имеет недостатки: «Мы не всегда могли обеспечить издание литературы в таком количестве, которое могло бы обеспечить полный разворот политико-моральной работы среди населения. Мы были лишены возможности также пользоваться советской литературой, которая забрасывалась из нашего советского тыла. ...Я сам лично последнюю газету читал 22 марта. Чисто случайно по дороге мы нашли несколько листовок. В этих листовках речь шла о зимней кампании. Конечно, для нас это тоже была новая литература. ...По вопросу снабжения нас литературой дело обстоит очень скверно, а ведь литература – это основное подспорье в проведении политико-воспитательной работы. (...) Сами же мы выпустить в достаточном количестве листовок также не имеем возможности. Нас регламентирует бумага, не говоря уже о том, что типографии у нас очень примитивные. За сутки наша типография может выпустить максимум 300–400 листовок»⁴⁵⁹.

После получения разнообразных сведений о недостатках партизанской пропаганды, осенью 1942 г. ЦШПД и УШПД обратили внимание на ведение не только диверсионной, но и психологической войны.

19 октября 1942 г. начальник 1-го управления ЦШПД Сивков в записке Пономаренко сообщал, что ЦК ВЛКСМ с целью улучшения партизанской пропаганды направлял: в Россию и Карелию – 70 человек, в Белоруссию – 10, в Украину – 15. Всего в течение последних трех месяцев 1942 г. для политической работы на всей оккупированной территории СССР готовилось 300 человек из комсомольского актива⁴⁶⁰. Их задачами была не только агитация, но и расширение комсомольской прослойки в отрядах и соединениях, а также среди местного населения. Все предложения были Пономаренко приняты.

⁴⁵⁸ «Из стенограммы совещания партизанских командиров УССР и РСФСР с начальником ЦШПД П. Пономаренко» 31 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 118 зв.).

⁴⁵⁹ «Стенограмма выступления тов. Федорова на заседании узкого ЦК КП(б)У по вопросу о работе подпольного обкома партии Черниговской области, 13.11–1942 года» (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 19. Спр. 1. Арк. 18–19).

⁴⁶⁰ Обращение начальника 1-го управления ЦШПД Сивкова к Пономаренко о направлении в немецкий тыл представителей ВЛКСМ, 19 октября 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1124. Л. 8–10).

Постепенно и партизаны на местах, оправившись от шока 1941–1942 г., начали уделять внимание агитации. Они либо обзаводились трофейными типографиями, либо получали их из-за линии фронта. Благодаря этому был налажен регулярный выпуск печатных изданий. Всего на оккупированной территории СССР к концу 1942 г., по данным ЦШПД, партизанскими отрядами и группами издавалось 14 газет⁴⁶¹. В начале 1943 г. только украинские партизаны издавали 9 газет⁴⁶². К этому же периоду относится и выпуск первых партизанских журналов.

Следует учитывать, что в ЦШПД существовал отдел пропаганды, именуемый политическим отделом. В УШПД же, руководимом не партийным аппаратчиком, а пограничником-чекистом, отдел пропаганды отсутствовал. Усиление агитации на рубеже 1942–1943 гг., ведение которой было возложено на комиссаров отрядов, а также подотчетные им партийные и комсомольские ячейки, сочеталось с упорядочением деятельности последних, «укреплением коммунистической прослойки». Из-за линии фронта партизанской пропагандой в виде отдельных указаний эпизодически руководили разные отделы УШПД или сам Строкач, а кадры пропагандистов, журналистов, литераторов и печатные материалы по согласованию с Украинским штабом высылали коммунистические и комсомольские организации УССР. Для координации пропагандистских усилий была создана рабочая группа отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)У по работе среди населения оккупированных районов Украины, возглавлявшаяся Л. Палмарчуком.

С начала 1943 г. в украинские соединения начинают поступать киноустановки. Например, в Черниговско-Волынском соединении среди партизан и населения в течение 1943 г. было устроено 70 киносеансов, на которых демонстрировались фильмы «Разгром немцев под Москвой», «Суворов», «Салават Юлаев»⁴⁶³.

Кроме того, рост обеспеченности радиосвязью позволял партизанам все чаще принимать передачи с «большой земли». «Для тру-

⁴⁶¹ «Справка о работе партизанских отрядов и партийных организаций (январь 1943 г.)», старший помощник начальника ЦШПД Конкин, 11 января 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1090. Л. 22 об.).

⁴⁶² Справка заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)У Литвина об издании подпольной и партизанской прессы на территории Украины, начало 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 95. Арк. 1).

⁴⁶³ «Отчет о деятельности отдела пропаганды и агитации соединения партизанских отрядов Героя Советского Союза генерал-майора т. Федорова с 1.1.1943 г. по 1.1.1944 г.», начальник отдела пропаганды С. Герасименко, предп. для Федорова, после 1 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 21. Арк. 1–1 зв.).

дящихся оккупированных районов и эвакуированного населения [Украины было] организовано радиовещание двух радиостанций: им. Т. Г. Шевченко в Саратове и «Радянська Україна» в Москве»⁴⁶⁴.

Увеличивалось и количество печатной продукции. Пропагандистская деятельность приобретала все больший размах и организованность.

Однако даже к концу второго года войны в трех «образцовых» украинских соединениях наличествовала масса недостатков «воспитательных мероприятий». По свидетельству капитана ГБ Я. Короткова, у ковпаковцев весной 1943 г. наблюдалось «отсутствие политической работы»: «Руднев как комиссар занимается операциями и фактически выполняет роль командира соединения, политработой занимается постольку-поскольку»⁴⁶⁵. Лектор ЦК КП(б)У Кухаренко описывала состояние Федоровского отряда в похожей тональности: «Сейчас в соединении, после моего отъезда, лекционная работа прекратилась... Руководства политико-массовой работой со стороны т. Дружинина, комиссара соединения, и т. Герасименко, начальника пропаганды – абсолютно не чувствуется. С политруками и комиссарами никакой работы по повышению их квалификации не ведется. Вся работа политруков ограничивается чткой сводки Информбюро. За 4,5 месяца моего пребывания в соединении было только одно совещание по пропаганде. С активом никто не работает и не руководит их политическим ростом. ...За время моего пребывания в соединении ни разу не выступал ин комиссар, ни секретарь партийного комитета, ни начальник [отдела] пропаганды. Секретарь партийной организации т. Кудинов сам не участвует в политико-воспитательной работе и ею не интересуется. За 4,5 месяца в соединении только один раз было партийное собрание... Отдельной работы с молодыми коммунистами никакой не ведется. Плохо поставлена и комсомольская работа. Только последний месяц были проведены собрания и доклады по отрядам»⁴⁶⁶. В сабуровском соединении, по свидетельству лектора ЦК КП(б)У К. Дубины, в середине 1943 г. секретарь партийной комиссии т. Цыпко не справлялся со своими обязанностями: «Эта работа ему явно не под силу. Его совершенно не чувствуется. Он вы-

⁴⁶⁴ «Справка о газетах и листовках, брошенных для населения оккупированной территории Украины», 15 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 95. Арк. 4).

⁴⁶⁵ Докладная записка капитана ГБ Я. Короткова Строчаку о ситуации в Сумском соединении, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 53).

⁴⁶⁶ «Докладная записка о состоянии политико-массовой работы в соединении партизанских отрядов Героя Советского Союза А. Ф. Федорова за декабрь–апрель 1943 г.», лектор ЦК КП(б)У Кухаренко, не ранее мая 1943 г. (Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 651).

полняет обычную инструкторскую работу, причем торопливо, без всякой инициативы. (...) В отрядах, за небольшим исключением, как правило, ограничиваются чтением сводок Совинформбюро и бесед. Командиры, комиссары, политруки не делают обобщающих лекций-докладов. Часто можно было слышать от бойцов, после прочитанных мной лекций, что “это была первая лекция за два года”. А ведь временами отряды имеют хорошую связь с “большой землей”, получают газеты и журналы. В каждом отряде есть квалифицированные пропагандисты, бывает предостаточно времени, чтобы обобщить материалы и подготовить хороший доклад. Но этого не делается»⁴⁶⁷.

Да и «внешняя пропаганда», т. е. среди населения, коллаборационистов, частей сателлитов Германии, а также украинских националистов была отнюдь не всесторонней.

Несмотря на то что партизанские отчеты пестрят сообщениями о сотнях тысяч единиц распространенной агитационной продукции, объемы печати были неудовлетворительными. Командир Винницкого соединения, весной 1943 г. прошедшего через ряд областей Украины, России и Белоруссии, Яков Мельник, заявил на совещании командиров в конце мая 1943 г.: «Население просит больше советских газет, чем листовок. Это объясняется тем, что не все листовки – на интересную тему. Население эти листовки называет “Брати та сестри”. Кроме того, даже эти листовки доставляются с большим опозданием»⁴⁶⁸. При этом на территории «партизанского края» на стыке Полесской и Пинской областей БССР, Ровенской и Житомирской областей Украины, по сведениям лектора ЦК КП(б)У Кузьмы Дубины, летом 1943 г. ощущался острый информационный голод: «Население особенно интересуется листовками с официальными материалами – сообщениями Совинформбюро. Приходят очень часто “ходоки” из сел за 8–10 километров с просьбой получить газету, листовку. Газеты и листовки зачитываются буквально до дыр»⁴⁶⁹.

К числу системных пороков агитации украинских партизан относится то, что подавляющее большинство печатных материалов выходило на русском языке. Это прежде всего было связано с отсут-

⁴⁶⁷ «Докладная записка — отчет лектора ЦК КП(б)У Дубины К. К. о поездке в тыл противника», для Хрущева и др., сентябрь 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 52, 55).

⁴⁶⁸ «Протокол совещания членов нелегального ЦК КП(б)У совместно с командирами и комиссарами семи партизанских соединений Украины», 29 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 19. Спр. 14. Арк. 15).

⁴⁶⁹ «Докладная записка — отчет лектора ЦК КП(б)У Дубины К. К. о поездке в тыл противника», для Хрущева и др., сентябрь 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 43).

ствием шрифтов. Доходило до того, что обращения к украинским националистам и населению Западной Украины нередко составлялись на русском языке. Этот изъян приобретал еще большее значение, если учитывать, что более 90 % газет, выходивших на оккупированной немцами территории Украины, издавалось на украинском языке. Более того, партизанские послания к чехам, словакам, польскому населению, и даже венграм, которые, как известно, не являются славянами, составлялись преимущественно на русском языке. Единственная же листовка к неукраинским формированиям УПА, которая была выявлена в ходе архивного поиска, наоборот, опубликована на украинском языке⁴⁷⁰. А ведь он был не так-то легок для понимания тем гражданам Советского Союза, у которых какой-либо славянский язык не являлся родным.

Не только форма, но и содержание текстов было зачастую весьма специфическим.

По национальному вопросу – сильной стороне советской системы – периодически делались огрехи. В 1942 г. в составленной на русском языке листовке к населению Украины «О славе русского оружия», восхвалялось 26-летие Брусиловского прорыва, и в панегирических тонах воспевались победы русской императорской армии⁴⁷¹. Лектор ЦК КП(б)У Кузьма Дубина обнаружил в отряде им. Шевченко соединения Бегмы «политически вредную» листовку за июль 1943 г. «Воззвание к донским казакам»: «“Казак! Мы предлагаем вам подумать о прошлом русского народа”... Дальше говорится о “русском государстве”, о борьбе “русского народа”, но не говорится ни слова о борьбе советского народа (русских, украинцев, белорусов и т. д.). ...Люди не учли, что они работают в районах, где действуют бульбовцы (Ровенская область), изливающие потоки лжи о “московских агентах” и проч. И такой тон листовки, безусловно, в данной конкретной обстановке кроме вреда ничего не дает»⁴⁷².

Не совсем точным представляется и утверждение группы американских специалистов о том, что «в сущности, поведение немцев

⁴⁷⁰ Листовка Тернопольского соединения «Обращение к армянам, туркменам, казахам, чеченцам, татарам, русским и другим солдатам УПА», 13 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1 спр. 863. Арк. 1–1 зв.).

⁴⁷¹ Советская листовка: «К населению временно оккупированных областей Украины. О славе русского оружия», не позднее июня 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 442. Арк. 1–1 зв.).

⁴⁷² «Докладная записка – отчет лектора ЦК КП(б)У Дубины К. К. о поездке в тыл противника», для Хрущева и др., сентябрь 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 45).

соответствовало стереотипам, распространяемым партизанской пропагандой»⁴⁷³.

Во-первых, был утрирован антиславянский расизм национал-социалистов. Это делалось для того, чтобы создать у мирных жителей впечатление, что все поголовно будут вскоре уничтожены захватчиками. В частности, главе Третьего Рейха партизанские агитаторы постоянно приписывали слова, которых он не говорил. Прочитируем их по листовке соединения Алексея Федорова: «Бандит, кровопийца, людоед Гитлер в своей безумной программе писал: “Для того, чтобы создать великую германскую империю, чтобы завоевать весь мир, нужно самое главное: вытеснить и уничтожить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов... Для достижения этой цели необходимо врать, предавать, убивать”»⁴⁷⁴. Спустя полгода аналогичная мысль приводилась в другом подобном материале – на сей раз Житомирского соединения: «Проклятый пес – Гитлер, приказал своей банде: “...Убивай русских, поляков, украинцев и других славян. За это несу ответственность я, а поэтому убивай, убивай и убивай”»⁴⁷⁵. Через некоторое время сабуровские агитаторы конкретизировали мысль: «Гитлеровские гады выполняют чудовищный приказ своего взбесившегося кривого Гитлера о поголовном истреблении всего белорусского и украинского народов»⁴⁷⁶.

Во-вторых, партизанская пропаганда полностью игнорировала Холокост, несмотря на то, что количество жертв этой репрессивной акции в Украине значительно превышало число убитых в ходе «пацификации» сел в рамках «антипартизанских» операций оккупантов. Можно предположить, что «народные мстители» учитывали антисемитские настроения значительной части населения Восточной Европы и предполагали, что акцент на юдофобии гитлеровцев может выставить партизан в глазах украинцев и других славян «защитниками евреев». При этом, например, жестокость УПА в расправах над польским населением постоянно использовалась советскими агитаторами в антибандеровской пропаганде.

⁴⁷³ Даллин А., Маврогортато Р., Моол В. Психологическая партизанская война и отношение населения // *Армстронг Дж. Советские партизаны...* С. 357.

⁴⁷⁴ Листовка Черниговского соединения «Приказ командующего партизанским движением на Украине от 25 июля 1942 г.», подп. генерал Орленко (А. Федоров) и др. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 377. Арк. 1 зв.).

⁴⁷⁵ Листовка Житомирского соединения «Ко всему населению Украины, Польши, Белоруссии», 6 декабря 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 57).

⁴⁷⁶ Листовка Житомирского соединения «Ко всему населению Полесской области», 13 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 102).

В-третьих, несколько преувеличивался масштаб и жестокость колонизаторских планов Третьего Рейха. В одном из воззваний 1942 г. красные агитаторы договорились до того, что Гитлер решил послать на Украину 25 млн колонистов⁴⁷⁷, т. е. треть населения Германии. В листовке сабуровского соединения середины 1942 г. наличествовали явно сомнительные цитаты: «Министр фашистской германии Дарре заявил: "...Надо, чтобы культивируемые земли перешли в руки класса германских господ. На всем восточном пространстве лишь немцы имеют право быть собственниками имений. Страна, населенная чужой расой, должна быть страной рабов". ...У одного убитого немецкого офицера было найдено такое письмо: "Дорогой Фриц! Сын господина Решмера уже закрепил за собой поместье – полторы тысячи га... Меня привлекает Подолия. Я бы хотела там свить гнездышко... Надеюсь, что и наше будущее имение будет не меньше. Заранее тебе благодарна. Твоя Эльза"»⁴⁷⁸.

Четвертым направлением «клеветы на немецко-фашистский строй» являлось принижение военного искусства германских полководцев путем баснословного раздувания потерь Вермахта. В частности, в 1942 г. во время летних поражений Красной армии сабуровцы заявили, что «за три месяца активных боевых операций этого года с 15 мая по 15 августа 1942 года немцы потеряли 1 миллион 250 тысяч солдат и офицеров, из них убитыми не менее 480 тысяч солдат и офицеров»⁴⁷⁹. В ноябре 1942 г. в агитации «лесных солдат» можно найти такую «статистику»: «Дорогие братья и сестры. За 16 месяцев войны немцы потеряли свыше 12 миллионов солдат и офицеров. Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают»⁴⁸⁰. Эта аляповатая ложь попадала и в листовки, обращенные к венгерским и словацким охранным частям⁴⁸¹. Понятно, что позитивно это не могло сказываться на результате агитации хотя бы с той точки зрения, что немецкие пропагандисты по крайней мере до конца 1942 г. сообщали в целом корректные данные о потерях Вермахта и Красной армии.

⁴⁷⁷ Советская листовка: «Объявление. Как немцы думают делить землю», предп. первая половина 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 442. Арк. 2).

⁴⁷⁸ Листовка отряда Сабуровка к населению, середина 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 13 зв.).

⁴⁷⁹ Листовка соединения Сабурова к населению: «Информационный листок. Специальный выпуск редакции газеты "Партизан Украины"», 25 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 16).

⁴⁸⁰ Листовка соединения Сабурова к населению с призывом о помощи партизанам, ноябрь 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 184).

⁴⁸¹ Листовка Житомирского соединения «Ко всем венгерским солдатам и офицерам», 30 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 100).

Ну, и, конечно, немцам приписывали преступления советской стороны. Хрестоматийным примером является дело Катюши. Вторым подобным случаем можно считать утверждение партизанских пропагандистов о том, что знаменитые винницкие расстрелы, о которых много писала оккупационная печать, – дело рук гитлеровцев⁴⁸².

С мирными жителями партизаны в основном стремились наладить диалог.

Но применялось и откровенное запугивание населения. В частности, известен приказ черниговского «генерала Орленко» (А. Федорова) ноября 1941 г. о запрете сдачи продовольствия немцам под угрозой расстрелять крестьян за неповиновение партизанам. 29 июля 1942 г., обратившись к населению Черниговщины повторно, Федоров несколько снизил репрессивный накал установок: «Лица, которые нарушат этот приказ, – повезут хлеб, скот и другие продукты немецким оккупантам, будут наказаны суровой революционной рукой – все их имущество будет конфисковано»⁴⁸³. Аналогичное требование не сдавать продовольствие, сочетаемое с «предупреждением»: ослушавшиеся будут рассматриваться «как предатели», было заявлено в листовке партизанского отряда Червоного района Сумской области к населению в августе 1942 г.⁴⁸⁴ Помимо жестокости этих приказов, вряд ли их можно назвать целесообразными – партизаны были явно не в состоянии обеспечить выполнение обещаний, а пустые угрозы обычно не добавляют уважения угрожающему.

Агитация красных партизан была пропагандой ненависти и отличалась в этом смысле крайней выразительностью, экспрессивностью. Листовок к солдатам Вермахта почти не выпускалось, зато мирному населению о немцах было сказано очень много «крепких» слов. Гитлера описывали «бесноватым», «кровожадным гадом», «подлым людоедом с прусской тупостью», «лютой змеей». Руководство Третьего Рейха именовалось «фашистскими главарями и главарятами», начальник Восточного министерства А. Розенберг удостоился эпитета «фашистский гаденыш». Командный состав Вермахта называли «германским офицерьем». В целом немцы получали целый список нелестных характеристик: «немецкие сволочи», «мерзавцы», «фашистские

⁴⁸² «Докладная записка – отчет лектора ЦК КП(б)У Дубины К. К. о поездке в тыл противника», для Хрущева и др., сентябрь 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 59).

⁴⁸³ Листовка Черниговского соединения «Приказ командующего партизанским движением на Украине от 25 июля 1942 г.», подп. генерал Орленко (А. Федоров) и др. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 377. Арк. 1 зв.).

⁴⁸⁴ ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 563. Арк. 70.

подлецы», «гитлеровские выродки», «немецкие варвары», которым присуща «садистская немецкая аккуратность». Доходило и до уподобления германцев обитателям мира животных. Немцы именовались «поганцами», которым «уготована собачья могила», «сворой», «саранчой», а вдова убитого партизанами офицера называлась «прожорливой фашистской самкой». Апогеем ярости коммунистических пропагандистов являлась демонизация противника – собирательный немец определялся в качестве «упыря» и «вурдалака» и, в конечном счете, величался «сатаной».

Единственная антивенгерская листовка партизан к населению, которая была найдена в ходе архивного поиска, отличалась другим тоном – в ней присутствовала изрядная доля презрения. Представители мадыарских охранных частей именовались «бродягами», «проходимцами», «тряпочниками», «пугливыми, как воры»: «С первого дня мадыарская погань расплзлась по нашим селам, как вши на их паршивом теле. Тащат, что попадет под руку, начиная с молока, яиц, несозревшего картофеля в огороде и кончая бельем, женским платьем, чулками». Описывались случаи бессмысленного глумления гонимых над мирными жителями, после чего давалась рекомендация сообщать о мадыарах партизанам или самим оказывать сопротивление: «Гоните мадыар со своего двора, как паршивых собак. Кипятком заливайте им глаза!»⁴⁸⁵

Агрессивный настрой советских агитаторов выражался в нелепых истощных призывах к вооруженному неорганизованному индивидуальному сопротивлению: «Зверья-немца надо убивать. Бей его в доме, бей на улицах твоего села, взрывай гранатами, коли штыками, вилами, руби его топором, убивай колом, зарежь его ножом – бей всем, чем можешь, **НО УБЕЙ!** Бей немца-разбойника везде. Когда он остановится на ночлег – зарежь его спящим... Дави, руби, коли его в лесу, на поле, на дорогах, уничтожай его везде – на земле и на воде...»⁴⁸⁶

Специальное обращение к женщинам сабуровского соединения также рекомендовало использовать инструменты в оперативных целях: «Имея в своем распоряжении сельскохозяйственные орудия, вы можете убить немца топором, вилами, молотком, камнем, кирпичом, зарезать ножом, косой и т. д. Женщины, будьте организованнее, бейте проклятых фашистов»⁴⁸⁷. Для наглядности на послании была на-

⁴⁸⁵ Листовка партизан о нашествии мадыар: «К населению Хойницкого и других районов», июль 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 799. Арк. 3).

⁴⁸⁶ Листовка партизан Правобережья Украины «Бей, коли, руби, истребляй немца», январь 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 960. Арк. 1).

⁴⁸⁷ Листовка Житомирского соединения к женщинам с предложением активизировать убийства немцев, до 25 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 171).

рисована картинка, изображающая немецкого солдата в окружении различного инвентаря.

Концентрируясь на пропаганде ужасов, красочно расписывая, буквально смакуя проявления изуверства со стороны захватчиков, советская партизанская агитация теряла человечность. Крайне редко можно найти как в листовках, так и газетах, стихи спокойного патриотического содержания, литературные очерки, с любовью описывающие «мирный труд советских людей» и эстетику повседневности. Ведь именно подобный материал мог найти самый живой отклик в сознании людей, уставших от перманентной оргии насилия. Лектор ЦК КП(б)У Кухаренко, проведшая с партизанами четыре с половиной месяца, отмечала: «Юмор и сатира, а также красочные плакаты, которые совершенно отсутствуют в нашей печатной пропаганде, имели большой успех среди населения и партизан. ...Большое желание кроме этого у партизан посмотреть комедии и картины из бытовой жизни. Неоднократно приходилось выслушивать просьбу “прислать что-либо веселое” (с целью отвлечься от напряженной обстановки в тылу)»⁴⁸⁸.

Лишь отчасти можно согласиться с утверждением группы американских историков о том, что «советский подход к проблеме воевавших на стороне немцев военнослужащих, осуществлявшийся при “посредничестве” партизан, отличался поразительной тактической гибкостью»⁴⁸⁹.

Пожалуй, наиболее знаменитая листовка: «Ты скажи мне гадина, сколько тебе дадено?», изображавшая полицейского, вылизывающего зад немца, вряд ли оказывала разлагающее воздействие на коллаборационистские формирования. Скорее, оскорбленные бойцы и офицеры охранных формирований могли обозлиться такой карикатурой.

Партизаны, особенно в первые два года войны, угрожали расправой семьям людей, оказавшихся на службе немцев. Например, в январе 1943 г. пропагандисты одного из отрядов агитировали полицейских к переходу на свою сторону: «Ведь вашим нынешним хозяевам вы не нужны будете. Они вас бросят. Неужели вы не задумались над тем, что тогда будет поздно раскаиваться. Тогда вашу измену народ не

⁴⁸⁸ «Докладная записка о состоянии политико-массовой работы в соединении партизанских отрядов Героя Советского Союза А. Ф. Федорова за декабрь–апрель 1943 г.», лектор ЦК КП(б)У Кухаренко, не ранее мая 1943 г. (Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 650).

⁴⁸⁹ Даллин А., Маврогордато Р., Моол В. Психологическая партизанская война и отношение населения. С. 302.

простит, не простит вашим семьям, вашим детям и родственникам»⁴⁹⁰. Рядом с этими словами на листовке сделана пометка, очевидно, одним из сотрудников УШПД или ЦК КП(б)У: «Это неправильно». Однако прямая угроза была повторена сабуровцами в аналогичном материале 25 февраля⁴⁹¹ и 13 апреля 1943 г.: «Всех изменников Родины и их семьи ожидает смерть»⁴⁹².

С другой стороны, всем коллаборационистам постоянно обещали помилование при оставлении ими немецкой службы: «Кто перестанет быть немецким холопом... – красные партизаны, командование Красной армии, Советское правительство и весь советский народ с момента провозглашения этого приказа, дают полную амнистию – все прощают...»⁴⁹³ Тема коммунистического милосердия приобретала все большее место в агитации на коллаборационистов с конца 1942 г. Однако эта пропаганда партизан была ложью. «Чистки» охранных частей, переходивших на сторону «лесных солдат», проводили партизанские особисты. А после войны все бывшие коллаборационисты подвергались аресту и, в зависимости от деятельности на службе у немцев и «заслуг» в рядах партизан и Красной армии, либо тюремному заключению на сроки от 10 до 25 лет, либо расстрелу.

Нередко откровенную чепуху писали партизанские мастера психологической войны в посланиях к сателлитам германской армии. В частности, в листовках сабуровцев к мадьярам были допущены следующие пассажи: «Там, на родине у вас, немецкие палачи грабят ваши семьи, отбирают хлеб, скот, насилюют ваших жен, сестер и матерей»⁴⁹⁴. «Гитлеровские палачи завоевали твою страну. А твой народ поставили на колени. (...) Немецкие палачи обрекли их (членов твоей семьи. – А. Г.) на голодную и мучительную смерть»⁴⁹⁵. Все это не могло вызвать у мадьярских солдат ничего, кроме недоумения.

⁴⁹⁰ Листовка красных партизан к коллаборационистам, январь 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 630. Арк. 111).

⁴⁹¹ Листовка Житомирского соединения «Обращение ко всему населению Житомирской области», 25 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 88).

⁴⁹² Листовка Житомирского соединения «Ко всему населению Полесской области», 13 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 102).

⁴⁹³ Листовка Черниговского соединения «Приказ командующего партизанским движением на Украине от 25 июля 1942 г.», подп. «генерал Орленко» (А. Федоров) и др. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 377. Арк. 1 зв.).

⁴⁹⁴ Листовка соединения Сабурова: «Обращение ко всем мадьярам, полицейским и военнопленным, воюющим против Советского народа», 17 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 33).

⁴⁹⁵ Листовка Житомирского соединения «Ко всем мадьярским солдатам и офицерам», 17 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 93).

Схематизм проявлялся, в частности, в том, что обращения к венграм «под копірку» повторяли обращения к бойцам словацких частей⁴⁹⁶ и чехам, служащим Вермахта. Огромная разница в политическом, экономическом и военном положении Чехословакии и Венгрии не учитывалась: «Венгерский хлеб вывезен в Германию, а народ голодает. Немцы установили норму выдачи хлеба в Венгрии – 125 граммов в день на человека. Трудоспособное венгерское население немцы угоняют в Германию на каторжные работы. ...Немцы обращаются с вами, как со скотом. ...Что вам принес сумасшедший Гитлер, кроме пыток, виселиц и голода?»⁴⁹⁷ Часть гонимых, особенно румыны или славяне, служившие в венгерской армии, все же переходила на сторону партизан. Это было вызвано тем, что политические цели хорватской Венгрии в войне против СССР были понятны и близки далеко не всем, но самое главное – победами Красной армии на фронте и упомянутым избирательным милосердием советской стороны к пленным.

Несмотря на то что украинские партизаны в противоборстве с УПА представляли собой явно сильную сторону, никаких особенных успехов в пропаганде против оуновцев они не достигли.

Хотя подобные попытки и предпринимались. Основная цель была перетянуть рядовой состав Повстанческой армии на сторону красных, одновременно мотивировав рядовых на убийство повстанческих командиров и политических лидеров.

Степана Бандеру агитаторы Ровенского обкома КП(б)У, т. е. соединения Бегмы, презентовали в обращении к населению Волини как «верного холопа немецких фашистов». Подчеркивалось изуверство «хозяев» лидера ОУН(б), в тот момент находившегося в Заксенхаузене: «Нет предела жестокости двуногих гитлеровских скотов»⁴⁹⁸. В этом воззвании Бандеру наградили такими эпитетами, как «блудливый политикан», «прожженный политический авантюрист», «довоенный агент гестапо», который издавна занимался шпионажем и организовывал диверсии. Подчеркивалась брутальность бандеровцев

⁴⁹⁶ Листовка Житомирского соединения «Ко всем чехословацким солдатам и офицерам», 29 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 98). По всей видимости, этот материал был составлен в том числе на основании показаний чешских и словацких перебежчиков к партизанам.

⁴⁹⁷ Листовка Житомирского соединения «Ко всем венгерским солдатам и офицерам», 17 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 57. Арк. 93).

⁴⁹⁸ «Обращение Ровенского ОК КП(б)У к украинцам Ровенской области», вторая половина 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1126. Л. 16). Документ составлен на русском языке.

в их борьбе против советских партизан и «партсовактива», а также членов семей людей, симпатизировавших советской власти.

Мельнику, как не столь влиятельному деятелю, подопечные Бегмы уделили меньше эмоций, всего лишь окрестив его «иудой» и «гитлеровским янычаром», зато пошли на такой неэтичный шаг, как публичное обсуждение размера его гонорара. По словам партизан, глава ОУН(м) продался нацистам «за кусок гнилой колбасы»⁴⁹⁹. Очевидно, что Мельника ровенский обком стремился выставить в глазах украинцев никчемной личностью, «отставной козы барабанщиком».

Обращения к бандеровцам и бульбовцам с призывом сдаваться в плен распространялись даже от имени Хрущева⁵⁰⁰. Воспевалась мощь Красной армии, а дело УПА представлялось безнадежной авантюрой. Агитационный материал, как обычно, одновременно являлся пропуском к партизанам, и заканчивался словами: «Выбирай честную жизнь и славу в борьбе против немцев, или холуйскую службу фашистской собаке. А потом позорная смерть предателя, которая поставит черное пятно на твою семью, твоих детей, на весь твой род»⁵⁰¹. Эти предупреждения были воплощены в реальность, но не столько партизанами, сколько частями НКВД и НКГБ в 1944–1952 гг.

В целом, несмотря на недостатки пропаганды красных партизан, ее шаблонность и топорность, какой-то урон немецкой стороне она приносила. Дело в том, что агитация приводила к росту так называемой волянки. Руководитель диверсионной службы Вермахта на южном участке советско-германского фронта Теодор Оберлендер уже 28 октября 1941 г. отмечал опасность этого «спокойного врага»: «Куда большей угрозой, чем активное сопротивление партизан, тут [в Украине] является пассивное сопротивление – трудовой саботаж, в подавлении которого мы имеем еще меньше шансов на успех»⁵⁰².

Это мнение вполне справедливо, т. к. оперирующих в тылу вооруженных диверсантов можно уничтожить или нейтрализовать с помощью военной силы. Если же рабочие делают вид, что не понимают инструкций и приказов руководства, трудятся неохотно, «случайно» устраивают производственные аварии, разворовывают заводское имущество, то в этом случае вряд ли поможет и самая изощренная

⁴⁹⁹ Листовка Ровенского ОК КП(б)У к населению Ровенщины об Андрее Мельнике, вторая половина 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1127. Л. 72).

⁵⁰⁰ Листовка советских партизан «Участники так называемых “УПА” и “УНРА”», 3 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 1236. Арк. 1).

⁵⁰¹ Листовка советских партизан «Украинскому националисту», февраль 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 56. Оп. 1. Спр. 1254. Арк. 2).

⁵⁰² Донесение Т. Оберлендера о конфискациях имущества и продовольствия в Украине, 28 октября 1941 г. (Історія застерігає... С. 176).

система корпоративного менеджмента. Когда крестьяне портят поля, скот и сельхозмашины, скрывают урожай, а сельский староста усердно жалуется попеременно на холода, дожди, засуху и жару, недород и разруху, вызванную военным лихолетьем, то с такой ситуацией едва ли возможно совладать даже с помощью прилюдных повешений или материальных поощрений. Очевидно, что простое присутствие партизан, а также их вооруженная деятельность заметно влияли на психологическое состояние населения. Убийство старосты производило больший эффект на сознание мирных жителей, чем многие сотни листовок. Но и силу агитации, устной или печатной, также следует учитывать.

С другой стороны, пропаганда красных партизан, обладавших куда большими техническими возможностями, чем бандеровцы, существенно уступала агитации националистов по интенсивности, качеству и занимательности печатного материала, охвату населения, яркости стиля, хлесткости иронии, образности повествования. Эти различия еще более разительны, если учитывать, что образовательный уровень советских «лесных солдат» был куда выше, чем в УПА: в Западной Украине значительным был процент вообще безграмотного населения.

Парадокс можно объяснить тем, что красные партизаны вышли из сталинской системы, к 1941 г. закостеневшей и потерявшей порыв дорвавшегося до власти тоталитарного движения. Безыдейность своих противников постоянно отмечали украинские националисты⁵⁰³. Однако лояльность советскому государству и уверенность в его победе все же позволила агитаторам «лесных солдат» оказать определенное влияние на сознание населения оккупированных нацистами территорий.

⁵⁰³ См., напр., сообщение подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор по Украине за сентябрь 1943 г.», не ранее сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 38).

4. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

4.1. Социальный состав отрядов. Принципы набора и социально-психологический портрет партизан

Изначально советские партизанские отряды формировались НКВД, обкомами и армейскими структурами на основании директив вышестоящего партийного и государственного руководства. Поэтому в партизанских отрядах оказывались милиционеры, чекисты, представители партноменклатуры, реже – военные, а также подобранные этими категориями лиц другие бойцы – комсомольцы, коммунисты, а также беспартийные рабочие, крестьяне, служащие и интеллигенты – чаще всего прошедшие первоначальную военную подготовку либо в свое время в армии, либо в истребительных батальонах НКВД, призванных бороться с «вредителями» и диверсантами в тылу советских войск. Любопытно отметить, что в момент создания УШПД был составлен «Список сотрудников НКВД УССР, бывших тюремных работников, находящихся в партизанских отрядах»¹. Перечень включал 464 фамилии, преимущественно тюремных охранников, на жаргоне называвшихся вертухаями.

В условиях военного времени отказ служить в рядах партизан или Красной армии приравнивался к дезертирству, что в Советском Союзе влекло за собой соответствующие последствия. Репрессии в том или ином виде ожидали и родственников «нестойких элементов». Например, житель села Нижний Карагач Измаильской области УССР Куприян Головатый 9 июля 1941 г. оставил НКГБ типовое обязательство: «Я обязуюсь хранить в строгой тайне все то, что будет происходить в моем доме, всех, кто будет приходить, и об их деятельности так же обязуюсь хранить в строгой тайне и не выдавать при любых обстоятельствах. За нарушение настоящей подписки я

¹ Список составлен оперуполномоченным ОК НКВД УССР Бовнилюком 14 июня 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 8. Спр. 16. Арк. 1–16).

предупрежден, что я буду расстрелян со всем моим семейством. В чем и расписываюсь»².

Меры поощрения, например, зарплата³, начислявшаяся партизанам «Большой земли» на протяжении всей войны, играли второстепенную роль. Но даже угроза жизни, особенно в первый год войны, убеждала далеко не всех связать свою судьбу с борьбой за сталинизм в тылу немцев и румын. Начальник 8-го отдела политуправления Южного фронта (Южная Украина и Молдавия) полковой комиссар Ильинский в конце сентября 1941 г. отмечал рост отказов со стороны вербуемых в партизанские отряды, и, более того, отказы со стороны людей, ранее принявших предложение участвовать в зафронтальной борьбе: «Одной из главнейших причин... является длительная волокита с момента вербовки до момента отправки завербованного на место работы. В течение этого промежутка времени люди, будучи предоставленные сами себе, морально слабеют. На этой почве по Молдавской ССР завербованному, вследствие его отказа был предложен выбор или ехать по месту назначения, или пойти в трибунал, он (Щербаков) согласился выбрать последнее»⁴.

Подавляющее большинство созданных таким образом отрядов в 1941–1942 гг. самоликвидировалось (разбелось), было уничтожено или вышло в советский тыл, но путем своеобразного «естественного отбора» в местности, пригодной для партизанской борьбы, остались люди, более или менее видевшие для себя целесообразность борьбы в немецком тылу и способные к жизни и деятельности в лесу. Николай Шеремет писал, что прежде всего речь идет о представителях партсовактива: «Основное ядро партизанских отрядов составляют коммунисты и советские работники районов, оставленные в тылу по решению партии. Это, так сказать, цемент. Из них состоит командный и политический состав партизанских отрядов»⁵.

² Подписка К. Головатого о сотрудничестве с подпольем на оккупированной территории; подписку отобрал оперуполномоченный РО НКГБ, сержант госбезопасности Федюлин, 9 июля 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 249. Арк. 41).

³ Постановление ГКО № 326с о денежном обеспечении личного состава партизанских отрядов, В. Молотов, 29 июля 1941 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 20). См. также: *Жиринов Е.* «За партизанами сохранена заработная плата» // Коммерсант-власть. № 47 (951). 28.11.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1816729>

⁴ «Краткий обзор деятельности партизанских отрядов и руководство ими областей УССР направления Южного фронта войск РККА по состоянию на 10 августа 1941 г.», начальник 8-го отдела политуправления Южного фронта Ильинский, 25 сентября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 9. Спр. 3. Арк. 6).

⁵ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 3).

На своеобразный «костяк» была нарощена «мышечная масса» за счет следующих категорий граждан:

- солдат-окруженцев и беглых советских военнопленных;
- мобилизованных партизанами крестьян и добровольцев из числа местного населения;
- перебежчиков, т. е. бывших служащих вооруженных вспомогательных формирований на немецкой службе;
- кадров, засылавшихся из-за линии фронта (радивистов, офицеров РККА и НКВД, диверсантов, медперсонала, партфункционеров и политработников и т. д.).

В ряде случаев, как, например, с группами НКВД СССР и ГРУ, за фронт посылались целые отряды, насчитывавшие десятки человек.

Отдельно стоит остановиться на причинах вступления в партизанские отряды добровольцев из числа мирного населения. Какая-то часть действительно вступала в отряд из-за желания бороться против немцев. Однако своей политикой оккупанты сами создали для партизан своеобразный «кадровый резерв». Начиная с 1942, и особенно с 1943 г., многие крестьяне прятались по лесам, не желая уезжать на работы в Германию. Кроме того, в ходе антипартизанских карательных операций нацисты жгли деревни, причем части селян удавалось спрятаться в естественных укрытиях. Изначально недоверчивое отношение у нацистов было к коммунистам и сотрудникам советского аппарата, и, хоть аресту и расстрелу подвергались далеко не все, некоторые бывшие «хозяева жизни» предпочитали быть так далеко от новой власти, насколько это вообще возможно. Крестьянин Василий Ермоленко, к которому в дом пришли партизаны с предложением вступить в отряд, дал свое согласие. По его собственным словам, после такого визита германская полиция автоматически рассматривала его, до войны бывшего комсомольцем, как «бандпособника», т. е. альтернативой партизанскому отряду для 17-летнего человека стала немецкая тюрьма или виселица⁶. Иными словами, в добровольности мирных жителей, шедших в ряды партизан, был очень высок элемент вынужденности, сильнеешего давления обстоятельств, как правило, связанных с прямой или опосредованной опасностью для жизни.

Однако представляется, что основой для комплектации партизанских отрядов служила даже не такая «добровольность». Выглядит так, что большинство партизан составляли крестьяне, покинувшие теплые хаты из-за прямой угрозы расстрела при мобилизации в отряды. К сожалению, с цифрами точно выяснить это невозможно, однако ряд прямых документальных свидетельств позволяет это предполагать.

⁶ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

Например, по сведениям немецкой полевой комендатуры № 194, на северо-востоке Черниговской области в мае–июне 1942 г. оперировал партизанский отряд численностью около 30 человек: «Эта банда убила бургомистра [села] Ферубкин (возможно, Воробьевка. – А. Г.), юго-западнее Костобоброва, награбила в различных селах большую массу продуктов питания и скота, утащила многих жителей деревень в возрасте между 20 и 30 годами, и улизнула в близлежащие леса»⁷.

Как сообщала комендатура № 270, расположенная в райцентре Кролевец Сумской области, в одном из местных отрядов мобилизации проводились по профессиональному принципу: «Необходимые специалисты, врачи, ветеринары, мостостроители, медсестры и т. п. рекрутировались насильственно и подвергались особому надзору»⁸.

В другом документе немецких тыловых органов описывается еще больший радикализм вербовки партизан Сумщины летом 1942 г.: «На телеграфном столбе деревни Дьяковка, вост[очнее] Бурыни, был найден призыв, обращенный к 10 жителям. Содержание этого приглашения: указанные жители приходят к партизанам, при неисполнении они будут расстреляны и их дома сожжены»⁹.

По свидетельству Александра Сабурова, в начале сентября 1942 г. на совещании представителей штабов партизанского движения и командиров отрядов Сталин согласился с предложением принудительно привлекать к партизанской борьбе военнообязанных людей, проживающих на оккупированной территории, заявив: «Всех нужно поднимать, хотят или не хотят идти воевать. В крайних случаях расценивать тех, кто не хочет воевать, как дезертиров»¹⁰.

Периодически данные о проведенном насильственном рекрутировании встречаются и в партизанских документах. Например, в дневнике командира одного из отрядов соединения Сабурова за октябрь–ноябрь 1942 г. упоминания о мобилизациях встречаются дважды¹¹. Согласно оперативному отчету отдельной роты того же соединения, за неделю ноября 1942 г. в ходе Сталинского рейда было

⁷ «Отчет о состоянии дел за период с 15 мая до 11 июня 1942 г.», начальник полевой комендатуры (V)194 командующему охранными войсками и тыловой зоны группы армий «Юг», Нг. 896/42, 11 июня 1942 г. (BA–MA. RH 22/203. Bl. 97 Rückseite).

⁸ «Отчет об опыте в борьбе с бандами», заместитель коменданта местной комендатуры I(V)270, предп. коменданту тыловой зоны группы армий «Юг», 31 июля 1942 г. (BA–MA. RH 22/60. Bl. 83).

⁹ «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами за июль 1942 г.», полевая комендатура (V)194, предп. август 1942 г. (BA–MA. RH 22/60. Bl. 28).

¹⁰ Кеній А. Війна 1941–1945 рр. очима її учасників і очевидців... С. 487.

¹¹ Дневник командира партизанского отряда Червоного району соединения Сабурова (сначала – Лукашова, затем – Иванова), записи от 23 октября и 16 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 105. Арк. 13 а, 19).

«мобилизовано и принято в отряд добровольных военнообязанных 140 человек»¹².

Весной 1943 г., уже после Сталинградской битвы, писатель Николай Шеремет утверждал, что без насильственного рекрутирования красные не могли решить «кадровый вопрос»: «Добровольность вступления в партизаны дает малый эффект и полностью положиться на нее слишком мало... Нужно смелее перейти к мобилизации в партизаны населения призывного возраста. Этим мы спасем нашу молодежь от кровавых когтей Гитлера, который такую мобилизацию проводит под маркой “добровольности” в так называемую РОА...»¹³ О записке Шеремета было доложено Хрущеву, ее своевременно прочитали работники УШПД, о чем свидетельствуют сделанные на ней пометки. В частности, процитированные слова подчеркнуты респондентом. Вероятно, это послание также повлияло на руководящие центры, призывавшие «поднять всенародное партизанское движение». В 1943 г. отмечается наибольший рост украинских партизанских отрядов, и с начала 1943 г. противники и союзники красных чаще всего фиксируют массовый призыв в ряды отрядов советских командос.

Например, в обзоре СД от 26 февраля 1943 г., очевидно, выявлено соединение Сабурова: «В округе Столина в настоящее время господствует интенсивная деятельность банд. Жители многих деревень отбираются, проходят медицинское обследование и при пригодности зачисляются в банды»¹⁴.

Подпольщик АК в конце лета – начале осени 1943 г. писал, что северными районами Полесья «овладели советские партизаны, которые проводят здесь формальный призыв с помощью медицинско-призывных комиссий, терроризируют население в случае необходимости не хуже немцев»¹⁵.

Декабрь 1943 г., бандеровское разведсообщение: «За польско-большевистской границей (т. е. в Житомирской области. – А. Г.) красные партизаны проводят насильственную мобилизацию, [призывников] годов [рождения с] 1910 по 1925. С каждого села обычно

¹² Оперативный отчет отдельной роты при объединенном партизанском отряде А. Сабурова за период с 14 по 21 ноября 1942 г., командир роты И. Шитов и др. Сабурову, 21 ноября 1941 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 43).

¹³ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 4–5).

¹⁴ «Сообщения из оккупированных восточных областей, №. 43», шеф полиции безопасности и СД, 26 февраля 1943 г. (ВАН. R 58/223. Bl. 243).

¹⁵ Сообщение подпольщика представительства правительства Польши на родине, департамента информации и работы, восточная секция: «Земли восточные. Обзор территории за период 15.VII–15.IX.1943», 662/A–8, не ранее 6 сентября 1943 г. (AAN. 202/III–120, k 6).

попадает от 20–60 персон. Все, кто подлежит мобилизации, прячутся, где только могут. Красные, поймав такого дезертира, расстреливают его вместе с семьей. Выезжая в село проводить мобилизацию, красные организуют гулянки... Ведут пропаганду против ОУН...»¹⁶

Начальник Каменец-Подольского штаба партизанского движения Сергей Олексенко вспоминал, что особое внимание уделялось набору квалифицированных специалистов: «Где мы брали врачей? Принимали тех, которые сами приходили, и мобилизовывали тех, кто попался под руку. Раз врач или фельдшер – без разговоров иди к нам на службу»¹⁷.

Масштабные мобилизации в партизанские отряды постоянно фиксировались в документах всех сторон военно-политического противостояния и в первой половине 1944 г. «Отдельные партизанские командиры, увеличивая численность своего личного состава, пытались таким образом добиться от УШПД соответствующего увеличения объемов материально-технических поставок в свои отряды. И поэтому нередко в составе таких формирований насчитывалось до 30 % и более небооруженных людей»¹⁸.

Если оценивать эффективность принудительного набора в партизанские формирования, то, хотя он и привел к объяснимому снижению дисциплины, но, с военной точки зрения, в тот период для советской стороны он в целом себя оправдывал. Ушедших из партизанских рядов с осени 1942 г. до конца войны было не так много¹⁹: близилась победа Красной армии, а немцы и венгры, а потом и бандеровцы обычно рассматривали перебежчиков как шпионов.

Хотя к этому способу комплектования отрядов как УШПД, так и командиры на местах нередко подходили формально, не уделяя ему много внимания, а также в погоне за количественными показателями не очень заботились о подготовке, вооружении, обучении призывников и добровольцев.

Зачастую набор в партизанские формирования проходил едва ли не вопреки здравому смыслу: «Будущих партизан отбирали даже среди заключенных исправительно-трудовых лагерей НКВД, осуж-

¹⁶ Сообщение подпольщика ОУН «Вести с Волыни», 26 декабря 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 121. Арк. 13–14).

¹⁷ «Отчет о работе Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У, областного штаба партизанского движения и соединений партизанских отрядов Каменец-Подольской области, апрель 1943 – апрель 1944», начальник Каменец-Подольского областного штаба партизанского движения Олексенко Строкачу, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 108).

¹⁸ Кентій А., *Лозицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 142–143.

¹⁹ О механизмах контроля над мобилизованными в партизанские отряды см.: *Армстронг Джон.* Советские партизаны... С. 197.

денных за незначительные воинские, должностные и другие бытовые преступления из числа бывших военнослужащих, оперативных работников НКВД, милиции, прокуратуры, лиц учреждений юстиции, членов ВКП(б), лагерной агентуры»²⁰. На территории Карело-Финской ССР и Севера России в партизанские отряды из ГУЛАГа рекрутировались люди, совершившие умышленное убийство, убийство в состоянии аффекта, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование, организовавшие доведение до самоубийства. За фронт посылались и кадры, совершившие должностные и экономические преступления: злоупотребление властью или служебным положением, присвоение или растрата денег или ценностей, бесхозяйственность. Встречались также имущественные преступления: кража, грабёж, покупка заведомо краденого; а также воинские преступления и так называемые «преступления против порядка управления». Как пишет российский историк Олег Кулагин, «...было бы неверно думать, что такой важный аспект войны, как формирование партизанских отрядов из числа гулаговских заключенных, строился только на добровольной основе... 4-е отделы областных управлений НКВД направляли во все лагеря приказ отобрать кандидатов в партизанские отряды»²¹. Анекдотичный пример практики использования «социально близких элементов» собственно в Украине – история разведгруппы Ф. Валиева, дважды выбрасывавшегося в немецкий тыл и успешно выполнявшего порученные задания. В третий раз заместителем командира был назначен воентехник 2-го ранга, уроженец Днепрпетровска Олег Сербин (1906 г. р.), до войны имевший 22 судимости и 16 побегов из мест заключения, осужденный в общей сложности на 168 лет и 8 месяцев. В анкете, заполненной им еще в глубоком советском тылу при вступлении в партизаны, Сербин честно описал свою «профессиональную деятельность» с 1924 по 1939 г.: «вор-рецидивист». Перед войной в лагерях он отличился на трудовом фронте, поэтому был досрочно освобожден и в 1940 г. принят в ВКП(б). В составе группы Ф. Валиева Сербин был выброшен 15 апреля 1943 г. на территорию Кировоградской области и тут же перебежал к немцам, вследствие чего 28 апреля группа была схвачена полицией²².

²⁰ Верютин Д. В. Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны. Дисс. к. и. н. Курск, 2002. С. 19.

²¹ Кулагин О. И. «Чужие» среди своих (бывшие заключенные ГУЛАГа в партизанских отрядах Карельского фронта 1941–1944 гг.) // Свое и чужое в культуре народов европейского Севера. Материалы 6-й международной научной конференции. Петрозаводск, 2007. С. 78, 79. URL: http://petrsu.ru/Chairs/Culture/sc_2007.doc

²² Учетные дела отрядов и групп УШПД и представительство Украинского штаба на фронтах (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 4. Спр. 52). Документ предоставлен А. Кентием.

Будущий Герой Советского Союза, командир соединения им. Берии Андрей Грабчак в одном из своих отчетов довольно откровенно описал принцип набора своих подчиненных: «Еще в октябре месяце 1942 года перед вылетом в тыл противника в Москве, я сказал тов. Строкачу, что отряд организую так: наберу в костяк хороших преданных товарищей, а затем буду принимать всех: честных и нечестных и даже мерзавцев. Так и делали – принимали всех, интересуясь в первую очередь, здоров ли он физически и не трус ли животный (см. инструкцию), а где он родился, служил ли он в полиции или в жандармерии – второстепенный, “мимолетний” был вопрос»²³.

Бывший партизан Василий Ермоленко свидетельствовал, что при призыве в Винницкое соединение отбора не было вообще. В частности, на Черниговщине в отряд был взят один слабослышащий молодой человек. В тот момент, когда он тяжело болел простудным заболеванием, по причине чего вообще оглох, его послали стоять на сторожевом посту, где партизан вследствие недомогания не услышал подходящих немцев. За это его расстреляли, приказом объявив по отряду о строжайшем запрете на сон во время выполнения задания. Недалеко от советско-польской границы (1939 г.) весной 1943 г. партизаны указанного соединения, по словам Ермоленко, «сделали страшную мобилизацию... Человек, наверное, 70... Брали сплошняком: годен, не годен. Даже эпилептика одного взяли. Вот дурость была! Народ частью бежал от мобилизации, прятался. Белорусы вообще прятались. Ну, например, ты в местном партизанском отряде, а я в рейде. И куда ты пойдешь – в местный отряд, или в рейд? Мы приехали в Белоруссию – там местных отрядов тьма сколько. И когда хотели собрать в кучу – шиш! Поразбегались кто куда... “Езжайте, говорят, нам дел тут хватает”. И как ты его мобилизуешь? Мобилизуешь – отошел 3 метра – и вот его не видно»²⁴. Рассказ партизана подтверждается документацией УШПД²⁵. По рассказу Ермоленко, в ходе этой мобилизации в отряд попали два заблаговременно тайно завербованных немцами крестьянина, впрочем, позже выявленных партизанскими особистами благодаря помощи соседнего соединения.

Для конкретной демонстрации «социального среза» украинских партизан можно привести информацию о личном составе одиннадцати крупнейших соединений УШПД. Для репрезентативности вы-

²³ «Короткий отчет по разведке» командира соединения им. Берии А. Грабчака, предп. Строкачу, предп. начало 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 291. Арк. 11).

²⁴ Интервью с Ермоленко В. // ЛААГ.

²⁵ Докладная записка командира Винницкого соединения Я. Мельника Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 41. Арк. 14).

браны те, сквозь ряды которых за 1941–1944 г. прошло свыше трех тысяч человек.

Сводная таблица составлялась с учетом следующего правила – в случае, когда по какому-либо соединению по отдельному пункту данные отсутствуют, подсчет процентов от общего числа производился только по тем соединениям, по которым есть данные, т. е. в данном случае общее количество, обозначенное в последней графе в скобках, подсчитано на основании известных данных. (Например, в случае вычисления процента бойцов, перешедших в партизаны из вспомогательных немецких формирований, подсчет производился по личному составу 8 соединений.) Номер соединения в таблице соответствует порядковому номеру соединения в списке.

1. Соединение украинских кавалерийских отрядов М. Наумова²⁶. В 1941 г. в отряд было включено 20 человек, в 1942–325, в 1943–2792, в 1944–166 человек.

2. Житомирское соединение А. Сабурова²⁷: 1941–56, 1942–948, 1943–1786, 1944–409.

3. Черниговско-Волынское соединение А. Федорова (включая бригаду им. В. Василевской)²⁸: 1941–411, 1942–1006, 1943–3271, 1944–569.

4. 1-я Украинская партизанская дивизия им. Ковпака (командиры С. Ковпак, П. Вершигора)²⁹: 1941–248, 1942–2497, 1943–1496, 1944–1335.

5. Черниговское соединение им. Попудренко (командиры Н. Попудренко, Ф. Коротков)³⁰: 1941–198, 1942–231, 1943–3024.

6. Соединение им. Сталина (командир М. Шукаев)³¹.

7. Каменец-Подольское партизанское соединение им. Михайлова (к-р А. Одуха)³²: 1941–53, 1942–139, 1943–1785, 1944–2942.

8. Черниговское соединение «За Родину» (командир И. Бовкун)³³: 1941–47, 1942–90, 1943–2928.

²⁶ Данные, предоставленные архивистом А. Кентием, приводятся по однотипным документам – спискам личного состава партизанских соединений Украины, составленным после войны на основании документации соединений времен войны. По кавалерийскому соединению М. Наумова: ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 28 (ст.). Спр. 1013 (ст.). Арк. 5–6, 1–111.

²⁷ Там же. Спр. 1014 (ст.). Арк. 7–8, 170–176.

²⁸ Там же. Спр. 1008 (ст.). Арк. 1в–1г, 271–283.

²⁹ Там же. Спр. 1004 (ст.). Арк. 7–8, 318–343.

³⁰ Там же. Спр. 1011 (ст.). Арк. 4–5.

³¹ Там же. Спр. 1034 (ст.). Арк. 1е.

³² Там же. Спр. 1028 (ст.). Арк. 1в, 257–264.

³³ Там же. Спр. 1016 (ст.). Арк. 1б.

9. Тернопольское соединение им. Хрущева (командир И. Шитов) (включая соединение Д. Николайчика и Б. Шангина)³⁴: 1941–31, 1942–369, 1943–2980, 1944–520.

10. Партизанская дивизия им. Щорса Житомирской области (командир С. Маликов)³⁵: основная масса (5960 человек) поступила в 1943 г. За 1942 г. – 371 человек.

11. Киевское партизанское соединение им. Хрущева (командир И. Хитриченко)³⁶: 1941– 8, 1942–82, 1943–3425.

	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	Итого
Численность по спискам личного состава за 1941–1944 гг.	3303	3199	5257	5549	3452	3359	4919	3065	3900	5960	3515	45 478
Потери убитыми и пропавшими без вести	510	441	495	1527	153	н.д.	568	122	311	312	287	(4726) 11,25 %
Дезертировало	н.д.	72	55	30	н.д.	н.д.	60	н.д.	40	65	21	(343) 1,06 %
Расстреляно или повешено	н.д.	36	10	н.д.	н.д.	н.д.	57	н.д.	24	75	8	(210) 0,78 %
Женщин	222	226	433	463	259	95	199	473	157	303	341	3171 6,97 %
Перебежчиков из коллаб. формирований	546	125	197	339	н.д.	н.д.	238	45	172	624	н.д.	(2286) 6,51 %
Украинцев	2023	1807	1976	1875	2003	1536	3087	2585	2165	4696	2272	26 035 57,23 %
Русских	635	394	1655	2120	1257	452	1178	381	891	1105	974	11 312 24,87 %
Белорусов	186	772	974	878	65	263	47	21	190	85	32	3513 7,72 %
Поляков	55	46	258	72	1	н.д.	205	н.д.	377	337	78	(1429) 3,66 %
Евреев	42	54	247	209	н.д.	27	57	н.д.	83	62	44	(825) 2,11 %
Коммунистов	393	390	818	880	449	277	557	403	195	857	621	5840 12,84 %
Комсомольцев	659	438	856	1240	849	538	1067	795	375	1610	968	9395 20,65 %

³⁴ Там же. Спр. 1015 (ст.). Арк. 1е–1г, 235–245.

³⁵ Там же. Спр. 1009 (ст.). Арк. 1в–1г.

³⁶ Там же. Спр. 1012 (ст.). Арк. 7.

Как видно из таблицы, всего коммунистов и комсомольцев в указанных соединениях насчитывалась ровно треть. Но этот относительно высокий процент ни о чем не свидетельствовал. Партийно-политическая работа в партизанских формированиях была поставлена формально, и, получая установки ЦК КП(б)У на «укрепление партячейки», командиры, комиссары и политруки стремились добиться механического увеличения численности коммунистического элемента, мало заботясь о его «воспитании». В других соединениях политобработка партизан проводилась не лучше.

Описав рядовой состав, можно сказать несколько слов и о руководстве на местах. Партизанский отряд значительно в большей степени, чем армейская часть, держался на командире, и от его личных качеств зависело само существование оперативной единицы, а также успешность ее действий. Некоторое представление о происхождении и довоенной службе партизанских командиров дает перечень командиров, комиссаров и начальников штабов соединений, бригад и отрядов (в т. ч. отрядов в составе соединений) УШПД, РУ ГШ КА и НКГБ СССР, получивших звание Героя Советского Союза за участие в партизанской борьбе в Украине в годы Второй мировой войны³⁷ (командиры взводов, рот и диверсионных групп не учитываются).

Таблица

Фамилия, имя	Дата присвоения звания ГСС	Трудовая деятельность до войны или до призыва в армию	Национальность	Примечания
Арефьев Константин	02.05.1945	Зам. нач. ж.д. вокзала в Киеве	украинец	В сент. 1943 – тяжело ранен, умер 8.3.1948
Артозеев Георгий	04.01.1944	НКВД	украинец	После войны – на сов. работе и парт. службе
Бакрадзе Давид	07.08.1944	Оконч. лесотехн. ин-т, работал в Архангельске	грузин	После войны – управляющий трестом «Грузмор», депутат ВС СССР и ВС ГССР
Балицкий Григорий	07.03.1943	КП(б)У	украинец	После войны – на парт. службе
Бовкун Иван	04.01.1944	РККА	украинец	После войны – в заключении, Сов. армия, а позже – директор кинотеатра во Львове
Брайко Петр	07.08.1944	РККА	украинец	После войны находился в заключении, окончил Литинститут им. Горького, служил в частях МВД

³⁷ Список составлен по: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. М., 1987–1988. Passim.

Фамилия, имя	Дата присвоения звания ГСС	Трудовая деятельность до войны или до призыва в армию	Национальность	Примечания
Бринский Антон	04.02.1944	РККА	украинец	После войны – в Советской армии
Верховский Евгений	02.05.1945	Рабочий	украинец	После войны – директор сахарного завода в Кировоград. области
Вершигора Петр	07.08.1944	Режиссер, актер	украинец	После войны – в ВС СССР, с 1955 г. работал в журнале «Знамя»
Войцехович Василий	07.08.1944	РККА	украинец	После войны – на парт. службе и советской работе
Вольнец Петр	08.05.1965	Студент	украинец	Погиб 2.4.43, звание ГСС присвоено посмертно
Гнидаш Кузьма	24.03.1945	Разведуправление ГШ РККА	украинец	Погиб 19.6.1944, звание ГСС присвоено посмертно
Грабчак Андрей	02.05.1945	РККА	украинец	С 1946 г. – в запасе
Дружинин Владимир	04.01.1944	КП(б)У	русский	После войны – на советской работе и парт. службе
Егоров Алексей	02.05.1945	Студент, оконч. Плано-экономич. ин-т	русский	После войны – зампред Кировоградского облисполкома
Збанацкий Григорий	04.01.1944	Зав. РОНО, редактор район. газеты	украинец	После войны – на советской и литературной работе
Иванов Алексей	07.08.1944	Тракторист	русский	Погиб 24.4.1944, звание ГСС присвоено посмертно
Карасев Виктор	05.03.1944	Погранвойска НКВД	русский	После войны служил в органах госбезопасности
Квитинский Вячеслав	02.05.1945	РККА	белорус	После войны – преподаватель Киевского госуниверситета
Клоков Всеволод	02.05.1945	Преподаватель в Томском электромеханич. ин-те	русский	После войны – историк
Ковпак Сидор	18.05.1942, 04.01.1944	Пред. горисполкома в Путивле, КП(б)У	украинец	После войны – на парт. службе и государственной работе, в т. ч. депутат ВС УССР
Копенкин Иван	18.05.1942	НКВД	украинец	Погиб в плену, звание ГСС присвоено посмертно
Кравченко Федор	02.05.1945	РККА	русский	После войны – служба в Советской армии

Фамилия, имя	Дата присвоения звания ГСС	Трудовая деятельность до войны или до призыва в армию	Национальность	Примечания
Кульбака Петр	07.08.1944	Пред. сельсовета, пред. колхоза, зав. отделом торговли Глуховского райисполкома	украинец	После войны – на партийной службе и хозяйственной работе
Ленкин Александр	07.08.1944	Счетовод, бухгалтер	русский	После войны – на различных хозяйственных руководящих должностях
Виктор Лягин	05.11.1944	НКВД	русский	Погиб 17.7.1943 г., звание ГСС присвоено посмертно
Марков Петр	02.05.1945	Пред. колхоза, дир. спиртзавода (член ВКП(б) с 1929 г.)	русский	После войны работал на спиртзаводе в Барском районе Брянской области
Медведев Дмитрий	05.11.1944	НКВД	русский	После войны занимался литературной и общественной деятельностью
Мирковский Евгений	05.11.1944	Погранвойска НКВД	белорус	После войны работал в органах госбезопасности
Молодцов Владимир	05.11.1944	НКВД	русский	Погиб 17.7.1942, звание ГСС присвоено посмертно
Музалев Иван	07.08.1944	Учащийся с/х школы	русский	После войны – в рядах ВС СССР, с 1950 г. – в запасе
Налепка Ян (Репкин)	02.05.1945	Словацкая армия	словак	Погиб в годы войны, звание ГСС присвоено посмертно
Наумов Михаил	03.03.1943	Погранвойска и ВВ НКВД	русский	После войны служил в МВД
Одуха Антон	07.08.1944	Зав. нач. школой в г. Стриганы Славутского р-на	украинец	После войны – на парт. службе и советской работе
Петров Михаил	07.08.1944	Студент (в РККА с 1939 г.)	русский	После войны – историк, преподаватель в вузе
Попудренко Николай	15.08.1945	КП(б)У	украинец	Погиб 6.6.1943, звание ГСС присвоено посмертно
Прокошок Николай	05.11.1945	ОГПУ–НКВД	украинец	В 1944–1946 гг. служил в НКГБ–МГБ, участвовал в Гражданской войне в Китае, с 1950 г. – в запасе
Резуто Дмитрий	02.05.1945	РККА	украинец	После войны – на руководящей хозяйственной работе

Фамилия, имя	Дата присвоения звания ГСС	Трудовая деятельность до войны или до призыва в армию	Национальность	Примечания
Руднев Семен	04.01.1944	РККА	русский	Погиб 4.08.1943, звание ГСС присвоено посмертно
Сабуров Александр	18.05.1942	НКВД	русский	После войны – в органах НКВД и МВД УССР и СССР, затем – депутат ВС СССР
Симоненко Николай	04.01.1944	РККА (1936–1939), перед войной – пред. райкома Осоавиахима	украинец	После войны – на советской работе в родном селе Красные Партизаны в Черниговской области
Тимошук Василий	24.03.1944	Начальник ж.-д. станции Полонное Хмельницкой обл.	украинец	После войны – начальник ж.-д. станции Полонное Хмельницкой области
Тканко Александр	04.11.1944	Директор Любешовского пед. техникума Волынской области	украинец	После войны – на руководящих должностях в ряде вузов УССР
Федоров Алексей	18.05.1942, 04.01.44	КП(б)У	украинец	После войны – на парт. службе и государственной работе, в т. ч. зам. министра соц. обеспечения УССР
Фильков Василий	04.01.1944	Дежурный радист в г. Ургенче, Узбекистан	русский	Погиб 14.4.1943, звание ГСС присвоено посмертно
Цымбал Андрей	02.05.1945	Колхозник, в РККА – с 1937 г.	украинец	После войны работал лесником
Шевырев Александр	04.01.1944	РККА	русский	После войны работал на Юго-Западной железной дороге
Яремчук Василий	07.03.1943	Учитель	украинец	После войны закончил Высшую партийную школу при ЦК КП(б)У, далее – на педагогической и хозяйственной работе

6 (12,5 %) будущих героев до войны служили номенклатурными работниками парт- и госаппарата (если не считать начальство номенклатурного уровня), 10 (21 %) – в НКВД, в том числе в погранвойсках, и 14 (25 %) были в РККА на командных должностях. Остальные командиры происходили из других социальных слоев.

Впрочем, к этим данным можно применить определенную поправку. В отношении награждений прослеживается тенденция по

дискриминации командиров партизанских формирований, бывших представителями национальных меньшинств УССР – в частности, русских. Так, Михаил Наумов, соединение которого провело 3 рейда, был награжден Звездой Героя только 1 раз, а Сидор Ковпак за схожие по значимости успехи получил две золотые звезды. Личный вклад единой Героя Советского Союза Александра Сабурова в развитие коммунистической партизанской борьбы на территории Украины был большим, нежели чем у украинца Алексея Федорова, дважды удостоившегося высшей военной награды СССР. По не совсем понятным причинам не был награжден Иван Шитов, хотя соответствующие документы Строкач подавал «по инстанции». По военно-политическому значению рейд Шукаева уступал Карпатскому рейду Сумского соединения. Однако по уровню сложности операции (из-за гористой местности, насыщенности территории частями Вермахта и союзных армий, а также формированиями ОУН–УПА) рейд Шукаева 1944 г. заслуживает даже более высокой оценки. При этом Шукаев, в отличие от Ковпака, не был награжден за рейд званием Героя Советского Союза. Все представления партизан НКВД УССР – УШПД на награждение званием Героя Советского Союза проходили через Никиту Хрущева. Не исключено, что первый секретарь ЦК КП(б)У либо по личным национальным чувствам, либо исходя из соображений местной политики стремился в первую очередь награждать представителей титульной нации УССР. Но, поскольку эта тенденция проявилась лишь в конце 1943 – начале 1944 г., в годы войны она не сильно сказалась на поведении партизанских вожakov.

Приведем для примера характеристики трех командиров соединений Украины.

Сидор Ковпак (1887 г. р.) был участником Первой мировой, георгиевским кавалером. В 1918–1920 гг. он воевал за красных, в том числе возглавлял партизанский отряд. В 1920–1930-е гг. Ковпак находился на советской госслужбе. Разведсообщение бандеровцев описывало его как человека среднего роста, с черной бородкой: «Ходит без шапки, в гражданской одежде, на груди 4–5 орденов... Идет во главе банды первый. К украинцам обращается по-украински, к москалям – по-московски... В целом производит впечатление высококультурного человека. Немцев и их бои игнорирует»³⁸. Григорий Балицкий был покорен определенным обаянием бывшего председателя

³⁸ Донесение подпольщика ОУН о деятельности советских партизан в районе г. Делятин Станиславской области с 1 по 6 августа, не ранее 6 августа (Від Полісся до Карпат... С. 109).

путивльского горсовета: «Сам Колпак редкозубый, хитрый и шутник, похож на цыгана. Колпак – подлинный герой, народный рыцарь»³⁹. Комиссар Руднев, даже находясь в глубокой ссоре со своим командиром, в дневнике отметил в нем явные черты лидера: «Как он любит повторять чужие мысли, и страшно глуп и хитер, как хохол, он знает, что ему есть на кого опереться...»⁴⁰. Авторы немецкой разведсводки акцентировали внимание на том, что Ковпак пользовался среди «лесных солдат» непоколебимым авторитетом: «Партизаны называют его Колпаком, “Дедом”, “Отцом” и др. кличками. Общепризнанный среди командиров и рядовых специалист по хождению в дальний путь... Люди его выносливы и приспособлены к маршам... В Москве его считают “отцом партизанского движения на Украине”. Возраст Ковпака – преклонный, имеет лет 60. Жизнью своей поэтому он не дорожит. Сам бывает в боях и вызывает подражателей из молодежи»⁴¹.

Своеобразную противоположность Ковпаку – понятно, в рамках партизанского сообщества – представлял собой партократ Василий Бегма (1906 г. р.). Проверка УШПД выявила его откровенное неумение командовать партизанами: «По сравнению с другими соединениями соединение т. Бегмы является наиболее обеспеченным вооружением, боеприпасами и взрывчаткой, однако по боевым действиям занимает одно из последних мест. В соединении слабая дисциплина, политико-массовая работа»⁴². Хлестко описал его в своем дневнике Михаил Наумов: «Полковник Богун и капитан Карасев сообщили мне, что севернее Рокитно в болотах сидит генерал Бегма с 3,5-тысячным войском, имеет 7 штук присланных Москвой крупных 76-мм пушек, 500 автоматов и жалуется только на то, что не умеет использовать эту армию и технику»⁴³. Свое свидетельство о пребывании в Ровенском соединении оставил и заместитель начальника УШПД, диверсант Илья Старинов: «Партизаны отужинали. По всему лагерю звучала музыка: там аккордеон, там скрипка, там гармоники.

³⁹ Дневник Балицкого, запись от 7 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 44).

⁴⁰ Дневник Руднева, запись от 23 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 53).

⁴¹ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 21). Служебный перевод советских органов.

⁴² Из докладной записки сотрудников разведотдела УШПД Череваша и Кушнарва Строкачу о состоянии ряда партизанских отрядов и соединений Украины, 22 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 41. Арк. 220).

⁴³ Дневник Наумова, запись от 2 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 80).

– Не соединение, а филармония! – пошутил Строкач. Весело живете, Василий Андреевич!

– Не жалуемся, не жалуемся, – в тон ответил Бегма, – надо же людям культурно отдохнуть»⁴⁴.

Но, возможно, наиболее ушлой личностью в рядах советских партизан являлся Александр Сабуров (1908 г. р.). До германского вторжения он служил в ГУЛАГе НКВД – по всей видимости, занимая должность начальника курсов по политической подготовке личного состава⁴⁵. В начале войны Сабуров был комиссаром одного из истребительных батальонов и, оказавшись в немецком тылу, возглавил партизанский отряд. Правдиво⁴⁶ и кратко описал историю его включений в 1941–1942 гг. бывший адъютант Строкача капитан Александр Русанов: «Вся его партизанская карьера построена на обмане людей, на необычайной лживости. В 1941 году, попав в окружение, он с 9 человеками скрывался в Брянском лесу. У него имелась радиостанция. В том же Брянском лесу укрывались еще многие мелкие группы, уцелевшие после ударов немецкой армии. Сабуров начал являться в эти группы, выдавая себя за замнаркома НКВД СССР. Конечно, в честь этого резались изъятые у крестьян бараны, варился самогон, устраивались попойки. Сабуров предлагал вожакам этих мелких партизанских отрядов передавать ему сведения об их боевой деятельности с тем, что он будет эти сведения от имени командиров передавать в Москву по имеющейся у него рации. Командиры подавали эти сведения, но Сабуров радировал в Москву их уже от своего имени. Таким образом, чужие действия он приписывал себе, да еще привирал к этому. В Москве о нем создано мнение как о человеке, творившем чудеса. Ему присвоили звание генерал-майора и Героя Советского Союза. Лишь позже все раскрылось, стало известным, что Сабуров – обманщик и вун. Но решили умолчать об этом»⁴⁷. Проведя в конце 1942 г. Сталинский рейд, соединение Сабурова осело в полесских болотах. Михаил Наумов отозвался о своем коллеге

⁴⁴ *Старинов И.* Записки диверсанта... С. 386.

⁴⁵ «Перечень действующих партизанских отрядов, сформированных органами НКВД УССР. По состоянию на 15/V–42 г.», пом. нач. штаба истребительных батальонов НКВД СССР Кременецкий, 26 мая 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 22. Л. 44–46). В документе о Сабурове указано: «зам. нач. курсов ГУЛАГа по п/ч в г. Киеве».

⁴⁶ Показания Русанова подтверждаются аутентичными советскими документами. См., напр.: Письмо представителя ЦК КП(б)У И. Сыромолотного Строкачу, 24 октября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 67. Арк. 102).

⁴⁷ Публикация протокола допроса Русанова в коллаборационистской газете «Голос Крыма», ноябрь 1943 г. (*Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. Кн. 2. С. 412–413).

нелестно: «Сев[ернее] Овруча сидит генерал Сабуров, вооруженный до зубов... Он всегда был снабжаем Москвой вплоть до папирос высшего сорта. Этот “талантливый” полкосидец (вместо – полководец)... никогда ни в чем не нуждается, в том числе и в наградах»⁴⁸. Сабуров, концентрируясь на проведении диверсий, воевал до 1944 г., а позже продолжил службу в НКВД, в том числе занимаясь борьбой против УПА. Наивысшей точки его «профессиональный рост» достиг в 1954–1957 гг., когда бывший партизан занимал должность начальника одного из управлений МВД СССР.

Кратко остановимся на психологических особенностях советских партизан как таковых. Абсолютно точным является утверждение американского исследователя Эрла Зимке: «Рядовой партизан (как и любой нормальный человек. – А. Г.) не ставит себе целью пасть смертью героя, а более склонен выжить»⁴⁹. Но при этом в экстремальных ситуациях каждый индивид выбирает собственную стратегию выживания и тактику улучшения своего положения, что и отличает одну личность от другой. Очевидно, что если большинство (абсолютное или относительное) в отрядах составляли насильно мобилизованные крестьяне, то значимое для формирований меньшинство попавших в ряды партизан вынужденно, под давлением обстоятельств, а то и вообще полностью добровольно придавало формированиям УШПД динамизм, отличавший партизан, с одной стороны, от жителей оккупированных территорий, с другой от личного состава частей Красной армии.

Например, у попавшего в окружение красноармейца было несколько вариантов действий: попытаться вернуться в ряды РККА, сдать в плен (возможно, оттуда потом уйти в полицию), просто тихо осесть в качестве «прийма» или батрака или же – пойти в партизаны. Очевидно, что последний путь выбирали люди, с одной стороны, желавшие сами отвечать за свою судьбу, с другой – лояльные советской власти. В другом случае не должен вводить в заблуждение оборот «давшие согласие работать в тылу врага»⁵⁰, постоянно встречающийся в документах зафронтовых центров подготовки советских командос, в частности партизанских школ. Отказавшихся от этого

⁴⁸ Дневник Наумова, запись от 2 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 80).

⁴⁹ Зимке Э. Состав и моральное состояние партизанского движения // *Армстронг Дж.* Советские партизаны... С. 231.

⁵⁰ См., напр.: «Положение о центральной спецшколе № 2 при ЦШПД», утверждено Пономаренко, 25 июля 1942 г. (*Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні. Кн. 2. С. 283).

заманчивого предложения мужчин призывного возраста ждала Красная армия, шанс погибнуть в рядах которой был значительно выше, нежели чем в партизанах, по крайней мере – в 1943–1944 гг. Человек, выбравший не фронт, а тыл Вермахта, понимал, что в лесу, вдали от руководящих центров, его жизнь будет зависеть преимущественно от него, его находчивости, смекалки, а не от жесткой и безликой армейской системы подчинения-соподчинения. Молодой крестьянин, спасавшийся от посылки на работы в Германию уходом в партизанский отряд, был в какой-то степени бунтарем: он добровольно выбирал опасности и лишения жизни в лесу, а не пусть полуголодное и унижительное, но более или менее гарантированное существование на нацистской каторге. Если же будущий партизан полностью обдуманно, без давления обстоятельств менял теплую избу на бивак под открытым небом, то в характере такой личности должен был присутствовать элемент отчаянности. Хотя у многих, вступавших в ряды советского партизанского отряда, присутствовал и определенный вполне здравый расчет: вероятность погибнуть в партизанском отряде была не очень высока, а удостоверение участника советских формирований давало после войны определенные преимущества. Напротив, полицаи, шуцманы и хиви, не отступавшие с Вермахтом как можно дальше на Запад, а перебежавшие в 1943–1944 гг. к партизанам, были в принципе людьми, в определенной степени предрасположенными к авантюрам, поскольку добровольно – на свой страх и риск – отдавали себя в руки коммунистов.

Таким образом, партизанские соединения в значительной мере состояли из людей решительных, склонных к самостоятельности и проявлению индивидуальной инициативы, как минимум сообразительных, обладавших быстротой реакции. Хватало и умных, встречались даже интеллектуалы, как Петр Вершигора. Большинство в отрядах составляли мужчины в возрасте от 16 до 35 лет, о которых с теплотой отзывался командир одного из самых крупных соединений Антон Одуха: «...Основную массу партизан составляла молодежь, наша советская молодежь, веселая, жизнерадостная, энергичная, воспитанная советской школой, комсомолом и партией... Молодость, кипучая энергия даже в тяжелых условиях партизанской жизни пробивалась наружу»⁵¹.

При этом, как было показано выше, личный состав отрядов УШПД формировался из весьма разнообразных категорий граждан. Согласно справедливой оценке американского историка Кеннета Слепьяна,

⁵¹ «Отчет о боевой деятельности соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской обл., 1941–1944», после июня 1944 г., Одуха и др. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 472).

кадровая политика руководства партизанских формирований вела к их «маргинализации»⁵². Неслучайно украинский националист Максим Скорупский, волею судеб побывавший в 1943 г. в советском отряде, отметил его «пестроту»: «Натуральный “сброд”, и все разругавшиеся и деморализованные»⁵³. Любопытно, что спустя много лет и бывший боец находившегося в УШПД на неплохом счету Винницкого соединения Василий Ермоленко без какого-либо раздражения на своих бывших рядовых сослуживцев назвал партизан указанной части сбродом⁵⁴.

4.2. Численность партизанских отрядов и групп

Вопрос об общей численности украинских партизан является крайне сложным. Официальное число участников советских партизанских отрядов Украины – 501 тыс. человек. Эта цифра появилась в 1975 г., как предполагает ряд исследователей, из-за стремления украинской партноменклатуры представить собственную республику «самой партизанской из всех партизанских». Традиционно СССР занимала второе место в неофициальной иерархии «республик-сестер» СССР. В сравнительно небольшой Белоруссии партизан в годы войны было 374 тыс.⁵⁵ – эта цифра была «выведена» еще к середине 1960-х. На 1967 г., как свидетельствует справка, сохранившаяся в документах личного фонда куратора УШПД Демьяна Коротченко, численность партизанских формирований СССР оценивалась в 357 750 человек⁵⁶. Двумя годами ранее в заключительном томе официальной истории советско-германской войны речь шла всего о 220 тыс. человек⁵⁷. Ну и впервые официальные цифры были озвучены в выступлении Хрущева 1 марта 1944 г. на сессии ВС СССР: по словам первого секретаря ЦК КП(б)У, в Украине действовало 228 партизанских отрядов численностью 60 тыс. человек⁵⁸.

⁵² *Slepyan Kenneth*. Stalin's Guerrillas... P. 12.

⁵³ *Скорупський М.* Туди, де бій за волю. URL: <http://www.geocities.com/upahistory/skorupski/part2.html>

⁵⁴ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

⁵⁵ В БССР, по официальным данным, сражалось 374 тыс. партизан. См., напр., статью «Партизанское движение в Белоруссии» на официальном сайте Министерства обороны РБ (<http://mod.mil.by/51partizany.html>).

⁵⁶ *Кентій А., Лозицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 13.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Хрущев Н. С.* Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства советской Украины: Доклад

Однако все эти данные с трудом соотносятся с документами УШПД и партийных проверок, последовавших после 1945 г. В справке, подписанной 20 августа 1944 г. начальником оперативного отдела УШПД полковником В. Бондаревым, говорится, что за годы войны в Украине действовали 1,2 тыс. партизанских соединений, отрядов и групп общей численностью в 112 тыс. человек⁵⁹ (в это число включены и 30 тыс. партизан НКВД УССР – КП(б)У, «пропавших без вести» в 1941–1942 гг., и часть «местных» партизан, выявленных в течение 1944 г.). В мае 1945 г. комиссия ЦК КП(б)У выдала информацию уже о 200 тыс. человек, включая и 20 тыс. партизан, которые пребывали с осени 1944 г. по май 1945 г. вне территории Украины – в Чехословакии, Польше, Венгрии и Румынии⁶⁰. Очевидно, численность увеличилась не только из-за приписок, но и из-за продолжавшей поступать информации о мелких партизанских группах и группах выживания, действовавших без связи с Центром.

Нехитрый механизм послевоенного лавинообразного роста партизанских масс был выявлен в ходе полевых исследований. Поскольку документацию вели только соединения и крупные отряды, то после войны в партизаны и подпольщики можно было записаться на основании свидетельств участников оперировавшей рядом группы, особенно командиров. Они охотно выдавали соответствующие справки – за взятку деньгами, продовольствием, алкоголем или имуществом, оказание услуг личного свойства, а также «за спасибо» своим родственникам, друзьям, начальству, любовницам, а то и просто вежливым односельчанам. Помимо коррупционных, у ветеранов наличествовали и «политические» причины таких действий: чем больше была «ветеранская ячейка» в селе или городке, тем больший вес и известность приобретал ее глава. Все это покрывалось вышестоящими бывшими партизанами, в том числе Героями Советского Союза, которые в 1944–1965 гг. создали в Украине региональные политические кланы⁶¹. На проявление инициативы крестьянами спокойно смотрело партийное начальство, которое в рамках мифа о повальном участии населения в «народной войне» нуждалось в «вещественных доказательствах», которые при случае, в том числе во время памятных дат, предъявлялись советской и зарубежной общественности.

председателя СНК УССР на VI сессии Верховного Совета УССР 1 марта 1944 года в г. Киеве. М., 1944. С. 21.

⁵⁹ Кенітій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 13.

⁶⁰ Україна партизанська... С. 24–25.

⁶¹ Weiner, *Amir Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001. Passim.

Поэтому с учетом приведенных цифровых данных времен войны, можно полагать, что за 1941–1944 гг. сквозь ряды партизанских групп, отрядов и соединений, созданных и подчиненных НКВД УССР – УШПД прошло около 100 тыс. партизан.

Кроме того, согласно послевоенной справке КГБ, в 1941–1944 гг. на территории Украины действовали 22 партизанских отряда и группы НКВД–НКГБ СССР общей численностью 6401 бойцов⁶². Вероятнее всего, эти данные несколько преувеличены. Так, например, об отряде Д. Медведева «Победители» в указанном документе написано, что он насчитывал «свыше 2 тыс. человек», об отряде Н. Прокопока «Охотники» – 1570 чел., отряде «Олимп» В. Карасева – «около 2 тыс. человек». Однако отрывочные данные о тех же отрядах 4-го управления НКГБ СССР, встречающиеся в документах УШПД и подчиненных ему отрядах, позволяют усомниться в этих цифрах. Вероятно, в это число вошли и мелкие группы, связанные с указанными чекистскими соединениями, агентура этих отрядов НКГБ и, возможно, партизаны, входившие в их состав в 1944 г., когда они действовали вне территории Украины – в Польше и Чехословакии. Таким образом, можно полагать, что за годы войны на территории УССР действовало около 4 тыс. партизан ведомства Всеволода Меркулова и Павла Судоплатова.

К этому можно добавить партизан НКГБ УССР: «Всего с октября месяца 1943 года по 9 мая 1945 года было выведено в тыл противника (в основном самолетами. – А. Г.) 53 оперативно-чекистских, диверсионно-разведывательных групп и отрядов, общей численностью 780 человек, которые, действуя на оккупированной территории, значительно пополнили свои ряды за счет местного населения, а также военнопленных, бежавших из лагерей и, таким образом, личный состав отрядов и групп в итоге составил – 3928 человек»⁶³. Если около половины этих бойцов действовало на территории Украины, тогда можно сказать, что в УССР в 1943–1944 гг. оперировало около 2 тыс. партизан НКГБ УССР.

Точной информации по действовавшим в Украине партизанским отрядам армейской разведки (РУ ГШ КА и ГРУ НКО СССР) в распоряжении исследователей, к сожалению, нет, но на основании кос-

⁶² «Список партизанских отрядов и групп НКГБ СССР, действовавших на Украине в годы Великой Отечественной войны Советского Союза», начальник учетно-архивного отдела КГБ при СМ УССР Н. Гурьянов, 6 сентября 1966 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 200. Арк. 2–3).

⁶³ Итоговый доклад о боевой и агентурно-оперативной работе 4-го управления НКГБ УССР в 1941–1945 гг., начальник управления, 26 июля 1945 г. (З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. № 1/2(2/3). 1995).

венной информации можно предположить, что через них прошло до 5 тыс. человек.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что за годы советско-германской войны во всех отрядах и соединениях НКВД УССР – УШПД, НКВД–НКГБ СССР и войсковых разведслужб участвовало около 115 тыс. человек. При этом максимальная численность «организованных» партизан, т. е. своеобразного спецназа, действовавших в немецком тылу, была в Украине на рубеже 1943–1944 гг. – до 50 тыс. человек.

4.3. Национальный состав украинских партизанских формирований

Не подтвердилась гипотеза американского исследователя Джона Армстронга о том, что «на Украине, в отличие от расположенных севернее регионов, партизаны являлись этнически и социально чуждым слоем»⁶⁴. Социальное происхождение большинства украинских партизан было рассмотрено выше. Да и национальный состав формирований УШПД отвечал национальному составу населения УССР на 1941 г. Представители титульной национальности – украинцы – составляли в отрядах УШПД не только абсолютное большинство, но и группу, с которой не сопоставимы по численности партизаны какой-либо другой этнической группы. Иными словами, советские партизаны Украины являлись украинскими партизанами не только в национальном, но и в этническом отношении. Об этом говорит сравнение сведений из приведенной выше таблицы о составе основных соединений с данными о соотношении различных этнических групп Украины, приведенными во введении к монографии.

Но некоторые отличия были.

Украинцы, на 1930 г. насчитывавшие 75 % населения Украины в современных границах, в годы войны составляли 57,23 % в одиннадцати крупнейших соединениях. Связано это было с относительно высоким участием русских и белорусов в рядах украинских партизан.

На 1930 г. русские составляли 8 % населения Украины, а в 11 крупнейших соединениях УШПД русских было в три раза больше – четверть личного состава.

Причин этому было несколько. В 1941–1943 гг. сначала большинство, а потом многие из отрядов и соединений НКВД УССР–УШПД находились либо на северо-востоке УССР, где процент русского на-

⁶⁴ *Армстронг Дж.* Советские партизаны... С. 63.

селения был довольно высок, либо вообще в РСФСР. Кроме того, русские были самой большой этнической группой СССР и лишь относительно незначительная территория собственно России в 1941–1943 гг. была оккупирована Вермахтом. Следовательно, в Красной армии русские были в подавляющем большинстве, поэтому среди окруженцев и беглых военнопленных, присоединявшихся к партизанам, русских также должно было быть большинство. В 1941–1943 гг., когда почти вся или вся Украина находилась под оккупацией, засылаемые из-за линии фронта кадры пополнялись не исключительно из украинцев, а и из остальных народов СССР, среди которых русские, как уже говорилось, доминировали в количественном отношении. Из 53 командиров соединений и бригад УШПД 29 (55 %) были по национальности украинцами, 18 (34 %) – русскими, остальные 6 (11 %) – других национальностей. Примерно та же картина складывается при анализе приведенных в предыдущем разделе данных о командирах, комиссарах и начальниках штабов партизанских соединений и отрядов, получивших звание Героя Советского Союза: из 48 человек 26 (54 %) – украинцы, 18 (37,5 %) – русские, 4 – представители других национальностей⁶⁵. Имеет смысл отметить, что на июль 1943 г. в числе 125 сотрудников УШПД насчитывалось 60 русских и только 41 украинец⁶⁶, а также 24 представителя других национальностей.

Немаловажен вопрос о взаимоотношениях между двумя самыми большими этническими группами среди украинских партизан. Определенные конфликты наличествовали. В частности, объективные данные о случаях нелояльности украинцев системе трансформировались в гипертрофированные слухи. О подобных настроениях с обидой вспоминал Алексей Федоров: «Среди отдельных партизанских отрядов, в частности, в Орловской области, по недопониманию имели место вредные антибольшевистские взгляды по отношению к украинскому народу и украинским партизанам. Это выражалось в травле украинцев, что, мол, украинский народ не хотел воевать, что украинские партизаны не дерутся с немцами и т. д. ... Когда зашел разговор о партизанской борьбе на Украине, местное население начало высказывать недоверие к укр[аинскому] народу, что, он, мол, предал

⁶⁵ «Список командиров партизанских соединений и бригад, действовавших на территории Украины в период Отечественной войны 1941–1945 гг.», подпись неразб., 20.11.1957 (ЦДАГО. Ф. 240. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 51–52). В список из 51 человека не вошли командиры 3 польских бригад, весной 1944 г. переданных созданному на территории Украины Польскому штабу партизанского движения.

⁶⁶ *Кентій А., Лозицький В.* Війна без пощади і милосердя. С. 104.

свою республику, не захотел бороться с немцами... Когда же командир партизанского соединения т. Федоров (о себе в данном случае Федоров говорил в третьем лице. – А. Г.) заговорил с ними на украинском языке, они с удивлением смотрели и по несколько раз переспрашивали: “Это вы – украинцы”? Тов. Федоров ответил – “да, мы настоящие украинцы”. После того как т. Федоров привел им ряд фактов борьбы украинского народа с фашизмом и разоблачил “украинскую добровольческую армию”, которая по существу состояла не из украинцев, а из людей разных народностей, – это недоверие к украинскому народу и к украинским партизанам у них развеялось»⁶⁷. Но подобные конфликты не были сильными и на повседневную жизнь отрядов УШПД практически не влияли. Даже подпольщики зараженной русофобией ОУН в своих разведдонесениях о внутренних проблемах советских отрядов не отмечали какой-то значимой напряженности между русскими и украинцами.

Своеобразной аномалией на первый взгляд может показаться доля белорусов в советских партизанских отрядах в УССР. Составляя на 1930 г. 0,2 % населения Украины, в 11 крупнейших соединениях белорусов насчитывалось 7,72 %, т. е. в сорок раз больше. Но это вполне объяснимо: украинские партизаны в 1941–1944 гг. нередко оперировали на территории Белоруссии. Михаил Наумов, в сентябре 1943 г. запросивший УШПД о положении ряда его соединений, получил ответ: «Сабуров, Шитов и Маликов находятся на своих местах и принимают самолеты с посадкой». Возмущенный Наумов, называвший многих своих коллег «королями белорусских лесов», написал в дневнике: «Что означает: “Находятся на своих местах”? Уж не белорусские леса их исконное место?»⁶⁸ В 1942–1944 гг. мобилизации населения, предпринимаемые соединениями украинских партизан, часто проходили на территории южных областей БССР, где белорусы составляли большинство жителей. Например, Алексей Федоров вспоминал, что весной 1943 г. «с приходом на р. Уборть соединение встретилось с партизанскими отрядами, объединявшимися генерал-майором Героем Советского Союза тов. Сабуровым... Нами была проведена мобилизация людского состава в Лельчицком районе [Пинской области БССР], где было мобилизовано более

⁶⁷ Докладная записка секретаря Черниговского подпольного обкома КП(б)У А. Федорова, предп. Хрущеву, предп. конец 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 10. Арк. 174–175).

⁶⁸ Дневник Наумова, запись от 7 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 27).

600 человек. С новым пополнением соединении к этому времени насчитывало 2500 человек»⁶⁹.

Всего восточных славян (украинцев, русских и белорусов), близких друг другу по культуре, менталитету и традициям, в одиннадцати крупнейших соединениях УШПД насчитывалось ровно 90 %. Хваля собственных подчиненных, Сидор Ковпак даже сделал соответствующее обобщение: «Особенно следует отметить выносливость наших бойцов, свойственную только русскому человеку»⁷⁰.

В украинских партизанских формированиях некоторую роль играли и представители двух национальных меньшинств, заметно отличавшихся от основного населения УССР – речь идет о поляках и евреях, на судьбе и положении которых остановимся более подробно.

Доля поляков в населении Украины на 1930 г. (в современных границах) составляла 5,4 %, в основных же соединениях УШПД поляки насчитывали 3,66 % личного состава. Отчасти связано это было с тем, что абсолютное большинство украинских поляков компактно проживало на территории западных областей УССР, принадлежавших до 1939 г. Польше, где в 1941–1942 гг. красные партизанские формирования почти не оперировали.

В сентябре 1939 г. поляки увидели в СССР врага, совместно с Гитлером разгромившего и поделившего их родину. Кроме этого, польское меньшинство на территории Западной Украины в 1939–1941 гг. рассматривалось новой властью как «носитель буржуазной государственности» и поэтому острие репрессий и притеснений было направлено против него. Поэтому вполне логично, что сводка СД от 27 июня 1941 г. сообщала, что на территории бывшей восточной Польши польское население везде показывало глубокое удовлетворение по поводу прихода немцев: «В различных деревнях для немецких войск воздвигнуты триумфальные арки. Многократно выражалось желание создать польский антибольшевистский легион»⁷¹. Согласно дневнику бойца, находившегося на немецкой службе бандеровского

⁶⁹ «Отчетный доклад штаба соединения партизанских отрядов Дважды Героя Советского Союза — генерал-майора Федорова А. Ф. и подпольных областных комитетов Коммунистической партии большевиков Украины Черниговской и Волынской областей за время с сентября м-ца 1941 г. по апрель месяц 1944 г.», А. Федоров и др. предп. для Строчака (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 104).

⁷⁰ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строчаку (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 54).

⁷¹ «Сообщение о ситуации в оккупированных областях СССР № 6», шеф полиции безопасности и СД, 27 июня 1941 г. (ВАН. R 58/214. Вл. 31).

батальона «Нахтигаль», 30 июня 1941 г. поляки на улицах Львова радостно приветствовали украинских коллаборационистов⁷².

Однако вскоре немцы показали свое отношение к славянам, одновременно нарастал украинско-польский антагонизм, а из Лондона по линии националистического подполья поступали антигитлеровские установки. Настроение польского меньшинства довольно быстро изменилось. При этом об активном сопротивлении речь пока не шла. В обзоре СД от 9 октября 1942 г. на настроения поляков на Волыни и Подолье обращено пристальное внимание: «Позиция поляков также, как и прежде, обозначена двумя особенностями: с одной стороны, сильным выслуживанием, на которое указывают многие сотрудники немецких учреждений, с другой стороны – концентрацией на идее создания великопольского государства после окончания войны»⁷³. Отмечая надежду поляков на то, что большевики после победы позволят снова создать польское государство, сводка указывала на тревожные для немцев сигналы: «Все вновь и вновь наблюдается пособничество польского сельского населения [советским] бандам»⁷⁴.

Командир дислоцировавшегося на Волыни с лета 1942 г. отряда ГРУ Антон Бринский, вспоминал, что, связавшись с польским националистическим подпольем и населением Полесья, советские разведчики получили содействие: «Везде, где бы мы ни встречались с польскими трудящимися, мы слышали в их словах... уверенность, что Польша вернет себе самостоятельность при помощи советского народа. Поляки, не участвовавшие ни в каких организациях, тоже помогали нам: сообщали ценные сведения, служили проводниками, укрывали наших людей, доставляли медикаменты и оружие»⁷⁵.

Командир польского советского партизанского отряда Роберт Сатановский в докладной записке в УШПД в мае 1943 г. указывал на то, что до весны 1943 г. в польском меньшинстве проходил процесс «накапливания ненависти к немецким захватчикам... период возрождения дружественных отношений – дружественных чувств к Советскому Союзу – на почве договора Советского правительства и правительства Сикорского, исключительно сердечных отношений советских партизан к польскому населению, на почве совместной

⁷² Патрисяк І. К. Легіони Українських Націоналістів (1941–1942): історія виникнення та діяльності. К., 1999. С. 25.

⁷³ «Сообщения из оккупированных восточных областей, №. 43», шеф полиции безопасности и СД, 9 октября 1942 г. (ВАН. R 58/222. Bl. 188).

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Бринский А. П. По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. Кн. 1. Горький, 1966. С. 204–205.

борьбы польского населения с советскими партизанами против гитлеровских оккупантов»⁷⁶.

Бандеровцы, в пропаганде заявляя о причинах резни 1943 г., обвиняли волинских поляков, помимо прочего, в том, что «некоторая часть польского элемента (Вольнь) стала прямо на службу немецко-оккупанта и большевистских агентурных групп...»⁷⁷

Победа Красной армии под Сталинградом и начатая УПА этническая чистка окончательно сделали западноукраинских поляков внешне полностью лояльными советским партизанам.

Приведем картину поведения польского меньшинства в 1943–1944 гг. в разрезе, касающемся исследования.

После стодневной командировки на оккупированную территорию начальник разведотдела УШПД Мартынов заявил летом 1943 г.: «Фактов выступления поляков (АК или полицаяв. – А. Г.), даже вместе с немцами, против партизан не замечено»⁷⁸.

Несколько более панорамная картина дана в аналитической записке безвестного сотрудника СБ ОУН в октябре 1943 г.: «...Поляки выступают как: 1. немецкие прислужники; как: 2. красные партизаны; 3. как независимая вооруженная сила (Армия Крайова. – А. Г.). Фактом является, что эти три группы имеют друг с другом общий язык. До сих пор не утверждено значительных выступлений поляков против красных, или наоборот, а также против польских шуцманов или против польских банд. Отсюда вывод, что немцы, как и большевики, используют поляков как орудие против нас, причем поляки никак не готовы сгнуться вместе с немцами, или отдать себя без остатка большевикам. (...) Польский активный элемент в основном сберегся, и... готовится к большому самостоятельному выступлению в благоприятный момент (операции «Буря». – А. Г.)»⁷⁹.

В Кремле планировали ослабить АК и втянуть как можно больше поляков под влияние советской системы для того, чтобы облегчить

⁷⁶ Аналитическая записка «К польскому вопросу» командира польского партизанского отряда Р. Сатановского, предп. Строкачу, 8 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 245. Арк. 29).

⁷⁷ Пропагандистский материал ЦП ОУН(б) по поводу резни на Волини, октябрь 1943 г. (*Сергийчук В.* Поляки на Волині... С. 289).

⁷⁸ «Доклад о проделанной работе во время пребывания в тылу противника в партизанских отрядах соединений Ковпака, Сабурова, Федорова, Бегмы–Федорова, Маликова, Мельника, Наумова и др. с 20 апреля по 6 июля 1943 г.», начальник разведотдела УШПД Мартынов Строкачу, 20 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 41. Арк. 149).

⁷⁹ Отчет о работе референтуры СБ ОУН военного округа УПА «Зарево» (северная часть Ровенской области) с 15 сентября по 15 октября 1943 г., после 15 октября 1943 г. (Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 310).

процесс насаждения коммунистического режима в Польше после войны. Поэтому силовыми структурами СССР, в том числе штабами партизанского движения, с конца 1942 г. уделялось самое пристальное внимание «польскому вопросу». В подготовленном разведотделом УШПД 6 декабря 1942 г. перечне заданий для партизанской разведки одним из пунктов было изучение поведения польского населения в районах действий партизанских формирований⁸⁰. Весной–летом 1943 г. из УШПД на места ушли многочисленные директивы о необходимости широчайшего привлечения поляков в ряды советских партизан⁸¹.

Уже в начале 1943 г. на базе польско-еврейской группы, ранее входившей в партизанский отряд ГРУ под командованием капитана Каплуна, в партизанском соединении Сабурова был создан отряд им. Тадеуша Костюшки, командиром которого стал педагог и музыкант Роберт Сатановский, связанный с коммунистическим подпольем еще с 1930-х гг. В одной из докладных записок Сатановского Сабурову откровенно названа как его личная мотивация, так и едва ли не главная цель вовлечения поляков в ряды советских командос: «Красный польский [партизанский] отряд будет школой будущих социалистических кадров Польши»⁸². Вскоре отряд был передан в Ровенское соединение под командованием Василия Бегмы.

Летом 1943 г. из группы вольных поляков, созданной для самообороны от бандеровцев, в Хочинских лесах был сформирован отряд им. Дзержинского под командованием офицера Красной армии Яна Галицкого. Первоначально отряд входил в Ровенское соединение № 2 Ивана Федорова, но позже был передан в состав новосозданной бригады УШПД под командованием Ивана Бырки⁸³.

В феврале 1943 г. с немецкой службы дезертировал охранный батальон, созданный из местного населения Полесья. Немецкие командиры были убиты, украинцы перешли в УПА, белорусы отправились по домам, а поляки во главе с бывшим полицаем Николаем Куницким («Мухой») стали основой для отряда им. Чапаева, входившего в Ровенское соединение Бегмы⁸⁴.

Создавались и другие польско-советские партизанские отряды.

⁸⁰ Кенітій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 291.

⁸¹ См., напр., шифровку № 3958 16 июля 1943 г. Коротченко и Строкача для командира партизанского отряда Чепиги об организации польских отрядов. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1289. Арк. 74).

⁸² Докладная записка командира польского отряда Р. Сатановского и др. Сабурову, 7 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 122 зв.).

⁸³ Juchniewicz Mieczysław. Na Wschód od Bugu... S. 25–60.

⁸⁴ Kunick, Mikołaj. Pamiętnik “Muchy”... S. 17–100.

В августе 1943 г. в подчинении Ровенского штаба партизанского движения (В. Бегмы) было создано целое соединение «Еще Польша не сгинела» (иначе – Ровенское № 3), которое сначала возглавил Н. Куницкий, а через месяц после создания – Р. Сатановский. В марте 1944 г. оно было переформировано в бригаду им. Т. Костюшко. В январе 1944 г. на территории Волынской области в составе соединения А. Федорова на базе входивших в него польских отрядов была создана бригада им. Ванды Василевской под командованием бывшего офицера Войска Польского Станислава Шелеста. В середине марта 1944 г. была создана еще одна польская бригада – «Грюнвальд» – во главе с Юзефом Собесяком, до войны работавшим директором МТС, а на оккупированной территории оставленном по заданию ГРУ.

В апреле 1944 г., согласно постановлению ЦК КП(б)У, а затем и ГКО эти три бригады, а также отдельный польский партизанский отряд под командованием Л. Луцевича – всего – 1863 человека⁸⁵ – были переданы в оперативное подчинение созданному на основе кадров УШПД Польскому штабу партизанского движения. Часть из них была вскоре расформирована, а часть продолжила боевую деятельность на территории Польши.

Если учитывать поляков, служивших в других соединениях УШПД, действовавших на Волыни и в Галиции отрядах РУ ГШ КА и НКГБ СССР, мелких просоветских группах, то можно говорить о том, что всего на территории Западной Украины через ряды советских партизанских формирований прошло до 5 тыс. поляков.

Принимая во внимание масштабы убийств польского населения УПА (до 100 тыс. человек в 1943–1945 гг.), а также усилия, приложенные УШПД, да и другими советскими учреждениями для втягивания поляков в советские формирования, можно утверждать, что цифра в 5 тыс. человек – незначительна. Оказывая в 1942–1944 гг. украинским красным партизанам разнообразную поддержку, польские жители Волыни и Галиции сами крайне неохотно шли в советские отряды, поскольку находились под влиянием антисоветской Армии Крайовой, стремившейся с помощью пропаганды не допустить массового вовлечения поляков в коммунистические структуры⁸⁶.

Для польских советских партизанских отрядов были характерны некоторые взаимообуславливающие особенности. Во-первых, до-

⁸⁵ Из отчета оперативного отдела УШПД о передаче польских партизанских формирований ПШПД, 12 июня 1944 г. (Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. К., 1980. Т. 3. С. 231).

⁸⁶ Инструкция руководства округа АК «Львов»: «Указания относительно советских партизан», «Грабница», 13 марта 1943 г. (ААН. 203/XV–5. К. 103–104).

вольно слабая лояльность коммунистической власти⁸⁷. (С одной стороны, поляки еще в 1918–1920 гг. в целом неодобрительно относились к красным, с другой – население Западной Украины за два года советского правления (1939–1941) не привыкло к системе сталинского тоталитаризма, не стало сопричастно ее «свершениям».) Во-вторых, присутствовала инфильтрация этих формирований агентурой АК, да и немецких спецслужб. В-третьих, в польско-советских отрядах была довольно слабая дисциплина. УШПД, стремясь заманить как можно больше поляков в советские структуры, проявляло большую «толерантность» к прошлому личного состава польских отрядов. В-четвертых, в них наблюдался крайне высокий уровень внутренних конфликтов⁸⁸. В-пятых, для советских польских партизан была присуща особенная brutality в проведении террора против западных украинцев⁸⁹. Последнее было следствием как давних украинско-польских противоречий, постепенно нагнетавшихся до конца 1942 г., так и резни, проведенной УПА в 1943–1944 гг.

Событие, произошедшее в конце 1943 г., вскрыло часть внутренних проблем, свойственных советско-польским партизанам. Часть личного состава ряда польских отрядов Ровенщины, еще не «отформатированная» советскими структурами: в частности, большинство партизан отряда им. Дзержинского, категорически отказалось войти в соединение Роберта Сатановского, поскольку последнее должно было уходить в рейд за Буг⁹⁰. Многие волинские поляки хотели оставаться на месте, чтобы защищать членов своих семей и односельчан от бандеровского террора, а не действовать в интересах Красной армии и нести «знамя социализма» в центральную Польшу.

Чем-то походила, а чем-то и различалась по сравнению с поляками роль евреев в советской партизанской борьбе на территории УССР.

Отличительной чертой участия евреев в сопротивлении было то, что еврейского повстанческого движения – как, скажем, польского

⁸⁷ «Отчет зам[естителя] командира соединения польских партизанских отрядов по разведке Коханского Петра Антоновича», предп. Строкачу, после 19 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 252. Арк. 113–117 зв.).

⁸⁸ См., напр., письмо заместителя командира по разведке партизанского соединения «Еще Польша не сгинела» П. Коханского заместителю по политчасти командира соединения С. Сатановской о беспорядках в ведении разведработы, 25 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 245. Арк. 70 та зв.).

⁸⁹ Радиограмма командования Волинского соединения им. Ленина (Козенко, Волостников) Хрушеву и Строкачу о поведении партизан соединения «Еще Польша не сгинела», 26 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1530. Арк. 153); «Отчетный доклад за период с августа 1943 г. по 1 января 1944 г. о партийно-политической работе в отряде им. Ванды Василевской воинской части 00.15», комиссар отряда предп. для А. Федорова, после 1 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 21. Арк. 47–52).

⁹⁰ *Juchniewicz Mieczysław*. Na Wschód od Bugu... S. 59.

или украинского – как такового в Украине в годы Второй мировой войны не было. (К слову, этим ситуация отличалась и от событий 1918–1920 гг., когда еврейские формирования играли хоть и мало-значимую, но самостоятельную роль⁹¹.) Для объяснения этого факта не обойтись без предыстории событий.

В Советском Союзе примерно до второй половины 1940-х гг. коммунисты, в отличие от антисемитских властей косной Российской империи и этнократической межвоенной Польши, предоставили еврейскому населению долгожданное равноправие и способствовали интеграции еврейского меньшинства в культуру страны, государственное управление, экономику и т. д. В целом эта политика приводила к довольно быстрой ассимиляции евреев. В 1930 г. ЦК ВКП(б) упразднил все еврейские секции в национальных компартиях, и к 1939 г. в УССР не осталось ни одной еврейской политической организации. Советские евреи участвовали в партизанских формированиях в общем так же, как и граждане СССР других национальностей.

В Западной Украине ситуация была несколько иная. В межвоенной Польше существовали различные еврейские политические силы⁹². В соответствии с духом времени, самой популярной из них была действовавшая во многих странах Европы праворадикальная военизированная организация «Бейтар», пользовавшаяся благосклонным вниманием Бенито Муссолини. Основатель этой партии Владимир Жаботинский подчеркивал, что каждый честный сионист обязан в меру сил бороться с наследием Маркса: «Весь процесс строительства коммунизма, даже если он происходит где-то там, на другом конце планеты, в Мексике или в Тибете, наносит ущерб строительству Земли Израиля. Каждый провал коммунизма – в пользу сионизма... Для сионизма коммунизм – как удушающий газ, и только как к таковому можно к нему относиться»⁹³.

В отличие от ОУН «Бейтар» не представлял угрозы для территориальной целостности межвоенной Польши и действовал там вполне легально. Поэтому, когда СССР в 1939 г. захватил Западную Белоруссию и Западную Украину, а в 1940 г. – и Виленский край, НКВД было сравнительно просто выявлять и репрессировать партактив ев-

⁹¹ *Тиченко Я.* Еврейские формирования Западной Украины. Гражданская война // Альманах «Егупец». № 12. URL: http://judaica.kiev.ua/Eg_12/Eg12-10.htm

⁹² *Гон М.* Из кривдою на самоті. Українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі. Рівне, 2005. Passim.

⁹³ *Жаботинский В.* Сионизм и коммунизм. 1932. URL: <http://www.antho.net/library/blau/zj/zjse2.html#linktostr93>

рейских радикальных националистов. В концлагерь угодил, в частности, проживавший в Вильнюсе комендант «Бейтара» в Польше, будущий премьер-министр Израиля Менахим Бегин⁹⁴. А потом последовало немецкое вторжение, в ходе которого нацисты завершили разрушение местных политических еврейских структур, поскольку уничтожали всех евреев и представителей других национальностей еврейского происхождения. Поэтому никакого организующего звена, могущего послужить основой для еврейских партизанских отрядов, не осталось. Группы выживания беглецов из гетто и концлагерей не имели военно-политических целей и, в зависимости от обстоятельств, примыкали к любой силе, с общей тенденцией тяготения к красным, поскольку последние декларировали интернационализм и нередко его придерживались.

В принципе еврейское население Украины в годы войны в той или иной степени было представлено во всех сторонах военного противостояния – советских партизанских формированиях, местной коллаборационистской полиции, Армии Крайовой и, наконец, даже в УПА⁹⁵. Этим евреи в данном случае отличались от украинцев, по понятным причинам не принимавшимся в АК, и от поляков, по аналогичным основаниям не попадавшим в ряды бандеровцев.

Евреи составляли на 1930 г. 6,5 % населения Украины, но в одиннадцати крупнейших украинских партизанских соединениях, как было показано выше, доля евреев достигала всего 2,11 %. По другим данным, в формированиях УШПД было 3 % евреев⁹⁶.

Связано это было с несколькими причинами.

Большинство еврейского населения Украины проживало в западных или правобережных областях УССР, где советские партизанские формирования в 1941–1942 гг., т. е. как раз в период наибольшего разгула нацистского антисемитского террора, действовали крайне слабо. Собственно само еврейское меньшинство в 1941–1942 гг. не оказало массового вооруженного сопротивления нацистам. На это косвенно указывалось в датированном 1 ноября 1942 г. отчете гитлеровского функционера, генерал-комиссара Волыни-Подолья Шене Эриху Коху: «О еврействе можно сообщить немного, поскольку в большинстве областей проведено окончательное переселение (нацистский эвфемизм для ареста и истребления евреев. – А. Г.); только в настоящий момент можно чаще заметить, что этот сброд защищается, и в послед-

⁹⁴ Бегин М. В белые ночи. М., 1993.

⁹⁵ Гогун А., Вовк А. Евреи в борьбе за независимую Украину // «Корни». № 25. (Январь–март 2005 г.).

⁹⁶ Подсчет по: *Елисаветский С.* Полвека забвения... С. 74.

ние дни снова членам караульных команд, исполняющих задания по переселению, нанесены тяжелые ранения»⁹⁷.

Для бегущих в леса, болота и горы евреев ситуация усугублялась тем, что Волынь немцы более или менее контролировали до начала 1943 г., а Галицию – до начала 1944 г. Поэтому большинство еврейских групп уничтожилось или влачило жалкое существование. Специфическая судьба одной из них, вероятно, самой крупной в Западной Украине, заслуживает отдельного короткого рассказа.

Документы Украинского центрального комитета партии зафиксировали на западной Станиславщине в лесах около города Долина действия разбойничьей шайки интернационального состава, руководимой украинским главарем Стахом (по другим данным – Гринем) Бабием⁹⁸. Подавляющее большинство его «подданных» (в т. ч. «боевая подруга») представляли собой бежавшие из гетто и лагерей евреи, среди которых было много врачей, дантистов и предпринимателей. Они прибились к лихим лесным жителям, объективно действующим вразрез с волей ненавистных властей. Банда проводила грабительские нападения, сопровождавшиеся убийствами, но в населенных пунктах, отдаленных от «штаб-квартиры организации», главарь не хотел ссориться с соседствующим населением.

Власти, хотя были информированы о месте пребывания шайки, выжидали, только один раз проведя операцию, которая ограничилась, впрочем, обстрелом леса. Полиция вела оперативную разработку этой смеси ОПГ с группой выживания, все время наблюдая контакты банды среди мирных жителей. Украинский чиновник на немецкой службе свидетельствовал, что речь шла о сотрудничестве: «Местное население, видя такую ситуацию, начало чем дальше, тем больше завязывать взаимоотношения со многими евреями банды, имея с этого большие материальные выгоды. ...Между местным населением и бандой развернулась такая торговля, что начали происходить почти формальные ярмарки, а хорошие врачи и дантисты-евреи начали получать все больше пациентов из местного населения. Обыденными стали факты привода из леса к больным в село врачей-евреев. Банда Бабия выросла со временем до примерно 500 человек, а когда 21 сен-

⁹⁷ Сообщение о ситуации в сентябре–октябре 1942 г. главы генерального комиссариата Волынь-Подолье [Шене] рейхскомиссару Украины Э. Коху, 1 ноября 1942 г. (В.А.В. R6/687. Bl. 15).

⁹⁸ См. показания выживших подельников Бабия: Раттенбаха Зания (1945 г.), Видмана Баруха (20 июля 1945 г.), Доры Шустер (30 августа 1946 г.): *Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego w Warszawie, sygn.: 301/148, 301/510, i 301/670*. Документы любезно предоставлены Джоном Химкой.

тября [1943 г.] к банде присоединилось 200 татар[-перебежчиков], немецких добровольцев с полным вооружением, которые должны были создавать вроде как вооруженную охрану банды, атаман Бабий начал считать себя настоящим господином целой округи»⁹⁹.

«Лесные жители» попали в поле зрения и подполья ОУН, пристально следившего за ночной жизнью Западной Украины. В документации националистов Бабий четко назван атаманом именно криминальной банды, а не отряда с политическими целями. В то же время, как следует из сообщения безвестного бандеровского подпольщика, этот главарь, очевидно, обращал внимание на положение на фронтах: «В последнее время [атаман] объявляет себя [и своих людей партизанами-]большевиками»¹⁰⁰.

Терпению немцев пришел конец, и с 29 по 31 октября 1943 г. полиция, силы которой, по сведениям бандеровцев, насчитывали до 2 тыс. человек (включая конницу), вооруженных, среди прочего, бронеавтомобилями и артиллерией, приступила к ликвидации своеобразного вооруженного формирования. Очевидно, что атаман был не профессионалом военного дела, а уголовником: «Немцам удалось подойти неожиданно под сам лагерь Бабия, вследствие чего в их руки попало ок[оло] 150 человек. Немцы потеряли 1 убитыми и 8 ранеными. Остаток банды и сам Бабий спаслись бегством»¹⁰¹.

Леса были прочесаны, банда рассеяна, т. е. в целом ликвидирована, после чего в городке Долина состоялся показательный суд как над членами формирования Бабия, так и над их «партнерами», выявленными среди мирного населения. Часть пойманных (преимущественно старые и больные) была отпущена, часть отправилась в заключение, а десятки людей – в том числе украинцы, поляки и евреи – прилюдно расстреляны: «Также на приготовленных виселицах повесили 6 татар, которые при повешении кричали: “Сталин – ура!”»¹⁰².

⁹⁹ Документ Отдела информации и прессы Украинского центрального комитета, информационное сообщение «События в Долине», 4 ноября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3959. Оп. 2. Спр. 132. Арк. 66).

¹⁰⁰ Докладная записка подпольщика ОУН: «Станиславщина. Общественно-политический обзор за период с 25-го сентября по 25-го октября 1943 г.», не ранее 25 октября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 132. Арк. 15).

¹⁰¹ Докладная записка подпольщика ОУН: «Станиславщина. Чрезвычайное донесение о политических событиях за период с 25.10 до 7.11.1943 г.», 11 ноября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 132. Арк. 26).

¹⁰² Документ Отдела информации и прессы Украинского центрального комитета, информационное сообщение «События в Долине», 4 ноября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3959. Оп. 2. Спр. 132. Арк. 67).

С самого начала войны правителям СССР из разных источников потоком поступали сведения о полном истреблении евреев. Однако никакого особенного внимания к «еврейскому вопросу» – в отличие от «польского вопроса» – зафронтовыми органами управления украинскими партизанами Украины не зафиксировано. Вероятно, поскольку каких-то далеко идущих политических планов по отношению к евреям у правителей УССР не было, то и судьба еврейского меньшинства их интересовала мало.

С другой стороны, отношение населения Украины к евреям в 1930–1940-е гг. было недоверчивым. Особенно антисемитские настроения были распространены среди украинцев. При этом неприязнь украинцев и евреев не достигала того накала, как украинско-польское противостояние в западных областях УССР. Сдержанно-негативное отношение к евреям не исключало вспышек насилия, в частности, летом 1941 г. на территории Западной Украины прошли еврейские погромы¹⁰³. Но встречались и, наоборот, случаи помощи евреям со стороны украинцев, укрывавших своих соседей в годы Холокоста¹⁰⁴. При этом на отрицательное отношение большинства славян УССР к евреям указывали различные немецкие органы. Украинский писатель Николай Шеремет в своем послании Хрущеву заявил о том, что немцы привлекли к себе часть украинского крестьянства в том числе и «антисемитизмом, видимостью национальной политики»¹⁰⁵.

Как свидетельствовал секретарь подпольного Каменец-Подольского обкома КП(б)У Степан Олексенко, антиеврейские настроения разжигали нацистские агитаторы, стремясь заразить юдофобией как можно больше народа: «В каждом городе издают газету на украинском языке... Выпускают много воззваний, листовок и красочных плакатов. Во всех изданиях помешались на жидо-большевизме. Любая тема – все виноваты жидо-большевики»¹⁰⁶.

¹⁰³ *Musial Bogdan*. «Kontrevolutionäre Elemente sind zu erschießen»: Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. Berlin; München, 2000. Passim.

¹⁰⁴ *Сусленький Я. М.* Справжні герої. Про участь громадян України у рятуванні євреїв від фашистського геноциду. К., 1993. Passim; *Torzecki Riczard*. Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1993. S. 137; *Ковба Ж. М.* Людяність у безодни печла. Поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання». К., 1998. Passim.

¹⁰⁵ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 13).

¹⁰⁶ «Доклад о каменец-подольских партизанах по состоянию на 1 августа 1943 г.», начальник Каменец-Подольского областного штаба партизанского движения С. Олек-

Присутствовало неделикатное отношение к евреям и в советских отрядах, в том числе на уровне обвинений в бытовом фатализме.

Упомянутый врач Альберт Цессарский, издали наблюдавший массовый расстрел, в интервью спустя много лет полувозмущенно удивлялся «безмолвию»¹⁰⁷ жертв.

Согласно воспоминаниям бежавшего из гетто Льва Додика, при приеме в партизанскую кавалерийскую бригаду им. Ленина его «принструктировали»: евреи «шли на убой, как стадо баранов», и Додик не должен быть таким же трусом¹⁰⁸.

Антон Бринский вспоминал, что под его началом оказался бывший варшавский предприниматель Гараскин, явно потерявший рассудок из-за пребывания в гетто и смертельной опасности. Он подбивал Н. Конищука бежать в Америку, используя якобы припрятанные драгоценности. Партизаны были раздражены «антисоветскими разговорами» умалишенного, не смогли добиться от него раскрытия места расположения мифического клада: «Пришлось нам избавиться от варшавского капиталиста. А золото его так и лежит, наверное, до сих пор зарытое где-то в Вольтских лесах»¹⁰⁹.

Более того, командир одного из отрядов, подчиненных Бринскому – И. Насекин, вообще хотел совершить разбойное нападение на еврейский лагерь Н. Конищука, в том числе захватить там оружие. Впрочем, за недисциплинированность и иные проступки И. Насекин был расстрелян своим же командованием¹¹⁰.

Дмитрий Медведев, в самом начале сентября 1942 г. запросил по рации своего руководителя – начальника 4-го управления НКВД СССР Павла Судоплатова о том, что делать с группами выживания: «Вокруг нас встречаются группы евреев, по 10–20 человек, которые сбежали из-под расстрела. Их жены и дети расстреляны. Они жаждут мести. Можно создать партизанский отряд. Необходимо оружие и боеприпасы»¹¹¹. Судоплатов решил передать возникший «мобилизационный резерв» в другое ведомство, и передал сообщение в Цент-

сенко в ЦК КП(б)У и УШПД, после 10 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 10. Арк. 74).

¹⁰⁷ Интервью с А. Цессарским (1920 г. р.), ветераном отряда НКГБ «Победители», 4 ноября 2009 г. // ЛААГ.

¹⁰⁸ Додик С. Судьба и жизнь мальчика из расстрелянного гетто. URL: <http://www.proza.ru/2004/01/10-149>

¹⁰⁹ Бринский А. По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. Кн. 2. М., 1961. С. 70.

¹¹⁰ Елисаветский С. Указ. соч. С. 79.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 220. Цит. по: *Musial Bogdan*. Sowjetische Partisanen. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn, 2009. S. 390.

ральный штаб партизанского движения. Пономаренко 7 сентября 1942 г. сделал пометку на сообщении коллеги: «Майору (слово неразборчиво). Установить связь с этими людьми, создать самостоятельный отряд». Однако отряду не суждено было возникнуть. Медведев, очевидно, получив от Судоплатова соответствующее распоряжение, решил послать евреев в Белоруссию в сопровождении группы бойцов. По свидетельству Альберта Цессарского, партизаны вместе со своими подопечными, немного отойдя от основной стоянки «Победителей», решили встать на отдых. Евреи отказались рыть канавы для обустройства стоянки, что вызвало недовольство конвоя. По словам ветерана, в походе вдруг выяснилось, что покидать Волынь эта группа также не захотела, т. к. не хотела оставлять припрятанное золото¹¹². Рассказ врача выглядит сомнительным, особенно если учитывать, что евреи в большинстве своем по роду предвоенных занятий не были приспособлены к физическому труду, а также психологически травмированы нацистскими репрессиями. Именно это могло стать причиной отказа заниматься земляными работами. Так или иначе, по воспоминаниям Цессарского, партизаны, не дойдя до Белоруссии, отпустили евреев, что называется, «на все четыре стороны» и вернулись на базу.

Хотя с антисемитизмом командование соединений с большей или меньшей интенсивностью боролось. Например, по свидетельству капитана ГБ Короткова, 23 марта 1943 г. в 6-й роте Путивльского отряда Сумского соединения боец роты назвал женщину-бойца, еврейку по национальности, «жидовкой», после чего она пожаловалась комиссару соединения Семену Рудневу: «Тот вызвал политрука роты и в присутствии моем и ряда других дал установку: “Соберите роту, в присутствии всех бойцов набьете ему морду, если он повторит – будет расстрелян. Завтра об исполнении доложите”»¹¹³.

Украинский ученый Стер Елисаветский описал историю освобождения ковпаковцами на Тернопольщине Скалатского гетто, по какой-то причине взяв данные из советских мемуаров Вершигоры¹¹⁴. Якобы Ковпак предложил группе евреев добровольный выбор: кто хочет – идти с отрядом, а остальным – оставаться среди местного населения. По воспоминаниям Вершигоры, за ковпаковцами пошла только часть освобожденных. При этом здравый смысл подсказывает, что в июле

¹¹² Интервью с А. Цессарским (1920 г. р.), ветераном отряда НКГБ «Победители», 4 ноября 2009 г. // ЛААГ.

¹¹³ Докладная записка капитана ГБ Короткова Строчаку о ситуации в Сумском соединении, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 25. Арк. 23).

¹¹⁴ *Елисаветский С.* Полвека забвения... С. 148.

1943 г. любой узник гетто, поставленный перед таким выбором, заявил бы о собственной прирожденной пригодности к строевой службе и природной склонности к партизанской борьбе. Вероятно, сами ковпаковцы, не желая обременять отряд женщинами и детьми, произвели соответствующий отбор. Разведсводка АК говорила об отношении партизан Сумского соединения к евреям: «Встреченные еврейские лагеря распускают, однако относятся к ним [евреям] недоброжелательно и не забирают с собой»¹¹⁵. Далее, по сообщению информатора «Загорского», в соединении Ковпака в ходе похода в Карпаты утомленность вызвала обострение межнациональных отношений: «Некоторые партизаны желают скорого окончания войны. Очень не хотят нести службу евреи (возможно, как раз изможденные жители Скалатского гетто. — А. Г.), за что их ругают партизаны. Дисциплина в отряде заметно пала, объясняется это усталостью в рейде»¹¹⁶. Неодобрительное отношение ковпаковцев к евреям отметили составители бандеровского разведсообщения от 23 июля 1943 г.: «Своих убитых партизаны хоронят, только евреев оставляют, не закапывая»¹¹⁷. Спустя две недели националисты обратили внимание на усталость партизан, внутренние неурядицы: «...(антисемитизм, напр[имер], не дают евреям (слово неразборчиво, возможно — «[ес]ть»). — А. Г.), стреляют друг в друга»¹¹⁸.

В Черниговско-Волынском соединении проявлений юдофобии было куда меньше. Федоровцы часто оказывали помощь еврейским группам выживания. Например, в дневнике отряда им. Калинина есть запись: «28.8.42. В Парчевском лесу немцы совершили налет на евреев. Группы партизан в количестве 75 чел. пошли на помощь евреям. В результате боя убито 7 немцев, ранено 5 немцев. Отличились Колубснгов, Бойченко»¹¹⁹. В конце октября 1943 г. на Волыни в отряд

¹¹⁵ Разведывательное сообщение округа «АК—Львов»: «Акция саботажно-диверсионная большевицких банд в днях 06.07—17.07», «33», не ранее 17 июля 1943 г. (ААН. 203/XV—25. К. 4).

¹¹⁶ Радиограмма информатора «Загорского» Строкачу о состоянии Сумского соединения, № 178, 11 июля 1943 г. (по другим данным — 24 июля 1943 г.) (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 54).

¹¹⁷ Донесение территориального центра ОУН о деятельности советских партизан на территории Надвирянского уезда Станиславской (сейчас — Ивано-Франковской) области, 23 июля 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 80).

¹¹⁸ Сообщение подпольщика ОУН: «Донесение. Ч. 6. Сведения о деятельности партизан в Надвирянском уезде от 19.07—3.08.43 г.», не ранее 3 августа 1943 г. (Там же. С. 105).

¹¹⁹ Дневник боевых действий отряда им. Калинина Черниговско-Волынского соединения, командир отряда Ковалев и др., запись от 28 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 103. Арк. 18 зв.).

им. Сталина просилась группа евреев с семьями, на переговоры к ним выехал командир Григорий Балицкий, после беседы иронически-сочувственно записавший в дневнике: «Нужно сказать, что воины из них очень храбрые – один кривой, другой слепой, а третий – так и черту негодный. Ну, что же, нужно помочь. Только подумать – 13 месяцев они людей в глаза не видели, как дикари жили в кустах»¹²⁰.

Далеко не всегда отношение красных партизан к еврейским группам выживания было дружественным. Часто прятавшихся в лесах евреев разоружали без включения в советские отряды и оставляли беззащитными в лесу¹²¹. Вероятно, в первую очередь красные партизаны руководствовались личными интересами и императивом оперативной целесообразности, стремясь обеспечить собственный отряд и не обременять его какими бы то ни было семьями. Но и ксенофобские чувства в таких действиях играли определенную роль.

Одним из отличий евреев от поляков – в отношении участия в советской партизанской борьбе – было то, что УШПД выступал против создания отдельных еврейских отрядов: в этом не было политической потребности. Возможно также, что Строкач и кураторы штаба из ЦК КП(б)У опасались дать повод нацистской пропаганде и агитаторам украинских и польских националистов лишний раз выставить советских партизан орудием «иудо-большевизма». Евреи были более или менее равномерно рассредоточены по соединениям и отрядам УШПД, НКГБ СССР и ГРУ. 90 % евреев-партизан служило простыми бойцами, 8 % было выдвинуто на командные должности, и 2 % служили политруками или комиссарами¹²². В одном случае еврей возглавлял соединение – речь идет о Роберте Сатановском, командовавшем подчиненным УШПД польским соединением. В целом же в Украине была та же ситуация, что и на других оккупированных территориях СССР: «Еврейский элемент присутствовал в партизанских соединениях, но не был ни руководящим, ни очень многочисленным»¹²³.

В разведсводках и сообщениях ОУН о советских партизанских отрядах периодически встречаются упоминания о наличии в рядах красных значительного количества представителей еще одного национального меньшинства Украины, беспощадно истреблявшегося

¹²⁰ Дневник Балицкого, запись от 5 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 22).

¹²¹ *Елисаветский С.* Полвека забвения... С. 75.

¹²² Подсчет по: *Елисаветский С.* Полвека забвения... С. 74, 313–384.

¹²³ *Hesse Erich.* Der sowjetrussische Partisanenkrieg... S. 136.

нацистами – цыган (рома)¹²⁴. Однако внутренняя документация соединений УШПД сколько-нибудь заметного участия цыган в коммунистических формированиях не фиксирует. Вероятно, бандеровцы, особенно представители низового звена ОУН, принимали некоторых уроженцев Кавказа и Средней Азии, а также татар, за цыган, привычных для западных украинцев.

¹²⁴ Воспоминания ветерана Лельчицкой партизанской бригады ГРУ Т. Марковской (Горбунцовой) [публикацию подготовили: А. Гогун, М. Сегович] // Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі. 2009. № 1 (5). URL: www.holocaust.kiev.ua

5. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

Тематика двух следующих глав отнесена к разряду «проблемных» по одному основанию – конфронтации советской и постсоветской историографической традиции с исторической памятью населения Восточной Европы. В работах ряда авторов партизаны питаются и одеваются в основном за счет противника, при всем этом воюют сталинские диверсанты не среди деревень и местечек, а как будто в пустыне. Нередко вся история советской зафронтальной борьбы рассматривается сугубо через призму оперативной необходимости или военной составляющей деятельности партизан. Между тем в сознании у переживших оккупацию свидетелей, а также у их потомков партизаны, как правило, выступают субъектами, обиравшими мирных жителей. Но наиболее сильный акцент в народной памяти делается на то, что красные навлекали на головы мирного населения карательные акции нацистов. Поэтому эти две внешне разные проблемы – материальное обеспечение партизанских формирований и вопрос о провоцировании террора – и рассматриваются в данной работе в одном разделе.

5.1. Обеспечение партизан продовольствием и одеждой

Любой, кто пытается изучать систему материального обеспечения красных партизан, прежде всего сталкивается с тем фактом, что этой системы не было. Центры подготовки партизан – будь то НКВД или партизанские школы УШПД и ЦШПД – обучали командос тому, как подрывать мосты, стрелять в противника, жечь скирды хлеба, вербовать агентуру, а вот о том, откуда будут брать еду и одежду партизаны, после того, как у них кончится сухпак, а мундир износится – никакой сколько-нибудь подробной инструкции до настоящего момента историками не обнаружено. Сказывалось общее отношение советского начальства к человеку.

В документах высшего уровня в 1941–1942 гг., касающихся вопроса поставок продовольствия в партизанские отряды, бегло использовался расплывчато-загадочный термин «самообеспечение», или же фраза «партизаны существуют за счет местных ресурсов»¹.

Поэтому деятельность командиров по добыче продуктов питания и одежды для себя и своих подчиненных была с самого начала импровизацией. Незначительным исключением была закладка еще на советской территории партизанских баз и складов, от которых, впрочем, отряды вскоре отогнали немцы или полиция. Впоследствии часть продуктов питания партизаны выпрашивали у селян. Особенно этот метод был распространен там, где партизанские отряды оставались в районах своего создания. В этом случае до войны будущие партизаны были соседями мирных жителей, а нередко – родственниками или друзьями. В частности, жители Корюковского района Черниговской области довольно спокойно вспоминали о том, как ночами в их хаты заходили партизаны, просившие и получавшие от хозяев пропитание в достаточном количестве². Уже упоминавшаяся Раиса Сидорчук, жительница расположенной на севере Ровенщины Старой Рафаловки, утверждала, что поначалу, т. е. во второй половине 1942 г., отношения ее односельчан с партизанами расположенного рядом советского отряда были дружественными: «Мы встречались с ними, вместе пели песни, помогали им продовольствием...»³ Но большинство соединений УШПД было рейдовыми отрядами, а командное ядро групп НКВД СССР и ГРУ – даже стационарных – составляли люди, не укорененные в местном населении, присланные из-за линии фронта. Кроме того, немцы и полиция периодически предпринимали антипартизанские операции, вынуждая «местные» партизанские отряды уходить в малознакомую или незнакомую для них местность.

В этом случае партизаны прибегали в основном к реквизициям.

В первую очередь нужные для партизан вещи изымались у коллаборационистов – полицейских, старост, сотрудников различных учреждений и агентуры немецких силовых органов. Еда и одежда у семей этой категории лиц забирались полностью. Как уже упоминалось в главе «Террор», Центр приказывал уничтожать имущество

¹ Запрос Пономаренко в ГКО о разрешении отпускать партизанам, действующим в особо трудных условиях, продовольствие, конец декабря 1942 г. (Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг... С. 496–497).

² 1) Интервью с Шарым Иваном... // ЛААГ. 2) Интервью с Разстольным Федором... // ЛААГ. 3) Интервью с Лапитан Дарьей (1930 г. р.), жительницей с. Перелюб Корюковского р-на Черниговской области, 13 августа 2006 г. // ЛААГ.

³ *Боярчук П.* Трагедія Старої Рафалівки...

«нацистских пособников». Неудивительно, что все, что партизаны в этих случаях не разрушали, портили или сжигали, они присваивали себе.

По мнению немецких разведчиков, глава Черниговско-Волынского соединения использовал направленные против коллаборационистов «хозяйственные операции» в качестве своего рода материального поощрения партизанам: «Оставшись один, [Алексей] Федоров стал подбирать выходящих из окружения офицеров и солдат, многих ему удалось завербовать под силой оружия, многих задержал при себе, спаивая водкой и обещая личную наживу за счет грабежей представителей оккупационных властей, назначенных на службу из числа русских и украинцев. Он убивал старост и членов полиции, а их ценности: одежду и имущество, раздавал своим бандитам»⁴.

Записи дневника командира одного из отрядов этого соединения Григория Балицкого показывают, что обобщение немецких разведчиков было не лишено основания: «15 сентября 1942 г. ... Я принял решение проучить полицию с. Корма [Белоруссия]. В 19.00 двинулись в село по разгрому полиции. На эту операцию взято 55 чел. и вот часовые стрелки показывают 22.30, партизаны в селе. В это время все улицы были охвачены народными мстителями. Пошли дела. Полицейские хозяйства уничтожались с кодлом (т. е. вместе с семьями. – А. Г.). Необходимые вещи для партизан изымались. В селе Корма провозились до утра. Эта операция дала возможность пополнить базу продуктов питания. Хлеба, мяса и яиц в достаточном количестве. Ребята зажили по-настоящему.

16 сентября 1942 г. Настало утро дележки, делили хлеб, яички и свиней. Много неприятностей через товарищей из группы автоматчиков тов. Ковалева. Было решено, чтобы все вещи и продукты после операции делить пропорционально между группами, но вышло так, что сам Аллах не разберет. Ковалевцы еще в деревне разобрали почти все вещи, забранные у полицейских»⁵.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Сумском соединении: «Согласно приказа № 200 по отряду [от 15 ноября 1942 г.], все изъятое имущество полицейских, бургомистров со складов немцев поступает в распоряжение хоз[яйственной] части и затем распределяется. Но не

⁴ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 23). Служебный перевод советских органов.

⁵ Дневник Балицкого, записи от 15 и 16 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 1).

так получается, вещи поступают в хоз[яйственную] часть, а оттуда не получишь, куда девается это все – неизвестно»⁶.

При проведении реквизиций применялся классовый подход. Зажиточные крестьяне и состоятельные жители небольших городков основательно ограблялись, а то и убивались. Причем, как правило, вопрос о том, проявляли ли они какую-то ненависть к коммунистам, или были лояльными советскими гражданами, при этом не стоял. Речь шла, прежде всего о западных областях УССР, поскольку в советской Украине не так уж и много представителей «мелкобуржуазного элемента» пережило события 1918–1921, 1929–1933 и 1937–1938 гг. Разведсообщение АК говорило о том, что красные на Тернопольщине в августе–сентябре 1943 г. «обеспечивают себя провиантом по деревням, где часто за питание платят... В местечках грабят магазины и склады немецкие и украинские... В паре случаев отнимали у крестьян премию, полученную за выполненные поставки сельхозпродуктов [немцам]»⁷. Согласно документам того же польского националистического подполья, на территории западной части Львовской области в начале 1944 г. появились «снова мелкие партизанские отряды. Грабят [государственные] имущества и богатых хозяев, не исключая поляков»⁸.

Но полицейских, старост и кулаков в любых областях было сравнительно с остальным населением немного, к тому же, партизанам в каком-то крупном селе не всегда было удобно и безопасно их искать, да и время на такие поиски партизаны не всегда хотели тратить. А партизанские отряды насчитывали сначала десятки, а потом сотни и тысячи человек. Поэтому и реквизиции, то есть насильственные изъятия провианта, одежды и другого необходимого для ведения партизанской борьбы имущества у мирных жителей приобрели значительные масштабы.

Сведения об этом стали поступать немцам сразу же после начала войны. В сообщении СД о ситуации на Житомирщине в июле–августе 1942 г. подчеркивалось: «Здесь население постоянно жалуется на то,

⁶ Докладная записка бывшего политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева Строкачу о состоянии соединения, 28 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 149).

⁷ Разведсообщение команды львовского округа АК: «Рапорт политический. Дела диверсии большевистской», «Юхас», 18 сентября 1943 г. (AAN. 203/XV–28. К. 71, 71а).

⁸ Разведсообщение команды львовского округа АК: «Инспекторат Гродек Ягеллонский: сводка официальная информационная», «Яснота», после 10 марта 1944 г. (AAN. 203/XV–28. К. 129).

что оно ночами под угрозой насилия подвергается разграблению и вымогательствам бандами и разбитыми войсками [Красной армии]»⁹.

Через год в аналогичной сводке германских спецслужб партизаны представлены вообще как простые криминальные элементы, хотя масштаб описываемых событий говорит о том, что это были подчиненные многочисленных штабов и других инстанций «Большой земли»: «Во всех занятых восточных областях грабительские нападения в ежедневном порядке вещей... Одиночки многократно пытаются – сначала прося или воруюя – получить продукты питания. Собираясь же в группы, и сумев получить оружие, они угрожают насилием и безоглядно расстреливают на месте несговорчивых, или тех, кто вообще сопротивляется. (...) В Белоруссии и Украине особенно растет число грабительских нападений. (...) Из округа Ровно сообщается о дальнейших 12 грабительских нападениях, служащих для самообеспечения бандитов продовольствием. При столкновениях с жандармерией и представителями службы порядка некоторая часть бандитов застрелена... Количество грабительских нападений в округе Житомира за несколько дней достигло 46... (...) В районе Куликовки [в Черниговской области] около 150 уличных бандитов вошли в деревню Переходовка и собирали на протяжении трех часов продукты питания у населения, в то время как остальные 150 грабителей, которые были вооружены автоматическим оружием и пулеметами, окружали деревню»¹⁰.

Но далеко не всегда партизаны, особенно из небольших отрядов, были столь предусмотрительны, как в последнем случае. Нередко «хозяйственные операции» приводили к потерям в рядах советских командос. Развернутая аналитическая записка охранной дивизии Вермахта, описывая ситуацию на правобережной Украине, отмечала, что «помощь сельского населения является необходимой, так как партизаны должны прибегать к реквизициям продовольствия в деревнях, в остальное время они находятся преимущественно в непроходимых для нас лесах»¹¹. Стандартное описание действий местной полиции 1941–1942 гг.: партизаны пришли за провиантом в деревню, и, получив отпор, ушли обратно в лес, либо остались на месте проведения «хозяйственной операции» – бездыханными. Например,

⁹ «Сообщение о событиях в СССР № 47», шеф полиции безопасности и СД, 9 августа 1941 г. (BAV. R 58/215. Bl. 228).

¹⁰ «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 17», шеф полиции безопасности и СД, 20 августа 1942 г. (BAV. R58/60. Bl. 2, 6–7).

¹¹ «Отчет о деятельности отдела Ic, [приложение] к военному дневнику охранной дивизии 213», после 1 декабря 1941 г. (BA–MA. RH 26–213/6. Bl. 8).

22 сентября на севере Сумской области (район Ямполья) в село Олино «вошли 3 партизана и собирали продукты питания. Одним полицейским и вооруженными жителями они были неожиданно атакованы и бежали, оставив продукты и 1 винтовку»¹².

Партизан Винницкого соединения Василий Ермоленко вспоминал о том, что в отряде Якова Мельника не было специальной заготовительной команды: «Вот сегодня этот взвод едет за едой, а завтра – другой взвод. Выделяются подводы – на них людей... А потом заходишь в хату: “Пожалуйста, что можете дать?” Чем разживутся, то и привозят... Ну, я с автоматом приду, кто мне чего не даст?.. [Бывало, что] прятали от нас еду, в землю закапывали»¹³.

Методы убеждения крестьян были различны. Командир отряда им. Сталина Григорий Балицкий вспоминает, что в Брянских лесах встретился с партизанским отрядом под командованием Коконьихи (комиссар – Калимуня): «Бойцы этого отряда стали рассказывать, как они в эту ночь били крестьян шомполами, которые говорили, что нет хомутов. Били шомполами не только за то, что говорили, что нет хомутов, а и тех, которые просили, чтобы у них не забирали одежду»¹⁴.

Как правило, в «советских» областях у крестьян забирали лишь часть продовольствия, чтобы не обострять отношения с местным населением. Например, в немецких документах описывается случай, когда на севере Сумщины «в ночь на 17.09.[1942] бандиты вломились в Дедовчину и, угрожая, требовали у жителей продукты питания и предметы одежды. Еда была дана, одежда, впрочем, нет»¹⁵. И даже в Галиции в ходе Карпатского рейда при изъятии материальных ценностей у простых жителей ковпаковцы проявляли определенное милосердие. Бандеровский документ описывает случай, произошедший в Станиславской (сейчас – Ивано-Франковской) области: «В селе Пасечная зашел в одну хату партизан и хотел забрать лошака (помесь кобылы и осла. – А. Г.), тогда старая баба, которая была в хате, начала кричать и проклинать, чтобы он лошака не брал. На ее плач партизан оставил лошака, а просил, чтобы она дала ему есть, так как был голодный, а во время еды рассказал такое, что они очень под-

¹² «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами», местная комендатура I (V) 268, полевая жандармерия, Шостка, 27 сентября 1942 г. (ВА–МА. РН 22/175. Вл. 40).

¹³ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

¹⁴ Дневник Балицкого, запись от 29 октября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 22).

¹⁵ «Сводная тетрадь об опыте в борьбе с бандами», местная комендатура I (V) 268, полевая жандармерия, Шостка, 27 сентября 1942 г. (ВА–МА. РН 22/175. Вл. 40).

робно проинформированы»¹⁶ о ситуации на указанной территории. Отряд действовал среди враждебного населения, поэтому Ковпак перед возвращением из рейда издал приказ: «Основное в предстоящем марше – самое строгое соблюдение конспирации. Ни один боец не должен появляться среди населения, продукты питания у населения необходимо воровать»¹⁷.

С конца 1942 г. УШПД как-то корректировал – в основном, с помощью директивных радиogramм – систему приобретения партизанами материальных ценностей. Но все равно указания Центра оставались противоречивыми. В частности, 23 мая 1943 г., после проведенного на Полесье совещания нескольких партизанских командиров с представителями ЦК КП(б)У и УШПД, была принята пространная резолюция, один из пунктов которой был посвящен «хозяйственным операциям»: «Заготовку продуктов у крестьян проводить только организованно, через существующие хозяйственные команды, которые нужно укрепить наиболее сознательными, передовыми бойцами и командирами»¹⁸. Пока не известны документальные свидетельства о том, что в 1943–1944 гг. командование соединений стало наиболее преданных партизан посылать на заготовку провианта. Вожаки партизан знали, что поощрения и взыскания они будут получать за грамотно проведенные диверсионные и боевые, а не хозяйственные операции.

В этой же резолюции 23 мая 1943 г. «одергивались» и некоторые партизанские вожаки, поступавшие, с точки зрения ЦК КП(б)У и УШПД неправильно: «Осудить и запретить вредную, непартийную практику натуральных налогов на крестьян в тылу врага, проводимую отдельными партизанскими отрядами, которая вызывает недовольство у местного населения и устанавливает неудачные, несоветские взаимоотношения с ним». Ответственные партийные работники в силу своей удаленности от капиталистической системы производства и потребления не могли понять, что, наоборот, продуманная и четкая система взимания своеобразного «оброка» в пользу партизанских соединений и могла быть воспринята крестьянами как законо-

¹⁶ Донесение территориального центра ОУН о деятельности советских партизан в районе сел Пасечная и Зеленая Станиславской области, 22 июля 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 78).

¹⁷ «Приказ по войсковой части 00 117 № 404», Ковпак и др., 5 августа 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 107).

¹⁸ Резолюция совещания членов нелегального ЦК КП(б)У совместно с командирами и комиссарами партизанских соединений Украины, 29 мая 1943 г. (Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. К., 1980. Т. 2. С. 235).

мерное проявление государственной политики, а не как спонтанные и самовольные реквизиции.

Секретарь Каменец-Подольского обкома КП(б)У Степан Олексенко косвенно указывал на недомыслие УШПД в отношении обеспечения партизан: «На так называемые “хозяйственные операции” никто особого внимания не обращает, даже в самих отрядах смотрят на них, как на положенное. А ведь при добыче продуктов питания были крупные операции. Когда весной 1943 г. в июне и в июле месяцах у нас не было хлеба, четыре наших отряда три раза ходили на штурм городов Рокитно и Городница, чтобы отбить себе хлеба. (...) Ну разве можно считать такие операции чисто хозяйственными? Конечно, если бы не надо было ни хлеба, ни соли, то, возможно, и не ввязывались бы в бой. Но, раз надо жить, надо и воевать. Вот так и жили: воевали, отбивали и питались. К партизанам прямо относился лозунг: “Кто не работает, тот не ест”»¹⁹.

Партизан Василий Ермоленко, находившийся летом 1943 г. на излечении в Каменец-Подольском соединении им. Михайлова под командованием Антона Одухи, утверждал, что в отряде продовольственное обеспечение было очень хорошим: «И белый хлеб дают, а я белого хлеба вообще до этого в жизни не видел. Рассказывали, что хлеб – немецкий. Из немецкой пекарни. Те, кто работал там, те давали. Через агентуру Одуха получал там хлеб. Ему старосты возили. Если получают сто буханок, то – пятьдесят туда, пятьдесят – сюда»²⁰.

Воровство продовольствия нередко осуществлялось также по довольно оригинальному методу: НКВД УССР информировал партийные органы, что партизаны одного из действующих на Киевщине отрядов весной 1942 г. «под видом немецкого обоза заехали в село и забрали продукты, приготовленные для немцев»²¹. Проведение тех же «продовольственных представлений» периодически фиксируется и в немецких документах, в частности, конца 1942 г.: «Известны случаи использования партизанами немецкой военной формы. В последнее время неоднократно выступали банды, обеспеченные повязками

¹⁹ «Отчет о работе Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У, областного штаба партизанского движения и соединений партизанских отрядов Каменец-Подольской области, апрель 1943 — апрель 1944», начальник Каменец-Подольского облштаба партизанского движения С. Олексенко Строкачу, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 104, 105).

²⁰ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

²¹ Сообщение заместителя народного комиссара внутренних дел УССР Савченко секретарю ЦК КП(б)У Корнийцу о деятельности ряда партизанских групп на территории Украины, № 71 сп, 26 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 22. Арк. 14 зв.).

организации Годта или вспомогательной охраны, которые грабили и притесняли ничего не подозревающее население»²².

Реквизиции оставались крайне важной составляющей партизанского обеспечения до конца войны. Немецкий документ описывает довольно яркую хозяйственную операцию партизан на территории Каменец-Подольской (сейчас – Хмельницкой) области, проведенную в декабре 1943 г.: «В 35 километрах юго-восточнее Шепетовки бандой численностью 200 человек [совершено] нападение на населенный пункт. Население ограблено, важнейшие здания разрушены»²³.

На территории Люблинского, Краковского, Жешувского и Варшавского воеводств Польши советские партизаны – очевидно, настроенные руководством на исполнение особой политической роли, – проводили довольно организованные изъятия продуктов: «Маленькие большевистские отряды появляются в разных местностях для реквизиции живности. Там, где у них есть контакты с АК, получают живность от руководителей местных команд АК, в других случаях грабят»²⁴. Петр Вершигора вспоминал о рейде по территории Польши: «За все услуги, которые нам оказывало мирное население, за фураж, продукты питания платили деньгами по ценам, в несколько раз выше существующих немецких цен... Единичные случаи мародерства немедленно карались расстрелом на месте перед собранием населения»²⁵.

Свои особенности имело продовольственное обеспечение красных партизан в Западной Украине. С одной стороны, в этом регионе бандеровцы сорвали немцам абсолютное большинство реквизиций 1943 г. Поэтому уже с весны на руках у крестьянства оставалось большое количество продовольствия, которое националисты частично стремились сберечь у себя для грядущей схватки с НКВД. Как писал язвительный политический оппонент бандеровцев Тарас «Бульба» (Боровец), это удавалось не всегда: «Все поставки насиль-

²² Ориентировка командующего немецкими тыловыми войсками на Украине № 7629/800/42 о действиях партизанских разведчиков и борьбе с ними, 19 ноября 1942 г. (Органы государственной безопасности... Т. 3. Кн. 2. С. 607).

²³ «Отчет о ситуации с бандами № 27 за период с 24 по 30 ноября 1943 г.», тыловые органы Вермахта для ОКВ, 12 декабря 1943 г. (ВА–МА. RW 31/250. Bl. 168).

²⁴ Оперативный отчет командования люблинского округа АК, 15 июня 1944 г. (*Kister, Anna Grażina* Meldunki sytuacyjne Komendy Okręgu Lublin АК, mai-lipiec 1944. Lublin, 1998. S. 46).

²⁵ «Отчет о боевой деятельности 1-й Украинской партизанской дивизии имени Дважды Героя Советского Союза генерал-майора тов. Ковпака за время с 5 января по 1 апреля 1944 г.», Вершигора и др., предп. Строкачу, не ранее 1 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 143).

но собирались с населения и “тайно” среди бела дня прятались по выкопанным среди поля и в лесах ямам... На другой день туда набегали большевистско-польские партизаны... все спрятанное имущество выкапывали и вывозили на свои базы в Белоруссии. Таким образом, Украина стала главной базой поставок для массового большевистского партизанского движения в белорусских лесах, где оно испытывало большой недостаток продуктов питания, одежды и обуви...»²⁶

На Полесье красные партизаны часто и охотно разоряли бандеровские схроны с целью поживиться запасами УПА. Например, о таком случае сообщали в УШПД радисты Волынского соединения им. Ленина: «Вскрываемые богатые продсклады националистов, которые могли бы быть препрятаны и переданы РККА, расходуются без всякой пользы, ибо ни население, ни соединение в них не нуждаются»²⁷.

С другой стороны, как уже отмечалось в главе о противостоянии красных с ОУН–УПА, националисты стремились вытеснить партизан со «своей» территории, нападая на их мелкие группы, в том числе «заготовительные команды».

Действия бандеровцев и негативное отношение западноукраинского населения к советским формированиям привело к тому, что, во-первых, большинство красных озлобилось на народ, во-вторых, не видело возможности склонить местных украинских жителей на свою сторону.

Поэтому реквизиции партизан в Западной Украине, если красным позволяла оперативная ситуация, в основном носили характер тотального грабежа (правда, почти не касавшегося внешне лояльного коммунистам польского населения).

Приведем несколько типичных описаний бандеровцами действий их коммунистических коллег.

Юго-западные районы БССР, август 1943 г.: «Красные стараются грабить те территории, которые находятся под контролем УПА, и это приводит к враждебности жителей к красным, а еще больше тяжелая доля – населения из УПА»²⁸. Та же территория два месяца спустя: «10.10.43 г. в Дивини. Религиозный праздник, на который сошло много людей. Во время Божьей службы со стороны Ягвиново приеха-

²⁶ *Бульба-Боровець Т.* Армія без держави... С. 207.

²⁷ Радиограмма радистов А. Хабло и М. Вовчик-Блакитной заместителю начальника УШПД В. Соколову об обстановке в Волынском соединении им. Ленина, вх. № 1488, 2 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1530. Арк. 98).

²⁸ Сообщение подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор Берестейско-Кобринского округа за август 1943 г.», август 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 116. Арк. 3).

ло 4 телеги красных, оцепили церковь и у присутствующих в церкви снимали шубы и обувь...»²⁹ Стык Ровенской и Каменец-Подольской областей, сентябрь 1943 г.: «Заметно красных партизан, которые взрывают железные дороги, грабят села, уничтожают зерно, мобилизуют молодежь в партизаны. Через район 3 раза проходили советские партизаны с востока на запад. По селам все забирают: последнюю соль из солонок, одежду, даже соленые огурцы и мед из ульев»³⁰.

Волинская область, тот же период: «Большевистские партизаны. Действуют в лесах Цуманского района. В этом месяце также начали свои действия в южной части Колковского района... Их работа сведена к беспощадному грабежу. Каждого задержанного обдирают до чиста – из одежды и обуви – и голого отпускают, при этом не обходится без побоев. (...) 14.09. Большевистская банда ограбила с. Берестяны (Цуманский район). Даже сдирали с людей башмаки и одежду на улицах. И все искали членов ОУН»³¹.

Во Львовской области в апреле 1944 г. действия красных носили столь же беспощадный характер: «Первой жертвой этой банды пали с[ела] Товмач и Дальнич. Голодная банда в хатах грабила все, что попало... Забирают буквально всю одежду, даже детскую. Из еды берут хлеб, масло, яйца и сахар; готового и солонины обычно не берут (боятся, чтобы не было отравлено)»³².

В первую очередь имущество забиралось у семей подпольщиков ОУН и бойцов УПА даже в тех случаях, если они оставались в живых.

Некоторые командиры все же были озабочены, если так можно выразиться, «сохранением лица» даже на территории Западной Украины.

Например, в письме 10 декабря 1943 г. командир Ровенского соединения № 2 Иван Федоров предлагал командиру Черниговско-Волинского соединения Алексею Федорову произвести раздел «податных деревень»: «Вижу, что ни хера не получится, если мы не наведем порядок, хотя и нежелательный, но практика показывает, что необходимый в части территорий. Нет того дня, чтобы не докладыва-

²⁹ Сообщение подпольщика ОУН: «Информация с территории Брестской и Кобринской округи от 21 сентября до конца 1943 г.», «Хвиля», 15 января 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 115. Арк. 1).

³⁰ Сообщение подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор по Украине за сентябрь 1943 г.», предп. октябрь 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 26).

³¹ Там же. Арк. 30, 31 зв.

³² Сообщение подпольщика ОУН: «Чрезвычайный отчет ч.: 10. Большевистские партизаны в уез[де] Жовква», «Скала», 8 апреля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 126. Арк. 65).

ли мои люди о встречах в одних и тех же селах с твоими. Результат от этого таков, что тянем от одного же дядьки в день несколько раз. Ясно и справедливо народ обижается. Прошу, давай договоримся и закрепим так, чтобы знал весь личный состав, территорию для заготовки продовольствия, одежды и одновременно разведки и работы с населением... Почему я этого хочу, потом чтобы не пачкали на нашу работу с народом»³³.

Через две недели на территории того же Полесья командир Тернопольского соединения им. Хрущева Иван Шитов писал командиру соседнего отряда с просьбой не проводить реквизиций на «его» территории: «Ваши люди в поддерживающих нас селах и селах района дислокации нашего соединения производят незаконные заготовки хлеба, продовольствия, скота и другое. Несмотря на то что коменданты этих сел, пользуясь специальными нашими указаниями, отказывают в заготовке, Ваши люди, занимаясь бесчинством, сами под силой оружия заготавливают скот, вплоть до волов из повозки (в с. Козярник Хотинский), хлеб, картофель и прочее. Грубят с населением, наносят оскорбления, далеко не достойные Вас и Ваших подчиненных»³⁴.

Такие перебранки, нередко сопровождавшиеся посылкой соответствующих радиogramм в УШПД, оставались типичными до окончания периода оккупации.

Как писал Александр Сабуров, «партизаны всегда обеспечивались пищей. Голодать партизанам приходилось только в отдельных исключительных случаях»³⁵. Как правило, «диета» соблюдалась в сложных рейдах или во время ухода от преследования.

Но всегда наблюдался большой разрыв между обеспечением командно-политического и рядового состава. Василий Ермоленко, служивший в двух соединениях и лично общавшийся в районе украинско-белорусского правобережного Полесья с партизанами А. Федорова и С. Ковпака, сделал вывод: «У начальства всегда все было. Боец может быть голодным, а у них всегда все было – водка,

³³ Письмо командира Ровенского соединения № 2 И. Федорова командиру Черниговско-Вольнского соединения А. Федорову о необходимости упорядочить хозяйственные операции партизан, 10 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 22. Арк. 14).

³⁴ Письмо командира Тернопольского соединения И. Шитова командиру отряда им. Хмельницкого Чубенко о действиях его партизан, 27 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 105. Оп. 1. Спр. 12. Арк. 68).

³⁵ «Доклад о боевой деятельности и партийно-политической работе партизанских отрядов Житомирской области соединения Героя Советского Союза генерал-майора Сабурова... за время с 1 ноября 1941 г. по 1 марта 1944 г.», Сабуров и др., предп. для Строчака (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 218).

все, что хочешь»³⁶. Схожие показания на допросе у бандеровцев дал помощник командира по разведке отряда им. Щорса Ю. Трапезон, сообщая о партизанском питании: «Есть два рода кухонь: 1. Комсоставовская. 2. Рядовая. Это вызывает до определенной меры негодование в отрядах»³⁷.

Нередко командование устраивало для себя «праздники живота». Например, подобным образом вспоминал глава отряда НКГБ СССР Дмитрий Медведев прием, который он устроил Ковпаку в июне 1943 г.: «За столом Сидора Артемовича удивила колбаса, которой мы угощали гостей. Тут и московская, и краковская, и чайная, тут и сосиски, и окорока»³⁸. Командир отряда им. Сталина Григорий Балицкий вспоминал о том, что его периодически приглашал на завтрак его командир – Алексей Федоров. 29 июня 1943 г. «завтрак был исключительно хорош. Был спирт, закуска, жареные грибы, вареные яички, молочная каша, но нельзя забывать и о таком блюде, как жареная свежая рыба»³⁹. Михаил Наумов в дневнике жаловался судьбе на то, что его комиссар Кищинский бездельничает, но при этом «человек живет на свете легко. Никогда ни о чем не думает, всегда хорошо, с большим аппетитом кушает и много пьет. При этом имеет бычье здоровье...»⁴⁰

Напротив, с одеждой и обувью ситуация в отрядах была довольно тяжелая с начала и до конца войны, несмотря на то, что УШПД периодически высылал за линию фронта ограниченные партии обмундирования, нижнего белья и даже верхней одежды. Этот факт косвенно указывает на определенное милосердие партизан при проведении реквизиций у мирного населения, по крайней мере, за пределами Западной Украины. Но и в областях, находившихся под воздействием ОУН–УПА не все соединения постоянно отнимали у мирных жителей одежду и обувь. Донесения бандеровцев и польского националистического подполья 1943–1944 гг. пестрят сведениями о крайне неопрятном внешнем виде партизан, вызванном не только невысоким общим уровнем бытовой культуры в СССР, но и являв-

³⁶ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

³⁷ «Протокол, взятый у гражданина Трапезона Ю. А., который работал командиром партизанского отряда им. Щорса, в разведке», допрос провел «Дорош», присутствовал «Марко», 25 октября 1943 г. (Архивно-судебное дело Завадовского В. А., Сац Я. В., Стоян Б. С., Гурского В. Т. и др. // ГДА СБУ РО. Спр. 18 783. Арк. 423. Пакет № 2. С. 5. Документ любезно предоставлен А. Вовком).

³⁸ *Медведев Д. Н.* Это было под Ровно. М., 1968. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/medvedev/28.html>

³⁹ Дневник Балицкого, запись от 29 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 93).

⁴⁰ Дневник Наумова, запись от 16 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 113–114).

шимся следствием конкретной оперативной обстановки. Характерный пример приводится в отчете начальника Каменец-Подольского штаба партизанского движения Степана Олексенко: летом половина партизан ходила босой, плели лапти: «Что касается нижнего белья, то с этим была катастрофа... Без нижнего белья у нас была половина, если не больше партизан. Ходили как “запорожцы”, которые пропили последнюю рубаху. В связи с этим вши были у нас постоянными спутниками»⁴¹.

Встает вопрос о том, какую часть продовольствия партизаны получали в виде трофеев – в результате нападений на немецкие гарнизоны, хозяйственные учреждения (в частности, гос. имения), склады, а какую – в виде реквизиций у населения? Все это зависело от командира и личного состава отряда – интенсивность боевой деятельности прямо пропорционально отражалась на количестве захваченного в качестве трофеев имущества. При этом даже находившиеся в рейде соединения далеко не всегда обеспечивались за счет врага.

Например, когда в ходе Карпатского рейда ковпаковцы соприкоснулись с идущим на юг Винницким соединением, Семен Руднев 15 июня 1943 г. сделал запись в дневнике: «По рассказам наших разведчиков, сегодня ночью в Сновидовичи делал операцию Мельник, проще не операцию, а грабеж, забрали у населения не только скот, но и носильные вещи. Население и наши бойцы возмущены»⁴². По рассказу ветерана Винницкого соединения Василия Ермоленко, большинство пицци партизаны Якова Мельника в целом получали не от немцев, а «с села»⁴³.

По свидетельству Михаила Наумова, Волынское соединение им. Ленина, с командиром которого сам Наумов находился в латентной вражде, еду и одежду получало в полесских селах: «Майор [Леонид] Иванов – верный отпрыск Сабурова. Вообще непонятно, зачем числится командиром соединения и для чего существует его соединение? Некогда он забрал у меня 200 прекрасных бойцов из Хинельских лесов и с той поры они превратились в армию мародеров, проживающих исключительно за счет населения в удалении от немцев на 200 км»⁴⁴.

⁴¹ «Отчет о работе Каменец-Подольского подпольного обкома КП/б/У, областного штаба партизанского движения и соединений партизанских отрядов Каменец-Подольской области, апрель 1943 – апрель 1944», Олексенко Строчаку, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 106, 107).

⁴² Дневник Руднева, запись от 15 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 22).

⁴³ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

⁴⁴ Дневник Наумова, запись от 2 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 80–81).

Командиры других крупных украинских соединений также заслужили критические отзывы Наумова: «Маликов – не знаю, как и чем вооружен и чего он стоит (соединение Маликова было самым крупным в Украине. – А. Г.). Одно знаю, что надо бы ему иметь совесть и хотя бы один раз выйти из леса. Генерал [Алексей] Федоров, по словам [полковника ГБ] Богуна, играет с 3-х часов утра в карты и никуда не ходит... “Генерал”-старшина [Иван] Шитов (надо сказать, что шитовцы величают своего командира генерал-майором, а все польское население Людвипольского района считает его генералом). Шитов имеет все необходимое, кроме желания выполнять поставленную задачу и опыта в вождении войск и ведения боя, а также расстаться с веселой малиной беспечного проживания за счет населения... Подполковник “Буйный” ([Андрей] Грабчак). Имеет солидную силу и вооружение, но не имеет желания воевать вдали от своих землянок»⁴⁵.

Пассивностью, как уже говорилось, отличалось и соединение Василия Бегмы, а на диверсионных операциях (с пренебрежением к боевым) в 1943–1944 г. концентрировалось также, например, соединение Александра Сабурова. Слабую боевую деятельность вели крупные партизанские отряды НКВД–НКГБ СССР и ГРУ – очевидно, что и они жили в первую очередь за счет мирного населения.

Вместе с тем меньшинство отрядов все же питалось за счет немцев. Например, написавший весьма критическую докладную записку о Сумском соединении чекист Яков Коротков даже в ней вынужден был признать: «Вопрос снабжения продовольствием и фуражами разрешается, как и нужно, за счет складов противника»⁴⁶. История Кавалерийского украинского партизанского соединения, прошедшего три выдающихся рейда, включая один беспрецедентный – Степной – позволяет предположить, что и подчиненные Михаила Наумова в основном столовались у немцев.

Оценивая же методы обеспечения партизанских отрядов едой и одеждой, особо отметим их непродуманность и плохую организацию, вызванные, в первую очередь, нечеткостью установок и рекомендаций Центра на протяжении всей войны. Не была налажена и система пропагандистского обеспечения хозяйственных операций. Все это имело ряд последствий, негативно влиявших на эффективность боевой деятельности формирований УШПД. Во-первых, в том числе из-за подобных реквизиций отношения красных с мирным насе-

⁴⁵ Там же. Арк. 81–82.

⁴⁶ Докладная записка капитана ГБ Я. Короткова Строчаку о ситуации в Сумском соединении, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 55).

нием были далеко не безоблачными. Во-вторых, безграмотно проведенные хозяйственные операции в 1941–1942 гг. в ряде случаев приводили к провалам партизанских отрядов, вплоть до их ликвидации. В-третьих, описанные методы поставок продовольствия и одежды в отряды в определенной степени способствовали развитию бандитизма в рядах партизан, что отрицательно сказывалось на дисциплине бойцов и командиров.

5.2. К вопросу о провоцировании красными партизанами нацистского террора

Мысль о том, что партизаны навлекали на население кары нацистов, вскользь проходила в ряде исследований⁴⁷ и неоднократно поднималась в исторической публицистике, а также в художественной литературе. Указанная проблема стала ключевой идеей в замечательном российско-белорусском кинофильме «Иди и смотри», заслуженно любимом публикой постсоветского пространства, а также довольно известном и ценимом в странах Евросоюза, в том числе в Германии. При этом, к сожалению, до сих пор по-настоящему четко не ставился вопрос: насколько нацистский террор против населения был желателен для политического руководства красных партизан? Для самих советских командос? И если да, то специально ли «рука Кремля» подталкивала «руку рейхсканцелярии» на головы мирных жителей?

С первых дней войны сведения о том, что немцы устраивают кровавую вакханалию в ответ на диверсии, потоком шли из-за линии фронта на все уровни власти.

Уже летом 1941 г. Пономаренко в докладной записке Сталину описывал многочисленные «акты возмездия» после операций партизан. Однако, по мнению первого секретаря Белоруссии, меры давали обратный результат: «Война и зверства немцев еще теснее сплотили колхозников вокруг колхозов, советской власти и партии. Это обстоятельство одно из решающих в деле разгрома врага.

Крестьяне кормят войска, охотно отдают последнее, сами пригоняют войскам скот, выводили и выводят многие подразделения из окружения через линию фронта, рискуя жизнью, прячут красноармейцев, переодевают их в гражданскую одежду, выдают за членов се-

⁴⁷ *Армстронг Джон*. Советские партизаны... С. 12.

мы, несмотря на то что немцы платят жестокими репрессиями, сжигают и расстреливают за помощь Красной армии»⁴⁸.

Как сообщал НКВД Хрущеву в начале 1942 г., подобная ситуация наблюдалась и в Украине: «В ноябре... [1941] г[ода] в г. Орджоникидзе партизаны убили итальянского солдата, после чего итальянские военные власти арестовали 18 местных жителей. В ответ на это партизаны убили еще 20 итальянских солдат. (...) По данным от 30.11.41 г. в г. Горловка партизаны бросили 3 гранаты в штаб итальянской воинской части и убили 2 офицеров. За это оккупанты расстреляли 150 человек мирных жителей»⁴⁹. Аналогичными сведениями пестрят сообщения, хранящиеся в папке донесений на имя руководства НКВД СССР и даже Сталина. Например, спецсообщение для Лаврентия Берии 10 января 1942 г. информировало об «ответных повешениях», учиненных оккупантами в Харькове⁵⁰. На документе стоит подпись заместителя Берии – Ивана Серова.

Методы борьбы немцев с советскими формированиями не менялись и в дальнейшем. Как минимум в одном случае действия украинских партизан даже вызвали нарекание со стороны представителей конкурирующих командных структур. Инструктор оргинструкторского отдела ЦК КП(б)У И. Миронов в мае 1943 г. ознакомился с деятельностью ряда партизанских отрядов, дислоцировавшихся между Десной, Днепром и Припятью на украинско-белорусском пограничье. Общая численность отрядов, подчиненных группе ГРУ «Центр» под командованием майора Смирнова и его заместителя Кузьмы Гнидаша, насчитывала, не считая групп местной сельской самообороны, до 2,5 тыс. человек: «Вооружение отрядов очень слабое... Десятки бойцов вообще не имели никакого оружия. Боеприпасами отряды вообще не обеспечены. (...) Продовольственное обеспечение отрядов очень хорошее... Основной источник продовольственного обеспечения отрядов – местное население. (...) Особых операций против немцев эти отряды не проводили... В некоторых отрядах, как, например, в отряде им. Чапаева, стало развиваться мародерство, пьянство, вождение с женщинами и падение дисциплины. (...) Разведывательные группы

⁴⁸ Докладная записка Пономаренко Сталину «О положении в оккупированных районах Белоруссии», 19 августа 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 480. Л. 159–160).

⁴⁹ Докладная записка «О борьбе советских патриотов с фашистами в оккупированных противником областях Украины. По состоянию на 20.9.1942 г.», Савченко Хрущеву, № 787/сп, 25 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 63. Арк. 64–70).

⁵⁰ «Спецсообщения о боевой деятельности партизанских отрядов, действующих в оккупированных областях УССР», начальник штаба истребительных батальонов НКВД СССР Г. Петров на имя Берии и др., 10 января 1942 г. (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 22. Л. 72).

Главлразведупра и диверсионные группы часто базируются на местных отрядах, подчиняют их себе и используют их для самоохраны, как вооруженную силу... Эти группы для обеспечения выполнения своих задач придерживают при себе отряды на всякий случай. (...) Буквально под носом “Центра” [ГРУ] и [подчиненных ему] отрядов ежедневно и беспрепятственно курсировали вражеские пароходы по Днепру и Припяти – Киев–Чернобыль»⁵¹. Высылая разведывательную информацию за линию фронта, Смирнов и Гнидаш параллельно создавали видимость активной борьбы с оккупантами – очистили от немногочисленной местной полиции довольно большую территорию: «“Центр”, подняв население в этом районе и выборами сельсоветов и созданием групп самозащиты сел, сориентировал население на пассивность борьбы с немцами... В результате чего при наступлении немцев в этом районе самооборона без принятия боя разбежалась, а немцы сжигали села и поголовно уничтожали население. (...) “Центру” по данным разведки отрядов было известно о концентрации немцев на левом берегу Днепра и на правом берегу Днепра, однако, никаких мер предосторожности для отрядов предпринято не было. Даже больше, отрядом т. Таранущенко задолго до наступления немцев был убит немецкий майор, у которого был обнаружен ряд документов и карта, в которых точно было нанесено расположение партизанских отрядов, количественный состав, вооружение, о группах самообороны. Села, подлежащие уничтожению, были обведены на карте красным карандашом... Кроме этого, был захвачен переводчик, который на допросе сообщил о готовившемся наступлении немцев против партизан в этом районе. И даже после этого также никаких мер предпринято не было... “Центр” забрался в лес, осел там... и досиделся до тех пор, пока на них не напали немцы. Таким образом, сознательно или несознательно так называемый “Центр” [ГРУ] и его руководители поставили под удар население и партизанские отряды»⁵². Кузьма Гнидаш, выполняя следующее разведывательное задание, погиб в Белоруссии 19 июня 1944 г., званием Героя Советского Союза он был награжден посмертно 24 марта 1945 г.

Партизанские командиры другого учреждения – УШПД – также четко осознавали, что из-за их деятельности немцы уничтожают мирных жителей. Герой Советского Союза Михаил Наумов в своем днев-

⁵¹ Докладная записка инструктора оргинструкторского отдела ЦК КП/6/У И. Миронова для Коротченко о состоянии ряда украинских партизанских отрядов и киевского подполья, 22 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 8. Арк. 30–31, 32, 35).

⁵² Там же. Арк. 37–38.

нике в самом конце 1943 г. описал прямо-таки апокалипсическую картину: «Еще день пути по зоне опустошения. Сегодня проходили через застывшие и покрытые первым инеем руины знакомых, в июле еще цветущих сел... Села летом еще были целы и полны замечательных людей. Эти люди в короткий срок сделали нам 300 штук седел и отдавали последние свои рогожки на потники. [В] воображении рисуется целый ряд встреч. Где они теперь, эти замечательные старики, женщины с детьми? Кругом мороз в тумане, даже не видно собак, и следов жизни нет. Гитлеровцы вскоре после нашего ухода выжгли все села Городницкого района [Житомирской области], создав зону опустошения. Мертвая тишина. Глухо стучат колеса нашего огромного обоза. Бодро идут откормленные в Эмильчино кони и отдохнувшие бойцы. Нет, не устрасит сыновей этих мертвых сел зона опустошения, колонна бодро идет вперед с железным желанием победить во что бы то ни стало»⁵³.

Для полноты картины можно упомянуть последствия деятельности одного из отрядов, подчиненных еще одному ведомству, организовывавшему партизанскую борьбу – 4-му управлению НКГБ СССР. Именно «Победители» Дмитрия Медведева спровоцировали уничтожение 4-м отдельным галицким украинским полицейским полком⁵⁴ ваффен СС совместно с отрядом УПА польского села Гута Пеняцкая Бродовского района Львовской области. 28 февраля 1944 г. несколько сотен человек было расстреляно и сожжено заживо⁵⁵. Через полгода Дмитрий Медведев получил свою Золотую Звезду Героя Советского Союза (медаль № 4513).

Таблица сожженных немцами сел Украины⁵⁶ составлена на основании книги, которая писалась в советское время под формальным руководством партизанского командира Алексея Федорова, поэтому тщательность работы оставляет желать лучшего – данные страдают неполнотой. Исследования, проведенные Татьяной Пастушенко, позволили выявить ряд украинских населенных пунктов, уничтожен-

⁵³ Дневник Наумова, запись от 9 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 55).

⁵⁴ Протокол допроса информанта НКГБ, имя которого до сих пор охраняется законом Украины о защите личных данных (Поляки і українці між двома тоталітарними системами 1942–1945. Частина перша. Варшава; К., 2005. С. 976–985).

⁵⁵ Сообщение представительства польского правительства на родине: «Обзор положения на землях восточных в марте 1944 года», после конца марта 1944 г. (AAN. 202/III–121. К. 256).

⁵⁶ Подсчеты по: Вінок безсмертя: Книга-меморіал / редкол.: О. Ф. Федоров (голова), В. А. Маняк (керівник колективу авт.-упоряд.) та ін. К., 1987. Passim.

ных нацистами, не вошедших в указанный сборник⁵⁷. Возможно даже, что приведенная информация касается лишь меньшинства населенных пунктов, уничтоженных нацистами. К тому же не учитываются жители городов, казненные «в отместку» за диверсионные действия, а также большая часть жертв в сельской местности – не всегда расстрел какой-то части крестьян и иных заложников вел к сожжению населенного пункта. Однако в данном случае важны не только абсолютные показатели, но и региональные особенности уничтожения сел и деревень.

Название области	Число сожженных сел	Количество убитых жителей
Черниговская	41	19 110
Житомирская	112	6901
Ровенская	16	5729
Сумская	64	4422
Волынская	18	4033
Киевская	17	3172
Тернопольская	7	1517
Хмельницкая	28	1297
Черкасская	8	1296
Полтавская	6	886
Винницкая	14	715
Днепропетровская	3	130
Львовская	1	56
Всего:	335	47 967

Характерно, что в перечне нет Одесской и Черновицкой областей, находившихся под контролем Румынии, а также входившего в состав Венгрии на протяжении всей войны Закарпатья. Также ясно видно, что более всего от немцев и их союзников пострадали области, являвшиеся территорией наивысшей оперативной активности красных партизан.

⁵⁷ Напр., село Любачев Володарского района Киевской области было сожжено в ответ на действия партизан, но не вошло в книгу «Венок бессмертия». (1) Интервью с Осадчук (в девичестве – Слипичук) Антониной, 1924 г. р., бывшей жительницей с. Любачев Володарского района Киевской области, ныне проживающей в Киеве. Проведено Т. Пастушенко 12 марта 2005 г. // Личный архив Татьяны Пастушенко. 2) Письмо председателя сельсовета с. Любачев Володарского района Киевской области В. Николаенко научному сотруднику Института истории Национальной академии наук Украины Татьяне Пастушенко о сожжении указанного села 23 декабря 1943 г. немцами и уничтожении его жителей, № 125–02–14, 2 октября 2006 г. // Личный архив Татьяны Пастушенко.

Еще более рельефную картину дает распределение тех же жертв по годам⁵⁸.

Год	1941	1942	1943	1944	Всего
Число сожженных деревень	8	87	198	42	335
Доля от общего числа	2 %	26 %	60 %	12 %	100 %
Убито мирных жителей	935	10 277	33 709	3046	47 967
Доля от общего числа	2 %	22 %	70 %	6 %	100 %

Очевидно, планомерное увеличение числа сожженных деревень и убитых крестьян сообразно росту интенсивности и размаха деятельности красных партизан и спад германских репрессий в 1944 г., когда большинство территории УССР было уже занято Красной армией, а рейдовые партизанские формирования оперировали в Западной Украине, где для оккупантов было очевидно: это – пришлый, а то и враждебный элемент, поэтому истребление местных заложников в ответ на диверсии советской стороны по крайней мере нелогично.

На то, что коммунисты навлекают террор на мирное население, постоянно указывали их политические противники – причем не столько в пропагандистских изданиях, сколько во внутренней документации. Важно привести эти оценки современников, а то и коллег красных партизан, видевших прямые и косвенные результаты их деятельности.

Уже весной 1942 г. главком АК генерал Ровецкий писал в Лондон о том, что территория Польши наводнена советскими парашютистами: «В поисках еды они нападают на деревни и небольшие немецкие охранные посты. В ответ немцы высылают карательные экспедиции, жгут деревни, обвиненные в помощи русским, и уничтожают под чистую их жителей. Вследствие этого возникает паника во всей округе и молодежь убегает в лес, чтобы вместе с парашютистами проводить операции не столь диверсионные, сколь бандитские... Ценности у их антинемецких акций нет никакой. Приводят они только к кровавым репрессиям, смуте, которая затрудняет нашу работу и усиливает уже обозначенную повстанческую деятельность, которая не оказывает

⁵⁸ Иногда в книге «Венок бессмертия» при описании карательной операции не указана дата сожжения деревни, или указаны две даты. В подобных случаях жертвы и разрушения относились к тому или иному году исходя из контекста. Возникшая таким образом погрешность не превышает 5 % как по количеству деревень, так и по числу убитых.

влияния на военную деятельность, но приводит к массовой резне населения»⁵⁹.

В составленном год спустя другом документе польского националистического подполья – аналитической записке о деятельности Коминтерна – предполагается осознанность этих поступков советской стороны: «Вся деятельность большевистской агентуры в Польше направлена на втягивание самых широких масс польского народа в непосредственную и немедленную борьбу с немцами... (...) Коммуна хочет достичь несколько целей одновременно: 1) хаос на тылах немецкой армии, 2) направление репрессивной акции гестапо против всего польского общества и борющейся патриотической польской интеллигенции и ослабление, таким образом, польских центров политическо-военной работы, 3) создание хаоса среди польских патриотических организаций, 4) облегчение себе задачи овладения властью в Польше после поражения немцев в войне»⁶⁰.

Подобные устремления красных отмечали во внутренней документации даже немцы. Например, в донесении руководства военного округа генерал-губернаторства о деятельности сопротивления 5 июля 1943 г. значилось: «Коммунистическо-русские террористические группы увеличились как в силе, так и в количестве. Плановая деятельность и ярость их атак на различные учреждения... остается на неизменном уровне. Их цель – с помощью террористических нападений на обмундированных лиц, дороги, учреждения, молокозаводы, лесопилки и важные для хозяйства военные объекты – парализация хозяйственной жизни и провоцирование власти на острейшие шаги против польского общества»⁶¹.

Представительство польского эмигрантского правительства во внутреннем аналитическом обзоре обратило внимание в сентябре 1943 г. на то, что репрессии на Волыни вследствие деятельности советских формирований обрушивались не только на польский, но и на украинский народ: «В начале июля началась бездумная пацификация [главой генерального комиссариата «Волынь-Подолье»] Шене случайно выбранных деревень украинских, польских и чешских под предлогом сотрудничества [местных жителей] с Советами. ...В горо-

⁵⁹ Радиограмма генерала Ровецкого эмигрантскому польскому правительству о последствиях деятельности советских парашютистов, 1 апреля 1943 г. (Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. Т. II, dok. N 292. S. 209).

⁶⁰ Аналитическая записка сотрудника общественного антикоммунистического комитета («Антика»): «Деятельность Коминтерна на Землях Польских (с момента заключения польско-советского договора 30 июля 1941 г.)», 1 марта 1943 г. (AAN. 228/17–8. К. 16–17).

⁶¹ Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 1939–1945. Т. II. S. 366.

дах начались 10.07, а закончились в начале августа массовые аресты интеллигенции: в Луцке около 200 украинцев и 50 поляков, в Ровно 50 и 136 поляков, из которых половина уже отпущена. Поведение немцев облегчает прежде всего работу советам на Волыни... Деятельность советская, своим аппаратом господствующая над каждой деревней, затрудняет также всякие попытки консолидации украинского националистического движения, рассеивает и втягивает под свое влияние отдельные банды, наконец парализует попытки разговоров с поляками. По некоторым уликам, аресты украинской интеллигенции спровоцировал советский донос»⁶².

Провокационная роль советских партизан была лейтмотивом пропаганды украинских националистов. Но не всякая агитация является сознательной ложью. Как видно из составленного в конце 1943 г. конфиденциального документа ОУН(б) «О внутреннем положении», в этом случае бандеровцы говорили населению то, что думали: «Вред действий красных партизан состоит в следующем: 1) Провоцирует немцев к выступлениям против украинского народа. 2) Уничтожает сознательный украинский элемент...»⁶³

Однако выше были приведены не доказательства умысла советской стороны, а оценки ее действий. Насколько эти оценки были верны? Если учитывать общественно-политическую ситуацию того времени, то внутренняя логика в подобных утверждениях присутствовала. Ленин, Сталин и их подчиненные в 1918–1941 гг. устроили в СССР демосид (democid), т. е. социосид (sociocid). В 1941–1942 гг. треть довоенного населения страны оказалась под властью нацистского рейха. Поэтому можно предположить, что для победы в войне Советам желательно было попытаться убедить своих бывших и настоящих подданных в том, что гитлеровский режим еще более жестокий, чем их собственный. Таким образом, каждое сожженное немцами село объективно увеличивало привлекательность коммунистов в глазах советских граждан.

От предположений необходимо перейти к доказательствам.

Для начала приведем рассказы третьих лиц.

Внутреннему бандеровскому документу, по причине субъективности позиции составителей, не стоит особенно доверять. Но, учитывая важность вопроса, в данном разделе не привести описываемый в нем

⁶² Аналитическая записка сотрудника представительства польского правительства на родине: «Земли восточные. Обзор территорий за период 15.07–15.09.1943», № 662/А–8, не ранее 15 сентября 1943 г. (ААН. 202/III–120. К. 7).

⁶³ *Кентій А., Лозицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 379.

случай на Житомирщине нельзя: «Около Курчич стояло 150 красных. Тогда-то немцы заехали в это село, чтобы его сжечь. 4 немца перешли вброд реку и сожгли целый хутор. Местные партизаны хотели охранять село, или хотя бы отпугнуть немаков, но командир запретил стрелять, говоря, что им не будет где спрятаться, когда немцы потом на них нападут. Другой командир в Красиловке сказал, что хорошо было бы, если бы сгорели все села, так как тогда население было бы принуждено пойти в лес»⁶⁴.

В другом случае аналогичное свидетельство принадлежит человеку, находившемуся в плену – бывшему сотруднику УШПД Александру Русанову. Ценность его еще больше уменьшается из-за того, что исследователям доступен не оригинал протокола допроса, а публикация во власовской газете. Понятно, что пропагандисты-антисоветчики могли перевернуть слова бывшего адъютанта Строкача, а то и вообще их выдумать⁶⁵. В публикации указано, что подпольные и партизанские организации изначально получили целый перечень заданий: «Они должны были проводить всяческую агитацию, сеять недовольство среди населения. Для этого они совершали различные акты против немцев, с расчетом, чтобы все эти акты вызвали ответные репрессии со стороны немецкого командования... Подпольщики хорошо законспирированы и их не так легко найти. Собственно, они так и совершают диверсионные акты, чтобы виновным оказалось мирное население...

На этот счет существует такое мнение: раз население при отходе Красной армии не ушло с нею, значит, оно было настроено несоветски... С ним перестают считаться уже тогда, когда при отходе по известному приказу Сталина должно все уничтожаться – заводы, посевы, скот и т. д. Остающееся население лишают основ существования. Дальнейшая задача – не дать создать ему эти основы заново... Главная задача [диверсионных] отрядов – нарушать налаживающуюся жизнь... Поэтому они должны выводить из строя производства, чтобы оставить людей без работы и продукции, уничтожать хлебные склады, скот, эшелоны, администрацию, которая стремится что-либо организовать, и т. д. Однажды Строкач так и выразился: “Нужно сделать так, чтобы население почувствовало на своей шкуре, чтобы его

⁶⁴ Сообщение подпольщика ОУН «Территории за Случем», 1 сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 119. Арк. 6).

⁶⁵ Сообщение начальника управления КГБ при СМ УССР по Киевской области Тихонова директору Института истории партии ЦК КПУ И. Назаренко о результатах расследования деятельности А. Русанова в немецком тылу в 1943–1944 гг., № 2/5–9313, 30 июля 1965 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 209. Арк. 2–11).

охватило отчаяние”. А тогда его уже легко пропагандировать и звать в лес»⁶⁶.

В этом случае приведенные сведения полностью подтверждаются внутренней документацией органов управления советскими формированиями.

На совещании ряда партизанских командиров с сотрудниками ЦШПД 31 августа 1942 г. Ковпак рассказывал, что в ходе первого рейда его соединения на территорию Украины перед агитаторами была поставлена задача «вести среди населения агитацию для того, чтобы поднять его на восстание». И тут же привел пример «пропаганды»: «Расскажу о боях в Ново-Слободском лесу. Крестьяне, после того, как противник сжег села и уничтожил 586 человек – расстрелял, казнил и т. д. – и во время боя оставшиеся женщины и дети подтаскивали воду бойцам. Я хочу подчеркнуть, что никакой террор, никакие казни не останавливают население в оказании помощи Красной армии». Данный «позитивный образец» агитации был воспринят всеми присутствующими, в том числе Пономаренко, молчанием. Более того, этот абзац стенограммы был отчеркнут на полях Строкачем, поставившем на документе резолюцию: «[Начальнику оперативного отдела УШПД] т. Погребенко. Ознакомить зам[естителей] н[ачальника] ш[таба] и нач[альников] отделов, учесть в работе. 24.10.42 г.»

В ходе совещания в ЦШПД Ковпак утверждал, что содействие мирных жителей «..добыто исключительно рейдами. На рейдах я хочу особо остановиться. Рейды – это непосредственная связь с населением, поднимаем население... поднимаем дух у населения и оно переходит на нашу сторону». В частности, в ходе второго рейда Сумского соединения на территорию Украины, по словам Ковпака, его подчиненные почувствовали себя в дружественной среде: «А когда уже пошли во второй рейд и населения нас приняло, так не было смысла даже самому заядлому мародеру это проводить, потому что его закидывали хлебом, молоком. Хочешь кушать борщ – иди кушай, хочешь кушать суп – кушай суп»⁶⁷.

Месяц спустя начальник оперативного отдела ЦШПД Сивков беседовал с начальником штаба белорусского партизанского отряда «Мститель» капитаном Серегиным и рядом других командиров. Серегин свидетельствовал: «Зная о том, что партизан не поймать, немцы

⁶⁶ Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. У 2 кн. Кн. 2. С. 415–417.

⁶⁷ Стенограмма совещания сотрудников ЦШПД с командирами партизанских отрядов Брянского фронта, 31 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 112–113 зв. Или: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 28. Л. 80–86).

в этом регионе, где произошло крушение [поезда], собирают местное население и расстреливают...

СИВКОВ: Как население реагирует на эти расстрелы?

СЕРЕГИН: Население в основном на стороне партизан. Если они расстреляли в одной деревне 20–30 чел., это вызывает озлобление по отношению к немцам»⁶⁸. Указанный фрагмент в тексте среди прочих заботливо подчеркнут, а на документе стоит пометка: «Т[оварищу] [неразб. – возможно, «Глебову»]. П[антелеймон] П[ономаренко]».

Через пару месяцев начальник ЦШПД предложил высшим политическим лидерам СССР спровоцировать нацистский террор и в отношении поляков: «Польские силы сохраняются и организуются в наибольшей мере против нас. Людские резервы Польши необходимо считать достаточно солидными, так как после развала польской армии все боеспособное мужское население в основном находится в Польше. В интересах государства нам необходимо принять некоторые меры. Невыгодно, чтобы немцы на территории Польши имели спокойную базу для своих мастерских, заводов, лазаретов, вспомогательных учреждений и т. д. Невыгодно также, чтобы все коммуникации немцев, проходящие через Польшу, не были подвергнуты воздействию партизан. В Польше необходимо разжечь партизанскую борьбу. Это, кроме военного эффекта, вызовет справедливые издержки польского населения на общее дело борьбы с немецкими оккупантами и приведет к тому, что полякам (вероятно, подразумеваются не все польские организации, а только АК и НСЗ. – А. Г.) не удастся полностью сохранить свои силы»⁶⁹.

Обратим внимание на то, что жизни мирных граждан, которые, как точно предполагал Пономаренко, нацисты заберут в ответ на деятельность красных партизан, названы главой ЦШПД «справедливыми издержками». Добавим, что действия центрального и республиканских штабов партизанского движения в 1943 г. позволяют утверждать: предложения Пономаренко в отношении развития диверсионной борьбы в Польше были в целом приняты.

Да и после окончания периода оккупации подобной мотивации не стеснялся командир одного из диверсионных отрядов действовавшего

⁶⁸ «Беседа начальника оперативного отдела ЦШПД генерал-лейтенанта т. Сивкова с начальником штаба партизанского отряда “Мститель” капитаном Серегиним, командиром роты отряда “Мститель” капитаном Марковым, старшиной роты отряда “Мститель” Журавлевым и политруком роты отряда “Борьба” Афанасьевым (бригада «Дяди Васи»)», 21 октября 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 28. Л. 159).

⁶⁹ Докладная записка Пономаренко Сталину, В. Молотову, Г. Маленкову. Л. Берии и А. Андрееву «О поведении поляков и некоторых наших задачах», январь 1943 г. (*Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. У 2 кн. Кн. 2. С. 362*).

го на Киевщине соединения им. Чапаева Анатолий Янцелевич в рассказе сотруднику отдела пропаганды ЦК КП(б): «Мы решили сделать операцию в Ходорове (сейчас – Мироновский район Киевской области. – А. Г.). Нам необходимо было там нарушить связь, уничтожить склады зерна и продовольствия, не считаясь с тем, что население могут расстрелять за немцев. В другом селе мы могли бы этого не делать. Но это село находится в дачной местности, население занималось там спекуляцией, активно сотрудничало с немцами, мы с ним не посчитались. Мы решили, что если и пострадает часть невинного населения, то в основном, оно помогало немцам, там было много кулаков, нетрудовых элементов»⁷⁰. Нападение на Ходоров было проведено в ночь с 6 на 7 июня 1943 г., в операции участвовало 25 человек.

Подобное отношение к жертвам прослеживается и в обмене документами номенклатуры областного уровня. Описывая подвиги своего коллеги, героя Советского Союза Виктора Лягина (“Корнева”), начальник управления НКГБ по Николаевской области А. Мартынов подчеркивал стойкость бывшего главы николаевской резидентуры во время следствия в СД: «На одном из допросов Корневу немцам было брошено обвинение в том, что, якобы, по его вине погибло 10 человек из числа советских граждан, жителей города Николаева, которых немцы казнили в качестве заложников за совершенный диверсионный акт на военном аэродроме.

В ответ на это Корнев заявил: “Если бы казенные советские граждане знали, что уничтоженные немецкие самолеты предназначались для разрушения советских городов и истребления мирного населения, то эти десять заложников не пожалели бы своей жизни для уничтожения немецких самолетов”⁷¹. Оставим на совести чекистов достоверность источника содержания диалога подследственного и немецкого оперативника. Важно другое: подобная логика диверсанта заслужила явное одобрение.

Напоследок имеет смысл привлечь и негативные доказательства осознанности провоцирующих действий со стороны как минимум руководителей советских командос. Отлично зная о нацистских методах борьбы с врагами в тылу Вермахта, НКВД УССР, УШПД и ЦК

⁷⁰ «Стенограмма беседы с командиром отряда соединения имени Чапаева Янцелевич Анатолием Савельевичем, проведено Березой А. И.» 3 февраля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Спр. 86. Арк. 136).

⁷¹ «Докладная записка о подпольных большевистских организациях, действовавших в период оккупации в г. Николаеве», начальник УНКГБ по Николаевской области А. Мартынов секретарю николаевского обкома КП(б)У тов. Филиппову, 31 августа 1945 г. (ГДА СБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 99 607. Т. 2. Арк. 47).

КП(б)У, а также вышестоящие организации ни разу даже формально не призвали партизан не то что снизить, но даже как-то скорректировать собственную боевую и диверсионную деятельность, чтобышний раз не навлекать на головы мирного населения удары нацистов. Советской агентуре не запрещалось проводить теракты и диверсии в городах – наоборот, такие приказы отдавались главой ГКО⁷², причем в официальной советской пропаганде эти операции осознанно замалчивались⁷³. Уже в ноябре 1941 г. Сталин лично удалил из чернового варианта статьи «Правды» о еврейском погроме в Одессе упоминание обстоятельств, предшествовавших этой бойне, – взрыва советского радиофугаса, приведшего к смерти десятков румынских офицеров⁷⁴. А партизанам не поступало даже рекомендаций подрывать поезда и уничтожать полицейские пункты подальше от мест компактного проживания мирных граждан – сел и хуторов.

Не исключено, что провоцирование нацистского террора в глазах советского руководства являлось вообще главной задачей советских диверсионных, боевых и террористических формирований. Ведь конкретные результаты их деятельности – количество убитых оккупантов, коллаборационистов и уничтоженных или поврежденных объектов – во много раз меньше того количества представителей мирного населения и материальных ценностей, которое уничтожили нацисты в ходе «антипартизанских операций». Информация об этом терроре усиленно распространялась советской пропагандистской машиной на оккупированной немцами территории, в советском тылу, а также за границей. Все это отталкивало от нацистов как советских граждан, так и «мировую общественность». Не этого ли добивалось в первую очередь советское руководство, забрасывая в тыл Вермахта подрывников и «ликвидаторов»? Однако поскольку доказательств приведенного тезиса нет (возможно, пока нет), то данная мысль остается гипотезой.

В целом поднятый вопрос, несмотря на внесение некоторой ясности, требует дальнейшего изучения, в том числе на основании сте-

⁷² Приказ НКО СССР № 00 189 о задачах партизан, 5 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 3–4 зв.).

⁷³ Письмо начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александрова для секретаря ЦК ВКП(б) А. Щербакова и А. Пузина об освещении партизанской войны в центральной печати, осень 1942 г. (Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авторы-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2008. С. 427).

⁷⁴ Беркхофф К. «Поголовное уничтожение еврейского населения»: Холокост в советских СМИ (1941–1945) // Холокост і сучасність: Студії в Україні і світі. 2010. № 1 (7). С. 78–79. URL: www.holocaust.kiev.ua

нограмм совещаний по вопросам партизанской борьбы руководящих органов НКВД и РККА, Политбюро ЦК ВКП(б), различных ЦК (общесоюзного и республиканских), штабов партизанского движения, другой внутренней документации советской стороны. К сожалению, многие из этих источников в настоящий момент продолжают оставаться «засекреченными на период рассекречивания».

6. ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ НАРУШЕНИЯ В ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДАХ

Вопрос о дисциплине красных партизан вскользь рассматривался в ряде описанных в историографическом обзоре публикаций. Между тем его значимость довольно высока: дисциплина прямо влияла на эффективность операций партизанских отрядов, от собранности бойцов спецподразделений прямо зависело их существование. Для партизан отношения с населением куда более важны, чем, скажем, для армейской части. Кроме того, партизаны в тылу врага представляют для мирных жителей авангард армии, презентуют руководящую ими политическую силу.

Стремясь названную проблему представить рельефно, сосредоточимся не на общих вопросах дисциплины, а на ее нарушениях, вызывавших нарекания не только украинского населения, но и руководства партизан.

Но сначала приведем два образчика современной официозной историографии.

Авторский коллектив Министерства обороны РФ не пожалел елей, представив идиллию: «В моменты ослабления боевой напряженности особенно остро испытывалась потребность духовного отдохновения от хорошей песни, остроумной шутки, задорной частушки. Не случайно, что они были непременными спутниками партизан и скрашивали их жизнь. Почти в каждом отряде находился остролов, шутник и балагур, вокруг которого на коротких передышках между боями собирались молодежь и любители перекинуться тонкими остротами и забавными происшествиями. В добродушно-насмешливой форме пересказывались или представлялись в лицах наиболее комичные случаи партизанских будней, боевых эпизодов, поступков или привычек отдельных партизан. Безобидные подначки и шутки всеми воспринимались как веселые проделки ради забавы и снятия напряженности»¹.

¹ Партизанское движение. (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)... С. 370.

Пресловутый Алексей Попов с категоричностью свидетеля утверждает, что «пьянство, мародерство и половая распущенность были спутниками лишь немногих партизанских формирований»².

Восхитившись изяществом стиля специалистов Министерства обороны, а также простотой и прямолинейностью суждений офицера ФСБ, обратимся к документам.

6.1. Разбой

С точки зрения оккупантов и мирного населения, все реквизиции любых партизан являлись разбоем. Кажется, как еще можно назвать такой поступок: приходят вооруженные люди, намекают на возможность неприятностей или прямо устраивают их, забирают материальные ценности и скрываются в неизвестном направлении? В этом случае всех без исключения партизан следовало бы назвать бандитами. А это было бы откровенной глупостью. Ведь не обязательно смотреть на хозяйствование партизан исключительно глазами второй и третьей сторон. Красочные рассказы потерпевших или захлебывающихся от полученных эмоций свидетелей не освобождают от обязанности при изучении общественной организации оперировать прежде всего системой внутренних оценок этой структуры, а при необходимости вообще дистанцироваться от мнения современников и участников событий. Далеко не всякая насильственная экспроприация является грабежом. Уголовный разбой партизан имеет определенные важные отличия от партизанской хозяйственной операции, реквизиции, пусть даже и совершенной с применением оружия.

В представленной главе под партизанским разбоем понимается совершенное в личных, а не организационно-значимых целях нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасное для жизни и здоровья, или с угрозой применения такого насилия. В данном случае «организационно-значимыми целями» являлась борьба с теми, кого врагом считала политическая надстройка любых партизан – будь то ЦК КП(б)У или ЦП ОУН(б).

Таким образом, первое отличие заключается в том, что хозяйственная операция состояла в изъятии у населения вещей, необходимых для ведения жизни в лесу. Реквизиция же «предметов роскоши» – т. е. чего-то сверх базовых потребностей человека, уже является бандитизмом. Например, вымогательство партизанами у крестьян телег,

² Попов А. Диверсанты Сталина... С. 204.

свиней, зимних тулупов и картошки вполне можно объяснить оперативной необходимостью. А хищение часов, браслетов, изящных сапожек и цветастых платков, самогона и патефонов ничем иным, кроме как разбоем не назовешь.

Вторым и главным, базовым отличием между реквизициями и бандитизмом является то, что хозяйственная операция совершается открыто, по приказу командира, и, как правило, с пассивного одобрения Центра. А грабежи производятся бойцами самовольно, скрытно. Если группа бойцов или даже партизанский отряд сознательно совершает хозяйственную операцию втайне от вышестоящего начальства, – например, командира бригады или соединения, – то в этом случае речь идет о коллективном разбое.

Масштаб хозяйственных операций не является показателем, отличающим реквизиции от грабежей. Например, как правило, тотальное изъятие имущества было не разбоем, а применением партизанами экономических репрессий против какой-то категории лиц, уничтожаемых или даже оставляемых в живых. Такие действия партизан – масштабные экспроприации – можно сравнить, скажем, с радикальным применением со стороны государства распространенной карательной меры – «конфискации имущества». Например, изъятие партизанами всего имущества у семьи старосты или полицая являлось не грабежом, а экономическим террором. Это была репрессивная мера против тех, кого красные партизаны и их руководители считали врагами. Основной мотив действий был репрессивный, а не стремление к индивидуальной наживе. Причем конфискованное имущество, как правило, использовалось не в личных целях, а – пройдя через хозяйственный отдел отряда или через командира – в целях ведения войны.

Как видим, проведению хозяйственных операций (иногда в форме экономических репрессий) со стороны кого бы то ни было сопутствует определенная упорядоченность в обращении с уничтожаемыми или забираемыми материальными ценностями.

В данной же главе будет описано принципиально другое явление – разбой: то, что в прямом смысле слова криминалом считало и местное население, и оккупанты, и – самое главное – начальство партизан.

Уже на совещании с участием Пономаренко 31 августа 1942 г. Ковпак самокритично признал, что в самом начале партизанской борьбы в его отряде отмечались случаи мародерства³. Впрочем, по словам бывалого командира, после проведения «соответствующей работы»

³ Стенограмма совещания сотрудников ЦШПД с командирами партизанских отрядов Брянского фронта, 31 августа 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 113 зв.).

и изменения настроений населения в пользу партизан это явление в соединении было искоренено.

Однако Сидор Ковпак слукавил...

Сведения о спонтанном бандитизме, процветавшем в советских формированиях, начали поступать в УШПД в начале 1943 г. в основном от агентуры Строкача, сотрудников радиоузлов. Например, из того же Сумского соединения, базировавшегося тогда на Правобережье Днестра (пограничье Украины и Белоруссии) 3 марта 1943 г. «Кармен» радиовала, что многие из отряда занимались мародерством: «Берут все, что попадает им под руки, вплоть до того, что берут одеяла, простыни, белье нужное и не нужное им. Командование мер не предпринимает»⁴. Через полтора месяца, по сведениям другого секретного информатора, поведение ковпаковцев принципиально не изменилось: «Парт[ийно]-полит[ической] массовой работы в отряде и среди населения нет. За короткое время убито много партизан при добыче себе трофеев с целью личной наживы»⁵. Еще через две недели после этой радиограммы бывший политрук одного из отрядов Сумского соединения Минаев дал более развернутую характеристику этого явления. По его словам, наибольшее количество проявлений бандитизма было в 3-й роте 1-го стрелкового батальона, разведроты и артиллерийской батарее, хотя критике командования подвергались в основном остальные части соединения: «На 3-ю роту вину нельзя возложить, так как она самая лучшая и боевая рота в отряде, разведку обвинить трудно, т. к. разведка действует зачастую отдельно от главных сил, а батарею обвинить тоже нельзя, т. к. батарея – самое главное подразделение и грозное оружие в отряде и, кроме того, комиссар батареи – член партбюро, авторитетный дедушка Мороз – старый партизан, а фактов нарушения приказа... больше, чем в других подразделениях»⁶. В качестве примеров этого явления приводились отнятие у жителей свиней, валенок (прямо на улице рабочие оставались в одних портянках), вымогательство часов, разорение ульев, а также хаотичное и тайное изъятие юбок и платьев у убитых «фольксдойче».

⁴ Радиограмма «Кармен» Строкачу о мародерстве партизан Сумского соединения, 3 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 33).

⁵ Радиограмма «Загорского» Строкачу о морально-политическом состоянии партизан Сумского соединения, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 46).

⁶ Докладная записка бывшего политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева Строкачу о состоянии соединения, 28 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 149–150).

В соединении Алексея Федорова своего рода «образцовым» отрядом был подчиненный Герою Советского Союза Григорию Балицкому отряд им. Сталина. В дневнике командира постоянно идут записи о «проказах» сталинцев. В частности, в сентябре 1942 г. на территории Белоруссии партизан Хоменко, находясь в засаде, «бросил пост и зашел к одной красноармейке, у которой забрал фуфайку, верхнюю рубашку и нательное белье»⁷. В другом случае, посланные в одно из белорусских сел на хозяйственную операцию бойцы, «заехали в другое село и ограбили одного ветеринара, у которого забрали барашка, пару белья и полотенца. Эту подлость сделали: Федотов, Костов и Хужанов»⁸. Спустя две недели после этого события уже Алексей Федоров узнал о том, что часть из его партизан проводят самовольные реквизиции кур и другого продовольствия. Балицкий вместе с федоровским особистом В. Зубко выявил мародеров, ими оказались солдаты 3-й роты: «Группа партизан вскочила в хутор, где 30 хат всего было, и в полном понимании этого слова ограбила его»⁹. Всего через два дня во время рейда на Запад, проходя через населенный пункт Красносельянка «некоторые бойцы отрядов им. Ворошилова и [им.] Щорса... без разрешения своих командиров бегали по хатам, собирая яички, картошку, а некоторые даже угрожали крестьянам, что если не дадут чего-нибудь, так они их будут расстреливать и прочее, пускались и матюки. ...Крестьяне, дрожа перед ними, отдавали все то, что они просили»¹⁰. На территории Вольни сталинцы продолжили заниматься мародерством. 1 декабря 1943 г. Балицкий арестовал трех бойцов первой роты «как мародеров (у крестьянина разбарахолили улей с медом). Вого Степан, Вого Михаил и Шестовой»¹¹. Спустя неделю выяснилось, что в первом взводе первой роты отряда им. Сталина бойцы занимались бандитизмом по приказу комвзвода Бочковского и политрука Бехтина: они отнимали у крестьян овец, муку, соль и свиней. Те же самые партизаны отметились разбоем в течение последующей недели, причем политрук Бехтин «для сохранения в тайне своих преступлений угрожал бойцам взвода расстрелом – тому, кто посмеет разоблачить эти преступления»¹². Спустя еще две недели Балицкий узнал, что в другой роте «Юдович послал коммуниста По-

⁷ Дневник Балицкого, запись от 16 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 1).

⁸ Дневник Балицкого, запись от 3 апреля 1943 г. (Там же. Арк. 43).

⁹ Дневник Балицкого, запись от 17 апреля 1943 г. (Там же. Арк. 49–50).

¹⁰ Дневник Балицкого, запись от 19 апреля 1943 г. (Там же. Арк. 50–51).

¹¹ Дневник Балицкого, запись от 1 декабря 1943 г. (Там же. Арк. 97).

¹² Дневник Балицкого, запись от 15 декабря 1943 г. (Там же. Арк. 58–59).

тапенко заготовить двух овец так, чтобы никто не знал из командования отряда. Выявленные факты мародерства по отношению к своим товарищам, [находящимся] в разведке»¹³.

Другой отряд федоровского соединения – им. Ванды Василевской – проявлял такую разнузданность, что на поведение поляков Алексею Федорову пожаловался его сосед Иван Федоров. По словам последнего, в селе Привитовка Зариченского района Ровенской области, 31 октября 1943 г. «устроил форменный грабёж»: «Бойцы отряда безо всякого контроля и руководства ходили по домам деревни и требовали все, что попало. Брали одежду, белье, обувь (не только мужское, а и женское, детское), посуду, сопровождая все свои действия руганью, угрозами и применением оружия, стреляя из винтовок и автоматов. Требовали самогон, и, получая ответ “нет”, угрожали: “А что если найдем?” Используя это как предлог, искали и брали “что попало под руки”...

1.9.1943 г. на противоположном берегу реки Стырь у деревни Привитовка была открыта стрельба из автоматов по гусям. Население считало, что идет какое-то наступление и в перепуге убегало в лес...

В селе Муравин, Калец, Погосзаречный, селах, которые неоднократно подвергались бомбардировке, бойцы этого отряда... взламывали сундуки, вскрывали замки и брали что попало... В доме отца партизана отряда им. Б. Хмельницкого Василия Ходневича Ивана Ходневича действовали так: хозяина вывели из дома и держали на дворе, а в доме в полном смысле слова перевернули все вверх дном. Взяли три женских платья, три женских платка, пальто мужское – сына-партизана, пальто женское, две нательных рубахи тоже сына-партизана, которые были отданы домой для стирки. Разбили в доме окна, побили всю посуду, забрали ведра. В семье партизана отряда им. Б. Хмельницкого Николая Зелинского забрали хлеб, белье, а [поскольку] муку жена не давала, то взяли и рассыпали [ее] по полу... Все эти изъятия сопровождалась исключительной грубостью и руганью»¹⁴.

Отчасти такое поведение подчиненных Федорова объяснялось тем, что их начальник сам занимался «барахольством». После операции по разгрому гарнизона полиции в местечке Владимирец Ровенской области в июне 1943 г. Алексей Федоров отчитал Григория Балицкого за разбой, устроенный партизанами отряда им. Сталина.

¹³ Дневник Балицкого, запись от 27 декабря, 1943 г. (Там же. Спр. 60. Арк. 62).

¹⁴ Письмо командира Ровенского соединения № 2 И. Федорова и др. командиру Черниговско-Вольнского соединения А. Федорову о действиях партизан отряда им. Ванды Василевской, 3 ноября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 22. Арк. 42).

Обиженный Балицкий записал в дневнике, что «факты имели место», но были Федоровым неоправданно преувеличены: «Адъютант и ординарец тов. Федорова брали вещи, где попало, для Ульяны Петровны (У. П. Макагон – любовница А. Федорова. – А. Г.), а также адъютант тов. Дружинина также ездил специально с тем, чтобы достать что-нибудь для комиссаров. Короче говоря, в этом случае можно применить такую поговорку: “В чужом глазу видят соломинку, а в своем не замечают и бревна”. Ведь факт, что на глазах [брали] целые чемоданы с вещами, но почему никто этого не видит?»¹⁵

Выше уже приводились данные о том, что соединение Александра Сабурова отличалось крайне высоким уровнем разбоя даже по сравнению с уже названными партизанами. Подтверждением этому служит записка, направленная 23 января 1943 г. Лаврентием Берией Сталину и Пономаренко: «НКВД СССР сообщает полученное от своего сотрудника, находящегося в тылу противника в районе Ровно (Дмитрия Медведва. – А. Г.), УССР, следующее донесение: “Личный состав 12-го батальона Сабурова занимается разгулом, пьянством, терроризирует и грабит советски настроенное население, в том числе даже родственников своих бойцов. На мои претензии комбат Шитов и комиссар обещают прекратить эту антисоветскую работу, но действуют нерешительно, стараясь прикрывать лиц, занимающихся бандитизмом»»¹⁶. Аналогичная записка Берии от 25 января: «НКВД СССР сообщает полученное от своего сотрудника, находящегося в тылу противника в районе Ровно, УССР, следующее донесение: “В район нашей деятельности прибыл 7-й батальон отрядов Сабурова. Партизаны этого батальона занимаются неслыханными грабежами, бандитизмом и пьянством, разъезжают по селам в форме немецких солдат. Жителей, убегающих в лес, расстреливают... Население, ненавидевшее немцев, подготовленное нами к восстанию, в панике»»¹⁷.

На мародерство его подчиненных Сабурову постоянно жаловались командиры соседних отрядов УШПД¹⁸.

Получив массу сведений об «удалых» действиях сабуровцев, Тимофей Строкач осторожно отметил в отчете летом 1943 г.: «Нужно сказать, что комиссар такого крупного соединения тов. Богатырь сла-

¹⁵ Дневник Балицкого, запись от 23 июня (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 88).

¹⁶ Сообщение наркома ВД СССР Л. Берии Сталину, Пономаренко и ряду других лиц о бандитизме в соединении Сабурова, 23 января 1943 г. (*Білас І*. Репресивно-каральна система в Україні... Кн. 2. С. 362–363).

¹⁷ Там же. С. 363–364.

¹⁸ См., напр.: Письмо командира Ельского партизанского отряда Сабурову о мародерстве партизан его соединения, не позднее 3 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 38. Арк. 5–5 об.).

боват, и поставленная им политико-воспитательная работа в соединении значительно отстает от боевых действий соединения»¹⁹. В том же отчете Строкач заявлял, что характерной чертой командующего соединением генерал-майора Сабурова «являются его незаурядные организаторские способности. Это волевой, энергичный командир... Соединение Сабурова является ведущим в области организации и выращивания партизанских отрядов – это своеобразный “инкубатор” по выращиванию партизанских отрядов»²⁰. Важно отметить, что Александр Сабуров и Захар Богатырь остались на своих должностях до самого конца немецкой оккупации.

Описав разбой, царивший в трех базовых и к тому же образцовых соединениях УШПД, из соображений объективности необходимо привести хотя бы несколько других примеров.

На территории Гомельской области БССР, в отряде им. Котовского 1-го Молдавского партизанского соединения соответствующие действия рядовых покрывались командиром: «Это просто грабеж. Пример: в одном из сел люди из отряда тов. Кожухаря угнали лошадь у колхозника, колхозник пришел жаловаться тов. Кожухарю. Кожухарь посадил колхозника в подвал и только при настоятельном требовании нач[альника] штаба тов. Скороходова – колхозник был освобожден, но лошадь ему не была возвращена. Во второй операции, группа во главе с Анисимовым забрала скот, хлеб, 30 головных платков, рубашки, брюки и т. д.»²¹

По воспоминаниям жителя села Рейментаровка Корюковского района Черниговской области Ивана Шарого, партизан местного партизанского отряда под руководством Бориса Туника Александр Литвиненко забрал у него рубашку, доставшуюся Шарому в наследство от деда: «А после войны я пришел [из Красной армии] и забрал у него рубашку, и тын ему облил сметаной. Потом он прощения просил»²².

Из отряда под командованием П. Логвина, действовавшего на территории Сумской области, 15 февраля 1943 г. в УШПД ушла радиogramма о том, что бойцы отряда во время ограбления устроили между собой перестрелку: «Вчера ворвались пьяные в избу, скомандовали:

¹⁹ Доклад Строкача о проведенных УШПД мероприятиях по развитию партизанской борьбы на правом берегу УССР с ноября 1942 г. по 1 июля 1943 г., не ранее 1 июля 1943 г. (Україна партизанська... С. 278).

²⁰ Там же.

²¹ Докладная записка Володина для К. Фролова о положении в отряде им. Котовского 1-го Молдавского соединения, вх. № 002 056, 15 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 38. Арк. 79–80). Предположительно внутренний документ НКВД МССР, по ознакомлению переданный в УШПД.

²² Интервью с Шарым Иваном... // ЛААГ.

“Ложись”. Все положились, а они забрали последний мешок хлеба и начали уходить, но разведчик отряда Сень из автомата пристрелил из них одного, это был ком[андир] отделения...»²³

На Житомирщине, согласно дневнику Наумова, население сильно страдало от бандитизма многочисленных партизан из соединений Ивана Шитова, Степана Маликова, Андрея Грабчака, которых наумовцы даже разоружали и призывали к порядку. В Кавалерийское соединение перешла отставшая от соединения Маликова партизанка Люба Скрицкая, которая рассказывала о деятельности партизанских групп под командой Трофима Кучинара. Эта группа, входившая в составе Житомирского соединения им. Щорса под командованием Степана Маликова, действовала в Баршиевском районе и состояла из местных жителей, часто занимавшихся поисками носильных вещей. У самой Любы, по ее словам, были отняты с побоями и угрозами расстрела женские сапоги: «При этом проводивший эту “операцию” командир группы требовал обязательно новые и хромовые, в то время как его возлюбленная сидела тут же, на возу, нетерпеливо ожидая “подарка”».

Второй случай был в с. Жаткова в 1 км от Н[овгорода]-Волынского, где группа партизан под командой Осадчука Павла избивала одну старушку шомполами до тех пор, пока старуха не лишилась рассудка. Осадчук вымогал тогда от нее сапоги и друг[ое] имущество. Сама Люба была на этой “операции” участником. Вообще, по словам Любы, применение шомпола для наказания стариков было в этой группе модным...

Таких отдельно действующих групп под термином “по особому заданию в здешних краях” “короли белорусских лесов” Сабуровы, Маликовы, Шитовы и им подобные расплодили видимо-невидимо. (...) Я был поражен размахом того грабежа, который чинили местные партизаны в Емильчино. Под квартиру я занял дом священника отца Николая. Во всем довольно обширном доме целый хаос; у него отобранные были все вещи, мебель перевернута, посуда частично побита, квартира не топлена. У него отняли лошадей, к[омандир] гр[уппы] п[артизанского] о[тряда] [им.] Дзержинского требовал 30 000 рублей советскими знаками в помощь Красной армии. Я прошел ряд прилегающих квартир, где обнаружилось то же самое. В большинстве домов жителей не оказалось, они разбежались, спасаясь от произвола»²⁴.

²³ Радиограмма «Холодного» Строкачу о мародерстве в партизанском отряде П. Логвина, вх. № 575, 15 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 29).

²⁴ Дневник Наумова, запись от 2 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 46–47).

Однако и соединение автора приведенных выше строк не было свободно от проявлений разбоя. Немецкая разведсводка подчеркивала, что Наумов «отличался алчностью до грабежей и постоянными налетами на мирных жителей, [партизаны] его избрали [своим] командиром»²⁵. О том, что сведения германских спецслужб хотя бы отчасти соответствовали действительности, свидетельствует телеграмма Тимофея Строкача Михаилу Наумову с требованием прекратить мародерство партизан кавалерийского соединения²⁶.

Скажем также несколько слов и о партизанах ГРУ. Жительница расположенного на севере Ровенщины села Старая Рафаловка вспоминала о том, что грабежи партизан бригады, находившейся под командованием Антона Бринского, совершались под угрозой расстрела: «Не дай чего партизанам, – жизнь отдашь. У старика Лазаря, жил такой в городке, семья была большая, – штаны из корта забирали. А он: “Не дам, это мне на смерть!” Выстрелил какой-то преступник: “Вот тебе, дед, смерть”. Я для себя перешила пальто покойной матери. Пришли. “Отдай!” – говорят. Прошу: “Оно ж одно у меня, последняя одежда!” Но напрасно было умолять»²⁷.

Свидетельство Алексея Федорова и его комиссара Владимира Дружинина заставляет с доверием относиться к этим сведениям о бригаде Бринского («Дяди Пети»). По словам командования Черниговско-Вольнского соединения, ряд командиров «петровцев», не говоря уже о рядовых партизанах, терроризировал местное население «повсеместными избиениями, убийствами и мародерством, чинимыми, как правило, в форме бандитизма, грабежа...»²⁸ После того, как эти сведения получило его начальство в РУ ГШ КА, Бринский начал оправдываться, но все же признал: «Изложенные факты имели место...»²⁹

²⁵ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 22). Служебный перевод советских органов.

²⁶ Радиограмма Коротченко и Строкача Наумову о необходимости прекращения мародерства партизан Кавалерийского украинского соединения, исх. № 3954, 16 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1289. Арк. 70).

²⁷ *Боярчук П.* Трагедія Старої Рафалівки...

²⁸ «Докладная записка о преступных действиях ряда командиров и бойцов партизанских отрядов соединения полковника Бринского (“дяди Пети”)», Федоров и Дружинин Хрущеву и Строкачу, 21 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 44).

²⁹ Докладная записка командира партизанской бригады А. Бринского начальнику РУ ГШ КА Ф. Кузнецову о взаимоотношениях с партизанами Черниговско-Вольнского соединения, исх. № 1985, 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 55).

Все бывшие красные партизаны, с которыми приходилось беседовать автору этих строк, категорически отрицали распространенность бандитизма в советских отрядах. Даже уже упоминавшийся Василий Ермоленко, давший весьма откровенное интервью о Винницком соединении под командованием Якова Мельника, на осторожный вопрос о разбое ответил отрицательно, приведя на первый взгляд убедительный аргумент: «Что партизану [в лесу] нужно?»³⁰

Для того, чтобы показать несостоятельность этого вопрошающего утверждения, нужно сказать, куда же девали партизаны награбленное имущество.

Очевидно, что часть добычи непосредственные участники разбоя съедали, выпивали, а также либо надевали на себя сами, либо дарили своим коллегам женского пола. Например, по сведениям бывшего политрука одной из групп Сумского соединения Минаева наиболее отмеченные бандитизмом партизаны были видны невооруженным взглядом: «Где, как не в 3-й роте нарядней всех одеваются бойцы? И делают очень скрытно и хитро, т. к. 3-я рота, согласно маршрутного приказа первая въезжает в населенный пункт и до подхода главных сил уже раскурочили кого-нибудь и когда все въезжают, то виновника трудно найти»³¹. В той же записке Минаева отмечалось наличие в соединении Ковпака своего рода бартерных базаров, обыденными спутниками которых были ругань, кражи и драки.

Уже упоминавшийся Антон Бринский в начале 1944 г. свидетельствовал, что в течение полугода между подчиненной ему разведывательной бригадой и Черниговско-Волынским соединением шел «массовый обмен оружием, боеприпасами со стороны людей Федорова с нашими людьми на лошадей, часы, сапоги, водку и другие вещи... [Командиру одного из отрядов разведбригады Петру] Логинову дали автомат и пистолет – адъютант комиссара Дружинина, а нач[альник] боепитания ([соединения А.] Федорова) за водку и другие вещи давал боеприпасы, винтовки и другие вещи. Федоров дал Логинову пистолет, а Логинов ему за это дал баян и пошил костюм. Этот так называемый товарообмен был обыденным явлением и сопровождался пьянками»³².

³⁰ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

³¹ Докладная записка бывшего политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева Строкачу о состоянии соединения, 28 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 150).

³² Докладная записка командира партизанской бригады А. Бринского начальнику РУ ГШ КАФ. Кузнецову о взаимоотношениях с партизанами Черниговско-Волынского соединения, исх. № 1985, 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 56).

Торговля протекала не только с партизанами, но при случае и с красноармейцами. 12 января 1944 г. на адрес Хрущева и начальника ГПУ Красной армии Щербакова ушла радиограмма от начальника штаба 76-го стрелкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта полковника Епина. В ней сообщалось, что на стыке Житомирской и Ровенской областей в боевых порядках войск перемещаются обозы партизанских отрядов, сопровождаемые стадами скота. Партизаны грабили население, а продовольствие обменивали у красноармейцев на оружие и боеприпасы. По словам Епина, советские отряды «напоминали купцов дикой страны»³³.

Материальные ценности, отнятые у крестьян, нередко продавались партизанами другим крестьянам – как правило, за алкоголь. Довольно красочную картину, царившую в отряде «За Киев» соединения им. Буденного под командованием В. Макарова, описали в жалобе в НКГБ УССР два бывших партизана, Буслаев и Сидоренко: «В с. Майдан-Гута Мизочского района Волынской области партизан Михайленко Анатолий ограбил старика и забрал ненужную ему женскую одежду. На замечание ему он ответил, что отвезет жене или проплет. (...) Командир взвода Бублик Павел сам лично и на это подговаривал бойцов, занимался продажей лошадей за водку, которых перед отъездом забирал обратно. Примерно, был случай в с. Раковчик, под Делятином, и под Борщевым. (...) На всем своем пути движения [соединения] лошади менялись в каждом населенном пункте, так как пьяницы безжалостно и бездельно в разъездах за водкой загоняли лошадей до непригодности. Многие за два с половиной месяца ухитрились замучить по 10–12 лошадей.

Грабежи проводились обыкновенно при обысках под предлогом: нет ли “шпионов” или “бандеровцев”, а осмотру, обыкновенно, подвергались такие места, где могли быть часы или другие ценности. Такие вещи, как часы, бритвы, кольца, дорогие костюмы просто безоговорочно отбирались»³⁴. По словам Буслаева и Сидоренко, о приближении этого партизанского соединения население заранее знало за 30–40 км и в ужасе бежало в леса, оставляя в селах одних стариков или вообще пустые дома.

Рядовые партизаны, если начальство охотно попустительствовало разбою, отдавали руководству часть награбленного. Например, по

³³ Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 191.

³⁴ Докладная записка бывших партизан соединения им. Буденного представительства УШПД при Военном совете 2-го Украинского фронта В. Буслаева и М. Сидоренко народному комиссару ГВ УССР С. Савченко о поведении партизан соединения, 12 мая 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 295. Арк. 69–71).

сведениям секретных информаторов Строкача, в Волынском соединении им. Ленина в начале марта 1944 г. царила довольно-таки спокойная жизнь: «Партийная работа в отрядах отсутствует, мародерство и пьянки продолжают. [Уполномоченный ЦК КП(б)У по Станиславской области М.] Козенко окружает себя людьми, считающими войну оконченной и ожидающими освобождения Станиславской области и отзыва их на руководящие посты. [Командир соединения Л.] Иванов и остальное командование полмесяца пьянствовало, были случаи драк. Виновники преступлений зачастую находят защиту у депутата [Верховного Совета УССР М. Козенко], расплачиваясь самогоном и барахлом»³⁵. В документе последние четыре слова зачеркнуты. Вероятно, сотрудник УШПД, прочитавший радиограмму, решил все-таки скрыть часть информации, компрометирующей соединение, перед тем, как перенаправлять полученные сведения в ЦК КП(б)У.

Кроме этого, конфискованное имущество партизаны развозили по своим квартирам. Об этом, в частности, сообщал в УШПД командир отряда им. Боровика В. Ушаков, описывая местные партизанские отряды Киевской области³⁶. То же самое наблюдал на Житомирщине Михаил Наумов: входившие в соединение С. Маликова местные жители в целях личного потребления отнимали у других местных жителей одежду³⁷. Ту же самую картину можно найти в бандеровском обзоре ситуации на стыке западных областей БССР и УССР: «Красные сильно материалистически настроены (за часы или даже перстень один другого стреляет), или часто местные высылают добытые вещи родне»³⁸.

В целом бандитизм был очень распространенным явлением в рядах украинских партизан с начала и до конца оккупации. Более того, в направленной в октябре 1944 г. на борьбу с бандеровцами партизанской дивизии им. Ковпака также практиковалось мародерство³⁹ и сожжение домов участников Сопротивления.

³⁵ Радиограмма «Григорьева» и «Рубцова» Строкачу о положении в Волынском соединении им. Ленина, вх. № 3275, 12 марта 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 180).

³⁶ Радиограмма командира партизанского соединения им. Боровика В. Ушакова Строкачу о ситуации в ряде партизанских отрядов Киевской области, вх. № 5020, 28 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 78–79).

³⁷ Дневник Наумова, запись от 2 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 46).

³⁸ Сообщение подпольщика ОУН: «Общественно-политический обзор Берестейско-Кобринского округа за август 1943 г.», август 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 116. Арк. 2).

³⁹ См. материалы о действиях дивизии им. Ковпака в ходе борьбы с украинскими националистами в октябре–декабре 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 175, 178, 200).

В советской историографической традиции доминировали утверждения о незначительной распространенности бандитизма в рядах партизан, а акцент делался на том, что с этим явлением велась борьба. Если, как было показано выше, первый тезис явно несостоятелен, то со вторым поспорить сложно. Однако куда важнее дать ответ на вопрос, какими методами противодействовало разбою руководство советских командос – зафронтное начальство, а также командиры на местах?

Получив от своих информаторов данные о фактах разбоя в подчиненных ему соединениях, Строкач направил их командованию радиogramмы, призывавшие прекратить мародерство⁴⁰. Как правило, методы наказания уличенных в бандитизме четко не оговаривались, речь просто шла о «самых строгих мерах».

На совещании, проведенном в конце мая 1943 г. представителями ЦК КП(б)У, УШПД и командирами крупнейших партизанских отрядов, были даны уже конкретные указания: «Командованию соединений на корню пресекать проявления всякого рода мародерства и грубого насилия над мирными жителями, привлекая виновных к строгой ответственности, вплоть до расстрела»⁴¹. Как видим, смертная казнь рекомендовалась не в качестве стандартного наказания за бандитизм и грубое насилие, а в виде крайней меры.

Однако как показывает документация двух соединений, командиры которых принимали участие в этом совещании, даже эта рекомендация была принята только на словах.

Выше уже приводились записи из дневника Григория Балицкого, постоянно отмечавшего разбой среди своих подчиненных. Приведем несколько примеров того, как он боролся с бандитизмом. 3 апреля 1943 г. командир сделал устное замечание своим подчиненным. 17 апреля Балицкий написал о том, что активным мародерам «пришлось побить морды и арестовать их», а остальным партизанам было сделано устное разъяснение о недопустимости разбоя. Как видно, предупреждение не возымело действия, т. к. на следующий день снова несколько партизан попались на бандитизме: «Пошли потасовки, от моего удара летели партизаны (мародеры) из хат, как мухи».

⁴⁰ См., напр., радиogramму Строкача и Коротченко командованию Полтавского соединения (М. Салай и др.) и командованию Черниговского соединения им. Коцюбинского (Н. Таранущенко и др.) о прекращении партизанского бандитизма, насилия и расстрелов мирных жителей, исх. № 3955, 16 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1289. Арк. 48).

⁴¹ Резолюция совещания членов нелегального ЦК КП(б)У совместно с командирами и комиссарами партизанских соединений Украины, 29 мая 1943 г. (Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. К., 1980. Т. 2. С. 235).

3 июля 1943 г., после того, как Балицкий снова выявил грабителей, он обезоружил их, а командирам и политрукам рот сделал внушение: «Брал в работу, протирал их с песочком. Эта проверка сопровождалась матами и перематами»⁴². Разбой и мародерство продолжались и далее.

Другой показательный случай произошел в Сумском соединении во время напряженной операции – Карпатского рейда. В ночь с 30 июня на 1 июля 1943 г. молодые партизаны из артиллерийской батареи Семен Чибисов и Василий Алексеев украли ведро топленого жира, ведро меда, одежду, обувь и другие вещи из дома мирного жителя в селе Шладава. 2 июля 1943 г. в отряде Ковпака был прочитан приказ о расстреле этих двух партизан: документ попал даже в упомянутый сборник Дж. Армстронга⁴³. Более того, запись в дневнике Семена Руднева, в которой он сожалел по поводу вынужденного расстрела двоих «рабочих, боевых товарищей»⁴⁴, была растиражирована в Украине в результате многочисленных публикаций. Осталось неизвестным то, что оба партизана пережили этот день. Очевидно, командование их все же пощадило. Чибисов погиб в Карпатах в августе 1943 г., а Алексеев в связи с боевым ранением в декабре 1943 г. выбыл в советский тыл⁴⁵.

Любопытно отметить, что в соединении Ковпака–Вершигоры приказ о прекращении мародерства отдавался как минимум трижды – в конце 1942, середине 1943 и начале 1944 г.⁴⁶, что свидетельствует о неисполнении бойцами установки начальства.

«Просто» за мародерство и бандитизм партизанские командиры рядовых не расстреливали: в частности, если пойман был обычный партизан, а не, например, перебежчик из полиции, за которым устанавливался особый контроль. Смертная казнь «для своих» применялась как исключительная мера наказания. Под нее попадали в первую очередь перебежчики, оставлявшие ряды партизан, дезертиры, а также выявленные или предполагаемые агенты противника. Вероятнее

⁴² Дневник Балицкого, записи от 3, 17, 8 апреля, 3 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 43, 49–50, 50–51, 88).

⁴³ «Приказ № 386 по воинской части 00 117» о расстреле за мародерство партизан С. Чибисова и В. Алексеева, Ковпак и др., 2 июля 1943 г. (*Армстронг Дж.* Партизанская война... С. 420).

⁴⁴ Дневник Руднева, запись от 1 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 41).

⁴⁵ Списки личного состава и справка о боевой деятельности Сумского соединения (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 28 (ст.). Спр. 1004. Арк. 12, 262). Данные предоставлены А. Кен-тием.

⁴⁶ ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 21.

всего, конфликты на личной почве, тлевшие в партизанских формированиях, в ряде случаев разрешались с помощью расстрела – иногда под предлогом борьбы с мародерством. Кроме этого, смертной казнью каралось неподчинение начальству. Например, уже упомянутый мародер Е. Хоменко из отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения, был по приказу Г. Балицкого расстрелян. В качестве обстоятельств, приведших к расстрелу, указывалось то, что Хоменко несколько раз не исполнял приказы командира. При расстреле Хоменко попытался подорвать себя и окружающих, но не смог этого сделать – граната оказалась неисправной⁴⁷. В другом случае Балицкий пишет о расстреле двух партизан, которые отметились не только бандитизмом: «В 12.00 построил отряд для зачитания приказа по соединению – о расстреле двух мерзавцев из отряда им. Щорса. Эти два мерзавца 2-го мая поехали в дер. Боровое, ограбили несколько семейств, напились, открыли стрельбу в одной квартире, хозяин и дети разбежались, а хозяйка не успела удрать. Один мерзавец изнасиловал эту женщину»⁴⁸.

Благодаря критике Строкача к концу периода оккупации дисциплина в некоторых соединениях немного окрепла, хотя от проявлений бандитизма ряды советских командос отнюдь не избавились. В связи с этим выглядит не лишённой основания даже публикация во власовской газете, передающая слова бывшего адъютанта начальника УШПД Александра Русанова, о том, что народ грабили все партизаны, за очень редким исключением: «Я неоднократно письменно и устно об этом докладывал. В последний раз Строкач мне сказал: “Оставьте это, все равно прекратить грабеж мы не сможем. Да и трудно сказать, принесет ли это пользу партизанскому движению”»⁴⁹.

Добавим, что в силу важности для коммунистов втягивания поляков в советские партизанские отряды на территории Западной Украины украинские партизаны почти не бандитствовали среди польского населения. Очевидно, по тем же причинам разведсводки АК отмечают в целом корректное поведение отрядов УШПД, прорвавшихся на Люблинщину весной–летом 1944 г.⁵⁰ Жертвами разбоя украинских красных партизан были, прежде всего, украинские крестьяне.

⁴⁷ Дневник Балицкого, запись от 16 сентября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 1).

⁴⁸ Дневник Балицкого, запись от 3 мая 1943 г. (Там же. Арк. 58).

⁴⁹ *Білас І*. Репресивно-каральна система в Україні... Кн. 2. С. 415.

⁵⁰ См.: *Kister Anna Grażyna*. Meldunki sytuacyjne Komendy Okregu Lublin AK, maj-lipiec 1944. Lublin, 1998. Passim.

6.2. Пьянство

Предваряя описание распространенности пьянства среди украинских партизан, скажем несколько слов об историко-культурных особенностях региона. До 1917 г. 88 % территории современной Украины входило в состав Российской империи, где алкоголизации населения способствовала, в частности, политика властей. Например, средства на так называемую «индустриализацию Витте» получались в значительной степени из-за увеличения продаж населению крепких спиртных напитков, на которые распространялась государственная монополия. Этим нехитрым экономическим приемом воспользовался в 1920–1930-х гг. и Иосиф Сталин, создавая самый большой в мире военно-промышленный комплекс.

В определенной степени пьянство было распространено и в Русской императорской армии, и вошло в прозу писателей-современников, например, Льва Толстого и Александра Куприна. Многие тысячи офицеров Царской армии в 1917–1922 гг. влились в РККА, принеся с собой часть традиций и привычек. При этом известный анекдот советской эпохи заострял внимание на различиях бытового поведения русского и советского офицеров: если первый – до синевы выбрит и слегка пьян, то второй – слегка выбрит и до синевы пьян. В годы советско-германской войны водка – знаменитые «наркомовские сто» или «наркомовские пятьдесят граммов» – выдавалась в определенные периоды в качестве добавки к ежедневному рациону питания, в другие периоды – как поощрение для находящихся на передовой и ведущих наступательные действия частей Красной армии⁵¹.

Масштабы выдачи алкоголя в РККА были большими, нежели в других армиях того же периода. По советским праздникам всему личному составу водка или вино выдавались в достаточных для организации веселья количествах. Нелишним будет упомянуть, что постановлением СНК СССР от 15 декабря 1942 г. ряду хозяйственных наркоматов приказывалось отпустить для УШПД в декабре 1942 г., наряду с другими продуктами потребления, 250 литров водки, а в первом квартале 1943 г. еще 750 литров, с равномерным распределением по месяцам⁵².

Таким образом наличие потребления алкоголя среди советских партизан, действовавших далеко за передовой линией фронта, на значительном расстоянии от контролирующих центров, в определен-

⁵¹ *Веремеєв Ю.* Водка на фронті. URL: <http://www.opohmel.ru/low/narkom.asp>

⁵² Постановление СНК СССР об отпуске ряда товаров для УШПД, № 24068-рс, 15 декабря 1942 г. (*Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні... Кн. 2. С. 315).

ной степени было изначально прогнозируемо. При этом внутренние документы отрядов заставляют поставить под сомнение вывод американского специалиста Эрла Зимке: «Случаи пьянства как среди офицеров, так и рядовых отмечались достаточно часто, но скудость запасов алкоголя позволяла держать эту проблему под контролем»⁵³.

Не будет преувеличением сказать, что, оправившись от шока немецкого вторжения, партизаны отряда Алексея Федорова приступили к распитию крепких спиртных напитков. Согласно дневниковым записям Николая Попудренко, находясь в лесу, в зимних условиях обойтись без алкоголя практически невозможно. При этом заместитель Федорова признавал факт чрезмерных выпивок, происходивших в тех случаях, когда захватывалось большое количество спирта. В частности, запись от 31 января 1942 г. свидетельствует: «Сегодня все были пьяны»⁵⁴. Не у всякого хватит воображения для того, чтобы представить 500 пьяных вооруженных мужчин, деформированных «лесной» жизнью.

Оперативный отчет Ковпака описывает быт соединения без «жареных» подробностей, но даже в нем есть упоминание о том, что 28 апреля 1942 г. во время операции по разгрому венгерского гарнизона бойцы нескольких рот захватили бочку рома и начали ее распивать вместо того, чтобы исполнять приказ⁵⁵. Комиссар Семен Руднев разлил напиток, и операция закончилась удачно.

Случаи попок, как уже говорилось, были нередки и в отряде Сабурова. В частности, во время Сталинского рейда командир одного из батальонов соединения Леонид Иванов в дневнике описал разгром полиции в селе Собыч на севере Сумщины 27 октября 1942 г., в ходе которого были подожжены склады с зерном, трактора и молотилки: «Перепуганный народ забился в свои хаты. Ребята достали спирта и идут навеселе, улыбаются: “Вот, задали перцу, будут век помнить!”»⁵⁶. Упоминания об употреблении алкоголя встречаются в этом источнике 9 раз за 5 месяцев 1942–1943 гг.⁵⁷ Причем весьма вероятно, что в дневнике Иванов описывал далеко не все.

⁵³ Зимке Э. Состав и моральное состояние партизанского движения // *Армстронг Дж.* Советские партизаны... С. 237.

⁵⁴ Дневник Попудренко, запись от 31 января 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 94. Оп. 1. Спр. 9. Арк. 39).

⁵⁵ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак, предп. Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 17).

⁵⁶ Дневник командира 2-го партизанского отряда Червоного района соединения Сабурова старшего лейтенанта Л. Иванова, запись от 2 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 105. Арк. 14 зв.).

⁵⁷ Там же. Арк. 14 зв., 29 зв., 31, 32, 34, 41 зв., 42, 48, 48 зв.

Первые полтора года войны, когда связь НКВД УССР–УШПД с основными соединениями была нерегулярной, какого-либо отношения Центра к потреблению партизанами алкоголя не отмечалось. Это дало возможность представителю ЦК КП(б)У Ивану Сыромолотному 11 января 1943 г. в письме Тимофею Строкачу из отряда Ковпака допустить довольно откровенное высказывание: «Действительно, часто не верится, что в тылу живем. Плохо, [что] нет водки. Спирта здесь не гонят. Самогона мало и плохой, но все равно пьем, где попадется»⁵⁸. Спустя три недели 17-летний сын комиссара Семена Руднева Радий в письме домой успокаивал собственную мать: «Мне не пить нельзя, нервы как тряпки. Конечно, если бы скорей конец [войны], тогда и слов нет, я и не подумал бы о проклятой водке – ведь если я и пью, то через силу и не очень много»⁵⁹. В начале февраля 1943 г. агент «Кармен» доносила в УШПД, что и отец этого партизана потреблял алкоголь: «Сообщаю, что все командование часто занимается выпивкой. Ковалю (т. е. Ковпака. – А. Г.) все боятся как огня – потому что как выпьет, так может кого угодно отхлестать плеткой»⁶⁰. Командир разведбригады Антон Бринский в воспоминаниях свидетельствовал, как во время переговоров с Ковпаком в конце февраля 1943 г. со своей стороны он выставил бидон спирта – по случаю дня рождения Руднева⁶¹.

Тимофей Строкач, получив очередную радиограмму от своего агента-радиста о том, что офицеры Сумского соединения проводят досуг за потреблением алкоголя и карточной игрой, направил радиограмму-молнию Ковпаку и Рудневу, вводя их в заблуждение относительно собственных источников информации: «Снова меня вызывали [в] ЦК ВКП(б), предупредили [о] наличии [в] ваших отрядах мародерства и пьянства. Прошу принять решительные меры борьбы [с] этими позорными явлениями. Для доклада сообщите [о] принятых мерах»⁶². Аналогичные радиограммы направлялись и в другие соединения, откуда поступали сведения о пьянстве партизан.

А поступали они отовсюду.

⁵⁸ Письмо представителя ЦК КП(б)У И. Сыромолотного Строкачу о ситуации в Сумском соединении, 11 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 39. Арк. 22).

⁵⁹ Письмо партизана Сумского соединения Р. Руднева матери, 31 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 154).

⁶⁰ Радиограмма «Кармен» Строкачу о поведении командования Сумского соединения, вх. № 395, 6 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 23).

⁶¹ *Бринский А.* По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. М., 1961. Кн. 2. С. 60–62.

⁶² Радиограмма «Марии» Строкачу о поведении командования Сумского соединения, 26 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 32–32 зв.).

Например, в действующем на территории Сумской области отдельном отряде им. Котовского, по свидетельству заместителя командира этого отряда Гаврилюка, дисциплина партизан оставляла желать лучшего: «Наряду с отсутствием соответствующей политической работы, отмечаются частые коллективные пьянки командиров и бойцов, в которых принимает участие как комиссар тов. Гуторов, так и отсекар т. Скларов и политруки групп. Особенно неблагоприятно с вопросом пьянок обстоит в автоматной группе, где командиром т. Ильин, который систематически пьет, используя операции для приобретения зерна или имущества, которое обменивается на самогон. Несмотря на то, что вопрос о некоторых командирах и бойцах неоднократно подымался на партбюро и совещаниях командного состава, положительных результатов почти не добились, т. к. вслед за собраниями или совещаниями пьянки продолжались с участием самого комиссара»⁶³.

С территории того же северо-востока Украины радист «Холодный» сообщал Строкачу о том, что командование двух партизанских отрядов Сумщины бездельничало: «Отряд Сень не имеет никакого общественного значения. Логвин и Сень пьют, а дела в стороне. Настроение в отряде Сень плохое»⁶⁴.

Живописную картину пьянок в Сумской области представил в своем письме Строкачу уполномоченный ЦК КП(б)У полковник Яков Мельник. По его словам, на Сумщине пьянствовали и партизанские командиры и бойцы, совместно и отдельно⁶⁵. Мельник утверждал, что благодаря его усилиям пьянство партизан Сумщины несколько сократилось, но не ушло полностью. После этих событий Я. Мельник стал комиссаром, а потом командиром Винницкого партизанского соединения, из которого осведомитель Строкача доносил 4 апреля 1943 г.: «Еще раз сообщаю, что в отряде Мельника мародерство, пьянка. Разложение дисциплины и дезертирство. На операции 4 апреля люди занялись пьянкой...»⁶⁶ Ветеран партизанской борьбы

⁶³ Из докладной записки заместителя командира партизанского отряда им. Котовского Гаврилюка начальнику 3 отдела УШПД Мартынову об агентурно-разведывательной работе в отряде, 31 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 262. Арк. 186–187).

⁶⁴ Радиограмма «Холодного» Строкачу из партизанского отряда П. Логвина о пьянстве командования отрядов Сумской области, вх. № 344, 3 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 19).

⁶⁵ Докладная записка начальника Сумского областного штаба партизанского движения Я. Мельника Строкачу о состоянии партизанских отрядов Сумской области, 9 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 20–21).

⁶⁶ Радиограмма «Степанова» Строкачу о состоянии Винницкого соединения, вх. № 1840, 4 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1381. Арк. 140).

Василий Ермоленко вспоминал, как это соединение весной 1943 г. уничтожило крахмальный завод: «Разгромили завод, что-то порастягали, люди – как мыши»⁶⁷. После этого, по словам Ермоленко, все мельниковцы (400 человек) напились технического спирта.

Из дислоцировавшегося в бассейне реки Припять отряда Александра Сабурова 23 марта 1943 г. в УШПД ушла радиограмма, укреплявшая имидж сабуровцев в глазах руководства: «Комвзвод Бородинский занимается пьянками и разгильдяйством. [В] пьяном виде пугает оружием население»⁶⁸.

Чекист Яков Коротков, в свое время не принятый Ковпаком, был послан УШПД в Полтавское соединение на должность командира по разведке. По словам комиссара этого отряда Митрофана Негреева, Коротков нашел общий язык с командиром соединения Михаилом Салаем на почве пристрастия к самогону: «Тов. Коротков оказался классическим алкоголиком, и агентурную работу заменил на изыскание самогона, уничтожение его и доставку через своих особистов и, в особенности, заместителя тов. Мангейма. Агентурная работа через это оставалась на 2-м плане, то есть ею совсем некогда было заниматься»⁶⁹.

Немецкая разведсводка сообщала о том, что командир действовавшего в основном на Житомирщине 1-го Молдавского партизанского соединения Василий Андреев использовал алкоголь в качестве своеобразного поощрения для партизан: «Для большей смелости Андреев дает своим бандитам вино, которое ему тоже доставляет Москва. Вино дается только тем, кто ходит на диверсии и только тогда, когда идут на дело. ...На диверсию за пол литра вина согласны ходить все. Но всех людей Андреев от себя не отпускает, а установил очереди»⁷⁰. Вино периодически посылалось в партизанские отряды УШПД в подарочных пакетах, поэтому не исключено, что сообщение немецких спецслужб было не лишено основания.

⁶⁷ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

⁶⁸ Радиограмма «Дробота» Строчаку о поведении командира взвода Бородинского из соединения объединенных партизанских отрядов Украины под командованием Сабурова, 23 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 39).

⁶⁹ Из письма комиссара Полтавского соединения М. Негреева Строчаку о состоянии соединения, 9 сентября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 240. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 9).

⁷⁰ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 23). Служебный перевод советских органов.

С территории Полесской области БССР сообщалось о том, что «комиссар [отдельного] отряда [В.]Чепиги [И. Пасюча] бездельничает и в пьяном виде расстреливает бойцов»⁷¹. Пасюча был отстранен от должности, и на его место назначили И. Семенишина, который также отметился пристрастием к алкоголю.

В Волынском соединении им. Ленина командование пьянствовало на протяжении первой половины января 1944 г.⁷², и, выйдя из запоя в связи с окриком Строкача, вернулось к «возлияниям» вместе с подчиненными: «В ожидании грузов начались опять поголовные пьянки, разложение»⁷³.

Более всего алкоголизации подверглись разведгруппы партизанских отрядов. Во-первых, они действовали на удалении от командования соединений – иногда в течение нескольких дней. Во-вторых, войсковая разведка – крайне важное, опасное и тяжелое занятие, поэтому к дисциплине разведчиков вышестоящее начальство проявляло определенное снисхождение, далее угроз, как правило, дело не доходило. В ходе напряженной операции – возвращения из Карпатского рейда в одной из групп Сумского соединения были отмечены случаи выпивки разведчиков, что нашло отражение в приказе командира группы П. Вершигоры: «Во избежание разного рода явлений, связанных с употреблением спиртных напитков во время разведки, приказываю: 1. За употребление спиртных напитков во время разведки и вне лагеря виновные будут расстреляны на месте. 2. Спиртные напитки разрешено употреблять только в лагере»⁷⁴. Бандеровский документ фиксирует попойку другой группы ковпаковских разведчиков, учиненную ими спустя пять дней: «22.08.[1943] зашло 5 партизан с одним подростком в ресторан Луцика Ивана в Мыслове (Калушский район Станиславской, сейчас Ивано-Франковской области – А. Г.). В центре были гости, пившие пиво. Один из партизан крикнул: “Руки вверх” – основательно обыскали всех присутствующих и попросили

⁷¹ Радиограмма представителей ЦК КП(б)У М. Козенко и Зянова для Коротченко и Строкача о поведении комиссара отряда В. Чепиги, вх. № 10 837, 18 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1359. Арк. 147).

⁷² Радиограмма радистов А. Хабло и М. Вовчик-Блакитной Строкачу о поведении командования Волынского соединения им. Ленина, вх. № 950, 15 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1530. Арк. 18).

⁷³ Радиограмма радистов А. Хабло и М. Вовчик-Блакитной заместителю начальника УШПД В. Соколову об обстановке в Волынском соединении им. Ленина, вх. № 1488, 2 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1530. Арк. 98).

⁷⁴ «Приказ по второй группе войсковой части 00 117, № 4», командир группы П. Вершигора и др., 17 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 20. Арк. 192).

их во двор, запретили расходиться. После сделали обыск во всем доме и сказали подать пива. После того, как несколько раз выпили пива, хотели платить (хозяйка не приняла) и ушли»⁷⁵.

В дневнике командира одного из отрядов дислоцировавшегося на Волыни соединения Алексея Федорова есть красноречивая запись от 28 октября 1943 г.: «С самого раннего утра начал заниматься разведкой. Пришлось снова брать в оборот тов. Зубко. Выяснилось, что он специально посылал разведчиков за самогонкой, а не по делу. Вместо дела он вместе с бойцами занимался пьянкой. Сегодня послал тов. Зубко и всю разведку в населенные пункты Бересцаны, Ольки и Городище с целью организации и расширения агентурной сети»⁷⁶. Через полтора месяца ситуация повторилась в другой группе этого отряда: «8 декабря 1943 г. Командир разведки тов. Ганжа доложил, что бойцы 2-й роты Никишин, Шорий и Лепешкин, которые были в с. Привитовка, мерзавцы напились и стали стрелять. Очень печально – крестьянин накормил, напоил, а они стали стрелять в квартире. Лева Кузкин стал стрелять по ульям. Не успели эти чудачки приехать в лагерь, я их арестовал и посадил под строгий арест»⁷⁷.

В связи с цитированными внутренними документами партизан вполне правдоподобным выглядит описание ситуации бандеровцами в Волынской области в феврале 1944 г.: «На протяжении нескольких дней безостановочно оперировала по селам красная разведка. Разъезжая по селам, разведчики все время заливались самогоном»⁷⁸.

Критика УШПД несколько повлияла на ситуацию в соединениях, но воздействие, несомненно, было не кардинальным.

Например, первая радиограмма Строкача Ковпаку о недопустимости пьянства была послана в феврале 1943 г. Однако, как свидетельствовал побывавший в Сумском соединении чекист Яков Коротков, попойки продолжались и в марте. По его словам, заместитель Сидора Ковпака по хозяйственным вопросам Павловский «никогда не бывает трезвым, самогон для командования готовится под его руководством в хоз[яйственной] части»⁷⁹. Согласно сведениям бывшего

⁷⁵ Отчет территориальной организации ОУН о деятельности советских партизан на территории Калушского округа Станиславской области от 9–25 августа 1943 г. 27 августа 1943 г. (Від Полісся до Карпат... С. 137–138).

⁷⁶ Дневник Балицкого, запись от 28 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 39).

⁷⁷ Там же. Арк. 53.

⁷⁸ Сообщение подпольщика ОУН «Из вестей» о ситуации в Волынской области, конец февраля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 59).

⁷⁹ Докладная записка капитана ГБ Я. Короткова Строкачу о ситуации в Сумском соединении, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 42).

политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева, вследствие критики Строкача «пьянка уменьшила свои размеры, но не ликвидирована полностью. (...) Можно привести ряд фактов вопроса пьянки... Сейчас раненые партизаны Ковпака в Москве пьянствуют и дебоширят, но своевременно пресечены.

Комиссар т. Руднев начал искоренять пьянку физической силой, т. е. не один раз попало командиру и политруку 10-й роты и др. товарищам, кто напьется, а командир т. Ковпак плеткой как втянет разочка два-три, так и хмель проходит, поэтому случаи пьянки стали реже»⁸⁰.

Дневник Григория Балицкого свидетельствует о том, что в образцовой части – отряде им. Сталина Черниговско-Волынского соединения – пьянство оставалось распространенным бытовым явлением даже после того, как подчиненные Алексея Федорова с начала 1943 г. стали неплохо контролироваться Центром, благодаря налаженной связи с «Большой землей». Да и в советском тылу попойки партизан были нередкими. После ранения Балицкий попал на излечение в Москву, где также на отдыхе оказались командир и комиссар соединения. Эти партизанские вожаки устраивали в столице настоящие дебоши: «Я стал жить вместе с [Алексеем] Федоровым, [Владимиром] Дружининым, [помощницей по комсомолу командира соединения Марией] Коваленко, [комиссаром отряда им. Сталина] Працуном в гостинице “Москва”, в 859 номере. Об этом номере знала почти вся “Москва”. Жизнь проходила исключительно весело: пили, гуляли, так проходили дни и ночи. Выпили спирта и 40-градусной водки столько, что, наверное, заработала бы водяная мельница...»⁸¹

По возвращении в немецкий тыл 8 марта 1943 г. в связи с «международным женским днем» была организована «выпивка, гулянка». 30 марта 1943 г. у Алексея Федорова был день рождения, вследствие чего им была устроена попойка в Винницком соединении Якова Мельника, в которой принял участие и украинский писатель Николай Шеремет: «Здесь было ведро самогона и несколько литров спирта 96 градусов». 9 апреля пьянка была устроена без повода: «В часть [Михаила Наумова] выехали нас 3 Героя [Советского Союза] – Федоров, Колпак и я. Со своей свитой. Эх! И погуляли крепко, было очень много самогонки и хорошей закуски». Первомайские торжества продлились два дня: «2 мая 1943 г. Сегодня и вчера с утра был

⁸⁰ Докладная записка бывшего политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева Строкачу о состоянии соединения, 28 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 149).

⁸¹ Дневник Балицкого, запись от 5 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 34).

приглашен Федоров на завтрак и обед. Была самогонка и хорошая закуска. Тов. Федоров все время танцевал. Вечером организованы были различные танцы и игры. Все это хорошо, но плохо то, что несколько десятков дней не ведем боя с противником...»

Завтраки Алексея Федорова, сопровождавшиеся распитием самогона и спирта, повторялись регулярно. В конце мая Балицкий с группой партизан снова был командирован в Москву, откуда должен был возвращаться 5 июня, но вылет был сорван ненастной погодой. «Лесные солдаты» нашли, чем себя занять: «Ночью же пришлось погулять, водки достали 20 литров и 20 лит[ров] спирта. Гуляли крепко. По-партизански»⁸².

Пьянки продолжились уже на Волыни, когда соединение пришло в самый центр контролируемой бандеровцами территории. Например, запись от 27 июля свидетельствует, что Алексей Федоров оставил Балицкого в качестве своего заместителя командовать соединением, а сам уехал в гости в местный партизанский отряд: «Из гостей все командование приехало пьяное, даже комсомолка Мария Коваленко приехала крепко выпивши, Г. Г. Кудимов – секретарь парткомиссии и Рванов – начштаба части № 0015 [т. е. Черниговско-Волынского соединения] были в дрезину пьяные. Как только приехали, так положились спать». В череде попок, которые продолжались в соединении летом–осенью 1943 г., происходили и довольно показательные случаи. В частности, 9 октября группа партизан Сталинского отряда была послана на добычу продуктов питания в близлежащее село: «Из операции привезено пудов 80 муки, 50 голов крупного рогатого скота и более 150 штук овец. Нужно сказать, что старшина батальона тов. Ковеза и старшина 2-й роты Арндаренко напились, как сукины сыны, и шухарили как не следует делать партизанам. За неправильное поведение обоим им объявлен выговор с предупреждением»⁸³.

Осенью 1943 г. Балицкий постоянно описывал совместные попойки, устраиваемые им и его руководителем вместе с командирами действующих рядом отрядов НКГБ СССР – Виктором Карасевым («Олимп»), Николаем Прокопюком («Охотники»), Дмитрием Медведевым («Победители»).

На личности последнего стоит остановиться чуть более подробно. Сам чекист, помимо службы в различных областных управлениях ЧК–ОГПУ–НКВД, командовал в 1938–1939 гг. заключенными

⁸² Дневник Балицкого, запись от 5 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 76).

⁸³ Дневник Балицкого, запись от 9 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 21).

ГУЛАГа в Медвежегорске и Норильске⁸⁴. Тем не менее в СССР и за его пределами за деятельность времен войны он был прославлен гигантской машиной коммунистического агитпропа⁸⁵. В мемуарах он писал о том, что в его отряде дисциплина была строжайшая: «Приказ командира – нерушимый закон. За проступок – наказание. Пить водку категорически запрещается. Игра в карты запрещена. Брать что-либо у населения и присваивать себе категорически запрещается. За грабеж будем расстреливать... Даже табак присваивать нельзя...»⁸⁶ Писатель Теодор Гладков представил читателям прямо-таки икону: «Медведев действительно одним своим внешним видом производил сильное впечатление. Расхлябанность, небрежность, безответственность рядом с ним ужиться не могли. В его присутствии подтягивались даже очень разболтанные люди. Эта суровость, однако, органично сочеталась у Медведева со вниманием к подчиненным»⁸⁷.

Дневник Григория Балицкого свидетельствует о том, что этот образ далек от истинности: «15 октября 1943 г. ... Сегодня приехал тов. Медведев со своей свитой... Целый день почти пьянствовали в связи с приездом тов. Медведева. Водка была его. У меня ее нет, и никогда не водится»⁸⁸. Следующая запись Балицкого указывает на один из источников перманентного веселья «Победителей»: «22 октября 1943 г. ... В 9.00 час. подошел тов. Медведев со своим отрядом, расположился севернее моего отряда. Почти весь день пили. У Медведева до черта самогонки, у него имеется свой аппарат...»⁸⁹ Через неделю Балицкий посетил стоянку своего «жизнелюбивого» соседа-чекиста, расположенную в урочище Лопатень в Киверецком районе Волынской области, где отметил одну из причин пьянок «Победителей» – безделье большинства партизан: «31 октября 1943 г. Ездил к Медведеву: ох и окопался, черт побери – вроде собирается жить в этих землянках не менее 5 лет. Я этому не удивляюсь, делать ему нечего, а поэтому нужно чем-нибудь занять людей. Отряд у него 800 человек, а работает на агентурной работе не больше 50–60 человек»⁹⁰.

⁸⁴ Антонов В. С. «Передышки в жизни ему не выпадало» // Независимое военное обозрение. 22. 08. 2008. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2008-08-22/14_medvedev.html

⁸⁵ См. также: Шук Н. Дорога подвига и бессмертия. Брянск, 2003.

⁸⁶ Медведев Д. Н. Это было под Ровно. М., 1968. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/medvedev/06.html>

⁸⁷ Гладков Т. Остаюсь чекистом! О Герое Советского Союза Д. Н. Медведеве. М., 1989. С. 82–83.

⁸⁸ Дневник Балицкого, запись от 15 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 29–30).

⁸⁹ Там же. Арк. 35.

⁹⁰ Там же. Арк. 41.

Иногда оперативные совещания плавно перетекали в попойки: «3 ноября 1943 г. Был в гостях у тов. Карасева Виктора Александровича, со мной ездил и тов. Прокопюк. В часа два приехал тов. Медведев и его заместитель по контрразведке тов. Лукин. Погуляли неплохо, договорились о совместной борьбе [с] немецкими извергами...»⁹¹ Командиры отрядов отмечали и день Октябрьской революции: «7 ноября 1943 г. ... В 15.30 поехал в гости к Медведеву. Немножечко погуляли и я поехал с тов. Прокопюком к себе в лагерь...»⁹² Во время вечеринок, устраивавшихся партизанами различных ведомств, часто наблюдалась крайне высокая концентрация действительных или будущих Героев Советского Союза: «25 ноября 1943 г. В 12.00 час. уехал тов. Федоров со своей свитой к Медведеву и Прокопюку в с. Вел[икие] Денисовичи. Я с группой разведки провожал своего боевого командира Алексея Федоровича Федорова. У тов. Медведева пришлось заночевать, так как Федоров также остался ночевать, погуляли очень хорошо»⁹³.

Коснемся также личности командира украинского кавалерийского партизанского соединения Михаила Наумова. Его отношение к алкоголю немецкая разведсводка характеризовала довольно просто: «Любит пить водку»⁹⁴. Непонятно, правы ли сотрудники нацистских спецслужб в этом случае. В дневнике Наумова есть указание на то, что попойки были для него неприятной обязанностью, обусловленной стандартами общения советских командиров. Например, 15 декабря 1943 г. Наумов был в гостях у командира Тернопольского соединения Ивана Шитова: «Принял и проводил он меня хорошо очень. Бал был на славу. Живут они, видимо, в удовольствии. У них есть много всяких деликатесов. Люди живут не зря, меньше всего думают, еще меньше говорят о том, как выполнить задачу. Таким характерам следует завидовать. Я с досады выпил столько, что удивил своего комиссара, которого вообще этим удивить трудно. Однако все кончилось гладко»⁹⁵. Вся следующая неделя была для Наумова чередой вечеринок: «23.12.43 г. Эти дни чувствовал себя нехорошо. Прежде всего, много пил самогонки, распатались нервы. Пил вынужденно, т. к. вообще пить не люблю и выпивка для меня – тяжелая повинность. Пью

⁹¹ ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 42.

⁹² Там же. Арк. 45.

⁹³ Там же. Арк. 50.

⁹⁴ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 21). Служебный перевод советских органов.

⁹⁵ Дневник Наумова, запись от 16 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 67).

только с гостями (партизанами соседних отрядов. – А. Г.), а их за эту неделю было изрядно»⁹⁶. Далее Наумов описал встречу Нового года и пару других попок, в том числе совместное веселье с передовыми частями Красной армии: «10 января [1944 г.] я неожиданно был обрадован... Что же еще может быть более приятно, если ЦК КП(б)У и лично т. Хрущев радирует поздравление? ...Награждение этим орденом – факт признания за мной полководческой деятельности. Вечером был приглашен к командиру полка 121 Гомельской гвардейской дивизии, где вместе с офицерским составом выпили за орден Богдана Хмельницкого. Привет тебе, полководец повстанческих войск – Богдан Хмельницкий!»⁹⁷ В дневнике отмечаются и случаи пьянства среди партизан кавалерийского соединения. Например, 16 января 1944 г. Наумов выразил радость по поводу прибытия со сложного задания командира одного из подчиненных ему отрядов: «Хорошо, что прибыл Гаврилюк, я его люблю за ум трезвого и ненавижу пьяного (слишком много пьет и при этом глупо орет). Вчера вечером пришлось выгнать его из-за стола после того, как он за 10 мин[ут] по прибытию из Олевска опьянел и начал стучать кулаком по столу. Больше умных ребят (среди командиров отрядов соединения М. Наумова. – А. Г.) нет и не было»⁹⁸.

Согласно воспоминаниям ветерана Льва Додика, командир его взвода, входившего в отряд им. Кармелюка кавалерийской партизанской бригады им. Ленина, Забаштанский перед застольем произнес фразу: «Прощай, разум, завтра встретимся»⁹⁹.

Показав пьянство на основании документов самих партизан, для многомерности картины можно привести хотя бы несколько бандеровских документов, описывающих пристрастие красных к зеленому змею.

В сообщении националистов с территории Галиции в феврале 1944 г. фиксировалась лояльность партизан советской системе: «20.02.44 г. в г. Вужгородке (вероятно, Вышгородок, Ланивицкий р-н Тернопольской области. – А. Г.) заквартировала группа красных партизан 600 до 800 человек. При входе в квартиры в первую очередь спрашивали, есть ли бандеровцы, а потом требовали водки. Водку пьют стаканами (за здоровье Сталина)»¹⁰⁰.

⁹⁶ Там же. Арк. 74.

⁹⁷ Там же. Арк. 99.

⁹⁸ Там же. Арк. 113–114.

⁹⁹ Додик С. Судьба и жизнь мальчика из расстрелянного гетто. URL: <http://www.proza.ru/2004/01/10-149>

¹⁰⁰ Сообщение подпольщика ОУН «Вести с востока», 4 марта 1944 г. (ЦДА-ВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 137. Арк. 5).

В аналогичном донесении с территории Волыни, напротив, отмечались даже проявления антисоветских настроений среди красных партизан. Возможно, документ «приукрашивал» врагов бандеровцев, но, учитывая показанные выше масштабы и формы потребления партизанами алкоголя, несложно предположить, что последние могли в состоянии сильнейшего опьянения говорить вообще что угодно: «В Головной были случаи, что пьяные красные кричали за столом: “Смерть Гитлеру, Смерть Сталину!” Говорили, что такая война может для них продолжаться еще 10 лет (чтобы можно было им грабить и гулять)»¹⁰¹.

В другом случае бандеровский подпольщик акцентировал внимание на невиданном разгуле пьянства среди партизан. Поскольку действие происходило на Тернопольщине в марте 1944 г., то, вероятно, в данном случае описывалось соединение им. 24-й годовщины РККА: «Во время пьянки 80 % пьет водку до беспамятства, остальные 20 % – умеренно... Общее их поведение более, чем дикое. Во время попойки валяются в болоте, ложатся спать на дворе в соломе и [потом] догоняют свои отряды»¹⁰².

В конце мая – начале апреля на Львовщине, согласно сведениям националистического подполья, пьянство в проходящем партизанском отряде было неразрывно связано с разбоем: «Входя в хаты, сразу же спрашивали водки. Водка бандитов несколько усмиряет, и обычно в той хате, где их угостят водкой, уже так не грабят, только забирают те вещи, которые им понравятся. Больше всего нравятся им часы, и их внимательно ищут. У кого нет водки, забирают все, что только попадет им в руки, даже те вещи, которые им ни для чего не нужны»¹⁰³.

Возможно, внимание, проявленное в исследовании к вопросу пристрастия партизан к алкоголю, может показаться излишним. Однако попойки были не только занятием, вредным для здоровья партизан, их личным делом. Пьянство способствовало бандитизму партизан, т. е. отягощало судьбу живших под оккупацией мирных жителей. Помимо этого, распитие крепких спиртных напитков негативно сказывалось на успешности ведения боевых действий советскими командос.

¹⁰¹ Сообщение подпольщика ОУН: «Вести с Ковельщины за период 15.02–29.02.44 г.», не ранее 29 февраля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 51).

¹⁰² Сообщение подпольщика ОУН: «Тернопольщина. Отчет о предфронтных, фронтных и зафронтных событиях в Зборовщине», «Богдан», 23 марта 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 157. Арк. 23).

¹⁰³ Сообщение подпольщика ОУН: «Чрезвычайный отчет ч.: 10. Большевицкие партизаны в уез[де] Жовква», «Скала», 8 апреля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 126. Арк. 65).

Во-первых, портились отношения с мирным населением. Приведем один пример из этого ряда. Север Ровенской области, бандеровское донесение о противнике: «Штаб [одной из групп отряда] им. Котовского находится в селе Велюги. Отряд его состоит из приблизительно 50 мужчин, из этого же села. Командир – местный, а политрук – парашютист... Эта группа сильно грабит население, поэтому люди ее сильно ненавидят, как грабителей и пьяниц»¹⁰⁴. Ясно, что в такой враждебной среде оперировать партизанам было нелегко.

Представляется, что и на качество агентурной разведки коммунистов пьянство оказывало непосредственное воздействие. Сообщение националистического подполья в конце 1943 г. охарактеризовало ситуацию в юго-западных районах БССР, где из-за важности лежащих там железнодорожных путей и наличия лесов и болот одновременно оперировали партизаны УШПД, БШПД, РУ ГШ КА и НКГБ СССР: «Красные морально разложены, пьют, бесчинствуют, бьют и убивают даже своих сексотов»¹⁰⁵. Очевидно, такая потеря агентуры не могла не отразиться на качестве добываемой развединформации и снижала возможности новых вербовок.

И на эффекте от боевых действий красных пьянство сказывалось отрицательно. Раиса Боярчук, жительница расположенного на севере Ровенской области села Старая Рафаловка вспоминает, что партизаны разведывательной бригады Антона Бринского свою карательно-боевую операцию провели в нетрезвом состоянии: «Таковыми они мне и запомнились, те петровцы: на конях, пьяные, всегда готовые беспощадно убивать “врагов и предателей народа” и грабить “во имя победы над фашизмом”»¹⁰⁶. В тот раз маленькая группа бандеровской самообороны не смогла отбиться от численно превосходящих партизан, но ясно, что пьяному противнику легче противодействовать, нежели чем собранным и внимательным бойцам.

Конечно, последствия пьянства осознавали Строкач и Хрущев, поскольку до них постоянно доходила соответствующая информация, описывающая «пьяные провалы» операций.

В частности, уполномоченный ЦК КП(б)У Яков Мельник описал бой нескольких отрядов УШПД на севере Сумской области: «Первая наша операция на Марчихину Буду 30.10.42 г. вначале прошла

¹⁰⁴ Донесение сотрудников войскового тыла УПА, август 1943 г. (Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 248).

¹⁰⁵ Сообщение подпольщика ОУН: «Информация с территории Брестской и Кобринской округи от 21 сентября до конца 1943 г.», «Хвиля», 15 января 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 115. Арк. 5).

¹⁰⁶ *Боярчук П.* Трагедія Старої Рафалівки...

успешно, мы разогнали гарнизон полиции до 100 чел., некоторых убили, после чего утром стали заготавливать продовольствие. Было приказано командирам отрядов держать вокруг села заставы и выделить часть бойцов для хоззаготовок. Однако командиры отрядов настолько распустили бойцов, что они все перепились, а бойцы Червонного отряда (в то время командиром был тов. Лукашев, ныне 2-й секретарь обкома КП(б)У) были сняты командиром тов. Лукашевым из застав и направлены обозом в Лошенку. Когда в 12 часов мадьяры повели на нас наступление, то оказалось, что левый фланг, где расположился Червонный отряд, был открыт, и нам всем пришлось отступить с боем»¹⁰⁷. Через две недели история повторилась: «7-го ноября мы отрядами вышли по Червонному району в села Пустогород, Фотевиж, Вочевск и др. Возвращаясь с операции, Куманек, Гнибеда и др. командиры, будучи в пьяном состоянии, бросили отряды на произвол и уехали в Хинель. Мне с Наумовым пришлось собирать по полю разрозненные группы, построить и направить по маршруту. Прибыв в Хинель, на другой день я сделал замечание, довольно в вежливой форме, тов. Гнибеда на то, что он бросил отряд и не привел его к месту дислокации. Видимо, это замечание стало не по нутру Гнибеде и самому Куманьку. А как потом мне стало известно, они обсуждали этот вопрос за распитием спирта»¹⁰⁸.

В тот момент в другом регионе – на правом берегу Днепра – оперировало ковпаковское соединение. Согласно свидетельству одного из ковпаковцев, в результате пьянки в марте 1943 г. был случайно убит командир 9-й роты, орденосеиц, и этот факт был не единичным: «По случаю пьянки, отряд несет лишние жертвы в бою. Хотя бы взять пример боя в с. Кодры, Киевской области; 3-я рота вступила в бой в пьяном виде, где лучшие люди роты погибли. Очень много случаев, когда разведроты обстреливают своих разведчиков, не спрашивая и не отвечая пароля друг друга, т. к. в пьяном виде посчитали друг друга за полицейских. Были случаи, когда через пьяную разведку сбивались с пути маршрута и путались сутками»¹⁰⁹. Недисциплинированность руководства вызывала нарекания рядовых бойцов. 16 апреля 1943 г. информатор Строкача послал в УШПД радиogramму: «Партизаны с

¹⁰⁷ Докладная записка уполномоченного ЦК КП(б)У Я. Мельника Строкачу о состоянии партизанских отрядов Сумской области, 9 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 20).

¹⁰⁸ Там же. Арк. 21.

¹⁰⁹ Докладная записка бывшего политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева Строкачу о состоянии соединения, 28 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 150).

уважением говорят об отряде Федорова, Сабурова называют смелым. Своих командиров ругают за бахвальство, последствия воздушного налета – нераспорядительность их. Они пьянствовали»¹¹⁰.

Впрочем, рядовые ковпаковцы ошибались – в соединении Федорова ситуация была схожей. 17 июня 1943 г. Черниговско-Волынское соединение должно было начинать прохождение очередной части рейда к месту своей дислокации: «За обедом тов. Рванов (нач[альник] штаба соединения) подал тов. Федорову приказ для подписи, но тот категорически отказался подписывать. Все это явилось результатом того, что тов. Федоров был крепко выпивши. В 17.00 часов (очевидно, с опозданием. – А. Г.) приказ был зачитан. Суть этого приказа была по нашему дальнейшему маршруту. В 20.00 часов двинулись на марш...»¹¹¹ Через две недели командир соединения устроил очередную попойку: «28 июня 1943 г. ... Завтрак сопровождался водкой. Часть понапивалась до потери сознания. Сам тов. Федоров пошел с гостями по батальонам и стал проверять станковые и ручные пулеметы, а также автоматы. Все бойцы, которые не знали в чем дело, поднялись по тревоге. И это и неудивительно, что поднялись по тревоге, по тому самому, что были даны длинные очереди из станковых пулеметов, что просто ужас один... Такое количество патронов выпускалось бесцельно, напрасно. Всего выпущено патронов из всех видов оружия больше 1500 шт. Это просто преступление, напрасно выпускать такое количество патронов. Сейчас выпускаем такое количество патронов без цели, а придет время, что не будет патронов для того, чтобы уничтожить фашистскую гадину...»¹¹² Своих же подчиненных Григорий Балицкий за пьянство бранил. В частности, 9 октября 1943 г. командир диверсионной роты Платонов доложил ему, что задания не выполнил, несмотря на гибель командира диверсионного взвода Лавриненко: «Оказывается, что тов. Платонов, несмотря на неоднократные мои предупреждения, во время выполнения боевого задания напился, в результате пьянки провалил операцию. Тов. Платонов не первый раз уже проваливал боевое задание. Во время выполнения боевого задания был пьян не только т. Платонов, а и его командиры взводов – Никитин напился до потери сознания, Кришханов и другие. Пришлось принимать самые строгие меры. Платонова снял с

¹¹⁰ Радиogramма «Загорского» Строкачу о состоянии партизан Сумского соединения, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 46).

¹¹¹ Дневник Балицкого, запись от 17 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 83–84).

¹¹² Там же. Арк. 91.

должности командира 3-й роты, Никитину объявил выговор, [а также] Дубинину, всех остальных предупредил»¹¹³.

В отряде им. Котовского 1-го Молдавского партизанского соединения пьянство также привело к провалу операции, которую планировал любивший выпить командир – Кожухарь. Об этом свидетельствовал информатор Володин, вероятно, сотрудник НКВД МССР: «Кожухарь дал ложные сведения [для] Совинформбюро о боевой операции. Якобы, они убили 52 немца и полиция. Действительное же положение было такое: Кожухарь послал 24 человека на хозоперации. Группу возглавлял Анисимов (тип бандита). Они приехали в село Бечи, напились пьяные и легли спать, не выставив даже часовых. Ночью боец, тов. Титович вышел на улицу и увидел группу врага. Он вскочил в дом поднял людей, а сам выскочил из дома и убил 6 немцев. Убили и его. После чего, остальные бойцы выскочили и убили еще 2 немца и 2-х полицейав. Немцы отступили... Анисимов труп героя не взял, а бросил его в деревне. На другой день немцы пришли, взяли труп, изрубили и бросили в яму. За эту операцию Кожухарь представил к правительственной награде Анисимова, Дручина и ряд других товарищей, в том числе и себя»¹¹⁴. Указанный отряд в феврале 1944 г. был развернут во 2-ю бригаду имени Сергея Лазо, в состав которой входило 4 стрелковых батальона. Бригаду возглавил М. Кожухарь.

Попойки практически не влияли на дальнейшее карьерное продвижение партизанских командиров. Возможно потому, что пьянство, как правило, не переходило в алкоголизм: после войны большинство из командиров бригад и соединений УШПД, отрядов ГРУ и НКГБ СССР смогло reintegrироваться в «трудовые будни» мирного времени и прожить многие годы, а еще чаще – десятилетия.

6.3. Разврат

Развитию «свободной любви» в Советском Союзе способствовала пропаганда вольных отношений полов в начале 1920-х гг., борьба коммунистов с религией, изменения уклада жизни основной массы жителей СССР в ходе Первой мировой войны и социально-

¹¹³ ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 24–25.

¹¹⁴ Докладная записка Володина для К. Фролова о положении в отряде им. Котовского 1-го Молдавского соединения, вх. № 002 056, 15 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 38. Арк. 80). Предположительно – внутренний документ НКВД МССР, по ознакомлении переданный в УШПД.

экономических преобразований в течение двух первых пятилеток¹¹⁵, нарушений естественной половозрастной пирамиды общества. Все эти процессы влияли не только на подрастающее поколение, но и на людей, родившихся и сформировавшихся еще в Российской империи. Любопытно впечатление одной из подпольщиц ОУН в 1941 г. о жительницах Каменец-Подольской области: «Обычно женщины тут в большинстве ни о чем другом не думают, кроме как о гулянье и хорошей одежде. Следует сказать, что морали тут, собственно, нет никакой»¹¹⁶.

Соответствующим образом вели себя и партизанские командиры — советские люди, оторванные от своих семей, при этом получившие власть и определенную свободу действий.

Например, писатель Николай Шеремет свидетельствовал, что «слабое место» в соединении Алексея Федорова — это женщины: «Их, во-первых, много, во-вторых, делятся они на две категории: кухарки и любовницы. Боевых девчат у Федорова мало и командование даже возражает, чтобы их использовали на боевой работе. В соединении Федорова не заботятся о культуре быта, о чистоте взаимоотношений женщины и мужчины. Нельзя [отрицать] того факта, что много взрослых командиров, родители взрослых детей, взяли себе в жены молодых, легкомысленных девчат. Это снижает авторитет руководства и дает плохой пример рядовым партизанам.

А. Ф. Федорову нужен сильный и авторитетный комиссар, который бы мог на него влиять в лучшую сторону. ...Нынешний комиссар т. Дружинин человек без собственного лица и во всем подчиненный воле Федорова. ...Все решает и всем руководит властолюбивый Федоров»¹¹⁷. Шеремет утверждал, что ситуация с положением женщин в соединении Ковпака была лучше: «Их намного меньше, а те, которые есть, имеют боевые профессии и прекрасно себя проявили».

На самом деле украинский литератор ошибался, поскольку глубоко знал внутреннюю жизнь только федоровского отряда. В Сумском соединении наличествовал умный, волевой и авторитетный комиссар — Семен Руднев, а нравы приближенных Ковпака, как свидетельствовал Минаев, бывший политрук одной из ковпаковских групп, также сложно было назвать пуританскими: «Каждый командир под-

¹¹⁵ Об этом см.: *Курганов И. А.* 1) Женщины и коммунизм. Н.-Й., 1968; 2) Семья в СССР, 1917–1967. Н.-Й., 1967. *Passim*.

¹¹⁶ Українське державотворення. Акт 30 червня 1941... С. 453.

¹¹⁷ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 16).

разделения или политрук женится независимо на ком и не обращая внимания на то, что он [сам] женат и имеет детей. Эту временную жену возят на повозке, создают мужья им отдельные преимущества... В наряд не посылаются и т. д. Каждый муж старается одеть, обусть ее и дать лучшее питание, а другой муж не в силах этого сделать и происходят семейные ссоры, что отражается на боеспособности самого командира, а также на подразделении. Сколько ревности, сколько неприятностей, а подчас и драк происходит у семейных товарищей. Бывают случаи, когда жена командует в бою мужем. Это неплохо, если она понимает неправильности мужа в бою, а то не понимающая мысль команды мужа [жена] сует свой нос, куда не следует... Подчас женатые проявляют трусость в бою, ради своей временной жены, чтобы не погибнуть и не разлучиться с ней. Очень часто происходят самовольные отлучки – жена к мужу, а муж к жене уходят, если они в разных подразделениях. Очень много жалоб и обид на то, что все бойцы, как мужчины, так и женщины, идут, совершают марш пешком, а жены на повозках...»¹¹⁸.

Документы донесли до нас оценку умственных способностей «боевой подружки» командира Сумского соединения. 23 марта 1943 г. представитель ЦК КП(б)У Иван Сыромолотный писал Строкачу: «Недавно деда (т. е. Ковпака – А. Г.) крепко обругали с Рудневым. [Ковпак] связался с одной дурой, а та его сводит на разлад с некоторыми работниками»¹¹⁹. Через полгода Семен Руднев подтвердил характеристику Сыромолотного, во время Карпатского рейда оставив в дневнике запись о том, что Сидор Ковпак «пьет, ходит к бабе, такой же дуре, как и сам, спать...»¹²⁰

В отряде Александра Сабурова наблюдалась похожая картина. Свое свидетельство Хрущеву направил лектор-пропагандист ЦК КП(б)У Кузьма Дубина: «В соединении т. Сабурова почти каждый командир отряда, по образцу командира и комиссара соединения, – имеют “жен”. Все об этом знают. Даже на собрании говорят, например, “жена Количенко” и т. д. “Жены” имеют привилегию перед другими. Те кто были раньше бойцами – на задание не ходят... Все это создает нехороший осадок и лишние разговоры, подрывает мораль-

¹¹⁸ Докладная записка бывшего политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева Строкачу о состоянии соединения, 28 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 149).

¹¹⁹ Письмо секретаря ЦК КП(б)У И. Сыромолотного Строкачу о состоянии Сумского соединения, 23 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 39. Арк. 103).

¹²⁰ Дневник Руднева, запись от 23 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 53).

ные устои людей. К тому же часть этих “жен” – разбалованные, недалекие “девки”, компрометирующие командиров. Уж не большой ли скидкой на обстановку будет допущение таких вещей, переходящее в систему? Ведь в единственном отряде [им.] т. Жукова (командир т. Селивоненко) отсутствуют эти “законы” и отряд этот стоит выше всех остальных в отношении дисциплины и порядка и одним из первых в отношении боевых действий»¹²¹.

Командир отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Григорий Балицкий, описывая в дневнике попойку, совершенную им вместе с партизанами Ровенщины, пустился в размышления о личной жизни 52-летнего командира одного из отрядов соединения Бегмы: «Его жене 21 год. Черт подери, что война сделала – молодая девушка живет с таким стариком! Что у них общего в семейной жизни? Ничего не понятно. Какая может быть семейная жизнь, когда он старше своей супруги на 31 год? Это не жизнь, а просто чепуха»¹²².

Очевидно, что престарелые командиры были другого мнения. Неудивительно, что в донесении СД об использовании «фальшивого» партизанского отряда в марте 1943 г. в селе Студенок на севере Сумщины, значилось: «Женщины жаловались на то, что “мы” (т. е. красные партизаны. – А. Г.) всегда хотим забрать с собой самых молодых и красивых женщин»¹²³.

Как правило, любовница у командира или комиссара была одна, но встречались и исключения.

В частности, начальник штаба 4-го батальона Сумского соединения, будущий Герой Советского Союза Петр Брайко доносил Ковпаку о «проказах» своего непосредственного начальника – командира 4-го батальона: «Присланная к нам минер-инструктор Никольская Л. с первых дней показала [себя], как одна из преданных, смелых и отважных бойцов. Несмотря на то, что был приказ по в[оенной] ч[асти] (т. е. Сумскому соединению. – А. Г.) инструкторов-минеров в бой и на операции не посылать, за исключением на диверсионную работу, Кудрявский с первых дней ее приезда решил использовать ее в своих целях, считая, что командир должен попробовать всех вновь поступивших девушек, как это обычно он делал. Но Никольская строго от-

¹²¹ «Докладная записка – отчет лектора ЦК КП/Б/У Дубины К. К. о поездке в тыл противника», Хрущеву и др., сентябрь 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 52).

¹²² Дневник Балицкого, запись от 11 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 47).

¹²³ Сводка СД «Донесения из оккупированных восточных областей», 2 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 82. Арк. 16). Перевод с немецкого советских органов.

казала ему и не стала его “жертвой”. Тогда Кудрявский обезоружил ее и отправил рядовым бойцом в роту, надеясь, что после этого она все же “уступит” ему. Но не вышло. Рота пошла в бой и Никольская Лира героически погибла в бою (т. к. была не бойцом, а диверсантом. – А. Г.) в селе Блудники...»¹²⁴

Нечто похожее сообщалось из Черниговского соединения. Заместитель Федорова в момент отсутствия последнего был крайне увлечен склоками в собственном минигареме: «[Николай] Попудренко ругается с женами, а основное забывает»¹²⁵. Как позже заявила комсомольским органам одна из «жен» Попудренко, любвеобильный партизанский командир вымогал ее «симпатии». Жалоба Федорову не принесла успеха: первый секретарь Черниговского обкома «успокоил» партизанку, заявив, что насильник «на самом деле хороший человек, можешь с ним жить». Под угрозой расстрела «за шпионаж» женщина сдалась, забеременела, за что была выгнана в другой отряд, где новорожденного умертвили по приказу нового командира, а ее в конце концов отправили за линию фронта¹²⁶.

Ветеран Винницкого соединения Я. Мельника Василий Ермоленко вспоминал, что командование «с женами ездило. Один – по одной, а то и по две. У нас был один из окружения, моряк. Так у того, может быть, пять было. Одна сдачи дала, когда он к ней ночью в шалаш залез»¹²⁷. Интервьюер утверждал, что этот человек (комиссар их отряда «За Родину») принуждал женщин к сожительству – «брал силой». Василий Ермоленко не смог вспомнить фамилию комиссара своей части, но исследователями установлено, что его звали Николай Ехалов¹²⁸.

Временный характер отношений командного состава со своими «походно-полевыми» или «походно-партизанскими женами» (ППЖ) хорошо прослеживается в дневнике Григория Балицкого, в котором он довольно откровенно описал собственные романы. После разгульных пьянок в столичной гостинице «Москва», где он находился после операции по удалению глаза, орденоседец записал в дневнике: «Здесь по-настоящему завязалась моя дружба с Марусей

¹²⁴ Сообщение начальника штаба 4-го батальона Сумского соединения Ковпаку о гибели инструктора Л. Никольской, 17 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 533. Арк. 44–45).

¹²⁵ Радиограмма «Феди» Строкачу о ситуации в Черниговском соединении под командованием А. Федорова, вх. № 654, 18 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 30).

¹²⁶ *Slepyan Kenneth. Stalin's Guerrillas. Ch. 5.*

¹²⁷ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

¹²⁸ Україна партизанська... С. 211.

Коваленко»¹²⁹ – помощницей А. Федорова по комсомолу. По возвращении в соединение на Балицкого посыпались жалобные и угрожающие упреки от его бывшей любовницы – Маруси Товстенко. Однако Балицкий оставался непреклонен: «Маруся хорошая женщина, но имеет целый ряд недостатков. Тов. Товстенко я сказал, что я с ней буду обращаться как с товарищем и боевым бойцом-партизаном»¹³⁰. Но и связь с Марусей Коваленко Балицкий прекратил, после чего она прислала ему гневное письмо, в котором предполагала, что командир отряда им. Сталина вернулся к своей предыдущей спутнице, которая, по утверждению Коваленко, хотела из ревности убить свою мнимую «конкурентку». Это вызвало возражение Балицкого: «Но просто чепуха, плевать... Откуда она (М. Товстенко. – А. Г.) может ждать от меня ребенка, когда я с ней не живу с 17 августа 1942 г.? Она живет, как всем известно, с кем попало, а сейчас со Шкодой»¹³¹. Балицкий дал в ответ Коваленко радиограмму о том, что все ее письмо «клеветническое». Вялотекущие разборательства со своими бывшими подругами опытный диверсант продолжал и осенью 1943 г.

К своим же подчиненным Григорий Балицкий был гораздо более требователен, нежели к себе. Например, 15 декабря 1943 г. он учинил своеобразную ревизию партизанам: «Ровно в 7.00 час. пошел в 3-ю роту посмотреть все ли командиры участвуют на утренней физзарядке и руководят ею. Прошелся по взводам, а в 7.30 зашел в землянку командования роты. Оказывается, что командир роты тов. Платонов со своей шмонькой лежит еще в кровати, а также и политрук тов. Витринский не думает подниматься. Пришлось крепко поругать этих... Будут нарушать распорядок дня внутренней жизни лагеря, к ним будут применять меры наказания»¹³². Через месяц Балицкий устроил «разнос» своему заместителю по разведке: «Крепко ругал я его за безделье и не активность в разведке, тов. Зубко все молчал и только потел. Зубко докатился до такого положения, что стал ставить свою шмоньку Марию выше общественности». В другом случае после бурной вечеринки командир отряда им. Сталина вместе со своим штабом и музыкантами ночью нагрянул в жильё к командованию 1-й и 3-й рот: «Застали тов. Плевако Павла Логвиновича с бабой Галиной, политрука 3-й роты тов. Выдринского с Соней, медсестрой. Пришлось сыграть им свадьбу, несмотря на то, что они оба конспирировали это.

¹²⁹ Дневник Балицкого, запись от 5 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 34).

¹³⁰ Дневник Балицкого, запись от 26 марта 1943 г. (Там же. Арк. 39).

¹³¹ Дневник Балицкого, запись от 9 августа 1943 г. (Там же. Арк. 74).

¹³² Дневник Балицкого, запись от 15 декабря 1943 г. (Там же. Спр. 60. Арк. 11).

Жили с девками долгое время, но скрывали ото всех. И вот сегодняшний день раскрыл всю тайну. Кончился день исключительно весело. Женихам, конечно, невесело окончился вечер. Женихи даже перепугались, так как мы наскочили неожиданно для них»¹³³.

Не были исключением в смысле отношения полов и партизанские вожаки ГРУ.

Алексей Федоров заявлял, что в разведбригаде Антона Бринского «на почве разврата командного состава отрядов указанного соединения заболевание всякого рода венерическими заболеваниями являются обыденными и массовыми»¹³⁴. Сам Бринский в ответ на обвинения Федорова утверждал, что среди его партизан отмечалось «до 20 случаев венерических заболеваний со стороны бойцов и командиров»¹³⁵. По свидетельству бывшей партизанки этой бригады Фаины Соломян-Лоц, замужняя партизанка Евдокия Кузнецова, разбившая пятерых командиров, была расстреляна за это как «предатель Родины»¹³⁶. Позже командир разведбригады утверждал, что после гибели супруги муж Кузнецовой бежал из рядов красных в УПА, а убивший большую женщину командир Перевышко был снят Бринским со своего поста¹³⁷.

Поскольку использование контрацептивов в СССР, а тем более в партизанских отрядах в 1940-е гг. не было широко распространено, следствие оживленной половой жизни давало себя знать. Например, разведсообщение ОУН февраля 1944 г. информировало о ситуации в соединении Алексея Федорова: «У каждого командира, комиссара или лейтенанта есть при себе жена или любовница, с которой спит. Почти каждая жена уже беременна»¹³⁸. Во время архивного поиска

¹³³ Дневник Балицкого, запись от 26 января 1944 г. (Там же. Арк. 87).

¹³⁴ «Докладная записка о преступных действиях ряда командиров и бойцов партизанских отрядов соединения полковника Бринского (“дяди Пети”)», Федоров и Дружинин Хрущеву и Строкачу, 21 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 48).

¹³⁵ Докладная записка командира партизанской бригады А. Бринского начальнику РУ ГШ КА Ф. Кузнецову о взаимоотношениях с партизанами Черниговско-Волынского соединения, исх. № 1985, 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 55).

¹³⁶ *Solomian-Loz F. Getto i gwiazdy*. Warszawa, 1993. S. 114 (W: *Motyka, Grzegorz* *Ukraińska partyzantka...* S. 241).

¹³⁷ Докладная записка командира партизанской бригады А. Бринского начальнику РУ ГШ КА Ф. Кузнецову о взаимоотношениях с партизанами Черниговско-Волынского соединения, исх. № 1985, 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 57).

¹³⁸ Сообщение подпольщика ОУН «Вести с Ковельщины за период от 01.2–15.02.44 г.», 20 февраля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 45).

автор нашел лишь три ответа на вопрос о том, что происходило с детьми, если во время их рождения не было перспективы скорого прихода Красной армии. В частности, в отряде Ковпака командиры пытались отправить на самолете в тыл вместо раненого бойца беременную женщину¹³⁹. Ветеран Каменец-Подольского соединения Алексей Артамонов свидетельствовал, что в их отряде забеременевшая женщина вскочила на коня, поскакала на нем в лес и таким образом осознанно сделала себе искусственный выкидыш¹⁴⁰. Упомянутый Григорий Балицкий в дневнике описывал другой путь исчезновения младенцев из отрядов партизан: «Обстановка обстановкой, а малые дети, партизаны рождаются. В эту ночь родился ребенок у Екатерины Рудой. Не знаю, чем кончится жизнь этого малютки... Обычно рождающиеся дети в партизанских отрядах долго не живут, их душат, как мышей. Такая доля этого ребенка также ждет»¹⁴¹.

Сексуальная жизнь участников партизанских отрядов показывает, насколько силен был разрыв в положении командного и рядового состава: простые партизаны не имели постоянных любовниц и жен. Американский исследователь Эрл Зимке полагал, что «рядовым партизанам интимная связь с женщинами возбранялась по соображениям морального и дисциплинарного порядка...»¹⁴² О половой морали и дисциплине украинских партизанских командиров в связи с приведенными фактами говорить не приходится. Основным мотивом запрета было нежелание отягощать боевую единицу «балластом» из женщин и детей простых партизан.

Рядовые удовлетворяли свои естественные потребности другими способами. Как правило, на территориях, до 1939 г. входивших в СССР, в частности, центральных и восточных областях Украины, партизанские командиры строго – вплоть до расстрела – боролись с сексуальным насилием простых партизан в отношении мирного населения. Поэтому такие действия были довольно редки и случались в основном в тех формированиях, где дисциплина была не на высоте, как в частности, в киевском соединении им. Хрущева под командованием бывшего полицая Ивана Хитриченко, о чем свидетельствует его приказ: «20 августа [1943 г.] при проведении хозяйственной опера-

¹³⁹ Докладная записка бывшего политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева Строчаку о состоянии соединения, 28 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 149).

¹⁴⁰ Интервью с Артамоновым Алексеем... // ЛААГ.

¹⁴¹ Дневник Балицкого, запись от 17 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 154).

¹⁴² Зимке Э. Состав и моральное состояние партизанского движения // *Арм-стронг Дж.* Советские партизаны... С. 189.

ции в селе Гутомаретин Грищенко Е. изнасиловал девушку по имени Оля, арестованную по подозрению в шпионаже.

С целью сокрытия преступления Грищенко настаивал на расстреле этой девушки, хотя было установлено, что она не является шпионом.

Грищенко Е., находясь в отряде, систематически избивал бойцов и граждан. Приказываю:

Грищенко Е. Л. от занимаемой должности отстранить и перевести рядовым.

За допущенные преступления тов. Грищенко объявить строгий выговор с предупреждением.

Предложить тов. Грищенко в ближайшее время загладить свои преступления в боях против немецких оккупантов»¹⁴³.

Бандеровское донесение, возможно, еще больше драматизирует описываемые печальные события, но в любом случае речь идет не о повальном явлении: «Бывают частые случаи насилования женщин (села Миньковка, Поропивка Потиевского района Житомирской области (сейчас – Радомышльский район Житомирской области. – А. Г.))»¹⁴⁴. Та же терминология, подтверждающая сдержанность сексуального насилия коммунистов, используется другим бандеровцем в описании ситуации на западном Полесье (юго-западные территории БССР) в августе 1943 г.: «Красные немилосердно грабят население, терроризируют его, редко когда ходят трезвые, и даже насиловуют женщин»¹⁴⁵. Жители на этой территории колебались между УПА и советскими партизанами, поэтому, очевидно, последние не позволяли себе совсем уж разгульного насилия.

Возможно, что насилие допускалось партизанскими командирами в отношении лиц, приговоренных партизанами к уничтожению. Еще до создания УПА партизаны упомянутой бригады Антона Бринского начали устраивать расстрелы полицаев и членов их семей. По свидетельству жительницы села Старая Рафаловка Раисы Сидорчук, сестер коллаборационистов из семьи Пасевичей перед тем, как убить, использовали в сексуальном смысле: «На глазах у матери изнасиловали старшую дочь, Лизу. С Надей расправились в особенности

¹⁴³ Приказ командования Киевского соединения им. Хрущева об усилении дисциплины, И. Хитриченко и др., 5 сентября 1943 г. (ЦДАГО. ф. 77. Оп. 1. Спр. 3. Л. 109 зв.).

¹⁴⁴ Сообщение подпольщика ОУН «Информация из северных районов восточной Украины», не ранее сентября 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 38).

¹⁴⁵ Документ ОУН «Общественно-политический обзор Берестейско-Кобринского округа за август 1943 г.» Август 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 116. Арк. 1).

жестоко, ее изнасиловали, выкручивали руки, истязали. Клаву тоже, прежде чем убить, изнасиловали...»¹⁴⁶ Однако это на настоящий момент, учитывая случай в соединении Хитриченко, второе свидетельство, а выводить тенденцию можно на основании череды фактов.

Зато фактов в изобилии хватает о сексуальном насилии партизан в западных областях УССР. Очевидно, что многие командиры, рассматривая местное украинское население как враждебное, позволяли подчиненным едва ли не любые «проделки».

В частности, о поведении коллег с территории Ровенской области своему начальнику 9 августа 1943 г. доносил командир отряда им. Котовского: «Группы Бати выступили из Ближнего через Березув. Группа Воронцова пьянствовала, насиловала женщин, поджигали хату, непрерывно стреляли, боец Семькин, пытаясь выстрелить в меня, ранил своего – Маркова»¹⁴⁷.

Характерное описание бандеровцами ситуации на территории Волынской области: «В с. Мшанци, Головной (сейчас – Любомльский район Волынской области. – А. Г.) и других насиловали женщин и девчат. В Головной был такой случай: один кр[асный] на дворе хотел насиловать 14-летнюю девушку. Ее отец, спрятавшийся в подвале, не вытерпел, вышел и начал его укорять. Красный побил его за это до полусмерти»¹⁴⁸.

В феврале 1944 г. в Гороховском районе Волынской области был зафиксирован показательный случай: «Оперируя по селам, красные насиловали женщин. Напр[имер], насиловали 60-летнюю женщину в Клене. В с. Воромли по время насилования 5 девчат, вошел красный старшина-лейтенант. Когда запретил этот поступок, чуть его не застрелили, и он ушел»¹⁴⁹. После войны Дмитрий Медведев вспоминал о подобном факте: когда чекист беседовал с командиром 12-го батальона соединения А. Сабурова И. Шитовым, будущим командиром Тернопольского соединения, и командиром 7-го батальона Л. Ивановым, будущим командиром Волынского соединения о том, что их бойцы занимаются бандитизмом и грабежами, не говоря о пьянстве, и требовал навести порядок, дисциплину, «бывший комиссар батальона

¹⁴⁶ *Боярчук П.* Трагедія Старої Рафалівки...

¹⁴⁷ Сообщение командира партизанского отряда им. Котовского Житомирского соединения И. Плесканосова Сабурову о бесчинствах партизан соседних отрядов, 9 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 38. Арк. 11).

¹⁴⁸ Сообщение подпольщика ОУН «Вести с Ковельщины за период 15. 02–29. 02. 44 г.», не ранее 29 февраля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 51).

¹⁴⁹ Сообщение подпольщика ОУН «Из вестей», конец февраля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 59).

на Шитова сказал мне: “Что Вы хотите, чтобы нас в первом же бою убили наши партизаны?” Они боялись своих партизан»¹⁵⁰.

Но вернемся к бандеровским отчетам.

В Тернопольской области в марте 1944 г. красные, по свидетельству националистов, в первую очередь стремились найти и уничтожить членов ОУН, но этим не ограничивались: «Другим их занятием является – “Давай водку, сало”. Когда достанут водки, пьют до потери здравого смысла. Кидают оружие, стреляют в хате, валяются по земле. Массово насилуют женщин под угрозой револьвера. К изнасилованным женщинам идут “в очереди”. Идет 10–20 человек к одной насилуемой женщине. Есть массовые случаи, что в одном селе насилуют от 20 до 50 женщин»¹⁵¹.

Через две недели во Львовской области наблюдалась точно такая же картина: «Партизаны напиваются до беспамятства, а в таком состоянии насилуют женщин»¹⁵².

Правоту сведений, приведенных в бандеровских донесениях, подтверждает докладная записка в органы госбезопасности УССР бывших партизан соединения им. Буденного под командованием Виктора Макарова – В. Буслаева и М. Сидоренко. Поскольку в уголовном кодексе УССР были статьи, строго каравшие за клевету и дачу ложных показаний в ходе следствия, а рассказ двух указанных партизан полон подробностей, то ему можно доверять: «На расквартировании в селе Гольбисы Шумского района Волынской области, старшина Мезенцев в пьяном виде избил прялкой двух девушек, требуя от них согласия на сожительство.

4. В селе Дубовцы, под Тернополем, была изнасилована женщина в возрасте 40–45 лет партизанами Гардановым, Панасюк, Мезенцевым, ком[андиром] отряда Бубновым и др. Фамилия пострадавшей неизвестна.

5. В селе Верхобуж, под Бродами, старшина Мезенцев пытался изнасиловать девушку. Она не соглашалась. Тогда он, Мезенцев, взял девушку и ее мать 65 лет, вывел на улицу ночью и под страхом ору-

¹⁵⁰ «Стенограмма беседы с Героем Советского Союза, командиром партизанского отряда “Победители” Медведевым Д. Н.», беседу проводил зав. военно-партизанского сектора Комиссии по истории Отечественной войны Академии наук УССР В. Клоков, 30 апреля 1948 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Спр. 374. Арк. 7).

¹⁵¹ Донесение подпольщика ОУН: «Тернопольщина. Отчет о предфронтных, фронтных и зафронтных событиях на Зборовщине», «Богдан», 23 марта 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 157. Арк. 23).

¹⁵² Сообщение подпольщика ОУН: «Чрезвычайный отчет Ч. 10. Большевицкие партизаны в повете Жовква», «Скала», 8 апреля 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 126. Арк. 65).

жия требовал их согласия. Поставил к стене и стрелял из автомата над головами, после чего изнасиловал старуху 65 лет...

6. В одном селе, названия не помню, под г. Снятином, старш[ина] Мезенцев, напившись пьяным, вынул пистолет и пытался изнасиловать девушку, которая убежала, тогда он изнасиловал бабушку ее, которой было 60–65 лет.

При проверке этой квартиры было обнаружено много коммунистической литературы. По утверждениям соседей, сын этой старушки был учителем и членом коммунистической партии, за что арестован и расстрелян немцами. Другой сын в Красной Армии, взят по призыву 1940 года. (...)

8. В с. Бискив (в Карпатских горах) в квартире штаба соединения поваром штаба (фамилию его не знаю) были постреляны окна, кухонная посуда и потолок за то, что хотел изнасиловать хозяйку, но она убежала. После этого справился на столе»¹⁵³. Руководство соединения не предпринимало никаких мер, чтобы изменить ситуацию. 29 апреля 1944 г. по инициативе нескольких командиров было созвано совещание комсостава отряда по вопросу дисциплины. После совещания, по свидетельству Буслаева и Сидоренко, не изменилось ровным счетом ничего... После войны командир соединения им. Буденного Виктор Макаров работал в украинском городе Херсон, в организации «почтовый ящик 70» – т. е. на военном заводе. Начальником отдела кадров¹⁵⁴.

Даже в тылу Красной армии партизаны могли проявить свои наклонности. В частности, как сообщал СМЕРШ 24 августа 1944 г., бойцы отряда им. Чапаева, располагавшегося в Краковском воеводстве, устраивали пьянки, самогонование, продавали оружие местному населению, а, кроме того, «По заявлению солтыса с. Опарувка Колодейчак М. И. несколько дней назад 3 человека, участников этого партизанского отряда, поймали на поле старуху из с. Опарувка и все трое ее изнасиловали»¹⁵⁵.

¹⁵³ Докладная записка бывших партизан соединения им. Буденного под командованием представительства УШПД при Военном совете 2-го Украинского фронта В. Буслаева и М. Сидоренко народному комиссару ГБ УССР С. Савченко о поведении партизан соединения, 12 мая 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 295. Арк. 69–71).

¹⁵⁴ «Список командиров партизанских соединений и бригад, действовавших на территории Украины в период Отечественной войны 1941–1945 гг.», 20 ноября 1957 г. Подпись неразб. (ЦДАГО. Ф. 240. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 51–53).

¹⁵⁵ Спецсообщение начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» 1-го гвардейского кавалерийского корпуса Вдовухина для начальника управления контрразведки «СМЕРШ» 1-го украинского фронта Осетрова о разнужданности партизан отряда им. Чапаева, № 2749, 24 августа 1944 г. (ГДА СБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 83 518. Арк. 122 зв.)

Учтем, что за границами СССР партизанские отряды вели себя менее разнузданно, чем на «собственной» территории, но жалобы на них все равно поступали. В частности, 17 декабря 1944 г. СМЕРШ сообщал Военному совету 1-го Украинского фронта о партизанском отряде им. Ворошилова под командованием Кирилла Иванова, воевавшего в Чехословакии: «14 ноября сего года в селе Подграды участники этого отряда забрали у местного населения все золотые вещи, изнасиловали в присутствии мужа учительницу, ограбили магазин, у многих крестьян отняли часы»¹⁵⁶. Указанный отряд под руководством К. Иванова воевал в горах до апреля 1945 г.

В конце раздела о дисциплинарных нарушениях в одной из военных структур СССР имеет смысл привести важное свидетельство. Принадлежит оно коммунисту, а позднее антикоммунисту Миловану Джиласу. В 1944 г. население Югославии испытало на себе разгул мародерства и насилия советских солдат. От жалоб местных коммунистов офицеры и генералы просто отмахивались. Вышестоящее политическое руководство в ответ на представленные факты и выражаемую обеспокоенность «политическим эффектом» от поведения красноармейцев начало требовать уважения к Красной армии. В конце концов делегация югославских коммунистов сообщила о происходящем лично Сталину. Неожиданно тот расплакался, разразившись тирадой о величии собственных вооруженных сил: «И эту армию оскорбил никто иной, как Джилас!.. Знает ли Джилас, который сам писатель, что такое человеческие страдания и человеческое сердце? Разве он не может понять бойца, прошедшего тысячи километров сквозь кровь и огонь и смерть, если тот пошалит с женщиной, или заберет какой-нибудь пустяк?»¹⁵⁷ Мемуары – ненадежный источник. Джилас мог исказить слова «вождя народов». Однако поведение солдат и офицеров Красной армии в Восточной Европе в 1944–1945 гг. заставляет с доверием относиться к этому свидетельству всемирно известного югославского литератора. Идущее с самой вершины пирамиды власти умышленное попустительство определенному ряду нарушений дисциплины являлось одной из отличительных особенностей поведения командиров и, следовательно, рядовых в силовых структурах сталинского СССР.

¹⁵⁶ Сообщение заместителя начальника Управления контрразведки «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта полковника Бударева в Военный совет 1-го Украинского фронта о бесчинствах партизан отряда им. Ворошилова, № 27 918/2, 17 декабря 1944 г. (ГДА СБУ. Ф. 60. Оп. 1. Спр. 83 518. Арк. 99 та зв.).

¹⁵⁷ *Джилас М.* Разговоры со Сталиным. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. 89–91.

7. ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ В ПАРТИЗАНСКИХ СТРУКТУРАХ

Тематически следующие четыре главы могли бы являться частью раздела о дисциплинарных нарушениях. Но, во-первых, данных о внутренних сложностях в партизанских структурах слишком много, во-вторых, в ряде случаев внутренние конфликты из-за их условий и обстоятельств выходили за пределы нарушения дисциплины. Понимание природы этих конфликтов, их объективных и субъективных причин позволит лучше оценить не только причины ряда неудач советских партизанских формирований, но и в целом ситуацию на оккупированной нацистами территории. Именно поэтому неурядицы в рядах партизан вынесены в отдельный раздел. Возможно, типологизация внутренних конфликтов может показаться спорной, поэтому другие исследователи могут разработать какую-то иную классификацию взамен предложенной.

7.1. Конфликты между партизанами различных ведомств

Многочисленные трения между партизанами подчинения штабов партизанского движения, ГРУ и НКВД нередко были вызваны преломлениями противоречивых ведомственных интересов за линией фронта. По крайней мере, наличие разного начальства у нескольких типов партизан приводило, во-первых, к тому, что при конфликте каждый из партизан чувствовал себя довольно уверенно (непосредственного арбитра не было), во-вторых, руководство узнавало о ссоре, когда та находилась уже в очень острой стадии, или вообще уже была позади с последствиями различной степени тяжести.

Периодически у партизан УШПД возникали конфликты с партизанами ГРУ.

В частности, находясь в Брянских лесах, командир отряда им. Сталина соединения А. Федорова Григорий Балицкий потерял связь с «Большой землей», но обрадовался, узнав, что рядом расположена армейская разведгруппа, командиром которой являлся Божков, а

комиссаром – Ломов. Однако выяснилось, что сотрудники ГРУ не захотели оказывать поддержку, и, более того, приняли сталинцев за лжепартизанский отряд оккупантов. Положение Балицкого вынудило его рискнуть: «Я решил идти, несмотря на то, что Ломов изменил свой лагерь (т. е. место его расположения. – А. Г.) после того, как ушел Коробицын (делегат Балицкого. – А. Г.).

Стали идти и нарвались на засаду во главе с комиссаром Ломовым. Засада была сделана на нас... На патриотов Родины делает мерзавец засаду. Стали знакомиться. Ломов безразлично отвечал на мои вопросы. Я не мог вытерпеть, стал крыть его матом. Стал не просить, а требовать оказать помощь в питании [для рации], о том, чтобы связаться с фронтом. Долго говорили, наконец Ломов сказал: “Разрешу питания для работы, но всего на 10 минут”, – несмотря на то, что хорошо знает, что за 10 минут очень трудно связаться в то время, когда радист спустя три месяца не имел никакой связи»¹.

В дальнейшем разговоре Ломов проявлял признаки украинофобии и антисемитизма, чем окончательно взбесил украинца Балицкого, у которого в отряде было немало евреев. На рассказ командира отряда им. Сталина о диверсионных успехах, Ломов ответил: «Х... с вами, что вы партизаны. У меня своя задача...» Очевидно, имелась в виду разведка. На этот раз два партизанских отряда разошлись без потерь.

Потери были в другом случае. Уже упоминавшийся «Центр» ГРУ, действовавший на пограничье УССР и БССР между реками Десна, Днепр и Припять, возглавлялся майором Смирновым и Кузьмой Гнидашом («Кимом»). 15 ноября 1942 г. к их отряду присоединилась утратившая боеприпасы и потерявшая связь с «Большой землей» разведывательно-диверсионная группа УШПД под командованием Лысенко. Находясь в подчинении «Центра», партизаны Лысенко вели диверсионную и боевую деятельность, а также создавали новые партизанские отряды. Начальник разведки группы Лысенко Дмитрий Гапиенко свидетельствовал, что «“Ким” [Гнидаш] присваивал себе и передавал радиogramмы о проделанной работе штабу [Юго-Западного] фронта, а передавать [Украинскому] штабу партизанского движения отказывался, мотивируя свой отказ тем, что он на это не имеет права. На почве этого Лысенко и “Ким” часто ссорились... “Ким” рассказ[ывал], что он своей группой с 05.04.42 г. по 15.11.42 г., т. е. по день нашей встречи, пустил под откос 11 эшелонов с немцами и не-

¹ Дневник Балицкого, запись от 29 октября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 23–24).

мецкой техникой, за что он и отдельные члены его группы награждены правительственной наградой, а позже сами члены группы “Кима” рассказали нам, что все это чепуха, никаких 11 эшелонов под откос “Ким” не пустил, а просто передавал липовые сводки в центр...»²

По недомыслию Лысенко стал угрожать Гнидашу скорым разоблачением... 18 марта 1943 г. из штаба Юго-Западного фронта прибыло армейское руководство, настойчиво пытавшееся, по всей видимости, с подачи Гнидаша, подчинить группу Лысенко «Центру». Лысенко, помня о наличии у него другого начальника – Строкача – от предложения отказался. Через два дня из УШПД прибыл самолет, выбросивший для Лысенко грузы, радиостанцию, радистку и двух разведчиков, фамилия одного из которых была Рубан. Гнидаш стал говорить партизанам Лысенко, что Рубан, предположительно, является немецким шпионом. Самому Лысенко Гнидаш, по некоторым данным, предложил по возможности под свою ответственность расстрелять Рубана. Несмотря на такие подозрения, группа под командованием Лысенко пошла на выполнение боевого и диверсионного задания, в ходе которого Рубан застрелил Лысенко и ранил еще одного партизана, после чего бежал. По возвращении в лагерь партизаны группы были распределены по разным отрядам, а «радистке они (т. е. Смирнов и Гнидаш. – А. Г.) немедленно запретили держать связь с центром (штабом партизанского движения Украины)». Дмитрий Гопиенко предполагал, что убийство организовал Гнидаш («Ким»), странив Рубана с Лысенко. Это соображение косвенно подтвердилось дальнейшими действиями «Центра» ГРУ: «После убийства Лысенко “Ким” с генерал-майором агентурную связь присвоил себе, как-то: по г. Киеву – Дарницу, станции Бровары, Бобрик, Дымерка, Гребенка и др. [Присвоил] особенно ценных агентов, которые давали сведения о наличии гарнизонов противника г. Киева, их количество войск и национальный состав их, сооружения по г. Киеву. По станциям – количество прохождения в сутки эшелонов и с какими грузами... Группу в количестве 35 чел., которая находится при Лысенко, после его убийства “Ким” присвоил себе»³. Разведотдел УШПД предпринял попытки выяснить подробности этой детективной истории, но наткнулся на стену «непонимания»: «Были приняты меры к установ-

² «Отчет штабу партизанского движения Украины о работе в тылу врага группы Лысенко с 15.10.42 по 01.04.43 г.», бывший начальник разведки группы Лысенко – Гапиенко Дмитрий, 28 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 41. Арк. 84).

³ «Дополнительные сведения к отчету от 28.05.43 г. штабу партизанского движения Украины», бывший начальник разведки группы Лысенко Гапиенко Дмитрий, 30 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 41. Арк. 92).

лению действительности убийства командира партизанского отряда Лысенко, выброшенным нами Рубаном. Однако, несмотря на посылку двух групп разведки из соединения Ковпака с представителем ЦК КП(б)У т. Мироновым в расположение отрядов так называемого «Центра» под руководством работника ГРУ Красной Армии Смирнова... Смирнов категорически отказался иметь какие [бы то ни] было взаимоотношения с украинскими работниками..., вел себя подозрительно и создал такие условия, что наши группы вынуждены отсюда срочно уйти. (...) Более детального расследования провести не представилось возможным»⁴. Предполагаемый заказчик убийства Лысенко Кузьма Гнидаш («Ким») вскоре был переброшен в другое место, а потом погиб при выполнении задания.

Впрочем, и партизаны УШПД по-своему использовали партизан «Центра» ГРУ Смирнова и Гнидаша. Речь идет о Полтавском партизанском соединении, в котором заместителем командира по разведке был чекист Яков Коротков. Находясь поблизости от «Центра», Яков Коротков договорился с комиссаром Черниговского соединения им. Коцюбинского Карпом Таранюком о том, что это соединение будет поставлять Полтавскому соединению сведения об окружающей обстановке. При этом Карп Таранюк был не только комиссаром своего соединения – одновременно он являлся заместителем Кузьмы Гнидаша. Комиссар Полтавского соединения Митрофан Негреев писал, что в Черниговском соединении агентурная разведка была «поставлена хорошо, и пока «Ким», бывало, получает сводную сводку, так мы уже ее получили по частям от его отрядов, а потом сводную [сводку мы] получаем на день-два позже от [Черниговского] соединения [им. Коцюбинского под командованием] тов. Таранущенко, которую он отправляет «Киму», работнику [Разведуправления] Генштаба КА товарищу Гнидашу»⁵. Пока не вскрылся «паразитизм» Короткова, от своего имени посылавшего в УШПД разведданные, полученные его коллегами, Полтавское соединение получало за разведработу благодарности от Строкача и даже Никиты Хрущева.

Острые моменты были и в истории взаимоотношений Черниговско-Волынского соединения с бригадой РУ ГШ КА, находившейся под командованием Антона Бринского («дяди Пети»). Алексей Федоров попытался подготовить отряды своего коллеги к переходу

⁴ Рапорт о расследовании обстоятельств убийства командира партизанской группы Лысенко, начальник разведывательного отдела УШПД А. Мартынов, предп. Строкачу, 15 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 41. Арк. 79–80).

⁵ Из письма комиссара Полтавского соединения М. Негреева Строкачу о состоянии соединения, 9 сентября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 240. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 10).

в собственное подчинение, пробовал добиться встречи со своим соседом, но не смог этого сделать, отчасти по объективной причине – Бринский долгое время находился в Москве. Когда же «дядя Петя» вернулся, отношения между двумя партизанскими вожаками и их подчиненными достигли такого накала, что обе стороны поставили в известность о происходящем собственное начальство. Федоров сообщил в ЦК КП(б)У, что в конце августа 1943 г. из расположения штаба его соединения исчез командир-политрук разведвзвода 5-го батальона Бабушкин. По истечении месяца в лесу, в 4 км от лагеря бригады «дяди Пети», был обнаружен труп Бабушкина. Следствие установило: убийцей Бабушкина являлся боец разведгруппы Черниговско-Волынского соединения Метличенко, который тайно застрелил своего сослуживца по заданию командира одного из отрядов бригады Бринского, некоего Логинова Петра (по кличке «Патефон»), его адъютанта Громова и командира комендантской группы этого же отряда Вознюка: «Логинов, совместно с указанными лицами, систематически спаивали Метличенко и выманивали от него оружие и боеприпасы, которое Метличенко, естественно, вынужден был воровать у своих товарищей-партизан. При одном таком похищении автомата из палатки в 7-м батальоне Метличенко был пойман с личным товарищем Бабушкиным, оказавшимся вскорости жертвой банды Логинова, т. к. Логинов вместе со своей компанией, узнав о провале Метличенко, вынудили его убить тов. Бабушкина, что и было сделано. На следующий день после убийства оружие тов. Бабушкина Метличенко отвез и передал лично Логинову, после чего снова пьянствовал у Логинова, а также получил от него в подарок двое карманных часов за “чистую работу”»⁶.

Бринский утверждал, что Логинов не был организатором убийства Бабушкина, а вся инициатива лежала только на Метличенко, причем особисты Черниговско-Волынского соединения, особо не разбираясь, арестовали по этому делу партизана разведбригады Вознюка, «которого без допроса и выяснения дел по приказанию Федорова расстреляли»⁷. Свара Федорова с Бринским прекратилась, т. к. территория Ровенской и Волынской области была вскоре занята Красной армией.

⁶ «Докладная записка о преступных действиях ряда командиров и бойцов партизанских отрядов соединения полковника Бринского (“дяди Пети”)», Федоров и Дружинин Хрущеву и Строкачу, 21 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 49).

⁷ Докладная записка командира партизанской бригады А. Бринского начальнику РУ ГШ КА Ф. Кузнецову о взаимоотношениях с партизанами Черниговско-Волынского соединения, исх. № 1985, 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 66. Арк. 58).

Похожие ссоры, но несколько меньшей интенсивности, происходили между партизанскими отрядами УШПД и НКВД–НКГБ.

10 ноября 1942 г. Сабуров направил радиogramму Строкачу с лубой на лубяньское ведомство: «Судоплатов заслал ко мне 5 раций и опергруппу своей резидентуры, имеют развед[ывательные] данные, достают в моем штабе и передают НКВД СССР, перехватывают мою сеть, мешают нормально работать моим рациям.

Считаю необходимым всю группу подчинить себе и рации использовать по своему усмотрению, в противном случае от отрядов отделить»⁸.

Против соперничающего ведомства, на защиту подчиненного дружным коллективом встали Строкач, Пономаренко и Ворошилов, оставившие на радиogramме соответствующие резолюции. С конца 1942 г. группы НКВД–НКГБ, действовавшие на базе партизанских отрядов УШПД, по общим вопросам подчинялись командирам отряда УШПД и, более того, тщательно инструктировались – не допускать командиров УШПД к оперативным мероприятиям, рабочей документации и радиостанции спецгрупп, но и партизан отряда привлекать к выполнению заданий исключительно по согласованию с НКГБ⁹, т. е. вести себя по отношению к коллегам предельно корректно.

В целом же отношения конкурентов корректностью не отличались. Через несколько месяцев подчиненный Сабурова сделал с чекистами то же самое, что они попытались сделать с Сабуровым. Один из батальонов Житомирского соединения под командованием Ивана Шитова прибыл на территорию Ровенской области в начале 1943 г., где вошел в контакт с двумя отрядами «рыцарей щита и меча» – «Победители» и «Охотники».

В донесении своему непосредственному начальнику Иван Шитов писал, что конфликт начался сразу же: «[Командир отряда “Охотники” Н.] Прокопюк вскрыл нашу местную базу [боеприпасов] и израсходовал, часть дал [командиру отряда “Победители” Д.] Медведеву, а остальное израсходовал сам, с которым пришлось поссориться. Прокопюк получил из Москвы указание о том, чтобы Хроленко (специалист по разведработе в отряде Шитова. – А. Г.) перешел к нему на работу, кроме этого, он ходатайствовал перед Москвой о взятии диверсионной группы из отряда Михайлова (М. П. Михайлов был ко-

⁸ Радиogramма Сабурова Строкачу о действиях опергруппы НКВД СССР на территории Полесья, № 429, 10 ноября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1271. Арк. 112).

⁹ Задания, данные и. о. начальника 4-го управления НКГБ УССР Решетовым командиру опергруппы «За Родину» В. Храпко, 10 августа 1943 г. (Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. IV. Кн. 2. Док. № 1554. С. 215–218).

миссаром отряда им. Буденного сабуровского соединения. – А. Г.). На счет Хроленко я получил радиogramму из Москвы на Ваше имя, но не выполнил ее. Ни диверсионной группы, ни Хроленко он не получил.

Учитывая, что у Прокопюка имеется 4 оперработника, а группа составляет всего 25 человек, вполне достаточно тех, которых они имеют... [Агентурные] связи в районе Славуты, которые были у Хроленко, им переданы оперработнику из отряда Одухи. Но по последним данным, большинство из них (т. е. осведомителей. – А. Г.) расстреляно и арестовано, в силу этого посылать сейчас туда (т. е. к Прокопюку. – А. Г.) Хроленко – это нужно [мне] создавать новые связи, каковые Прокопюк может создать своим операппаратом. А эти связи являются камнем преткновения всего того, то есть, все то, почему он гонится за Хроленко. За все вышеизложенное Прокопюк сообщил Москве, что мы не являлись партизанами, а являемся анархистами. Со своей стороны я считаю, что сделал правильно. Думаю, что Вы не будете иметь [ничего] против. Радиogramму, которую я получил на счет Хроленко, он не знает»¹⁰.

Натянутые отношения И. Шитова с Д. Медведевым и Н. Прокопюком продолжались и далее. Поэтому при случае Шитов не преминул сообщить в УШПД о специфической ситуации в отряде Медведева: «Оставшаяся в нашем районе группа Медведева под командованием Пашуна от безделья занимается пьянством и бытовым разложением (эвфемизм разврата в советском лексиконе. – А. Г.). Покушаются на жизнь своего от[ветственного] секр[етаря] Фортуса, указывающего им на их разложение и последствия его. Фортус оттуда сбежала и находится у нас»¹¹. Шитов просил своего руководителя через Павла Судоплатова повлиять на разгулявшихся чекистов и запрашивал указаний, куда девать незадачливую Фортус.

У других бывших подчиненных А. Сабурова примерно в этот же период случился новый конфликт с чекистами-партизанами. Отрядом им. Сталина, входившим в соединение А. Сабурова, в феврале–марте 1943 г. командовал чекист Евгений Мирковский, начальником штаба у которого был офицер Красной армии Василий Ушаков. В марте 1943 г. по приказу УШПД Мирковский с группой партизан в 50 человек был передан в распоряжение 4-го управления НКВД

¹⁰ Из письма командования отряда им. Хрущева (И. Шитова и И. Скубко) командиру Житомирского соединения Сабурову о взаимоотношениях с рядом партизанских отрядов, 17 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 65. Оп. 1. Спр. 26. Арк. 182).

¹¹ Радиogramма командира партизанского соединения им. Хрущева И. Шитова Строкачу о действиях партизан из отряда НКГБ СССР «Победители», вх. № 5737, 15 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 221). В радиogramме сделана ошибка в написании фамилии потерпевшей – Тортус (следует Фортус).

СССР. Под его началом был создан отряд «Ходоки», занимавшийся преимущественно агентурной разведкой. Василий Ушаков, напротив, был назначен командиром той большей части партизан, которые остались в ведении УШПД – они послужили ядром нового соединения им. Боровика, среди задач которого на первом месте стояли диверсии и бои с немцами. И «Ходоки», и соединение им. Боровика действовали в одном и том же районе, а командование двух этих отрядов хорошо знало личный состав своих новых соседей. С марта до июня 1943 г. партизанские вожаки начали переманивать друг у друга опытных специалистов, причем, по всей видимости, большего успеха добился чекист, поскольку обиженный Ушаков дал радиogramму в Москву – на имя даже не Строчака, а Сталина: «Мирковский... занялся разложением [моего] отряда путем обмана, подкупа и запугивания [партизан] какими-то секретными полномочиями. Местным партизанам говорит... что из Москвы он получил поддержку – вооружение, рации, а у [моего] отряда этого нет.

Группы, возвращающиеся с заданий, он обезоруживал. Сейчас у него моих 32 чел., 5 пулеметов, 9 автоматов, добытых в боях – 40 % оружия отряда»¹².

По словам Ушакова, эти действия Мирковского якобы санкционировал Павел Судоплатов. Командир соединения им. Боровика приказал арестовать дезертиров, появившихся вследствие «тихой пропаганды Мирковского», а перебежчикам от УШПД в НКГБ – вернуться в свои подразделения.

Чтобы остановить свару, УШПД перевел соединение им. Боровика в другое место дислокации, одновременно сделав резкое замечание Ушакову. В свою очередь, начальник «четверки» Павел Судоплатов дал радиogramму Мирковскому: «Категорически приказываю прекратить склоки с Ушаковым, если имеются не разрешенные вопросы, их следует урегулировать на месте по-партийному...»¹³

Базовый конфликт между партизанами УШПД и НКГБ, вызванный в этом случае отнюдь не личными качествами командиров, а интересами их ведомств, произошел на Волыни в начале августа 1943 г. В ходе реализации плана операции «Ковельский железнодорожный

¹² Радиogramма командира партизанского соединения им. Боровика В. Ушакова Сталину о действиях командира партизанского отряда НКГБ СССР «Ходоки» Е. Мирковского, вх. № 4858, 23 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 15).

¹³ Радиogramма начальника 4 управления НКГБ СССР П. Судоплатова командиру партизанского отряда НКГБ СССР «Ходоки» Е. Мирковскому с требованием прекратить конфликт с командиром партизанского соединения УШПД им. Боровика В. Ушаковым, 26 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 18).

узел» диверсанты Черниговско-Волынского соединения начали подорывать поезда. Вследствие этого против красных активизировали свои действия украинские националисты. Командир отряда им. Сталина Г. Балицкий провел несколько боев против ОУН–УПА. Бандеровцы, не разбираясь в ведомственной подчиненности различных советских отрядов, стали нападать также и на расположенный поблизости отряд НКГБ СССР «Победители». Поскольку националисты стали мешать выполнению этой группой ее основных функций – т. е. разведывательных и террористических заданий – ее командир Дмитрий Медведев поспешил на встречу к своему коллеге-диверсанту Григорию Балицкому: «Вечером приехал полковник Медведев со своей свитой. Поставил мне несколько вопросов, обвиняя меня в том, что я беспощадно бью националистическую сволочь. Я ему ответил, дипломатически: “Пошел ты к х[уя]м, ты можешь вести дипломатические переговоры с этой сволочью, но я буду вести разъяснительную работу из автоматов и пулеметов...” Медведев сначала стал “пугать” меня, что послал радиogramму в Москву. И что Москва укажет мне, кого нужно бить, а кого нет. Я ему ответил: “Пока у меня бьется большевистское сердце, бежит кровь, до тех пор я буду уничтожать врага... за это меня Москва никогда не будет ругать”»¹⁴.

На переговорах двух партизанских командиров все же было достигнуто соглашение о том, что диверсанты отряда им. Сталина не будут взрывать участки железнодорожного полотна, лежащие недалеко от лагеря «Победителей». Однако, спустя пять дней, командир сталинцев получил радиogramму: «“Балицкому. Впредь до особого распоряжения, исходя из оперативной необходимости на участке ж.д. Ровно – Клевань диверсии не производите... Строкач”. Меня очень взорвало, что Медведев – настолько зашкарублый энкеведист, что просто возмущает меня. Это он дал радиogramму (очевидно, П. Судоплатову, а тот, в свою очередь, Т. Строкачу. – А. Г.) о том, что я ему мешаю работать в районе Клевань – Ровно. Это абсурд, я с ним договорился, что этого участка трогать не буду, но все же этот чудак написал в Москву. Перестрахует себя, дескать, если не удастся ему, то виноват Балицкий. Что можно сказать об этом мерзавце?»¹⁵ Но потом начались совместные попойки, и Медведев, по свидетельству Балицкого, пошел на мировую: «Все каялся передо мной, что мне неправильно информировал (возможно, о его переписке с П. Судоплатовым. – А. Г.) – его отношение ко мне...»

¹⁴ Дневник Балицкого, запись от 1 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 133).

¹⁵ Дневник Балицкого, запись от 5 августа 1943 г. (Там же. Арк. 140).

Изучение конфликтов между партизанами РУ ГШ КА и НКГБ сейчас, к сожалению, практически невозможно. А вот ссоры подчиненных Украинского штаба с партизанами других региональных и республиканских штабов партизанского движения оставили след в ныне открытых хранилищах документов.

Например, в начале февраля 1943 г. Строкач пожаловался Пономаренко на его подчиненных, оперировавших на территории Орловской и Брянской областей: «5.2.43 г. [командиром партизанского отряда] Казанковым арестован начальник аэродрома [сотрудник УШПД] т. Туркин и отправлен самолетом в Елец. Причины ареста нам неизвестны. Известно, что т. Туркин провел большую работу по приведению аэродрома в порядок.

6.2.43 г. [начальник Орловско-Брянской партизанской зоны Д.] Емлютин подверг аресту капитана тов. Логвина, выполняющего мои задания в партизанских отрядах Украины. Арестован за то, что Логвин не отрекомендовался Емлютину»¹⁶. Жалоба заканчивалась просьбой дать указания Емлютину и другим партизанским командирам не допускать подобных действий по отношению к представителям УШПД.

В 1944 г., когда 1-я Украинская партизанская дивизия им. Ковпака под командованием П. Вершигоры вошла на территорию Западной Белоруссии, сразу же начался конфликт с местными партизанскими вожаками.

Командир партизанской бригады им. Свердлова Брестского соединения Мариняка направил Вершигоре недовольное письмо: «Командным и личным составом Вашего соединения производятся незаконные действия, направленные вразрез действий бригады им. Свердлова.

Вот факты: продукты, доставляемые для бригады им. Свердлова и боевого резерва, командованием и личным составом Вашего соединения отбираются, причем с насмешкой и угрозами. Таких случаев было несколько...

Вашим командным составом и партизанами задерживаются и не пропускаются партизаны с паролем Брестского соединения, что и отражается на выполнении боевых действий. (...)

Я считаю, что все эти недочеты мы разберем без вмешательства командования Брестского соединения [полковника Сергея Сикорского]»¹⁷.

¹⁶ Донесение Строкача для Пономаренко об арестах партизанами Орловской и Брянской областей представителей УШПД, № 00 890, 11 февраля 1943 г. (РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 585. Л. 3).

¹⁷ Письмо командования бригады им. Свердлова (командир Мариняка и др.) Брестского соединения командиру 1-й Украинской дивизии им. Ковпака П. Вер-

Поссорились ковпаковцы и с партизанами Барановичского соединения. В частности, подчиненные Вершигоры задержали и обезоружили спецгруппу чекистов одной из местных частей, а белорусские партизаны в другом случае убили двух ковпаковцев. Командиру 1-й Украинской дивизии пришло поясняющее письмо от Северина Ключко – командира 18-й партизанской бригады им. Фрунзе: «13 апреля с. г. группа охотников по захвату живого языка под руководством начальника штаба отряда им. Котовского, будучи в районе действий, столкнулась с двумя конниками вверенной Вам дивизии, одетых в немецкую форму, и приняли их за “власовцев”. При конвоировании к штабу задержанные стали бежать, и при побеге один из задержанных был убит начальником штаба отряда им. Котовского. После этого события, начальник штаба отряда им. Котовского, совместно с уполномоченным особого отдела этого же отряда выяснили, что задержанные являлись партизанами»¹⁸.

В другом случае Ключко выразил недовольство командиру ковпаковцев в связи с «переманиванием» партизан: «Вторично ставлю Вас в известность о том, что отдельные командиры вверенной Вам дивизии ведут незаконную вербовку людей из моей бригады, т. е. берут отдельных “обиженных” партизан моей бригады под свое покровительство. Я считаю это явление крайне недопустимым в наших условиях... 25.04.44 г. партизаны моей бригады Мураденко Василий Иванович и Осохин Николай Павлович, чувствуя за собой старые грехи, дезертировали с оружием, которое приобретено кровью честных партизан, в Вашу дивизию... 03.05.44 г. партизан моей бригады Поляков Андрей Дмитриевич, находясь под следствием, также дезертировал в Вашу дивизию с оружием... Прошу и требую возвращения дезертиров в мою бригаду... Я надеюсь, тов. подполковник, что это ненормативное явление Вы ликвидируете без вмешательства Белорусского штаба партизанского движения»¹⁹.

С партизанами Минской области ковпаковцы также не достигли взаимопонимания. Штаб соединения в мае 1944 г. получил сведения о

шигоре об устранении трений в отношениях обоих формирований, 4 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 45. Арк. 54).

¹⁸ Письмо командования 18-й белорусской партизанской бригады им. Фрунзе Барановичского соединения (С. Ключко и др.) командиру 1-й Украинской партизанской дивизии им. Ковпака П. Вершигоре о взаимоотношениях партизан обоих формирований, 15 апреля 1944 г. (Там же. Арк. 58).

¹⁹ Письмо командира 18-й белорусской партизанской бригады им. Фрунзе Барановичского соединения С. Ключко командиру 1-й Украинской партизанской дивизии им. Ковпака П. Вершигоре о взаимоотношениях партизан обоих формирований, 4 мая 1944 г. (Там же. Арк. 66).

том, что под видом партизан 1-й Украинской дивизии партизаны 12-й кавалерийской бригады им. Сталина грабили местных жителей. Не мудрствуя лукаво, ковпаковцы захватили нескольких своих коллег в заложники. Комбригу сталинцев, Герою Советского Союза Владимиру Тихомирову Вершигора послал требование вернуть награбленное, угрожая в противном случае расстрелять пленных партизан²⁰.

После всех этих приключений представители украинских партизан в сообщениях своему руководству обвинили белорусских коллег в излишне брутальном обращении с мирным населением и в безделье. В частности, находившийся при штабе ковпаковцев корреспондент Леонид Коробов в письме Хрущеву заявил, что белорусские партизаны, перебежавшие в дивизию Вершигоры, с одной стороны, устав охранять жен командиров и политруков, хотели активно бороться с врагом, с другой – спасались от произвола собственного руководства. Журналист оставил весьма не лестный отзыв о командире Пинского партизанского соединения, будущем Герое Советского Союза Василии Корже: «Партизаны рейдирующих групп называют его помещиком. При встрече с командирами полков 1-й Украинской партизанской дивизии он говорил так: “Вы травите мои посевы, вы находитесь на моей земле, я вам не дам своего аэродрома”. Это трусливый человек, поэтому он отказался от наступательных действий и ушел в болота»²¹.

Впрочем, пассивность некоторых украинских партизан и их тяга к заболоченной местности также служила причиной натянутости отношений с руководством.

7.2. Конфликты между командованием отрядов и УШПД

В практически любой организации, особенно построенной по принципу учреждения, а не корпорации, наличествуют трения между «высшими и низшими»: непосредственные интересы и желания рядовых сотрудников далеко не всегда совпадают с приказами и установками начальства. С другой стороны, руководство не всегда оправдывает чаяния подчиненных, в ряде случаев ожидающих от начальства

²⁰ Письмо командира 1-й Украинской партизанской дивизии им. Ковпака П. Вершигоры командиру 12-й кавалерийской белорусской бригады им. Сталина В. Тихомирову о взаимоотношениях партизан обоих формирований, май 1944 г. (Там же. Арк. 72).

²¹ Докладная записка военного корреспондента газеты «Правда» Л. Коробова Хрущеву о Варшавском рейде 1-й Украинской партизанской дивизии им. Ковпака, 23 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 58. Арк. 44).

поощрений, а также помощи – хотя бы советом. Подобные конфликты были характерны и для украинских партизанских структур.

Наибольшее количество подобных склок приходится на 1943–1944 гг. В 1941–1942 гг. контроль НКВД УССР и – во второй половине 1942 г. новосозданного УШПД – над партизанами был довольно слабым, что объяснялось плохой связью с отрядами, отсутствием как таковой отлаженной системы руководства партизанами, общей ситуацией на фронтах. К началу 1943 г. УШПД в целом выработал систему взаимодействия как с отрядами, так и с другими советскими структурами, занимавшимися организацией и обеспечением зафронтной борьбы. Кроме того, основные украинские соединения и отряды получили радиостанции, а стратегическая инициатива перешла от Вермахта к Красной армии. В этой ситуации стандартными стали конфликты между командирами партизанских отрядов и руководящим Центром – УШПД.

Отчасти большое количество ссор было вызвано чертами характера самого Тимофея Строкача. В отношениях с подчиненными он был довольно-таки мягким, и его стиль руководства не типичен для советского государственного аппарата сталинской эпохи вообще, и тем более для НКВД, службе в котором начальник УШПД отдал многие годы. Иными словами, Строкач позволял партизанам конфликтовать с ним и другими работниками штаба, сам того не желая, попустительствовал своеволию партизанских вожаков. Эта черта характера Строкача проявились и после войны, когда он занимал должность министра внутренних дел УССР. Критиковавшие его сотрудники ЦК отмечали «запущенность работы с кадрами» со стороны бывшего начальника украинских партизан: «В результате плохой постановки партийно-политической и воспитательной работы отмечены многочисленные факты грубого нарушения советской законности, пьянства и бытового разложения [среди личного состава МВД УССР]... (...) В ряде случаев тов. Строкач принимает либеральные решения в отношении лиц из руководящего состава, которые допускают злоупотребления по службе...»²²

Спокойно Строкач относился к критике в его адрес со стороны партизан.

В начале 1943 г. Ковпак, узнав из газет о награждении орденами и медалями ряда партизанских командиров и сотрудников УШПД, обиделся на Строкача и послал ему раздосадованное сообщение: «Не-

²² «Заключение о работе министра внутренних дел УССР – тов. Строкача Тимофея Амвросиевича», зав. отделом управления кадров ЦК КП(б)У Стеценко и др., 15 сентября 1947 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 5. Спр. 107. Арк. 85, 87).

ужели роль Сыромолотного ниже роли Логвина, Усачева, Мартынова и некоторых работников Вашего аппарата? Почему не реализовано мое представление на Руднева?»²³ Сыромолотного действительно нельзя было причислить к выдающимся организаторам партизанской борьбы. А Руднева своевременно не наградили из-за того, что он одно время до войны находился под следствием по подозрению во вредительстве²⁴.

А и еще чаще, как водится, Строкача поносили за глаза.

Замечания были очень резкие. Например, сын комиссара Сумского соединения – Радий Руднев в письме матери выразил недоумение ее оценкой: «Меня очень удивило, что Строкач – ты говоришь – добрый, он мне даже снился в виде Люцифера, Астарота и прочих дьяволов. Сколько на его бедную голову пришлось ругани...»²⁵ Это письмо дошло до Тимофея Строкача – копия документа хранится в соответствующем фонде. Не каждый руководитель мог бы работать с подчиненными после получения подобных сведений.

Однако любому терпению приходит конец. В начале 1943 г. Тимофеем Строкачем и Никита Хрущев получили от осведомителей УШПД – радистов, засланных в Сумское соединение, – ряд компрометирующих материалов на С. Ковпака, а также подобную информацию по другим каналам. Принято было решение вызвать Ковпака в Москву и там то ли призвать к дисциплине, то ли вообще снять с занимаемой должности. Вызов произвели под предлогом обсуждения с С. Ковпаком ситуации на оккупированной территории и оперативных планов на весну–лето 1943 г. В конце марта начальник УШПД запросил своего агента о том, как встречен в соединении вызов С. Ковпака и представителя ЦК КП(б)У в его отряде И. Сыромолотного в Москву²⁶. Командование соединения отнеслось к инициативе Центра настороженно, не захотел расставаться со своим командиром и комиссар Семен Руднев, совместно с С. Ковпаком написав в УШПД: «Вылет Ковпака считаем нецелесообразным. О состоянии тыла может доложить один Сыромолотный»²⁷.

²³ Радиограмма Ковпака Строкачу, вх. № 179, 23 января 1943г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 162).

²⁴ См. уголовное дело Руднева № 11 954, осужденного по ст. 58–8, 58–9, 58–11 УК РСФСР: ГДА СБУ. № 75 129 фп.

²⁵ Письмо партизана Сумского соединения Р. Руднева матери, 31 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 153).

²⁶ Радиограмма Строкача для «АВ»-М, 25 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 10).

²⁷ Радиограмма командования Сумского соединения Т. Строкачу, 28 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1357. Арк. 17).

В результате Сидор Ковпак остался на своей должности, пережив один из наиболее ярких эпизодов противостояния командования соединения с руководящей инстанцией. А противоборство это было едва ли не повседневным.

Партизанские командиры постоянно просили и требовали от Центра боеприпасов, вооружения, взрывчатки – и, в зависимости от ситуации, – других грузов: медикаментов, топографических карт, батарей и деталей для радиоприемников, одежды и обуви и т. д.

Не получив их в ожидаемые сроки, Ковпак дал гневную радиограмму Строкачу: «Отсутствие тола и боеприпасов дает противнику свободно маневрировать. Есть сомнение, [что] Вы не информировали товарища Сталина. Вынужден рапортовать товарищу Сталину через радиостанцию Наркомата внутренних дел. Погода летная все время»²⁸.

Впрочем, вскоре последовали официальные жалобы Сталину уже на Ковпака. Пилоты авиаполка Валентины Гризодубовой отказывались производить в Сумском соединении посадку, боясь, что их в отряде захватят в качестве заложников. Летчики, оставшиеся у ковпаковцев из-за аварии самолета, которая, по их заявлению, произошла по вине комиссара Руднева, позднее утверждали, что их использовали в качестве бойцов, грубо с ними обращались и не хотели отпускать на «Большую землю», оставляя до тех пор, пока не будут вывезены все раненые²⁹.

По свидетельству чекиста Якова Короткова, 20 марта 1943 г., когда Ковпак получил очередную партию грузов от УШПД, его ждала неприятная неожиданность: в одном из мешков были найдены пакеты с надписью «Молодому партизану», выброшенные ЦК ВЛКСМ для всех партизанских отрядов и содержавшие устав ВЛКСМ, Статутник партизана, 2–3 брошюры и 5–10 конвертов: «Ковпак, употребляя самые, что ни на есть похабные слова в присутствии бойцов и хозяев дома, где помещается штаб, высказывал свое негодование к Украинскому штабу партизанского движения и к... руководителю штаба. Тут же Ковпак дал распоряжение своему заместителю по хозяйству Павловскому обратно запаковать пакеты в мешок и направить в Москву с надписью “Молодому партизану Строкачу от старых пар-

²⁸ Радиограмма Ковпака секретарю ЦК КП(б)У Л. Корнийцу и Строкачу об отсутствии взрывчатых веществ и боеприпасов в Сумском соединении, вх. № 101, 15 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 90).

²⁹ Письмо Строкача комиссару Сумского соединения С. Рудневу о трениях во взаимоотношениях командования соединения с УШПД, 22 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 38. Арк. 23, 24).

тизан”. К этому, столь издевательскому отношению Ковпака к вышестоящим органам и ответственным лицам, была выражена солидарность присутствовавших там бойцов. Сыромолотный, находившийся там, молчал, но добавил: “Зачем присылают бумагу у нас есть лучшая, не такая, как в этих пакетах?” Ковпак сказал: “Мы можем снабдить Строкача сколько он хочет бумагой и конвертами, и не такими, как он прислал”»³⁰.

В конце концов командование Сумского соединения направило письмо Строкачу с выражением неодобрения по поводу задержки грузов. Начальник УШПД, хоть и был недоволен тем, что через его голову Ковпак несколько раз обращался к Сталину, написал Рудневу письмо в увещательном тоне: «Оказать... помощь при наличии весьма и весьма ограниченных средств транспортировки не всегда удастся так, как хочется мне или Вам. Кроме того, даже и то ограниченное количество самолетов, которое мы имеем, не всегда можно использовать по причинам метеорологических условий. Одновременно Вам говорю, что для Вашего отряда помощь в выброске боеприпасов, вооружения, а также вывоза раненых оказывается значительно больше, чем другим отрядам. (...) ...Здесь не бездельники, как некоторые у Вас пытаются представить работников штаба»³¹.

В другом случае на Строкача с критикой по поводу поставок грузов партизанам обрушился комиссар Черниговско-Волынского соединения Владимир Дружинин: «Странно получается, выбрасывают тому, кто уже сидит четыре м[еся]ца на месте (имеется в виду соединение А. Сабурова. – А. Г.), а нам, т. е. движущимся, не бросают. Кроме того, единовременная выброска нам и ему, кроме безобразия ничего не дает, постоянные споры, неприятности. Кроме всего [прочего], наш сосед [нас] на этом деле обманывает.

Я посылаю на Ваше имя радиogramмы о выброске радиоприемника, киноаппаратуры. Как говорят – ни слуха, ни духа. Допустим, что сейчас выбросить нет возможности, но хотя бы что-либо ответили. Бумаги для выпуска газеты выбросили на два номера и все, а дальше, что мы должны будем делать?

Тов. Строкач, может быть я ошибаюсь (но думаю, что нет), что вопросами относящимися к кино, газетам и пр., никто не занимается, считая это второстепенным делом, если так, я конечно, откажусь про-

³⁰ Докладная записка капитана ГБ Я. Короткова Строкачу о ситуации в Сумском соединении, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 43).

³¹ Письмо Строкача комиссару Сумского соединения С. Рудневу о трениях во взаимоотношениях командования соединения с УШПД, 22 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 38. Арк. 26).

силь в дальнейшем и кино, и радио, и газеты... Мы писали Вам о том, чтобы выбросили немного табака и мыла... Тоже пока дипломатическое молчание и по этому вопросу...

В присылаемых письмах от Вас (почта) полная неразбериха: всю раньше прут нам, тут и для К[овпака] и П[опудренко] – очевидно, кому-то лень разобраться даже по литерам»³².

Но и в соединении Сабурова, которому едва ли не все соседние командиры открыто завидовали, т. к. в его ведении находились посадочные площадки для самолетов, везущих грузы партизанам, далеко не всегда все было гладко с поставками, о чем секретарь Каменец-Подольского обкома КП(б)У Степан Олексенко написал Строчаку: «Советую по-товарищески: проверь и выгони сволочей из аппарата. Кое-кто у тебя, не знаю сознательно или несознательно... работает на врага»³³. Олексенко писал, что Сабурову прислали магнитные мины без взрывателей; вместо 10 тыс. патронов к автоматам ПППШ доставили такое же количество патронов к наганам, вместо масла из-за линии фронта были получены пустые масленки, из-за чего партизаны смазывали оружие репейным маслом, а в апреле в отряды прислали ватные брюки и шапки-ушанки: «Про все это знают не только командиры, а и рядовые бойцы. Вы понимаете их возмущение. Если бы не летали самолеты, то каждый понял бы, что нет. А так говорят: “Царь Мьколка [во время русско-японской войны] в Маньчжурию посылал иконы, а нам штаб присылает шапки. Значит хотят, чтобы мы шапками забрасывали немцев”. (...) Здесь жара стоит, а почти все в ушанках. Даже сам Сабуров в шапке. Ему привезли генеральский костюм, а фуражки нет. Неудобно же быть в генеральской форме и в кепи»³⁴. По словам Олексенко, о минах замедленного действия, официально принятых УШПД на вооружение с начала 1943 г., в соединении Сабурова до мая 1943 г. вообще не было известно: «Вы [бы] видели, чем люди перекидывают поезда – за голову взялись бы... Ребята сами мастерят мины, правда на них много и сами подрываются, но они не падают духом, они просто выклянчивают у т. Сабурова десяток взрывателей. Ну, что составляет привезти летчику даже в кармане десяток пачек капсулей? Вы же сами понимаете, что это мелочь, но через эту мелочь нечем перекидывать поезда... Вы же понимаете, что имея та-

³² Письмо Дружинина Строчаку о поставках в Черниговско-Волынское соединение, 12 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 10).

³³ Письмо секретаря Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У С. Олексенко Строчаку о ситуации в ряде партизанских соединений Украины, вх. № 01987, 12 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 38).

³⁴ Там же. Арк. 39, 40.

кие факты, как не отдельные факты, вроде переходят [они] в систему. Народ возмущается и ругается»³⁵.

Постоянные гневные радиопослания командира соединения им. Боровика В. Ушакова, также пытавшегося апеллировать к Сталину, вызвали ответное раздражение Строкача, пославшего за фронт телеграмму-молнию: «Удивляюсь и не узнаю Вас. Вы произвели на меня такое хорошее впечатление, что не хочется верить Вашим радиограммам. Из-за Вашей раздражительности и грубости погода не улучшается и самолетов нам не прибавляют.

Не думайте, что мы можем и должны дать все, что Вы просите. Это невозможно при всем нашем желании.

По разъяснению Главного командования, тот, кто думает, что партизанское движение должно состоять на снабжении Центра, тот ничего не понимает в партизанском движении. Из этого сделайте вывод и не ждите всего из Москвы, а добывайте на месте у противника»³⁶.

Ругань командиров на штаб продолжалась и далее. В конце 1943 г., на протяжении нескольких погожих дней, не дождавшись обещанных грузов, командир кавалерийского соединения Михаил Наумов в дневнике выразил досаду на заместителя Строкача, непосредственно занимавшегося организацией поставок: «Где мера безответственности и беспечности у Соколова? У меня подчас создается впечатление, что этот деятель партизанского движения на Украине делает все, чтобы партизаны, действующие на Украине, были поставлены в невыносимые условия, а [подчиненные УШПД] партизаны, живущие в белорусских лесах, пользуются всеми преимуществами. (...) И как это не видят т.т. Строкач, Коротченко, Гречуха? За последние три дня т. Строкач прислал две радиограммы, в которых указывает о том, чтобы соединению действовать в этом районе и асфальт[ового] шоссе Киев – Житомир и ж[елезной] дороги Коростень – Киев. Очевидно, тов. Строкач ожидает активных действий и не знает, что Соколов привязал меня к аэродромам. Вообще, удивительно то, что за 100 км от фронта у штаба не хватает толку снабдить меня боеприпасами»³⁷.

Критика партизан во многом была оправданной, поскольку материальная база нередко использовалась в УШПД «нецелевым образом». Так, грузовики штаба – сообразно документам, гонялись

³⁵ ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 42.

³⁶ Радиограмма-молния Строкача командиру партизанского соединения им. Боровика В. Ушакову о поставках в партизанские отряды, исх. № 4048, 21 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1289. Арк. 160–160 зв.).

³⁷ Дневник Наумова, запись от 7 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 27).

для перевозки боеприпасов, а в действительности за определенную плату они обслуживали торговые организации Москвы: Военторг, Главтекстильсбыт и даже буфет Ржевского вокзала. «Партизанскими» же машинами нередко возились и дрова на продажу горожанам в зимний период. Руководители УШПД получали за подобные услуги взятки не только деньгами, но и водкой, тканью, кожей и другими товарами.

Начальник административно-хозяйственного отдела штаба П. Шергенев сообщал об этом секретарю ЦК КП(б)У Демьяну Коротченко: «В марте 1943 г. с партизанского склада берется 32 килограмма муки, 5 кг масла и ряд других продуктов, все это получается секретарем 5-го отдела Ивановой, якобы для госпиталя, и завозится к ней на квартиру. Продукты брались и по распоряжению начальника отдела Шинкарева в присутствии работника Петренко. В феврале 1943 г. через Наркомторг было выписано для оперативных задач сукно шинельное для генералов и полковников, габардин, каверкот на гражданские костюмы. Вместо оперативных целей было роздано руководству штаба и начальникам отделов»³⁸.

Подобные нравы царили в УШПД не случайно. В докладной записке от 3 апреля 1944 г. кладовщик М. Клименко сообщал тому же Коротченко: «Строкачу была выделена на кожаное пальто и ботинки кожа, а списалась она по непонятному документу как отправленная в партизанское соединение. В штабе получают американскую обувь, вскоре она появляется у всего руководства штаба. На данный момент склады штаба стали обменными пунктами – импортные вещи меняются на старые, а потом все это отправляется партизанам».

В октябре 1943 г. от наркоматов в партизанский штаб пришли 5 пар золотых часов для командиров партизанских соединений. Вместо них «награду» получили Строкач и его приближенные. Более того, начальник УШПД за деньги своего ведомства умудрился сделать ремонт в своих трех московских квартирах на общую сумму 11 тыс. рублей³⁹.

Другой субъективной причиной относительно небольшого количества поставок в партизанские отряды была личная позиция председателя ГКО. Сталин ошибочно полагал, что поставки из-за линии фронта «расслабляют» партизан, которые обязаны получать оружие и боеприпасы в бою. Однако в реальности в качестве трофеев возможно было захватить лишь ограниченное количество военного

³⁸ Гінда В. Штабні шури жиріли на харчач і речах партизанів... // Високий замок. 10.12.2010. URL: <http://wz.lviv.ua/pages.php?ac=arch&atid=88254>

³⁹ Там же.

имущества. Военные склады немцами тщательно охранялись. Операции партизан приводили к диспропорциям между разными видами вооружения и боеприпасов в партизанских отрядах. Иными словами, для успешного ведения боевой деятельности не хватало то одного, то другого. Возникающий дефицит могли бы восполнить запасы штабов партизанского движения, гибкое и быстрое реагирование Центра на запросы исполнителей на местах.

Регулярные и полноценные поставки в тыл вооружения и боеприпасов, а также специалистов могли сделать эффективней не только сталинскую партизанскую войну, но и вообще ускорить поражение Третьего рейха. Общеизвестно, что за четыре года советско-германской войны Красная армия израсходовала 427 млн снарядов и артиллерийских мин и 17 млрд патронов. Допустим, что фронты, действовавшие на юго-западе европейской части СССР, за первые три года войны потребили 25 % этих боеприпасов: 107 млн снарядов и мин и 4,3 млрд патронов. Вместе с тем в первый год войны партизаны получили с «Большой земли» ничтожно мало грузов, а в 1942–1944 гг. в соединения УШПД и его представительств было доставлено 75 тыс. снарядов и мин и 30 млн патронов (примерно половина грузов – по земле, и половина – по воздуху)⁴⁰. Соответственно, украинские партизаны получили из Центра в 1426 и 135 раз меньше того, что получала Красная армия на данном театре военных действий. Таким образом, централизованные поставки красным партизанам боеприпасов в этом случае составляли, соответственно, 0,07 % и 0,8 % от поставок фронтовым частям.

При этом, по крайней мере, с начала 1943 г. у военного руководства СССР наличествовала техническая возможность существенно увеличить поставки в партизанские отряды, но этого сделано не было.

Диверсант Илья Старинов даже предполагал, что только лишь преодолев организационные недостатки в руководстве партизанскими формированиями, изначально сориентировав командос, в первую очередь, на подрыв эшелонов на железной дороге, а также увеличив поставки за линию фронта, Сталин мог выиграть войну уже в 1943 г.⁴¹ Однако к этому утверждению опытного специалиста минно-подрывного дела не следует подходить слишком серьезно. Вряд ли можно четко представить себе реакцию германского командования на возросшую угрозу со стороны диверсантов: какие шаги могли быть предприняты для удержания под контролем собственного тыла,

⁴⁰ Подсчет по: *Кентій А., Лозицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 338, 339.

⁴¹ *Старинов И.* Мины замедленного действия... С. 155–179.

а какие контрмеры могли быть направлены на дестабилизацию, а то и полный развал тыла противника.

Возвращаясь к истории деятельности партизанских формирований, отметим, что не только перебои в поставках грузов вызывали критику Украинского штаба «с мест». Чрезмерная обходительность Строкача с подчиненными в ряде случаев даже вызывала их неодобрение. В частности, к усердному обсуждению талантов работников Украинского штаба приводили приветственные радиogramмы за подписью Строкача или Хрущева. Каждую радиogramму УШПД партизаны ждали с нетерпением, поскольку она, как правило, сообщала важную информацию – например, об изменениях в маршруте движения отряда, новых поставках грузов, дислокации частей противника и т. д. В этой обстановке передача нескольких теплых слов от начальства воспринималась партизанскими вожаками как напрасная трата питания батарей радиоприемников и едва ли не как издевательство. В оперативном отчете Ковпак прямо намекнул на нецелесообразность «нежностей в эфире»: «В конце августа 1943 года получили поздравительную радиogramму товарища Хрущева об успешном проведении операции в районе Карпат... Каждый из нас почувствовал теплую заботу о нас, партизанах, со стороны Советского правительства и партии. Несколько раз я пытался передать текст радиogramмы подразделениям, и ничего из этого не вышло. Только всякий раз привлекала наша рация внимание немцев и немедленно появлялся самолет противника»⁴².

Но еще более нервозно реагировали партизанские вожаки на попытки Центра усилить контроль над их деятельностью, которые выражались в том числе в кадровых перестановках. Например, привыкший к «привольной» лесной жизни Сидор Ковпак, получив новых радистов УШПД, посчитал их чекистами. Радистка Галина Бабий вспоминала о «холодном приеме»: «Выходим из самолета и слышим сердитое: “Растуди вашу мать, це що таке? – показывает летчикам нагайкой на нас старик в крестьянской шапке и старом зимнем пальто. – Я их просив толу побільше. А вони мени баб прислали!” Ей-богу, думала, сейчас нас той нагайкой попотчует и запихнет назад в самолет. Страшно вспльчивым был Дед...»⁴³ Новый начальник радиоузла Сумского соединения сообщила Строкачу об этом проис-

⁴² «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак предп. Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 48).

⁴³ *Шуевич В.* «Я просил взрывчатки побольше, а они мне баб прислали!» — возмущился Сидор Ковпак, увидев выходящих из приземлившегося «Дугласа» девушек в

шествии: «Первые слова, которые мы услышали по нашему адресу: “А, рация? Можно было бы и не прилетать. У нас и так лишние радиосты”. В первое время к нам никто совершенно не обращался и вообще считали нас лишними людьми, но когда начали поступать материалы и [командиры] увидели, что без задержки все принимается и передается, видимо решили, что можем работать. Сейчас упреков по адресу рации не слышно и не должно быть. Но знаете, как обидно, когда не понимают ничего и даже сознают это, и доказывают со скандалами совершенно противное.

Командир тов. Ковпак все время говорит о том, что “[радиотехник] Карасев и [радиист] Ромашин дармоеды и я их отправлю в роту, а вам направлю сменщика”, – это он говорит об операторе вещательной станции, который столько понимает в радио, сколько я в медицине. Приходится все время спорить, отстаивать, доказывать и даже не подчиняться некоторым приказаниям»⁴⁴.

Через некоторое время, если доверять сообщениям неофициальных информаторов, Ковпак явно слукавил, заявив: «Когда я был на приеме у тов. Сталина, он мне прямо сказал – если будут присылать к вам НКВДистов – работников НКВД, то гоните их оттуда, им делать там нечего»⁴⁵.

Крупный скандал разгорелся в Сумском соединении в связи с прибытием 20 марта 1943 г. капитана госбезопасности Якова Короткова, назначенного УШПД заместителем Ковпака по разведке. Для назначения имелись вполне объективные предпосылки: агентурная разведка в отряде была поставлена безобразно. Тем не менее прибытие Якова Короткова Ковпаком, Рудневым и находившимся при них представителе ЦК КП(б)У Иваном Сыромолотным было встречено «в штыки». Ковпак открыто демонстрировал враждебность и пренебрежение, иронизируя и над Украинским штабом, который, по мнению партизан, присылал «ненужных людей вместо тола». На другой день начальник штаба соединения Базима передал Короткову назначение в Путивльский отряд простым бойцом. В тот же день, по свидетельству Короткова, пьяный заместитель Ковпака по хозяйственной части Павловский в присутствии Ковпака заявил чекисту: «“Знаешь,

военной форме [интервью с Г. Бабий]. 18.06.2007. URL: <http://president.org.ua/news/news-162370/>

⁴⁴ Докладная записка начальника радиоузла Сумского соединения Г. Бабий Строчаку о поведении командования соединения, не позднее 22 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 118).

⁴⁵ Радиограмма «Корнева» о высказываниях Ковпака, 28 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 40).

у нас были майоры, капитаны, лейтенанты командирами, мы их снимали, переводили в бойцы и расстреливали, а бойцов выдвигали в командиры”. На этом день 21.ІІ. был закончен, если не считать того, что Ковпак несколько раз послал меня (т. е. Короткова. – А. Г.) к е[...]й матери, когда, не зная, на какой подводе приспособиться, я обратился к нему»⁴⁶. Заведующей радиоузлом Галине Бабий, по словам Короткова, было приказано под страхом расстрела не передавать радиogramмы чекиста за линию фронта.

Через пару дней Коротков не выдержал давления и потребовал от руководства соединения либо выслать его обратно в УШПД, либо назначить на соответствующую должность. Разговор вылился в дискуссию на повышенных тонах: «Сыромолотный молчал, Ковпак, выходя из себя, бегал по комнате, за каждым словом употребляя мат, сказал: “Чепуха, никто там [в ЦК КП(б)У] никакие вопросы не согласовывает, человек у нас есть, который занимается разведработой, пускай запрашивают, что им нужно, а не навязывают людей, которых нам не нужно, всяческое барахло присылают. Я разговаривал с т. Сталиным, и провожу директивы партии и правительства, там, в штабе вредители сидят, творят контрреволюцию, за наш счет ордена получают, после войны снимать будем ордена...”»⁴⁷ После того, как решено было отправить чекиста туда, откуда он прибыл, Сыромолотный, по словам Короткова, через третьих лиц предупредил его о возможном покушении со стороны сына комиссара, Радия Руднева. Но, очевидно, что это были просто угрозы – чекист спокойно выбыл обратно в тыл.

Неудивительно, что через две недели осведомитель сообщил из Сумского соединения: «Командование части очень недовольно прибытием к нам представителей Центрального комитета партии Украины»⁴⁸. Речь шла о визите в партизанский край на Полесье секретаря ЦК КП(б)У Демьяна Коротченко с группой партийцев и сотрудников УШПД. Впрочем, опасения Ковпака и Руднева оказались напрасными, история с Коротковым сошла им с рук. Оба остались на своих местах и продолжили руководить боевой деятельностью.

На родной для Ковпака Сумщине примерно в это же время разыгрывались другие сцены, также связанные со стремлением посланцев Центра упорядочить деятельность партизанских отрядов, подчинив их директивам руководства. Созданный областной штаб партизан-

⁴⁶ Докладная записка капитана ГБ Я. Короткова Строкачу о ситуации в Сумском соединении, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 43).

⁴⁷ Там же. Арк. 45.

⁴⁸ Радиogramма «Кармен» о настроениях командования Сумского соединения, 23 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1308. Арк. 49).

ского движения возглавил делегированный УШПД полковник Яков Мельник, одновременно назначенный ЦК КП(б)У третьим секретарем подпольного обкома Сумской области. Его заместителем стал первый секретарь Сумского подпольного обкома КП(б)У Порфирий Куманек, до этого бывший комиссаром соединения А. Сабурова. Через некоторое время отношения Куманька с Мельником стали ухудшаться. Сам Мельник утверждал, что он сделал несколько замечаний относительно дисциплины и пьянства местным командирам и комиссарам отрядов, а Куманек стал на сторону последних⁴⁹.

Вскоре сам став не контролирующим, а контролируемым, полковник Яков Мельник принципиально изменил отношение к вопросу о роли руководящих инстанций. Мали, начальник радиоузла находившегося под его командованием Винницкого соединения, доносил в УШПД: «Неоднократно радивал Вам плохое ко мне отношение со стороны командования... Ставлю Вас в известность, что никакой охраны ради и радистов нет...»⁵⁰ Мали также сообщал, что начальник штаба соединения Михаил Владимиров говорил ему, что есть, якобы, указания УШПД расстреливать радистов, когда имеется угроза их попадания в плен, так как они знают много шифров.

Была еще одна линия конфликтов между руководящим центром и исполнителями на местах. Речь идет о скрытом или явном саботаже партизанскими вожаками оперативных планов УШПД. В ряде случаев это было связано с нежеланием выполнять сложные и опасные, а то и невыполнимые указания Строчака: как правило, поход в степные и лесостепные районы или на территорию, находившуюся под воздействием ОУН–УПА. А отдельные красные командиры вообще не хотели вести сколько-нибудь активную боевую и диверсионную деятельность, подвергать себя опасности и лишениям. Иногда стремление командиров и комиссаров подольше находиться в комфортных условиях и на почтительном расстоянии от противника вызывало и недовольство рядового состава партизанских отрядов.

Даже соединение Алексея Федорова иногда вызывало нарекания Украинского штаба. Находившийся в Москве на излечении командир одного из отрядов этого соединения Григорий Балицкий, после встречи с сотрудниками ЦК КП(б)У и Строчаком сделал запись в

⁴⁹ Докладная записка начальника Сумского областного штаба партизанского движения Я. Мельника Строчаку о состоянии партизанских отрядов Сумской области, 9 февраля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 20–21).

⁵⁰ Радиограмма начальника радиоузла Винницкого соединения Мали в УШПД о настроениях командования соединения, 11 декабря 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1439. Арк. 12).

дневнике: «В процессе информации мне было задано несколько вопросов: почему соединение тов. Федорова отсиживается, не занимается диверсиями и т. д. (тов. Строкач сопоставил боевой лицевой счет соединения Сабурова и тов. Федорова). После всего этого тов. Строкач заявил, что соединение Федорова ни черта, ничего не делает, кроме писания оскорбительных радиogramм»⁵¹.

Другой пример: в начале 1944 г. Волынское соединение им. Ленина по плану УШПД должно было выйти на территорию Черновицкой области (Карпаты, Буковина). Вместо этого, занимаясь со своими подчиненными пьянством, командир отряда Леонид Иванов постоянно писал радиogramмы в УШПД о том, что его соединение ведет непрекращающуюся борьбу с украинскими националистами, несомненно, сильно преувеличивая ее интенсивность: «Частые стычки с националистами привели к исходу боеприпасов. Настоятельно просим выбросить [на] Дубровский аэродром боеприпасы, для резерва 100 автоматов, тол, патроны, мин 50-мм, медикаменты, газетной бумаги и типографию. Готовы выйти в район поставленных задач. Отвечайте»⁵². Вторым предлогом для бездействия было ожидание грузов из-за линии фронта. Несмотря на окрики и замечания Строкача, Волынское соединение не вышло в район заданных действий.

Может быть, наиболее показательным в этом смысле является история двух молдавских соединений, которые на 88 % состояли из украинцев, русских и белорусов⁵³. Молдавского штаба партизанского движения не существовало за отсутствием в МССР партизанских формирований. Впрочем, и УШПД не достиг сколько-нибудь заметных успехов в развитии диверсионной борьбы на территории Молдавии⁵⁴. Находясь на лесистом Полесье, командир 1-го Молдавского соединения Василий Андреев также постоянно жаловался УШПД на недостаток боеприпасов, прося высылать все новые и новые грузы. Это вывело из равновесия даже спокойного Строкача, написавшего 20 июня 1943 г. своему заместителю В. Соколову конфиденциальную радиogramму: «Жалоба Андреева – нахальство. Не давать больше ни

⁵¹ Дневник Балицкого, запись от 24 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 75).

⁵² Радиogramма командира Волынского соединения им. Ленина Л. Иванова и др. Строкачу о положении соединения, вх. № 202, 4 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1530. Арк. 9).

⁵³ Подсчет по: Україна партизанська... С. 88–91, 110–111.

⁵⁴ Это признавалось даже в советское время: *Елин Д. Д.* Партизаны Молдавии. (Из истории партизанского движения молдавского народа в годы Великой Отечественной войны Советского Союза). Кишинев, 1974. *Passim*.

одного патрона. Для исполнения задания у Андреева все есть»⁵⁵. Не было главного – стремления идти в Молдавию. Через полгода после этого инцидента Михаил Наумов оставил в своем дневнике личные впечатления от общения с этим коллегой и его партизанами: «Полковник Андреев – командир Молдавского соединения. Вообще проклинает тот день, когда согласился командовать Молдавским соединением. Задача у него трудная, поставлена запоздало (в этом Наумов по незнанию ошибался. – А. Г.), воля слабая, отряды слабы и трусливы, с огневых позиций уходят трусливей и стремительней зайцев при появлении немцев. Куда уж там – Молдавия, упаси Боже!»⁵⁶ Два молдавских соединения так и не вышли в заданный район действий, а на территории УССР соединились с частями Красной армии. Впрочем, они были не исключением. Примерно $\frac{2}{3}$ соединений и отрядов УШПД не выполнили оперативные планы штаба на вторую половину 1943 г., и подавляющее большинство – на первое полугодие 1944 г.

7.3. Конфликты между командирами отрядов УШПД

В данной главе акцент сделан на изучении конфликтов между командирами отрядов и соединений УШПД, его представительств на фронтах, а также командирами отрядов, не имевших связи с «Большой землей» – т. е. на тех ссорах партизан, на которых не отражалось пересечение интересов различных советских силовых структур.

Периодически между командирами соединений возникали конфликты из-за грузов, идущих к партизанам из-за линии фронта. В частности, секретарь Ровенского подпольного обкома КП(б)У Василий Бегма писал Строкачу, что нецелесообразно было посылать одним самолетом пять мешков груза в один отряд Грабчака: «Грабчак не в состоянии поднять такой груз и обращается к Ковпаку за подводами, а тот выходит из себя, что он ждет, встречает и организывает площадку, а грузы идут не его соединению. Нужно так регулировать, чтобы хотя бы по 2–3 мешка [груза в одном самолете для каждого соединения?]. Все равно Грабчак будет продвигаться до места назначения с соединением Ковпака»⁵⁷.

⁵⁵ Кенітій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 335.

⁵⁶ Дневник Наумова, запись от 2 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 81).

⁵⁷ Письмо секретаря ровенского подпольного обкома КП(б)У В. Бегмы Строкачу с жалобой на порядок поставок партизанам, не позднее 31 января 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 100).

Из-за получаемых от УШПД грузов Ковпак в январе 1943 г. поссорился с Сабуровым, несмотря на то, что за месяц до этого два соединения в тесном взаимодействии успешно провели знаменитый Сталинский рейд. Бывший политрук одной из групп Ковпака Минаев писал, что оперативное взаимодействие двух расположенных рядом отрядов было постепенно нарушено: «[Первоначально] было очень радостно, когда ежедневно слышишь о сабуровском отряде, о его успехах и знали, что он недалеко от нас находился, а сабуровские партизаны радовались успехам ковпаковцев. Таким образом, жизнь, быт и борьба проходили в дружественной атмосфере. И, кроме того, была повседневная боевая помощь.

Я уверен, и в отряде разговорчики были, что данную группировку 3-х арийских полков под с. Глушкевичи, во взаимной связи с отрядом Сабурова, уничтожили бы полностью и аэродромная площадка была бы в наших руках. Кроме того, среди личного состава отряда появились нездоровые разговоры: “Якобы два командира т. Ковпак и т. Сабуров зазнались и не хотят покориться друг другу”⁵⁸.

Крайне напряженные отношения были между командиром Житомирского соединения им. Щорса Степаном Маликовым и командиром Житомирского соединения Александром Сабуровым. Перепалки партизанских вожakov друг с другом из-за поставок с «Большой земли» продолжались до конца оккупации.

Стандартными были конфликты по поводу задержания одних партизан другими, в частности, во время проведения хозяйственных операций на «спорных» территориях. Причем Ковпак, как человек, обладавший большим уважением своих коллег, позволял себе резкий тон в переписке с ними. В частности, 25 ноября 1943 г. командир Сумского соединения направил письмо командиру Винницкого соединения Якову Мельнику, о том, что связанную с ковпаковцами группу подпольщиков, при которых находилось двое партизан, 15 ноября 1943 г. мельниковцы полностью ограбили: «Считаю, что оружие начальнику штаба необходимо почаще применять в боях с немцами, а не заниматься от безделья самым неприкрытым мародерством и требую немедленного возвращения всех награбленных вещей...»⁵⁹ В ответ Мельник, проведя разбирательство, 4 декабря написал Ковпаку письмо в подобострастном тоне, однако указал респонденту на его

⁵⁸ Докладная записка бывшего политрука 5-й группы Сумского соединения Минаева Строкачу о состоянии соединения, 28 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 150).

⁵⁹ Письмо Ковпака командиру Винницкого соединения Я. Мельнику о поведении его партизан, 25 ноября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 45. Арк. 47).

плохую информированность: «Ничего подобного, что вы указываете, мои бойцы не брали, за исключением пишущей машинки, которая взята полицией, перешедшей в мое соединение, но группа бойцов п[артизанского] о[тряда] [им.] Дзержинского у них [ее] отобрала. Вы поверили лже-уполномоченному (в документе прочерк. – А. Г.) УШПД Хвощевскому, который отобрал машинку у дзержин[цев]. Узнав об этом, мои бойцы отобрали [пишущую машинку] у Хвощевского. Если он попадется мне, я ему выбью глаза за то, что он ранее обезоруживал мои группы, выходявшие из окружения. Взятые часы и четыре патрона Вам возвращаю. А пишущую машинку необходимость заставляет оставить у себя, т. к. она никогда не принадлежала лже-уполномоченному УШПД Хвощевскому»⁶⁰. В конце письма Мельник приветствовал Ковпака, а также на всякий случай извинился перед ним за это письмо.

Как раз после этой переписки Ковпак позволил себе подобные «экспроприации» имущества соседнего соединения, только провел их довольно-таки организованно. 14 декабря начальник штаба Сабурова Бородачев радировал Строкачу и Сабурову: «Все продовольственные базы нашего соединения подчинил себе Ковпак, производит их вскрытия. Все это [якобы] санкционирует [заместитель Строкача] полковник Соколов. Этот вопрос требует немедленного разрешения и прошу ускорить вмешательство Украинского штаба. Необходимо запретить Ковпаку посягать на наши базы. О мерах прошу срочно радировать»⁶¹. В конце декабря 1943 г. Ковпак был отозван в тыл и освобожден от должности командира Сумского соединения. Вероятнее всего, причиной послужила не приведенная радиограмма, и даже не другие «проступки» старого партизана, а его личное желание, осторожно высказываемое им с лета 1943 г. – от длительных переходов и сражений Ковпак очень устал.

Нежелание командиров подчиняться один другому, идти на уступки приводило к срывам или провалам операций.

В частности, в марте 1943 г. Черниговское соединение Алексея Федорова разделялось на два соединения. Большинство партизан под командованием Алексея Федорова составило основу для Черниговско-Волынского соединения, выступавшего в рейд в Западную Украину. Оставшийся отряд, сохранивший название Черниговского соедине-

⁶⁰ Письмо Мельника Ковпаку о конфликтах между партизанами, 4 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 45. Арк. 48).

⁶¹ Радиограмма начальника штаба Житомирского соединения В. Бородачева Строкачу и Сабурову о действиях Ковпака, 14 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1439. Арк. 181).

ния, подчинился бывшему заму Федорова – Николаю Попудренко и был предназначен для действий на левобережье Днепра. Между Федоровым и Попудренко отношения были натянутыми на протяжении всего 1942 г. Командир отряда им. Сталина Григорий Балицкий свидетельствовал, что дележка военного имущества и личного состава сопровождалась сценами: «Подготовка к движению – целый день и до поздней ночи шли дискуссии с Попудренко, Новиковым, Дружининым, все время подначивал тов. Попудренко. А наконец дошло до слез. [Комиссар новосозданного Черниговского соединения] Новиков и [его командир] Попудренко стали плакать, что Федоров оставляет их самих с небольшим отрядом. Попудренко все добивался, чтобы оставить хорошее вооружение и боевых людей. Но все это было напрасно, было оставлено все то, что сказал тов. Федоров»⁶². Не лишним будет упомянуть, что новосозданное Черниговское соединение, сформированное по остаточному принципу, через четыре месяца было немцами разгромлено, а Николай Попудренко погиб.

О другом случае вспоминал командир Винницкого соединения Яков Мельник. Когда его отряд вышел в Винницкую область, Мельник разыскал и соединился с местными партизанами, которые находились под командованием Мичковского: «Когда первый раз наше соединение шло в Винницкую обл., т. Мичковский к нам присоединился [с] группой товарищей, а потом, когда были бои возле Старой Синявы, он был послан в разведку и не вернулся, ушел в район Винницы и организовал партизанский отряд. Там он предоставил написанную им же бумажку, что якобы я и Бурченко его уполномочили организовать партизанские отряды, поэтому местные партизаны присоединились к нему как к представителю обкома и нашего соединения.

Когда я с т. Бурченко предложили ему присоединиться к нам на основании той телеграммы, которую мы получили от тов. Хрущева, где говорилось присоединить все местные партизанские отряды под свое руководство, но он отказался. В течение четырех дней мы вели с ним переговоры (у него было около 700 человек).

За это время противник нас обнаружил и окружил. Были закрыты все выходы за исключением одного села Николаевка, которое мы занимали, все остальные окружающие села были заняты противником. Таким образом, у нас оставался единственный выход – прорываться на юг и маневрировать по области. Тов. Бурченко собрал командиров

⁶² Дневник Балицкого, запись от 9 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 36).

винницких отрядов и предложил идти вместе с нами, они согласились, а Мичковский отказался, оставив себе 150 человек и комиссара Васильева, остался с ними в Винницких лесах. После нашего ухода немцы их здорово погоняли, наскочили на них неожиданно, прочесывая лес. Они потеряли в этом бою много людей, Васильев был тяжело ранен»⁶³.

На другом берегу Днепра в этот же момент происходило нечто подобное. Командир Полтавского соединения Михаил Салай информировал УШПД о том, что отряды под командованием Ивана Бовкуна, Николая Таранущенко и Василия Чепиги не хотят взаимодействовать с ним для усиления ударов по немецким коммуникациям⁶⁴.

Причиной ссор между партизанскими вожаками были, в основном, черты их характера. В частности, писатель Николай Шеремет писал в начале 1943 г., что у многих партизанских командиров очень развито самолюбие: «Нужно некоторым из них привить чувство большевистской скромности и ответственности. Часто можно услышать от командира партизанского отряда, что он во вражеском тылу – царь и бог. Кто с него спросит? Ему виднее. Что не так – после войны будет отвечать...»⁶⁵

Слова Шеремета прекрасно подходили к командиру соединения им. Берии Андрею Грабчаку. О том, из-за чего он ругался с соседними командирами, узнали даже представители немецких спецслужб: «Нервный до такой степени, что порой больше похож на сумасшедшего. Много болтает, прославляет себя и свои способности, поэтому командиры банд относятся к нему, как [к] несерьезному полусумасшедшему человеку. Он это замечает и со всеми ссорится. (...) Сам придумал себе кличку “Буйный”, желая кличкой соответствовать своим действиям. (...) Чрезвычайно насторожен к приходящим “новичкам”, большинство новых расстреливает по одному тому, что они кажутся ему подозрительными»⁶⁶. О том же писал в ЦК секретарь Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У Степан Олексенко: «За-

⁶³ «Продолжение стенограммы-беседы с тов. Мельником Я. Беседу проводил: зав. военно-партизанским отделом Комиссии по истории Отечественной войны АН УССР – Слинко И.И», 22 октября 1948 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Спр. 374. Арк. 61–62).

⁶⁴ *Кентій А., Лозицький В.* Війна без пощади і милосердя... С. 168.

⁶⁵ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 17).

⁶⁶ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 21). Служебный перевод советских органов.

нимался отрядом Грабчака-“Буйного” и Подкорытова-“Спартака”. Приказы их еще страннее, чем радиogramмы. Люди отряда страдают манией преследования немецкими агентами. Грабчак – опасный ду- рень, мечтающий о славе и больших делах. Диверсионная работа и засады весьма сомнительны, а утопических проектов много, комиссар достоин командира. Они никому в отряде не верят, установили тай- ных контролеров для диверсионных групп»⁶⁷.

Многие действия этого партизанского командира и составленные им документы заставляют со вниманием относиться к утверждениям о психических расстройствах Грабчака. Например, по свидетельству Ильи Старинова, «Буйный» заявил местным жителям, чтобы они в разговорах с немцами не скрывали численность и расположение его партизанского отряда, а около лагеря поставил настоящую погранич- ную заставу – в качестве своеобразной демонстрации силы⁶⁸. В дру- гом случае Грабчак самовольно пытался назвать свое соединение именем начальника УШПД, что вызвало резкие возражения Тимо- фея Строкача⁶⁹.

Даже во время в общем-то рядовых конфликтов с соседями стиль действий Грабчака был весьма странным. Например, после того, как со- седний партизанский отряд задержал двух партизан из соединения им. Берии, Грабчак сделал логичный шаг – направил командиру от- ряда требование вернуть партизан. А вот форма этого письма показы- вает психологические особенности «Буйного»: «В случае Вашего со- противления добьюсь перед Москвой в кратчайшие сроки принятия мер в отношении Вашего отряда, как срывающего огромную полити- ческую кампанию по организации восстаний крупных гарнизонов.

Национальный психологический склад в районе моих действий имеет исключительно колоссальное политическое значение, распы- ление которого ни в коем случае недопустимо. Прошу учесть важ- ность данных мероприятий и выполнить мое предложение. В случае невыполнения Вы будете привлечены к ответственности Централь- ным штабом партизанского движения Украины»⁷⁰.

⁶⁷ Радиogramма секретаря Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У С. Олексенко Хрущеву о ситуации в партизанском соединении им. Берии, вх. № 4969, 27 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1330. Арк. 61).

⁶⁸ *Старинов И.* Записки диверсанта... С. 432.

⁶⁹ Радиogramма Строкача командиру партизанского соединения им. Берии А. Грабчаку с требованием использовать утвержденное название соединения, исх. № 3935, 15 июля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1289. Арк. 52).

⁷⁰ Письмо командира партизанского соединения им. Берии А. Грабчака командиру партизанского отряда им. Чапаева Тернопольского соединения П. Шевчуку с требо-

Неприязнь после личной встречи возникла между командиром Ровенского соединения № 2 Иваном Федоровым и командиром отряда им. Сталина Черниговско-Волынского соединения Григорием Балицким, записавшем в дневнике: «Настоящий мильтон (И. Федоров до войны служил в милиции. – А. Г.), большой чудак, болтун, бездельник. Побыли у этого чудака до 9 часов утра 10.1–44 г. Впечатление осталось об этом [унтере] Пришибееве очень отвратительное»⁷¹.

Немецкие разведчики отметили одну из основных черт личности и другого командира, Михаила Наумова – высокомерие: «Развязен и заносчив перед своими коллегами по бандитизму»⁷². В личных письмах к другим партизанам часто прослеживается желание Наумова как-то уязвить респондента. Например, в письме Шитову Наумов поставил постскриптум: «Я бы мог, конечно, информировать Вас о проступках некоторых Ваших партизан, но они мне сказали, что Вы со штабом находитесь где-то за железной дорогой, в Белоруссии»⁷³. Устав от склоки, Наумов послал Шитову письмо, в котором пригласил его на примирительный обед, но даже в этом случае продемонстрировал снисходительное отношение: «Я, хотя и не пьющий, но заказал специально для вас приготовить горилки»⁷⁴. В другом случае в письме Хрущеву командир кавалерийского соединения продемонстрировал свое самомнение. Он безапелляционно заявил, что «партизанское движение Украины» находится в глубоком кризисе, вызванном бездельем большинства партизанских вожakov: «На мой взгляд, до сих пор на Украине воевали только Ковпак, Андреев, Мельник, Федоров и некий Наумов (простите за нескромность)»⁷⁵. Командир кавалерийского соединения предлагал для преодоления кризиса поставить во главе зафронтowego филиала УШПД Сидора Ковпака, который «не постеснялся бы установить жесткий контроль на месте над всеми партизанскими формированиями». «Смелое» предложение

ванием возратить задержанных бойцов его соединения, 4 сентября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 105. Оп. 1. Спр. 12. Арк. 46).

⁷¹ Дневник Балицкого, запись от 9 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 60. Арк. 74).

⁷² Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 20). Служебный перевод советских органов.

⁷³ Письмо Наумова командиру Тернопольского соединения им. Хрущева И. Шитову о личных взаимоотношениях, 18 ноября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 105. Оп. 1. Спр. 12. Арк. 49 зв.).

⁷⁴ Письмо Наумова Шитову о личных взаимоотношениях, 13 декабря 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 105. Оп. 1. Спр. 12. Арк. 55).

⁷⁵ Докладная записка Наумова Хрущеву о состоянии партизанского движения Украины, 6 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 2 та зв.).

Наумова было, разумеется, отвергнуто, а самому Наумову, по совету Хрущева, Строкачем были сделаны соответствующие разъяснения, призывающие к более уважительному отношению к коллегам⁷⁶.

Впрочем, на тот момент Строкач уже привык посылать за фронт подобные указания. После очередной ссоры начальник Каменец-Подольского штаба партизанского движения Сергей Олексенко, командир соединения им. Хрущева Иван Шитов и его комиссар Скубко 1 июля 1943 г. направили Строкачу радиogramму: «Недоговоренности первых дней после встречи урегулированы, сейчас между нами взаимоотношения самые настоящие, большевистские, и пускай не думают, что мы будем драться между собой, а не с немцами»⁷⁷.

Но далеко не всегда было так. Приведем также и известные на настоящий момент случаи убийства одних партизанских командиров другими.

Весной 1943 г. Сумское соединение пошло на север Киевщины. Ковпак позже писал, что «в приказе тов. Хрущева говорилось о необходимости создания партизанских отрядов в Киевской области и активизировать их действия. Во исполнение данного приказа, мы вскоре связались с Розваженским партизанским отрядом Киевской области, насчитывающим к моменту встречи до 80 бойцов с очень малым вооружением и почти ничего не делающим. С целью организационного укрепления отряда, он был подчинен нам. Командир отряда Савченко Марк Яковлевич, бывший начальник полиции Розваженского района нами был разоблачен как изменник Родины и расстрелян»⁷⁸.

Согласно акту о расстреле командира местного отряда, этот человек действительно был полицаем, но потом из-за совершенных на службе немцев должностных преступлений вынужден был бежать в лес, где создал партизанский отряд. Одним из пунктов обвинения ковпаковцев было то, что «будучи командиром подпольной партизанской организации, Савенко категорически запретил расстреливать немцев после разоружения одного из полицейских отрядов»⁷⁹. Акт не содержит никаких сведений об антисоветских действиях Савенко – лишь упоминание о его разгильдяйстве, пьянках и безделье. Таким

⁷⁶ Кентій А., Лозицький В. Війна без пощади і милосердя... С. 147.

⁷⁷ Там же. С. 168.

⁷⁸ «Отчет о боевой и политической деятельности группы партизанских отрядов Сумской области УССР с 6-го сентября 1941 г. по 1 января 1944 г.», Ковпак предп. Строкачу (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 35).

⁷⁹ «Приказ по воинской части 00105, 24 марта 1943 г.» Ковпак и др. (*Армстронг Дж.* Партизанская война... С. 418).

образом, по сути, ковпаковцы расстреляли лояльно настроенного к советской власти партизанского командира, хоть и обладавшего с любой точки зрения сомнительным прошлым. В рамках советской системы подобными делами занимался НКВД, т. е. речь идет о превышении Ковпаком полномочий, данных ему УШПД и ЦК КП(б)У.

Другой случай произошел в Черниговской области. Подполковник Иван Бовкун (1908 г. р.), командир 19-го мотострелкового полка 13-й танковой дивизии 5-й армии осенью 1941 г. попал в окружение, после чего несколько месяцев работал официантом офицерской немецкой столовой в г. Нежине. В мае 1942 г. он убежал в партизанский отряд под командованием Стратилата, где был назначен командиром взвода. Отряд в боях с немцами был рассеян, а Бовкун стал командиром отдельно действующей партизанской группы, насчитывающей несколько человек. Рядом оперировала другая партизанская группа под командованием Константина Бабича и Алексея Брусиловца (всего – 11 человек), командиров и бойцов которой Бовкун пытался уговорить влиться в свой отряд. Последовал отказ, и на совещании коммунистической ячейки отряда Бовкуна по настоянию командира было принято решение убить командиров соседней партизанской группы, которую 14 октября 1942 г. пригласили на очередной раунд переговоров. О дальнейших событиях информируют материалы расследования ЦК КП(б)У: «Во время переговоров в курине (землянке. – А. Г.) Бабич [выстрелом из пистолета ТТ в лицо⁸⁰] был Бовкуном ранен, откуда выбежал, пытаясь спасти себя, но Бовкун приказал партизану своего отряда догнать и пристрелить Бабича, что и было совершено.

В этот момент Кихтенко – комиссар группы Бовкуна – в упор очередь из автомата в присутствии всех партизан убил Брусиловца – комиссара группы Бабича. Только после этого Бовкуну удалось воспользоваться вооружением партизанской группы Бабича и присоединить его личный состав»⁸¹. Через некоторое время по указанию Бовкуна один из его партизан Шевелев, а также жена Бовкуна Оксана Боровко убили жену фронтовика и мать шестерых детей партизанку Шумейко, по недомыслию прилюдно угрожавшую Бовкуну

⁸⁰ Сообщение заведующего инструкторским отделом РК КП(б)У Николая Гавриленко, бывшего партизана соединения «За Родину!» «О Бабиче К. М. и Брусиловце А.» для секретаря Черниговского обкома КП(б)У Кузнецова, 7 апреля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 133. Арк. 25).

⁸¹ Докладная записка инструктора оргинструкторского отдела ЦК КП(б)У Ваксмана заведующему оргинструкторским отделом ЦК КП(б)У Зленко «О Бовкуне И. М.», 13 января 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 133. Арк. 6–7).

разоблачением. В мае 1943 г. партизаны Бовкуна по его инициативе попытались уничтожить командный состав одной из партизанских групп УШПД (командир – Кривец). Потерпев неудачу, Бовкун стал воровать у других отрядов грузы, выбрасываемые УШПД с самолетов, угрожая оружием всем, кто пытался ему помешать. Запугиванием этому предприимчивому партизанскому вожаку удалось все же подчинить несколько отрядов. Постепенно соединение Ивана Бовкуна «За Родину!» выросло до 3000 человек. В сентябре 1943 г. в ходе командировки в Москву исчез комиссар Бовкуна, ранее назначенный им вместо Кихтенко – Стратилат, находившийся с Бовкуном в натянутых отношениях. Предположительно его убила возглавлявшаяся упомянутой Оксаной Боровко группа партизан соединения «За Родину!», в те дни также посланная Бовкуном в столицу. 4 января 1944 г. Иван Бовкун за удачную организацию помощи, оказанной его партизанами Красной армии при форсировании Днепра, получил звание Героя Советского Союза. Однако, когда всплыли факты о «внутрикорпоративных» убийствах, совершенных или организованных Бовкуном, ЦК КП(б)У передал это дело в НКГБ УССР. Бовкуна арестовали, судили, разжаловали, лишили всех званий и приговорили к тюремному заключению. Отсидев несколько лет, Бовкун был из тюрьмы «вызвален» – вероятно, какие-то перемены в партийном руководстве Украины позволили покровителям бескомпромиссного партизана «замять дело». Более того, Бовкуну вернули воинское звание и награды, в том числе Золотую Звезду Героя Советского Союза. Доживал свой век бывший командир соединения «За Родину!» во Львове, в качестве военного пенсионера.

7.4. Конфликты внутри отрядов УШПД

Один из наиболее важных аспектов существования партизанских формирований – отношение командиров отрядов с подчиненными, т. к. это касалось буквально каждого партизана. Наиболее показательной стороной «внутрисистемной» коммуникации являются внутренние конфликты.

Пожалуй, наиболее выдающийся факт из целого ряда подобных событий относится к начальному периоду войны. Тогда основная тяжесть работы по созданию партизанских отрядов лежала на предшественнике УШПД – республиканском аппарате НКВД.

Главный герой этой истории – майор ГБ Всеволод Кузнецов – до войны служил начальником 3-го спецотдела управления НКВД по

Одесской области⁸². Сформированный им отряд из 13 местных чекистов 15 октября 1941 г. спустился под землю. Вместе с ними оказалось и 6 представителей Лубянки, командированных на юг Украины для организации борьбы в тылу врага. Эта столичная группа в советских документах носила название «спецрезидентура НКВД СССР»⁸³. Ее возглавлял майор ГБ Владимир Калошин.

Румынские спецслужбы выявили агентуру, оставленную объединенным отрядом на поверхности. Связь с населением прервалась. При попытке выбраться на поверхность погиб один партизан. И это оказались единственные боевые потери отряда.

Заключение по расследованию деятельности группы утвердил в июле 1944 г. заместитель начальника НКГБ СССР Богдан Кобулов. Как выяснили его подчиненные, «между Калошиным и Кузнецовым возникла беспринципная вражда... Имея поддержку со стороны бывших у него в подчинении сотрудников 3-го спецотдела... Кузнецов отстранил от руководящей работы Калошина и поставил всю московскую группу в тяжелые условия... По приказанию Кузнецова... под предлогом имевшего, якобы, место заговора с их стороны против Кузнецова, все они были арестованы»⁸⁴.

В июле 1942 г. одного из москвичей – Николая Абрамова – кузнецовцы выпустили из-под стражи, а пятерых оставшихся, включая Калошина, расстреляли.

28 августа по подозрению в хищении булки и нескольких сухарей был расстрелян по приказу Кузнецова уже одесский чекист.

Вскоре один партизан умер от тифа.

27 сентября было расстреляно еще двое бойцов – мужчина и женщина. Причиной расправы значилось «хищение продуктов и половая распущенность». Последняя выразилась в том, что у женщины родился ребенок, умерший через 3 часа после появления на свет.

По подозрению в очередном заговоре Кузнецов 21 октября казнил еще пятерых подчиненных.

⁸² Заключение по делу отряда НКВД Кузнецова – Калошина, заместитель начальника следственного отделения 7-го отдела 4-го управления НКГБ СССР Антонов, июль 1944 г. (ГДАСБУ. Ф. 62. Оп. 3. Спр. 43. Арк. 46).

⁸³ «Сведения о количественном составе партизанских подразделений, которые действовали на Украине в годы Великой Отечественной войны по линии органов государственной безопасности (включая выведившиеся и за границу)», начальник учетно-архивного отделения УКГБ при СМ УССР по Одесской области Тимофеев (подпись не его), 8 января 1965 г. (ГДАСБУ. Ф. 62. Оп. 3. Спр. 71. Арк. 52).

⁸⁴ Заключение по делу отряда НКВД Кузнецова – Калошина, заместитель начальника следственного отделения 7-го отдела 4-го управления НКГБ СССР Антонов, июль 1944 г. (ГДАСБУ. Ф. 62. Оп. 3. Спр. 43. Арк. 50).

В тот же день разбушевавшегося командира двумя выстрелами в голову отправил на тот свет Николай Абрамов. По его просьбе партизан Александр Глущенко застрелил и верного пособника Кузнецова – В. Литвинова.

Поразмыслив, Глущенко убил и предпоследнего оставшегося в живых партизана – Абрамова, а потом вышел в город. Интересно, что в ходе злоключений он поставил до сих пор не побитый мировой рекорд непрерывного пребывания под землей – 13 месяцев. Далее, скрываясь на квартире у жены, Глущенко прекратил борьбу. Если на секунду принять советский идеологический императив, то вполне можно сказать: своими поступками и дальнейшим бездействием он совершил предательство. А ведь ради предотвращения такого и самоуничтожился отряд.

В день прихода Красной армии, 10 апреля 1944 г. Глущенко явился в НКГБ и выложил все начистоту. Два дня спустя в сопровождении нескольких бойцов Красной армии его направили на место происшествия, где, бравирюя перед спутниками, он начал играть гранатой. Красноармейцы бросились врассыпную, и не зря – по неосторожности Глущенко подорвался⁸⁵.

Сложно подобрать иную аналогию – судьба формирования напоминает ГУЛАГовскую профилактическую забаву «крысиный король». Целью этого мрачного развлечения эзков являлась очистка лагеря от грызунов. В бочку на съедение друг другу кидалось несколько десятков крыс. Победивший «гладиатор» выпускался наружу, после чего снег вокруг лагеря темнел от его сородичей. Они предпочитали смерть от холода пожиранию собратом, привыкшим питаться себе подобными. Потом «чистильщика» забивали лопатой, а поселение на некоторое время освобождалось от четвероногих паразитов.

Осколок репрессивно-карательного аппарата, пораженный маниакальной паранойей 1930-х гг., в экстремальной ситуации показал дух режима. Для разгрома отряда хватило воображаемого противника.

Куда показательнее, впрочем, повседневность большинства отрядов.

Начать следует, как и в других случаях, с Сумского соединения.

Сидор Ковпак пользовался авторитетом, а комиссар Семен Руднев – уважением у своих подчиненных. Однако эти чувства во многом формировались благодаря применению прославленными командирами физического насилия. Капитан ГБ Яков Коротков свидетельствовал, что «“мордобитием” заражены все – комсостав и политсостав, это

⁸⁵ Объяснительная записка бывшего начальника отдела «А» УНКВД Одесской области Н. Шаповалова об обстоятельствах гибели А. Глущенко, после 1944 г. (ГДА СБУ. Ф. 62. Оп. 3. Спр. 71. Арк. 205–209).

вошло в практику как необходимое и заменяющее все существующие методы воспитания, воспринято оно от Ковпака, который бьет морды бойцам до настоящего времени. 22.III. искал кучера штаба по имени Васька, с палкой чтобы побить, но тот скрылся. 10.IV. избил радиотехника Карасева, 9.IV. угрожал расстрелом метеорологу Кох[у]. Не изжиты случаи воровства у населения табака, одежды, убоя свиней и т. д. Существует распущенность, матерщина и т. д., в результате которых авторитет партизан среди населения теряется, все это потому, что с бойцами мало [беседуют], а при мне ни одной беседы не проводят, не воспитываются бойцы»⁸⁶.

По свидетельству начальницы радиоузла ковпаковцев Галины Бабий, командир Сумского соединения не был склонен к проведению продолжительных воспитательных разговоров с подчиненными: «Ковпак всегда обзывает всех дураками и ругает и, по-моему, думает, что только и только он на что-нибудь способен, а больше никто ничего не понимает. Его очень трудно понять и трудно с ним о чем-либо поговорить, ничего не хочет понимать и если настоит на чем-либо – прав, или неправ – будет ругаться и спорить до истерики»⁸⁷. Как будет показано ниже, этим сведениям в целом можно доверять.

Нижестоящее начальство также в отношениях с подчиненными не всегда соблюдало принцип субъектно-субъектных отношений, рассматривая рядовых как объект – в том числе эксплуатации. Василий Кудрявский около года был командиром сначала Кролевецкого отряда Сумского соединения, позже переформированного в 4-й батальон той же части. Осенью его «адъютант» Королев, как и другие партизаны, потерявшие терпение, написал Ковпаку: «Находясь в Карпатах, бывший командир б-на Кудрявский бесчеловечно издевался надо мной, взяв меня своим носильщиком его личных вещей, даже заставлял меня носить вещи его дочери Жени, нагружая меня так, что я не в состоянии был идти. В то время я видел лично у него 6 часов простых, 3 золотых, отобранные им у бойцов»⁸⁸. Отнятые у партизан пистолеты и часы Кудрявский выменивал на водку. Кроме того, он прилюдно избивал нижестоящих командиров, «перебрасывал» их с должности на должность, чем дискредитировал перед рядовыми, а батальонно-

⁸⁶ Докладная записка капитана ГБ Я. Короткова Строкачу о ситуации в Сумском соединении, 16 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 48).

⁸⁷ Докладная записка начальника радиоузла Сумского соединения Г. Бабий Строкачу о поведении командования соединения, не позднее 22 марта 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 119).

⁸⁸ Письмо бойца 4-го батальона Сумского соединения Ковпаку о действиях командира батальона В. Кудрявского, 16 октября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 533. Арк. 45).

го врача сделал своим личным врачом. По завершении Карпатского рейда Кудрявский улетел на «Большую Землю».

В Черниговском, а позже Черниговско-Волынском соединении ситуация была во многом схожей. Писатель Николай Шеремет сообщал Хрущеву, что «у Федорова есть и значительные недостатки, которые иногда вредят великому партизанскому делу. Он легко обижает людей, которые в чем-то не согласны с ним, не терпит возражений, имеет чрезмерно развитое самолюбие. В разговоре не может обойтись без мата и грубо обращается с женщинами»⁸⁹.

В наиболее боеспособном отряде федоровского соединения, по свидетельствам Балицкого, избивание бойцов командирами было распространенным методом «воспитательной работы». Например, 12 октября 1942 г. бойца по фамилии Паляница Григорий Балицкий хотел расстрелять за то, что тот несколько раз уклонялся от выполнения приказа, грубил рядовым и ругался с командирами: «7 октября 1942 года при прохождении через село Беседь он ударил по морде дисциплинированного бойца Есентимирова, а 11 октября ударил тов. Румянцева. Однажды тов. Акимов (коммунист) предупредил Паляницу на неправильные его действия. Вместо того, чтобы учесть товарищеские замечания, Паляница Н. М. угрожал тов. Акимову, что в первом бою застрелит его»⁹⁰. Балицкий пожалел Паляницу. Он избил его, приговорил к «расстрелу условно», взяв со строптивного партизана «честное слово» вести себя сдержанно и активно воевать.

Небольшим штрихом к общей картине отношений между партизанами этого соединения является запись в дневнике Балицкого от 21 октября 1942 г.: «Прихожу рано утром к Кравченко Феде. Тут разбирается вопрос о недисциплинированности некоторых бойцов. Это о Васе – капитане и Грише – политруке. Спрашивает командир Васю: “Почему не стоял на линейке ночью, а все время сидел возле костра в лагере?” Вася отвечает: “Мне сказали, что нужно охранять мясо, чтобы не украли архаровцы (т. е. оборванцы, хулиганы, бродяги. – А. Г.)”. (Это касалось моего отряда). Меня это сильно взорвало. Я выругался на этого чудака, а сам вызвал комиссара Алексея Павловича и стал говорить по этому вопросу. Что значит: “архаровцы”? Командир Федя и комиссар Алеша приняли меры по отношению этого чудака Васи»⁹¹.

⁸⁹ «Докладная записка о состоянии партизанского движения и населения во временно оккупированных немцами областях Украины», Шеремет Хрущеву, 13 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 61. Арк. 17).

⁹⁰ Дневник Балицкого, запись от 12 октября 1942 г. (ЦДАГО. Ф. 64. Оп. 1. Спр. 59. Арк. 14–15).

⁹¹ Там же. Арк. 19.

Об Александре Сабурове в УШПД неоднократно сообщалось, что он груб со своими подчиненными⁹².

Неуставные отношения были распространены и в других отрядах. Мало что заставляет усомниться в правоте немецких сведений о методах коммуникации начальника с подчиненными в Первом молдавском соединении: «Сам [командир соединения Василий] Андреев более, чем прост, малоречив, ведет себя со своими бандитами почти панибратски, часто проводит с ними время в таких же условиях, как и все рядовые, даже кушает из одного котла и вместе со своими бандитами. Но, вместе с тем, сурово расправляется с теми, кто не выполнит его задание. Таких он бьет плетью и даже расстреливает. Но за это бандиты не обижаются на него, а с собачьей верностью служат ему. Все награбленное бандиты сносят Андрееву, а он сам раздает это опять самым лучшим бандитам как награду»⁹³.

Ни одной радиограммы о предотвращении рукоприкладства в отрядах в ходе архивного поиска выявлено не было. Возможно, это связано с тем, что в центре управления партизанами царили подобные порядки. В докладной записке от 3 апреля 1944 г. кладовщик М. Клименко сообщал секретарю ЦК КП(б)У Демьяну Коротченко: «В штабе процветает “мордобой” старшими чинами младших. В основном получают кладовщики (если не хотят разворовывать имущество. – А. Г.) – видите ли, не хотят идти на поводу у штабных коммерсантов»⁹⁴.

В соединении Якова Мельника, как свидетельствовал его ветеран Василий Ермоленко, процветали «кумовство», «дедовщина» и «землячество». В качестве примера бывший партизан привел несправедливость распределения опасных заданий: «Мы в отряде, и, например, сумские. И, вот, дорогу переходить [соединению] надо – сложное дело. Чтобы перейти дорогу с обозом – ставят заставы с двух сторон. И посылали на заставу бойцов. И, думаете, кого посылает? Если он командир взвода, если он с сумского села, то он своих не пошлет туда. А это смертники – оттуда мало возвращаются. Он пошлет туда белорусов, черниговцев...»⁹⁵. В качестве противоположного примера

⁹² Письмо секретаря подпольного Каменец-Подольского обкома КП(б)У С. Олексенко Строчаку о ситуации в ряде партизанских отрядов Украины, 12 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 37. Арк. 37).

⁹³ Выписка из меморандума Зондер-штаба «Р» в Киеве о командирах партизанских отрядов и соединений, до 28 февраля 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 52. Арк. 20). Служебный перевод советских органов.

⁹⁴ Гінда В. Штабні шури жиріли на харчак і речак партизанів... // Високий замок. 10.12.2010. URL: <http://wz.lviv.ua/pages.php?ac=arch&atid=88254>

⁹⁵ Интервью с Ермоленко Василием... // ЛААГ.

Ермоленко назвал Каменец-Подольское соединение под командованием Антона Одухи, который каждого бойца знал в лицо и проявлял заботу в решении бытовых проблем партизан. Мельник же, по словам Ермоленко, руководил своим отрядом через штаб, т. е. через своих заместителей и подчиненных: «Я Мельника первый раз увидел, когда меня ранило. Мы его не видели вообще. А какой же он командир, когда не знает, что делается в отряде? А там такие вещи творились, что про них рассказывать нельзя»⁹⁶.

Несмотря на осторожные расспросы, Ермоленко не сообщил подробности. Возможно, имелись в виду убийства партизанами друг друга, что не было редкостью, особенно во время коллективных возлияний.

Например, во Втором полку черниговского соединения «За Родину!», 14 августа 1943 г. своим непосредственным начальником был застрелен рядовой В. Воронов: «Ткаченко И. И., находясь при исполнении служебных обязанностей, грубо нарушил военную дисциплину тем, что допустил пьянство подчиненных ему бойцов, и в этом пьянстве сам принял активное участие, расплачиваясь за водку солью, добытой на операции для партизанского отряда. Находясь в состоянии сильного опьянения и, не будучи в состоянии, как командир, руководить бойцами, Ткаченко И. И. незаконно применил оружие и убил также сильно опьяневшего и скандалившего бойца Воронова В. В.»⁹⁷ Разгневанное командование в качестве наказания разжаловало Ткаченко из командира отделения в рядовые.

Как видим, штраф был вполне милосердным. Поэтому спустя неделю аналогичный случай произошел в третьем полку того же соединения. На сей раз «во чужом пиру похмелье» бовкуновцы устроили лояльному им крестьянину: «В последнее время участвовали по полку случаи невыполнения приказа... о категорическом воспрещении принимать спиртные напитки при исполнении служебных обязанностей.

22 августа 1943 г. по заданию командования были посланы в разведку бойцы 4-й роты 2-го б[атальона]на Швец Николай Иванович и Бородавка Григорий Степанович.

Последние... заходя в хаты к жителям села Подгайного и напившись спиртных напитков, продолжали ходить по улицам в пьяном

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Приказ командования Черниговского соединения «За Родину!» (И. Бовкун и др.) о разжаловании командира одного из отделений 3-й роты 2-го полка И. Ткаченко в рядовые за убийство рядового В. Воронова, 18 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 92. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 41).

виде, а также ругались по-площадному. Во время шумихи и ругани на улицу вышел гр-н Мовлик Алексей Степанович со своим 12-[лет]-ним сыном, который все время помогал партизанскому отряду и хотел получить какое-либо задание на пользу партизанского отряда. В это время Швец и Бородавка подрались между собою и Швец дал очередь из автомата, которой убил стоящего рядом гр-на села Подгайного Мовлика В. С.»⁹⁸ Командование полка, учитывая молодость бойцов, приговорило их «к расстрелу условно», обязав в будущем выполнить ответственное спецзадание. Другими словами, Швец и Бородавка отделались замечанием.

Периодически конфликты вспыхивали внутри командного состава партизанских формирований. В частности, представитель УШПД в Сумском соединении Иван Сыромолотный в конце 1942 – начале 1943 г. тесно сошелся с Ковпаком и Рудневым. Фактически он стал третьим лицом в отряде. Однако затем Сыромолотный начал ссориться с партизанами. Вероятнее всего, свое поведение он изменил, посчитав себя обделенным наградами на рубеже 1942–1943 гг. В частности, Сыромолотный переругался с Рудневым. По свидетельству политрука разведроты Ивана Ковалева, «5 апреля [1943 г.] в компании по выпивке присутствовал бригадный комиссар т. Сыромолотный И. К. и когда он был уже охмелевшим, сообщил мне строго по секрету следующее, вот его слова: “Хорошие у вас в отряде люди, а вот комиссар ваш Руднев – враг. В мирное время он сидел в тюрьме, надо было его убрать совсем. Он в отряде нажил и завоевал легкую славу за счет дел боевых ребят. Командир у вас Ковпак – это золото, а комиссар враг, был врагом и остался”.

Я пытался успокоить т. Сыромолотного, чтобы не слыхали другие, однако, он категорически отверг мои уговоры, заявив: “Кого ты уговариваешь? Что ты думаешь, я пьян? Нет, я это заявлю в любое время”»⁹⁹. После таких слов партизаны Путивльского отряда хотели расстрелять Сыромолотного, но последний сумел спастись, а Ковпак и Руднев выслали его в советский тыл.

Сразу же после этого по каким-то причинам стали портиться отношения между Сидором Ковпаком и Семеном Рудневым. Наибольшего накала они достигли летом 1943 г., в ходе Карпатского рейда.

⁹⁸ Приказ командования 3-го полка Черниговского соединения «За Родину!» (командир М. Дешко и др.) о запрете употребления алкоголя, не ранее 22 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 92. Оп. 1. Спр. 20. Арк. 6).

⁹⁹ «Протокол № 4 внеочередного заседания партбюро Путивльского партизанского отряда от 10 апреля 1943 г.», секретарь партбюро отряда Я. Панин и др. (ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Спр. 67. Арк. 85).

Комиссар 24 июня описал в дневнике показательный случай: во время Карпатского рейда партизаны захватили в плен четырех националистов. Ковпак хотел всех расстрелять, Руднев воспротивился, и позже эти пленные были обменены на пленных партизан.

На следующий день ковпаковцы подошли к реке Горынь с целью ее форсировать. «Но националисты, человек 500, заняли Здвизджь и заявили, что переправу строить не дадут. Ковпак решил: раз так, то дать бой и смести это село, чему я решительно воспротивился». Переговоры ничего не дали, поэтому «Ковпак снова рассвирепел, [хотел подвести] немедленно артиллерию и смести это село с лица земли. Я заявил, что на это не пойду...»¹⁰⁰ В итоге Рудневу с огромным трудом удалось убедить Ковпака не уничтожать село, а парламентарам Ковпака, в свою очередь, удалось убедить националистов оставить село без боя.

3 августа 1943 г. Семен Руднев был убит в ходе боя за Делятин. На заре гласности в публикации в газете «Правда» один из бывших командиров Сумского соединения Петр Брайко выдвинул версию о том, что Руднева уничтожила радистка НКГБ Анна Туркина. Такая партизанка-радистка действительно служила в ковпаковском отряде, но не проходит по учетным спискам УШПД. По некоторым данным, она была сотрудницей не лубянского ведомства, а, как и Петр Вершигора, РУ ГШ КА. Версия о «заказе» из Москвы выглядит весьма сомнительной, но, к сожалению, в настоящий момент в распоряжении исследователя нет документов, подтверждающих или опровергающих тезис об уничтожении Руднева самими партизанами – по приказу Ковпака или кого-то другого. Однако есть другое важное свидетельство: секретный информатор Строкача «Загорский» сообщал Хрущеву, что командир Сумского соединения воспринял новость о гибели собственного комиссара с удовлетворением: «Принятые меры розыска [Руднева] до сих пор положительных результатов не дали. Ковпак не принимал мер потому, что поругался с ним и желал его гибели. 20 августа командир минеров Терехов сообщил, что Ковпак о Рудневе сказал: “Одним крохобором меньше”»¹⁰¹. Получив эту шифровку, Строкач отказался верить своему агенту, посчитав его клеветником. Однако приведенные записи из дневника Руднева заставляют признать несправедливым мнение начальника УШПД о «Загорском».

¹⁰⁰ Дневник Руднева, запись от 25 июня 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 28–29).

¹⁰¹ Радиограмма «Загорского» Хрущеву и Строкачу о гибели Руднева, вх. № 8325, 27 августа 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1340. Арк. 212).

Изначально не было понимания между командиром и комиссаром созданного в начале 1943 г. Винницкого соединения, соответственно, Иваном Шушпановым и Яковом Мельником, который изначально хотел возглавить отряд. Используя недовольство многих офицеров Шушпановым, Мельник провел совещание комсостава, на котором прозвучали критические высказывания в адрес командира соединения. После этого Шушпанов начал «зажимать» «оппозиционных» командиров. Яков Мельник пожаловался Строкачу: «Сейчас дошло до того, что я лично терплю от 23-летнего шмаркача Шушпанова жестокие оскорбления. Такое положение терпеть дальше я не в состоянии. Спрашивается: “За что?” Какой-нибудь, никому неизвестная личность в прошлом и настоящем будет разлагать отряды, а мы будем наблюдателями...

Я не прошу Вас, чтобы назначили меня командиром, я хочу одно: скорее решить вопрос о руководстве соединением, назначьте, кого Вам угодно, лишь бы не допустить до окончательного развала того, что с большим трудом создано.

Если у Вас пока не окажется кандидатуры, то я могу временно совместить работу, но держать дальше Шушпанова командиром считаю недопустимым и даже преступным... Если я лишился доверия у Вас, прошу сказать откровенно и освободить меня от обязанностей командира. Лучше я пойду рядовым бойцом, чем терпеть унижение и оскорбление от какого-то негодяя»¹⁰². Мельник добился-таки своего и занял должность Шушпанова, которого прямо в ходе рейда на Винничину отозвали в тыл.

Эгоизм в отношениях к подчиненным демонстрировал командир Черниговского соединения Алексей Федоров. Уже после войны, в своей известной книге «Подпольный обком действует» он сильно искажал события, что ему четко и логично доказал бывший секретарь черниговского обкома партии, а потом – бывший партизан Павел Рудько – в личном письме. Рудько, потерявший здоровье из-за ранения, припомнил Федорову приказы, которые привели к «блужданию» группы партизан на Черниговщине осенью 1941 г. Он также обвинил Федорова в том, что первый секретарь Черниговского обкома в конце 1941 г. проявил трусость и, обманув своих подчиненных, бросил их, в результате чего многие, включая членов Черниговского обкома, погибли. Заканчивалось письмо Рудько просьбой: «О чем прошу Вас, не

¹⁰² Докладная записка комиссара Винницкого соединения Я. Мельника Строкачу о действиях командира соединения И. Шушпанова, 26 мая 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 40. Арк. 205–206).

в порядке обиды, а в порядке фактических справок: дать свои замечания и довести до сведения вышестоящие центральные парт[ийные] органы на их рассмотрение. Своего я буду еще добиваться. (...) Прочитав Вашу книгу, мне понятно стало теперь решение Черниговского обкома КП(б)У в 1944 г. об исключении меня из партии... Я допускаю теперь, что Вы информировали Черниговский обком и, возможно, ЦК КП(б)У неправильно... Вам не хотелось писать правду, потому что решили показать в книге меня как отрицательную личность, избрали путь исказить факты»¹⁰³. Все, в чем Рудько уличил Федорова как мемуариста (в частности, клевета на Рудько, который якобы был трусом), было оставлено Федоровым без изменений в последующих изданиях его книги¹⁰⁴.

Другой случай также много говорит нам о внутрикорпоративном поведении Федорова. Несмотря на регулярные совместные пьянки, между ним и командиром его самого боевого отряда Григорием Балицким не было понимания. Узнав о том, что УШПД якобы планирует вторично за успешную диверсионную деятельность представить к награде Золотой Звездой Героя Советского Союза Г. Балицкого, Федоров, сам к тому времени уже бывший Дважды Героем СССР, тут же дал Т. Строкачу телеграмму: «Располагаем такими данными, что, якобы, Вы хотите Балицкого представлять к награде второй медалью Золотая Звезда, если так, то убедительно просим воздержаться до нашей встречи»¹⁰⁵. Очевидно, к своему званию Федоров относился очень ревностно, не желая, чтобы на Черниговщине было два Дважды Героя СССР. Хотя выяснилось, что УШПД не планировал представление Г. Балицкого к награждению второй Золотой Звездой, позиция А. Федорова в данном вопросе ярко показывает его стиль отношений с подчиненными. Ведь, как бы там ни было, Балицкий был боевым командиром. В то же время любопытно отметить, что В. Дружинин, комиссар Федорова, не игравший существенной роли в деятельности Черниговско-Волынского партизанского соединения, при содействии А. Федорова стал Героем Советского Союза – очевидно, за личную преданность командиру.

¹⁰³ Письмо бывшего секретаря Черниговского обкома КП(б)У по пропаганде П. Рудько бывшему командиру Черниговско-Волынского соединения А. Федорову о неточностях в книге «Подпольный обком действует», 17 июля 1947 г. (ЦДАГО. Ф. 326. Оп. 1. Спр. 22. Арк. 87).

¹⁰⁴ См.: *Федоров А. Ф.* Подпольный обком действует. М., 1955. *Passim*.

¹⁰⁵ Телеграмма Федорова и Дружинина Строкачу о предполагаемом награждении Балицкого, вх. № 1433, 1 февраля 1944 г.. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1548. Арк. 214).

В кавалерийском украинском партизанском соединении происходили другие типичные конфликты. Михаил Наумов обладал не только личной смелостью, но и определенной воинственностью. У командного же состава его соединения эти качества характера развиты были не столь сильно. Поэтому периодически у партизанского вожака возникали трения со своими подчиненными. В ходе знаменитого Степного рейда часть отрядов откололась от новосозданного кавалерийского соединения, т. к. их вожаки не хотели идти на юг Украины. Через несколько месяцев, в сентябре 1943 г. командиры Наумова начали убеждать его покинуть центральные районы Житомирской области и увести отряд на север, в леса и болота Полесья: «Мой комиссар и начштаба очень боялись, что мы слишком долго засились в треугольнике железных дорог Малин – Коростень, Коростень – Черняхов и, пугая самих себя, создавали мнимую опасность, умышленно осложняя данные об обстановке...

...Прибыл из-под Коростеня мой помощник по разведке ст[арший] л[ейтенант] Гаврилюк... Он провел глубокую разведку Коростеня, вплоть до [центра] гебитскомиссариата, и утром мне весьма обстоятельно обрисовал оперативную обстановку, и настоятельно просил не уступать трусам... Я немедленно собрал всех своих помощников и штаб на совещание, туда же были приглашены командиры и комиссары отрядов... Я был вынужден в заключение выразить грубость, сказав, что вся наша полемика о тактике и стратегии партизанской борьбы вообще и действиях нашего соединения в особенности показывает, что в это дело ввязались многие сопливые стратеги, обнаглевшие до того, чтобы [указывать командиру]. Приказал, чтобы замазали рты и не смели больше обсуждать моих приказов и тактических решений»¹⁰⁶.

Острый внутренний конфликт пришел к своему кровавому завершению в соединении им. Хрущева, командиром которого был Владимир Чепига, а комиссаром – депутат Верховного Совета СССР Николай Семенишин. В ходе рейда на Запад соединение разделилось. Чепига с отрядом в 100 человек вышел на территорию Польши. А большая часть партизан – 300 человек – во главе с Семенишиным, осталась на белорусско-украинском пограничье к востоку от Буга. 10 мая 1944 г. начальник действовавшей в этом районе оперативной группы НКГБ УССР «Корецкий» радировал своему руководству: «6 мая в с. Горостыта (60 км северо-восточнее Люблин) по заго-

¹⁰⁶ Дневник Наумова, запись от 7 сентября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 19 зв.).

вору партизан соединения Чепига зверски убит комиссар соединения депутат Верховного Совета Союза ССР Семенишин и его адъютант Домолега В. С. Трупы убитых ограблены и брошены в поле. У Семенишина вырваны золотые зубы»¹⁰⁷. Сведения были переправлены в УШПД, который тут же запросил о случившемся командира соединения им. Хрущева. После проведенного расследования Владимир Чепига информировал Строкача, что, по отзывам партизан, Семенишин, боясь выводить отряд в Польшу, тормозил переправу через Буг, требовал от комсостава соединиться с Красной армией, за что командирам обещал в Москве и Киеве значимые должности, пьянствовал, отдавал в третьи руки боеприпасы, избивал и запугивал комсостав, в результате неумелого руководства допустил гибель командира одного из батальонов соединения Шедова. Описав обстоятельства происшествия, Чепига дал убийце комиссара положительную характеристику, дав понять Строкачу, что Семенишин, столкнувшись с необходимой самообороной со стороны партизана, получил ему причитающееся. Начальник УШПД не поверил командиру соединения и запросил по этому поводу своих информаторов-радивистов – Хорина и Евдокимову, полностью подтвердивших то, что комиссар сам навлек неприятности на свою голову: «Семенишин пьяный хотел застрелить командира роты Ковьянова, выстрелив, попал ему в автомат. Находившийся при этом партизан Кудренко застрелил Семенишина»¹⁰⁸.

К сожалению, в ходе архивного поиска не удалось проследить дальнейшую судьбу партизана Федора Кудренко и выяснить результаты расследования НКГБ по делу об убийстве депутата Верховного Совета СССР. Так или иначе гибель столь высокопоставленного советского служащего демонстрирует особенности «психологического силового поля», наличествовавшего в отрядах в 1941–1944 гг. Завершим его описание отрывком из донесения неизвестного бандеровца с территории Тернопольщины, в свете приведенных выше документов отнюдь не кажущимся вымышленным: «Между рядовыми партизанами и командирами – большая неурядица. Бойцы отказываются идти на вахту, говоря, что “командир такой же, как и мы, то пускай и он идет на вахту и чистит оружие, как ему нужно, а я могу стрелять и из нечищенной винтовки...”»

¹⁰⁷ «Спецсообщение об убийстве комиссара партизанского соединения Чепига – депутата Верховного Совета СССР тов. Семенишина», Строкач Хрущеву, № 003785, 1 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. оп. 1. Спр. 279. Арк. 75).

¹⁰⁸ Там же. Арк. 76.

Один из партизан, когда напился (пьяный), сказал: “Я уже не хочу идти воевать, но меня мой командир расстреляет”. Это он говорил при командире. А командир говорит на это: “Да, я его могу расстрелять, однако [и] мой командир с тем же самым успехом расстреляет завтра меня”¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Сообщение подпольщика ОУН «Вести с востока», 4 марта 1944 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 137. Арк. 5).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СТАЛИНСКАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА – ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ

Оценивая стиль советской партизанской войны, сравним ее с действиями Украинской повстанческой армии и, для полноты картины – Армии Крайовой, потому что после соответствующего сопоставления уже сложно говорить о том, что особенности поведения сталинских украинских партизан были вызваны террором нацистских оккупантов, менталитетом украинцев, природой ТВД или же обстоятельствами военного времени. В случае с УПА и партизанами УШПД наблюдалась любопытная картина: и с той, и с другой стороны воевали украинцы, но сражались по-разному. Если читатель хочет провести подобное сравнение самостоятельно, то его следует адресовать к исследованиям о бандеровской повстанческой армии¹ и вооруженных формированиях умеренных польских националистов².

Сразу же оговорим, что каждая из характерных черт действий советских партизан 1941–1944 гг. не являлась следствием лишь какой-то одной их базовой особенности. Однако дабы свести к минимуму количество повторов, в заключительной главе объяснения вынужденно выстроены по довольно-таки грубой схеме: «одна причина – одно следствие». Поэтому для понимания причин наличия стилистических особенностей сталинской партизанской войны важно учитывать, что один специфический «родовой признак» красных партизан приводил сразу к нескольким последствиям. Причем каждое из этих

¹ На настоящий момент существуют два заслуживающих внимания комплексных исследования УПА: 1. *Кентий А. 1*). Українська повстанська армія в 1942–1943 рр. К., 1999; 2) Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. К., 1999; 3) Нарис боротьби ОУН–УПА в Україні (1946–1956 рр.). К., 1999. 2. *Motyka Grzegorz*. Ukraińska partyzantka 1942–1960. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów (OUN) i Ukraińskiej Powstańczej Armii (UPA). Warszawa, 2006.

² О действиях АК на территории Украины см.: *Romanowski Wincenty*. ZWZ–AK na Wołyniu 1939–1944. Lublin, 1993; *Węgierski Jerzy*. 1) W lwowskiej Armii Krajowej. Warszawa, 1989; 2) Armia Krajowa w Okręgach Stanisławów i Tarnopol. Kraków, 1996.

последствий оказывало влияние на другие. Речь идет именно о комплексе взаимообусловленных черт.

В жестокости и размахе террора против мирного населения сталинские партизаны уступали своим коллегам-националистам. От рук бандеровцев погибло в несколько раз больше мирных жителей, чем от рук украинских партизан: повстанцы резали поляков. В связи с антипольской акцией УПА отходит на второй план террор УПА в послевоенный период против тех украинцев, которые сотрудничали с советской властью³. Польская Армия Крайова также довольно активно проводила террор: ее части уничтожили больше гражданского населения (украинцев), чем советские партизаны – по крайней мере, на территории нынешней юго-восточной Польши, а также Волыни и Галиции. Давний спор славян между собой иллюстрируют слова командующего полицией безопасности в генерал-губернаторстве оберфюрера СС Биркампа, произнесенные им на заседании совета генерал-губернаторства 19 апреля 1944 г.: «В повете Грубешов [Люблинского дистрикта] поляки жгут украинские деревни, в дистрикте Львов (т. е. в дистрикте Галиция. – А. Г.) украинцы жгут польские деревни. Происходящие там убийства столь зверские, что для немца попросту неясно, как можно убивать людей таким способом»⁴.

УПА и АК были националистическими формированиями, поэтому для них применение этнического террора было куда более логичным, нежели для коммунистов – хотя бы формальных интернационалистов. Последние, в отличие от своих коллег, применяли и классовый террор. Сталинские партизаны могли пожалеть даже полицая, если он был крестьянином-бедняком, а зажиточных хозяев они грабили и порой уничтожали, даже если они не совершали каких-то враждебных красным поступков. Бандеровцы в аналогичной ситуации оценивали людей не только по шкале политической активности, но и по происхождению: при прочих равных условия бойцы УПА могли пожалеть украинца, даже схидняка, а русского⁵ или еврея – убить.

Красные партизаны выделялись вспышками массового террора против представителей этнических групп, идентичных самим советским партизанам. УПА не вырезала украинских деревень, подобные действия АК в отношении польских сел непредставимы. Красные

³ *Веденеев Д. В., Лисенко О. С.* Прояви терору і терорізму в протистоянні радянської влади та ОУН і УПА в західноукраїнському регіоні післявоєнної доби // *Політичний терор і тероризм в Україні*. К., 2002. С. 770–771.

⁴ *Okupacja i ruch orogu w dzienniku Hansa Franka 1939–1945*. Т. II. S. 451.

⁵ *Организационные указания местным центрам СБ ОУН, 1950 г.* (*Веденеев Д. В., Биструхин Г. С.* «Повстанська розвідка діє точно й відважно...». С. 239).

партизаны Украины, которые в большинстве своем были украинцами, напротив, нередко уничтожали вольские украинские села, иногда – вместе с населением. Ключевая роль НКВД как основного организатора зафронтальной борьбы в первый год войны придавала советским партизанским формированиям определенный репрессивный заряд. Можно упомянуть и подспудное влияние на сознание граждан СССР в 1917–1941 гг. коммунистической идеологии.

Более широкая панорама советского партизанского террора демонстрирует на первый взгляд странную картину. До настоящего момента науке не известен ни один факт уничтожения красными какого-либо «полицейского» села восточной или центральной Украины. Красные уничтожали чуждые им «националистические» населенные пункты Западной Украины. В этом было их отличие от советских партизан Белоруссии, в ходе карательных действий охотно превращавших в пепел и белорусские «полицейские» села⁶. Как ни парадоксально, но в изобилующей партизанскими отрядами Белоруссии советские партизаны были не до конца «своими»⁷. В этом было их отличие от партизан УШПД, являвшихся плотью от плоти центральных и восточных областей УССР. В лесах Белоруссии в 1941–1942 гг. оказалось большое количество окруженцев и беглых военнопленных, никак не связанных с «оседлым» населением. Эти отряды были хуже, чем украинские партизаны контролируемы Центром, а иногда вообще им не управлялись. Кроме того, в связи с довольно ощутимой партизанской угрозой немцы чаще проводили в Белоруссии антипартизанские операции и связанные с ними репрессии против мирного населения, что находило отражение и на психологическом состоянии жителей лесов и болот. Необходимо также учитывать, что менталитет белорусов в целом более традиционен, чем украинцев. Поэтому в БССР даже местные отряды чаще, чем в УССР, применяли к доверенным соседям-белорусам принцип коллективной ответственности. Кроме того, в Западной Белоруссии, помимо истребления «полицейских» деревень, имело место уничтожение красными в 1943–1944 гг. связанных с Армией Крайовой польских сел.

Масштабность репрессивных действий партизан вредила даже самому коммунистическому режиму, в том числе в Восточной Украине.

⁶ *Musial Bogdan [Hrsg.] 1) Sowjetische Partisanen in Weissrussland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranowici. 1941–1944. Eine Dokumentation. München, 2004; 2) Sowjetische Partisanen. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn, 2009. Раздел 8; Волошин Е. Партизаны убивали мирных жителей? // Комсомольская правда в Белоруссии. 28.09.2007. URL: <http://minsk.kp.ru/2007/09/28/doc199433>*

⁷ *Романько О. Советский легион Гитлера... С. 171.*

Приведем отрывок из «Дополнительного приказа о борьбе с партизанами» по 52-му корпусу Вермахта от 17 ноября 1941 г.: «Привлечение местных [жителей] на свою сторону облегчается благодаря чинимому партизанами террору. Этот момент следует использовать»⁸. В Западной Украине репрессии красных были еще более brutальными. По словам начальника Каменец-Подольского штаба партизанского движения Степана Олексенко, «партизаны часто к селам Западной Украины подходили шаблонно: “А, националисты, бульбаки, бандеровцы – бей, кроши!”... Были случаи, когда партизаны сжигали села... Конечно, такие действия отталкивали народ от нас и приближали к националистам, к “своим хлопцам”»⁹.

Помимо террора, который вели советские формирования, на население обрушивался куда более масштабный нацистский террор, который провоцировали сталинские партизаны. У последних не было стремления как-то минимизировать репрессии противника. В директивных же документах ОУН–УПА красной нитью проходят указания о том, чтобы повстанческие командиры по возможности не проводили операций рядом с украинскими населенными пунктами. Для того, чтобы не подставить польское население под гитлеровский террор, в АК вообще была принята «Доктрина ограниченного действия», принесшая на антинемецком фронте столь же ограниченный результат. (При этом офицеры АК еще с конца 1942 г. охотно провоцировали гитлеровский террор против украинцев¹⁰, а бандеровцы – против поляков¹¹.) Красные же партизаны воевали, не обращая внимания на то, что вследствие их поступков немцами будут уничтожены мирные жители – украинцы, русские, поляки и т. д. – без разбора. Более того, наличествовал умысел, вызванный горячим желанием зафронтовых руководящих центров вбить клин между оккупационной администрацией и мирным населением, а также свойственное советской системе пренебрежение к человеческой жизни. Чаяния руководства партизан в общем воплотились в жизнь. По словам немецкого историка Клауса Йохена Арнольда, «во время операции “Барбаросса” Вермахт стол-

⁸ *Дерейко І. І.* Місцеві військові формування Збройних сил Німеччини на території Рейхскомісаріату “Україна” (1941–1944 роки). Дис. на здоб. наук. ступ. к.і.н. К., 2006. С. 145.

⁹ «Отчет о работе Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У, областного штаба партизанского движения и соединений партизанских отрядов Каменец-Подольской области, апрель 1943 – апрель 1944», первый секретарь Каменец-Подольского подпольного обкома КП(б)У С. Олексенко Строкачу, 15 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 97. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 94).

¹⁰ *Motyka Grzegorz.* Ukraińska partyzantka... S. 301.

¹¹ Там же. S. 304.

кнулся с безоглядной партизанской войной, которая вела к ожесточению оккупационной политики»¹². Неслучайно наиболее жестоко в обращении с мирным населением Вермахт проявил себя в СССР, а также в Югославии и Греции – там, где немецкая армия противодействовала коммунистической партизанской войне.

Провоцируя нацистский террор, красные партизаны не ставили перед собой задачи оборонять мирное население оккупированных территорий от репрессий – будь то совершенные в ходе антипартизанской борьбы карательные акции нацистов, планомерное истребление ими евреев и цыган, или же, например, убийства поляков бандеровцами. Таких директив Центр не давал вообще. Операции по защите деревень были редкой инициативой отдельных местных партизанских командиров, подавляющее же большинство красных вожаков, как и УШПД, интересовало только количество подорванных поездов, убитых немцев или точность развединформации. Наоборот, в УПА защита сельских жителей была приоритетом. Системным показателем в этом случае являлось наличие развернутой ОУН сети «самооборонных кустовых отрядов».

Американский исследователь Кеннет Слепьян правильно определил то, что до сих пор, с легкой руки товарища Сталина, по инерции называется «советским партизанским движением»: «В других странах оккупированной Европы движение Сопротивления изначально развивалось более или менее спонтанно и без значительной формализованной поддержки институциональной или государственной. В Советском Союзе наоборот – с самого начала созданием, организацией и руководством партизанами занимались государственные учреждения»¹³. Следует завершить мысль: речь идет не о двух аналогичных явлениях, разных по форме, а о двух разных по сути явлениях, но при этом иллюзорно похожих.

Связано было это различие с тем, что красные партизаны были не повстанцами (инсургентами), а командос (диверсантами, разведчиками и террористами). При этом устоявшееся представление о спецназовце не очень-то вяжется с видом крестьянского паренька в драной овчине и трухе набекрень, вооруженного ржавой винтовкой Мосина. Но внешность обманчива, а уровень военной подготовки в данном случае является не определяющей чертой, а издержкой массовости. Разумеется, количество и квалификация красных партизан противоречат духу спецподразделений, но принципы создания этих

¹² Arnold Klaus Jochen. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik... S. 480.

¹³ Slepyan K. Stalins Guerillas... Вступление к главе 3.

формирований, особенности комплектования и функционирования свидетельствуют о том, что по содержанию это были советские командос.

Сущностное различие между двумя названными типами вооруженных формирований видно уже из названий. Повстанцы (инсургенты) появляются вследствие резкого недовольства жителей господствующим режимом, и в значительной степени действуют сообразно непосредственным, т. е. сиюминутным интересам и желаниям местного населения. Спецназ же, наоборот, изначально посылается за линию фронта или – что в рассмотренном случае происходило чаще – оставляется в тылу противника силовыми структурами государства и действует в интересах последних. Отряды командос могут встречать противодействие местных жителей, или, наоборот, пользоваться их широкой поддержкой, население может мобилизовываться или вступать в ряды диверсантов, но последние не меняют от этого своей природы: они исполняют волю армейского командования, не особо обращая внимание на судьбу тех людей, которые находятся рядом с ними в повседневной жизни. Не случайно партизаны Ковпака и Сабурова, да и они сами во внутренней документации и в разговорах с мирными жителями постоянно называли себя «армейской частью, действующей в тылу противника».

В определенном смысле сталинские партизаны вообще не были партизанами. Следует также вспомнить, что слово «партизан» происходит от французского слова «приверженец», т. е. сторонник какой-либо политической силы. При этом как зафронтовое, так и непосредственное руководство советских формирований было идеологизировано как «Великим переломом», так и «чистками» 1937–1938 гг. Да и в красных партизанах люди оказывались не потому, что были чьими-то сторонниками.

Показательно, что даже офицеры АК больше заботились о местных польских жителях, нежели сталинские посланцы о каком бы то ни было населении. В АК в Западной Украине в 1943–1944 гг. произошел масштабный конфликт между местными офицерами и транслирующим волю эмигрантского лондонского правительства вышестоящим генералитетом. Многие местные отряды Армии Крайовой хотели защищать польское население от бандеровского террора, а начальство приказывало им готовить восстание и содействовать продвижению Красной армии¹⁴. Между УШПД и партизанскими вожаками на ме-

¹⁴ См. внутренние дискуссии польских националистов по вопросу о приоритетах в боевых действиях в Западной Украине в 1943–1944 гг.: *Motyka Grzegorz. Ukraińska partyzantka...* S. 298–414.

стах хватало непонимания, но до настоящего времени не известно ни одного случая, когда командир какого-либо соединения переругался со Строкачем из-за своего стремления защищать крестьян. Тактика и стратегия руководства советских партизан и местных исполнителей на местах – проводить диверсии и не обращать внимания на судьбу мирных жителей – не изменилась и в 1943 г., когда победа Красной армии стала очевидной, и в 1944 г., когда этой победе уже ничто не могло помешать.

Страдания мирного населения усугублялись широким применением советскими командос тактики выжженной земли. Ни УПА, ни АК не позволяли себе такой безоглядности в уничтожении хозяйственных объектов. В ряде случаев эта разрушительность вредила даже самому режиму. Например, взрыв исторического центра Киева привел к немногочисленным потерям среди немецких солдат, зато этот акт вандализма вызвал неодобрение большинства киевлян, чем не преминули воспользоваться нацистские пропагандисты. И в сельской местности действия красных не всегда понимали даже их коллеги. Михаил Наумов записал в дневнике, что партизаны маленьких отрядов из соединений С. Маликова, А. Грабчака, А. Сабурова и других на Житомирщине вели себя контрпродуктивно: «Одна из таких групп была арестована и обезоружена – это соед[инение Ивана] Шитова. Через неправильное руководство местными партизанами они сожгли казарму с оружием и боеприпасами, больницу, родильный дом и дом культуры в с. Подлубы. Они жгут, там где следует сохранять, и репрессируют тех, кому следует давать [исправиться]»¹⁵.

Во главе украинских партизанских отрядов и различных штабов партизанского движения стояли работники советского госаппарата, прямо или косвенно замешанные в массовом терроре 1917–1941 гг., как минимум видевшие разрушение церквей и старинных усадеб. Для этих людей подобные действия не представляли ничего экстраординарного. Тем более, что уже 3 июля 1941 г. на всю страну прогремел призыв Иосифа Сталина уничтожить в германском тылу все, что стоит, и все, что движется.

Невнимание к судьбе крестьянства, к слову, не пользовавшегося в СССР доброжелательным вниманием со стороны властей, выражалось и в методах продовольственного обеспечения коммунистических отрядов. Бандеровцы, стремясь получить пищу и одежду для УПА, установили на территории, находившейся под влиянием

¹⁵ Дневник Наумова, запись от 13 ноября 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 46).

ОУН, упорядоченную систему натуральных налогов. И далее, уже в 1945–1947 гг., когда влияние националистов на село вследствие мер НКВД ослабло, через членов партии и сочувствующих бандеровцы узнавали, где и в каком селе у какого хозяина что есть, что можно забрать так, чтобы не обозлить население. Отряды АК в Польше в годы Второй мировой войны стремились забирать прежде всего те продукты, которые предназначались для сдачи немцам, или же платить за еду деньгами, получаемыми по воздуху из Англии. По словам Бориса Соколова, «как раз в [советских] партизанских донесениях говорится, что население местное в Западной Белоруссии поддерживает польских партизан, – там еще было католическое население, белорусские католики, – потому что они никогда не грабят, не насилюют, не убивают и всегда платят за взятое продовольствие. В то время как советские партизаны и грабят, и насилюют, и убивают и никогда за продовольствие не платят, надо бы это дело изменить»¹⁶. Хозяйственные операции АК и УПА переносились населением куда легче, чем хаотичные реквизиции красных. Методы обеспечения советских отрядов характеризовались словами партизанского командира Петра Вершигоры, которыми он описал поведение партизан своего коллеги Ивана Шитова: «“Мы тот отряд, что берет все подряд”, “Тетка, открывай шкаф. Мы на операцию приехали”»¹⁷. Подчеркнем, что это описание не девиаций – грабежей, бандитизма и мародерства, с которыми партизанское начальство иногда на словах боролось – а повсеместно господствовавшей практики проведения хозяйственных операций. К чему она приводила, сказал тот же Вершигора весной 1944 г. в официальном отчете в УШПД: «Экономическое состояние районов, контролируемых УПА, более благоприятное, чем в советских [партизанских краях и] районах, население живет богаче и менее ограблено»¹⁸. Ничего удивительного в этом факте не было: «корнем», «цементом», «зерном» партизанских формирований являлся «партсоставив», а также номенклатурщики, отличавшиеся, по оценке историка Михаила Восленского, крайней бесхозяйственностью, а также ленью и неуважением к работе¹⁹.

¹⁶ Соколов Б. «Уходили в поход партизаны» // Радио «Свобода». Программа «Цена победы». 13.11.2004.

¹⁷ Сообщение Вершигоры Строкачу, 27 февраля 1944 г. (Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 187).

¹⁸ «Отчет о боевой деятельности 1-й Украинской партизанской дивизии имени Дважды Героя Советского Союза генерал-майора тов. Ковпака за время с 5 января по 1 апреля 1944 г.», Вершигора и др. предп. Строкачу (ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 140).

¹⁹ Восленский М. Номенклатура... Гл. 8: «Класс-паразит».

От непродуманной системы реквизиций нужно отличать разбой (хотя в случае с красными партизанами это иногда сложно). Диверсант Илья Старинов писал о том, что в 1945–1946 гг. ему довелось обезвреживать поставленные УПА мины: «Некоторое сходство между партизанской войной и партизанщиной, действительно, имеет место, но оно ограничивается только заимствованием некоторых партизанских приемов, политическим бандитизмом»²⁰. Если кто и заслуживал подобного ярлыка, то это были как раз подопечные Старинова – красные партизаны. Разница с бандеровцами настолько была в глаза, что ее заметили даже немцы, для которых все «лесные жители» по сути должны были представлять нечто вроде аморфной злой массы. В разведсводке расположенного в Здолбунове абвер-пункта «Украина» говорилось, что «УПА воюет не только против большевистской, но и против немецкой армии. Подразделения, в которые входят и конные отряды, хорошо вооружены и, в отличие от большевистских банд, хорошо дисциплинированы. С гражданским населением отряды УПА обращаются корректно. Грабежи караются смертной казнью»²¹. Эта оценка подтверждается и внутренней документацией ОУН–УПА. Главком Повстанческой армии Дмитрий Клячковский («Клим Савур») уже 15 мая 1943 г. издал приказ, в котором перечислял «особо тяжкие преступления против украинского народа», которые могли караться лишением жизни. В перечень, помимо уклонения от военной службы, дезертирства и коллаборационизма и ряда других действий, входили вооруженные грабежи, присвоение имущества УПА, личной собственности граждан²².

Советские партизанские командиры и комиссары, а также их фронтовые руководители знали, что ордена и медали, чины и звания, должности в послевоенном госаппарате и номенклатурные пенсии они получают не за лояльное отношение к мирным жителям, а за взорванные партизанами поезда и мосты, убитых немцев. В том числе поэтому командиры партизан попустительствовали разбою среди своих подчиненных, да и сами в нем нередко принимали участие. Бандеровцы же, напротив, ставили перед собой прежде всего не военные, а политические цели, стремились пропагандой и собственным поведением влиять на сознание людей, чтобы способствовать нацио-

²⁰ *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия... С. 74.

²¹ Сообщение центра немецкой армейской разведки «Украина»: «Украинское националистическое движение», предп. для командующего тыловой зоной гр. армий «Украина», подп. неразб., Нг. 16 668/04 010/43 III [секретно] 0 2, 15 сентября 1943 г. (ВА–МА, RH 22/104, Bl. 111).

²² *Веденеев Д. В., Биструхин Г. С.* Меч і тризуб... С. 299.

нальной революции. УПА зависела от местного населения, а не от поставок и руководства Центра, поэтому повстанческие командиры вынуждены были не допускать разбоя со стороны своих подчиненных. Армия Крайова, столкнувшись с конкуренцией за влияние на народ со стороны других польских партизанских организаций, стремилась борьбой с криминалом не только в собственных рядах, но и среди населения легитимизировать себя в глазах поляков.

Помимо разбоя, для советских партизанских формирований было присуще распространение других дисциплинарных нарушений – пьянства, половой распущенности и сексуального насилия. В АК проблема потребления алкоголя в целом находилась под контролем, в ОУН–УПА пьянства не было на уровне явления, хотя встречались отдельные факты. Бандеровцы, помимо того, что не допускали злоупотребления алкоголем в собственных рядах, боролись с самогонованием и пьянством среди мирных граждан. В отношении полового поведения партизан и повстанцев различия также заметны. В УПА и АК тоже встречались факты, описанные в данной книге в главе «Половая распущенность». В частности, определенной активностью, в том числе в отношении собственных связных, отличался главком УПА Роман Шухевич. Но это скорее были исключения. В «Организационных указаниях» СБ ОУН отдельно подчеркивалась необходимость для националистов и повстанцев быть сдержанным: «Мужчина-подпольщик не должен ходить к женщинам по личным делам. Если он идет к женщинам по организационным делам, то должен брать с собой свидетеля... Мужчина, которого деморализует женщина, будет наказан понижением в должности»²³. У красных же командиров наличие любовниц («ППЖ»), иногда сразу нескольких, было общепринятой нормой. Сексуального насилия против украинского населения в УПА, в отличие от советских отрядов, вообще не было. Ко всем уже названным причинам различий можно добавить еще одну небольшую деталь – в АК и УПА служили христиане, а не атеисты, как в советских отрядах. И традиционная и официальная христианская этика допускает убийство в качестве крайней меры; к пьянству же и разврату в христианских церквях выработано однозначно негативное отношение. Любопытно отметить, что курение было столь распространено в среде красных, что табак входил в перечень поставок УШПД. У бандеровцев же существовал тотальный запрет на курение.

Помимо названных внешних дисциплинарных нарушений, в советских партизанских отрядах было большое количество внутренних

²³ *Веденеев Д. В., Биструхин Г. С. Меч і тризуб... С. 209.*

конфликтов. Михаил Наумов считал «отсталость руководства» важной причиной неудач борьбы в тылу Вермахта: «Все партизанские соединения и отряды Украины сосредоточены вместе, а действуют порознь. Сключиваются, никакого взаимодействия, ни дисциплины, ни согласованности, бесконтрольность, безответственность»²⁴. Это было следствием одной из существенных особенностей советских партизан – их безыдейности, что вело к отсутствию спаянности. Если личные усилия не подчинены общей цели, то на поверхность выходит себялюбие, эгоизм и другие черты характера, провоцирующие ссоры в коллективе. Сталинские партизаны клялись в любви к «вождю народов», но не были убежденными сталинистами и марксистами. Этого совершенно не могли понять нацисты. Они ошибочно принимали царившую среди партизан вполне закономерную ненависть к наглым, злым и надменным захватчикам, сочетавшуюся с лояльностью к советской сверхдержаве, за проявление иступленного большевизма.

Самое главное отличие между УПА и советскими партизанскими формированиями заключалось в принципе организации этих военно-политических структур.

Советская партизанская борьба не была ни широким движением народных масс, поднявшим восстание в ответ на действия ненавистного режима, ни инициативой сплоченной группы политических единомышленников. Коммунистические партизанские структуры создавались по приказу сверху, функционировали по приказу начальства, и по приказу «ответственных товарищей» были распущены. Административно-командная система являлась сутью советского партизанского аппарата, начиная от Сталина и вплоть до командира отделения. Поэтому деятельность советских партизан (да и саму совокупность партизанских формирований) не совсем корректно называть «партизанским движением». Не называется же «движением» комплектование очередной дивизии Красной армии, массовое создание колхозов или учреждение какого-либо наркомата – несмотря на то, что при этом огромное количество людей активно перемещалось по территории СССР.

В связи с этим ловкой пропагандистской находкой сталинских функционеров являлось название штабов, руководивших партизанскими формированиями: *«штаб партизанского движения»*. Хотя в названии заключен аксюморон, при использовании этих устоявшихся аббревиатур – УШПД, ЦШПД и т. д. – возникает иллюзия того,

²⁴ Дневник Наумова, запись от 2 января 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 66. Оп. 1. Спр. 42. Арк. 82).

что эти учреждения были созданы в качестве надстройки широкой инициативы населения, находившегося в тылу немцев. В действительности же ЦШПД и УШПД были органами руководства советских спецподразделений.

Не совсем корректно называть советскую партизанскую борьбу и сопротивлением: отряды были сформированы еще до прихода немцев, т. е. тогда, когда сопротивляться было еще некому.

Люди в большинстве своем шли в партизанские отряды не добровольно, а либо по мобилизации, либо под давлением угрожающих жизни обстоятельств. Реальных добровольцев в советских партизанах было меньшинство. Важнее всего было то, что, в отличие от УПА, командный состав партизанских соединений также комплектовался по принудительному принципу. Рядовой состав советских отрядов вообще набирался как попало и из кого попало.

Системообразующим звеном в УПА, напротив, были добровольцы, конкретнее – члены ОУН, тоталитарной партии радикальных сторонников украинской самостоятельности. Эти люди еще в мирное время ушли в подполье, занимались терроризмом, шпионажем и другими опасными для жизни и здоровья занятиями. За независимую Украину националисты изначально готовы были умирать, и тем более убивать. Их идеологическая мотивация и сознательный выбор участия в вооруженной борьбе не подлежат сомнению. Испытав давление «снизу», почувствовав резкий рост протестных настроений населения, бандеровцы вышли из подполья. Как писал Петр Вершигора Тимофею Строкачу 27 февраля 1944 г., «на протяжении почти всего 1943 г. Вольнь охвачена антинемецким движением, восстанием народа против немцев. Националисты возглавили его...»²⁵ Практически весь командный состав УПА составляли члены ОУН²⁶, большинство будущих офицеров УПА вступило в партию еще в довоенное время. Рядовые шли в УПА в основном по принудительной мобилизации. Более того, процент насильственно уведенных в лес был в УПА, возможно, даже выше, чем у советских партизан. Здравомыслящие селяне не особо желали поднимать руку на красного тоталитарного гиганта-победителя. Однако поиск и отбор призывников у националистов был далеко не формальным, а проводился через низовые структуры ОУН – партячейки в селах. Поэтому сотрудники или консультанты бандеровских «военкоматов» лично знали призывни-

²⁵ Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 186.

²⁶ Биографии командиров УПА см.: *Содоль П.* Українська повстанча армія, 1943–1949. Довідник. Ч. 1–2. Н.-Й.; Тернопіль, 1994–1995. Passim.

ков многие годы. Это было хоть какой-то страховкой от проникновения в ряды повстанцев случайных людей. Попадая в отряд, молодые крестьяне оказывались под бдительным и неусыпным руководством своих фанатичных командиров. При этом постоянную идеологическую обработку рядового состава вели националистические полпрефы, тоже зачастую активисты ОУН еще с довоенных времен. Дополнительному партийному контролю над Повстанческой армией содействовала состоящая из наиболее проверенных националистов бандеровская контрразведка – Служба безопасности (СБ ОУН), руководство которой комплектовалось из националистов с солидным партстажем. Целесообразно привести относящееся к 1945 г. высказывание одного из функционеров ОУН С. Янишевского. Хоть цитата и неточно передает факты, но зато отражает отношение функционеров ОУН и командиров УПА к собственным контрразведчикам: «Много пало у нас героев – как руководителей [ОУН], так и командиров и бойцов [УПА], но в пять раз больше передушили сами себя... Никто теперь из полещуков (жителей Полесья. – А. Г.) не хочет [независимой] Украины, так как у каждого полещука уже кто-нибудь задушен [СБ ОУН]. На что им теперь та Украина?»²⁷ Именно кровавая оуновская дисциплина не позволяла междоусобным конфликтам в УПА приобрести характер повсеместного явления.

В АК же вообще не было массовых принудительных мобилизаций – и командный состав, которому в 1939–1942 гг. при вербовке никто не угрожал расстрелом, и рядовые шли сражаться в польские националистические формирования в целом добровольно.

Оказываясь же волей начальства и судеб во вражеском тылу, красные командиры пытались по возможности обеспечить для себя «комфортные» условия выполнения поставленных задач, сквозь пальцы смотря на такие же устремления своих подчиненных. В книге, опубликованной от имени генерала ГРУ Виталия Никольского, утверждается: «Различного состава, и количественного, и качественного, были группы [партизан], выходившие из тыла, но при всех условиях в лучшую сторону по дисциплине и организованности выделялись подразделения и даже целые партизанские части, которыми командовали офицеры разведки»²⁸. Дело обстояло как раз наоборот. Даже из общего числа советских партизан наиболее «веселой» жизнью, оборачивавшейся слезами для местного населения, отличались разросшиеся до размеров партизанских отрядов группы ГРУ (с весны

²⁷ Кентій А. В. Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. С. 23.

²⁸ Никольский В. ГРУ в годы Великой Отечественной войны... С. 162.

1943 г. – РУ ГШ КА) и 4-го управления НКВД–НКГБ²⁹. Связано это было не с какой-то по-особому злой волей начальников этих ведомств – И. Ильичева, Ф. Кузнецова и П. Судоплатова. Дело было в задачах этих отрядов, т. е. приоритетной концентрации на агентурной разведке и индивидуальном терроре, а львиную долю подготовительных мероприятий к теракту составляет все та же агентурная разведка. Как отмечали по итогам войны представители разведывательного отдела УШПД, «практика показала, что наиболее ценные разведанные могут дать отряды, имеющие своей непосредственной задачей только ведение разведки»³⁰. Это означало, что, если подчиненные штабов партизанского движения по долгу службы обязаны были постоянно что-то поджигать, взрывать, в кого-то стрелять, то их коллегам из двух других ведомств, наоборот, боевая и диверсионная активность была противопоказана. Она отнимала силы от выполнения основной задачи и, главное, привлекала недоброжелательное внимание оккупантов. Очевидно, не значилась в числе главных заданий этих групп и пропаганда. Все это провоцировало безделье, ведущее к «бытовому разложению». Кроме того, если ядро этих спецгрупп представляли собой люди, отобранные за линией фронта и приученные к порядку, то принятые в отряды добровольцы не всегда последовательно проявляли желание быть образцовыми партизанами. Безвестный бандеровский подпольщик охарактеризовал их нелестно: «Местные отряды – это сброд, заданием которого является обеспечивать отряды едой, заниматься разведкой и безопасностью. Именно эти последние жгут села, грабят и убивают»³¹. Но, подчеркнем, что все советские партизанские отряды – в том числе и диверсанты УШПД – по уровню бандинизма существенно превосходили УПА.

Внутренние отношения в красных партизанских соединениях – свары, драки, матерщина, мордобой, своеволие, доходящее до самодурства, многих командиров и комиссаров еще больше усиливают определенные параллели. Ассоциации возникают не с отрядами до одержимости пламенных герильеро и не со скрепленными уставщиной и корпоративными понятиями (обычаями) военными частями. На ум приходит другой тип вооруженной организации – уголовные

²⁹ Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. Кн. 2. С. 365–366.

³⁰ Итоговый отчет разведотдела УШПД, начальник РО В. Храпко и др., декабрь 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 275. Арк. 55).

³¹ Сообщение подпольщика ОУН с территории севера Ровенской области и прилегающих территорий БССР «Отчет из округа “Л[есная] песня” за июль 1943 г.», 11 августа 1943 г. (ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Спр. 129. Арк. 13).

банды, перед которыми в тот момент сообразно требованию ситуации вышестоящие главы поставили диверсионные или разведывательные задания. Причем речь идет не об общем эмоциональном восприятии, не о ярлыке, а именно о сущностной, психологической характеристике этих структур. На низовом уровне сталинской государственной машины в экстремальных условиях воссоздавались те же поведенческие нормы и правила, которые существовали на самом верху выстроенной «кремлевским горцем» пирамиды и в мирное время.

Новейшие исследования убедительно демонстрируют, что между Лениным и Гитлером, с одной стороны, и Сталиным – с другой, были принципиальные различия. В свое время английский писатель Герберт Уэллс метко назвал Ленина «кремлевским мечтателем». Таким же фантазером из рейхсканцелярии был и Адольф Гитлер. А вот для «вождя народов» и его аппарата идеология, напротив, не играла внутренней роли³². Сталинское политбюро представляло собой бригаду циничных функционеров, ориентированных только на сохранение, укрепление и безграничное распространение собственной власти³³, которая была для них самоцелью. Этим они отличались от ленинской или гитлеровской правящей верхушки, являвшихся сообществами махровых, в чем-то даже самоотверженных экстремистов, неадекватно оценивающих окружающую реальность. Сталин же воспринимал действительность в целом здраво, только преломлял ее сквозь призму своей специфической личности. Показательно, что уже находясь во главе огромной страны, «лучший друг физкультурников» использовал в публичных выступлениях лексику, порожденную миром романтики ножа и пистолета³⁴. Об Иосифе Джугашвили оставил свидетельство президент США Франклин Рузвельт, который заметил, что, хотя он ожидал увидеть во главе советского государства джентльмена, на конференциях он встретился с «бывшим кавказским бандитом»³⁵.

Еще один немаловажный вопрос о партизанских организациях: насколько советское руководство ценило жизни своих подчиненных, исполнителей? На первый взгляд, сталинская партизанская война

³² *Montefiore Simon. Sebag Stalin. Am Hof des roten Zaren. München, 2005. Passim.*

³³ *Baberoŵski Joerg. Red Terror. The History of Stalinism. New Haven/CT: Yale UP, 2010. Manuskript.*

³⁴ Отчет Сталина XIV-му съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 г. (*Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1947. С. 287.*)

³⁵ *Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. С. 354.*

являлась в этом случае чем-то выдающимся. В 1941–1942 гг. люди, не имевшие представления о зафронтовой борьбе, в массовом порядке выкидывали в немецкий тыл (обычно неизвестно куда) или оставляли при отступлении неподготовленных и безобразно вооруженных партизан, не понимавших собственных задач и путей их выполнения. В 1943–1944 гг. действия УШПД стали более профессиональными, но выброски партизан в голую степь, на управляемую румынами территорию, в контролируруемую бандеровцами Галицию – т. е. почти на верную смерть – продолжались. Такого обращения с собственными подчиненными даже обладавшие высоким уровнем жертвенности бандеровские командиры себе обычно не позволяли.

Но если мы берем более широкую историческую перспективу, то получается, что в целом и польские умеренные националисты и праворадикалы-бандеровцы столь же мало ценили жизни своих партизан, как и сталинские организаторы зафронтовой борьбы.

В 1945 г., невзирая на бесперспективность военного противостояния с СССР, усугубляющуюся довольно слабым сопротивлением коммунизму в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, руководство ОУН–УПА приказало повстанцам и подпольщикам продолжить вооруженную борьбу с Советами, окончившуюся поражением. Пропагандистский эффект от действий УПА в 1945–1949 гг. также не был решающим в позднейшем крушении системы.

В Армии Крайовой «аккуратность» действий в 1942–1943 гг. была перечеркнута очень кровопролитной для поляков операцией «Буря» – восстаниями против Вермахта непосредственно перед приходом Красной армии. В отношении противодействия коммунистам тактика и стратегия АК была не просто провальной, но и контрпродуктивной. Согласно замыслам планировавших «Бурю» политиков и генералов, восставшие должны были встретить большевиков не пассивными освобождаемыми, а хозяевами Польши. В результате антисоветское националистическое польское подполье в ходе «Бури» понесло большие потери от немцев и раскрыло себя для НКВД и НКГБ, не преминувших воспользоваться удачным моментом и быстро разгромивших АК и связанные с ней структуры. Представители польских ультраправых из Народовых Сил Збройных в ходе переговоров с АК в 1943–1944 гг. выражали мнение, что готовящаяся акция абсурдна и авантюристична. Однако эмигрантское правительство отдало приказ о начале «Бури», генералы АК передали его «по инстанции», а командиры на местах за редким исключением выполнили. Неслучайно самая известная составляющая «Бури», приведшая к уничто-

жению польской столицы, в августе 1944 г. получила резкую оценку командующего одной из польских дивизий на западном фронте генерала Владислава Андерса: «Провозглашение восстания в Варшаве... было не только глупостью, но и однозначным преступлением»³⁶. По мысли находившихся в Лондоне организаторов, «Буря» должна была предотвратить установление власти Сталина в Речи Посполитой, однако, наоборот, она существенно облегчила инсталляцию в Польше системы реального (конкретного) социализма.

Вместе с тем в сравнении с войной националистов, коммунистические партизанские действия были относительно успешными с точки зрения борьбы с захватчиками, прежде всего, диверсиями на коммуникациях, но также и уничтожением хозяйственных объектов, битвами с полицией и сотрудничеством с наступающей Красной армией. Украинские партизаны причинили нацистам больший материальный ущерб, нежели УПА и АК, вместе взятые.

Вызвано это было не только общей концепцией советской партизанской войны – причинение максимального урона противнику с помощью диверсий и невзирая ни на какие обстоятельства – но и тем фактом, что красные партизаны в 1942–1944 гг. обладали налаженной системой получения помощи из-за линии фронта: оружия, боеприпасов, медикаментов, техники и кадров.

Кроме этого, нельзя не учитывать моральную поддержку, которую красным партизанам оказывал советский режим с его гигантской Красной армией. АК получала помощь извне в незначительных масштабах, а УПА не получала вовсе. Вести же о победах Красной армии польские, и тем более украинские националисты, воспринимали не с воодушевлением, а с настороженностью – как информацию о грядущем приходе следующего врага. Однако несмотря на эти обстоятельства, и АК, и УПА развивались в борьбе с нацистами. АК эффективно вела разведдеятельность и готовила восстание перед приходом Красной армии. УПА проявила себя в борьбе против нацистской оккупационной администрации и местной полиции. 5 июня 1943 г. генеральный комиссар округа Вольнь-Подолье Шене заявил об этом на экстренном совещании с участием А. Розенберга: «Украинские националисты причиняют нам больше сложностей, нежели больше-

³⁶ *Dmitrów Edmund*. Der polnische “Historikerstreit” zur Armia Krajowa // Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweitem Weltkrieg / Im Auftrag des MGFA herausgegeben von Bernhard Chiari unter Mitarbeit von Jerzy Kochanowski. München, 2003. S. 835.

вистские банды»³⁷. И это несмотря на то, что антинацистская борьба в 1943 г. не была приоритетом бандеровцев.

При этом, как было показано выше, украинские партизаны, в сравнении с партизанами Белоруссии и отчасти России, были более мобильными, а диверсионная деятельность подчиненных УПШД отличалась большей рациональностью и успешностью. В июне 1943 г. украинских партизан было в 6 раз меньше, чем русских и белорусских, вместе взятых. При этом за участие в партизанской войне в СССР звания Героя Советского Союза были удостоены 172 человека, из них 55 (т. е. 32 %) – за борьбу на территории Украины³⁸, т. е. украинские партизаны награждались в три раза чаще белорусских и российских.

Таким образом, учитывая провалы коммунистических партизанских формирований в 1941–1942 гг., и те ресурсы, которые были затрачены советской стороной для организации зафронтальной борьбы в 1941–1944 гг., нельзя сделать вывод о том, что словосочетание «сталинская партизанская война» является синонимом словосочетания «эффективная партизанская война» – даже если иметь в виду чисто военный эффект действий партизан. Еще более полувека назад американский исследователь Джон Армстронг указал на несоответствие привлеченных советским руководством сил и средств военному результату действий советских иррегулярных формирований³⁹. Если же не концентрироваться исключительно на оперативной составляющей деятельности красных партизан, то уместно заметить: современные украинские исследователи Сергей Лозицкий и Анатолий Кентий справедливо назвали действия сталинских командос в тылу Вермахта «войной без пощады и милосердия». И они не одиноки в своей оценке. Немецкий автор Александр Бракель, изучив войну советских партизан на локальном уровне, сделал вывод, с которым можно в целом согласиться: «Победа над немцами была целью, которой советское руководство подчиняло все, в том числе и выживание собственного населения»⁴⁰. При этом российский исследователь Вячеслав Боярский, оценивая зафронтальную борьбу режима, обосно-

³⁷ «Протокол заседания о рабочих вопросах при генеральном комиссаре Вольни-Подолья в Ровно», 5 июня 1943 г. (ВАН. R 6/310. Вл. 43).

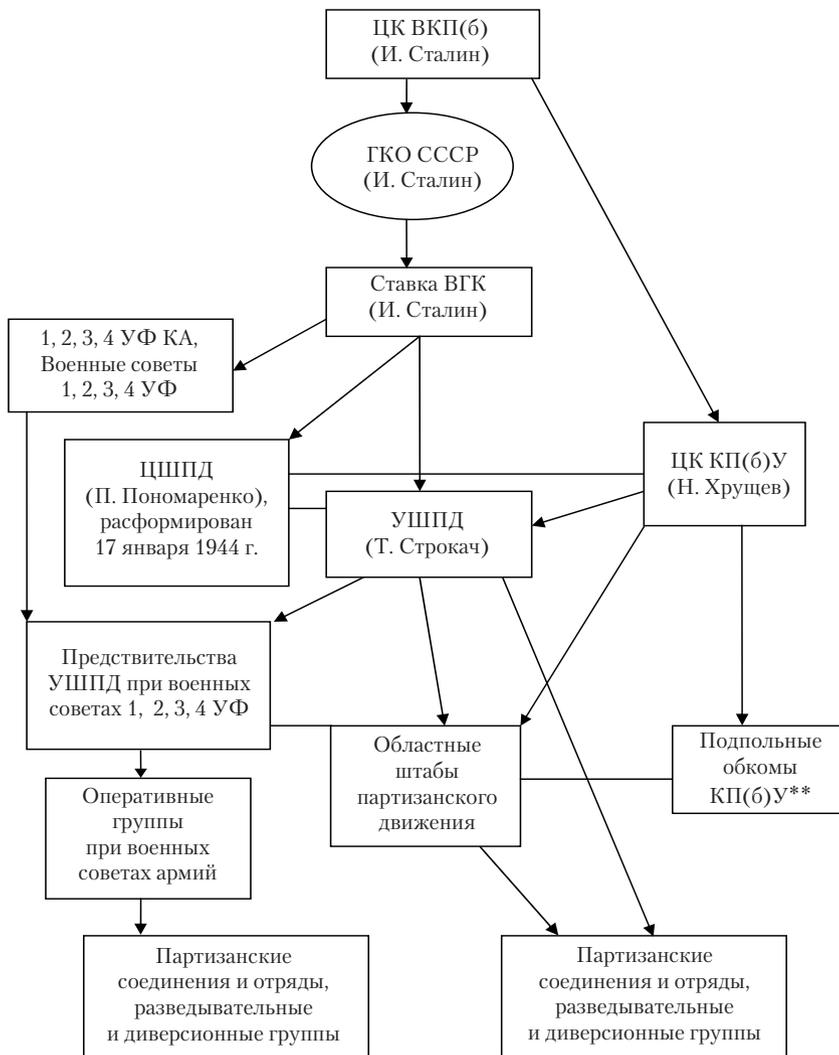
³⁸ Герои Советского Союза: Историко-статистический сборник / Д. Н. Артамонов, А. А. Бабаков, Н. В. Борисов и др.; под ред. И. Н. Шкадова. М., 1984. С. 163.

³⁹ Армстронг Дж. Советские партизаны... С. 56.

⁴⁰ Brakel, Alexander „Das allergefährlichste ist die Wut der Bauern.“... S. 424.

ванно назвал историю советской партизанской войны «историей упущенных возможностей». Иными словами, с оккупантами можно было по-другому воевать и по-другому их побеждать. И вполне объяснимо, что советские партизанские отряды в Украине обладали теми особенностями, которые описаны в представленной работе – они являлись одним из проявлений воюющего сталинизма.

Схема руководства украинскими партизанскими формированиями в 1943–1944 гг.*

Стрелками показаны направления подчинения, линиями – направления обмена информацией и согласования планов руководящих структур.

* В схеме не обозначена система подчинения партизанских формирований НКГБ СССР, НКГБ УССР и РУ ГШ КА.

** Как правило, начальники областных штабов партизанского движения совмещали должности первых секретарей подпольных обкомов КП(б)У, а также командиров крупных соединений УШПД.

Источник: Україна партизанська... С. 233.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК –	Армия Крайова, польские националистические партизанские формирования
БССР –	Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВВ –	внутренние войска
ВГК –	Верховное Главнокомандование
ВКП(б) –	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ –	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (комсомол)
ВО –	военный округ
ВС –	Верховный Совет
ВС –	Военный совет
ВС –	вооруженные силы
ГВШ –	Главный военный штаб
ГБ –	государственная безопасность
ГГ –	генерал-губернаторство, территориально-административное образование, созданное нацистами в 1939 г. на территории Польши
ГКО –	Государственный комитет обороны СССР
ГЛ –	Гвардия Людова, польские партизанские прокоммунистические формирования
ГО –	генеральный округ
ГРУ –	Главное разведывательное управление
ГШ –	Генеральный штаб
ЗУНР –	Западно-Украинская Народная Республика
КА –	Красная армия
КГБ –	Комитет государственной безопасности
КОНР –	Комитет освобождения народов России
КП(б)У –	Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КР –	контрразведка
МВД –	Министерство внутренних дел
МГБ –	Министерство государственной безопасности
МССР –	Молдавская Советская Социалистическая Республика
НКВД –	Народный комиссариат внутренних дел

- НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
- НКО – Народный комиссариат обороны
- НСДАП (NSDAP – National-sozialistische deutsche Arbeiter Partei – нем.) – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСНПП)
- НСЗ – Национальные вооруженные силы (Народовы Силы Збройне – польск.), радикально-националистические польские партизанские формирования, польский аналог УПА
- ОГ – Оперативная группа при наркоме ВД СССР по руководству разведывательной и диверсионно-боевой деятельностью в тылу Вермахта
- ОКВ (OKW – Oberkommando der Wehrmacht – нем.) – верховное командование Вермахта
- ОПГ – организованная преступная группировка
- ОУН – Организация украинских националистов, ОУН(б) – бандеровцев, ОУН(м) – мельниковцев
- ПНР – Польская Народная Республика
- ПС – Полесская сечь, коллаборационистское, а позже повстанческое формирование Т. Бульбы-Боровца
- РДГ – разведывательно-диверсионная группа
- РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
- РКУ – Рейхскомиссариат «Украина», административно-территориальное образование, созданное немцами на большей части территории УССР и южных регионов БССР
- РО – районный отдел
- РОА – Русская освободительная армия
- РОД – Русское освободительное движение
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- РУ – Разведывательное управление
- СБ – Служба безопасности Организации украинских националистов
- СД (SD – Sicherheit Dienst – нем.) – Служба безопасности – одна из спецслужб Третьего Рейха
- СМЕРШ – «Смерть фашизму», по другой версии Специальные мероприятия по раскрытию шпионажа, военная контрразведка Красной армии
- СС (SS – Sturmstaffel – нем.) – штурмовой эшелон, вооруженные отряды Национал-социалистической рабочей партии Германии, со временем преобразованные в карательные и охранные части, военные гвардейские формирования и своеобразный иностранный легион
- ТВД – театр военных действий

- УББ – Управление по борьбе с бандитизмом
- УВВ (УОА) – Українське визвольне військо – Украинская освободительная армия
- УВО – Украинская войсковая организация
- УГА – Украинская галицкая армия
- УНДО – Украинское национальное демократическое объединение
- УНК – Украинский национальный комитет
- УНР – Украинская Народная Республика
- УНС – Украинская народная самооборона, бандеровские формирования во второй половине 1943 г. в Галиции, с начала 1944 г. переименованные в УПА–Запад
- УПА – Украинская повстанческая армия, вооруженные формирования ОУН(б)
- УПА–ПС – Украинская повстанческая армия – Полесская сечь Т. Бульбы-Боровца
- УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
- УФ – Украинский фронт
- УЦК – Украинский центральный комитет в Галиции
- УШПД – Украинский штаб партизанского движения
- ФСБ – Федеральная служба безопасности РФ
- ЦК – Центральный комитет
- ЦП – Центральный провод ОУН
- ЦШПД – Центральный штаб партизанского движения

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

Bundesarchiv, Berlin (BAB)

- NS 19 – Persönlicher Stab des Reichsführers SS
- R 6 – Reichsministerium fuer die besetzten Ostgebiete
- R 19 – Hauptamt Ordnungspolizei
- R 20 – Truppen und Schulen der Ordnungspolizei / Chef der Bandenkampf-
verbaende
- R 52 – Generalgouvernement
- R 58 – Reichssicherheitshauptamt
- R 94 – Reichskommissariat Ukraine
- R 70 – Polizeidienststellen in den eingegliederten und besetzten Gebieten

Bundesarchiv-Militaerarchiv, Freiburg (BA-MA)

- RH 2 – Chef des Truppenamtes / Generalstabes des Heeres
- RH 4 – OKH / Chef des Transportwesens
- RH 20 – Oberkommandos von Armeen und Armeeabteilungen
- RH 22 – Befehlshaber der Rueckwaertigen Heersgebiete
- RH 23 – Kommandanten der rueckwaertigen Armeegebiete
- RH 26 – Infanteriedivisionen
- RH 36 – Kommandanturen der Militaerverwaltung
- RH 47 – Verbaende und Einheiten der Eisenbahntruppen
- RH 48 – Dienststellen und Einheiten der Ordnungstruppen und Technischen
Truppen, der Geheimen Feldpolizei, der Betreuungs – und Streifendienste;
Feldstrafvollzugeinrichtungen
- RW 17 – Wehrmachtkommandanturen
- RW 31 – Wirtschaftstab Ost

Archiwum Akt Nowych, Warszawa (AAN)

- Sygn. 192 – Armia Ludowa
- Sygn. 202 – Delegatura Rządu RP na Kraj

Sygn. 203 – Armia Krajowa

Sygn. 207 – Narodowe Siły Zbrojne

Sygn. 228 – Społeczny Komitet Antykomunistyczny – «Antyk»

Российский государственный архив социально-политической истории России (РГАСПИ), Москва

Ф. 69 – Центральный штаб партизанского движения

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Москва

Ф. 9478 – Главное управление по борьбе с бандитизмом НКВД–МВД СССР

Ф. 9414 – картотека кадров ГУЛАГа

Российский государственный военный архив (РГВА), Москва

Ф. 38 693 – Отдельная мотострелковая бригада особого назначения

Также в работе использованы копии документов из фондов № 500, 1275 и 1303.

*Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО),
Подольск*

Ф. 228 – Полевое управление Южного фронта РККА (1941–1942 гг.)

Также в работе использованы копии документов из фондов № 32, 208, 220, 229, 232, 251, 467.

*Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ),
Київ*

Ф. 3, 5, 13, 16, 60, 62.

*Центральный державний архів громадських об'єднань України
(ЦДАГО), Київ*

Ф. 1 – Центральный комитет компартии Украины

Ф. 57 – колекція документів з історії комуністичної партії України

Ф. 62 – Український штаб партизанського руху (УШПР)

Ф. 63–1-ша українська партизанська дивізія ім. Двічі Героя Радянського Союзу С. Ковпака (Сумське партизанське з'єднання)

Ф. 64 – Чернігівсько-Волинське партизанське партизанське з'єднання

- Ф. 65 – з'єднання партизанських загонів Житомирської області
 - Ф. 66 – з'єднання українських кавалерійських партизанських загонів
 - Ф. 67 – Житомирська партизанська дивізія ім. М. Щорса
 - Ф. 68 – Рівненське партизанське з'єднання № 2 «За Батьківщину»
 - Ф. 69 – Рівненське партизанське з'єднання № 1
 - Ф. 70 – Рівненський обласний штаб партизанського руху
 - Ф. 77 – Київське партизанське з'єднання ім. М. Хрущова
 - Ф. 94 – Чернігівське партизанське з'єднання ім. Героя Радянського Союзу М. Попудренка
 - Ф. 95 – Полтавське партизанське з'єднання ім. В. Молотова
 - Ф. 97 – з'єднання партизанських загонів Кам'янець-Подільської області
 - Ф. 105 – Тернопільське партизанське з'єднання ім. М. Хрущова
 - Ф. 130 – партизанські загони Радянської України періоду Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр.
 - Ф. 166 – комісія з історії Великої Вітчизняної війни при Академії наук УРСР
- Також в роботі використані копії документів із фондів № 240 і 326.

Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВО), Київ

- Ф. 3206 – Рейхскомісаріат України, м. Рівне (Кох)
- Ф. 3676 – Штаб імперського керівника (рейхсляйтера) Розенберга для окупованої східної області, м. Берлін (Німеччина), Київ
- Ф. 3833 – крайовий провід Організації українських націоналістів (ОУН) на Західноукраїнських землях
- Ф. 3836 – з'єднання західних груп Української повстанської армії «УПА–Захід»
- Ф. 3837 – з'єднання південних груп Української повстанської армії «УПА–Південь»
- Ф. 3838 – з'єднання північних груп Української повстанської армії «УПА–Північ»
- Ф. 3959 – Український центральний комітет, м. Львів, Польща
- Ф. 3967 – комендант військового району «Іскра» Української повстанської армії (УПА)
- Ф. 4628 – колекція трофейних документів про співробітництво українських націоналістів та керівництва УПА з німецько-фашистськими окупантами

Архів Центру досліджень визвольного руху (АЦДВР), Львів

- Ф. 7 – звіти організаційних структур ОУН та УПА

Личный архив Александра Гогун (ЛААГ)

Фамилии и имена информантов, их год рождения, место жительства, дата интервью, в случае, если беседу проводил не А. Гогун – фамилия интервьюера

Петренко Мария (1930 г. р.), с. Рудня Корюковского р-на Черниговской области, 12 августа 2006 г.

Шевченко Александра (1925 г. р.), с. Рудня Корюковского р-на Черниговской области, 13 августа 2006 г.

Милашич (в девичестве Кравец) Мария (1919 г. р.), с. Перелюб Корюковского р-на Черниговской области, 13 августа 2006 г.

Мацок (в девичестве Ващенко) Татьяна (1926 г. р.), с. Перелюб Корюковского р-на Черниговской области, 13 августа 2006 г.

Лапитан Дарья (1930 г. р.), с. Перелюб Корюковского р-на Черниговской области, 13 августа 2006 г.

Ермоленко Василий (1926 г. р.), с. Перелюб Корюковского р-на Черниговской области, ветеран Винницкого партизанского соединения, 13 августа 2006 г.

Ермоленко (в девичестве Пятяговская) Анна (1920 г. р.), с. Перелюб Корюковского р-на Черниговской области, ветеран советско-германской войны (партизанской борьбы), 13 августа 2006 г.

Зеленая (Ковальчук) Наталья (1930 г. р.), с. Рейментаровка Корюковского р-на Черниговской области, 14 августа 2006 г.

Шарый Иван (1924 г. р.), житель с. Рейментаровка Корюковского р-на Черниговской области, ветеран советско-германской войны (Красной армии), 14 августа 2006 г.

Литвиненко (в девичестве Шарая) Полина (1936 г. р.), с. Рейментаровка Корюковского р-на Черниговской области, 14 августа 2006 г.

Ковальчук (в девичестве Чех) Александра (1928 г. р.), с. Рейментаровка Корюковского р-на Черниговской области, 14 августа 2006 г.

Разстольный Федор (1930 г. р.), с. Рейментаровка Корюковского р-на Черниговской области, 14 августа 2006 г.

Виговский Владимир (1927 г. р.), с. Купище Коростеньского р-на Житомирской области, 24 августа 2006 г.

Чогун Иван (1930 г. р.), с. Землянка Глуховского р-на Сумской области, 3 июля 2008 г., В. Гинда

Алексей Кульша (1926 г. р.), ветеран Красной армии, с. Землянка Глуховского р-на Сум. обл., 3 июля 2008 г.

Артамонов Алексей (1918 г. р.), г. Киев, ветеран Каменец-Подольского партизанского соединения им. Михайлова, 3 ноября 2008 г.

Лаукина Евдокия (1930 г. р.), с. Сопыч Глуховского р-на Сумской обл., 4 июля 2008 г.

Войцешук Галина (1914 г. р.), г. Славута Хмельницкой обл., ветеран подполья, 11 сентября 2010 г.

Мартыненко Феодосия (1920 г. р.) и Авраменко Вера (1931 г. р.), с. Червоное (Эсмань) Глуховского р-на Сумской области, 4 июля 2008 г., Т. Пастушенко

Жданович Зинаида (1926 г. р.), г. Овруч Житомирской обл., 18 ноября 2009, И. Дерейко

Цессарский Альберт (1920 г. р.), г. Москва, ветеран отряда НКГБ «Победители», 4 ноября 2009 г.

В следующих архивах автор не проводил самостоятельного поиска, пользуясь копиями документов из частных собраний и коллекций других архивов:

1. Державний архів Одеської області (ДАОО) – Ф. 92 (ст.);
2. Державний архів Сумської області (ДАСО) – Ф. 4 (ст.);
3. Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego w Warszawie. Zesp. 301.

Опубликованные источники

Публикации документов

Білас І. Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. У двох книгах. Кн. 2. К., 1994.

Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України 1943–1959. Літопис УПА. Нова серія. Т. 3 / упор. Ю. Черченко, О. Вовк, І. Павленко. К.;Торонто, 2001.

Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії НКВС–МВС, МДБ–КДБ. 1943–1959. Кн. 1: 1943–1945 / упор. В. Сергійчук. Літопис УПА. Нова серія. Т. 4 К.; Торонто, 2002.

Від Полісся до Карпат. Карпатський рейд Сумського партизанського з'єднання під командуванням С. А. Ковпака (червень–вересень 1943 р.): очима учасників, мовою документів / упоряд.: А. В. Кентій, В. С. Лозицький. К., 2005.

Веденєєв Д. В., Биструхін Г. С. «Повстанська розвідка діє точно й відважно...». Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення Організації українських націоналістів та Української повстанської армії. 1940–1950 роки. К., 2006.

- Волинь і Полісся: німецька окупація. Кн. 2: Архіви УПА / упор. Є. Штендера, П. Потічний. Літопис УПА. Т. 2. Торонто, 1985.
- Волинь і Полісся: УПА та запілля 1943–1944. Документи і матеріали / Упор. О. Вовк, І. Павленко. Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. К.; Торонто, 1999.
- Волинь, Полісся, Поділля: УПА та запілля 1944–1946: Документи і матеріали / упор. О. Вовк, С. Кокін. Літопис УПА. Нова серія. Т. 8. К.; Торонто, 2005.
- Жаботинский В.* Сионизм и коммунизм. 1932. URL: <http://www.antho.net/library/blau/zj/zjse2.html#linktostr93>
- З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. № 1/2 (2/3). 1995.
- З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. № 1 (12). 2000.
- Історія застерігає. Трофейні документи про злочини німецько-фашистських загарбників та їхніх посібників на тимчасово окупованій території України в роки Великої Вітчизняної війни. К., 1986.
- Київ у дні нацистської навали. За документами радянських спецслужб / упор. Т. В. Вронська, А. В. Кентій, С. А. Кокін, О. Є. Лисенко, Г. В. Смирнов. К.; Львів, 2003.
- Михайленко П. П., Кондратьев Я. Ю.* Історія міліції України у документах і матеріалах: У 3-х т. Т. 2: 1926–1945. К., 1999.
- Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг.: Сб. документов / ред. И. И. Костюшко. М., 1997.
- НКВД и польское подполье (по «Особым папкам И. В. Сталина») / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 1994.
- Нюрнбергский процесс: Сб. материалов / под ред. К. П. Грошенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1954.
- О подготовке Ельнинской операции. Запись переговоров по прямому проводу И. Сталина с начальником ГШ КА Б. Шапошниковым и командиром Резервного фронта Г. Жуковым, 4 сентября 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Накануне. Кн. 1. Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. М., 1995.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Накануне. Кн. 2. 1 января – 21 июня 1941 г. М., 1995.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Начало. Кн. 1. 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Начало. Кн. 2. 31 августа – 31 декабря 1941 г. М., 2000.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. III. Кн. 1. Крушение «блицкрига». 31 декабря 1941 г. – 30 июня 1942 г. М., 2003.

- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. III. Кн. 2. От обороны к наступлению. 30 июня – 31 декабря 1942 г. М., 2003.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. IV. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». М., 2003.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. IV. Кн. 2. Великий перелом. М., 2003.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 г.). М., 2007.
- Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.) М., 2007.
- ОУН і УПА у другій світовій війні // Український історичний журнал. 1995. № 3.
- Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 20 (9). М., 1999.
- Пограничные войска СССР, 1939 – июнь 1941: Сб. документов и материалов. М., 1970.
- Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне, 1941. Сб. документов и материалов. М., 1976.
- Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне, 1942–1945. Сб. документов и материалов. М., 1976.
- Поляки і українці між двома тоталітарними системами 1942–1945. Частина 1. Варшава; К., 2005.
- Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–2). М., 1997.
- Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–3). М., 1997.
- Сергійчук В.* Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–1953 рр. Нові документи і матеріали. К., 1998.
- Сергійчук В.* Новітня каторга. Військовополонені та інтерновані Другої світової в УРСР. К., 2001.
- Сергійчук В.* ОУН–УПА в роки війни. Нови документи і матеріали. К., 1996.
- Сергійчук В.* Поляки на Волині у роки Другої світової війни. Документи з українських архівів і польські публікації. К., 2003.
- Сергійчук В.* Радянські партизани проти ОУН–УПА. К., 2000.
- Сергійчук В.* Український здвиг: Закарзоння. 1939–1947. К., 2004.
- Сергійчук В.* Український здвиг: Прикарпаття. 1939–1955. К., 2005.

- Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 2008.
- Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952.
- Сталин И. В.* Сочинения. М., 1947. Т. 7.
- Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001.
- Украинская ССР в завершающий период Великой Отечественной войны (1944 г. – 1945 г.): Документы и материалы / сост. В. И. Юрчук, Ю. В. Бабко, Д. П. Григорович и др. (Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 3). К., 1980.
- Украинская ССР в первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.): Документы и материалы / сост. В. И. Юрчук, Ю. В. Бабко, Д. П. Григорович и др. (Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1). К., 1980.
- Украинская ССР в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. – конец 1943 г.): Документы и материалы / сост. В. И. Юрчук, Ю. В. Бабко, Д. П. Григорович и др. (Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2). К., 1980.
- Україна в Другій Світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1939–1941). Т. 1 / упоряд. В. М. Косика. Львів, 1997.
- Україна в Другій Світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1941–1942). Т. 2 / упоряд. В. М. Косика. Львів, 1998.
- Україна в Другій Світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1942–1943). Т. 3 / упоряд. В. М. Косика. Львів, 1999.
- Україна в Другій Світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів (1944–1945). Т. 4 / упоряд. В. М. Косика. Львів, 2000.
- Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Збірник документів і матеріалів / упор. О. Дзюбан. Львів; К., 2001.
- Хрущев Н. С.* Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства советской Украины: Доклад председателя СНК УССР на VI сессии Верховного Совета УССР 1 марта 1944 г. в г. Киеве. М., 1944.
- Штрафные части в годы Великой Отечественной войны, публ. Ю. В. Рубцова // Исторический архив. 2007. № 3.
- Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. T. II. Czerwiec 1941 – kwiecień 1943. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990.
- Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. T. III. Kwiecień 1943 – lipiec 1944. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990.
- Kister Anna Grażina.* Meldunki sytuacyjne Komendy Okręgu Lublin AK, maj-lipiec 1944. Lublin, 1998.

- Musial B. [Hrsg.]. Sowjetische Partisanen in Weissrussland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranowici. 1941–1944. Eine Dokumentation. Muenchen, 2004.*
- Окупация і рух опору в dzienniku Hansa Franka 1939–1945. Т. I. 1939–1942. Wydanie drugie. Warszawa, 1972.
- Окупация і рух опору в dzienniku Hansa Franka 1939–1945. Т. II. 1943–1945. Wydanie drugie. Warszawa, 1972.
- Siemaszko Władysław, Siemaszko Ewa.* Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939–45. Т. 1–2. Warszawa, 2000.

Мемуары

- Бегин М.* В белые ночи. М., 1993.
- Бернштейн Л. Е.* 06.12.2007. URL: <http://www.iremember.ru/content/view/568/24/1/24/lang.ru/>
- Ботян А.* Спасение Кракова – самое важное, что я сделал в жизни. (Беседовал Г. Степанов) // Известия. 08. 02. 07. URL: <http://www.izvestia.ru/hystory/article3100963/>
- Боярчук П.* Трагедія Старої Рафалівки: 50-річчя УПА: невідомі сторінки війни [Споміни Р. Сидорчук] // Волинь (Луцьк). 04.08.1992.
- Бринский А. П.* По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. Кн. 1. Горький, 1966.
- Бринский А.* По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. Кн. 2. М., 1961.
- Бульба-Боровець Т.* Армія без держави. Слава і трагедія українського повстанського руху. Спогади. К.; Торонто; Н.-Й., 1996.
- Вершигора П. П.* Люди с чистой совестью. М., 1986.
- Воспоминания ветерана Лельчицкой партизанской бригады ГРУ Т. Марковской (Горбунцовой) / публ. подг.: А. Гогун, М. Cerovic // Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі. 2009. № 1 (5). URL: www.holocaust.kiev.ua
- Гитлер А.* Моя борьба. М., 1992.
- Джилас М.* Разговоры со Сталиным. Франкфурт-на-Майне, 1970.
- Додик С.* Судьба и жизнь мальчика из расстрелянного гетто. URL: <http://www.proza.ru/2004/01/10-149>
- Друян И. Л.* Клятву сдержали. Минск, 1975.
- Західня Україна під большевиками. IX.1939–VI.1941 / за редакцією М. Рудницької. Н.-Й., 1958.
- Ильин В. П.* Партизаны не сдаются! Жизнь и смерть за линией фронта. М., 2007.
- Осадчук (в девичестве – Слипенчук) Антонина, 1924 г. р., бывшая жительница с. Любачев Володарского района Киевской области, ныне проживающая в Киеве. Интервью проведено Т. Пастушенко 12 марта 2005 г. // Личный архив Татьяны Пастушенко.

- Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот... / пер. с нем. Ростов-на-Дону, 2000.
- Клоков В. И.* Ковельский узел. К., 1981.
- Ковпак С. А.* Від Путивля до Карпат. Львів, 1980.
- Кубійович В.* Мемуари. Роздуми. Вибрані листи / упорядкування і вступна стаття проф. О. Шаблія. Париж; Львів, 2000. Т. II.
- Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Минск, 2003.
- Линьков Г. М.* Война в тылу врага. М., 1959.
- Мондич М.* СМЕРШ. (Год в стане врага). Франкфурт-на-Майне, 1984.
- Медведев Д. Н.* Сильные духом: Роман. Донецк, 1990.
- Медведев Д. Н.* Это было под Ровно. М., 1968.
- Мельник Я. И.* 554 дня партизанской войны: Дневник, документы / ред. А. Добровольский. М., 2006.
- Никольский В.* Аквариум-2. М., 1997.
- Никольский В.* ГРУ в годы Великой Отечественной войны. М., 2006.
- Сабуров А. Н.* Силы неисчислимы. М., 1967.
- Сермуль А. А.* 900 дней в горах Крыма: Воспоминания комиссара партизанского отряда. Симферополь, 2004.
- Скорупський М.* «Туди де бій за волю». Спогади курінного УПА. К., 1992.
- Старинов И. Г.* Записки диверсанта. М., 1997.
- Старинов И. Г.* Мины ждут своего часа. М., 1964.
- Старинов И. Г.* Мины замедленного действия. М., 1999.
- Стахів Є.* Крізь тюрми, підпілля й кордони: Півість мого життя / передм. М. Ф. Слабошпицького. К., 1995.
- Строкач Т. А.* Наш позивний – «Свобода» / літературний запис П. Артамонова. К., 1964.
- Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997.
- Судоплатов П. А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.
- Украинская повстанческая армия в воспоминаниях последнего главнокомандующего [Интервью В. Кука, провел А. Гогун] // Новый часовой. 2004. № 15–16.
- Федоров А. Ф.* Подпольный обком действует. М., 1955.
- Хейфец М.* Избранное: в 3 томах. Т. 3: Украинские силуэты; Военнопленный секретарь. Харьков, 2000.
- Шелленберг В.* Лабиринт (Мемуары). Минск, 1998.
- Шнеер А.* Воспоминания / пер. с нем.; вступ. статья Н. Н. Яковлева. Смоленск, 1997.
- Штрик-Штрикфельдт В. К.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993.
- Шуневич В.* «Я просил взрывчатки побольше, а они мне баб прислали!» – возмущился Сидор Ковпак, увидев выходящих из приземлившегося «Дугласа»

- девушек в военной форме [Интервью с Г. Бабий]. 18.06.2007. URL: <http://president.org.ua/news/news-162370/>
- Brouutigam O.* So hat es sich zugetragen. Ein Leben als Soldat und Diplomat. Wuerzburg, 1968.
- Karłowicz Leon* («*Rydz*»). Siydmy dzień pekła. Przeprowa przez front na Pypeci. Lublin, 1996.
- Krasowski Jerzy* («*Lech*»). Wołyński oddział «Kozaka». Szczecin, 1996.
- Kunicki Mikołaj.* Pamiętnik «Muchy». Warszawa, 1967.
- Przez uroczyska Wołyńia i Polesia. Warszawa, 1962.
- Roman Jyzyef.* Moja działalność w AK. Szczecin, 1997.
- Sobiesjak Jyzyef.* Brygada Grunwald. Lublin, 1973.
- Sobiesjak Jyzyef, Jegorow Ryczard.* Burzany. Lublin, 1974.
- Studziński Tadeusz.* Pięć mostów i inne akcje. Wspomnienia partyzanckie oficera Armii Krajowej. Kraków, 1992.
- Yones Eliyahu.* Die Strasse nach Lemberg: Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941–1944 / Bearbeitet von Susanne Heim. Aus dem Hebraeischen uebersetzt im Auftrag der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Verfolgung der NS–Verbrechen, Ludwigsburg. Frankfurt/Main, 1999.

Исследования

- Александров К. М.* Русские солдаты Вермахта. М., 2005.
- Антонов В. С.* «Передышки в жизни ему не выпадало» // Независимое военное обозрение. 22. 08. 2008. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2008-08-22/14_medvedev.html
- Армстронг Джон.* Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943 / пер. с англ. О. А. Федяева. М., 2007.
- Армстронг Джон.* Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944 / пер. с англ. О. А. Федяева. М., 2007.
- Архіви окупації. 1941–1944 // Держ. ком. архівів України / упоряд. Н. Маковська. К., 2006.
- Безсмертя: Книга пам'яті України, 1941–1945. К., 2000.
- Беркгоф К.* Жива розпачу. Життя і смерть в Україні під нацистською владою / автор. перекл. з англ. Т. Цимбал. К., 2011.
- Беркгоф К.* «Поголовное уничтожение еврейского населения»: Холокост в советских СМИ (1941–1945) // Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі. 2010. № 1 (7). URL: www.holocaust.kiev.ua
- Боярский В. И.* Партизаны и армия: История утерянных возможностей / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск; М., 2003.
- Боярчук П. О.* Дорогами болю. Луцьк, 2003.
- Бурдс Дж.* Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М.; Н.-Й., 2006.

- Веремеев Ю.* Водка на фронте. URL: <http://www.opohmel.ru/low/narkom.asp>
- Верютин Д. В.* Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дисс. к. и. н. Курск, 2002.
- Волюшин Е.* Партизаны убивали мирных жителей? // Комсомольская правда в Белоруссии. 28. 09. 2007 г. URL: <http://minsk.kp.ru/2007/09/28/doc199433>
- Веденеев Д. В., Биструхін Г. С.* Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та Української повстанської армії. 1920–1945. К., 2006.
- Вінок безсмертя: Книга-меморіал / редкол.: О. Ф. Федоров (голова), В. А. Маняк (керівник колективу авт.-упоряд.) та ін. К., 1987.
- Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997.
- Герои Советского Союза: Историко-статистический сборник / Д. Н. Артамонов, А. А. Бабаков, Н. В. Борисов и др.; под ред. И. Н. Шкадова. М., 1984.
- Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. Т. 1. М., 1987.
- Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. Т. 2. М., 1988.
- Гладков Т.* Остаюсь чекистом! О Герое Советского Союза Д. Н. Медведеве. М., 1989.
- Глебов В.* Война без правил. Преданный резидент. М., 2005.
- Гогун А., Бекас Д.* Агенты в белых халатах // Зеркало недели. (748) 6–12. 06. 2009. № 20. URL: <http://www.zn.ua/3000/3150/66345/>
- Гогун А., Вовк А.* Евреи в борьбе за независимую Украину // Корни. Январь–март 2005. № 25.
- Гогун А., Капась И.* Солдат пяти армий // Еврейская газета. Март 2011. № 3 (103). URL: www.evreyskaya.de
- Гогун А., Кентий А.* Как Красная армия взрывала НКВД. Вместе с Киевом // Посев. 2006. № 9.
- Гогун А.* Евреи в советском партизанском движении Украины в годы Второй мировой войны // Корни. Январь 2007. № 33.
- Гон М.* Із кривдою на самоті. Українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі. Рівне, 2005.
- Гофман Й.* Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы / пер. с нем. М., 2006.
- Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. с англ. М., 2001.

- Дерейко І. І.* Місцеві військові формування збройних сил Німеччини на території Рейхскомісаріату «Україна» (1941–1944 роки). Дисс. на здоб. наук. ступ. к. і. н. К., 2006.
- Дерейко І. І.* Місцеві військові формування Збройних сил Німеччини на території Рейхскомісаріату «Україна» (1941–1944 роки). Дисс. на здоб. наук. ступ. к. і. н. К., 2006.
- Деятельность внешней разведки в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). URL: <http://svr.gov.ru/history/stage05.htm>
- Диксон Ч. О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия / пер. с англ. М., 1957.
- Дин М.* Посібники Холокоста. Преступлення местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944 г. СПб., 2008.
- Дмитриев Д. М.* Военные партизаны. Летопись военной части 9903. М., 2006.
- Доманк А., Сбойчаков М.* Подвиг доктора Михайлова. М., 1971.
- Доманк А. С., Сбойчаков М. И.* Шепетовские подпольщики. М., 1972.
- Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. М., 2004.
- Друга світова війна і доля народів України. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 23–24 червня 2005 р. К., 2005.
- Елин Д. Д.* Партизаны Молдавии. (Из истории партизанского движения молдавского народа в годы Великой Отечественной Войны Советского Союза). Кишинев, 1974.
- Елисаветский С.* Полвека забвения: Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944). К., 1998.
- Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб., 2002.
- Зевелев А. И., Рурлат Ф. Л., Козицкий А. С.* Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991.
- Льюшин І. І.* Волинська трагедія 1943–1944 р. К., 2003.
- Льюшин І. І.* Протистояння УПА і АК (Армії Крайової) в роки Другої світової війни. На тлі діяльності польського підпілля в Західній Україні. К., 2001.
- История Украинской ССР: в 10 т. Т. 8. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). К., 1984.
- Калиниченко В. В.* Крестьянская поземельная община на Украине в доколхозный период // Вестник Харьковского университета. 1984. № 266: Социалистическое и коммунистическое строительство в СССР и странах социалистического содружества. Ненум. вып. Харьков, 1984.
- Кафанова Л.* Сицилийская мафия на службе государства // Чайка. 5. 08. 2005. № 15 (50).
- Кеитій А.* Війна 1941–1945 рр. очима її учасників і очевидців (за документами ЦДАГО України) // Архіви України. 2005. № 1–3 (256).
- Кеитій А. В.* Нарис боротьби ОУН–УПА в Україні (1946–1956 рр.) К., 1999.
- Кеитій А. В.* Нариси історії Організації українських націоналістів в 1941–1942 рр. К., 1999.

- Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1942–1943 рр. К., 1999.
- Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. К., 1999.
- Кентій А., Лоцицький В.* Війна без пощади і милосердя: Партизанський рух у тилу вермахта в Україні (1941–1944). К., 2005.
- Ковба Ж. М.* Людянись у безодни пекла. Поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання». К., 1998.
- Колтакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. М., 1999.
- Колтакиди А. И., Прохоров Д. П.* КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000.
- Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні / пер. із фр. Р. Осадчука. Париж; Н.-Й.; Львів, 1993.
- Кубійович В.* Том 1. Наукові праці / упорядкування і вступна стаття проф. О. Шаблія. Париж; Львів, 1996.
- Кузьмин М. К.* Медики – Герои Советского Союза. М., 1969.
- Кукридж Э.* Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940–1945 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2003.
- Куранов И. А.* Женщины и коммунизм. Н.-Й., 1968.
- Куранов И. А.* Семья в СССР, 1917–1967. Н.-Й., 1967.
- Малаков Д.* Оті два роки... У Києві при німцях. К., 2002.
- Мищенко Г. Л., Мигрин Г. П.* Задача особой важности. К., 1985.
- Наулко В. І.* Етнічний склад населення Української РСР. Статистико-картографічне дослідження. К., 1965.
- Николаенко В.,* председатель сельсовета с. Любачев Володарского района Киевской области. Письмо научному сотруднику Института истории Национальной академии наук Украины Татьяне Пастушенко о сожжении указанного села 23 декабря 1943 г. немцами и уничтожении его жителей, № 125–02–14, 2 октября 2006 г. // Личный архив Татьяны Пастушенко.
- Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Історичні нариси. К., 2005.
- ОСНАЗ. От Бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг. М., 2001.
- Партизанское движение в Белоруссии. URL: <http://mod.mil.by/51partizany.html>
- Партизанское движение в Великой Отечественной войне 1941–1945 // Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru/>
- Партизанское движение. (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001.
- Павлов А. Г.* Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2.

- Пам'ять житиме в віках. 2005–09–30. URL: <http://zhitomir-region.gov.ua/index.php?mode=news&id=1078>
- Патриляк І. К.* Легіони Українських Націоналістів (1941–1942): Історія виникнення та діяльності. К., 1999.
- Перечень мест хранения архивных документальных материалов партизанских соединений, бригад, отрядов и оперативно-чекистских групп, действовавших по линии органов госбезопасности в тылу противника в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1980.
- Пленков О. Ю.* Третий рейх. Нацистское государство. СПб., 2004.
- Пленков О. Ю.* Третий рейх. Война: до критической черты. СПб., 2005.
- Політичний терор і тероризм в Україні. К., 2002.
- Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003.
- Попов А. Ю.* Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004.
- Пронин К.* Подземная ловушка: катакомбы К-5 // «Алфедыч»: Повесть. Одесса, 2005.
- Разведка СССР в годы Великой отечественной войны. URL: <http://www.agentura.ru/culture007/history/ww2/ussr/razvedka>
- Репрессии против поляков и польских граждан // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997.
- Романько О.* Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах Вермахта и СС. М., 2006.
- Свое и чужое в культуре народов европейского Севера. Материалы 6-й международной научной конференции. Петрозаводск, 2007.
- Семиряга М. И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- Сталин и немцы: Новые исследования / под ред. Ю. Царусски; [пер. с нем. Т. Г. Ваньят; науч. ред. С. З. Случ]. М., 2009.
- Содоль П.* Українська повстанча армія, 1943–1949. Довідник. Ч. 1. Н.-Й.; Тернопіль, 1994.
- Содоль П.* Українська повстанча армія, 1943–1949. Довідник. Ч. 2. Н.-Й.; Тернопіль, 1995.
- Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.
- Соколов Б. В.* Тайны Второй мировой. М., 2001.
- Соловьев А. К.* Они действовали под разными псевдонимами. Минск, 1994.
- Субтельный О.* Украина: история. К., 1994.
- Сусленький Я. М.* Справжні герої. Про участь громадян України у рятуванні євреїв від фашистського геноциду. К., 1993.
- Сьтшик Е. В.* Под псевдонимом «Дорошенко»: к 100-летию со дня рождения организатора и руководителя подпольной спецгруппы органов НКВД «Авангард» разведчика «Дорошенко» (Головатого Р. Н.). Донецк, 2002.

- Тинченко Я.* Еврейские формирования Западной Украины. Гражданская война // Егупец. № 12. URL: http://judaica.kiev.ua/Eg_12/Eg12-10.htm
- Україна в 20-ті – на початку 90-х років ХХ століття. Короткий демографічний огляд. К., 1992.
- Україна партизанська. Партизанські формування та органи керівництва ними (1941–1945 рр.): Науково-довідне видання / автори-упорядники: О. В. Бажан, А. В. Кентій, В. С. Лозицький та ін. К., 2001.
- Цурганов Ю.* Двадцать второе июня // Посев. 2000. № 6.
- Чайковский А. С.* Невідомо війна. Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр. мовою документів, очима історика. К., 1994.
- Чисніков В.* Керівники органів державної безпеки Радянської України (1918–1953) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2000. № 2/4 (13/15).
- Чорний С.* Національний склад населення України в ХХ сторіччі. Довідник. К., 2001.
- Шук Н.* Дорога подвига и бессмертия. Брянск, 2003.
- Щеров И. П.* Партизаны: организация, методы и последствия борьбы (1941–1945). Смоленск, 2006.
- Anderson Truman.* “Incident at Baranivka: German Reprisals and the Soviet Partisan Movement in Ukraine, October–December 1941” // Journal of Modern History. 71: 3 (September 1999).
- Angrick Andrej.* Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der suedlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003.
- Arnold Klaus Jochen.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegfuehrung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». Berlin, 2005.
- Ausbeutung, Vernichtung, Oeffentlichkeit. Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik. Muenchen, 2000.
- Babrowski Joerg.* Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. 2. Aufl. Muenchen, 2004.
- Bartov Omer.* The Eastern Front, 1941–45: German Troops and the Barbarization of Warfare. N. Y., 1986.
- Berkhoff Karel.* Harvest of Despair: Life and Death in the Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004.
- Bonwetsch Bernd.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. Legenden und Wirklichkeit des “allgemeines Volkskrieges”, in: Partisanen und Volkskrieg. Zur Revolutionierung des Krieges im 20. Jahrhundert. Hg. v. Gerhard Schulz. Göttingen, 1985.
- Brakel Alexander.* “Das allergefaehrlichste ist die Wut der Bauern”. Die Versorgung der Partisanen und ihr Verhaeltnis zur Zivilbevoelkerung. Eine Fallstudie zum Gebiet Baranowicze 1941–1944 // Vierteljahreshaefte fuer Zeitgeschichte. Sonderdruck aus Heft 3/2007.

- Bruder Franziska*. "Den ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!" Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN), 1929–1948. Berlin, 2007.
- Die Buerokratie der Okkupation. Berlin, 1998.
- Bruds Jeffrey*. Sexual Violence in Europe in World War II, 1939–1945 // *Politics and Society* (March, 2009).
- Butler Rupert*. Stalin's Secret War: The NKVD on the Eastern Front. Barnsley, 2010.
- Dallin Alexander*. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie ueber Besatzungspolitik. Duesseldorf, 1958.
- Deutschen Reich und Zweiten Weltkrieg. Band 9/2. Muenchen, 2005.
- Die Deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten, 1941–1943. Der Abschlussbericht des Wirtschaftststabes Ost und Aufzeichnung eines Angehoerigen des Wirtschaftskommandos Kiew / Hrsg. und Einl. Von Rolf-Dieter Mueller. Boppard am Rhein, 1991.
- Dușu Alesandru Dobre, Florica Loghin Leonida*. Armata Română în al Doilea Război Mondial 1941–1945. București, 1999.
- Gogun A*. Stalinowska wojna partyzancka na Ukrainie 1941–1944, część 1 // *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2006. № 2.
- Gogun A*. Stalinowska wojna partyzancka na Ukrainie 1941–1944, część 2 // *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2007. № 1.
- Gogun A*. Ukraińskie podziemie antykomunistyczne w historiografii ukraińskiej po odzyskaniu niepodległości, 1991–2006 // *Polskie podziemie niepodległościowe na tle konspiracji antykomunistycznych w Europie Środkowo-Wschodniej w latach 1944–1956*, red. Sławomir Poleszak. Warszawa; Lublin, 2008.
- Gogun A., Dereiko I*. In catacombe odesseie // *Magazin istoric*. № 11. 2011.
- Golczewski, Frank* Deutsche und Ukrainer 1914–1939. Paderborn u. a. 2010.
- Heaton, Colin D*. Occupation and Insurgency. A Selective Examination of The Hague and Geneva Conventions on the Eastern Front, 1939–1945 / ed. by Steve Greer. Algora Publishing, N. Y., 2008.
- Heaton Colin D*. German Anti-Partisan Warfare in Europe 1939–1945. Atglen, PA. 2001.
- Hesse Erich*. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle. Goettingen; Zuerich; Frankfurt, 1969.
- Juchmiewicz Mieczysław*. Na Wschód od Bugu. Polacy w walce antyhitlerowskiej na ziemiach ZSRR 1941–1945. Warszawa, 1985.
- Kucherenko Olga*. Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–45. Oxford, 2011.
- Lieb Peter*. Wegweiser zum Vernichtungskrieg? Deutsche Partisanenbekaempfung in der Ukraine 1918 [Ein Vortrag] // *Krieg, Gewalt und Besatzung – Partisanenkrieg im 20. Jahrhundert. – Workshop des Deutschen Komitees fuer die Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Wiesbaden, 12./13. Oktober 2003*.

- Lower Wendy*. Nazi Empire Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill, 2005.
- Marples David*. Stalinism in Ukraine in the 1940s. N. Y., 1992.
- Montefiore Simon*. *Sebag* Stalin. Am Hof des roten Zaren. Muenchen, 2005.
- Motyka Grzegorz*. Tak bylo w Bieszczadach: walki polsko-ukrainskie, 1943–1948. Warszawa, 1999.
- Motyka Grzegorz*. Ukraińska partyzantka 1942–1960. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów (OUN)i Ukraińskiej Powstańczej Armii (UPA). Warszawa, 2006.
- Mulligan Timothy*. The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943. N. Y., 1988.
- Musial Bogdan*. “Kontrevolutionaere Elemente sind zu erschliessen”: Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. Berlin; Muenchen, 2000.
- Musial Bogdan*. Sowjetische Partisanen. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn, 2009.
- Newland Samuel J.* Cossacks in the German Army, 1941–1945. London, 1991.
- Overy Richard*. Russlands Krieg 1941–1945 / Aus dem Englisch von Hainer Kober. Hamburg, 2003.
- Paczyńska Irena*. O latach wspólnej walki. Obywatele radzieccy w ruchu partyzanckim na ziemi kieleckiej i krakowskiej. Warszawa, 1978.
- Pohl Dieter*. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008.
- Richter Timm C.* “Herrenmensch” und “Bandit”. Deutsche Kriegsführung und Besatzungspolitik als Kontext des sowjetischen Partisanenkrieges (1941–1944). Münster, 1998.
- Die polnische Heimatarmee. Geschichte und Mythos der Armia Krajowa seit dem Zweitem Weltkrieg / Im Auftrag des MGFA herausgegeben von Bernhard Chiari unter Mitarbeit von Jerzy Kochanowski. Muenchen, 2003.
- Pottgieser Hans*. Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzug 1939–1944. Stuttgart, 1960.
- Rieber Alfred J.* Civil Wars in the Soviet Union // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 4(1): 129–62. Winter 2003.
- Romanowski Wincenty*. ZWZ–AK na Wołyniu 1939–1944. Lublin, 1993.
- Schmieder K.* Partisanenkrieg in Jugoslawien 1941–1944. Hamburg u. a., 2002.
- Schulte Theo*. The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. Oxford, 1989.
- Shepherd Ben*. War in the Wild East. The German Army and the Soviet Partisans. Cambrige, Mass. London, 2004.
- Slepyan Kenneth*. Stalin’s Guerrillas. Soviet Partisans in World War II. University Press of Kansas, 2006.

- Torzecki Riczard.* Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1993.
- Turowski Jysef.* Pożoga. Walki 27 Wołyńskiej Dywizji AK. Warszawa, 1990.
- Ungvari Kristian.* Ungarische Besatzungskraefte in der Ukraine 1941–1942 // Ungarn-Jahrbuch. Zeitschrift fuer interdisziplinaere Hungarologie. Band 26. Jahrgang 2002/2003. Muenchen, 2004.
- Węgierski Jerzy.* W lwowskiej Armii Krajowej. Warszawa, 1989.
- Węgierski Jerzy.* Armia Krajowa w Okręgach Stanisławyw i Tarnopol. Krakow, 1996.
- Weiner Amir.* *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution.* Princeton, 2001.
- Wilhelm Hans-Heinrich.* Der SD und die Kirchen in den besetzten Ostgebieten 1941/42 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. № 1 (Freiburg). 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
1. Организация украинских партизанских отрядов в 1941–1944 гг. и руководство ими	23
1.1. От НКВД УССР к УШПД	24
1.2. Роль НКВД СССР, НКГБ УССР и ГРУ в партизанской борьбе	37
1.3. Вопросы взаимодействия партизан различных ведомств и контроля со стороны зафронтовых органов руководства	52
2. Краткий обзор истории советской партизанской борьбы в Украине	58
2.1. Первый год, разгромный	58
2.2. Второй год, переломный	81
2.3. Третий год: успехи и сложности	104
2.4. Война украинских повстанцев против украинских партизан.	132
3. Основные направления деятельности красных партизан	158
3.1. Уничтожение хозяйственных объектов	158
3.2. Боевые действия и диверсии на коммуникациях	171
3.3. Террор	200
3.4. Разведка	231
3.5. «Задачи по “Т”»	256
3.6. Пропаганда	301
4. Личный состав партизанских формирований	320
4.1. Социальный состав отрядов. Принципы набора и социально-психологический портрет партизан	320
4.2. Численность партизанских отрядов и групп	339
4.3. Национальный состав украинских партизанских формирований	342
5. Проблемные вопросы истории советской партизанской войны	361
5.1. Обеспечение партизан продовольствием и одеждой	361
5.2. К вопросу о провоцировании красными партизанами нацистского террора	376

6. Дисциплинарные нарушения в партизанских отрядах	390
6.1. Разбой	391
6.2. Пьянство	406
6.3. Разврат	422
7. Внутренние конфликты в партизанских структурах	435
7.1. Конфликты между партизанами различных ведомств	435
7.2. Конфликты между командованием отрядов и УШПД	446
7.3. Конфликты между командирами отрядов УШПД	460
7.4. Конфликты внутри отрядов УШПД	469
Вместо заключения: сталинская партизанская война – особенности стиля	483
Схема руководства украинскими партизанскими формированиями в 1943–1944 гг.	502
Список сокращений	503
Использованные источники и литература	506

Научно-популярное издание

История сталинизма

Гогун Александр

СТАЛИНСКИЕ КОММАНДОС
Украинские партизанские формирования
1941–1944

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Г. М. Соколова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.00.2011.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 33. Тираж экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)